

ТАНИТ ЛИ

FANTASY

ORION

ТАНИТ ЛИ

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА

Романы
ТАНИТ ЛИ,
выходящие в серии
«ORION»

Трилогия
«БЕЛАЯ ВЕДЬМА»

Книга первая:

ВОССТАВШАЯ ИЗ ПЕПЛА

Книга вторая:

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА

Книга третья:

В ПОИСКАХ БЕЛОЙ ВЕДЬМЫ

ТАНИТ ЛИ

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА
В ПОИСКАХ БЕЛОЙ ВЕДЬМЫ

Библиополис
Санкт-Петербург
1994

ББК 87.7 (США)
Л 55

TANITH LEE

Vazkor, Son of Vazkor. Quest for the White Witch

Copyright © 1978 by Tanith Lee

All Rights Reserved

Публикуется с разрешения издательства «DAW Books, Inc.»
и представителя издательства Александра Корженевского
(Россия, Москва 113105, МП, а/я 130).

Л 55 Ли, Танит Вазкор сын Вазкора. В поисках Белой ведьмы.
Романы. — Перевод с английского. — СПб.,
ОО «Издательство Библиополис», 1994. 552 с.

Книга включает вторую и третью части знаменитой трилогии
Танит Ли о волшебнице Уастис.

Выросший среди полудиких племен, ее сын открывает тайну
своего рождения и отправляется на поиски матери.

Не любовь его ведет в этих поисках, а ненависть.

Любое издание данного произведения
без разрешения издательства
подлежит преследованию
в соответствии с законами Российской Федерации
и международного права.

По всем вопросам обращаться по адресу:

БИБЛИОПОЛИС,
198147, Санкт-Петербург, Бронницкая 15.

© 1994, ОО «Издательство Библиополис»

© 1994, А. И. Берестова («Вазкор сын Вазкора»);

Н. Л. Губина, Е. В. Дворецкая и Е. Г. Покровская («В поисках
Белой ведьмы»); перевод с английского

© 1994, К. Шве́ц: оформление

ISBN 5-7435-0078-9

Вазкор сын Вазкора

Книга первая

Часть I: Крарл

1

Однажды летом, когда мне было девять лет, змея укусила меня в бедро. Я очень мало помню из того, что было после, только отрывочное ощущение времени и безумный жар, как будто все тело в огне, и как я метался, чтобы избавиться от него. А потом все кончилось, и мне стало лучше, и я снова бегал по зеленым склонам среди белых камней. Позже я узнал, что должен был умереть от яда змеи. Тело мое стало от него серо-голубым и желтым; хорошенькое зрелище я, должно быть, представлял собой. Однако я не умер, и от укуса не осталось даже шрама.

И это был не единственный случай, когда я соприкоснулся со смертью. Когда меня отлучили от груди, я отрывал все, что мне давали, кроме козьего молока. Судьба другого ребенка на этом бы и закончилась, ибо жители крарла великодушно оставляют своих слабых на съедение волкам. Но я был сыном вождя дагкта от его любимой жены и, несомненно, мольбы моей матери спасли меня. Вскоре я окреп, и терпение моего отца было вознаграждено.

Я выжил в борьбе, и мои дни были наполнены ею. Когда я не сражался за свою жизнь, я сражался со всеми детьми мужского пола в крарле, поскольку, хоть я и был сыном Эттука, моя мать не была женщиной этого племени, а я с первого дня жизни был во всем похож на нее. Иссиня-черные волосы, шелковистые у нее и как львиная грива у меня, и ее черные глаза, глубокие как покров ночного неба.

Мои самые ранние воспоминания — о матери. Как она сидела и расчесывала мои волосы, раскинутые по плечам. Она снова и снова погружала деревянный гребень в эти космы, исполненная чувством собственности всех матерей. Она гордилась мной, а я был горд тем, что она гор-

дится мной. Она была красивая, Тафра, и она была как я. Я облокачивался на ее колени, пока она расчесывала меня, и даже тогда, я помню, костяшки моих пальцев были покрыты кровью. Я порезал их о чьи-то зубы, которые я расшатал за то, что они обзывали ее. С самого начала я сознавал свою необычность и то, что выделяюсь из общей массы. Я не забывал об этом ни на час. Это укрепило и закалило меня, и научило держать язык за зубами, что потом очень пригодилось. Моя мать Тафра сверкала как звезда среди краснокожих и желтокожих людей. Даже ребенку, каким я тогда был, было ясно, что они ненавидят ее за ее обаяние и положение, а меня они ненавидели как символ. Когда я сражался с ними, я сражался за нее. Она была скалой за моей спиной. Моей мечтой было превзойти их всех, чтобы утвердить ее права и заслужить ее одобрение. Это мое желание превосходства и нелюбовь распространялись и на отца.

Эттук был грубым краснокожим мужчиной. Красная свинья. Когда он входил в палатку, меня охватывало раздражение. Другим он говорил: «Вот мой сын», хвастался моим ростом, моими крепнущими мускулами, хвастался, потому что это он сделал меня, как хорошее копье. Но когда я вызывал его неудовольствие, он бил меня, однако не совсем так, как воин бьет своего сына, чтобы вложить разум или выбить дурь через задницу, в зависимости от того, что требуется; Эттук бил меня с удовольствием, потому что я был его собственностью и он мог меня бить, но не только поэтому. Позже, когда я стал старше, я понял, что каждый из этих ударов говорил: «Завтра ты станешь сильнее меня, так что сегодня я буду сильнее тебя, и если я сломаю тебе спину, это только к лучшему».

Кроме того, я совсем не был похож на него. Его свиной мозг терзало неясное подозрение, что Тафра зачала меня от кого-то из ее племени еще до того, как он сжег их крарл и взял ее в качестве военной добычи. У него были сыновья от других женщин, но Тафру он высоко ценил. Я видел, как он стоял и смотрел на какой-то из награбленных браслетов, который он собирался надеть на нее, и его член вздыбливал леггинсы на нем только от этого. Я мог бы убить его тогда, этого красного борова, хрюкающего от желания обладать белым телом моей матери. Возможно, это самая древняя, но всегда новая ненависть мужчины к мужчине. Одним словом, Эттук и я не были друзьями

Время Обряда для мальчиков наступило для меня, когда мне было четырнадцать. Обряд всегда приходится на месяц Серого Пса, второй из месяцев Пса, во время зимней стоянки.

Весной племена уходили в поисках плодородных земель за пределы Змеиной Дороги; во время листопада они возвращались и поднимались в горы. Долины, расположенные высоко в горах и укрытые между зубчатыми вершинами, меньше страдали от резких ветров и снега. В некоторых местах долины лежали ниже линии снегов; там цвели травы и вечнозеленые растения, и стремительно летели вниз водопады, слишком быстрые, чтобы замерзнуть. Здесь паслись олени и бродили медведи, медлительные и неповоротливые, легкая добыча для охотничьих стрел.

Эттук зимовал обычно по соседству с другими крарлами, отличавшимися от дагкта. Это были краснокожие скойана и хинга и желтоволосые моуи, располагавшиеся на расстоянии не более пяти миль, все в состоянии натянутого мира. Это время было слишком холодным для ведения войн. Мужчины строили длинные тоннели из уплотненного снега, камней, козьих шкур, глины и веток, и палатки ютились под ними или в пещерах, напоминавших перегородки в подножии гор. Зимой занятий было мало. Время проходило главным образом за рассказами, выпивкой, азартными играми, едой и сексом. Иногда эту монотонность нарушали стычки между соперничающими охотничьими группами. Если один мужчина убивал другого во время перемирия, он должен был платить Кровавый Выкуп, поэтому воины убивали друг друга с оглядкой и редко. Ритуал крарла был единственным оживляющим событием.

Обряд для мальчиков был одним из таинств мужской жизни. Ни один мужчина не становился воином, не пройдя через него. С тех пор, как себя помню, я знал, что это мне предстоит, эта веха моей жизни, и я испытывал ужас, совершенно не понимая почему. Но я скорее проглотил бы язык, чем признался в этом. Даже матери я не признавался. Я не мог допустить, чтобы она видела мою слабость.

В листопад я овладел одной девушкой. Она была примерно на год старше меня и заигрывала со мной, а потом страстно раскаялась в этом, когда я принял ее кокетни-

чанье всерьез. Она преследовала меня, чтобы опозорить, так как больше всего ненавидели Тафру женщины и передали эту ненависть своим дочерям. Девушка, несомненно, думала, что я еще не созрел, но она ошибалась. Она кричала от боли и гнева и кусала мои плечи, пытаясь сбросить меня, но шайрин — ее женская вуаль-маска — при-
туплял зубы, а мне все это доставляло слишком много удовольствия, чтобы отпустить ее.

Когда я кончил и обнаружил, что у нее идет кровь, мне на мгновение стало жаль ее, но она сказала: «Ты, подонок вне племени, ты тоже будешь истекать кровью и вопить, когда в тебя войдут иглы. Я надеюсь, они, может быть, убьют тебя».

Вообще женщины боялись и почитали мужчин крарла, но по отношению ко мне она испытывала некоторую храбрость, потому что я был сыном Тафры. Я держал ее за волосы, пока она не захныкала.

— Я знаю об иглах. Так наносятся знаки воина. Не думай, что я буду скулить под ними, как девица с ключом в ее замке.

— Ты, — прошипела она, — будешь извиваться. Ты распухнешь и умрешь от этого. Я попрошу Сил-На наслать на тебя проклятье.

— Давай проси. Ее проклятья воняют, как она сама. А что до тебя, так ты должна поблагодарить меня. Я оказал твоему будущему мужу услугу, ты оказалась труднопроходимой сукой.

Тут она попыталась выколоть мне глаза, и я ударил ее, заставив передумать. Ее звали Чула, мою первую жену, как потом вышло; так что изнасилование было в каком-то отношении пророческим.

Все же ее слова привели меня в угнетенное состояние. Татуировка, которая была частью Обряда, тревожила меня давно — Чула лишь высказала эту тревогу.

У меня было странное тело, и это я уже знал благодаря укусу змеи и другим вещам. Я темнел на солнце и бледнел зимой, как и все люди, но на коже никогда не было пятен, и ничто не оставляло на ней шрамов. Как бы желая уравновесить эти свойства, мой организм не переносил ничего незнакомого, что попадало внутрь, даже пищи. Сочное жареное мясо вызывало у меня рвоту, если я съедал больше одного-двух крошечных кусочков; их пиво было для меня отравой. Я наконец начал задавать себе вопрос, как на ме-

ня действуют яркие чернила жрецов и иглы, введенные в руки и грудь. В результате мне пришло в голову, что я, вероятно, умру, как сказала эта девушка, и это вызвало неистовую злость. Было невыносимо думать, что я погибну из-за чего-то презренного и оставлю мать одну в палатке Эттука. И я ничего не мог сказать, так как выковал из себя железного человека.

Накануне дня Обряда я пошел охотиться один, поднимаясь и спускаясь по заснеженным краям долины под покровами скрежещущего ветра. Несмотря на мои четырнадцать лет никто лучше меня не владел стрелой и копьем.

У заводи паслись две коричневые самки оленя. Я убил их одну за другой почти за секунду. Когда я подошел выпустить из них кровь, чтобы облегчить их вес, что-то оборвалось у меня внутри как камень, сорвавшийся с горы. Впервые, убив, я понял, что отнял чью-то жизнь, нечто, что принадлежало кому-то. Олени, которых приходилось волочить по снегу, были тяжелыми, как свинец, и дряблыми, как мешки, из которых вылились вино. Я пожалел, что сделал это; у нас было достаточно мяса. Однако я чего-то добивался и вскоре, возвращаясь назад с добычей, я увидел зайца и убил его тоже и принес к палаткам.

Мужчины смотрели на то, что я принес, с возмущением, а некоторые из молодых женщин не удержались от восклицаний. Кое-кому на женской половине я начинал немножко нравиться. После Чулы были другие, более благосклонные, но тоже готовые вопить и жаловаться потом. Однако, как я заметил, они приходили снова.

Эттука не было. Он пил с другими вождями дагкта на южной стороне лагеря. Он не заходил к моей матери, пока не возвращался к вечерней еде или не напивался до буйства, или и то и другое вместе. Тафра сидела в своей темно-синей палатке и ткала на станке, вымеченном у моуи. Они говорили, что получили его от людей из города, что к западу от гор, где отшумели и закончились войны, оставив после себя только руины.

Война шла между древними городами с незапамятных времен, но это была величественная война, с правилами, как в танце. Потом появился кто-то, кто все изменил. Племена знали об этом из отрывочных рассказов беженцев, которые переходили через горы, чтобы избежать сражений. Одна сказка, сразу подвергнутая сомнению, была о

богине, выросшей на земле. Населению племен больше приходилось по вкусу история о могущественном и честолюбивом муже, который втянул города в битву за свои собственные цели, был убит и предоставил войне полыхать самой по себе, неуправляемой и никем не возглавляемой. В первые пять или шесть лет после моего рождения города нападали друг на друга, как умирающие драконы, и были разодраны в клочья. После этого оставшиеся в живых бродяжничали кучками, пираты в своих родных местах, ожесточенные, безумные и безрассудно гордые. Таких банд было больше тысячи, и у каждой своя вера и какой-нибудь сумасшедший командир или принц. Иногда проходил слух об их налете на селения за горами и о том, что они увели в рабство мужчин из племен. Городские господа всегда считали себя выдающимися; никто из людей не был им ровней. Моуи, однако, вели с ними торговлю у сожженных руин, которые жители крарлов называли Эшкир. Городские воины странно выглядели. По слухам, их лица всегда скрывали маски, как у наших женщин, только их маски были из бронзы, железа или даже серебра и золота, хотя одеты они были в шкуры животных и лохмотья. Из потертых поводьев их коней сыпались драгоценные камни, а у лошадей от голода торчали ребра. Рассказывали также байку, будто эти городские мужчины не едят и обладают волшебными силами. Их никогда не видели зимой, потому что проходы были засыпаны глубоким снегом, и в любое время они редко углублялись на восток.

На станке из Эшкира моя мать ткала алое полотно с каймой из затейливого переплетения черного, темно-бордового и желтого цветов. Это будет для него. Мой гнев вспыхнул с новой силой от вида матери, работающей на Эттука в мои последние часы в этом мире. Я чувствовал, что она должна принадлежать исключительно мне, потому что я был уверен, что завтрашний день означал мой конец, и старался до отказа заполнить делами сегодняшний.

Ее волосы, когда она работала, были распущены. Они были цвета чернослива, а кожа ее была по-зимнему белой, как теплый снег. Когда я стану воином, по закону племени она должна будет закрывать лицо передо мной, как перед всеми другими мужчинами за исключением мужа. Но пока это еще не было нужно. По обычаям племени она была

старой для невесты, она родила меня в двадцать девять лет; но в полусвете палатки она выглядела совсем молоденькой девушкой. Глаза ее были полузакрыты под действием ритмичного шума станка, и только браслеты на руках слабо позванивали, когда она передвигала челнок.

Я долго стоял и наблюдал за ней и не думал, что она меня видит, но вдруг она сказала:

— Я слышала, он охотился, Тувек, мой сын, и принес добычу, которой этой палатке хватит на много дней.

Я ничего не ответил, поэтому она повернулась и стала смотреть на меня своим особым способом, опустив голову и глядя снизу вверх, полусмеясь. Даже когда она стояла и была выше меня, эта ее манера смотреть создавала ощущение, что я возвышаюсь над ней. И когда ее глаза останавливались на мне, они зажигались особым светом, что не было игрой. Когда это случалось, в ее обнаженной до дна душе было видно, что вся ее радость во мне.

— Подойди, — говорила она, протягивая руку, — подойди сюда и дай мне посмотреть на это дитя от плоти моей, подобное богу. Может ли это быть, что я выносила тебя?

И когда я подходил к ней, она опускала руки, легкие, как лепестки, мне на плечи и смеялась надо мной и над своим восхищением мной, пока я не начинал смеяться тоже.

Ни один другой мальчик крарла не потерпел бы такого от своей матери, и поэтому они изобрели для меня несколько дополнительных прозвищ. Начиная с семилетнего возраста мальчик принадлежит отцу. Он во всем ему подражает, ест с мужчинами и спит в палатке для мальчиков, и с пренебрежением относится к женщинам с их стряпней и шитьем. Если женщина прикасается к нему, он стряхивает ее руку, хмурясь, как будто это птичий помет упал на него с неба, если только ему не терпится отправиться в путь между ее бедрами. Но другие женщины были не такие, как Тафра, их костлявые лапы были подобны тискам, не то что легкие руки Тафры, их лица без шайрина, конечно, не были похожи на ее прекрасное лицо, и их затхлый женский запах был зловонным, как кошачий. От Тафры всегда пахло ароматной свежестью, усиливаемой разными благоуханиями. Даже после того, как боров бывал с нею, она оставалась чистой, как ключевая вода.

— Ах, мой сын, — произнесла она сейчас, — мой прекрасный сын. Завтра тебя сделают воином.

Перед ней я не позволил себе даже проглотить комок в горле. Я с легкостью ответил: «Да», как будто не придавал этому никакого значения.

— Нет никого, подобного тебе, — сказала она. Она запустила пальцы в мои волосы, которые давно уже не напоминали спутанные мальчишеские космы. Она никогда не могла оставить мои волосы в покос, и, как я уже обнаружил к тому времени, другие женщины тоже, как будто цвет или само качество волос притягивали их пальцы, как магнит. Комок в моем горле разрастался; я взглянул на ткань на станке, чтобы вернуть свою злость и так облегчить свою боль. Она заметила мой взгляд. — Я готовлю твоё воинское одеяние.

Это меня сломило.

— Мама, — сказал я, — может быть, оно мне не понадобится, — и тут же прикусил язык, я был очень собой доволен.

— Тувек, — сказала она тихо, — теперь я понимаю. Что, по-твоему, с тобой сделают?

— Ни одна женщина не знает Обряда, — сказал я.

— Верно. Но женщина знает, что мужчины остаются в живых после этого. Не должна ли я думать, что ты слабее их? Ты, лучший из всех?

— Я не боюсь ничего этого, — сказал я заносчиво, потому что она слишком много хотела от меня в этот момент, — но я думаю, что могу умереть. Вот и все.

Потом я увидел, что ей тоже нелегко, что она говорит так, потому что боится. Ее руки сжали меня.

— Котта, — сказала она, — ты слышишь?

Я резко обернулся, опять рассердившись. Я думал, мы были одни в палатке. Теперь я увидел тень позади станка, слепую женщину-целительницу. Большие руки ее лежали на коленях. Странное дело было с Коттой: хотя глаза ее не были зрячими, казалось, она видит все. Мальчишки узнавали это очень рано, когда пытались украсть что-нибудь из ее вещей. Она была высокая, почти как мужчина, кожа да кости, ее слепые зрачки светились сквозь шайрин, как сланец. Она часто оказывалась там, где ее не думасшь встретить. Она помогала женщинам в родах, лечила болезни и раны и часто бывала с моей матерью. Среди женщин крарла ходили разговоры, что Тафра умерла бы вместе со своим отпрыском, если бы Котта не помогала при родах. Я появился наутро после победы дагкта Эттука

в какой-то битве с одним из крарлов скойана, но Тафре при моем рождении пришлось труднее, чем любому воину в битве. Она не зачала больше ни одного ребенка, и кое-кто говорил, что это тоже дело рук Котты, так как вторые роды оказались бы роковыми для чужачки-суки, жены Эттука.

Эмалевые серьги Котты зазвенели, когда она пошевелилась и уставилась прямо на меня, как будто она видела каждую черту на моем лице.

— Ты сомневаешься насчет татуировки, — сказала она.

— Ни в чем я не сомневаюсь, — сказал я, взбешенный и холодный, каким можно быть только в четырнадцать лет.

— Ты хорошо делаешь, что сомневаешься, — сказала она, заставив меня почувствовать себя идиотом. — Как ты говоришь, это может плохо подействовать на тебя. Тем не менее я осмеливаюсь утверждать, что ты оправишься, как и после укуса змеи. Но мне интересно, не потратят ли они впустую свои чернила.

Я не понял. Я уже собирался бросить ей какие-то резкие слова и покинуть палатку, когда Котта, без какой-либо очевидной причины и связи, добавила:

— Этот станок из города Эшкир. Однажды среди палаток была женщина из Эшкира.

Я бы не придал этому никакого значения, но только Тафра как-то странно застыла неподвижным серым извятием.

— Почему ты говоришь о ней? — вскоре спросила она. — Она была рабыней, которую украли воины, и она убежала. Что еще тут может быть?

— Верно, — сказала Котта, — но она видела, как он появился, — и она кивнула в мою сторону. — Она стояла на коленях позади тебя и держала тебя, а ты разодрала ей руки от боли. Она была молодая и сильная, но ей тоже предстояло выплеснуть в мир своего ребенка. Интересно, что с ней стало в этих дебрях.

Все это казалось мне невразумительным. Меня удерживало только натянутое, как кожа вокруг раны, лицо матери.

Потом Котта сказала мне:

— Ты не умрешь завтра, молодой самец. Не бойся. Если ты заболеешь, Котта позаботится о тебе.

Она как будто заколдовала меня. Все дневные тревоги исчезли, как исчезает мрак, когда солнце поднимается в небе.

Я вышел освежевать моих оленей, а потом, когда крыша из облаков над горами заиграла красной, пурпурной, желтой и черной красками, как на воинском одеянии, которое моя мать ткала для меня, я выбрал место у огня и в последний раз поел как мальчик.

2

В ту ночь приходится спать на новом месте вместе с другими мальчиками, которым наутро предстоит посвящение в мужчины.

На рассвете приходит жрец крарла, чтобы разбудить всех. Лицо его покрыто свежей черной краской. Он одет в жреческий наряд, украшенный кисточками из хвостов животных и побрякивающий от медных кружочков и зубов зверей: диких кошек, волков, медведей, а также людских. Я не спал и слышал, как он подошел, прежде чем он схватил меня за руку. Если бы он тихо подкрался, я все равно узнал бы его по его воню.

Сил был провидцем в крарле Эттука. До него им был его отец, который втерся в крарл из леса, имея только свои фокусы в качестве рекомендаций. Богом Сила был одноглазый змей, Вероломный Искуситель, в честь которого с незапамятных времен назывались изгибы и повороты Змеиной дороги. Как-то Сил взял жену, и она принесла ему дочь. Вскоре женщина умерла, что совсем меня не удивило. Дочь тем временем выросла в настоящую суку. Она была помощницей отца в его представлениях с заклинаниями, кроме того, с ней переспала добрая половина мужского населения крарла, но статус ее был высок. Сил-На (иначе чем дочерью Сила ее не называли, и это было знаком ее величия) всегда мечтала занять место Тафры в качестве жены Эттука. У нее был один сын, на год моложе меня, Фид, и она хотела бы приписать его Эттуку, но не осмеливалась. Рыжий Фид косил на один глаз, а единственным косоглазым воином в крарле был Джорк; глаза Эттука были нормальными. Это обстоятельство ее, должно быть, бесило.

Когда Сил поднял нас, мы вышли на открытую площадку за палаткой. Здесь мы разделись и растерлись снегом. Это место было далеко от других палаток под тоннелями, и в долине не слышно было ни звука, кроме тех, что

издавали мы, дрожа от холода. В час посвящения женщины должны прятаться, и даже смельчаки сидят тихо.

Жрец подошел и осмотрел нас. Он тыкал пальцами и осматривал мальчиков. Я все еще был зол; моя злость всю ночь составляла мне компанию. Я подумал: «Если он прикоснется ко мне своими когтями, я пробью ему глаза на затылок». Но он, должно быть, почувствовал, как я закипаю, и оставил мое тело в покое. Вскоре он, не дав нам одеться, погнал нас по долине мимо заводи, покрытой коркой льда, которую женщины обычно разбивали, приходя за водой, но не сегодня: ни одной женщине не разрешалось ходить этой дорогой в утро Обряда и через горную гряду. Мы проделали этот путь бегом, чтобы не умереть от холода. На той стороне сосны и кедры темнели, как глубокие черные прорези в слабом желтом сиянии поднимающегося солнца. Наш путь лежал через деревья, через черные тени к силуэту палатки из множества шкур, возвышавшейся подобно храму смерти, в который мы должны бежать.

Внутри в палатке была непроглядная тьма. Задышавшись после бега, мы упали там, куда нас толкнули невидимые руки. На полу были грубые ковры, а воздух казался душным и горячим после нашего короткого, но леденящего похода. Там уже были мальчики, пригнанные раньше нас, а позади нас были другие, и все тяжело дышали, как собаки после охоты. Темнота бурлила от тел, дыхания и ужаса. Не я один испытывал недобрые предчувствия, но ничья ярость не могла сравниться с моей.

В это помещение было набито, наверное, около шестидесяти юношей из разных крарлов дагкта. И по всем зимним долинам племени будут проводить обряды этого Дня Посвящения, и у каждого племени свой, слегка отличающийся от других обряд.

Вскоре распространился аромат дыма, как сладкая горечь полыни.

После одного или двух вдохов половина начала задыхаться, но проникнув в легкие, дым успокоил их, и все стихло. Это был магический фимиам жрецов. Казалось, что голова постепенно отделялась от тела и плыла в воздухе. Моя голова была где-то под крышей, однако каким-то образом я ощущал и свой живот внизу, твердый, как косточка персика.

Потом застучали барабаны, то ли из углов обширной палатки, то ли в моем теле, мне было не разобрать. В тем-

поте раздавалось какое-то бормотание и ощущалось беспокойство, и что-то пискнуло подобно животному, но мне было все равно.

Я долго лежал в дыму, безразличный и в то же время зная, что должен сосредоточиться и не давать угаснуть своему гневу, единственному, за что я мог держаться.

Внезапно какие-то руки схватили меня и швырнули через ковры на тела других мальчиков, лежавших в оцепенении. Наверное, они таким образом втаскивали юношей уже некоторое время, может быть, они даже наступали на меня, как я сейчас наступал в опьянении на других. Я не замечал ничего, и никто не замечал меня.

Перегородка из шкур вела в пещеру, и воздух сразу стал промозглым и заиндевело-холодным.

Здесь было светло. Свет пробивался в мое сознание постепенно, небольшими порциями. Они бросили меня на спину на твердое ложе, и в меня сразу, как зубами, впился холод. По стенам стекала вода, кто-то проскрежетал зубами, кто-то вскрикнул, а звук барабанов обволакивал и расплывался, как и все перед глазами.

У меня в голове все так перепуталось, что я вообразил, что прихожу в сознание; я задрожал от холода и начал слабо сопротивляться, потому что обнаружил, что меня связали. Я отчаянно хотел сейчас испугаться, ибо чувствовал, что это моя единственная защита, а я ее каким-то образом лишился, но земные образы и подробности — запахи, цвет, звук — мешали. Наконец склонилась смерть, чернолицая, с глазами обесцвеченного железа, и я узнал Сила. Это было время и место татуировки. Они нанесут на меня шрамы мужской зрелости, и я умру.

Мне кажется, я его укусил. Он ударил меня по лицу. Я почувствовал и не почувствовал удар. Потом бронзовый коготь царапнул меня, острый жгучий зуд. Он пробежал по груди, ребрам и рукам по следам шерстяного тампонализуна, сладострастно наносившего рисунок. Бронзовая игла и игла из кости, и скрип шерстяной нити, протянутой сквозь кожу. Сначала все это показалось пустяком, но тут же стало невыносимым, эти безостановочные укусы-поцелуи, сопровождаемые царапающей серсбренной болью. Я забыл, что укусил Сила, и вспомнил только после. Я забыл, кто он. Я уставился в черное лицо, в глаза, мерцавшие в слабом свете, и извивался и корчился при каждом искусном ударе. Но ощущения из невыносимых незамет-

но перешли в приятные. Я закрыл глаза, и какая-то девушка нежно поглаживала меня погтями, старясь разбудить, и она нежно будила меня во всех смыслах, но когда я потянулся к ней, она вспорхнула и в следующую секунду уже убегала, смеясь, по тоннелю в горах.

Я побежал за ней, но не поймал. Вместо этого я оказался в каком-то месте, где стены плотно прижимались друг к другу, и я различил теплый свет, лившийся сверху из овальной пещеры. Мне захотелось добраться до пещеры, но проход был очень узким. И внезапно в моей голове вспыхнул женский голос, чистый как алмаз. Я не знал, что она сказала, но это был отказ, команда. Это вызвало мучительную боль, которая скрутила меня и съежила как обгоревший лист. Тогда я громко вскрикнул, потому что смерти в такой форме я никак не ожидал.

Я проболел всего один день или чуть больше, но меня преследовали какие-то странные сны. В моей лихорадке мне виделись древние города, мужчины и женщины в масках, и одно, самое странное из всех видение: женщина-рысь, белая как соль, и на спине ее черный волк. Мне также виделось, что племя забрасывает меня камнями, потому что я превратил воду источника в кровь, чтобы запугать их.

Наконец, я открыл глаза. Во рту было ощущение костяной пыли, а тело было каменным. Я огляделся. Я находился в хижине из тростника и глины рядом с палаткой мальчиков, куда помещали больных. Было темно, но сейчас ко мне приблизился свет. За светом я различил тощую тень и узнал ее по запаху. Это был Сил.

По дрожанию лампы я понял, что он в жутком настроении. Иногда у него на губах выступала пена, и он кричал, как женщина-роженица, что вызывало тревогу у воинов, которые боялись его колдовства. Увидев, что я в сознании, он начал ворчать надо мной свои проклятья, называть меня червячным дерьмом и другими нежными именами. Время от времени брызги его слюны попадали мне на лицо. Я вспомнил, что укусил его.

— Приветствую тебя, Сил, — сказал я. — Что это отравило меня, твои грязные иглы или твои грязные лапы?

Он пронзительно закричал, и на мою грудь упала капля горячего масла из глиняной лампы. Я, наверное, был еще не совсем здоров, иначе я не стал бы говорить с ним так прямо, потому что он был враг, а у меня и так их было достаточно. Но в то время я этим позабавился.

Тут я услышал голос Котты из дальнего угла хижины.

— Он говорит чепуху, пророк, это всего лишь лихорадка. Не обращай внимания. Такие бредни ниже твоего достоинства.

Сил рывком обернулся, и свет лампы упал на нее. Она занималась каким-то врачеванием, сосредоточенно, как будто могла видеть, что делает.

— Нет у него никакой лихорадки, женщина, — проскрипел Сил. — Это в нем чужая кровь. Он не склоняется перед обьгчаями красных крарлов. Завтра на заре он придет в раскрашенную палатку, и я буду судить его, и Одноглазый. — И его шишковатая рука поползла по рисунку змея на его груди.

— Как решишь, пророк, — вежливо ответила Котта, — но он сын вождя.

Сил швырнул лампу и вылетел, как злой ветер.

— Умен мальчик, — сказала Котта, — так бесить Сила.

— Не учи меня, Котта, — сказал я. — Скажи мне, как долго я здесь.

— День Обряда, следующую ночь, только что прошедший день.

Это меня немного испугало. Я сказал:

— Мне лучше?

— Лучше или хуже. Ты и другие будут судить об этом.

— Женщины всегда говорят загадками, — сказал я. Я сел, и в голове у меня немного зазвенело, но быстро прояснилось. Я чувствовал себя почти нормально и был голоден. — Дай мне поесть, — попросил я.

— Я сначала дам тебе зеркало, — сказала она, — а потом посмотрим, будешь ли ты все еще голоден.

Это вызвало во мне раздражение, зеркала — женские игрушки. Я не осуждал Тафру за то, что ей хотелось смотреться в зеркало, там было на что посмотреть, но свое лицо я едва знал. Все-таки Котта принесла мне бронзовое зеркало и держала так, чтобы я мог видеть отражение. Она показывала мне не лицо, а грудь и руки, где иглы нанесли знаки племени и крарла.

Я подумал, что лампа плохо светит, потом — что виновато зеркало или мои глаза. Наконец, до меня дошло, что ничьей вины тут нет.

— Значит, так? — спросил я ее.

— Да, — сказала Котта.

Я потрогал свое мускулистое тело, проверяя на ощупь, и устался на себя. Я мог и без зеркала видеть.

На мне не было ни одного следа татуировки, ни одного шрама от игл, и никаких красок, как будто никогда и не было.

— Может, он обманул меня? — сказал я. — Только при-
творялся, что работает надо мной, как другие жрецы, и
дым одурманил меня?

— О нет, работа была сделана. Многие видели се:
копье — символ крарла и вол — знак племени, и знак Этту-
ка из трех колец. Но сейчас это все зажило и исчезло с
твоего твердого мраморного тела, на котором никогда не
бывает ни единого пятнышка, о сын Тафры.

Ее предсказание сбылось. Я забыл про голод.

— Без татуировки я не воин, — сказал я.

— Именно так, — сказала Котта, — не воин.

3

Когда-то ритуал Обряда для мальчиков был, возможно,
исполнен глубокого значения. Некоторые из жрецов до
сих пор бормотали что-то о богах, которые приходили в
эти дни, и говорили, что черные люди с болот поклоняют-
ся золотой книге, которая с ними говорит. Но в крарле Эт-
тука, как и у всех краснокожих племен — дагкта, скойана,
хинга, итра, дрогоуи — от прежней значительности оста-
лась только поверхностная шелуха, пропала сама суть, не
было никакой тайны, ничего, что могло бы возвысить ду-
шу или опьяняюще подействовать на голову. И, как это
обычно происходит, чем бессмысленнее становился риту-
ал, тем больше старались поддержать его внешнюю зна-
чительность. У моуи есть поговорка: вождь облачается в
золото и пурпур, только бог не боится наготы.

Поэтому они носились с Обрядом, а на самом деле это
было ничто, и как бы в доказательство его бессмысленно-
сти на мне не осталось никаких следов татуировки и рас-
краски. Теперь они обернутся против меня в растерян-
ности и оскорбленной до смешного варварской гордости. Но
кое-что было для меня важным. Их обычаи никогда не
значили для меня много, произведение в воины было
лишь формой, я не чувствовал ни гордости, ни славы в
этом. Я никогда не был членом их рода. Я признавал в се-
бе только кровь Тафры; ее далекий крарл, теперь исчез-
нувший, я считал родным. Но чтобы дагкта считали меня

чем-то меньшим, чем отбросы стаи, меньшим, чем юноши, с которыми я сражался и побеждал, которых пренебрежительно не признавал себе равными, подлецы, оскорблявшие имя моей матери, считаться хуже их — этого я не мог потерпеть. Я вспомнил, наконец, что я сын вождя — Тувек Нар Эттук.

Когда вошло солнце, я был готов, как не был готов в день Обряда. В то утро с иглами я был обеспокоен мыслями о своей смерти, а вот я жив, цел и невредим.

Раскрашенная палатка Эттука стояла выше тоннелей в сводчатой пещере. Отсюда вниз по восточному склону гор путь лежал к зимним стойлам коз и лошадей. Там всегда было несколько мужчин для охраны скота от соседних крарлов, так как любой крарл был готов украсть у другого, когда запасы истощались. Сегодня я разглядел только двоих сторожей, хотя лошади паслись в поле, жуя кору сосен.

Вскоре я обнаружил, куда ушли остальные мужчины.

Склон под раскрашенной палаткой кишел воинами, опиравшимися на свои копья, они ухмылялись и смеялись. Я мог видеть их лица, как только вышел из-под тоннелей. Они вспугнули женщин и прогнали их с собрания, но я на протяжении всего пути чувствовал устремленные на меня взгляды. Если я не добьюсь признания сегодня, моя жизнь будет нелегкой. Не только лисы будут стремиться вцепиться зубами мне в горло, но и лисицы вцепятся мне в спину. Я не собирался стать посмешищем для женской половины.

Огонь расцветил вход в пещеру драгоценными красными камнями. У огня сидел Эттук и почесывал свою заплетенную бороду. У него было такое выражение, какое я видел и раньше, как будто он не уверен — разгневан или обрадован он моей бедой. Сбоку от него был Сил, а позади, на корточках, разогревая им пиво, сидела Силова сукадочь. Это, несомненно, еще больше раззадорило меня. Руки ее горели от жара костра, но ей не терпелось согреться в пламени моего позора. Она была моложе Тафры, но тощая и жилистая, за исключением груди. Они были тяжелые, бесформенные, и болтались, ничуть не соблазняя меня. Ее выцветшие волосы были цвета гнилого абрикоса.

Я поднял руку в приветствии Эттуку.

— Привет, мой вождь. Твой сын приветствует тебя.

Он посмотрел на меня сверху вниз, довольный, что палатка находится на возвышении. Он уже не мог смотреть на меня сверху вниз, когда мы стояли рядом.

— Привет, Тувек. Я слышал, ты опять в осином гнезде.

— Осы очень легко расстраиваются, мой вождь, — сказал я как можно слаще, ощущая укус внутри.

Сил что-то прокричал мне. Он часто бывал невразумительным в припадках гнева, хотя намерения его были достаточно прозрачны.

— Сил говорит, ты провинился кое в чем, — сказал Эттук. — Он предполагает, что ты осквернил Обряд, священное таинство, о котором нельзя говорить.

Обряду всегда приписывали это дополнительное название, подразумевая какую-то тайну, которая когда-то была в нем. Я понял, что Сил не сказал Эттуку, в чем конкретно было дело. Он задумал устроить для них потрясающее зрелище, где я буду центральной фигурой.

— Мой вождь, — сказал я медленно и отчетливо, — возможно, пророк забывает, что я твой сын и что твоя честь задета, когда задевается моя.

Эттук проглотил это. Он пристально смотрел на меня сужившимися глазами, выжидая. Я сказал:

— Пророк пусть скажет, что я совершил, я отвечу, а тебе, мой вождь, судить.

— Очень хорошо, — сказал Эттук. Он посмотрел на Сила. — Говори же.

Сил выпрямился и весь задрожал. Он мокротой откашлялся в костер и возопил:

— Я сам метил его, как метят воина. Он не хотел, ругался и сопротивлялся. Когда другие мальчики поднялись мужчинами, он лежал без чувств и стонал. Травница лечила его от лихорадки. Потом я пришел и увидел, что Одноглазый Змей покарал его за его трусость и слабость.

Я был одет по-зимнему, как и все остальные, в зашнурованную рубашку и плащ. Они еще ничего не видели. Сил подался вперед, тыча в меня через огонь.

— Снимай одежду. Раздевайся, раздевайся и покажи свой жалкий позор.

Воины застыли в ожидании. Эттук ухмыльнулся и сразу нахмурился. Глаза Сил-На горели через прорези в ее шайрине. Я не пошевелился, и Сил в бешенстве завертелся на валу, подпрыгивая и покрываясь пеной.

Так как я и раньше приводил его в ярость, дальнейшее затягивание не сулило ничего нового.

— Осторожно, дедушка, — сказал я учтиво. — Ваши кости, должно быть, хрупкие, надо беречь себя.

— О каком позоре идет речь? — прорсвел Эттук с побледневшим от нетерпения лицом. — Отвечай, Тувек.

— Очень хорошо. Я отвечаю. Этот старый безумец так плохо выполнил свою работу с иглами, что мое тело зажило без каких-либо следов.

Я развязал шнуры на рубашке и показал им. Они заурчали и спрыгнули вниз, чтобы получше рассмотреть. Остались только Эттук, Сил и плод Силовых чресел.

Они были озадачены, эти воины. Они рыскали вокруг меня, шевеля своими рыжими бровями, а затем всрнулись к пещере, сбившись в кучу. Один сказал:

— Он не воин.

Только это и было нужно. Все подхватили это многоголосым воем.

И тут, хоть я и был готов к этому, ярость захлестнула меня. Голос у меня поломался рано, уже с двенадцати лет я говорил, как мужчина. Я наполнил легкие воздухом и загремел, перекрывая все их голоса.

— Значит, я не воин? Пусть каждый воин, который считает меня все еще мальчиком, подойдет и сразится со мной. Это честно, я думаю.

Они стихли. И оглянулись, раздумывая, осмеять или убить меня, что было трудной работой для их блошиного мозга.

Высоко на валу засмеялся Эттук.

— Мой сын храбр, — сказал он. — Ему всего четырнадцать лет, а он покушается на взрослых мужчин.

— Ты требуешь, чтобы я убил их? — спросил я его. — Бой на смерть? Я готов.

У меня был только мой детский нож, но он был по руке, и я наточил его перед приходом.

Эттук оглядел воинов, все еще смеясь. Сил захрустел суставами пальцев, а его сука-дочь перекипятила пиво.

— Да, — резко сказал Эттук, — эта история с узорами. Может, здесь какое-то недоразумение; чернила смылись из-за пота во время лихорадки. Пусть испытает себя. Пусть борется. Если он победит воина, он будет считаться воином. Я вождь, и это мое слово. Ты, Дистик. Дай ему один из своих ножей. Не поддавайся ему только потому, что в нем моя кровь.

Дистик ухмыльнулся.

— Не буду, мой вождь.

Он был самым крупным из них, поджарым, весь в узлах из мускулов, гибкий, как молодой пес. Теперь я навер-

няка знал, что Эттуку хотелось увидеть меня вмятым лицом в снег. Мне пришло в голову, что в случае моего поражения он сможет отказаться от меня, как от слабака, и выбрать себе в наследники одного из своих бастардов; у него было двое старше меня, уже прошедших испытание. Они были такие же тупые, как и он, и не доставляли мне хлопот, чтобы помнить о них или остерегаться. Конечно, если он отвергнет меня, он отвергнет и Тафру вместе со мной, но у нее в этом решении не будет голоса. Для него это не будет иметь значения, он все равно сможет приходить к ней и вставлять в нее свой член, когда пожелает, таким образом она не будет обойдена его вниманием, но без чести и защищенности, которые давал титул жены.

Дистик метнул мне свой нож. Он был тупой, но я не спорил. Я не боялся; я никогда в жизни не боялся боя. Где-то во мне постоянно таилось ожесточенное рычание, и я только рад был случаю выпустить его на волю и кусать. И я еще ни разу не был побежден. Даже когда Дистик бросился вниз по склону, страшно вопя, я не сомневался в себе. Если я и был меньше его, я не был тщедушным, и у меня была голова на плечах.

Я был уверен, что сначала он думал, что это будет для него развлечением. Он думал, что сможет швырять меня и играть мной, нанести мне одну-две раны, чтобы заставить пожалеть о моей заносчивости. В конце концов, он был мужчина, а я мальчик, поэтому он приближался ко мне совсем не так, как если бы я был ему ровней.

Пока он подбегал, я ждал, а потом отступил в сторону и подбил его правую ногу. Мне показалось, я был недостаточно быстр, но это оказалось слишком быстрым для Дистика, он с криком рухнул на левое колено.

Я дал ему подняться и повернуться ко мне. Рожа у него была красная, как и его косы. Он поиграл ножом, стараясь достать мой левый бок, потому что я держал длинный нож с правой стороны, но я хорошо владею обеими руками, и когда он качнулся ко мне, я поднял левый кулак с детским ножом, зажатым в нем. Он не ожидал этого, а также остроты лезвия. Я разрезал ему ладонь до хряща, и его собственное оружие покатилося вниз по склону.

Дистик замешкался на мгновение, малиновая кровь капала четками на белый снег. Потом он ринулся на меня, как волк.

Его вес сделал свое дело: мы оба опрокинулись, пере-

вернулись и покатались вниз, вслед за его ножом. Я ударился спиной о твердый камень подо льдом, а Дистик со всей силы ударил меня кулаком в пах. Я был, пожалуй, слишком самонадеян и не ожидал этого от него, так же как и он не ждал от меня многого. На секунду у меня от боли перехватило дыхание и потемнело в глазах, но у меня хватило самообладания не останавливаться, и мы продолжали катиться вниз. В движении он не мог одолеть меня или попытаться снова завладеть своим ножом.

Боль в спине и паху перешла в барабанную дробь, меня чуть не вырвало, а из глаз сыпались искры. Он схватил меня за волосы, длинные, как у него самого; думаю, он готовился сломать мне шею, как только наше движение достаточно замедлится; его уже не заботило, кто и что я был. Второй рукой он крепко прижимал обе мои руки к бокам. Я потерял оба ножа, наверное, когда он ударил меня. Я вспомнил, как он тяжело грохнулся на левое колено, и зажал это колено между своими с такой силой, что затрещали кости. Дистик взвыл, и его хватка на моих волосах ослабла. Я поднырнул под его руку и впился ему в горло зубами, прокусив его. Я почувствовал вкус его крови во рту. К этому времени я обезумел от сражения, и соленый вкус его крови доставил мне радость.

Он пытался стряхнуть меня и ослабил хватку, стараясь оторвать от себя мою голову. В этот момент мы вкатились в мягкий сугроб. Я отпустил его горло и ударил его в челюсть что было сил, почувствовав, как щелкнули под кулаком зубы. Он взревел, лежа на боку в сугробе, а я отпрыгнул и всем своим весом приземлился на его ребра. Дух вышел из него кровавым облаком, он скрючился, задыхаясь и обессилив.

Я встал, дрожа от ненависти, жажды и победы, и посмотрел в сторону пещеры.

Мне суждено было испытать час сюрпризов. Я никак не ожидал того, что увидел.

Ко мне направлялись трое с каменными грубыми лицами, с ножами наготове: так они шли бы прикончить медведя в капкане.

Мне подумалось, что это слишком очевидно. Эттук не может позволить им напасть втроем на одного мальчика; это слишком явно покажет, как сильно он хочет, чтобы я сломался. Но Эттук не пошевелился, и герои приближались.

Я быстро оглянулся, ища глазами нож Дистика или свой, но ничего не увидел на снегу. Я должен был бы забеспокоиться, но я рвался в бой; последняя схватка обострила мой аппетит к сражению.

Дистик все еще лежал ничком, тяжело хватая ртом воздух. Я рывком перевернул его на спину, и он метнулся, попытавшись оттолкнуть меня. У него на шее висел большой зуб из слоновой кости, длиной с мою ладонь, совершенно целый, за исключением отверстия для ремня, на котором он висел. Он нашел его в какой-то дальней пещере много лет назад и носил на счастье. Ввиду того, что удача покинула его, вполне уместно было сорвать с него этот зуб, и, похоже, он согласился, потому как не оказал сопротивления. В моей руке зуб выглядел почти как кинжал.

Воины не спешили приблизиться ко мне, так как склон был скользким после нашего падения, но кто-то вырвался вперед. Я увидел его косою глаз и узнал Джорка, отца Фида. Тогда я взбежал по склону ему навстречу.

Я двигался стремительно, чтобы не поскользнуться, и с размаху вонзил зуб-монстр Дистика в его шею в том месте, где была артерия. Кровь брызнула на нас обоих фонтаном; он качнулся со сдавленным криком и повалился, увлекая за собой мое оружие. В этот момент что-то во мне произошло, как будто разорвалась прочная ткань. В моей голове вспыхнул белый свет. Как будто какой-то голос пел мне: «Зверь выпущен из клетки».

Я поравнялся с последними двумя воинами. Я едва заметил, кто они такие. Тот, что был слева, сделал выпад и порезал мне бок, и тут же я присел, схватил его и рывком поднял в вихре крови, снега и плащей, держа его над головой на вытянутых руках, как подношение небу.

Он был крупным мужчиной, а я всего лишь мальчик. Я всегда был высоким, хорошо развитым и очень крепким, однако не отдавал себе отчета в своей силе, как и они. Мне не составляло труда держать его высоко, брыкающегося и вопящего, развернувшись, я бросил его во второго и наблюдал, как они полетели вниз, туда, где лежал Дистик.

Я намеревался последовать за ними и, возможно, убить их же ножами, но белый свет в моей голове погас так же внезапно, как зажегся. Я стоял там в угрюмом оцепенении, приходя в себя после боя. И когда я поднял глаза и посмотрел в сторону склона горы, я убедился, что на этот раз никто не приближается.

Воины затихли, и поделом им.

Сил предусмотрительно слился с теньями, но Эттук остался у огня, где я видел его в последний раз, и лицо его было зеленовато-белым, хотя он усмехался, когда спрыгнул вниз и направился ко мне.

— Я прошел испытание, мой вождь? — громко, чтобы все слышали, обратился я к нему.

Эттук обернулся на ходу к мужчинам, взмахнув руками.

— Он доказал, что он воин? — закричал он. — Да, прошел. Большой герой, чем любой из моих бойцов, этот мой сын Тувек.

Воины затопали ногами и застучали копьями по скалистой горе под палаткой, чтобы показать свое одобрение и согласие, но лица их не соответствовали процедуре. Их выражение больше подходило к похоронам или к Ночи Сиххарна, когда они несли стражу против духов Черного Места.

Однако Эттук подошел ко мне и похлопал по плечу.

Я немедленно преклонил перед ним колени. Я вполне мог подыграть ему в дипломатии.

— Если я воин, сила моего оружия — на службе тебе одному, мой вождь и мой отец, — сказал я.

И он взъерошил мои волосы, как любой отец, гордый своим любимым сыном, который делает ему честь. Мне интересно было, как он расценивает этот свой поступок, демонстрируя свою любовь ко мне после того, что только что произошло. И уже не в первый раз мне захотелось иметь друга, единственного человека, которому я мог бы доверить свою спину.

Эттук убрал руку с моей склоненной головы, и я встал.

— Слепая женщина должна перевязать твою рану, — сказал он, веселый, как ухмыляющаяся голова смерти. — Первая кровь от своих соплеменников. Это кое-что значит. Я допустил, чтобы они напали на тебя в таком количестве только потому, что знал: ты победишь их всех.

Я едва удержался при этих словах от смеха.

— Пророк нанесет тебе знаки воина заново, — сказал он.

— Нет, — сказал я, — эта пададь слишком часто прикасалась ко мне. Я должен быть Немеченным Воином крарла.

Ради толпы мы все еще разговаривали громко. Сейчас стали опасливо выходить некоторые женщины, и какая-то принялась оплакивать Джорка; как я заметил, это была не Сил-На. Я мрачно посмотрел на воинов и сказал:

— Пусть мои дела говорят за меня. Когда я пойду в сражение, я нанесу цвета племени на свою кожу, и если кто-то усомнится во мне, пусть скажет мне. Я отвечу, как я ответил здесь.

От женского плача у меня поползли мурашки по спине. Я думал о своей жизни, а не о смерти Джорка, когда убил его. Я подошел к женщине, поднял и ударил по лицу, не очень сильно.

— Не причитай по нему у меня на глазах, — сказал я, и она заткнулась. — Я заплачу тебе за него Кровавый Выкуп, — и я вернулся к Эттуку.

— Да, — сказал он, — я прослежу, чтобы Тувек отдал тебе Кровавый Выкуп за твоего мужчину. Но мой сын должен также пройти в мою палатку и выбрать для себя драгоценность.

Он привел меня в палатку и толчком открыл деревянный ящик, из которого взметнулось беспорядочное сияние. Там лежали трофеи нескольких сотен налетов и сражений; он не столько хотел вручить мне дар, сколько продемонстрировать количество людей, лежавших перед ним поверженными ниц. Я запустил руку в эту груды, а он подошел и рассыпал всю эту массу по полу, чтобы я лучше мог рассмотреть его закрома. Там были чаши из бронзы с каймой из сверкающего золота, рукоятки копий из твердого серого железа, медные круглые щиты, украшенные драгоценными прозрачно-зелеными камнями, и наручные кольца из желтого и белого металла, пригоршни камней, похожих на огонь или капли крови, и ожерелья из слоновой кости, унизированные голубыми карбункулами. Я не догадывался, что он так богат, и раздумывал, что взять. Я хотел взять самое ценное из его коллекции и не мог решить, что это могло быть. Но затем его и мои пальцы расчистили путь, и я нашел то, что искал.

Это была маска, сделанная для женщины, поскольку она была маленькая, вся из искрящегося серебра: лицо рыси.

Мне сразу вспомнился мой сон — черный волк, спаривающийся с белой рысью. Я протянул руку и дотронулся до маски, и через мою ладонь до самого плеча пробежал электрический заряд, как будто я схватил молнию. Но я не дернулся, и ощущение уменьшилось и исчезло совсем. Я поднял маску и показал ее Эттуку.

— Я возьму это, если вождь позволит.

Он кивнул, насупившись, как ребенок, у которого отбирали игрушку. Я взял у него самое лучшее, как я и надеялся. Маска была очень ценной, помимо своей странной красоты, и, очевидно, она происходила из мастерских разрушенных городов. На задней стороне висели длинные желтые шнуры для украшения волос, и каждый из них заканчивался маленьким прекрасным цветком из прозрачного желтого янтаря. Маска доставила мне удовольствие и увенчала мою битву, ибо я все еще был мальчик. Я склонялся к тому, чтобы отдать ее Тафре, чтобы она носила ее вместо шайрина на зависть всем женщинам.

Когда я пошел в палатку моей матери, новость эта уже была там известна.

Ее лицо было бледнее, чем лицо Эттука, и она тоже улыбалась, но это была улыбка победы, хотя к ней примешивался старый страх и неясная вечная ненависть. Когда я наклонился в проеме входа в палатку, она почти побежала мне навстречу, потом остановилась, сдерживаясь. Я подошел к ней, обнял, и она заплакала.

— Неужели ты предполагала, что я потерплю поражение? — спросил я ее. — Я думал, их коварные иглы в темноте могут поранить меня, но не ножи полудурков. Ты все слышала?

— Все, — всхлипнула она. Ее дыхание обожгло мне шею, и она стиснула руками победу, символом которой была для нее моя плоть. — Как ты сломал ребра Дистiku и выпустил жизнь из Джорка, и что Урм и Тоони не смогут пойти на охоту до тех пор, пока луна не превратится в серп.

Мне было радостно слушать, как она выражает свою ярость. Она была настолько значительнее других женщин, которые умели только причитать и визжать.

— Кажется, Тафра сама могла бы побить храбрецов крарла.

Она посмотрела мне в лицо сияющими глазами.

— Тафра произвела сына, который может.

Она положила свою руку на мою и тут увидела, что я принес. Раньше она не заметила, будучи целиком поглощена мной. Сейчас она отдернула руку, и ее сияние померкло.

— Что это за вещь?

— Дар твоего мужа, мать, щедрый подарок вождя его новому воину. Он привел меня в свою палатку, открыл сундук и велел выбирать, что пожелаю.

— Почему это из всех сокровищ?

— Почему бы не это?

Она отвернулась от меня, ушла в дальнюю часть палатки и села на прежнее место. Она подняла шайрин, который там лежал, и закрыла им свое лицо. Хотя таков был обычай, мне стало от этого холодно.

— Ты воин, — сказала она, видя, что я нахмурился. — Я должна прятать свое лицо.

— Я уже был воином, когда вошел, но тогда ты не закрывалась. Ты прячешься от этого? — Я поднял сувенир, который принес сюда из трофейного сундука Эттука, и протянул его ей.

Я увидел, что Тафра испугалась. Она явно остерегалась маски, как чего-то знакомого. Я вспомнил про заряд, пробежавший от маски, когда я схватил ее: какая-то странная магия, заключенная в серебре, какой-то дух.

— Я верну ее ему, — сказал я. — Она проклята?

— Нет, — сказала мать. Я не мог больше читать ее чувств, спрятанные за шайрином. — Среди палаток была женщина из Эшкира. Воины захватили ее. Она была моей рабыней, но она убежала после твоего рождения. Маска принадлежала ей.

Я вспомнил, что Котта говорила об этом накануне Обряда для мальчиков, и как Тафра вся съежилась тогда.

— Она причинила тебе вред, эта женщина из Эшкира?

— Нет, — сказала Тафра, — но женщины из больших городов злые, и там, где они проходят, стается след, похожий на ожог.

— Тогда я возьму этот предмет и избавлюсь от него, — сказал я.

— Нет, ты именно это выбрал. Это предназначалось тебе. Колдовство давно потеряло силу; маска не причинит тебе вреда. — Тафра вздохнула под вуалью, сдерживая дыхание, как будто боялась о чем-то проговориться. — Это предназначалось тебе, — повторила она. — Оно не принесет тебе вреда.

4

В тот год, как всегда, зимнее перемирие закончилось на Змеиной Дороге в месяц Воина, и я участвовал в своих первых мужских баталиях.

Сражения были беспорядочные и кровавые. Победитель брал от побежденных что хотел — металлы, оружие, женщин, напитки. Чаще всего после этого заключалось соглашение, पिщавшие женщины возвращались в свои прежние палатки, а мужчины произносили клятвы. Тем не менее, за пределами действия перемирия и соглашения крарлы нападали друг на друг без разбора. Дагкта иногда враждовали между собой и непрерывно со скойана, моуи, итра и всеми остальными. Вы могли вести меновую торговлю и делиться мясом с кем-нибудь зимой и летом, а весной вы должны были с ним рубиться. Таков был обычай племен, и, возможно, в их туманном прошлом такая схема имела свои основания. Но как и в других обычаях, осталась только кожа, а сам плод давно исчез. Я служил этому обычаю — он подходил моему нраву, давая мне возможность щедро расточать мою ненависть, — но я никогда не считал его благородным или мудрым. Только на черном болоте племена не сражались. Говорили, что они почитают Книгу, а не божество, и их считали странными. Но поскольку у них не было лошадей или богатства, о них говорили с пренебрежением и оставляли в покое.

Естественно, эти маленькие войны обряжались с ритуальной значительностью. Сначала водружалось копье войны, потом исполнялся танец войны, сопровождаемый призывами демонов, одноглазого змея и многочисленных тотемов. Я не поклонялся ничему этому, рано поняв примитивность и бессилие племенных богов. Обычно люди создают богов по своему образу и подобию.

Кроме того, я уже верил в себя самого, в свое собственное тело и в то, что оно может сделать, и это не было удивительным после всего, что со мной происходило раньше. Я видел, как храбрецы увешиваются амулетами, оставляют подношения духам и все равно получают копье в горло. Я же, не обожествляя ничего и не откупаясь молитвами, скакал среди врагов невредимым, кося их, как летнюю пшеницу. Если мужская половина крарла гордилась кровавой резней, то я превзошел их всех и заметил, что некоторые заглядывают мне в глаза и у них начинают дрожать колени, когда я приближаюсь к ним.

Я нашел в убийстве сладкую острую радость. Раньше я не осознавал этого достаточно сильно. Выучив этот урок, я сражался бы круглый год, во все времена года. Во всяком случае, я убил больше тридцати человек к тому времени,

как мы достигли восточных пастбищ и летней стоянки, и получил прозвище среди крарлов, с которыми мы воевали: Темный Воин Красных Дагкта, Немеченный. Приятно было видеть, как на смену насмешкам и подмигиваниям пришли смятение и ужас. Мой собственный крарл боялся меня больше всех, но, как и Эттук, они начали хвастаться мной. Я раскрашивал себя черными, алыми и белыми красками вместо татуировки и выезжал как утренний дьявол. Я носил волосы распущенными, они никогда долго не удерживались в косах; пусть кто-нибудь поймают меня за них, если ему вздумается, и увидит, как я вознагражу его за беспокойство.

В последней битве перед разбивкой палаток меня ранили в бедро, клинок обломился, и часть лезвия осталась в теле. Когда пришли его вытащить, оказалось, что он плотно оброс мышечной тканью. Пророк сверкал зубами по крарлу и сказал Эттуку, что его сын умрет от грязной раны, но все начисто зажило, к огорчению их обоих.

Со времени Обряда для мальчиков Сил держался от меня на расстоянии, и его слова доходили до меня через вторые руки. А после танца войны его дочь никогда не предлагала мне своего тела, что, конечно, разбило мне сердце.

Тем летом я взял жену. Теперь, когда был мужчиной и не жил в палатке для мальчиков, мне нужна была жена, чтобы следить за моей одеждой. Тафре это не нравилось. Она пыталась угадать, каких девушек крарла я буду ценить больше, чем ее. Но скоро и она, и девушки поняли, что больших изменений не произойдет.

Отец Чулы Финнук вошел в раскрашенную палатку в брачный месяц и сказал, что у нее будет от меня ребенок, и я должен признать ее. Эттук позвал меня, привели девушку. Она сильно изменилась со времени наших последних сношений, глаза ее были опущены, веки выкрашены в зеленый цвет, а шайрин вышит бабочками из голубого шелка. Финнук увешал ее фамильными драгоценностями, чтобы показать мне, какое приданое я могу ожидать: золото, серебро и один большой изумруд, которым они справедливо гордились.

— Видишь, — сказал он, постучав по ее тутому животу, — это твой посев, Тувеке Нар Эттук.

— Так ли? — сказал я. — Откуда мне это знать?

— Чула была нетронутой до того, как легла с тобой в прошлый листопад.

— Я не отрицаю, что овладел ею, но, может, с тех пор ее и другие посещали.

При этих словах ее глаза полыхнули, сверкая как изумруд, но не такие зеленые. Я никогда не видел ее без вуали, но есть способы судить о лице женщины даже через материю, и она была довольно красива по меркам племени. У нее было приятное тело и отличные зубы, о чем у меня было основание помнить.

— Котта говорит, что это ребенок от единственного посева, — заявил Финнук. — Она плодородна, очень хорошая почва, моя дочь.

— Может быть, это будет девочка, — сказал я. — Если она производительница девочек, я ее не хочу. — Но ко мне возвращалось желание. Вспышка в ее глазах возбудила меня слегка, чего не скажешь об опущенных веках. — Забирай ее назад в свою палатку, — сказал я. — Если ребенок мой, она родит до конца месяца. Если она сделала мне сына, я ее возьму.

Я чуть не рассмеялся при виде ее глаз. Я предвидел бурные времена, если мы поженимся.

— Удивляюсь, что она хочет этого, — заметил я. — Она потеряла зуб в моем плече в прошлый раз.

Примерно за шестнадцать дней до конца месяца она разродилась, и это был мальчик. И никакого сомнения в отцовстве, потому что хохолок его был черный.

Нас соединил жрец из другого крарла дагкта, Сил отказался, так как между нами была вражда. Он хотел тем самым пристыдить меня, но ему не удалось. После окончания сражений летнее перемирие опять сближает племена, и за холмом был широкий выбор других святых людей. Чтобы сделать женщину собственностью воина, требуется всего несколько слов, произнесенных в центре огненного круга.

В моей палатке она прибралась, достала серебряную чашу, которую я добыл в одном из налетов, и принесла в ней пиво для меня, как послушная жена. На брачную ночь она оставила ребенка со своей матерью. Мне тогда было пятнадцать, а Чула была на два года старше, но я был выше ее, и мужчины принимали меня за девятнадцатилетнего и даже старше, если не знали даты моего рождения. Когда я отвел ее шайрин, я увидел, что она хорошенькая и хорошо знакома с зеркалом. Ее отец был с ней, несомненно, мягок. Она принесла изумруд как часть своего прида-

ного, и к концам ее волос были прикреплены позванивающие золотые колокольчики. Глаза ее были кротко опущены. Она ни разу не взглянула на меня с того памятного взгляда в палатке Эттука.

— Ну, — сказал я. — Что на этот раз?

— Я твоя первая жена, — сказала она, — и я принесла тебе сына.

— Возможно, ты будешь не единственной моей женой, которая родит мне сына, — сказал я.

— Возможно, — сказала она, — но я была твоей первой женщиной, а этого изменить нельзя.

Тут она пристально посмотрела на меня твердым блестящим взглядом и обвилась вокруг меня плотно, как трава. Я был удивлен ее горячностью.

Потом она не хотела отпускать меня. Это была активная ночь.

Позднее я слышал, что она хвасталась мной по-женски. Она также гордилась ребенком, который был красивым, здоровым, крикливым и энергичным малышом. Я не очень сильно им интересовался, несмотря на свои громкие воинские речи о нем в раскрашенной палатке. Нелюбовь Эттука не могла научить меня особой любви к детям. Сын мой рос, как трава.

Летом, кроме охоты, заниматься было особенно нечем. На деревьях зрели плоды, и дикие сады и поля, засеянные ветром, снова плодоносили по склонам гор. Все это не относилось к мужской работе. Это были земледельческие заботы женщин и детей.

К северу от наших пастбищ лежали руины, старые города с развалившимися крышами из розовой плитки и широкими улицами, задушенными молодыми деревьями. Каждый год голодный лес отнимал у городов все новые участки. То тут, то там тонкие башни возносились к небу, такие высокие, что, казалось, задевали облака. Я задавался вопросом, кто мог построить их. Белые камни на голых зеленых холмах воспринимались мной как заборы-гиганты, потому что с каждым годом они все больше вращались в землю, а я рос вверх.

Половина племен избегала города. Хинга и дрогоуи утверждали, что тот, кто пойдет туда ночью, умрет, а темно-волосые крарлы, народ Тафры, никогда не отваживались заходить так далеко на восток. В младенчестве Тафра рассказывала мне о разрушенных дворцах, где драконы сто-

рожили сокровища, а духи гремели копьями — сказки, которыми наслаждается любой ребенок. Но с тех пор я часто там охотился в лунные ночи, один со своими собаками, и ничего страшного там не встретил за исключением одного-двух кабанов, которые доставили некоторые хлопоты, не желая отдавать свое мясо. А однажды промелькнула большая кошка, белая как молоко, и заставила меня вспомнить мой сон во время лихорадки и серебряную маску-рысь. Я много награбил с тех пор, но ничего более прекрасного не встречал. Даже изумруд из приданого Чулы я ценил меньше.

Я все еще ходил в палатку моей матери. Я приносил ей лучшие куски со своей охоты и сидел, наблюдая ее за ткацким станком. Но между нами пролегло какое-то молчание, темное, как вуаль, которую она теперь всегда носила в моем присутствии. Я считал, что виной всему моя женитьба, но сердцем я чувствовал, что между нами встала серебряная рысь, хотя она о ней не заговаривала. Наконец мое терпение иссякло, и после этого нам стало еще тяжелее, чем раньше.

В Ночь Сиххарна, когда мужчины красных крарлов несут караульную службу против духов, а женщины собираются вместе для своего собственного дозора, Чула сидела среди факелов с ребенком на руках, грустя по поводу того, что я недавно нашел себе другую, которая нравилась мне не меньше: она-то надеялась привязать меня, как вола. Все женщины сидят вместе в Сиххарн, и Тафра сидела со своей пряжей рядом с Коттой. Вскоре Чула поднялась и, не прерывая кормления мальчика, подошла к Тафре и заговорила с ней. Я не знаю, какие именно слова Чула выбрала, но суть их сводилась к тому, что я предпочитаю лежать на своей матери, нежели на жене, и проделал это много раз.

Женщины всегда были готовы усыпать дорогу Тафры камнями. Их уши, должно быть, радостно наострились. Котта сказала что-то в том смысле, что от кислого настроения у Чулы свернется молоко. Но Тафра молча встала и ушла в свою палатку.

Всегда найдутся языки, с радостью разносящие любые новости. Я услышал о том, что произошло, утром. Я сразу направился к водопаду, к которому женщины ходили за водой. Чула была там, и еще тридцать или больше женщин, что было отлично, потому что я хотел, чтобы они ви-

дели. Я подошел к Чуле и ударил так, что она упала на землю, и горшок с водой разлетелся на куски. Женщины закричали и отпрянули, но Чула от страха не могла кричать.

— Еще раз поговори с моей матерью так, как в Ночь Сиххарна, и будешь молчать всегда, потому что я сломаю тебе шею.

Потом я наклонился — она догадалась и пронзительно закричала — и сорвал с цепочки зелено-голубой камень. Я потряс им перед лицом Чулы.

— Это будет знаком того, что ты приносишь извинения.

Она была не настолько глупа, чтобы спорить, хотя глаза ее выскакивали из орбит от испуга и бешенства.

Затем я отправился к Тафре, но там был Этгук; я слышал его хрюканье и сопенье. Я чуть не обезумел от ярости. Я взял копья и собак и пошел в лес один, чтобы найти в охоте успокоение и еще что-нибудь, что смогу отыскать.

Собаки были хорошие. Я получил их на собрании дагкта пару весен назад, двух длинноногих дьяволов с кисточками на хвостах, цвета серого песка; их почти невозможно было отличить друг от друга.

Угрызения совести, которые я испытал на последней своей мальчишеской охоте, когда убил оленей у зимней заводи, оставили меня. В тот день я увидел смерть, какой она была, только потому, что боялся, что сам нахожусь на краю гибели. Но я выжил и убивал мужчин с тех пор, не щадя их крови и боли.

Собаки быстро нашли след самца оленя и весело бежали по лесным дорожкам.

Лес горел янтарем, золотом и рубинами осени, а тропинки были засыпаны опавшими красными листьями. Запах дыма от костров и факелов Ночи Сиххарна задержался здесь, как запах самого догорающего города.

Лапы собак отпечатывались на листьях. Вскоре моя ярость остыла под багровыми ветками.

Мы так и не взяли самца. Это был глубокий след, яркий, но не свежий, но мелкой добычи было множество. Я с такой же легкостью потерял в лесу день, с какой и мое плохое настроение. На закате солнца, не собираясь еще к своей жене и в свою палатку, я развел огонь при помощи кремней и обжарил мясо своей добычи. Я поел как всегда немного, отдавая лучшие куски собакам, и они с наслаждением ворчали над ними.

Сумеречное небо сияло и разливалось сквозь деревья, как вино, делая лес тихим, как озеро, только осенний ветер что-то говорил. Я держал нож под рукой и не боялся спать под открытым небом. Немногие дикие твари бросятся на человека в теплые месяцы года; даже волки ходят жирные. Если кто-то появится, собаки поднимут меня.

Когда я потянулся перед сном, я почувствовал себя очистившимся, самим собой, таким, каким я был, мальчиком, которому ни перед кем не надо отвечать и которого не омрачают никакие ссоры. У меня было желание отправиться одному на рассвете, оставив позади очаг, палатку и крарл, обычаи и гордость, злобную жену, язвительные слова и битву-вожделение и всю чушь моего прошлого. Да, даже оставить мать с ее лицом, укутанным в черное. Хорошо мечтать, хотя чувствуешь, что якорь крепко сидит в дне твоей жизни.

Я проснулся в полночь. Сел и огляделся, но собаки лежали спокойно, как серые валики, уткнувшись носами в мясные кости. Небо было многозвездным, а деревья окутаны легкой тенью. Казалось, нечему меня разбудить, однако это было как чары. Я поднялся на ноги, сделал шага два. Собаки продолжали спать, лес тоже, и я остался один на один с тем, что притягивало меня.

Я ступал тихо, но без опаски. Я прошел шагов восемьдесят и думал возвращаться, как вдруг оказался в более старой части леса, где деревья были подобны массивным колоннам, а воздух тяжел от их смолистого аромата. Возможно, именно этот аромат и разбудил меня, это застоявшееся невнятное бормотание почвы, коры и веков на свежем воздухе.

Между стволами была открытая площадка, и в центре ее что-то белое.

На минуту мной овладели безумные мысли, припомнились истории. Потом я рассмотрел. Здесь из земли бил ключ, и около тысячи лет назад была установлена чаша для собирания воды, а над ней на постаменте — мраморная девушка. Я думаю, она была богиней ключа или рощи.

Чаща позеленела и обросла травами, воду даже ручейком нельзя было назвать. Лианы обвинили постамент, как темная веревка. Но она, девушка-богиня, была чиста как утро под луной, которая все еще лила на нее свой свет сквозь листья.

Она была человеческого роста, не высокая, но строй-

ная, с прелестными крепкими грудями и талией танцовщицы, и ее вырезанные в камне одежды струились по бедрам, как змейки. Лицо ее обветрилось, но все равно было прекрасно, как ни одно женское лицо, какое я когда-либо видел. И ее каменные волосы разлетались лучами, как застывшее пламя, поднятое каменным ветром.

Я никогда не встречал еще девушку, которая была нужна мне больше, чем на час с небольшим. Странно найти ее заключенной в мрамор. Должно быть, полночный час и древность леса подействовали на меня, но у меня было представление, что она будет моей, что она сойдет с пьедестала и оживет для меня.

Тут я услышал, что собаки залаяли, как на медведя. Я повернулся и, ругаясь, побежал назад, и чары разрушились. Я понял, что собаки просто искали меня, больше ничего не случилось, и они кинулись ко мне, глупо виляя хвостами, улыбаясь и тяжело дыша.

Я не вернулся в рощу даже утром. Я знал, что найду разрушающуюся запаршивевшую статую с расколотым лицом и порослью мха между губами. Не будет хватать кука плеча или груди. Я не хотел этого видеть.

Возвращаясь домой в крапл, я вспомнил об изумруде в моем поясе.

Казалось, я отсутствовал годы; в этой ночи было что-то, что изменило меня. Я ожидал увидеть новые лица, а Эттука, Тафру и Чулу давно в могиле. И впрямь — сон мальчика. Спускаясь, я вскоре увидел дым от главного костра и дальше дымы других костров, где расположились другие краплы.

Я вошел в палатку Тафры, она была одна, в отличие от предыдущего дня.

Я не намеревался проявлять утонченность манер. Я показал ей камень Чулы.

— Возьми и носи это. Я сказал, что она пожалеет, если оскорбит тебя снова.

— Нет, — сказала мать нерешительно, — я не хочу ее драгоценность.

Я кинул изумруд к ее зеркалу и повернулся, чтобы уйти.

— Подожди, — сказала Тафра, и ее голос был так полон боли, что мне тоже стало больно. — Тувек, ты ненавидишь меня за то, что она сказала?

Я подождал, стоя к ней спиной. Когда овладел собой, я сказал:

— Девчонка безмозглая. Неужели от тебя я должен слышать ту же глупость?

— Скажи, что мне делать. Я сделаю это, — проговорила она. — Я не вынесу твоего гнева. Ты все, что у меня есть.

— Я сказал, что тебе делать. Ты будешь носить ее украшение.

— Да, — сказала она.

Услышав ее тон, я огорчился. Я ни разу не ссорился со своей матерью.

— Когда я приду сюда в следующий раз, — сказал я, — не закрывай лицо вуалью.

— Закон крарла...

— Думаешь, один из их красных богов ударит тебя, если ты слушаешься? Слушайся меня.

Я прислушивался к ее движениям, зная, что добился своего. Она подошла ко мне и дотронулась до моей руки, и она сняла маску с лица.

Я не видел ее лица уже несколько месяцев. Оно было не таким, каким я его помнил. Стоя близко, я не мог не разглядеть ее возраст. Через входной клапан палатки проникал свет и освещал мне морщинки около ее глаз и рта. Ее красота утасала, как пламя. Мне захотелось плакать. Я зарылся головой в ее волосы, чтобы не видеть. Она подумала, что это лишь проявление любви. Это обрадовало ее.

Часть II: Воин

1

Время шло; я не чувствовал, как оно проходит. Времена года мелькали, как люди в тумане.

Моя палатка была богата награбленным, и мои жены сияли и сверкали в добытых мной украшениях. За четыре года я женился еще на двух девушках, полагая, что они будут сражаться между собой и стачивать свои когти, прежде чем идти жаловаться ко мне. Чула рожала мне сыновей три лета подряд, а Мока выпустила из своих ворот сразу двоих за одну ночь, и в следующую зиму еще двоих. Асуа, казалось, настроилась на больных девочек, большинство из которых умирало. В девятнадцать лет у меня было семь

законных сыновей и два незаконнорожденных в крарле Эттука и еще три или четыре в дальних крарлах.

Я убил в сражениях столько мужчин, что потерял уже счет. Магическим ритуальным числом в крарлах было сорок. Считалось, что это число умиротворит любых духов. Сказать, что ты убил сорок мужчин, значило сказать, что ты положил легион. Итак, Тувек-Нар-Эттук, убийца сорока, хозяин трех женщин, производитель тринадцати сыновей, был существом, которого приветствовали мужчины, существом, на которого упорно смотрели женщины, существом, от которого воины бежали или на которого нападали с копьями. Внутри этого существа был я. Если поместить леопарда в клетку и закрыть ее от света, никогда не узнаешь, что леопард там. Он будет спать, тосковать и умерет. Так же было и со мной, только я не подозревал этого: зверь в завешенной клетке, спящий, полумертвый и немой.

Эттук старел, серел и седел, но был еще крепок и рад воевать. От пьянства у него было огромное пузо; его нужно было поддерживать, чтобы посадить в седло, и очень часто маленькие лошади падали под ним замертво после дневной скачки. Возраст не мешал ему заниматься и другой ездой. Он не взял ни одной новой жены, но у него была пара потаскушек, к которым он ходил теперь чаще, чем к Тафре. Я понимал, что это пугает ее, она боится, что будет отвергнута. Она прилагала усилия, чтобы вернуть его. Во время летних и зимних перемирий следопыты мои часто приходили прямо в крарл и стояли у палатки Тафры, предлагая на обмен изысканности древних городов: духи, благовония, даже порошки для поддержания крови. Время от времени ее бледная рука, тяжело увешанная кольцами и браслетами — знаками прежнего вождения Эттука, раздвигала полог палатки и показывала на ту или иную вещь, которую она возьмет.

Я хотел сказать ей: пусть он уходит, тем лучше. У меня есть палатка, богатство, я могу позаботиться о тебе. Но слова почему-то не шли. Мне было неловко говорить о его спаривании с ней. Кроме того, она нервничала и из-за меня, наследника Эттука.

Я начал думать о смерти Эттука, о времени, когда я должен стать во главе племени. Странно, что я не думал об этом раньше. Но титул и крарл стояли так мало, что вряд ли мне даже снилось, что я хочу или тайно желаю их.

В действительности мои мысли об этом были отрывочными и беспорядочными. Крарл боялся меня в сражении, но не любил меня. Если бы у них был предлог, они бы могли прикончить выскочку-чужака, и с радостью. Мне нужно было бы действовать с такой исключительной хитростью в деле устранения Эттука (который им вполне нравился, будучи точно таким, как они), что я сомневался в возможности осуществления какого-либо плана. Временами на протяжении тех лет, которые прошли со дня моей битвы с четырьмя смельчаками, я чувствовал, как ненависть Эттука горячим ветром обжигала мне спину. Будучи тугодумом и глупцом, расположенным больше к увеселениям, чем к мыслительной деятельности, он тоже не имел реального плана относительно того, как избавиться от меня. Ему тоже понадобилась бы хитрость, ибо по видимости я был ему хорошим сыном, всегда учтивым, всегда присоединялся к его решению во всех соглашениях и маленьких советах, происходивших иногда между крарлами, всегда делал ему подарки из своих трофеев. Нет, ему нельзя было просто так повалить меня у них на глазах. Без сомнения он надеялся, что сражения сделают это за него, потому что я действовал в бою как безумец, но удача не покидала меня.

Зима моего девятнадцатилетия была очень плохая, худшая на моей памяти. На протяжении многих дней снег сыпался густым занавесом, а потом замерз, как белое железо. Горные волки рыскали тощими стаями. Они приходили в лагерь по ночам через щели в частоколе, невзирая на копыта и костры, истекая слюной от запаха человека. Другой добычи не было.

Перемирия тоже были нарушены. В месяц Серого Пса пятьдесят скойана напали на крарл Эттука черной ночью. Они взяли стадо коз и несколько лошадей (к тому времени мы начали есть лошадей) и угнали их за остроконечные хребты. К рассвету они были уже за три долины от нас. Эттук дал мне двадцать человек, к ним присоединились еще некоторые из соседних крарлов дагкта, которым скойана тоже нанесли визит, и мы настигли их. Мы бились в узкой балке, с трех сторон окруженной горными хребтами, теснившими нас друг к другу. Белая земля вскоре окрасилась кровью, и наутро вдоль границ лагеря дагкта было выставлено порядка сорока красных голов с татуировкой скойана в знак предупреждения другим с подобными намерениями.

Моуи тоже иногда грабили нас, но чаще они вели мено-

вую торговлю. В ту зиму серебряные цепочки и железные городские кинжалы шли за козью ногу или половину конской печени. Мы кое-что слышали также об их городских друзьях, всадниках на горных перевалах в глубоком снегу, сверкавших драгоценностями, изголодавшихся, как и племена, но никто не знал, зачем они там — за мясом, рабами или просто сошли с ума.

Погода не переменилась ни в месяц Черного Пса, как это обычно бывало, ни в месяц Кнута, когда должны были задуть ветры и пройти первые дожди. Некоторые старики принялись рассказывать, что уже была такая зима, когда они были воинами, и что это был год катастроф и разочарований. Но старики вечно крутят эту шарманку. Лето было жарче, зима холоднее в пору их силы, а воздух напоен героическими событиями и чудесами.

Жрецы, Сил тоже, поднялись в какую-то горную пещеру и в течение трех дней завывали и били в гонги. А много нам это дало?

Никакой охоты не было на протяжении всей цепи долин. Дети падали и умирали, и племена выбрасывали всех младенцев женского пола, родившихся в палатках. В это неудачное время Асуа родила четвертую девочку. Несмотря на свою слабость, моя жена колотила меня кулаками, когда я достал ребенка из корзины.

— Тихо, — сказал я. — Это закон. Твои отпрыски все равно умирают.

— Эта будет жить, — закричала она. — Клянусь, она будет жить. Она вырастет красивой и принесет тебе честь в замужестве, о, Тувек, не отбирай ее у меня!

Я посмотрел на ее лицо, залитое слезами и бледное, как творог. Она была хорошенькой когда-то, но рождение детей, их смерть, и печаль, и голод изменили ее. Мне стало жаль ее, бедняжку, у нее ничего больше не было. Ребенок все равно умрет, как я сказал, и, кроме того, к черту их законы; я сам себе хозяин.

— Ладно, — сказал я, — сохрани ее.

Два дня спустя по горам пронеслись ветры, но без дождя. Мощные порывы взметали лед и сваливали в кучи вокруг всего, что стояло. Вскоре огромные лавины понеслись по высоким склонам на север; они гремели день и ночь.

Однажды утром буря стихла, и я подстрелил пару костлявых зайцев, промышлявших среди деревьев. Ребра у них торчали, как и у людей, но я был рад заполучить и это.

Я намеревался оставить одного зайца в палатке Тафры. Съедобные подношения Эттука стали теперь скуднее, так как ему надо было поддерживать пухлость своих двух шлюх. Но когда я пришел туда, ее не было. Как обычно, какая-то женщина бездельничала поблизости, присматривая за огнем в углублении.

— Где моя мать?

— Она ушла к Котте, — сказала женщина.

Меня это обеспокоило, так как, хотя Котта и моя мать часто бывали вместе, женщины ходили в палатку Котты только когда нуждались в помощи или болели.

Я отдал зайцев женщине, чтобы она ошкурила и очистила их, сказал, что ее ждет, если она украдет хоть часть из них, а потом направился по тоннелям к жилищу Котты.

Я не вошел сразу, никогда не знаешь, какие женские дела там происходят, и окликнул ее снаружи.

— Минуту, воин, — сказала Котта.

Я услышал приглушенные звуки рвоты, и живот мой сжался, как клубок змей.

Вскоре из палатки появилась фигура слепой целительницы, темная на фоне белого снежного света. Она что-то проверила, а потом подошла ко мне.

— У тебя Тафра? — спросил я ее.

Ее синие, слепые, видящие глаза посмотрели в мои, как два кремня.

— Тафра.

— Она больна?

— Нет. Не больна. Она носит еще одного сына для Эттука.

Шок от ее слов ударил меня, как кулак. Я знал все истории — как Котта при помощи своего искусства помогала Тафре избежать беременности, что новые роды убьют Тафру, как это почти случилось при моем рождении. Я сказал:

— Значит, твое волшебное зелье подвело ее? Ты пробуешь другое колдовство, чтобы избавиться от этого?

— Что? — сказала она, еще суровее, чем я. — Ты думаешь, Котта настолько глупа, что будет замысливать что-то против семени вождя?

— Не сердь меня, женщина. Я знаю, чем ты занималась. Думаешь, я хочу, чтобы она рожала этого ребенка? Это убьет ее, правда? Она не молоденькая девочка, и едва

не умерла из-за меня. Поэтому освободи ее. Красный боров имеет достаточно сыновей.

— Я слышала, ты следишь за своим языком, когда говоришь с воинами, — сказала она. — Тебе следует следить за ним сейчас. Может, я скажу Эттуку, как его наследник говорит о нем.

— Скажи. Но сначала освободи ее от этого бремени или мы поговорим по-другому.

Она засмеялась, всего один смешок, и, приподняв вуаль, плюнула. Она стояла, большая и грубая, откинув голову назад.

— Не учи меня, черноголовик. Я не твои хнычущие жены, что выполняют твои приказы и любят это.

Я поддал бы ей так, что она полетела бы, но услышал вдруг, что Тафра зовет меня из палатки.

Я отложил удар и прошел мимо Котты сквозь полог.

В палатке сильно пахло женщинами, травами и жженым углем жаровни. Тафра лежала на коврах, но приподнялась на локте, чтобы посмотреть на меня. Она больше не носила шайрин в моем присутствии, и она была бледнее Асуа, когда та плакала и просила о жизни своей дочери.

— Все хорошо, Тувек, — сказала Тафра, улыбаясь мне. — Это сделает мне честь, я ведь думала, что уже вышла из такого возраста.

Я посмотрел на нее, на ее белое сжавшееся лицо и зеленовато-голубой изумруд Чулы в ямке под горлом.

— Я убью его за это.

Она посмотрела на меня в ужасе и вцепилась в мое запястье.

— Нет, Тувек. Нет. Это хорошо. Я счастлива. Теперь он останется верным мне.

Котта вошла позади меня. Она сказала:

— У него разболтанный язык, у прекрасного воина, когда он спускает свои мысли с поводка. Неужели ты думаешь, мальчик, что я ничего не сделала, чтобы помочь твоей матери? Я давала ей зелье и делала другие вещи, но плод закрепился. Я ничего больше не могу сделать, иначе я поврежу ей. Раз так случилось, я должна постараться сделать так, чтобы у нее было достаточно сил для родов. Женщины ничего не знают. Первый ребенок часто трудно рождается. Он прокладывает путь. Потом легче.

Глаза Тафры были безумными от страха и страдания, и она снова улыбнулась и сказала мне, как она счастлива.

В ту ночь зиму прорвало. Дождь хлынул потоками, и нижние тоннели были затоплены. Потом вышло солнце, бледно-желтое, как обесцвеченная медь.

У моуи существовало поверье, что летнее солнце — это золотая девушка, которая играет на дудочке, призывая все живое выйти на землю. Внезапно черно-зеленая пустота долин оживает и наполняется птицами и зверьем как по волшебству. И когда они начинают танцевать в травах, голодные охотники настигают их. Птица накалывает червяка, большая кошка перегрызает птичке шею, человек вонзает свое копье в сердце кошки. Таков мир. Даже человеку лучше бы оглядываться назад: поблизости может оказаться волк или другой человек, или судьба — самый голодный охотник из всех.

В месяц Стрелы началось переселение с гор на Змеиную Дорогу, и зимнему перемирию пришел конец. Перед тем как снимать палатки мужская половина крарлов дагта собралась на верхней долине для весеннего совещания.

На сборище все одевались в самое лучшее, заразился и я. Леггинсы из темно-синей шерсти и шерстяная рубашка алого цвета, отделанная ярко-синим и белым, сошедшие с ткацких станков моих жен. Высокие сапоги и куртка из оленей шкуры, при этом куртка усеяна золотыми кольцами. Плащ из меха черного медведя, с которого я сам его снял; плащ был отделан каймой темного пурпура, застежки были из серебра. Пояс для ножей был из красного бархата, выменянного у моуи, городская вещь, так же как и два железных ножа в нем.

Я позволил Моке побрить мне лицо бронзовой бритвой, потому что у нее не дрожала рука.

Она уже опять распухала, еще один дуэт мальчиков, возможно. Вид ее живота терзал меня, напоминая о Тафре. Чувствуя свое бессилие в этом случае, я старался отогнать эти мысли прочь.

У меня на выгоне был достаточный выбор лошадей; мы съели многих в голодную зиму. Я сел в седло и вскоре выехал с родными моих жен, по традиции женитьба роднила и мужскую часть семьи. Я знал, что могу доверять Доки, родственнику по линии Асуа, и Финнуку — отцу Чулы, так же мало, как и остальным, а старшим братом Моки был Урм, тот, кого я сбросил в моем испытательном

бою на война. Я сломал ему ногу, и она плохо срослась, так что у него не было особой причины благословлять мое имя.

Мы въехали на долину собрания в полдень, когда солнце стояло подобно золотому щиту прямо над колоннами черных сосен в конце дороги.

Вожди крарлов встречались здесь ненадолго, обменивались рукопожатиями и сувенирами. Семьи выплачивали Кровавые Выкупы, и начинались новые враждования. Вскоре воины напивались и затевали поножовщину, когда мочились на деревья.

Внизу у костров сыновья вождей находили обычные предварительные способы для соперничеств и состязания, скакали на неоседланных жеребцах, метали копья в мишень или просто пили на спор, пока не падали ничком или не выхватывали ножи и сваливались замертво. Я не участвовал в пьянстве, будучи не в состоянии проглотить больше одной чаши. Но моя гордость заставляла меня участвовать в других состязаниях. Каждый год они вызывали меня испытать мой лук или копье, или ту или другую лошадь, все время молясь своим демонам, чтобы я опозорился, но я разочаровывал их и всегда побеждал. Они никак не могли научиться. Вскоре я выиграл у них набор прекрасных очищенных стрел из белого дерева с алым оперением, десять бронзовых колец и чей-то плащ из волчьей шкуры.

Ничто в природе или моей голове не говорило мне, как изменится моя жизнь за этот день, не предупреждало меня об охотнике, нацелившем древко своего копья в мою спину.

Выше по склону был родник с чистой водой, куда я отвел своего коня напиться на закате. Пока он пил, я стоял под деревьями и оглядывал сначала долину, которая превратилась от костров в тарелку, полную дыма, потом высокую гряду горных чащ на западе и севере.

Сосны, подобно стойкам темного ткацкого станка, ткали гаснущий закат солнца между стволами. Это был хватающий за душу свет, красный, умирающий свет, но чистый, как кристалл. Горы стояли на фоне этого света в сгустках тени и гребнях пламени, и каждая была похожа на огромный гаснущий уголек в очаге солнца.

Потом полыхнула вспышка, как искра из этого очага. Потом еще и еще.

Я вгляделся туда, откуда вылетали эти искры, и увидел, что некоторые из горных теней ожили и надвигались с запада зубчатой волной.

Я приставил руку к глазам, заслоняясь от солнца, и разглядел всадников, скакавших с запада, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят, и искры летели из драгоценных камней на их одежде и сверкали в поводьях их высоких коней. Драгоценности и кони прищипорили мою память, и бесчисленные рассказы всплыли в моем мозгу.

Я оставил своего коня у водопоя. Обеспокоенный, он повернулся и наблюдал, как я бегу вниз по склону к долине собрания.

Я довольно быстро нашел своего отца Эттука в зарослях колючих деревьев. Он углубился в азартную игру в кости, только что проиграл золотой самородок и гремел про несправедливость, и пил как водосточная труба. Они все были пьяны, но по сравнению с Эттуком казались трезвыми. Поблизости на костре жарился скелет тощего оленя, брызгая на них вонючим жиром.

— Мой вождь, — сказал я, — я должен поговорить с тобой.

Он кивнул мне, на лице его застыла маска веселья, а глаза были затуманены неприязнью и пивом.

— Мой сын Тувек, — сказал он. — Привет, мой прекрасный сын от моей прекрасной темноволосой кобылы, моей женщины, которая делает мне мальчиков, которая даже сейчас готовит мне нового прекрасного Тувека в своем животе. — Он потряс мешком с пивом, и окружающие заготовали, салютуя его мужской силой.

— Отец, — сказал я, — выпей воды, чтобы прочистить мозги. Что-то происходит. Тебе бы лучше протрезветь.

Это был неподходящий тон для сообщения моей новости. Но в раздражении мне было не до того.

Он оторвался от игры в кости, вскочил, проливая пиво на рубашку, стиснув желтые зубы. Уже полгода он доставал бровями только до моего плеча, что его не устраивало. Он размахнулся своей потной лапой и ударил меня по лицу. Я не стал уворачиваться, хотя мог сделать это; он был медлительный, как патока. Я даже не покачнулся — красный боров был сейчас как подушка, никаких мускулов — но моя собственная рука инстинктивно начала подниматься в ответ. Я бы расплющил ему нос, если бы позволил себе закончить движение.

Я остановил себя и сказал:

— Мой вождь, какие-то всадники приближаются к долине. Сомневаюсь, что намерения их мирные. Судя по украшениям, это могут быть городские налетчики.

Этук не услышал. Он разрывался от бешенства.

Я еще спокойнее сказал:

— Прошу прощения, мой вождь. Это я пьян; я говорил необдуманно. Я спешил предупредить крарлы.

Поднялся другой вождь; он заревел, и мужчины стали затаптывать костры.

И тут прогремел голос, который заставил замолчать нас всех.

Казалось, небо над головой расколосось вдоль белого металлического шва; после этой распиливающей, пронзительной трещины ударил раскат грома, взрывая землю.

Почва задрожала. Запахло горящими деревьями. Поднялся черный дым, извиваясь и клубясь, и оставляя за собой красное месиво. Из этого красного месива, спотыкаясь и пошатываясь, поднялись мужчины без рук или лиц. Закружилась собака, пронзительно лая, половина живота у нее путалась между лапами.

Когда схлынула кровавая волна, сверхъестественное распарывание неба повторилось. Люди распластались ниц, как перед богом. Этот гром ударил дальше, к северу. И из того района взмыла вторая кровавая волна криков и ужаса и спала, иссякнув.

Я ничего не знал до этого о городских пушках и железных снарядах, которые из них выпускались. Этот первый урок был основательным. В первый раз меня охватил настоящий ужас. Для меня ужас выражался в полной беспомощности перед механизмом, не знающим законов, неизвизимым.

Мы лежали на дне долины, ожидая смерти. Смерть еще дважды прочесала долину. И, наконец, настало время, когда она не возвратилась.

Наступило временное затишье, не тишина, а какое-то сдерживание звуков и криков, и через это марево дыма и копоти на западном склоне загрохотала лавина. Никакого воя, никакого улюлюканья бойцов в атаке. Только стук копыт и звенящее пение отделанных драгоценностями доспехов.

Что-то заставило меня пошевелиться и попытаться слепо подняться, обнажив в оскале зубы.

Я понял, что лежу на матрасе из пепла и веток, в крови, своей или чужой. В это мгновение какой-то зверь с всадником на спине влетел в колючий кустарник.

Это был конь, черный и лоснящийся, как акулья кожа, с вытянутой по-змеиному тонкой шеей и широко разинутой пастью. Всадник был в слепящих, как молния, украшениях и зияющих дырами истрепанных мехах. У него было золотое лицо, лицо золотого ястреба, а над ястребиным гребнем знамен развевались волосы цвета белого шафрана.

Он не взглянул в мою сторону, вероятно, посчитав меня мертвым.

Сплетения колючек раздвинулись. Конь и всадник исчезли.

После этого наступила тишина. Я скинул труп со своих ног и встал, осматриваясь по сторонам, отупело вспоминая, где я и кто. Вскоре я протиснулся сквозь обломки деревьев. Жарившийся скелет оленя увеличился в размере благодаря человеку, упавшему сверху, и теперь они жарились вместе.

Вдоль долины видна была тропа, промятая всадниками, как след, вырезанный в щетке. Они выстрелили своими адскими молниями, затем проскакали по краям меса, стогняя людей впереди себя, как умные волки поступают со скотом, а затем, сбив их в стадо, погнали маршем-броском через горные хребты прочь. Был небольшой бой, очень короткий. Никто с золотыми и серебряными лицами не остался кормить ворон, пронеслись без потерь, дьявольские кони перескакивали через скалы в рубиновые сумерки, как будто к их ногам были прикреплены крылья.

Это был дикий налет безумцев. Беспорядочный, опустошительный, неудержимый. Они захватили около тридцати человек, и еще пятьдесят умрут от ран до восхода луны.

Воины дагкта бесформенно барахтались, как бы приходя в себя после обморока. Никто из нас не отправился в погоню за врагом. Только бесцельные крики разносились по долине, давая выход гневу и страху. Некоторые вожди, и среди них Эттук, вопили и потрясали копьями в дымящемся, темнеющем небе.

Люди знают два умных трюка. Один — из ничего сделать много. Второй — серьезное представить как ерунду.

Раненых и умирающих воинов собрали вместе, чтобы жрецы ухаживали за ними. Остальные развели огонь, разлили пиво по чашам и начали держать военный совет. Суть его заключалась в следующем: невозможно бороться с человеком в маске из города; совершенно невозможно бороться с железными трубами, кашляющими смертью. Поэтому — пусть их. Правда, они ворчали по поводу собак и лошадей, погибших во время взрывов, а некоторые молчали, думая о мертвых друзьях и родственниках, в то время как сплетники рассказывали легенды о прежних налетах, и порядочно проклятий было произнесено в свете костра. Хорошо было известно, что масколицы пороли и морили голодом своих рабов, несомненно, трудная зима прикончила их и поэтому их хозяева пришли на охоту так рано.

В итоге, те, кто потерял сыновей, братьев или отцов, взяли памятные сувениры с трупов или целые тела, где их можно было найти, и молча поскакали домой к местам стоянок. Другие, чьих товарищей налетчики угнали на запад, хмурились, топали ногами и призывали своих богов и тотемов к мщению. Мертвецы без конечностей были сложены грудой вместе с их оружием и будут утром сожжены как мусор.

Это все, что они предприняли.

Я был похож на человека, который заново овладевает конечностями после паралича. И тут, когда все мои мускулы горели и рвались действовать, я обнаружил, что дела нет.

Испугавшись и растерявшись перед неизвестным оружием налетчиков, я горел желанием восстановить свое достоинство. Для меня было неприемлемым произносить громкие речи, бушевать и давать клятвы. Я был обесчещен в собственных глазах, ибо я понял внезапно, что враг был всего лишь человеком. Они не были непобедимыми, в конце концов, они просто имели какое-то опасное изобретение на колесах. Я лежал ничком в весенней грязи, а они проскакали надо мной, как будто имели право забирать свободных людей, и против них не поднялось почти ни одной руки, и даже эта рука была не моя.

Носясь среди сосен, где стонали, кричали и умирали раненые, я привел себя в состояние раскаленной ярости и пошел с ней к кострам.

Я пошел туда, где Эттук ругался, ел и пил со своими воинами.

— Мой отец, — сказал я, — они взяли пять наших людей в рабство. Дай мне десять, и я пойду за ними.

Он жевал мясо, борода блестела от жира. Глаза его тоже блестели. Они говорили мне, что глупо было с моей стороны обращаться к нему с просьбой после тех моих слов.

— Послушайте, как лает щенок. Он промочил свои штанишки вечером и звал свою мамочку. Даже такой храбрый воин, как Тувек, падает перед городскими людьми в обморок подобно девице.

Воины хрюкнули. Пара засмеялась, но, увидев мое лицо, осеклась. Я был так зол, что не мог вымолвить ни слова.

Этук сказал:

— Нет, Тувек. Ты не заслужил право вести мой крарл в бой. Но вытри свои глаза. Не бойся, мы не скажем твоим женам, как ты бежал, чтобы спрятаться в грязи.

Неожиданно мой гнев прорвался и вытек, как гнойный нарыв.

Удивляясь собственному хладнокровию, я уверенно улыбнулся ему.

— Ты добр, отец, что не скажешь никому. Я признателен. Я никогда не забуду твою собственную храбрость. Жрецы должны сложить о ней песню.

Это было слишком тонко для него, но он трудился над задачей и вскоре разгадал ее. Он сам где-то прятался; его одежда была грязнее моей, а его ножи не носили следов крови или, наоборот, недавней чистки.

Его лицо побагровело, и я сказал:

— Прошу прощения, мой отец. Мне стыдно находиться в присутствии вашей чести.

И я отошел прежде, чем он оправился. Я направился прямо к пасшимся лошадям и украл одну из оседланных, так как мой чалый, судя по всему, убежал.

Меньше часа спустя я был за пределами долины и скакал на запад по следу любителей рабов.

Они оставили прекрасный след, городские налетчики. Лошадиный помет украшал камни, следы копыт оставляли ямы в мягкой весенней почве, отпечатались следы людей, а местами голубоватая пыль — порошок, просыпавшийся из их пушки на колесах. В одном месте, как светлячок в кустах, сверкала золотая бусина на кольце со сбруи или с всадника — как будто они хотели, чтобы я последовал за ними и намеренно оставляли след.

Я искал их всю ночь и весь день, и часть второй ночи.

После двадцати миль осторожной езды я заметил, что горы стали выравниваться и снижаться по направлению к высоким каменистым плато. Путь стал легче для лошадей, их и моей. К середине первой ночи я был уже достаточно уверен в правильности направления и позволил себе несколько часов сна, лежа в неглубокой пещере. Их след вел на север, и это, как я заключил, не был путь к старому сожженному городу Эшкиру, который лежал к юго-западу от нас.

Западные высоты были желтыми, как козьи глаза, голыми и коварными, как рога, а северные склоны слегка зеленели скудными пастбищами. Вскоре я проехал мимо места недавнего привала, черные кострища, повсеместно лошадиный и людской навоз, взрытая и разоренная земля и обгорелые кости двух оленей, которых они зажарили. Очевидно, городские демоны нуждались в пище, вопреки рассказам.

Я сам подкрепился холодным жареным зайцем, которого подстрелил на рассвете и чуть не сжег, спеша продолжать путь.

План мой, когда я их настигну, был очень прост. Я собирался прокрасться ночью в их лагерь и отвязать лошадей, поднять людей дагкта, которых они захватили. Затем вместе с ними захватить оружие и напасть на масколищих, захватив их врасплох, потому что те в своей гордыне и безумии никак не будут ожидать подобного. Мне также не приходило в голову, что этот мой план был не менее безумным, чем любые планы горожан. Я ни разу не усомнился в нем. Мне казалось, что и не нужно делать ничего другого, как будто дорога вымощена специально для меня и нужно только идти по ней.

Это было странно, почти сверхъестественно. Когда ярость вышла из меня во время издевательских речей Эттука, что-то повернулось в моем мозгу, и я столкнулся с самим собой. И я был не таким, каким себя считал, не злым, бешеным, переполненным застарелой ненавистью и даже не окруженным врагами. Я никогда в жизни не был таким спокойным.

Днем я нашел литую подкову, а час спустя несколько брошенных бурдюков для воды. Мои горожане начали двигаться быстрее; об этом можно было судить по форме их следов. У меня сложилось впечатление, что я смогу нагнать их до рассвета, потому что характер их продвижения

и следы, которые они оставляли, свидетельствовали о пренебрежении к мелким деталям и удобствам, как будто они приближались к какой-то базе или лагерю, где все можно привести в порядок не спеша. Они, конечно, не подозревали о преследовании. Если бы им была известна численность погони, они бы умерли от смеха и избавили меня от хлопот.

Я соснул немного перед восходом луны, и мне приснилось, что я ослеп. Будучи слепым, я упал в ледяную воду, пруд или реку, и жидкость жалила, как миллион ножей. Я очнулся и услышал свои собственные бесстрастные и четкие слова: «Я убью ее».

Я похолодел. Я все еще слышал свой голос и эти слова, эхом отдававшиеся в воздухе, как будто голос другого человека, произносившего слова, имевшие значение для него и совершенно никакого — для меня.

Пещера, в которой я спал, казалась наполненной призраками или излучениями, которые племена называли призраками. Я встал, чтобы освободиться от них, и вышел наружу. Я отвязал лошадь, но не вскочил в седло. Звезды были яркими как окна, прорезанные в черной стене, а низкая луна казалась светящейся монетой.

На склонах, как на костлявых, сведенных вместе плечах, стоял густой частокот лиственниц с ветвями, оголенными тяжелыми зимними снегами. Я повел лошадь в эту чащу. За лиственничной чащей, в миле от нее, возвышался каменный стог, похожий на печную трубу над крышей земли. И эта труба дымилась. Дым поднимался от костров, которые горели на вершине, золотя складки стога танцующими полосками.

С самого момента пробуждения я догадался, что они близко. Теперь я смотрел на высокую гору и знал, что будет дальше. В настороженной заморозенности я ясно представлял себе, как я взберусь на гору и пройду между кострами, предстану перед городскими налетчиками и взгляну в стеклянные глаза их масок. *...Явховор. Со зорр Явховор...* что это? Слова на их языке, которые я подслушал? Может быть, кусок сна о слепоте; какая-то ерунда.

Иногда, если нужна сила божества, некоторые жрецы предлагают ему себя, открывают ему свои души, чтобы он вошел, если захочет. Не всегда веришь, что это пришел бог. Чаще всего это выглядит как опьянение или притворство. Я не звал того, что вошло в меня той ночью, но я поверил ему.

Я привязал лошадь в лесу и пошел вперед.

Подъем оказался нетрудным. Наверх вела лестница, вырезанная в камне; вблизи было видно, что этот каменный стог — естественная гора, застроенная и укрепленная людьми тысячу лет назад. Это был аванпост городов, вероятно, Эшкира, на вершине которого теперь лежал в руинах дворец-крепость. Все города и их мощь пришли в упадок. Это наполнило меня высокомерным презрением к ним, пока я поднимался по их холму для встречи с ними, этими детьми погибшей славы в их драгоценностях и лохмотьях, все еще цепляющимися за историю, как за гнилую дощечку в реке.

Там был человек. Он стоял на ступенчатой дороге у единственного голого дерева. Дерево сильно наклонилось прочь от горы, и он опирался на него. Он стоял в тени, только его бронзовая маска и белый металл на запястьях слабо светились.

Должно быть, он услышал или почувствовал мое приближение. Он склонил свою маску-лицо и сказал: «Эз эт кме?» Голос его был отрывистый и непринужденный. Он никого, кроме своих, не ожидал. Сначала мне показалось, что я понял его слова, по интонации просто (кто идет?), но потом обнаружилось, что я могу ответить ему.

— Эт со, — сказал я.

Он хрюкнул. Это была шутка, потому что я просто ответил: «Я». Прежде чем он снова заговорил, я подошел к нему и ударил ножом в бок. Он был не выше меня и более худой под своими мехами. Где-то за маской он поскулил и все. Он умер в жутком изумлении, как люди крарла умерли в долине.

Я снял свой плащ и надел его верхнюю одежду, а также добавил к своему его пояс с оружием. Я стянул с его лица маску в последнюю очередь — рот его был открыт, как будто он собирался задать мне следующий вопрос. Поскольку он отправлялся в Черное Место, я подумал, что он будет там задавать вопрос о том, кто убил его, но он не получит с меня Кровавого Выкупа за свою могилу.

Даже тогда я не испугался, обнаружив, что могу говорить на его языке. Как будто я прочитал камни и узнал язык от них. Я не задавался вопросом. Это случилось естественно, как с птицей, когда она взлетает, едва оторвавшись от дерева. Так же уверенно, так же легко. По необходимости.

Маска представляла собой бронзовую голову орла. Я

думал, мне будет в ней неудобно, но носить ее оказалось не так уж трудно. Только голубое стекло в прорезях для глаз делало странную ночь еще страннее. Фиолетовая луна зашла, оставляя лишь гаснущие огни на вершине цвета меди, и звезды в небе — как частички сапфира.

Я натянул на голову залатанный плащ убитого и стал подниматься вверх по ступеням к разрушенному форту.

3

Человек, которого я убил, был чем-то вроде часового, но они относились к дозору, как к игре. На верхних террасах тоже сидели, опираясь на обвалившуюся арку, двое в бронзовых масках. Я ожидал вопросов, считая, что они примут меня за своего товарища с нижнего поста, но ни один из них не заговорил. Один извлекал тихие аккорды из плоского деревянного ящика со струнами, натянутыми поперек на серебряных колках, приятный звук, который предвещал их грядущее. Второй просто махнул мне рукой.

Я вошел в крепость.

Сквозь голубые глаза орлиной маски их лагерь предстал купающимся в прозрачном каштановом свечении пламени костров. То тут, то там у костров лежали и сидели мужчины, в основном молча, как часто молчат люди в лунные часы ночи, когда все начинает меняться.

От здания, кроме наружных стен, осталось очень мало. В центре в пустоту взмывала лестница; когда-то здесь был огромным бальный зал. Вдоль западной стены протянулась линия сторожевой охраны их тощих лошадей, вздрагивающих и недремлющих. Игра их мускулов под кожей напоминала игру света на шелке, а шеи — тонкий изгиб лука. Воин во мне думал о том, что надо взять три-четыре таких лошади после сегодняшней ночи, но это было не желание, а какое-то отдаленное воспоминание.

В восточной части за лестницей было разбито около тридцати палаток. Они не были похожи на палатки крарлов. Они были натянуты на каркасы, придававшие им куполообразную и шпилеобразную формы. Ткани отличались разнообразием, экзотичной расцветкой и ветхостью. Перед палатками висели знамена с бахромой из золотых слитков и драгоценных камней.

Было ощущение, будто я вошел в царство Смерти, где

блистали доспехами скелеты, а в золотых чашах была полынь.

Позади меня запел мужчина, сопровождая себя на струнном инструменте. Голос у него был очень красивый, мелодично отдававшийся в тишине. Я не уловил слов, но это была песня о любви, совсем не похожая на музыку, которую знали воины.

Между сторожевой линией лошадей и палатками, прямо под лестницей, стояли две пушки на телегах, две неподвижные трубы из черного металла с зияющими отверстиями. От них пахло огнем, как будто это были драконы. Именно их запах, а не размер, предупреждал меня об опасности, таящейся в них; они не были большими. Может быть, почувствовав во мне чужака, они плюнут в меня огнем по собственной воле? Но это была детская фантазия, что-то из моих воспоминаний, оставшихся от жизни с племенами, не мои собственные чувства. Сидя у пушек, спали какие-то мужчины. Они не были похожи на остальных, темнокожие и, как и я, темноволосые; все остальные в лагере были очень светлыми. На этих людях не было украшений. Лица их были как деревянные калабашки, неотесанные, некрасивые и бессмысленные даже во сне. Это были рабы, вне всякого сомнения.

Другие рабы, краснокожие люди, лежали рядом. В северном конце была яма, старая камера или темница, в полу над ней было овальное отверстие, закрытое решеткой из позеленевшего металла. Огни костров время от времени отбрасывали в эту дыру слабый свет, и я смог различить массу тел и теней и слышал их стоны и жалобы. Они уже миновали стадию громких протестов и, может быть, стадию готовности к сопротивлению и борьбе тоже. Они пережили ночь и день насильного марша, одну или две ласки увешанного драгоценностями кнута, подобного тому, что я заметил на поясе часового, почти никакой еды и совсем никакой надежды.

До сих пор меня никто не остановил. Но вот из своего павильона вышел какой-то человек. На нем, как и на мне, была маска орла, серебряная, с зеленым камнем между глазами. Он кивнул в сторону решетки.

— Дрянные отбросы недовольны своей судьбой, — сказал он. То, что смысл его слов ясен мне, поразило меня наконец, как будто это был мой язык с рождения.

— Да, — сказал я, — меня тошнит от их шума.

Я искал средство проникнуть в яму, миновав решетку. Последняя секция северной стены шла под уклон во что-то вроде канавы, что, вероятно, и было входом в подземелье. Я пытался сложить какую-то историю на чуждом языке о визите к нашим пленникам и утощении их кнутом за гам, когда серебряное лицо подошло ко мне и схватило за руку.

— Ты не Сларн, — сказал он.

В масках городских людей не было отверстий для рта, и голоса звучали как через фильтр, искаженно. Но я все же мог понять, что этот человек был немолодым и не нервным.

— Верно. Я не Сларн.

— Кто тогда?

Я слишком беззаботно доверился своему странному везению, оккультному демону-проводнику, вселившемуся в меня.

— Подойди, — сказал он. — Сними маску. Я узнаю тебя.

— Как пожелаете, — сказал я.

Я поставил на то, что у меня есть перед ним преимущество, какой бы трюк он ни собирался выкинуть, он не меня будет искать.

Сначала я расстегнул плащ, одновременно убедившись, что нож под рукой. При виде моих черных волос у него перехватило дыхание. А потом я стянул маску.

Я был готов ко всякому, но не к тому, что он сделал. Он отшатнулся, и его рука поднялась вверх, безоружная, в инстинктивном жесте почтительности. Он пробормотал два слога, которые я принял за заклинание. Однако через мгновение я понял, что, раз я знаю его язык и все же не могу расшифровать это слово, оно не клятва, а имя.

— Вазкор.

То, что я услышал это неизвестное мне имя, вселило в меня необъяснимый ужас.

Бездна разверзлась под моими ногами; я потерял самого себя.

Я планировал четкое и быстрое убийство, как внизу на дороге, но бросился на него в безумной панике и яростно всадил клинок, промахнувшись мимо жизненного органа, поэтому прежде чем упасть, он издал громкий крик в агонии и страхе. Все пошло настолько не так, что я даже не позаботился наклониться и убедиться, что он действительно отправился в мир иной. Я подождал только, не услышу

ли ответного гвалта на его крик. Но ночь по-прежнему была мирной, и я побежал и прыгнул в канаву в северной части без дальнейшей предосторожности.

Как я и рассчитывал, в стене темницы была низкая дверь со стороны канавы. Она была из тяжелого железа, но закрыта только на задвижки снаружи. Я вырвал эти задвижки кинжалом и вошел.

Там был ледяной холод, уже стояла вонь, через решетку проникал лишь слабый, безрадостный коричневый отблеск света.

У моих ног лежал стонущий человек. Его ноги были прикованы цепями к ногам его соседей. Я предполагал, что они будут связаны, но не рассчитывал на цепи. Однако металл был хрупкий и позеленевший, как и решетка, и они были скорее опутаны им, чем скованы. Я попытался размотать металл и освободить человека, одновременно рубя ножом цепь. Он забормотал и задергался.

— Ты мужчина? — спросил я его на языке его племени. Я заметил, что тюремщики не позаботились даже отнять у него его нож. Он вздрогнул и заползал на грязном полу темницы, и вся эта воинская куча кружилась и металась, как в лихорадке. Во мне вспыхнуло презрение, черное и глубокое, как дыра, в которой они лежали. Гордость привела меня сюда; сейчас моя гордость гнала меня прочь. Я не был одним из них, этих смертных обломков, ползающих подобно насекомым в своей собственной грязи.

Но я прошел длинный путь и не хотел отступать. Если у них нет своих собственных мозгов или силы, я должен подгонять их своими.

Ржавая цепь треснула под моим клинком. Три освобожденных человека сжались вместе, подобно испуганным щенкам. Их пустые глаза были расширены и бессмысленны, и мне пришло в голову, что по дороге сюда их кормили какой-нибудь отравой. Последним из троих был дакта из крарла Эттука. Я увидел, что он узнал меня и пытается собраться. Я дал ему нож бронзовой маски и приставил к работе над цепями.

Рабская яма потихоньку оживала, пораженная и ошеломленная свободой. Те, кто был меньше одурманен, приходили в себя неистовыми толчками, рыча и ища свое оружие, которое в большинстве случаев было при них оставлено. Их глаза и ножи блестели в неясном свете. Снадобье, сделавшее их покорными, теперь превращало их в

неистовых, когда у них был путь к освобождению и мести. На лицах и плечах многих красовались грубые украшения, оставленные кнутом. У каждого было за что посчитаться.

Все произошло очень быстро. Скоро уже около двадцати человек стояли на ногах, но восемь остались лежать навсегда, отравленные зельем или забитые.

В руинах наверху не раздавалось ни звука.

Краснокожие воины не нуждались в наставлениях. Большинство из них узнали меня, наконец, и узнали себя, и кровь их кипела.

Мы тихо, по двое выбрались наружу и взобрались по склону канавы.

Горожане были на крыше темницы на расстоянии не более пяти ярдов, вежливо дожидаясь нас. Почти семьдесят человек.

Тела серебряной маски, который переименовал меня, не было — он, должно быть, прожил достаточно долго, чтобы доползти до их лагеря и предупредить. Будучи осведомленными, они образовали небрежный кордон и дали нам влететь в него, как мошкам в огонь свечи.

Воины позади меня дрогнули. Они никогда не сражались ни с кем, кроме себе подобных. То, что стояло перед ними, казалось волшебством.

Я первым вышел на поверхность. Позади горожан горели костры, превращая их в черные сказочные фигуры с бронзовыми и серебряными звериными головами, белыми кривыми мечами, и зеленые и пурпурные лучи от их украшений вспыхивали, как будто их тела были унижены глазами.

Внезапно один из них закричал. Я попытался уловить смысл слов, но подобно сновидению, знание их языка начало ускользать от меня, потом я разобрал снова то имя, что выговорил другой: *Вазкор*.

И ко мне пришли слова. Я не понимал, что говорю.

— Со Вазкор энор. Бехет Вазкор. Вазкор карнатис.

Это было как чудо, какая-то божественная шутка.

Они молча отступили, некоторые медленно стягивали свои маски, снова становясь людьми. На открывшихся побелевших лицах застыло выражение потрясенного неверия. Трое упали на колени, как для молитвы, за ними преклонили колени еще десять, и еще. Это все были люди старшего поколения, лет сорока-пятидесяти. Среди ос-

тальных начались препирательства, крики гнева и сомнения. В этой неразберихе, ничего не понимая, но ловя любой шанс, мы прыгнули на них и стали рубить.

В непонятном замешательстве они рассеялись перед нами. Я сразил коленопреклоненных, чтобы добраться до стоявших позади разгневанных. Во мне не было жажды боя; это была мрачная работа, которую надо было сделать. Вскоре у меня был городской меч, по рукоять в крови, и сам я купался в крови. Это было похоже на закалывание свиней. Превосходя нас вдвое по численности, они едва сопротивлялись, как будто их настиг какой-то рок, и мы были его орудием.

В конце концов они смолкли, и никто не пришел бросить нам новый вызов.

Во время боя, если его можно так назвать, направлявший мои действия источник оставил меня. Когда его действие кончилось, я обрадовался. Я вытер свой новый меч о меха трупа и невесело усмехнулся, говоря себе: «Ну что же, Тувек, в тебя вселился демон, в существование которого ты не веришь. Поздравляю тебя». Я сплюнул, как будто мог выплюнуть древний язык, которым так быстро овладел и так же быстро забыл.

Воины срывали драгоценности с мертвых. Некоторые отправились к платкам и проделывали в них двери своими клинками, вытаскивая ветхие бархатные подушки, вышитые жемчугом, и тому подобные заплесневелые чудеса. Время от времени они натывались на склад мечей или изящно отделанного металла, и дикий вопль приобретателя эхом разносился по поверженному форту.

Вскоре я тоже отправился на поиски, алчный и разрушительный, как любой из них, но какое-то непонятное чувство угнетало меня.

Я быстро прошел через палаточные дома и достиг последнего павильона, сразу поняв, что выбрал правильно.

Этот павильон был самый большой, стоял немного в стороне, наполовину спрятанный за выступом восточной стены. Десять черных лошадей стояли в стойле. Около стойла на корточках сидел один из темноволосых рабов. Он был похож на тех, что я видел раньше, только этот не спал. Я ни одного из них не встретил в бою и думал, что они убежали, поэтому свирепо посмотрел на него и потряс мечом, ожидая немедленно увидеть его улепетывающие пятки.

Его лицо оставалось пустым и деревянным, тягуче, как грязная жижа, он посторонился, чтобы пропустить меня. Его покорность насторожила меня, и я повременил входить.

Мы разделились приблизительно с шестьюдесятью мужчинами в этом лагере, но число нападавших в долине было больше — семьдесят или восемьдесят. Вероятно, кто-то уехал вперед к другой стоянке, но здесь было десять лошадей у большой палатки. Может быть, внутри меня ожидают десять мужчин?

Я рывком обернулся к темному рабу и схватил его за серую шею. Я задавал ему вопросы, но я утратил волшебную речь, и он либо не понимал, либо не хотел понимать язык племени. Наконец, я усыпил его кулаком, совершив уже достаточно убийств и предвидя новые, и пошел к павильону робко, как невеста.

Перед павильоном тихо шелестело на своем флагштоке золотое знамя из настоящего очень тонко раскатанного золота, украшенное венценосной птицей из эмали. Павильон был из багряного бархата, почерневшего от времени. Позеленевшие золотые кисти каскадом спускались вдоль драпировки скрытого входа, искусно указывая место, где можно попасть внутрь. Я обошел с другой стороны и, вонзив острый городской меч прямо в бархат, вспорол его, как сгнивший лен. Затем я ринулся в палатку, приготовившись сеять мгновенную смерть. Но в этом не было никакой необходимости. Она побывала здесь раньше меня, дама с косой в руке и голым черепом.

С потолка спускалась лампа янтарного стекла и освещала сцену в мельчайших подробностях.

В итоге их было всего трое. Они сдвинули элегантные ковры, разбросанные по полу палатки, укрепили свои клинки в неровном каменном полу руин острым концом вверх и аккуратно и точно упали на них.

Я часто слышал историю о мужчинах, которые предпочитают самоубийство тому или иному позору, лишению или насилию. Однако слышать историю и видеть своими собственными глазами — разные вещи. Меня это потрясло и сразу заставило подумать с невольным отвращением о том, что может послужить моим испытанием, моим пределом, невыносимым бременем, чтобы я выбрал смерть от своего собственного кинжала, а не желание выстоять?

На каждом из них была золотая маска, одна в виде ястреба. Шафрановые волосы, залитые кровью, — всадник в колючем лесу.

Почему? Потерянная честь, унижение от того, что мы вышли из рабской ямы и победили их? Но эти даже не вышли и не попытались сражаться.

Я поднял голову. Павильон был увешан тонкими ослепительными шелками, вышивками и истонченной кисеей, колыхавшимися в свете янтарной лампы. Затем кисея шевельнулась и отплыла в сторону, как пороховое облачко. И что-то встало передо мной, серебристое свечение, яркая вспышка огнистого света в драгоценном камне — я отскочил назад с мечом наготове. И опустил меч, свинцовый в моей свинцовой руке.

Там стоял не городской воин. Я не думал, что с ними могли быть женщины, мы не встретили ни одной; кроме того, сначала она казалась не женщиной, а волшебницей, явившейся без предупреждения, так ослепительно и внезапно материализовавшейся, и трое мертвых были между нами.

На ней было подобие платья из серебряных змеиных чешуек и корсаж из бледных изумрудов, оставлявший грудь обнаженной. Талия у нее была тонкая, а груди полные, нежная осязаемая белизна теплым светом согревала темные кружочки на концах, и они были круглые, как две маленькие луны. Именно ее груди, может быть, убедили меня в том, что она человеческое существо, такие умопомрачительные, что не могли быть лунной плотью. Но лицо ее было скрыто под маской в форме серебряного оленя с глазами цвета яблочно-зеленого кварца, волосы, струившиеся из-под маски, напоминали другой род огня, холодно горящий огонь ледникового золота.

Она обратилась ко мне на языке города, который я больше не понимал. Я не понял слов, но смысл был передан точно: презрение короля к своему рабу, нет, хуже, богини к человеческому отродью, оскверняющему райские луга.

Еще никогда ни одна женщина не обращалась ко мне таким тоном, и я никогда не считал это возможным. Я был настолько изумлен, что стерпел это, как мул терпит свой груз, и мой рот, наверняка, был широко раскрыт, соблазняя ночных насекомых.

Потом я заметил, как ее рука, наполовину скрытая в

складках юбки, сжалась на маленькой блестящей звезде, и я бросился в сторону в ту секунду, когда она метнула свой кинжал. Он сверкнул над моим плечом и врезался в драпировку палатки.

Увидев свой промах, она вскрикнула. Это был голос смертного существа, молодой, хриплый от горя, ярости и страха. Это вернуло мне зрение, и я взглянул снова. Теперь я увидел всего лишь девушку, дрожащую от страха, девушку в маске с обнаженной грудью, от вида которой у меня пересохло во рту.

— Ну, — сказал я, отбрасывая меч, — сегодня удача изменила тебе, оленеголовая девица.

Я знал, что она могла понять мой язык не больше, чем я ее. Недостаток словесной коммуникации оставлял нам для общения один вечный символический путь. Я был рад, что он был такой земной, рад, что у меня был предлог забыть, как мне сначала показалось, что она выкована из серебра.

Я перешагнул через мертвых, и, когда подходил к ней, она повернулась и попыталась убежать. Ее сверкающие топазом волосы всей массой хлынули по спине, как водопад. Я с легкостью поймал ее за волосы, повернул лицом к себе и сорвал маску.

Она была красива. Я никогда не видел подобной красоты. Кожа у нее была белая, волосы серебристо-белые по всей длине до самых корней, рот нежный, красиво очерченный и красный, как летние ягоды, а глаза были зеленые, как камни ее корсажа. Все это я увидел разом, как во вспышке ослепительного огня.

Она больше не боролась. Ее бой закончился. Она досталась мне легко.

Ее груди заполонили мои ладони, и от нее пахло юностью и женственностью. Я не причинил ей боли, в этом не было необходимости, она не сопротивлялась мне; и она не была девственницей. Я и не ожидал иного, раз она вышла из той мужской палатки. Она была их шлюхой, или чьей-то еще, теперь она будет моей. Врата между ее бедрами были золотыми, как и ее волосы, а дорога за этими вратами была вымощена для королей. Ее зеленые глаза-изумруды отражали свет лампы, свисавшей с крыши. Она не закрыла их ни разу, и она не смотрела на меня. Вопреки ее сердцу и уму, тело ее было щедрым со мной.

Лампа наверху горела не так ярко, и она лежала подо

мной с открытыми глазами и открытым телом. Я все еще был доволен своей победой, победой над ней.

Я сказал просто так, она все равно не понимала язык племени:

— Прекрасное сокровище — взять тебя на глазах твоего мертвого хозяина.

И она шепотом ответила:

— Будь счастлив, в таком случае, ты, грязь, ты, мертвый и червивый хлам. Будь счастлив и умри от этого.

Я вздрогнул, похолодев от ее сюрпризов.

— Где ты научилась языку крарла?

— У моуи, у кого же еще, раз мы меняемся с ними товарами? Или ты не только тошнотворный, но и глупый, проклятая вонь?

Я был совершенно сбит с толку. Я насиловал женщин во время бесчисленных налетов и племенных войн. Они кусались, кричали, плакали или пищали от удовольствия. Они не бросали мне холодных оскорблений. И у них не было таких глаз.

— Раз ты понимаешь, что я говорю, — сказал я, — расскажи, почему мужчины сами отняли свои жизни.

Она улыбнулась на это.

— Три принца Эщкорека убили себя, узнав, что Вазкор поднялся из могилы.

— Вазкор, — сказал я. У меня свело живот. — Кто или что такое Вазкор?

— Ты, — сказала она. — Темный дикарь, собака, падаль. Спроси мертвых.

— Ты скажешь мне завтра, если ничего не скажешь сейчас.

— Значит, завтра я буду с тобой, хозяин? — Она дрожала не столько от страха, сколько от нежелания пугаться.

— Я не обижу тебя, — сказал я. — Я сын вождя и буду защищать тебя в крарле.

— О, радуйся, Демиздор, — сказала она. — Дикарь защитит тебя в вонючем логове его идиотского племени.

— Веди себя прилично, или дикарь передумает. То слово, что ты сказала — твое имя?

Она содрогнулась всем телом и сказала:

— Демиздор — мое имя.

Я не смог его как следует выговорить. Мне не терпелось забыть язык города, которым я пользовался.

— Деммис-тахр, — сказал я. Она засмеялась, как попер-

хнулась. Я не мог в ней разобраться, хотя собирался оставить ее себе.

— Даже мое имя будет осквернено, — сказала она. — Но я буду называть тебя Вазкор.

— Назови меня так, сука, и я убью тебя.

На рассвете я и двадцать три красных воина выехали из крепости. Мы сожгли своих мертвых с их украшениями и оружием; горожан мы оставили птицам-стервятникам горных долин. Мы забрали все их богатства и всех их лошадей. Мы не очень нравились этим лошадям после их прежних хозяев, но они полюбят нас, так как другого им не остается. Я почти мечтал увезти с собой одну из трубушек на телеге, но мои герои ни за что не соглашались даже прикоснуться к ней. Это был только каприз — я не имел представления об их действии и почти никакой надежды научиться управлять ими — так что пусть остаются.

Я посматривал, не появятся ли черные рабы, но ни одного не увидел, и мы не искали их. У нас была только одна пленница, и она была моя.

Я укутал ее в меха, чтобы воины не увидели ее изумрудов и других сокровищ из драгоценностей и живой плоти и не стали завидовать. Днем я заставил ее завязать волосы куском бархата, только маска-олень была видна. Она была спокойнее днем.

Я сказал ей:

— Слушайся меня, и ты в безопасности. Ты нашла меня грубым, но попытайся что-нибудь выкинуть, и окажешься во власти других, еще менее любезных, чем я.

— Это в самом деле приятная мысль, — сказала она. Потом, когда мы выходили, она насмешливо позвала меня: — Вазкор, Вазкор.

Я не смог заставить себя ударить ее. Я был опьянен ее телом и не хотел повредить его, и она знала это, уже чувствуя свою власть, она, моя рабыня. Я взял ее за плечи и поднял над землей.

— Я тут думал, сука. Может, ты права. Может быть, твой король Вазкор — ведь он был король, золотая маска — может быть, он во мне, как говорили старики, когда упали на колени. Так вот. Зови меня этим именем. Я побью тебя, если ты будешь звать меня иначе. Я Вазкор. Как-нибудь я украду золотую маску и буду надевать ее, когда буду закуривать тебя.

После этого она примолкла, так как была не менее противоречива, чем другие женщины.

Однако эта мысль укоренилась во мне. Если я напоминал их мертвого принца, именно его дух и направлял, должно быть, мою одержимость. Происшествия на скале не отступили в памяти, как сон, который положил им начало, но я говорил себе, что не стану раздумывать над ними. И у меня были другие проблемы, требовавшие раздумий.

Мужчины крарла встретили меня на рассвете приветственными криками, как они приветствовали бы вожда после воинственного налета. Когда они заметили, что я запел себе девку из городских палаток, они закричали еще громче. Я мог бы взять, что пожелаю, они не стали бы ворчать, по крайней мере в тот час, потому что я был героем, освободившим их. Позже они будут ненавидеть меня еще больше за то, что обязаны мне.

Я посадил Демиздор на лошадь. Хотя в крарлах мало женщин ездили верхом, моя женщина должна ехать верхом. Пусть она и рабыня, ее ценили в крепости.

Я не трогал ее с того первого раза. Она считала меня дикарем, псом, которого притягивал к ней сексуальный инстинкт, и я чувствовал, что она воображала, что благодаря этому она сможет вертеть мной. Поэтому я не прикасался к ней, хотя низ живота у меня сводило от желания. До этого я никогда не занимался дипломатией в отношениях с женщинами. Как мальчишка, потерявший голову от какой-то девчонки, которая не дается, я упражнялся в произнесении ее имени про себя, старясь добиться правильного звучания. Когда я предлагал ей еду и питье, она отворачивалась, как будто это было насилие, и она предпочитала, чтобы ею насильно овладели, чем насильно кормили. Я вспомнил мифы о сверхъестественных силах в городах и оставил ее в покое.

Ту ночь мы провели в горах. Нам не подалось свежей добычи, и мы пили, чтобы заглушить голод. Я отнес ей чашу городского вина — в их палатках оно хранилось в бочках — но она ни за что не пила в моем присутствии. Я оставил ей чашу и, когда вернулся, обнаружил, что она осушена.

Я лежал рядом с ней для ее же безопасности, а также ради своей гордости. Воины раздули бы целую историю, если бы я взял девушку и не обслужил ее. Я спал плохо, споря с самим собой, то ли не трогать ее, то ли овладеть ею и кончить с этим.

Незадолго до рассвета я услышал, как она пошевелилась, и сказал себе, что поступил мудро, не давая себе заснуть. Я вспомнил кинжал, который она метнула в меня. Вскоре я различил ее силуэт на светлеющем небе. Она стояла на краю обрыва. На секунду я вообразил, что она собирается броситься со скалы так же, как городские мужи бросились на свои мечи.

Я напрягся, готовый прыгнуть и оттащить ее, и она сказала:

— Лежи спокойно, воин. Я недостаточно смела для этого. Не сегодня, по крайней мере.

— Ты должна называть меня Вазкор, — сказал я. — Разве я не говорил тебе?

Ее волосы были подобны легкому дыму в свете зари, и сквозь серебряное платье я видел все изгибы ее тела, которое сводило меня с ума.

Она сказала:

— Недалеко от Эшкорека есть бутовая башня. Это могила Вазкора. Двадцать лет назад он взял города в свои руки, подчинил своей воле и разгромил их. Он женился на богине-ведьме; ее звали Уастис. Есть детская легенда о том, что она была убита, но восстала из смерти, приняла образ белой рыси и скрылась прежде, чем солдаты пришли за ней. Говорят, она еще живет в другой стране, Уастис Карнатис. Но Вазкор мертв.

Ее слова отдались во мне эхом. Мороз пробежал по спине, и я попросил ее замолчать. Я все еще видел, как они преклонили передо мной колени в крепости, старшие воины, которые могли помнить его, может быть, смотрели ему в лицо и снова увидели его в моем.

Поздним утром мы добрались до долины весенних собраний. Там поднимался дым; он обманул нас. Мы направили прекрасных городских лошадей шагом через верхний перевал и посмотрели вниз на остатки большого лагеря, черного от старых кострищ и совершенно опустевшего. Ни одной собаки не выбежало нам навстречу. Только несколько хлопающих пестрых куч из крыльев и клювов там, где большие птицы обедали мертвыми собаками, лошадьми и останками людей. Крарлы собирались сжечь своих мертвых так же, как и мы сделали в крепости, но убитых было так много, что у них не хватило терпения проследить за кострами. Они вскоре погасли и оставили лакомое жареное мясо любителям падали. Зрелище было

не из приятных и вызвало у меня приступ тошноты. Я видел множество трупов, но не возвращался на поле битвы, когда вороны устраивали там банкет.

Она была рядом со мной. Я не мог видеть выражения ее лица из-за серебряной маски, но она смотрела прямо на долину, и ее руки спокойно и небрежно лежали на поводьях.

— Пожиратели мертвечины должны благословлять ваших принцев за такие обеды.

— Разве племена никогда не убивают? — молниеносно ответила она.

— Мы убиваем в рукопашном бою, а не железными фаллосами, стреляющими из-за холма.

— Нашими пушками мы разрушили собственные города, — сказала она. — Не думай, что я пожалею о вашей маленькой потере.

— Для рабыни ты мяукаешь очень резко.

— Я не рабыня тебе, — сказала она, — хотя ты можешь играть в эту игру. Закуй меня в цепи, бей меня, убей меня. Я все равно не твоя рабыня.

— В этом нет необходимости. Я сделаю тебе ребенка. Тогда посмотрим, насколько ты моя рабыня.

На это она не нашла, что ответить.

Мужчины сзади нас тоже сидели очень тихо, мрачные и кислые, видя покинутый лагерь. Вопреки всему они надеялись на лучшее. Но вожди и соплеменники посчитали их потерянными и списали со счета, и когда прошла ночь собрания, они отправились по домам к местам стоянок дагкта. Я размышлял над тем, скольким умирающим жрецы помогли, добив их ножами на пороге. Мне было также интересно, как Эттук отпраздновал для себя мою смерть, ибо он уверен в моей смерти, зная, куда я отправился. Будучи живым, я не мог представить свою смерть. Вместо этого я представил себе, как его бастарды ссорятся из-за своей доли, как вдовы причитают по мужьям, взятым в плен, и тут я вспомнил свою мать. Она тоже будет думать, что я убит или в рабстве. Я забыл об этом.

— Итак, — сказал я воинам, — они не захотели подождать. Отправимся дальше и удивим их. Они будут писать кровью при виде нас. Но до этого еще полдня пути.

Мужчины хмуро согласились и повернули коней на дорогу.

Я задал им жаркую скорость на своем новом коне, при-

шпоривая его звездными шпорами и таща под уздцы свою серебряноликую рабыню.

4

Солнце уже давно зашло, опустилась безлунная черная ночь, когда мы пробрались через узкий проход между скалистыми соснобородыми вершинами, и внизу появились ложкаобразные долины стоянок, уходящие к горам, усеянные тысячами разбросанных желтых угольков костров.

Воины уже разбивались на группы, направляясь к собственным крарлам. Узы, которые связывали двадцать три человека в единое целое, уже лопнули, и от их приветственного крика в мою сторону осталось лишь облачко пара, таявшее на морозном воздухе. Я понял тогда, что мне следовало бы привязать их к себе прочнее, что я мог бы выиграть от этого. Они уже были готовы к братской клятве на крови; возможно, после этого они бы последовали за мной, были бы силой за моей спиной. Но теперь слишком поздно, время было упущено, усакало вместе с ними за холмы. Даже пять человек Эттука, которые еще были со мной, стремились домой, их опасное приключение — всего лишь история, которую не терпелось рассказать. Я упустил свой шанс.

И заставила меня упустить его не столько небрежность, сколько гордыня, овладевшая мной, когда я вошел в крепость, и никогда не затихавшая в моих жилах. И еще усугубила ее моя богиня-рабыня. Ее острое, как бритва, презрение только обострило мое собственное. Я видел их всех ее глазами, стадо, которым не стоит управлять.

Пока я медлил там, другой мрачный фарс толчком ударил меня. Не часто мертвые сидят среди поминальщиков на своих собственных похоронах. Воинам Эттука я сказал:

— Когда мы перейдем через хребет, может быть, нам следует продвигаться тихо. Приятно увидеть, как о нас скупают и кто.

И они оскалили зубы, пробуя эту шутку на вкус, хотя они уже утратили верность мне.

И так мы вошли в крарл Эттука осторожно, как мыши.

Подъехав поближе, я мог ясно расслышать, чем они занимались.

Стояло непрерывное жужжание и завывание, а иногда раздавались резкие крики, как будто зверь попал в капкан.

Их потери были больше, чем в остальных крарлах: семь погибших под пушечным обстрелом, семь украденных или мертвых, и один из них — наследник вождя. Им ничего не оставалось, кроме ночного бдения по мертвым, по обычаю, на четвертую ночь.

Я предоставил солдат Эттука самим себе и привязал городских лошадей на окраине лагеря. Что бы ни было, я не предполагал, чтобы воины вернулись и украли лошадей, однако Демиздор я держал при себе, все еще верхом.

Как я мог видеть из сосняка, они очистили внизу большую площадь. Я пошел туда, скрываясь в тени деревьев, чтобы посмотреть представление.

По углам площади горели факелы, а в центре полыхал костер. В нем горела пара молодых деревьев. Они стояли вокруг костра — моя убитая горем родня.

С западной стороны были женщины. Чула стояла впереди, во всех своих украшениях. На ней было все, что я дарил ей когда-либо, сверкая и мерцая всеми цветами, куча награбленного добра. Волосы ее были разметаны, платье изорвано, а руки и огруглые выпуклости груди расцарапаны ее ногтями. Ее шайрин прилип к лицу от слез, но кулаки были сжаты. Сквозь ее плач ощутимо проглядывала ярость. Она утратила свое королевское положение из-за моей смерти и могла убить меня за то, что я умер.

За спиной моей первой жены две других всхлипывали менее сильно, их дети окружали их. Четыре маленьких сына Моки жались к ее коленям и тяжелому животу и тоже плакали, не понимая, как обычно плачут дети, когда взрослые разыгрывают панихиду. Асу держала на руках свою маленькую дочь, которая удивила меня тем, что все еще жила, но ее мать поливала ее слезами так, как будто собиралась утопить сейчас. Три мальчика Чулы выстроились подле своей матери, демонстрируя свою печаль, как она, хотя старшему было всего четыре с небольшим. Они были похожи на трех крошечных черных медвежат в своих зимних меховых одежках. Несомненно, позднее она начала бы кричать, что они лишились наследства, которое ушло в могилу вместе со мной.

Там было множество других женщин, заламывающих руки и время от времени поднимающих головы, воя как волчицы. Они оплакивали тотемы клана — сына вождя и солдата, а не человека по имени Тувек или своих собственных мужей.

Я стал искать Тафру, и сердце мое тяжело и громко стучало, но ее нигде не было. Я вспомнил, в каком она была положении, когда я ушел, и подумал, что она могла заболеть, узнав плохую весть. Эта мысль убила всякое удовольствие от спектакля, и я уже собирался идти искать ее немедленно, когда забили в барабаны мужчины на восточной стороне костра.

Из гущи воинов вышел Сил, его смоляное лицо было сейчас разрисовано, как череп, белыми полосами на черном фоне, и на нем была его колдовская одежда, вышитая символами, платье танца войны. Он сцепил руки на резном изображении одноглазого змея на своей груди, а позади него двигался Эттук, согбенный, как будто гора несчастья лежала на его плечах. Это приковало меня к месту. Они собирались петь смертный гимн в мою честь. Они, мои лучшие враги, собирались превозносить мои добродетели перед своими богами и петь о радости, которую я доставлял им при жизни. Они собирались умолять Богов Черного Места освободить меня и вернуть им.

Люди слегка расступились, чтобы дать место Силу у огня. Он начал топтать и махать руками, как одна из тех птиц, которых я видел днем, тех, что кормились на трупах. Пока он так топтался, он бросал щепотки какого-то зелья в огонь, и они разбрызгивались и шипели.

Он скрипел имена мужчин, которых потерял крарл; при каждом из имен пронзительно вскрикивали одна-две женщины. При моем имени поднялся мощный стон, и воины застучали копьями.

— Наш хозяин — Смерть. Смерть — бог, — верещал Сил. — Двенадцать наших сыновей взял он, но худшая потеря, чем все наши сыновья, сын вождя. Надежду крарла, восходящую звезду среди палаток взял он.

Чула завопила, изумительно попав в тон. Три крошечных медвежонка от страха нырнули в ее юбки. Мне стало жаль их.

Эттук громоздился в ярком свете огня. Он показывал наконечники копий, золотые браслеты и бронзовые ножи, которые я добыл в последние месяцы войны. По ритуальному порядку, он хвалил мою доблесть и ум.

— Туvek, цветок моих чресел, лучший из моих сыновей. Щедрый ко мне, как дождь к пастбищу, храбрый, как леопард, в сражениях. Кто не помнит мужества Тувека, когда враг бежал перед ним, как кролик? Кто был молодым бо-

гом, скачущим среди воинов? Это был мой сын Тувек. Он, который заставлял женщин вздыхать, как пшеничное поле на ветру, который топтал мужчин копытами своего коня, чьи руки были крепче меди и чей ум острее алмаза, чье желание рождало сыновей, а гнев — тишину. Ах, Тувек, мой сын, что там такое в долине смерти держит тебя? — Он потер свое лицо, цвет которого свидетельствовал о здоровье и веселье. — Когда пришли налетчики, — ревел Эттук, — кто как не Тувек отважился преследовать их? Пытаться скрестить оружие с городами означает смерть, но он все равно пошел. Я запретил ему ради его безопасности, но он не послушался. Он пошел спасать своих братьев, солдат. Он умер за них. Кто не будет плакать по Тувеку, моему лучшему из сыновей, господину всех воинов?

Звериный надгробный плач хлынул снова, копья загрохотали.

Сил поднял руки, и пунцовое солнце и белая луна закачались на его вороньих рукавах.

— Смерть, — пел Сил, — в твоей темной палатке стоят наши мужчины. Пощади, Смерть, пощади. Верни нам наших мужчин, верни нам сына нашего вождя. — Потом, возвысив голос, он стал кидаться на все четыре стороны света, север, юг, восток и запад, с любой из которых мог прийти ответ, именно поэтому они ждут четыре ночи, по темноте на каждую, прежде чем найти ответ. — Тувек, — визжал Сил, — возвращайся к своему народу, возвращайся из черной палатки, возвращайся из роши теней к теплomu очагу. Может, Смерть подарит тебе лошадей и собак, но у тебя есть лошади и собаки в стране жизни. Смерть может подарить тебе женщин, но они не приносят плодов, а у тебя есть женщины из плоти и крови, которые принесут. Все, что может предложить Смерть, у тебя уже есть. Тувек, возвращайся к своему народу.

— Не говори больше ничего, — сказал я, выходя на яркий красный свет. — Я здесь.

Только в легенде мертвый отвечает на зов, и встретить его страшно, у него нет обычно головы или еще чего-нибудь. На живой земле никто не приходит; мольбы и увещевания — просто часть погребального песнопения. Хотя они лают, они не ждут кости.

Я мог десять раз повторить мои слова, а они все молчали. Их глаза ползли по мне, как мухи. Потом какая-то женщина упала в обморок — хотя даже женщины много

пьют перед бдением по мертвым, и я думаю, ее доконало пиво, а не призрак. Тут Сил изменил свой мотив. Прыгнув вверх, как будто его подштанники наполнились воздухом, он вихрем налетел на меня, колотя руками и кудахча:

— Прочь, Немертвый, прочь, прочь! Назад, в Область Теней!

Я не был уверен, действительно ли он верит сам себе, столкнувшись с фантомом, но это настолько противоречило его прежним напевам, что я прислонился к дереву и рассмеялся.

Силовые глаза завращались. Он схватил щепоть своего магического огненного порошка и бросил между нами. Он заклинал меня исчезнуть, а я упрямо не исчезал, просто стоял и смеялся над ним, пока у меня не заболели бока.

Вскоре он прекратил свои фокусы, потащился туда, где был Эттук, и махал оттуда руками в мою сторону.

Лицо Эттука представляло интересное зрелище, какое можно было только вообразить. Здоровый жизнерадостный цвет лица, с которым он скорбел о моей гибели, сменился испуганной серовато-синей бледностью. Он сразу понял, что я живой, его бич вернулся к нему. Он открыл распухшие губы, чтобы издать какое-нибудь изысканно идиотское изречение, но внезапно поднялся такой крик, что он был избавлен от хлопот.

Чула, моя первая жена, бросилась на меня. Она обхватила мою талию руками и вцепилась так, как будто тонула. Нож какого-то горожанина порвал рубашку на моем правом боку, и она впилась в меня в этом месте и сосала мою кожу, как будто могла насытиться. Я попытался оторвать ее, но она прицепилась, как пиявка.

— Не ешь меня, женщина, — сказал я. — Я смертный, не бойся. — Три маленьких медвежонка не бросились за ней. Они сбились вместе, все еще плача в тревоге при виде их призрака-отца, поднятого из ада. — Присмотри за своим выводком, — сказал я Чуле и, наконец, оттолкнул от себя.

Ее глаза блеснули сквозь прорези шайрина, в них кружились боль, гнев, триумф и желание. Потом они скользнули мимо меня и остановились на очертаниях женщины и коня позади меня. Я сказал:

— Я привез тебе подарок из битвы. Рабыню из Эшкира.

Все забормотали, а Чула застыла, как столб.

Тем временем Эттук слегка пришел в себя; страсть моей жены дала ему передышку.

— Итак, мой сын сражался с горожанами.

— Да, мой вождь. Сражался и убил.

Знаком моего презрения к нему было то, что я не собирался унижать его перед подданными. Кроме того, достаточно мужчин знали, как он хвалил меня перед тем, как я отправился с весеннего собрания, поскольку такой разговор разносится на быстрых ногах.

Эттук глухо сказал какую-то фразу о том, как мне все рады и как я достоин сохранения жизни. Он спросил, где воины дагкта, они наверняка вернулись в крарл со мной? Он надеялся, что я хвастаюсь, и воины в конечном итоге пропали. Но ему не повезло, так как даже те, кто умер в рабской яме, были не из нашего крарла.

Меня интересовало, куда делись те пятеро, и я жалел, что не удержал их рядом с собой, но мне не было нужды беспокоиться. Они просто ждали с театральным интересом, равным моему, как раз такой суфлерской подсказки, какой явился вопрос Эттука. Сдерживаемая радость и гордость от своего возвращения ударили им в голову, так как все пятеро были так же молоды, как и я. Они галопом ворвались на траурную площадь, гикая и подстегивая мощный ход украденных лошадей, разметав женщин и костер, вызвав истошный крик младенцев.

Воины скакали по кругу около минуты, островки разметанного костра бросали отсвет на их ухмылки, на руки, полные трофейных ножей, на попоны городских коней.

Понемногу шум и сумятица улеглись и приняли некое подобие порядка в свете восстановленного костра.

Я громко, чтобы все меня слышали, сказал:

— С этими солдатами и еще восемнадцатью я взял лагерь городских налетчиков. Мы зарезали их всех до единого и сохранили только одну пленницу, эту женщину, которая является частью моей добычи.

Пятеро всадников гикнули и приветствовали меня, сохраняя за мной положение героя; может, это было к счастью.

Я повернулся и подошел к Демиздор. Она казалась глухой и слепой, настолько она не обращала внимания на происходящее. Мне хотелось видеть ее лицо, чтобы узнать ее мысли.

— Слезай, — сказал я. — Здесь ты будешь ходить пешком, как все женщины. Я показал им, что ты принадлежишь мне, так что ты в безопасности.

Она спешила без единого слова. Видя, что Чулины

глаза все еще приклеены к ней, как жуки к бревну, я сказал:

— Я отдаю тебя своим женам, Златовласая. Они, вероятно, отправят тебя в горшок с кашей и съедят.

Когда она встала рядом со мной, ее голова достала мне только до ключиц. Мне хотелось поднять ее и унести с собой, пробежав через огонь к какому-нибудь тайному месту. Но вместо этого я приказал ей идти позади меня. Она повиновалась, как любая рабыня, но потребность увидеть ее лицо была невыносимой, как зуд, когда нельзя почесаться.

Итак, я пошел к палатке моей матери, оставив остальных у костра и только приказав Чуле позаботиться о моих лошадях в сосняке и принести мне поесть.

Мне достало разумения не врываться буйно к Тафре, которая считала меня трупом; это я сделал правильно. На самом деле, я склонялся найти Котту, чтобы она принесла новости, но ее палатка, когда я подошел, была наполнена стонами и причитаниями какой-то больной женщины, которой она занималась, и она отказалась оставить ее ради меня. Так что мне надо было справляться самому.

Когда мы дошли до палатки моей матери, я привязал коня и оставил Демиздор подле нее, наказав ей не отходить, иначе воины могут посчитать ее прекрасной добычей. Мне начинала не нравиться ее покорность, и, кроме того, меня тревожила задача, стоявшая передо мной.

Я вошел в палатку очень тихо.

У постели горела жаровня, никакого другого света не было. Сначала я не нашел Тафру, потом увидел, где она сидела, в тени высокого эскирского станка. На станке было полотно, черное с белым, полотно, в которое женщина племени заворачивает тело покойного, но она не ткала, полотно было только начато.

Она была неподвижна. Черные, как ночь, ее волосы и платье, и лицо, скрытое под шайрином. Но ее состояние было столь же очевидным, насколько спрятанным было ее лицо. Глаза ее были закрыты. Она не плакала, но казалась убитой и высохшей, как ветка, обгоревшая в огне. Ее громкий плач был внутри. Какова бы ни была моя победа, я сделал с ней это, и это не принесло мне счастья.

— Жена Эттука, — сказал я очень тихо, обращаясь к ней как посторонний, стараясь понемногу приблизиться к ней. Она не шевельнулась. — Жена Эттука, есть лучшая история, чем та, что ты слышала.

— Благодарю тебя, воин, — сказала она. — Ты оказываешь мне честь. Но не рассказывай мне сейчас, потому что я всего лишь глупая женщина и в своем горе не способна ничего понять.

Я понял, что изменил свой голос очень удачно. Я отшел в сторону и укрепил полог палатки, чтобы впустить свет снаружи, так как небо очистилось, и ярко светила возшедшая луна.

— Твой сын жив, — сказал я ей. — Это и есть новость.

При этих словах она очнулась. Ее веки поднялись, и я слегка повернулся, чтобы дать луне осветить меня постепенно.

— Тувек, — сказала она. Ее тон был настолько холодный и безразличный, что я испугался.

— Да, мама, — ответил я. — Я плоть, а не призрак. Подойди и потрогай меня, чтобы убедиться.

Она встала с трудом, как старая женщина, и начала медленно, осторожно подходить ко мне. Я не осмелился приблизиться к ней, она казалась исполненной неверия и ужаса; сама она выглядела почти страшной.

Но в четырех шагах от меня она, должно быть, почувствовала, как чувствуют животные, тепло моего тела, запах чего-то живого. Она издала приглушенный звук и остановилась, как будто земля не пускала ее. А потом ее глаза оторвались от моего лица, мимо меня, в лунную темноту за палаткой, почти как глаза Чулы, только глаза моей матери расширились и застыли, как будто незрячие, и она упала на землю.

Я обернулся назад с колотящимся сердцем, но там ничего не было, только моя лошадь и Демиздор, которую едва можно было различить на фоне сверкающего неба, только сияние ее серебряной маски и распушенные волосы, отбеленные луной до снежной бледности.

Я поднял Тафру и положил на постель. Когда я устроил ее, она пошевелилась. Она крепко схватила меня за руку и пробормотала:

— Мне это приснилось?

Я наклонился ближе; ей не виден был вход. Я сказал:

— Да, какой бы кошмар ты ни увидела, это тебе приснилось, потому что я ничего не видел. Тебе стало плохо, потому что я вошел слишком быстро. Я пойду за Коттой.

— Нет, — сказала она, — это была женщина Эшкира с ее белыми волосами. Она, должно быть, умерла в диких долинах двадцать лет назад и завидует твоей жизни. Выбрось маску рыси, Тувек, она принесет тебе несчастье.

Тогда я понял. Что-то во мне дрогнуло, но я засмеялся и рассказал ей о Демиздор. Я думал, Тафра успокоится, поплачет, и ей станет лучше, но ее глаза были сухими, а рука как лед холодна.

— Городские женщины — не женщины вовсе, — сказала она. — Они считают себя богинями. Они едят душу мужчины, чтобы получить его силу.

— Посмотрим, — сказал я.

Именно тогда вошла Котта. Конечно, какая-нибудь женщина рассказала ей новость, и она сама подумала о Тафре. Целительница не обратила на меня особого внимания, как будто восставшие из мертвых воины были обычным явлением в крарлах; она просто вежливо попросила меня выйти, поэтому я ушел и был рад сделать это. С меня было достаточно женских страхов и заклинаний. Я не такого приветствия ждал.

Снаружи Демиздор все еще стояла на фоне сияющего ночного неба, молчаливая, как луна. На секунду я подумал, что она околдовала Тафру, но обозвал себя дураком и отогнал страх.

Молча я пошел к своей палатке. Молча она последовала за мной.

5

На огне уже жарилось для меня мясо.

Мока и Асуа готовили еду и не побежали ко мне, но казались радостными оттого, что я вернулся. Вдовья доля редко бывает сладкой, а они были по-своему хорошими женщинами, как я теперь осознал, всегда готовы были угождать мне и радоваться, когда угодили. Некоторые представители мужской половины тоже были там, моя родня со стороны жен, Доки и Финнуки и братья Моки, даже Урм Кривая Нога. Они снабдили нас мясом, зерном для хлеба и пивом, о чем они не преминули мне тут же сообщить. Я поблагодарил их и обещал вознаградить из моих трофейных сундуков, куда они несомненно уже заглянули, считая меня пирогом для ворон.

Чула тем временем следила за жарящимся мясом, приказывая сделать то или другое, но сама при этом почти ничего не делала.

Я выпил чашу пива со своими родственниками, чтобы

сделать им приятное, хотя в скором времени они будут в состоянии буйного опьянения, а я трезв, как стеклышко. Потом я повел Демиздор в палатку моих жен, так называемый курятник, где они спали, когда не были со мной, и где содержали также младенцев, и позвал Чулу, оторвав ее от распекаания других.

— Вот рабыня, о которой я говорил, — сказал я ей. — Дай ей одежду племени. У нее есть драгоценности под мехами, они мои, но ты можешь взять себе серебряную маску, если хочешь. Проследи, чтобы она носила вместо маски шайрин.

— Мой муж щедр, — сказала Чула с жадностью и подозрительно. — А потом что?

— Что хочешь. Рабыня твоя; приставь ее к работе.

— Моего мужа она не интересует?

— Нисколько, — сказал я, специально для Демиздор.

— Тогда почему бы не отдать ее воину, моему отцу Финнуку, например, в качестве платы за мясо, которое он приносил мне, пока тебя не было?

— Я не буду тратить женщину на твоего отца, — сказал я. — Его пора для этих танцев уже прошла. Не торопись, моя любящая жена. Она окажется полезной тебе, сняв часть рабочего груза с твоих усталых плеч. Если она будет лениться, можешь побить ее, но не уродуй и никогда не выпускай ее залавливать детей в живот. В будущем я, возможно, смогу выгодно сменять ее, так что будь осторожна.

— Но я могу бить ее, — сказала она язвительно, — если она ослушается.

— Как сочтешь нужным.

Демиздор рта не открыла, но я и не ждал этого. Чула подошла к ней, как кошка подкрадывается к птичке, потом схватила ее за руку и втокнула в курятник. Я старался смотреть на это с юмором, но привкус был кислый.

Эттук не пришел на мой праздничный пир, хотя несколько мужчин, которые не очень-то сильно меня любили, все же сочли целесообразным нанести мне визит.

Позднее я одарил Финнука и остальных, и они приняли подарки, жеманясь, как девицы при получении букета, но я видел, что им хотелось заполучить еще и городского коня. Только Урм заворчал и сказал, что у него уже есть от меня подарок, и показал на свою покалеченную ногу.

Когда огонь, угасая, стал малиновым, воины покатались по домам. Гора собак лежала среди мясных костей, а

бессонные городские лошади переминались с ноги на ногу на сторожевой линии.

Чула была в моей палатке. Когда я завязал на ночь полог, она прыгнула на меня, как пантера, обвинившись вокруг меня конечностями и рыжими волосами. Она набросилась на меня так, словно хотела заполучить еще троих сыновей за одну ночь.

Но ей удалось всего лишь заморить моего червячка. Мне нужна была другая, не она.

Где-то незадолго до рассвета Чула разбудила меня. Она стояла в синем сумраке палатки, и на ней было чешуйчатое платье и изумрудный корсаж Демиздор, которое было слишком узко для Чулы в талии и слишком широко в груди. Она также надела маску оленя, и ее ржавая грива косматилась сзади. Это была такая пародия, что я только молча уставился.

— Она так выглядела, — сказала Чула, — когда ты взял ее?

— Она тебе сказала?

— Нет нужды говорить, — ответила она, моя проницательная жена, дочь Финнука. — Я видела ее обнаженной. Ты ни за что не смог бы оставить ее в покое, мой сладострастный муж.

Я подумал о Демиздоре в женской палатке; я думал о ней очень долго. Когда Чула подкралась ко мне снова, я не хотел ее.

Часть III: Белая рысь

1

Внезапно заболеть, когда до этого никогда не болел — тяжелое испытание. Если оно чему-нибудь и учит, так это тому, что не следует доверяться своим познаниям, лучше строить на сыпучих песках, чем на скале, которая может раздавить тебя в тот день, когда рухнет.

Заболеть или полюбить. Большой разницы нет, когда ты не хочешь признать этот факт или не научен. Почти двадцать лет ты буйствуешь на земле, слепой на один глаз, глаз сердца. Потом этот глаз раскрывается.

Я отдал ее моим женам, мою эшкурскую рабыню. Я вообразил, что они вцепятся в нее своими когтями, и она прибежит ко мне как к спасителю. Я никогда не встречал гордости в женщине, настоящей гордости, или если встречал, не понимал.

Итак, я ловил рыбу в весенних ручьях, играл в азартные игры с воинами, стрелял по мишеням, занимался городскими лошадьми, ходил на охоту с собаками, спал с Чулой или Асуа, или еще с одной-двумя женщинами крарла, и вскоре палатки были разобраны, и мы опять были на старой дороге Змеи, направляясь на восток, и надо было приводить в порядок копья, стрелы и оружие для сезона битв. И то тут, то там в перерывах между видами этой мужской деятельности племени я замечал женщину в черном прямом платье и черном шайрине, идущую с кувшином к пруду, склоненную над стиркой или у кухонного костра (она никогда не была без дела, Чула следила за этим), и ее волосы струились по весеннему ветру, как золотая волна.

Крарл не забыл моего геройского подвига, как я предполагал. Когда первый вызов к войне пришел на Змеиную Дорогу, пять палаток Эттука, которые я освободил из крепости, сплотились вокруг меня, как старые товарищи, снова рассказывая ту историю и клянясь, что я должен поразить скойана в печеньку, если они бросили нам копье войны. Теперь, когда мне предстояло драться, я надеялся, что таким образом избавлюсь от своей занозы. Рукопашный бой, когда на тебя со всех сторон летят вражьи копья, не способствует размышлениям о женских бедрах. Но следующей частью моего испытания было то, что я понял, я потерял свою одержимость боем, потерял азарт убивать, утратил ненависть, во всяком случае, значительную ее часть. Я не боялся. Но все это больше не имело для меня значения, моя сила, молодость и доблесть ничего не стоили, если я не мог сложить свои победы к ее ногам.

Я этого не осознавал умом, только чувствовал всем существом и душой.

Но все равно мы бились со скойана и хинга, шесть битв за двенадцать дней. Последний бой был со скойана, далеко от дороги, при этом был сожжен крарл скойана, взято много пленников, женщин и скота — между дагкта и скойана все еще шла вражда из-за нарушенного перемирия. Я отсутствовал три дня и вернулся предельно уставший и

злой. Женщин было множество, а я не хотел их, мне нужна была только одна, но она была в палатке моих жен, эта черная шайрин с ее филигранными волосами.

Я скакал обратно вместе с солдатами, полупьяными, качавшимися в седлах, а жалкая вереница пленников плелась сзади. Эттук со старшими воинами ушел вперед подсчитывать свои трофеи втихомолку. Он, как всегда, был расстроен, что я избежал смерти; он никогда не переставал желать ее, я думаю.

Но я не обращал на это никакого внимания. Все это время я помнил Демиздор, как она метнула в меня кинжал, как я пронзил ее глубже. Я заключил со своим вожделением договор, что буду владеть ею, невзирая ни на какие причуды изнеженной городской женщины. Я использую ее и избавляюсь от нее. Другого способа вырвать эту стрелу из моего тела не было.

Была середина месяца Воина, граница между весной и летом — не толще серебряной проволоки. Мы проехали через частокол уже почти вечером, и женщины крарла выбежали из своих укрытий приветствовать нас пронзительными криками и визгом; такова была традиция, и она казалась мне лишеной всякого смысла.

Небо было ярко-голубое, чистая синева без единого облачка. Стояли погожие дни после жестокой зимы, уже пахло лесными цветами; когда воины и их жены немного поутихли, можно было расслышать стрекотанье кузнечиков в траве, и центральный летний костер выглядел водянисто-бледным в сверкающем свете солнца.

Прежде чем заняться делами, я отправился к скалистому краю леса, где росли густые сосны и бежал ручей, сверкавший как нож. Я сбросил одежду, смыл военную раскраску и напился там. Я был изнурен, но не хотел спать, а был как сжатая пружина. Я не мог думать ни о чем, кроме Демиздор. Как она выглядела, какое у нее было лицо, когда я последний раз видел его, какая у нее походка, ее тело, ее глаза. Что-то из мрачного бормотания Тафры вспомнилось мне о богинях-женщинах, которые питались душой мужчины. Я знал, что если Демиздор станет сопротивляться мне, я убью ее, а если она будет лежать, как лед, и я не смогу растопить ее, частица моей мужской силы иссохнет в этом холоде. Это было очень похоже на чары, на проклятье.

Выйдя из ручья, я дрожал, и не только от прохладной

воды. Я насухо вытерся плащом и оделся, когда красновато-янтарные и пурпурные тени от сосен уже удлинялись. Если бы у меня был бог, я принес бы ему подношение, прося о нежности моей рабыни, чтобы она не терзала меня хлыстом своего презрения.

И вдруг, как исполнение заклинания, я увидел фигуру с кувшином для воды, идущую к ручью по тропе, проложенной женщинами. И это была Демиздор.

Я почти испугался ее или этого момента, или себя самого. Я даже в то мгновение не понимал всей власти этого образа, усиленной самоограничением и тремя днями и ночами, проведенными без него. «Ты уже владел этой сукой, — думал я. — Ты снова овладеешь ею. Она твоя, так возьми ее и покончи с этим».

Я прислонился к молодой сосне над бегущей водой и дал ей подойти.

— Мои жены не оставляют тебя без дела, — сказал я. — Это хорошо. Рабыня не должна проводить время попусту.

Я положил руку на ее плечо и развернул ее к себе. Она вскрикнула, и кувшин выпал у нее из рук.

Я сразу понял, что она никогда бы не закричала так просто от прикосновения. Она была бы надменной, молчаливой, деревянной. Это было непредумышленно, выражение шока или боли. Все во мне сразу переменялось. Я почувствовал перемену, но не понял ее источник.

— Что случилось? — сказал я. — Моя нежная жена бичует тебя, о чем она и просила позволения? — Она не ответила. Она стояла прямо и смотрела мимо меня.

Тут я заметил красную жидкость на пальцах, которыми я коснулся ее, я нежно обнял ее и притянул к себе, и почувствовал, что платье на плече липкое. Там была шнуровка; я хорошо это знал, имея случай расшнуровывать женщину раньше. Вскоре я раздвинул ткань платья на ее плече.

Я смотрел на смерть и раны много раз. Но это было как в первый раз. Ее кожа, бархатистая и гладкая, как миндаль, была измолота в месиво из крови и плоти на конце плеча.

Когда я увидел это, в глазах у меня почернело, а из горла вырвался рокочущий белый гром.

— Кто? — спросил я. На этот раз я почему-то догадался, что она ответит.

— Моя хозяйка, жена моего господина воина, — сказала она, твердая, как лезвие.

— Чула.

Несмотря на ее неподвижность и твердый тон, она горела огнем под моими руками. Ее слабость приглушила мою.

— Как свинья сделала это с тобой? — спросил я.

— О, она очень справедлива. Я разбила ее эмалевую расческу, твой подарок, как я полагаю. Поэтому она расчесала мою кожу, чтобы я помнила в будущем, что должна быть аккуратнее с ее вещами. Она сказала, что у меня всегда будет этот шрам. Она позаботилась об этом.

— Демиздор, — сказал я.

Я уже давно в совершенстве выговаривал ее имя. Никто другой не мог произнести его; они называли ее Демия. Я прижал ее к себе, и она подняла глаза на меня, распахнутые, затуманенные лихорадкой, зеленее диких трав. Она услышала это в моем голосе; я тоже. Понадобилось такое, чтобы я увидел, куда меня привел мой путь.

Я усадил ее на берегу, разорвал свой плащ и намочил его в воде, чтобы промыть ее рану. Она всхлипнула от прикосновения холодной воды, и я увидел, как она сжала зубы под вуалью шайрина, чтобы снова не заплакать.

— Тебе надо пойти к Котте, — сказал я. — Она сделает это лучше меня.

Я поднял ее на руки; она была легче, чем когда я поднимал ее в последний раз, а она и тогда ничего не весила. Кажется, ко всему прочему она еще и голодала.

Она лежала спокойно, как мертвая, и сказала:

— Вазкор великодушен со своей рабыней. — В ее речи все еще была язвительность.

— Утешься, — сказал я. — Чула пострадает больше, чем ты. Я позабочусь об этом. После того, как я выпорю ее, я выброшу ее и ее отпрысков.

— Только за наказание рабыни? Ты слишком суров, — пробормотала она.

Мы уже подошли к палаткам, черным на фоне закатного неба. Женщины в шайринах были у центрального костра, они повернулись и уставились на меня; воины, лениво занимавшиеся упряжью или пленниками, тоже смотрели.

Через море солнечного заката, огней костра и взглядов я пронес Демиздор. В тот час она была единственной реальностью.

Позднее я отвел Чулу в палатку Финнука.

Она не хотела идти.

Ночь была холодная, сине-черная, как крылья ворона, и звезды запутались в его перьях. Перед палаткой Финнука горел костер, и он со своими сыновьями сидел там после еды. Я толкнул ее к нему.

— Вот твоя дочь, — сказал я. — Ты можешь забрать ее назад.

Сначала они онемели от удивления с открытыми ртами, только пламя костра разговаривало. Затем Финнук по-рывисто поднялся, отяжелевший от гнева, как могут только старики, а он был стар для воина.

— Назад? Клянусь змеей, я не хочу ее назад.

— А-а! — загремел я. — Значит и в твоей палатке от нее не было пользы?

Он затоптался, а его сыновья и собаки хмурились и подпрыгивали, уставясь на меня. Чула корчилась и рыдала, громко и яростно кукарекая. К этому времени подошли поглазеть и другие.

— Это моя дочь, — сообщил мне Финнук.

— Владей ею тогда, — сказал я.

— Да, да, клянусь змеей. Что плохого она сделала? Она хорошая жена сыну вождя. Она родила ему троих здоровых мальчиков.

— Она принесла мне неприятности, — сказал я.

— Как это?

— У меня была рабыня, — сказал я, — ценная городская женщина высокой стоимости, которую я мог обменять и обогатить тем самым крарл. Эта, лицемерно хныкающая у твоих ног, обезобразила шрамом мою рабыню, мою собственность.

Я очень хорошо знал, какую линию поведения выбрать. Он нахмурился и выругался про себя.

— Если это так, рабыня ослушалась...

— Эта женщина, твоя Чула, ослушалась меня. Я с ней покончил. Она больше не имеет ко мне никакого отношения. Видишь, Финнук, здесь много свидетелей, которые это слышат.

Чула завывала. Она упала лицом в грязь и заколотила ногами.

— Подожди, Тувек Нар Эттук, — увещевал Финнук. — Она сделала глупость, и ты должен побить ее. Но не выбрасывать же ее за это. Как же твои сыновья?

— Они не сыновья мне. Я отказываюсь от сыновей этой матери. Может быть, она и в этом была нечестна со мной. Мне что же, покрывать ее распутство?

Он тяжело топтался вокруг своего костра, бросая свирепые взгляды, в растерянности.

— У нее было приданое, — сказал он наконец.

К этому я был готов. Я швырнул рядом с Чулой кожаный мешок с золотыми кольцами, военными трофеями, стоившими больше, чем то, что он дал мне с Чулой, не вернув изумруд, который теперь носила Тафра. Он тут же указал мне на это.

— Эшкирская рабыня, которую испортила твоя потаскушка, принесла мне корсаж из изумрудов. Финнук может прийти и выбрать.

Он покачал головой. Он не хотел сдаваться на этом, но не мог найти выхода. Кроме того, я выглядел злым, бешено злым, как бык, которого не пускают к коровам. На самом деле я не был так зол, только опьянен массой новых до боли эмоций. Я выкраивал себе одежду по своим меркам, и Финнук с его дочерью попадали за линию среза.

— Тувек-Нар-Этгук, — сказал он, — она недостойная пыль. Она огорчила тебя, и я ее проучу. Я подержу ее в палатке моих женщин несколько лун. А потом ты решишь.

Я пожал плечами.

— Это мне безразлично. Бери ее и бери золото. Мне она не понадобится, пусть даже упадет луна.

При этих словах Чула поднялась. Она рванула на себе волосы и пронзительно закричала:

— Тувек! Тувек! Тувек!

Безумнее ее глаз я еще не видел. Они говорили мне о моей несправедливости к ней, мне стало неприятно. Но в моем мире не было места ни для кого, кроме одной.

— Я женюсь на эшкирской женщине скорее, чем возьму эту кобылу, — сказал я.

И я пошел прочь от костра Финнука, и снова позади меня царило молчание, только потрескивал огонь.

После этого я пошел к Котте. Она встретила меня у полога.

— Я пришел за эшкирянкой, — сказал я.

— Неужели, воин? — сказала Котта. — Я обработала рану, но у нее жар, у твоей рабыни. Если ты возьмешь ее в свою палатку и ляжешь с ней, ты ее убьешь. Городские женщины по большей части несильные, и она не выдержит этого.

— Тогда я не лягу с ней, — сказал я. — Пусть остается здесь.

Слепые глаза Котты, которые, казалось, все видят, нервировали меня.

— Это новая болезнь, — сказала она. Но когда я нырнул в палатку, она добавила: — Тафра еще не видела своего сына сегодня вечером, я думаю.

— С Тафрой будет ее муж, — ответил я. — Я пойду завтра.

В палатке целительницы стоял сумрак, темный дымный свет. Демиздор лежала на коврах, голова ее была отвернута от меня. Я увидел, что она без маски; только легкая кисея ее светлых волос скрывала лицо. Сердце у меня так забилося, что палатка запрыгала перед глазами. Но я подошел к ней спокойно.

— Демиздор, — сказал я, — я отвел эту женщину назад к ее отцу. Другие мои жены не обидят тебя. А когда закончится время битв, и мы придем на летнюю стоянку, я женюсь на тебе. Ты будешь моей первой женой вместо Чулы.

Очень тихо она спросила:

— Смогу ли я вынести эту ни с чем не сравнимую честь?

Под цветком все еще была гадюка, как я убедился. Я не ответил. Я приподнял пелену белокурого шелка с ее щек и нежно повернул ее лицо к себе. Ресницы ее дрогнули, как во сне; она ни за что не хотела смотреть на меня.

— Ты будешь носить городскую маску, — сказал я. — Не серебряного оленя, та у другой. У меня есть лучше, серебряная рысь с янтарными украшениями для волос. И я достану для тебя тонкой ткани у моуи. Она будет лучше для твоей кожи.

— Почему ты утруждаешь себя ухаживаниями за мной, воин? — проговорила она. — Я твоя собственность. Ты можешь использовать меня в любое время, как пожелаешь.

И тогда, я не мог бы объяснить как, но я понял — может быть, по ее глазам или тону, который не был холодным и резким, как раньше, — что она в тех же сетях, что и я.

Я наклонился и поцеловал ее. Несмотря на болезнь, губы у нее были прохладные и свежие. Она схватила мои руки и прижала меня к себе. Я никогда не мог представить себе, что нечто подобное может сделать меня счастливым.

Однако когда я отпустил ее, она отвернулась от меня и снова спрятала свое лицо, шепча на своем языке, который я не мог больше понимать. Ее любовь ко мне, должно быть, бродила в ней уже какое-то время, превратившись

против ее воли в вино, которое я только что попробовал. Тогда мне не пришло в голову, что ей стыдно смотреть мне в лицо, что она может считать унижительным для своей крови и гордости и даже сомневаться, в своем ли она уме, если страстно желает того, на кого ее род плюет.

Я вышел из палатки Котты, окрыленный победой, убежденный в своем счастье.

Пусть ни один мужчина не считает себя счастливым, пока боги не поставят клеймо счастья на его спине.

2

Бои и налеты месяца Воина прошли, и зеленый месяц, что наступает после него, тоже прошел; был месяц Девы, месяц свадеб, и крарл обосновался среди диких полей и садов и оседающих белых камней на восточных пастбищах, когда Демиздор пришла в мою палатку.

Она долго была в лихорадке, а потом ослабла и была хрупкой как листочек. Очень многое могло бы сказать мне, как она боится прийти ко мне, но я все еще был глуп и, видя желание в ее глазах и прикосновениях, думал, что битва выиграна. Зная, что она еще больна и слаба, я оставил ее на попечении Котты в ее палатке. Здесь Демиздор обитала, ни с кем не общаясь, кроме целительницы и меня. Хорошо, что она находилась под моим покровительством. Я знал, что женщины крарла ненавидели ее за ее красоту и отличие от них — повторялась история Тафры. И Тафра тоже ненавидела Демиздор, по этому поводу Котта и моя мать ссорились. Я не знаю, какие слова произносились и какие угрозы сулились. Конечно, у Котты не было другого выбора, она должна была приютить эшкирянку, так как я приказал ей.

Вскоре Демиздор оправилась настолько, что могла ездить верхом на муле за мулом Котты во время наших путешествий — до этого она ездила в паланкине, закрепленном между двумя лошадьми, с навесом от солнца, такое удобство обычно предоставлялось женщинам после родов, если крарл был на переходе. Когда каждый вечер разбивался лагерь, Демиздор сидела перед палаткой Котты без дела, на что не отважилась бы ни одна женщина крарла. Когда зажигались лампы, я приходил навестить ее, потому что не мог держаться в отдалении.

Мы не вели серьезных разговоров, редко прикасались друг к другу. Для утоления моего голода это было меньше крошки, и язык ее все еще был остер. Она выговаривала мне за мою дикость, насмехалась надо мной; кляла наше невежество, отсутствие книг и музыки; наше отношение к женщинам и самим себе. Я все это сносил, потому что ее глаза опровергали ее слова. Ее глаза теперь смотрели на меня, как смотрели и другие женские глаза. Отчасти я радовался моему воздержанию и готов был ждать, пока она окрепнет, прежде чем спать с ней, потому что она тоже ждала; это было ясно. Она хотела меня — пусть я был *шлевакин* (городское слово для обозначения варвара, мерзавца). Поэтому я заставил ее ждать, как она заставляла ждать меня, хотя почти каждую ночь мои сны были заполнены ею. И когда я отсутствовал одну-две ночи во время битв или грабежей, я постоянно думал о ней и никого не брал в свою постель. С тех пор, как я стал мужчиной, я никогда так долго не бывал без женщины, но я знал, что пир приближается.

Между тем я оставил Чулу в палатке ее отца. Я не отрекся от нее формально перед священником; после первой буйной сцены я утратил интерес к этой драме. Официально Чула оставалась моей женой, но никто не заблуждался относительно того, что я ее выгнал. Финнук упорно держался за надежду, что я смячусь, и не приходил за изумрудом, который я предлагал ему взять, но оставил себе золото. Я никогда не видел ее в крарле. Думаю, они специально держали ее подальше от моих глаз.

Я сказал, что Демиздор была моим миром в те месяцы. Из-за этого я не замечал других вещей. Из-за этого я даже получал больше ранений в сражениях, став менее внимательным, но никогда все-таки не был настолько бездумен, чтобы позволить себя убить. Однако я совершенно был слеп по отношению к Тафре. Впоследствии я проклинал себя за свою глупость. Но и проклятия и мудрость опоздали.

Я пошел навестить мать на следующий день после налета на скойана, когда я отнес Демиздор к Котте и бросил Чулу назад к Финнуку.

Тафра сидела прямая, как копье, но тело ее уже расплывалось, наливаясь из-за того, что росло в нем. Мне не нравился этот вид, эта зараза, которую Эттук наслал на нее. Ее лицо было спрятано под шайрином, и она не сняла его.

На ней не было изумруда Чулы, который я отдал ей годы назад. Она протянула его мне на ладони.

— Ты пришел за этим, Тувек? Так как ты отказался от нее, пусть лучше драгоценность будет у нее. Это было ее приданое.

— Ну и ну, мать, — сказал я. — Я не предполагал, что ты печешься о правах Чулы.

— Если не за драгоценностью, то зачем ты пришел ко мне?

— Да чтобы увидеть тебя, — сказал я, — поздороваться с тобой. Меня ведь не было в крarle, или ты забыла?

— Я ничего не забываю, — сказала она. — Мука матери в том, что она ничего не забывает. Я помню твоё рождение, помню тебя у своей груди. Я помню, как ты рос, чтобы стать моей гордостью. А теперь я для тебя ничто. Забывает сын, — голос у нее был горький, старый и сухой, как шелуха. Я знал о капризах женщин во время беременности и не придал этому значения.

— Ну вот, я здесь, я пришел навестить тебя.

— Я и вчера здесь была, — сказала она. — Ты не пришел. Ты предпочел пойти к своей городской шлюхе, ведьме с бледными, как свиной жир, волосами, которая тебя околдовала. Ты совсем не слушаешь моих предупреждений? Я теперь так мало значу для тебя?

Это был извечный плач матери по сыну. Я мог бы распознать его и повести себя с ней иначе, но ее скрытое маской лицо, ее высохший голос и женская глупость рассердили меня. Я надеялся, что с этими зловещими предсказаниями злых чар покончено.

— Не испытывай мое терпение, — сказал я. — Ты знаешь, какие между нами отношения, между тобой и мной. Ты же знаешь, что у меня с эшкирянкой.

— Я знаю, что ты женишься на ней.

— Итак, ты знаешь.

— Да, и ты думаешь, что это не колдовство, которым она одурманила тебя, она — рабыня, а ты — воин, и чтобы ты женился на ней священным браком?

— Достаточно! — закричал я. Я никогда не встречал такой глупости со стороны Тафры, такой навязчивой болтовни о духах. — Ты, моя мать, тоже была пленницей из чужого племени, захваченной во время налета, рабыней копья, шлюхой Этгука, пока он не ввел тебя в огненный круг и не сделал своей женой. Что же, ты тоже околдовала

его, мать? Если так, ты сделала плохой выбор. Когда я стану мужем моей эшкирской рабыни, женщины не осмелятся порочить ее, а мужская половина учить своих сыновей обзывать ее, как всю мою жизнь они поступали с тобой. Твой красный боров хвалит тебя, как хвалят свиноматку, и рассказывает всему племени, как он ездит на тебе верхом и хвастается, что спаривается и с другими. С тех пор, как я начал ходить, я сражаюсь, и когда был мальчиком, и когда стал мужчиной, потому что я твой сын, а он не позаботился о твоей чести, поэтому и о моей. Когда у Демиздор будут от меня сыновья, им не придется сбивать в кровь костяшки, чтобы доказать, что они мои наследники. — Я осекся, задыхаясь, понимая, что сказал чересчур много.

Она сидела все еще прямая, все еще в маске. Она сказала, очень спокойно:

— Ты достаточно наказал меня, перестав любить, тебе нет нужды наказывать меня еще и словами.

Мне было стыдно. Стыд никак не сочетался с настроением радости и победы, которое я испытывал до этого. И именно это мне было труднее всего простить ей.

— Прости, — сказал я. Это прозвучало жестко и недобро, я сам слышал это. — Не будем больше об этом.

— Слишком много сказано, — ответила она.

Я ждал, что она заплачет, как уже ждал однажды. Тогда она не заплакала, не заплакала и сейчас. Если бы она заплакала, я бы подошел к ней. Она не плакала, и я не подошел.

— Завтра будет охота, — сказал я. — Я принесу тебе что-нибудь.

Она поблагодарила, и я ушел.

После той неприятной встречи она была вежлива и почти не говорила со мной, и я придерживался того же. Я стал вспоминать другие случаи, когда она вела себя странно и была упрямой. Я начал презирать ее, как я презирал других женщин, которые претендовали на меня, а мне не нужны были их притязания. Но сам я не осознавал, что презираю ее. Она видела это лучше меня. Я проводил с ней меньше времени, чем когда-либо, все больше с моей девушкой в палатке Котты. Меня больше не трогало то, что Тафра не снимала шайрин в моем присутствии. Я едва замечал это. Я страстно мечтал увидеть только лицо Демиздор.

Так моя мать сидела одна, разбухая от семени Эттука, и

страх, который однажды ясно читался в ее глазах, спрятался где-то глубоко в ее мозгу. Котта приносила ей лекарства, и она надменно выпивала их, не произнося ни слова. Даже ее муж не приходил больше к ней. Он не хотел ее больше. Если бы она принесла ему еще одного мальчика, ее благополучие расцвело бы, как пышный цветок, но если это будет девочка или болезненный мальчик, ее не ждало ничего хорошего. Возможно, она видела себя повторением судьбы Чулы, но у Тафры не было ни родителей, ни друзей. Что до меня, то узы были порваны.

В те месяцы моего триумфа, моего голода и страстного предвкушения над моей матерью Тафрой ступили тени, чернее Ночи Сиххарна.

Я женился на Демиздор по обычаю племени в кольце огня, перед Силом. Он не хотел, но я заставил его. Я чувствовал свою силу в тот год и знал, как ею воспользоваться. Он вращал глазами и брызгал слюной, выплевывая свои заклинания через оскаленный рот, но обвенчал-таки нас.

Я позаботился, чтобы моя свадьба не была похожа на другие. Я преподнес много подарков и принес к столу много мяса убитых мной самим зверей и бочку крепкого малинового напитка, которую увез после налета на городской дворец-форт и сохранил. Я подарил Эттуку одну из моих городских лошадей, и он натянуто усмехнулся. Две или три кобылы собирались жеребиться, так что это не было для меня большой потерей.

Я сказал Демиздор, чтобы она надела серебряную маску-рысь, и цветочки из янтаря в ее топазовых волосах выглядели почти красными. Моуи пришли со своим вечным обменом, и я достал у них материю, тонкое белое полотно с зелеными и бронзовыми полосками. Мока, выбиравшая материю, тараторила им про Демиздор, гордясь достоинствами моей новой невесты, как она гордилась бы новым бронзовым котлом. Мока была довольна тем, что имела: своим мужчиной, детьми и домашним очагом. Демиздор была военным трофеем, чем-то, что увеличивало мое процветание и поднимало статус. Для Моки, может быть, Демиздор не была даже человеком, просто еще одним богатым приобретением для украшения палатки.

Руки Демиздор блестели бронзовыми и серебряными браслетами, а шея — золотыми обручами. Она вошла ко мне в огненный круг подобно дочери вождя. Но за открытыми прорезами маски ее зеленые глаза блестели презре-

нием. А с другой стороны, когда я взял ее за руку, она дрожала, и грудь ее вздымалась под кисейной тканью, как от бега. Она хорошо знала, что ее ждет.

Я был рад, что заставил ее ждать, дал время погореть немного, как горел я сам.

Свадебный пир устраивается для мужской половины вокруг центрального костра крарла. Задолго до его окончания невеста идет в палатку, и вскоре жених встает и отправляется вслед за ней.

Скачущие огни костра, крики и тосты и переходящие из рук в руки чаши были бессмысленной интерлюдией между отбытием моей женщины и моим уходом к ней. Когда я поднялся, ночь окутала меня, голова моя звенела, и на всей земле была только одна дорога, та, что вела меня к ней.

Ряды палаток были темными и пустыми, только кое-где светились красным светом жаровни да какая-нибудь женщина суежилась, припозднившись со своей работой. Свет горел только перед палаткой Котты, и она сама сидела перед лампой. Когда я проходил мимо, слепая женщина безошибочно окликнула меня по имени.

— Тувек, прежде, чем ты пойдешь туда, куда ты идешь, лучше тебе узнать кое-что.

Я рассмеялся, я был немного пьян — от возбуждения, а не от вина.

— Ты думаешь, я не знаю своего урока?

— Я думаю, ты знаешь его достаточно хорошо, — сказала она. — Ты не знаешь другого.

— Чего же тогда? Давай, Котта, я ждал этого несколько дней. У ночи только часы, и я не хочу терять их здесь.

Она встала и приблизилась ко мне.

— В моей палатке, — сказала она, — эшкирянка говорила со мной, как женщина с женщиной в час нужды. Она из благородного рода, рыцари и супруги их королей. Она была подругой одного из золотых масок, которые бросились на свои кинжалы в крепости: принца. Она считала это почетным, а ты лишил ее этого...

— Это прошлое, — сказал я. — Теперь наступает будущее.

— Может быть. Птица в ее груди трепещет крыльями из-за тебя, но голова осуждает ее. У меня в доме много лекарственных эссенций и ядов. Есть маленький каменный кувшинчик, одна-две капли из него хороши против боли в

ногах у стариков, но если больше одной-двух капель, сердце остановится. Твоя эшкирянка расспрашивала меня об этих вещах и, поскольку она будет женой сына вождя, я ответила ей.

У темноты выросли острые края, и вино скисло во рту.

— И что же, Котта?

— Каменный кувшинчик ушел с твоей невестой, — сказала Котта. — Она взяла его. Она знает, что Котта слепа, и думала, Котта не заметит. Но у Котты свой способ видеть.

Я застыл, оступев от ее новости. Ярость белой волной захлестнула глаза.

— Значит, она отравит меня, — сказал я. — Но умрет она.

— Колодец глубже, чем ты думаешь, — сказала Котта. — Я предупредила тебя, чтобы ты остерегался, но испытай ее прежде, чем действовать.

Я уже поднимался по тропинке.

Кровь барабанила в висках. Миллион уловов голубями кружился в моей голове. Примерно в шести шагах от моей палатки я представил, как я найду ее, она даже убийство затмит своей красотой. И я уже знал, как действовать, буд-то планировал целый месяц.

Я открыл полог палатки.

Свет внутри был неяркий. Ее волосы и тело казались сотканными из света. Она была в маске — мне предстояло снять маску в эту брачную ночь — но она сняла одежду и ждала меня, лежа на локте, одетая в свое тело, в другом одеянии не было необходимости. Это была городская поза, поза куртизанки в ожидании принца. Она показывала ее всю, и в то же время скрывала, превращая в тайну. Тени, извиваясь, скользили между ее бедрами; изгиб ее талии, подчеркнутый ее позой, был опоясан серебряным отсветом лампы. Ее волосы прятали ее груди и не прятали; в такт ее дыханию сверкающие пряди раздвигались подобно травам на морских волнах. В другой руке, опиравшейся на бедро, она поддерживала серебряную чашу, невестин напиток, который должна была предложить мне, символ ее самое.

— Видишь, воин, — сказала она, — я подчинилась вашим обычаям.

Если бы я вошел туда, пьяный от желания, возможно, я бы не усомнился ни в чем. Но сейчас я видел, что плод был слишком сладок, паутина сплетена так, чтобы поймать меня наверняка.

Мой нож надежно висел на боку. Сейчас посмотрим, думал я, и моя жажда утонула в черной ночи в моей душе. Но я подошел к ней с горящими от нетерпения глазами, как она и добивалась.

Я не проглотил ничего из того, что было в чаше, но сделал вид, что выпил немного. У напитка был странный запах, очень слабый. Я никогда бы не заметил, если бы не был предупрежден.

— Ваше городское вино горькое, — сказал я ей. — Оно никогда не казалось мне таким раньше.

Ее глаза под маской смотрели прямо. Она подготовилась именно к такой сцене.

— Тогда не пей больше, — сказала она.

— Чтобы хороший напиток пропал даром? — Я сделал вид, что снова проглотил его. Потом я протянул руку и снял маску с ее лица.

Она была очень бледна, этого она не могла скрыть, и губы у нее дрогнули. Глаза расширились в ожидании.

— Демиздор... — сказал я, как будто что-то меня удивило. Потом я выронил чашу, и разбавленное снадобьем вино пролилось на ковры.

Она сжалась в комок и отпрянула от меня.

Я достаточно насмотрелся на то, как мужчины умирали, так что был в состоянии имитировать смерть. Если бы она была не так взволнована, она бы вспомнила, что сердца мертвых не стучат, как мое, что, как бы ни было слабо дыхание, его можно заметить. Но она была так уверена, что убила меня, что не стала проверять.

Я смотрел на нее из-под век, холодея от ожидания, что она станет делать, и моя рука лежала неподвижно наготове, рядом с моим ножом.

Сначала она не двигалась. Когда же она пошевелилась, что-то блеснуло на ее щеках в свете лампы. Она плакала; я никогда не видел ее слез раньше, даже когда ее любовник заколол себя, даже когда я взял ее как рабыню или когда Чула изрезала ее расческой.

Она медленно подползла ко мне на коленях.

Женщины как-то говорили мне, что мои ресницы были гуще девичьих. Их густота, несомненно, сослужила мне службу, я мог наблюдать за Демиздор сквозь них без особого труда, а она об этом не догадывалась.

Она начала говорить на своем языке, но мое имя звучало в нем. Она раскачивалась, как женщины племени над

своими мертвыми мужчинами, и когда свет лампы падал на нее, она была так красива, что я уже готов был выдать ей, что жизнь в трупe еще теплится. Но вдруг она наклонилась и схватила мой нож так быстро, что я не успел остановить ее.

На мгновение я предположил, что она разгадала мой обман и собиралась убить меня снова и наверняка. Но через какую-то долю секунды, так быстро, что я едва успел прийти в себя, я увидел, в каком направлении движется нож.

При этом я ожил. Она этого не ожидала, считая меня мертвым. Я схватил нож и отбросил его, дернул ее вниз и повернул так, что она оказалась подо мной.

— Что это? — сказал я хриплым голосом, как будто и вправду был полумертвый. — Убить меня, потом умереть вместе со мной? Это была бы прекрасная свадебная ночь.

Она не казалась напуганной, больше потрясенной, на что у нее была кое-какая причина.

— Меня предупредили, — сказал я. — Это было понарошку. Я не отравлен. Если ты хотела, чтобы я был убит, зачем плакать по мне?

Она все еще плакала. Слезы скатывались в ее волосы.

— Двадцать ночей я собиралась с мужеством для этого, — сказала она. — Я не могу жить с тобой. Но когда это было сделано...

— Ты не плакала и не умерла за своего мужчину в крепости, — сказал я.

Она закрыла глаза. Ей незачем было говорить мне. Несмотря на решение убить меня, она любила меня, и несмотря на мой гнев, я не мог убить ее, остановив ее собственную руку с ножом, намеревавшуюся сделать это.

Я провел рукой по плавным изгибам и впадинкам ее тела, лежавшего подо мной. Глаза ее плотно закрылись, а ее руки сжали меня по своей собственной воле.

— Ты сможешь жить со мной, — сказал я. — Вот увидишь.

После этого я никогда не боялся предательства с ее стороны. Ей очень просто было бы прикончить меня в последующие ночи, когда желание было удовлетворено или когда я спал. Но она не сделала этого, и я знал, что она этого не сделает. Есть один верный способ, которым мужчина может привязать женщину к себе, такой же, каким она привяжет его, и той же веревкой. В тот час я получил дока-

зательство ее любви. Я был уверен, что с враждой покончено навсегда.

Так Демиздор стала моей женой, хотя не такой, как остальные жены крарла. Прислуживали мне, содержали в порядке палатку, занимались приготовлением пищи, стиркой и починкой Асуа и Мока. Демиздор не носила даже кувшин к водопаду. Демиздор жила жизнью воина, презирая женскую работу, ходила со мной рыбачить, ездила на охоту так, как она сопровождала свою золотую маску в его войнах, хотя никогда не участвовала в сражениях; так что городские женщины были, кажется, наполовину мужчинами, если не воинами. Когда крарл увидел, как она скачет верхом на черном коне, которого я ей подарил, глаза у всех округлились, и они недовольно заворчали. Подавитесь, думал я. Хоть это мясо и хрящевато, будут куски и пожестче. Я подарил ей алое седло, а на уздечке были белые шелковые кисточки. Для верховой езды она также надевала мужские штаны. Это вызвало волнения. Она умела при необходимости прямо метнуть копье, но обычно довольствовалась тем, что наблюдала за мной.

Я научил ее игре в кости дагкта; она же научила более странным играм с кусочками камня в качестве фигур, они назывались «Замки», в которые играть надо было жестоко и бесстрастно, чтобы получилось. Она искренне изумлялась, когда я сразу научился, называя меня умным дикарем. У них было и свое искусство для постельных игр; в этом я тоже не был слабым учеником, но и она тут не насмехалась надо мной.

Я думаю, что в это время она была довольно счастлива, закрывая уши, чтобы не слышать внутренний голос, который жалил ее. Я провез ее по старым белым летним городам с их крышами из битых розовых плиток, и во мшистых дворах мы играли в любовные игры, как львы, а потом она запутывала мои волосы в травах и смеялась надо мной. Но она любила меня тогда.

Я надеялся, что она зачнет ребенка в то лето. Я впервые хотел ребенка. Он был бы залогом между нами, еще одним звеном в цепи, которая связывала наши жизни. Из этого я вижу, что даже тогда я чувствовал, что тень касается меня.

Она рассказывала мне кое-что о своей жизни среди городских кланов, хотя это был фантастический, непонятный рассказ, и она была сдержанна, как будто воспомина-

ния пугали ее. Она была дочерью высокородного принца золотого ранга и его любовницы. Демиздор принадлежала к серебряному рангу. Это был могущественный ранг, но не самый могущественный. Демиздор не испытывала страстных чувств к своему любовнику, который был на двенадцать лет старше ее и которому она была подарена согласно их обычаям и этикету; однако он был для нее богом — так ее учили смотреть на него. Когда раненый серебряномасочник приполз в павильон с новостью о возрождении Вазкора, ее любовник отослал ее. Лица принцев перед тем, как они надели маски, были странными, уже с печатью смерти. Было впечатление, что на крепость напала чума. Она знала об их намерениях, но ее ранг исключал мольбы или даже вопросы. Она не понимала, но должна была повиноваться. Она стояла за парчовыми шторами и слушала их немое самоубийство. Для нее это был конец света. Кинжал, который она метнула в меня, она взяла для себя. О легендарном Вазкоре, который вызвал такие действия, она знала мало, только то, что они боялись его имени даже сейчас. Он сверг династию и начал разрушение страны. Древний порядок рухнул под натиском его армий, и он поднял из могилы ведьму-богиню в помощь себе. Эти путанные сведения составляли все, чем она располагала, потому что люди городов не гордились Вазкором-волшебником, и он был уже мертв больше двадцати лет.

Некоторые из их обычаев она сохранила. Она никогда не ела в моем присутствии, а в глубине палатки за занавеской, как если бы это было отвратительным или запретным. Я спросил об этом только один раз. Она отвела глаза и ответила, что столетия назад ее народ принадлежал к сверхъестественным существам, не нуждавшимся в пище, и что они стыдились того, что стали смертными. Я утешил ее смертными удовольствиями, и мы не говорили об этом больше.

У нас было два месяца, немного меньше.

Вокруг нас текли времена года, меняя темп и формы. Погожее лето плавно перешло в сухое пламя осени. Плоды были собраны, случайно оставшиеся злаки и листья желтели, год приближался к концу.

Однажды ночью я проснулся и слышал, что она тихо плачет. Мы охотились в лесу и спали у костра, собаки лежали рядом. Я обнял ее и спросил, почему она плачет, но она не отвечала, и это уже было ответом само по себе. Она

также научила меня нежности, по крайней мере, к ней. Меня больше не раздражало, что гордость мучила ее из-за меня, но я не понимал этого тогда как следует. Я думал, что это должно пройти, что все будет хорошо.

Я обнимал ее и рассказывал, как я нашел статую среди деревьев в тот листопад, когда мне было пятнадцать лет, мраморную лесную деву на постаменте над источником.

Демиздор тихо лежала в моих руках, слушая. Где-то крикнула сова, плывя по морю лунного света на своих широких крыльях. В костре вспыхивали пурпурные и золотые искры, и собаки сонно взмахивали хвостами в теплом пепле.

— Однажды ты станешь сожалеть, что взял меня, — сказала она. На ее плече шрам от злобы Чулы постепенно исчезал, становясь похожим на бледный, темный цветок. Она наполнила ладони моими волосами и поцеловала меня в шею. — Ты не из народа племени, — проговорила она. — Ты принц Темного Города, города Эзланн, цитадели Уастис.

Когда я укладывал ее снова, я увидел маску рыси, поблескивавшую на другой стороне костра, как лицо, наблюдавшее черными пустыми глазами. И на мгновение эти глаза показались полными жизни в отблесках костра.

3

В месяц Желтого листа Мока родила мне девочку. Когда я вошел, она виновато посмотрела на меня (до этого всегда были мальчики), но я был в хорошем настроении и подбодрил ее. Я подарил ей гранат, чтобы повесить на детскую корзину. Гранаты считались счастливыми камнями, укрепляющими кровь.

На четвертый вечер после этого ребенок Тафры зашевелился на сорок дней раньше срока.

Было время одного из малых межплеменных советов дагкта. Обычно воины встречались в этот период перед Сиххарном и приготовлениями к выступлению на запад по Дороге Змеи. Эттук отправился туда, и я тоже. Мы отсутствовали два дня, а когда вернулись, у Тафры уже начались роды.

Какой-то мальчик принес Эттуку эту новость. Эттук оскалился и превратил все в большую шутку, сказав, что его

сын торопится выйти на свет и стать воином. Он отпустил колкость и в мою сторону, заявив, что мне лучше перестать ездить на своей желтоволосой мужчине-женщине, а вспомнить о воинском мастерстве, иначе младенец победит меня, не выходя из колыбели.

Что до меня, то все внутри у меня кипело. Я достаточно хорошо помнил, что до срока нормальных родов еще очень далеко, и невнимание и холодность к Тафре в это последнее время стали мучить меня. Я вспомнил ее слова: «Ты достаточно наказал меня, перестав меня любить». Я как бы снова превратился в ребенка. Я вдруг ясно увидел ее в своем воображении, ее красоту и ее утасание, ее несчастную жизнь, то, как она нуждалась во мне, а я нашел другую. Мать — это первая женщина мальчика. И ни один мужчина никогда не ценил и не дорожил ею, кроме меня.

Время было за полдень, тепло и дремотно, только пчелы и кузнечики жужжали в траве. Я пошел в палатку Котты. Как правило, в такое время воинов не было. Несколько ветхих старушенок болтались поблизости, переговариваясь скрипучими старческими голосами. У них были черные зубы и блеклые волосы. Они перебирали четки и говорили, что ждать придется долго, говорили о крови и боли. Потом они заметили меня и зашикали, отодвигаясь в сторону.

Когда я подошел к пологу, в палатке раздался животный крик.

Кровь отлила у меня от сердца. Я схватился за полог и замер на месте.

Старухи одобрительно закивали.

Одна сказала:

— Слушай, воин. Так и ты появился.

И Тафра снова закричала, и старухи захихикали и поздравляли друг друга с правильными предсказаниями относительно трудных и продолжительных родов.

Стоя близко у входа, я слышал, как она молит своих богов, молит боль отпустить ее. Я весь покрылся потом. Рывком откинув полог, я оказался в палатке Котты.

Старухи резко закричали от возмущения и любопытства. Внутри царил красная темнота от жаровни, и пахло кровью и ужасом. Потом Котта заслонила мне свет.

— Нет, воин, — сказала она. — Это время не для твоего визита. Мужчины сеют, женщины рожают. Таков порядок.

— Позволь мне остаться, — сказал я.

И из-за ее спины Тафра в отчаянии обратилась ко мне искаженным болью голосом:

— Тувек, выйди. Ты не должен оставаться и видеть мой позор. Ты не должен... оставаться... — Потом задержала дыхание и старалась не закричать.

Я отодвинул Котту в сторону и опустил на колени рядом со своей матерью. Ее глаза ввалились и страшно расширились, пот потоками струился по волосам, и холодащий душу стон вырвался из ее горла. Когда она увидела меня так близко, она попыталась отогнать меня. Я схватил ее за запястья.

— Кричи, — сказал я. — Пусть крарл слышит тебя, и будь они прокляты. Ты рождаешь другого сына, такого, который будет относиться к тебе лучше, чем я. Давай, рви мои руки, если хочешь, я хочу чувствовать твою боль.

Она откинулась назад, тяжело дыша.

— Нет, — сказала она. — Ты должен уйти.

Но у нее снова начались схватки, и она вонзила ногти в мои руки и закричала.

— Хорошо, — сказал я. — Скоро станет легче. — Но она закрыла глаза и едва дышала. Котта наклонилась ближе.

— Как долго? — спросил я.

— Слишком долго, — сказала она, перестав гнать меня. — Уже целую ночь и этот день. Похоже на прошлые. — Но тут же спокойно сказала: — Я не могу повернуть ребенка. Он может умереть.

— Пусть умрет. Спасай Тафру.

— Держи ее тогда, — сказала Котта, — если ты здесь, чтобы помочь ей.

И в течение часа я держал свою мать, а Котта помогала сыну Эттука появиться на свет. Это был сын. На голове у него были волосы, красные, как у отца, и он был мертв.

Тафра лежала в моих руках, подобно тому, как лежала Демиздор несколько ночей назад.

— Он здоров? — прошептала она.

— Да, — сказала Котта. — Ты родила воина.

Я удивился, зачем она лжет, но лицо Тафры, не скрытое маской, ответило мне. Ставшее маленьким и бесцветным, оно приобрело выражение, направленное внутрь себя, как будто она прислушивалась к музыке, звучащей в ее мозгу. Это выражение постепенно оседало в ней, как снег, как пыль. Это было выражение смерти.

Котта тем временем двигалась около нас, делая, что могла. Кровь лилась из моей матери, как будто хотела освободиться от нее. Мы завернули ее в одеяла, но она была холодная. Угли жаровни отражались в ее открытых глазах, вскоре они перестали мигать, и я понял, что она умерла.

В конце я даже не мог понять, знает ли она, кто ее держит. После первого протеста она не сказала мне ни слова, даже не произнесла моего имени.

Я чувствовал только пустоту. Я думал: я давно появился в таких же муках в этой палатке. Теперь я позволил ей уйти назад через те же ворота.

Воину трудно или невозможно плакать; его никогда не учат облегчению, которое приносят слезы; скорее, он должен считать это недостатком, слабостью. Поэтому я не мог плакать, хотя тело мое сотрясилось. Для меня не было облегчения, ослабления моих мучений в горе.

Наконец, я положил ее и пошел посмотреть на ребенка, этот красный маленький комочек с клеймом Эттука.

Котта подошла ко мне с деревянной чашкой.

— Выпей, — сказала она, но я отодвинул чашку. — Ты должен уйти, — сказала она. — Здесь надо кое-что сделать.

— Этот предмет не похож на меня, — сказал я о мертвом младенце. Я едва сознавал, что говорю.

— Тувек, — сказала Котта, — уходи сейчас. Иди к своей женщине.

— Ее убило его семя, — сказал я, — его красное семя.

Котта рассматривала меня своими слепыми глазами. Она взяла мазь и приложила к моим рукам, там, где Тафра поранила их. Я позволил ей сделать это, как будто был маленьким ребенком.

— В ночь твоего рождения, — сказала Котта, — эскирская женщина дала свои руки Тафре, и она кусала и царапала их. Эскирянка была молода и не похожа на других женщин. Волосы и кожа у нее были белые, а глаза — как белые драгоценные камни. Она тоже ждала ребенка, но живот у нее был маленький. Я не предполагала, что она родит так скоро, но она родила здесь, в этой палатке, на рассвете, когда я была среди воинов и обрабатывала их раны после сражения. Она не оставила много следов, но Котта — лекарка, Котта поняла. Когда я вернулась, эскирянка и ее ребенок исчезли.

Я слушал ее с жутким интересом, но она подтолкнула меня к выходу.

— Иди, — сказала она. — Возвращайся на закате. Есть слова, которые надо сказать. Я обещала жене Эттука сказать их перед тем, как ты пришел.

Я резко вышел. Дневной свет казался слишком ярким, и я не видел, кто там мог слоняться поблизости. Я не пошел ни в свою палатку, ни к Демиздор. Я пошел прочь, через холмы, мимо линии белых камней под низко горящим осенним солнцем.

Я вернулся на закате, не потому, что во мне был какой-нибудь интерес или мысль, просто потому, что была дорога, по которой можно было идти и место, куда можно было прийти.

Была ночь перед Сиххарном, и на сумеречных зелено-коричневых холмах во всех краях разводились сторожевые костры. Но со стороны палаток Эттука несло жалобное низкое завывание, звуки, которые обычно издают шайрины, когда умирает жена вождя. Я подумал о том, что они причитают и при этом, должно быть, улыбаются. Дочь Сила, которая будет солировать в гимне по Тафре при восходе луны, будет едва удерживаться от смеха, бросая осенние цветы на тело моей матери.

Я никого из них не хотел видеть, меньше всего Эттука. Поэтому я перебрался через забор подобно вору и, минуя центральный костер, прошел к палатке Котты в сгущавшейся ночной тени.

Я позвал ее по имени, и она немедленно откликнулась, прося меня войти.

В палатке многое изменилось. На земле были другие ковры, жаровня ярко пылала, и горела лампа, которую Котта зажигала для других. Я поймал себя на том, что осматриваюсь, ища свою мать. Но ее уже унесли.

— Сядь, воин, — сказала Котта.

Не имея никаких более интересных планов, я сел и ждал.

— То, что я скажу тебе, — сказала Котта, — Тафра, жена Эттука, поручила мне сказать. Котта знала об этом, Тафра тоже, в глубине своего сердца. Так вот. Должна ли Котта прямо сказать, или воин хочет, чтобы она постепенно подошла к делу?

— Какому делу? Говори, как хочешь, — сказал я.

Котта сказала:

— Тафра была тебе не мать, а Эттук — не отец. Крапл голубых палаток — не твой крапл, дагкта — не твой народ.

Эти слова вонзились в мой мозг, как сверкающий меч, моя летаргия слетела. Я пристально посмотрел на нее и сказал, еще не в состоянии чувствовать что-либо от изумления:

— Что за загадки ты загадываешь?

— Никаких загадок. Помнишь, я говорила об эшкирянке, беловолосой, белоглазой женщине, которая была привезена в лагерь и убежала, когда родился ее ребенок?

— Я помню.

— Тафра тоже родила в то утро мальчика, но очень слабого. Я по опыту знала, что он не проживет тот день. Когда я оставила воинов и вернулась в палатку, я обнаружила вот что: Тафра спала, эшкирянка исчезла, а в детской корзине лежал ребенок, сильный и крепкий, как бронза. — Котта склонилась ко мне. Жаровня освещала ее завуаленное лицо. Волосы были перевязаны синей с алым материей, и ее незрячие глаза тускло мерцали в свете жаровни таким же синим и алым светом. — Котта слепа, — сказала она, — но она видит по-своему. Ребенок в корзине мог сойти за ребенка Тафры. Сын, и здоровый; он принес бы ей почет. Но это не был ребенок Тафры. Ее мальчик исчез; эшкирянка взяла его. Я думаю, он умер, когда меня не было в палатке. Эшкирянка оставила своего живого ребенка и украла мертвого; это был ее подарок Тафре, плод ее собственного чрева, который был ей не нужен. Ты и есть этот плод. Эшкирянка была твоей матерью. Сейчас это мог бы увидеть всякий. В тебе ее красота и мужская красота твоего отца, которого твоя мать любила, ненавидела и убила.

Я задышался. В мозгу оживали картины и полуоформленные слова, руки дрожали, но не от слабости.

— Если я должен проглотить это, скажи мне имя этой суки, этой дикой кошки, которая выронила меня и оставила, как экскременты.

— Она не называла мне имени, — сказала Котта, — но кое-что из ее прошлого я слышала за две ночи до твоего рождения. Она вела очень беспорядочную жизнь, совсем не такую, как женщина племени; вереница смертей и сражений, и мужчин, которых она сопровождала — она прожила несколько жизней за одну, так показалось Котте, совсем как змея носит и сбрасывает несколько кож. А в городах масочников ей поклонялись как богине. Мужчина, от которого у нее родился ты, был королем.

— Конечно, только так она и могла говорить, — резко

сказал я. — Богиня, спавшая с королем. Однако она не принадлежала к золотым маскам — рысь серебряная. Более вероятно, что она была девкой какого-нибудь военачальника, и он отверг ее.

— Нет. Она не была ничьей девкой. Хоть она и ходила со склоненной головой среди палаток, хоть и носила женское бремя в чреве, она не была похожа ни на одну из женщин, каких ты видел. Вспомни об эшкирянке, которую ты взял к своему очагу. Она поразила тебя. Но она по сравнению с твоей матерью просто маленькая звездочка по сравнению с сиянием луны. И твой отец был не краснокожий вождь, а черноволосый господин, повелитель городов. От него твои темные волосы и глаза.

— Все это прекрасно, — сказал я. — Зачем распускать язык сейчас?

— Та, которой принадлежала эта тайна, умерла. Хотя на самом деле Тафра догадывалась о подмене почти с самого начала. Не помнишь, как она переменилась к тебе после того, как ты взял рысь-маску из трофейного сундука Эттука? Маску, которую носит твоя городская жена, маску твоей матери?

Я отер холодный пот со своего лица.

Котта сказала:

— В то лето мы поздно пришли на места зимних стоянок, на два месяца позже обычного повернули на Змеиную Дорогу, потому что за горами шли большие сражения, это было начало войн, которые опрокинули города, и воины то и дело отправлялись грабить руины. Вскоре Сил узнал об упавшей башне в одном эшкирском форте на западе, в которой, по слухам, умер король, окруженный своими сокровищами. Воины поскакали туда, но вернулись только с одной добычей, беловолосой женщиной, твоей матерью. Говорили, что она ведьма, как она сама утверждала, но никто не поверил этому всерьез, да и сама она ничего в таком роде не проделывала. Эттук отдал ее Тафре в качестве рабыни, и так она путешествовала вместе с нами, пока не убежала в дикие края. Я думаю, никто, кроме Котты, никогда не видел ее лица, а Котта слепа.

— Ну, а тот король, — сказал я, — его имя ты знаешь?

— Да. Она назвала его. Она была его женой, но она убила его, потому что он был холодный и жестокий, и она считала его колдуном.

— Ревнивые суки всегда так поступают, — сказал я. —

Таков итог предания и мифа. Но все же я не слышу его имени, этого чудесного отца, которым ты меня одариваешь.

Имя, которое она назвала, казалось, вырвалось из раскаленных углей и озарило палатку. Я не ожидал ничего подобного и поэтому не принимал слова Котты близко к сердцу, как бы не впускал их в себя. Но когда я услышал его имя, имя моего отца, оно ворвалось в меня, сметя все заслоны, и в образовавшийся пролом кипящим потоком хлынуло и все остальное.

Ибо она сказала мне, что я сын Вазкора.

4

Моя жизнь изменилась в одно мгновение.

Я вспомнил все, каждое из предзнаменований, все, что указывало мне на это. Я, такой непохожий на людей племени, другой во всем, отверженный в среде своего народа.

Я вспомнил о детском сне — белой рыси, соединяющейся с черным волком, о выбранной мной маске рыси и о шоке, парализовавшем мою руку, когда я прикоснулся к ней. Над ней еще тяготело колдовское заклинание этой богини-кошки, Уастис, которой я был не нужен.

Я подумал о своем отце, каким он был — красный боров, громоздкий, тупой, по-животному храпящий от удовольствия, мой враг с детства, и о своем отце, каким он оказался — благородный король, мой собственный образ, запечатленный в истории всей страны. Я снова оказался на крепостной горе, где я взял Демиздор. Кто, как не мой волшебник-отец возник во мне тогда, наделил меня частью своего Могущества, способностью говорить на городском языке, как он говорил на нем? Мужчины в масках упали на колени, видя его лицо в моем, слыша его голос в моем. Я вспомнил также сон, который я видел накануне, ножи в ледяной воде и слепоту, и пробуждение со словами «Я убью ее», произнесенными вслух.

Она предала его, моя мать, это было ясно; предала и убила его, а потом избавилась от меня, потому что я был его семенем. Чудо, что она соизволила вообще оставить меня в живых.

Внезапно за палаткой раздались невыносимо громкие причитания. Взошла луна, и женщины шли к смертному ложу Тафры для погребального песнопения.

И между мной и видением темной славы встало ее осунувшееся безжизненное лицо.

Тафра все же была моей матерью. Хотя я не был плотью от плоти ее, но это было так. Ее грудь кормила меня, ее руки качали меня, когда я еще не знал об этом. Другая, хотя она и выносила меня и дала мне жизнь, была для меня меньше матерью, чем зверь, пожирающий своего детеныша.

Я поднялся на ноги, и палатка показалась мне гораздо меньше прежнего; я ощущал себя выше, мне было тесно под ее крышей.

— Котта, — сказал я. — Я покончил с этим местом. Спасибо, что открыла клетку.

Она ничего не сказала, и я вышел в ночь.

В синем кобальтовом небе светила янтарная луна, как это бывает на исходе года, по краям неба над линией горизонта поднималась дымная вуаль костров крарла. Я стоял на темной земле и чувствовал, как он уходит от меня, человек, которым я был, воин, сын вождя, Тувек-Нар-Эттук. Даже кости и кожа, казалось, меняются, и в мозгу звенело.

Я повернулся и пошел к раскрашенной палатке Эттука. Я, сын Вазкора.

Он сидел среди старших воинов, и Сил был там в углу, со своими глазами-буравчиками.

Эттук скорбел и оплакивал по-своему, но не смерть своей жены, а смерть своего красноголового сына.

— Она была слишком старая, — сказал он. — Я был слишком податлив. Мне давно надо было порвать с этой кобылой и взять помоложе, такую, которая не теряла бы мне сыновей. Он был прекрасный мальчик, хорошо сработанный, а она убила его. Им и так почти нечего делать, этим скотинам-женщинам. Так неужели они не могут дарить нам наших сыновей живыми?

Этот отвратительный вздор сыпался из него, как нечистый воздух. Я поднял полог палатки. Когда он меня увидел, он вскочил, как всегда; потом взгляделся внимательно и стал очень нервным.

— Входи, Тувек, — сказал он. — Раздели со мной мою потерю. Она была очень хорошей женой, несмотря ни на что. Она возьмет с собой в землю браслет или два. Хорошая жена.

Свет ламп скользил по его лицу и желтым узорам на голубых стенах.

Я сказал:

— Вставай, мерзкий боров, поднимайся на ноги. Если ты не можешь жить, как подобает мужчине, ты, по крайней мере, умрешь, как мужчина.

Вместо него вскочили, ругаясь, воины. Но они были подобны собакам без хозяина. Я мысленно вернулся к тому дню, когда победил взрослых мужчин в свои четырнадцать лет, и улыбнулся.

Эттук сидел неподвижно.

— В чем дело? — сказал он глухо, обливаясь потом, отлично все понимая.

Я намеревался заколоть его, сразиться с ним и заколоть его ножом, если он поднимется на бой. Потом я перерезал бы всех остальных, кто приблизился бы ко мне. Я не сомневался, что смогу сделать это.

Но глядя, как он съежился, показывая свои грязные зубы, глядя на его грязный рот, еще сладкий от похвалы в адрес Тафры, я понял, что есть другой, лучший способ убить его.

Я почувствовал это, оно медленной волной прокатилось в моей голове.

Это был его дар, моего отца Вазкора. Он направлял меня, как тогда на крепостной горе.

Я мог убить человека, желая ему смерти.

В черепе возникла боль, раскалывающая золотая ниточка боли. Затем свет померк над раскрашенной палаткой.

Желтые узоры заплясали и слились, лампы оплавились и задымили.

Эттук рванулся со своих подушек, пронзенный мечом тонкой молнии, крича даже громче, чем кричала Тафра, умирая от трудов его петушка. Я дал ему испробовать это сполна.

Затем без всякого предупреждения роковая сила во мне стала непомерной. Я не мог совладать с ней. Мозг жгло и распирало, артерии плавилась от жары. Я был пожирателем огня, которого теперь этот огонь пожирал изнутри. Все кипело и исчезало в огне.

И свет обернулся чернотой. В этой черноте не было снов, не было поводыря.

Я всплыл из черной реки и обнаружил, что лежу на спине, а надо мной кружится широкое знойное небо.

Не узнавая окружающего, только частично помня по-

следовательность предшествовавших событий, я попытался подняться. И сразу же меня охватила слабость и тошнота. С трудом перевернувшись на бок, я вывернул все, что могло находиться в моем животе и, кажется, половину кишок впридачу.

Проделав это, я откинулся назад, желая умереть.

Во мне все так ныло и болело, как будто я скатился вниз со скалы и умудрился остаться в живых. Пока я был без сознания, очевидно, кто-то любезничал со мной ногами; меня перетаскили по земле на это открытое место и оставили на всю ночь привязанным ногами и широкой петлей на шее к какой-то непонятной деревянной штуке. Кроме того, в веревки, которыми я был связан, были вплетены бесчисленные амулеты, мелкие четки и кусочки металла. Одежда на груди была вспорота, и на коже углем был намалеван одноглазый змей.

Тут я понял их намерения. И я также вспомнил о Демиздор.

Теперь я зашевелился по-настоящему, и внезапно вокруг меня оказались воины и встали так, что я мог видеть их. Их было около пятнадцати. Они казались испуганными и пытались скрыть это, отпуская шуточки и тыкая в меня тупыми концами своих копий. Один плюнул на меня. У меня не было никакой возможности и сил ответить ему; он это понял и плюнул снова, в мои глаза.

То, из-за чего я оказался здесь, было похоже на мою прежнюю лихорадку. В голове у меня все перепуталось — рассказ Котты, имя Вазкор, выброс энергии. И все-таки я осознал, что я убил вождя крарла. И, судя по амулетам, они считали меня волшебником и пытались защитить себя. Без сомнения решив, что эти символы укрощали мои силы, они начали изобретать новые игры. Я страдал от беспомощности на земле, пытаясь время от времени вырваться из пут и веревок и кинуться на них — хотя это было бесполезно — когда неожиданно воины прекратили свои забавы.

Я откатился в сторону и посмотрел. Я лежал на склоне холма над крарлом. Внизу я различал дым от центрального костра, и длина теней говорила о том, что день клонился к вечеру. Вверх по гребню холма шел Сил-провидец в своей одежде из звериных хвостов и зубов. Ветер играл хвостами и звенел бронзовыми ромбиками. Я не мог видеть его лица в укусном свете, но я мог догадаться.

Он подошел ближе и встал надо мной, тихо бормоча и ощупывая свою раскрашенную черным челюсть.

Конечно, он бы поклялся, что заклинания свалили меня в палатке, те заклинания, что умиряли меня сейчас, но, подобно воинам, он хотел быть уверен. Он наклонился, произвел какой-то ритуальный выпад над моим лбом и отпрянул назад проворно, как ящерица.

Я ничего не мог сделать. Я был слабее больного щенка, и он это заметил.

Он схватил символ змея на своей груди и заклацал зубами на воинов, приказывая им поднять меня и нести обратно в крарл. Я полагаю, они привязали меня на ночь на холме, чтобы удерживать страшную магию на безопасном для них расстоянии.

Они поволокли меня вниз таким же способом, как и доставили наверх. Это было нелегкое путешествие: облака крутились колесом, а твердая земля колола, подбрасывала и выбивала из меня дыхание. Кто-то сломал мне ребра, и вскоре мне удался девичий трюк, и я потерял сознание. Я пришел в себя уже среди палаток и высоких стогов незажженных костров Ночи Сиххарна.

Они судили меня по закону племени.

Вместо Этгука председательствовал Сил, и было очень много тех, кто говорил против меня. Фактически для каждого врага, который был у меня в крарле, нашелся оратор, стоявший в его одеждах.

Как я и сознавал всегда, они только ждали случая схватить меня. Я сам воздвиг свой погребальный костер и в значительной мере сам взобрался на него.

Я лежал на спине, стиснув зубы, глотая собственную рвоту, слушая и иногда мельком видя лица мужчин и языки пламени, и вонь, исходившая от Сила, терзала мои ноздри.

Даже Чула прокралась и шептала Сил-На, а та, в свою очередь шептала своему отцу. Оказывается, я занимался колдовством уже некоторое время и поэтому выгнал дочь Финнука из своей палатки, предпочитая одну из возвращенных колдовством городских женщин... Как еще в самом деле я мог преодолеть масколицых в их форте, если не таинственными заклинаниями? Племена хорошо знали, что людям не побить городских налетчиков, потому что те сами колдуны. Так даже мой героический подвиг был обращен против меня.

Я подозревал, что они скоро казнят меня и уже выбрали способ, судя по шесту, к которому я был привязан. Мерой моего плачевного состояния служило то, что во мне не осталось духа борьбы и мне было безразлично, что они делают. Но судьба Демиздор наполняла настоящим ужасом мои путавшиеся мысли, и их обвинения заставляли меня неистово биться, что их очень забавляло. Они, конечно, убьют ее тоже, но убьют с незапамятных времен практикуемым мужчинами способом, насилуя ее до смерти, и они повесят меня на шесте вниз головой, чтобы я это видел, пока не лопнут мои мозги.

Были уже сумерки, солнце зашло — я пропустил момент заката, жаль, так как это был последний закат солнца в моей жизни. Сейчас была уже Ночь Сиххарна, когда души мертвых выходили на охоту. Мужская половина должна нести дозор против духов, должны быть зажжены сторожевые костры и факелы, но ничего этого не было сделано. Меня удивило, что они не увидели зловещего предзнаменования в том, что пришлось оставить это дело из-за меня, но, подобно всем их обычаям, даже более темные были пустыми формальностями.

У меня не было богов, которым я мог помолиться. В тот час я чувствовал, что мне их не хватает.

Я начал думать также о Тафре, моей матери — я не мог называть ее иначе — чье тело они бросили в яму, вырытую в земле, потому что для женщин не существовало яркого погребения в пламени, и это было сделано, в то время как я лежал на холме.

Постепенно все это превратилось для меня в хаос огней и звуков, труп моей матери и воображаемое распростертое тело Демиздор, действительный треск огня и черное небо, вопли и завывания крарла. И в этот бред въехали на конях призраки Ночи Сиххарна, потому что никто не сторожил их.

Они были самыми четкими из всех моих видений. Черные, как Черное Место, из которого они вышли, верхом на черных, как они сами, или белых как кость, конях, с серебряными черепами, из которых все еще росли светлые волосы. Я был уверен, что сплю и вижу сон, потому что я никогда не верил в эту легенду о мертвых призраках Сиххарна, и я страхнул с себя сон. И все равно я их видел.

Крарл тоже видел их.

Гвалт замер на ветру, раздавалось только потрескива-

ние затухавшего костра, стук подкованных копыт по земле, когда всадники появились между палатками, и слабый звон колокольчиков на их упряжи.

Воины и их женщины замерли, как фигуры на гобелене. Только те, кто ближе всех стоял к месту прохода черепоголовых, посторонились, пятясь, как в полусне. Где-то в миле от холма залаяли собаки в соседнем крарле. Этот шум был из другого мира.

Рядом со мной Сил бурно дышал через рот, и к его обычной вони добавилась новая, его мочи, вылившейся из него от ужаса. Я бы рассмеялся, если бы у меня были на это силы. Я уже догадался, кто были эти всадники и откуда они родом. Не из ямы, а из Эшкира. Их чернота была черными одеяниями, а черепа — масками.

Передний всадник поднял руку в черной перчатке и остановил колонну. Затем он заговорил на языке племени, но презрительно, как будто этот язык осквернял его рот.

— У вас здесь закованный на земле. Вы отдадите его нам.

Это была не просьба, даже не требование. Это было утверждение. Крарл только прошелестел и вздрогнул. А тело Сила заклацало, его собственные зубы и зубы на его одежде стучали от страха.

— Среди ваших палаток есть также знатная дама из Эшкорека. Вы приведете ее. Если ей причинен ущерб, ваш крарл будет сожжен. Если она мертва, мы убьем ваших женщин и детей.

Голос всадника звенел, как сухое серебро. Я хотел ответить ему.

Прежде чем я смог составить предложение или произнести его, деревянный шест был внезапно вздернут ввысь.

Небо побежало вместе с землей. Я соскользнул вниз по дереву, прежде чем ремни впились и удержали меня. Похоже было, что башня рухнула на мою голову.

Небо мчалось, а потом остановилось. Я был мешком, прошитым болью. Когда я дышал, нож впивался между моими ребрами.

— Несмотря на добрые заботы его братьев по копыю, он доживет до Эшкорека, — сказал один.

— Это его беда, — ответил другой и тихо засмеялся. — Видишь, Демиздор?

И на фоне остановившегося неба я увидел лицо серебряного оленя с глазами из зеленого стекла, а позади — водопад волос, подобный золотистому инею.

— Да, — сказала она, — я вижу его. — Ее голос был не таким, каким я его помнил.

— Он запоеет новую песню в Эшкореке, — сказал мужчина.

— Он умрет там, — сказала она.

Кровь была у меня во рту, и я не мог говорить, даже если бы у меня были слова. Но у меня не было слов, потому что они говорили на городском языке, и каким-то образом я мог понимать, но не мог говорить на нем.

Потом она низко наклонилась, женщина с лицом оленя, которая была уже не Демиздор, и пробороздила мое лицо своими ногтями.

— Будь счастлив, о король, — прошептала она. — Тебя ждет теплый прием в Эшкореке Арноре.

Книга вторая

Часть I: Желтый город

1

У Демиздор были родственники среди воинов-эшкирян; она никогда не рассказывала мне о них, а я не думал об этом. Казалось, ее прежняя жизнь умерла для нее, когда она вошла в мою. В этом была моя слепота и ее тоже, за которую нам обоим предстояло заплатить тяжелую плату.

У ее матери, любовницы золотой маски, была сестра, а у сестры — два сына, двоюродные братья Демиздор, тоже серебряного ранга. Гордые и ревниво относящиеся к тому многому или малому, чем владели.

Налет на весеннее собрание дагкта за рабами был безрассудной выходкой — пари между принцами, так они развлекались в городах, играя на жизнь и свободу людей. Отряд в восемьдесят масколицких отправился в приключение, и, имея с собой пушку, они не ожидали встретить никаких препятствий, как оно и было для начала. Захватив

рабов, они остановились лагерем в разрушенной крепости, но восемнадцать человек поскакали домой в Эшкорек налегке, чтобы сообщить об успехе. Когда же основные силы вскоре не появились, несколько человек вернулись назад искать отсутствующих принцев и их солдат. Войдя в руины, они быстро нашли все, что я и воины дагкта — а после нас вороны и лисицы — оставили от их отряда. Поднялся шум. Это было неслыханно, чтобы отбросы мира, недостойный прах племен, совладали с золотыми и серебряными лордами и скормили их пожирателям падали.

Наконец, они сформировали отряд мстителей, и в этом отряде были двоюродные братья Демиздор. То, что высокогородная дама из их семьи должна стать шлюхой крарла, привело их в состояние бешеной ярости.

На достижение цели у них ушло почти все лето. Они пошли на большие для себя унижения, чтобы выполнить свою задачу, путешествуя иногда как простые смертные среди торговцев моуи, которые были такие же светловолосые и всегда держались близко к ним, как ножны к мечу. Передвигаясь таким образом с места на место, они в конце концов узнали миф, который, как и все басни, вырос из маленького зернышка истины. Согласно этому мифу один воин в одиночку взял форт-лагерь с поработителями из Эшкира. Он убил их всех, оставив без захоронения, и увез городскую женщину в качестве своей девки. Воин, конечно, был черноволосый, без татуировки, единственный среди красных племен. Когда я узнал об этом мифе, я вспомнил, как Мока болтала торговцам моуи о своем красивом муже и его новой льноволосой рабыне-жене. В группе моуи не было эшкирян, но постепенно слух прошел по желтым крарлам и достиг нужных ушей.

В довершение всего, еще одна характеристика добавилась к моему образу, и я вполне подошел для их мести. Какой-то краснокожий где-то рассказал о бое в руинах, упомянув странное имя, которое горожане выкрикивали, подставляя себя под мой нож. Моуи подхватили эту болтовню, а скорее эшкиряне слышали ее сами. Они, конечно, знали это имя, и оно не было странным для них. При свете дня, да к тому же разочарованные в своих богах, они никогда не считали меня восставшим из мертвых богом-волшебником, как решили убитые в крепости.

Еще прежде, чем я узнал о своем происхождении, они по-своему вычислили его. Они решили, что черноволосый

мужчина был бастардом Вазкора, незаконным ребенком от какой-нибудь племенной козы, сделанным им в последние месяцы его жизни.

Они ненавидели Вазкора. Мне предстояло узнать, как сильно они ненавидели его.

Эшкорек первым из всех городов развалился с его падением. Он потянул его за собой, тень его честолюбивых замыслов придавила город. Он был до сих пор битком набит его символами, чтобы эшкиряне не забывали. Даже серебряные маски-черепя были когда-то знаком собственной гвардии Вазкора.

Они не могли добраться до мертвеца; он обманул их, умирая. Но у них был я, заместитель моего отца, заключенный в шкуру человекообразного варвара.

Я могу воспроизвести ту часть истории, что касается Демиздор так, как она рассказала мне позже, в последний час, который мы провели вместе.

Пока я присутствовал на совете дагкта, Демиздор была одна в крарле. В таких случаях скука была ее врагом; презируя женскую работу, не имея под рукой книг, музыки или игр людей ее круга, она целыми днями спала, чтобы они поскорее пролетели, или брала черного коня и отправлялась кататься верхом. Занятый своим делом, я не задумывался о том, что ей может быть страшно одной в муравейнике, который плохо к ней относился. Конечно, она никогда не подавала виду ни передо мной, ни перед ними, я полагаю. Воины насмеялись над ее ездой на коне, но она была лучшей наездницей, чем они. Женщины ворчали и глазели, но ни одна не осмеливалась навредить ей теперь, когда она была женой сына вождя. Другие мои две жены, Мока и Асуа, не любили Чулу. Они прислуживали ее преемнице как служанки, так же, как они ухаживали за моей одеждой и военной добычей. Вышивание моих рубашек и расчесывание волос Демиздор одинаково были их заботами. Однако они хихикали под вуалью над ее манерами или смотрели, разинув рты. Она была редкостная и изысканная, как разноцветная поющая птичка, которую я привез из похода.

Два дня Демиздор поневоле терпела это. На третий день она ждала меня домой. Может быть, до нее дошел слух о родах Тафры; конечно, она потом слышала, что я предпочел пойти к Тафре, а не к ней. День прошел, солнце село. Она, разумеется, услышала траурные причитания

женщин. Без сомнения, она спросила у Моки, и Мока объяснила ей, что это: Тафра умерла. Наверняка Демиздор ждала меня после этого, боясь, возможно, за меня. Но я все не возвращался в свою палатку.

Последним известием обо мне была невнятная болтовня об убийстве Эттука и моем колдовстве, и о том, как Сил померился силой со мной и победил меня, так что теперь я лежу связанный и полумертвый на холме. Тогда она поняла, что действительно осталась одна.

И как уже однажды было, ей показалось, что мир сошел с ума. Она, должно быть, засомневалась в том, что правильно понимает речь крарла.

Готовая бежать искать меня, она была также готова скрыться. У нее была лошадь; она могла рискнуть на опасное долгое путешествие на запад. Однако, подобно многим женщинам, она была озабочена судьбой своего мужчины. Поэтому медлила.

Асуа кричала от страха, спрашивая богов, что станется с домом Тувека. Мока пыталась уговорить ее успокоиться, зная, что шум скорее навлечет беду, чем молчание. Но младенцы громко плакали, и собаки, подхватив страх, как заразную болезнь, подняли свой собственный гвалт.

В полночь пришли мужчины. Они поместили Моку и Асуа вместе, и началась перебранка относительно того, надо ли убивать крошечных сыновей и дочерей, поскольку в них зло семени их папочки. Однако воины скоро потеряли интерес к этим мерам предосторожности, гораздо больше заинтересовавшись военными трофеями, которые я накопил. Сундуки были опрокинуты и перерыты, пиво выкачано, огрызающиеся собаки оттащены и пара из них зарезана, лошади выпущены из стойла, оседланы, и началась их безумная обкатка, как на рынке. Когда колдун надежно утихомирен, любая его собственность — разрешенная добыча.

Вскоре четверо из них ворвались в мою семейную палатку и нашли Демиздор.

Четверо ухмыльнулись и произнесли слова, которые мужчины говорят в такой момент. Один из них был Урм Кривая Нога, испытывавший ненавистную зависть ко мне. Он не задумываясь двинулся к ней, потому что она ждала там в ледяном оцепенении. Я мог бы предупредить его о ее трюках, если бы был там и был его другом. Она ударила Урма ножом в горло, умным, быстрым ударом, но

она никогда раньше не убивала человека. Она захватила его врасплох, но и себя тоже. Пока она стояла, выпустив оружие, парализованная тем, что сделала, остальные трое кинулись на нее, и им не трудно было справиться с ней.

Они изнасиловали ее и принялись бы снова, потому что были сильны в ту ночь, но Сил созвал воинов на совет крарла. Узнав об этом, они привязали ее к стояку палатки и приколотили веревку вокруг лодыжек колышками к земляному полу. Они много смеялись, потому что им понравилось ее общество, и они планировали получить еще больше. Они вытащили Урма наружу и наспех зарыли в землю, как поступают с женщинами, потому что он был хромой и к тому же был заколот женщиной.

Эттук лежал в раскрашенной палатке, холодный, как протухшее мясо. Когда они складывали для него погребальный костер, они убили его собак и лошадей, которые должны были сопровождать его в Черное Место, и говорили, что Демиздор надо задушить и послать для услаждения в Черном Месте.

Так прошла первая ночь.

На следующий день провидец был занят телом Эттука, раскрашивая его для погребения, выродки Эттука одевали его, полные надежд, с блестящими глазами, поскольку я сошел с дистанции, а дочь Сила заплетала его бороду.

Воины тем временем стояли вокруг палатки в траурном карауле, хотя время от времени кто-нибудь из них отправлялся провести меня на холме или Демиздор в моей палатке. Неизбежные перерывы между этими визитами очевидно спасли мою и ее жизнь.

Совершенно ясно, что происходило в ее голове, пока она лежала там в моей палатке. Каждый из мужчин, использовавших ее, представлялся ей какой-то гранью меня, и она винила меня — что я оставил ее на них и что я вырос из их среды. Она хотела умереть и ждала смерти. Она намеревалась обхитрить их, если сможет. Постепенно все ее мысли сосредоточились именно на этом, как освободить руки и украсть нож какого-нибудь воина, пока он трудится над ней, или как вырвать кинжал, когда они придут, чтобы вывести ее.

В час едкого заката Сиххарна она слышала крики, когда они тащили меня с холма на деревянном шесте. Она радовалась моим страданиям, неистово радовалась, но в то же время холодела, как будто смерть уже пришла.

Поднялся какой-то шум, и ни один вояка больше не пришел ухаживать за ней. Шум продолжался около часа.

Потом наступила тишина.

Она лежала в этой полной тишине, темнота так залепила глаза, что она не могла различить даже свои истерзанные ноги или тусклое мерцание колышков, которые держали связывавшие ее веревки. Внезапно полог палатки резко поднялся.

Сердце моей жены дрогнуло, и на мгновение она была ослеплена безумной, слабой, ошибочной надеждой. Когда она снова смогла видеть ясно, она увидела невероятное: своих людей во входном проеме палатки, один из которых снял серебряную маску-череп, открыв ей лицо ее родственника, Орека.

Масколицы, несмотря на угрозу, не сожгли крарл и не убили женщин или хотя бы нескольких воинов, которые насильовали Демиздор.

По правде говоря, их карательный отряд растерял свои силы за месяцы поисков и сейчас насчитывал только тридцать человек, у них не было пушки, и они отдавали себе отчет в том, что другие дагкта стояли лагерем на соседних склонах к востоку и северу. Кроме того, у них был я, единственный воин, которому они действительно жаждали отомстить, и они получили назад свою даму. А для нее, совершенно очевидно, все лица вояк, побывавших в ней, слились в одно лицо, и это было мое лицо. Я, человек, который силой забрал ее из ее жизни в свою и тем самым навлек на нее все остальное.

Она не утратила чести в глазах своих соплеменников. Больше того, они вернули ей честь и гордость в считанные минуты. Они одели ее в желтое платье, которое ее младший кузен, Орек, возил с собой на протяжении всего пути из старого города. Оно было роскошное, шелковое, вышитое хрусталиками. Позже я отметил, что, несмотря на мужские качества, присущие многим городским женщинам, мужчины обращались с ними, как с чем-то хрупким и драгоценным. Затем нашли ее серебряную маску оленя, потому что она ей принадлежала. (Я представляю Чулу, едва живую от ужаса, лишившуюся последнего сокровища, которое у нее вырвал черепоголовый демон Сиххарна).

Так они снова превратили Демиздор в девушку-богиню, которую я встретил в разрушенном форте. Она моментально поняла, интуитивно, что здание ее самоуважения

зависело от ненависти и отвращения ко мне. Женщины мудрее в этих вопросах или пытаются быть таковыми. Мужчина не смог бы отказаться от своей мечты так быстро. Правда, закрыв такую дверь с огромным и мучительным усилием, он забыл бы совсем, а Демиздор не могла.

Вскоре принесли меня, вернее, то, что от меня осталось.

Они привязали меня к лошади (я был в бесчувственном состоянии и не возражал), и через некоторое время они уже скакали на запад по спускающимся вниз склонам, ради нее они двигались медленно, но все-таки достаточно быстро, так что к восходу луны крарл был далеко позади.

В полночь они сделали привал, чтобы дать Демиздор отдохнуть. Она была бледна и больна, но лихорадочно весела. Орек держал ее за руку. Он был совсем юный, на год или два моложе ее, и больше, чем наполовину влюблен в нее. Он был очень похож на нее к тому же, светловолосый и зеленоглазый, такой же стройный, и очень мало похож на мужчину. Старший брат, Зренн, был из другого металла. У него были жесткие крысиные волосы, темные, что было редкостью в городах. По контрасту, глаза его были подобны беловато-голубому фарфору, и, казалось, зрачки выжжены бледным пламенем.

Я пришел в себя, когда остановились на привал, и увидел их обоих, хотя не очень отчетливо. Они склонились около меня, серебряная маска оленя стояла позади. Только одна из троих, стоявших предо мной, была в маске, потому что она была единственной из них, кому было что прятать.

Именно Зренн смеялся и заявил, что мне не повезло, что я не умер. Рот его улыбался, а глаза пожирали, наслаждаясь болью, и предсказывали новую боль.

Они говорили на городском наречии и не догадывались, что я понимаю. Только она говорила на языке крарла, желая, чтобы я понял, как изменились наши жизни и что нашей любви пришел конец. Когда она расцарапала мне лицо, Зренн снова рассмеялся. Мне предстояло хорошо узнать его смех.

2

Крарлы совершают переход с гор на восточные пастбища и обратно, с пастбищ в горы, за сорок, а то и больше,

дней. Они останавливаются лагерем каждую ночь, много дней проводят у воды, задерживаются, когда ведут свои войны, их передвижение замедляется также из-за пеших женщин, их скота, а также постоянных перебранок. На быстрых лошадях Эшкира, крепких, несмотря на их тощие животы, с короткими остановками и без больших отклонений от маршрута, мы уже через тринадцать дней увидели горные перевалы, через пятнадцать дней взбирались по ним, а через двадцать подошли к городским аванпостам.

Демиздор, казалось, оправилась полностью, хотя это было не так, и скакала наравне с мужчинами. Для меня путешествие было менее гладким. Сломанное ребро впилось в мое правое легкое. Я захлебывался кровью, и они начали с сожалением думать, что их приз испустит последний вздох прежде, чем они успеют доставить его домой. Так что они потратили время, чтобы перевязать мне ребра, и кормили меня, хотя с таким видом, будто я больное животное, вызывающее в них отвращение. Я удивил их, быстро поправившись, и вскоре скакал верхом, но был привязан к седлу.

— Никакого сомнения, это Вазкорово отродье, — сказал Зренн. — Я слышал рассказы о том, как однажды тот выздоровел, хотя ему перерезали горло.

Пара мужчин отказались поверить в эту басню. Они все принадлежали к серебряному рангу, были товарищами, а не хозяевами и наемниками. Зренн только взглянул в мою сторону и, чтобы мне было понятно, сказал на плохом языке крарла:

— Если это животное так хорошо оправляется от ран, оно сможет выдержать хорошенькое количество ранений прежде, чем умрет. Бедный щенок. Ему бы хотелось кусаться, но он не может найти свои зубы.

Действительно часть моих жизненных сил возвращалась ко мне. Я почти погиб и не жаловался, но когда ребра зажили, а боль и оцепенение прошли, жизнь снова вспыхнула, и я мог бы всерьез взвыть по-собачьи, чтобы вырваться из веревок, которыми они опутали меня, и приласкать глотку Зренна своим сапогом. Потом я мельком взглядывал на Демиздор и снова наливался свинцом.

Она ждет случая помочь мне, думал я сначала, как ребенок. В конце концов этот детский обман перестал действовать. Я увидел, как ее гордость переплетается с презрением. Тогда я стал думать: дай мне только приблизиться к

тебе, и я снова завоюю тебя. Но это тоже не срабатывало. Когда последние красно-коричневые осенние дни соскользнули с земли и из моей жизни, я понял, что она возненавидела меня холодной ненавистью, и никакая любовная ласка не растопит этот лед.

Я еще был настолько слаб, что это выбило меня из сил. Но мы, наконец, добрались до гор, и меня стали занимать другие мысли. Одна из них — мое будущее в городе в качестве козла отпущения.

Город. Я увидел его в его горной клетке, черный на фоне желтого закатного неба. А два часа спустя, когда мы вошли в его стены, я увидел его в свете факелов, желтый на фоне черного ночного неба.

Я никогда раньше не встречал городов. Редкие особо крупные собрания племен, когда в одном месте разбивалось до тысячи черных и синих палаток, казались мне громадинами. Восточные города поразили меня своей сложностью. Но эта штука подавила меня, не только своей громадностью и великолепием, вековой стародавностью, но и своими руинами и развалинами. Эшкорек, изрытый пушечными снарядами и опаленный пожарами, приходящий в упадок, был похож на древний желтый череп.

Однако в этом черепе ярко горели огни и звучала жизнь. С высоты дороги, которая вела вниз в город — дороги, отмеченной рухнувшими колоннами, с до такой степени разрушенным покрытием, что на ней спотыкался бы любой конь, кроме эшкирских — он казался городом-призраком. Целые районы темноты, и из темных ран поднимались ряды сияющих окон. Я вспомнил, как разрушенная крепость вызвала во мне представление о Дворце Смерти. Этот город был такой же.

В стенах города было несколько широких магистралей, освещенных факелами, но пустых. Отблески света вспыхивали на разбитых оконных стеклах и дверных проемах. Крысы, возможно, обитали за осыпающимися фасадами, но их не было слышно. Ночной ветер доносил лишь обрывки призрачно тихой музыки, чистой, как звон колокольчика в тишине. В одном месте магистраль разветвлялась, и эшкиряне свернули на дорогу, которая вела налево. В конце ее в полумиле от дороги на прямой улице возвышалась дворцовая башня, ее овальные окна светились ярким светом ламп, единственный признак жизни на проспекте мертвых особняков.

Мой эскорт двигался тихо, почти крадучись, на протяжении всего пути от неохраняемых ворот. Я удивлялся, чего они боялись здесь, в своем собственном городе. Внезапно, когда уже миновало около двух третей проспекта, из теней выступила группа людей. Они были одеты в такие же залатанные черные одежды, как и мои пленители, но бронзовые маски имели форму птичьих голов. Что более важно, они были вооружены для боя.

— Стойте, господа, — сказал один. — Кто ваш повелитель?

— Мы служим Кортису, Фениксу, Джавховору.

При этих словах бронзовые маски подняли свои мечи и забормотали. Говоривший спросил:

— Это вы, капитан Зренн?

— Это я. И мой брат Орек. Вся поисковая группа за исключением тех, кто испугался до окончания охоты и уже находится дома.

На улицу выходили новые силы. Я видел, что это была серьезная засада на случай, если наша группа окажется не той, которую они ждали.

Часть этих бронзовых масок окружила нас, и лошадей повели по дороге через высокие ворота перед освещенным дворцом.

Это была гигантская башня в семь или восемь этажей. В некоторых ее окнах сохранились цветные стекла, янтарные, бирюзовые, рубиновые, и факелы дымили в ее стенах цвета львиной шкуры. Здесь же был источник музыки, в какой-то дальней скрытой комнате.

Мы пересекли наружный двор, подъехали по пологим ступеням к портику, огромные железные двери которого были распахнуты настежь, но вскоре с шумом захлопнулись за нами.

Здесь эшкиряне спешили, и бронзовые солдаты стянули меня с лошади по приказу Зренна. Лошадей увели. Мы поднялись по мраморной лестнице на верхние этажи. Орек подал Демиздор свою руку на лестнице, я отметил это, как я рассеянно отмечал все роскошное омертвление дворца и городскую речь, которую я не переставал понимать со времени пробуждения во время путешествия. Я еще недостаточно пришел в себя, чтобы проанализировать это чудо. Точно так же, как произошло в первый раз, я чувствовал, что это знак Силы, таящейся во мне, Силы моего отца Вазкора в этом оплоте его врагов.

Мы вошли в огромную комнату, способную вместить пятьсот человек, если они будут стоять плечом к плечу. Сейчас в ней, конечно, не было столько народу. Она опустела до нашего прихода, потом тоже не была сильно переполнена.

Вдоль комнаты стояли колонны, которые, казалось, были сделаны из серебра. Они напоминали по форме деревья. Серебряные ветви этих деревьев украшали потолок, и между ними были помещены цветы из граненого стекла, синие и цвета красного вина. В центре пола было мозаичное изображение ширококрылых лебедей в кобальтовых, алых и золотых тонах. В стенах раньше были драгоценные камни, но они были выломаны, вероятно, во время разграбления Эшкорека. Сейчас там висели гобелены, но их золотое шитье начинало зеленеть, а кисточки уже опробовали мыши.

С крыши свисала на бронзовой цепи медная лампа размером с человека. Свечи над ней горели под плафоном из зеленого как нефрит хрусталя, создавая в великанском зале освещение, подобное бликам в летнем лесу. Очага не было, но от стен и от пола поднимался теплый воздух.

Пока я оглядывался, в узкую дверь вошел мужчина. Он был одет в женоподобное платье приглушенного желтого цвета и в золотую маску.

Все серебряные и бронзовые маски были тотчас сдернуты, и все в зале склонилось в низком поклоне, кроме меня, но мою невежливость не потерпели. Мгновение спустя ноги были выбиты из-под меня, и я рухнул к ногам золотой маски.

От этого я задохнулся и на некоторое время потерял нить происходящего. Потом я услышал, как Зренн говорит о черноволосом дикаре, который вполне может быть незаконным сыном Вазкора.

Золотая маска сказал холодным нетерпеливым голосом:

— Вазкор не был человеком страстей. Он желал только править, а не обладать телами женщин. Ему хватало его жены-ведьмы, и ее он взял только для того, чтобы иметь сыновей. Я не могу поверить истории о том, что Вазкор прелюбодействовал с нечистью племен.

— Но посмотри, Джавховор, — сказал Зренн, — он такой же, как Вазкор, ведь правда? Нам следовало сбрить его бороду; тогда бы ты лучше увидел сходство.

И Зренн схватил меня за волосы и откинул мою голову назад, чтобы золотая маска мог посмотреть.

Этот человек был их принцем, и они называли его Джавховор, Высокий Повелитель — титул короля. Его золотая маска несколько напоминала бронзовые маски солдат тем, что она изображала такую же странную птицу, феникса, они также величали его Кортис Феникс Джавховор. Его глаза были защищены янтарным стеклом, но шея и пальцы, унизанные кольцами, были узловатыми, стареющими. Он, как и люди в крепости, тоже был достаточно стар, чтобы помнить черты Вазкора.

Но, казалось, он помнил. Его рука дернулась к закрытому маской лицу, невольный жест, как если бы он хотел сдернуть ее передо мной, как его командиры перед ним. Но он сдержал себя и вполголоса, слишком тихо, чтобы они услышали, думая, что я не знаю их языка, невнятно проговорил:

— Я никогда не думал встретить тебя снова в этой комнате, Черный Волк, Черный Шакал Эзланна.

Тогда я догадался, почему я снова обрел их язык, или вообразил, что догадался. Я заглянул в его глазные прорезы.

— Неужели? — сказал я. Он громко вскрикнул при этом. Я сказал: — И ты называл моего отца шакалом в лицо? Или, скорее, ты глодал кости со стола шакала и бегал за ним по пятам, как собака?

Даже Зренн отступил от меня на шаг. Я поднялся на ноги. Стоя, я был гораздо выше, чем Кортис Феникс Джавховор.

Он гневно посмотрел мимо меня и закричал на них:

— Вы знали, что он владеет нашим языком?

Зренн запнулся, справился со своим шоком, и сказал:

— Мой повелитель, он никогда до этого не произносил ни слова на нашем языке. Должно быть, он научился у моей родственницы или у моюи, может быть, которые знают немного...

— Я ни у кого не учился, — сказал я, наблюдая за Кортисом. — Во мне говорит мой отец. Это Вазкор.

Несмотря на мои путы и неосведомленность, во мне поднялась волна такой обжигающей гордости, что я не боялся никого из них. Было бы разумнее бояться, бояться и молчать, но я как будто надышался наркотика до одурения. И все это время я ощущал его рядом, темную огненную тень, излучение моего отца. Я помнил только наследственный дар волшебной силы, который должен идти от него, и как я убил человека с его помощью. Мне нужно было только потянуться за силой, и я найду ее. Все люди, ве-

роятно, должны иметь божество. Для меня, до сих пор безбожного на протяжении всей жизни, Вазкор стал единственным истинным богом.

Кортис выпрямился передо мной. Его горло скрипело, как у старика в суровую зиму.

— Очень хорошо. Ты семья Вазкора. Ты каким-то образом владеешь нашей речью, что очень хитроумно с твоей стороны. А твоя мать — какая-нибудь женщина из крарла?

Я небрежно сказал, частично, чтобы испытать его и тем самым узнать побольше о своей наследственности:

— Нет, никакая не женщина племени. Женщина из города. Женщина с белыми волосами и белыми глазами. Жена Вазкора.

Музыка, которая играла все это время где-то во дворце, невидимый оркестр, именно в этот момент прекратилась, как по сигналу.

— Тогда ты сын Уастис, — сказал Кортис. — Это правда, она была альбиноска, и ее чрево было им заполнено. Значит, она избежала гибели при крушении башни? Это она научила тебя нашему языку? Жива она или мертва?

За моим плечом раздался женский голос. Он был похож на голос той, которую он назвал, и волосы мои встали дыбом. Но это была не моя мать-рысь, возникшая из воздуха, это была Демиздор.

— Джавховор, не слушай этого лжеца. Я никогда не учила его нашей речи, но иногда я употребляла ее, а он хитрый и быстрый, этот человек, он научился от меня. Истории о Вазкоре и Уастис я тоже рассказала ему. Я не считаю его посевом Вазкора, несмотря на его сходство. Он держал меня как свою девку в вонючих палатках варваров, он осквернил меня, и я должна была соблюдать обычаи его слабоумной расы, чтобы сохранить свою жизнь. Из этого ада меня спасли мои родственники.

Я сохранил спокойствие, но у меня свернулись кишки от ее крика. Она была всего на шаг позади меня, но я не мог обернуться и посмотреть на ее не скрытое маской лицо, ее бледную лихорадку, ее глаза и ненависть.

— Джавховор, — сказала она тише, часто дыша, — твои родные убили себя из-за этого лживого дерьма. Мой повелитель был одним из них. Я умоляю о мщении, — она задохнулась и начала плакать.

— Нет необходимости умолять о мщении, — сказал Кортис; он уже овладел собой. — Кто бы и что бы он ни

был, он будет наказан. — Его глаза обратились ко мне. — Ты понимаешь?

— Я понимаю, что в Эшкореке женщины — гадюки, а мужчины — собаки, гуляющие на задних лапах.

Он ударил меня тыльной стороной ладони, как будто это был небрежный удар, просто чтобы проучить глупого раба за оплошность, и его бронзовая гвардия схватила меня. Зренн приказал им снова распластать меня и тащить за мои веревки на потеху хозяину и себе самому.

Снаружи мне позволили идти. Теперь мы спустились в самый низ дворца, в сырые подземные помещения. В одном из них, настолько же крохотном, насколько верхний зал был громадным, мои веревки были заменены на окovy, которые соединялись с кольцами из черного металла, вделанными в мокрые каменные стены.

Когда мои стражники ушли и унесли свет, начали заглядывать крысы, но ни одна еще не подходила слишком близко. Однако камера не улыбалась мне в случае, если у меня пойдет кровь.

Сцена в зале снова прошла перед моим мысленным взором, ужас золотой маски, моя гордость, требования Демиздор. Она представлялась мне теперь галлюцинацией. За моим плечом не было больше тени, которая руководила бы мной. У меня была сила убить Эттука, но, казалось, недостаточно было сил, что разорвать свои собственные путы.

Я забылся коротким сном и, проснувшись, обнаружил, что крысы подступили к моим ногам широкой приливной волной. Я полоснул своей цепью по красным звездам их глаз, и они разбежались с писком ждть, пока я снова успокоюсь.

Я думал о Тафре, как она плакала, в муках рожая ребенка Эттука, и о Демиздор, заплакавшей, когда она пове-рила, что убила меня.

Мне было любопытно, проливала ли когда-нибудь слезы свиноматка, что родила меня.

3

Три бронзовых стражника вошли в коридор за стеной камеры и открыли металлическую дверь. На этот раз меня разбудили их факелы и звук их шагов, а не крысы, что явилось некоторым разнообразием.

В дверях стоял Кортис. Почему-то я ждал его посещения и не был сильно поражен. Он вошел в камеру, поставил один из факелов в ржавую корзину, и стражник закрыл дверь и удалился на порядочное расстояние. Предстояла, похоже, частная аудиенция.

Факел неярко освещал Золотое лицо Кортиса и золото его крупных колец-печаток. Он сказал:

— После роскошной ночи, которую ты, несомненно, провел здесь, возможно, твоя семейная история несколько изменилась.

— Правду нельзя изменить, — сказал я, — но я ничего особенного от вашего гостеприимства не ожидал. У вас во всех комнатах крысы. Некоторые пищат, а некоторые носят золото на мордах.

На этот раз он не ударил меня.

— Твой отец, — сказал он, — ответил бы более осторожно.

— Мой отец убил бы тебя взглядом.

— Да. Это достаточно верно, — заметил он спокойно.

Он немного отвернулся, вглядываясь в прошлое. — В дни славы в Белой Пустыне, когда Союз еще существовал, я был племянником Джавховора Эшкорека, и я не был доволен. Однажды на закате солнца, когда я отправился на ястребиную охоту в пустыне, моя группа встретила с компанией из Эзланна, и в ней был Вазкор. Они пришли на весенний отлов лошадей, потому что лучшими конями были дикие кони Эшкорека. Он был очень молод, не многим старше, чем ты, мой дикарь; но у него был язык, язвительный, как укус гадюки, а его глаза заставляли верить в его мудрость. Я слышал, что в нем была рабская кровь, что-то от Темного Народа, что вполне может быть. Я также слышал, что он колдун, и в этом я никогда не сомневался. Мы провели ту ночь вместе на краю пустыни, и он составил для меня план, кусочек за кусочком, как складывание картинки-головоломки. Однако прошло несколько лет, прежде чем богиня своевременно поразила моего дядю, и Вазкор усадил меня в королевское кресло Эшкорека. — Он снова взглянул на меня. Казалось, он обязан рассказать мне эту историю и устал от нее, и ему надоело рассказывать ее, потому что я видел, что он говорил об этом много раз самому себе. — Когда власть Вазкора пошла на убыль, когда он зарвался, я объединился с пятью городами Союза. Я не думаю, чтобы он особенно ненавидел меня; он был не способен на ненависть, так же как не

был способен получать удовольствие. Ни один мужчина не значил для него столько, чтобы вызвать в нем ненависть, и ни одна женщина. Кроме одной, может быть. Уастис. Я никогда не видел ее, возродившуюся богиню Эзлана, но я думаю, ее сила равнялась его силе, и если она осталась жить после него, тогда, несомненно, она тоже предала его, как это сделал я.

Он подошел к факелу и снова взял его, потом близко подошел ко мне, разглядывая мое лицо. Было видно, что ему пришлось собрать для этого все свое мужество, глаза его за янтарным стеклом были неподвижны и широко раскрыты.

— Сын Вазкора, — сказал он, — если в тебе есть его колдовская сила, лучше примени ее. Эшкорек расколот на фракции, и я уже не единственный человек, которому поклоняются как Джавховору. Но в одном мы едины. Убить тебя по кусочку будет изысканным блюдом для тех из нас, кто узнал только мрачные последствия битв Вазкора.

Его голос, мертвенно спокойный и пустой, как сухой колодец, заставил меня внезапно испугаться предстоящего мне так же, как я не боялся его раньше. Там, где была эта пустота, казалось, нет надежды на послабление и никакой надежды на милосердие. Я бы предпочел брань Демиздор, которая (я думаю, что уже тогда знал это) была всего лишь облаченной в другую форму любовью. Я сглотнул, потому что в горле был привкус болиголова.

Я сказал:

— Значит, они не верят, что я Вазкор?

— Тебя испытают, — ответил мне новый голос.

Я повернул голову и увидел Зренна. Он вошел, крадучись, тише кошки. На нем не было больше черной одежды и серебряной маски-черепа, он был одет в костюм цвета охры, расшитый изящными девическими орнаментами, и в серебряную маску-лису.

Кортис тоже повернулся.

— Ну, какие новости?

Зренн поклонился. Во лбу маски лисицы сверкал желтый топаз.

— Гонец отправлен, мой Джавховор, и вернулся. Немарль, а также Эрран согласны встретиться с нами, как ты предполагал, но прежде они послали человека посмотреть на нашего пленника. Их предосторожность делает им честь, мой повелитель, ты согласен?

Кортис сказал:

— Этот человек здесь? Тогда пусть входит. Чего ждать? Церемонии?

Зренн подал знак в коридор. Один из стражников позвал другого, и снова раздался топот ног, и факелы осветили проход. Вскоре вошел посланец. Его одежда была даже более истрепанной, чем потертое великолепие Феникса и его командиров, а маска у него была из серой материи. Какой-то простой гражданин, несчастный, приобретенный для этой работы соперничающими принцами, с его потерей можно было не считаться, и он полностью отдавал себе в этом отчет.

Он немедленно упал на колени перед Кортисом, поспешно сдернув маску. Зубы у него были серее материи маски, и лицо тоже почти такое же серое.

— Я умоляю о неприкосновенности посланца, великий повелитель Кортис Джавховор. Не причиняйте мне вреда, я всего лишь старый человек, ничто...

Зренн слегка ударил его по голове.

— Заткни свою вонючую глотку, урод. Установи личность воина, как тебе было приказано твоими благородными хозяевами. Мой повелитель Кортис уже устал от твоего шума.

При этих словах посланец взглянул на меня.

Его покрасневшие глаза выпучились, как будто готовы были выскочить из орбит. Из коленопреклоненного положения перед Кортисом он бухнулся лицом вниз передо мной, скуля.

Зренн пнул его.

— Вазкор, это Вазкор, — завизжал старик. Он пополз по полу, по крысиным лужам к моим закованным ногам. — Милости, владыка, — причитал он, обращаясь ко мне, как бы не в силах отвести глаза под неумолимым жестким взглядом.

Зренн засмеялся своим тихим неискренним смехом.

— Достаточное доказательство, — сказал он и снова засмеялся.

— Откуда старик знает его? — спросил Кортис. По его тону ничего нельзя было понять.

— Он ручное животное принца Эррана. Принц говорит, что старик был в пехоте, которая наступала в Багряной Долине при Вазкоре. Он получил ранение, которое вернуло его домой до начала наступления.

— Спроси его, правда ли это.

— Мой повелитель, — Зренн подошел к старику и отпихнул его от меня носком бстинка, как будто убрал мусор. — Ты слышал Джавховора? Говори, ты сражался при Вазкоре?

Посланец, пошатываясь, выпрямился. Он промямлил утвердительный ответ. Глаза его умоляли меня не испытывать на нем мой гнев. Бронзовой стражник протопал через узкую дверь по какому-то новому знаку Зренна и утащил серого посланца.

Несмотря на все проблески памяти моего отца, это потрясло меня. Может быть, его дух укорял меня за страх и неспособность, ибо какая бы ни была во мне сила, казалось, я исчерпал ее.

— Где место встречи и когда? — спросил Кортис.

— Храм — шутка принца Немарля, берусь предположить. Полдень.

— Сколько мечей с их стороны?

— Немарль говорит, пять командиров, сотня бронзовых. Я думаю, Эрран приведет больше.

— Проследи, чтобы наши силы были равными, предпочтительнее, чтобы превосходили.

— Мой повелитель, — Зренн направился к двери, помедлил и сказал: — Джавховор, моя родственница просит разрешения сопровождать тебя.

— Демиздор останется здесь, — ответил Кортис.

— Это огорчит ее, мой повелитель. Она жаждет увидеть, как будет корчиться дикарь.

— Нет, Зренн, — сказал Кортис, — этого жаждешь ты. Демиздор жаждет других вещей. На такую встречу я женщин не допущу. Мечь — тонкая штука, из которой делается примирение. Скажи ей, что она должна оставаться в своих апартаментах. — Он повернулся, чтобы выйти вслед за Зренном, учтиво кивнув мне. — Потерпи тьму еще немного, сын Вазкора. Скоро у тебя будет изобилие света.

Свет был, яркий спокойный день накануне молодой зимы, небо — как кованая платина. По улицам летели редкие листья из заросших садов, как обутленные красные бумажки у подножия зловещей мертвенности Эшкорека.

В Храме — тоже свет. Замок богини, переданный, как мне сказали, Уастис (мамаше моей) в дни ее власти, с тех пор опустевший, опустошенный, с провалившейся крышей, проломленными стенами — колоссальный, отдаю-

щий эхом форум, уцелевший только в восточной части. Шутка Немарля. Да, конечно. Вынести мне приговор под тенью той, которая была женой моего отца.

Ибо статуя великой богини все еще стояла. Гигантша из желтого камня, потемневшая от старых пожаров, в юбке из бронзы и золота и ожерельях из изумруда и нефрита, с рубиновыми сосками. Она стояла слишком высоко, чтобы ее можно было разграбить. Понадобились бы отважные смельчаки, чтобы взобраться на этот крутой откос и вырвать драгоценности. Она казалась высокой, как небо. Она казалась бы еще выше, если бы сохранилась голова. Но тот же выстрел, что снес потолок, оторвал и голову эшкирской Уастис. В те дни они еще заботились о религии и подмели осколки, как яичную скорлупу, но на мозаичном полу остались трещины в тех местах, куда вылетели ее мраморные мозги.

Таковы были обещанный Кортисом свет и шутка Немарля.

Была еще одна шутка, Зренна.

Они пришли в мою камеру, расковали и вывели наверх. В маленькой заплесневелой ванной комнате они сняли с меня одежду крарла и предложили мне ванну, превосходную, как для принца. Я не доверял парикмахеру с бритвой, но он только аккуратно побрил меня и не стал перерезать мне горло, как я наполовину вообразил себе его намерения. После этого я был одет в брюки и камзол из черного бархата королевского качества и даже кожаные сапоги с золотыми пряжками. Бронзоволицые, усмехаясь глазами за защитными стеклами, принесли мне золотую цепь, браслет из нефрита толщиной в два пальца и черное кольцо.

Я отлично знал, что они задумали; я не мог этого не понять. Они одевали меня так, как одевался Вазкор, вероятно, в те самые одежды, которые покрывали его тело, хотя в этом я сомневался. Из их разговоров и шепота я уже заключил, что тело его не было найдено под рухнувшей Башней. Только некоторые из его солдат, которые необдуманно сдались осаждавшим, оставили в наследство шести городам свои черные одежды и серебряные маски, при помощи которых они пугали население племен.

Если для Зренна это было шуткой, то для меня — нет. Свободный от цепей и одетый, как принц, я почувствовал, что мое мужество возвращается ко мне, я чувствовал себя

настолько сильным, что мог подмигнуть страху, который владел мной раньше. Если они намеревались убить меня, они это сделают. Но ни к чему приятно щекотать их своей трусостью.

Во дворе перед дворцом Кортиса стоял черный мерин в пурпурно-золотой сбруе. Когда я вскочил на него, Джавховор со своими воинами спустился по ступеням. Зренн подбежал ко мне, сдернул маску и церемонно поклонился.

— Приветствую тебя, Вазкор, Владыка Белой Пустыни, Избранник Богини!

Он был похож на мальчика, отправляющегося на свою первую охоту, так он радовался в надежде на горе и муки, которые мне предстояли.

Когда он, улыбаясь, поднял на меня глаза, я был готов и плюнул ему в лицо.

Это ему не понравилось. Его улыбка искривилась, одной рукой он вытер свою гладкую щеку, а вторая рука искала меч. Он подошел слишком близко. Мне не составило труда слегка толкнуть его в грудь моим новым сапогом и опрокинуть его. Он распластался на земле. Никто не побежал ему на помощь, но раздался скрежет металла, вынимаемого из ножен.

Тогда Кортис сказал, как мужчина, успокаивающий ссорящихся детей:

— Нет, господа. Оставьте его. Зренн, если ты сделал из него Вазкора, тогда ты должен чтить его, как Вазкора. Если ты изрежешь его на куски сейчас, как ты утетиши моих друзей принцев?

Зренн поднялся на ноги. Он показал мне свои белые ненавидящие зубы, надел хорошенькую маску-лису и позвал своего коня.

Я увидел, что многие серебряные сохранили для этой драмы одежду гвардии Вазкора: черные костюмы и маски-черепа. По обеим сторонам от меня встало по такому воину, их мечи лежали поперек излучины седла острием ко мне. Другие подъехали сзади. Ослепительный холодный солнечный свет не пощадил нищенского убранства, это было все, что осталось от древнего великолепия. Узда на моей упряжи была наполовину изъедена.

Кортис развернул своего серого кругом и выступил впереди нас, вслед за ним двигались пять его командиров и бронзовая рать. Моя часть процессии затрусила за ними.

Я оглянулся. За мной скакало тридцать, пародия на воинов Вазкора. Никакой возможности прорваться и никакого оружия в поясе. Пешие бегуны бежали наравне с лошадьми. Все были похожи один на другого, страшные, с кожей цвета грязи и синими выбритыми макушками, без масок. Я вспомнил, что видел их братьев в крепости на скале: городские рабы, рожденные в рабстве, рабы навсвязь, душа из них вытравлена.

Лучше быть свободным и умереть, чем жить мертвым.

Я не видел ни одного из легендарной массы порабощенных воинов племен, угнанных во время налетов.

Белое полуденное солнце стояло над храмом, когда мы добрались до него, и где-то на крыше или на осеннем дереве резко кричала какая-то птица; я помню это, потому что больше я не слышал в Эшкореке ни одной птицы.

Мы проехали в Храм, и там уже ждали конные, прибывшие раньше.

Группа Кортиса остановилась; через дорогу группа ранее прибывших неподвижно уставилась на них сквозь свои маски, шесть из них были золотые. Здесь были истертые меха, сквозь которые проглядывали темно-серые и шафрановые одежды. Их предводитель носил маску-феникс несколько другого вида но все же это был феникс. Он равнодушно поднял руку, и Кортис ответил, каждый — как кукла на веревке, и никакого словесного приветствия.

Второй феникс произнес:

— Кажется, Повелитель Эрран отказывается встречаться с тобой, мой повелитель. Подозреваю, что он боится возрожденного.

Так я узнал, что он Немарль. Я гадал, какие планы он изобрел относительно меня, какие планы у Кортиса, сколько будет длиться мое умирание — все это в зловещем, спокойном внутреннем споре, как будто у меня не осталось нервов, — когда прибыла третья группа всадников, незаметно выехав из тени статуи.

Здесь было десять масок из желтого металла, и предводитель — не феникс, а золотой леопард, и его туника была расшита золотыми пластинками, протершимися во многих местах.

— Не боюсь призраков, господа, — сказал он, — остерегаюсь людей. Я вижу, Эзланн пришел в Эшкорек. Так выглядел Вазкор в дни своего величия, а, Кортис? Ты должен снова чувствовать себя молодым при виде его юности.

— Нет, принц Эрран, — сказал Кортис, — это удваивает мои годы. Но он очень похож на Вазкора.

— И я слышал, что он сам утверждает свою наследственность. — Эрран повернулся ко мне. Я был в окружении одних масок. Сцена начинала походить на какой-то злобещий кошмар. — Что же нам с ним делать тогда? Сделать его своим королем?

Немарль мрачно сказал:

— У нас есть счет к Вазкору, Преступления отца перешли на сына. Этот заплатит долг. Именно на таком условии мы встречаемся. Восстановить справедливость, откладываящуюся так долго.

Мне пришло в голову, что говоря о шутке Немарля, шутил сам Зренн. Немарль не умел шутить. Ему было, возможно, лет сорок; он тоже помнил моего отца.

Воины вокруг меня внезапно поехали вперед, и моя лошадь послушно двинулась с ними.

Сейчас мы оказались в центре площадки.

Я подумал, если бы у меня был меч или хотя бы нож, я бы вырвался от них.

Слева из мостовой торчал остаток колонны, как осколок кости, оставленный в ране.

Зренн обошел мою лошадь. Он поклонился, держась на более безопасном расстоянии, чем в прошлый раз.

— Слезай, Владыка, — сказал он.

Мог бы я снова ударить его? Выхватить его короткий меч?

Я знал, что не буду делать этого. Никому не удалось бы сделать это достаточно быстро, они бы стащили меня, разоружили, тщательно стараясь не убить. Я не собирался подслащивать таким медом их вино. Я не собирался бороться с судьбой, которую они приготовили мне.

Кто-то привязал меня к обломку колонны.

Точным ударом Зренн разорвал тунику на моей груди. Его глаза превратились в щели. Я слышал его частое, как у танцора, дыхание. Это был напиток, которого он жаждал.

Он оглянулся на компанию, принцев и их рать. Он сказал:

— Есть ведь история о том, что у Вазкора заживала любая рана. Посмотрим, — и тонкий нож блеснул в его узкой руке.

Первый порез был подобен надрезу, сделанному серебряной бритвой или тонкой лезвием. Он засмеялся и сно-

ва приблизился ко мне, и железо лизнуло меня опять. Я почувствовал, что потекла кровь. Не особенно сильно. Я тихо сказал, но так, чтобы он мог слышать:

— Таким способом ты никогда не сделаешь сына, малыш, пачкая штанишки.

Это взбесило его, как я и хотел, потому что удовольствие его было не совсем такого рода. Он полоснул меня по лицу, и я почувствовал, как кожа отделилась от кости. Я надеялся, что он вскрыет вену на шее, что было бы для меня быстрее, но он промахнулся, в бешенстве или намеренно. Я пытался организовать свою казнь, чтобы перехитрить их, и я думаю, что был частично не в своем уме, потому что никогда прежде и только один раз потом я вел себя так глупо на краю смерти.

Эрран резко крикнул:

— Хватит! Кортис, отзови свою собаку; она ворует мясо.

Кровь заливала мне глаза, и статуя богини, казалось, раскачивается. В мозгу кричала одинокая птица.

Эрран подошел ко мне посмотреть на ручную работу Зренна.

— Элегантная резьба. Если он оправится от нее, я действительно буду считать, что мертвый встал из своей гробницы. — Он говорил равнодушно. Затем добавил: — Ну что ж, Кортис. Он ваш пленник. Что теперь?

— Мой гонец уже сказал вам, господа, — сказал Кортис. — Если я организую для вас зрелище с его участием, вы должны заплатить мне. И, как любой предусмотрительный купец, я предпочитаю часть платы получить вперед.

— Странно слышать, как торгуется старый Феникс, — сказал Эрран.

Немарль сказал:

— За небольшую потеху ты не можешь просить высокую цену.

— Минуту назад ты назвал это справедливостью, мой господин, — пробормотал Кортис. — Но нет, я прошу мало. Дружескую меру урожая с ваших осенних полей, Немарль. Ты помнишь, я думаю, что мои посадки погибли в суровую зиму вместе с рабами, которые могли бы их спасти. От тебя, Эрран, я прошу меньше. Ты никогда не знал Вазкора, твоя ненависть неизбежно более абстрактна. Дай мне трех жеребят, которых принесли твои кобылы прошлой весной.

— Клянусь желтой шлюхой, — Эрран ткнул большим

пальцем в сторону безглавой женщины-гиганта, — я дам тебе одного. Этого и то слишком много.

— Я получу по меньшей мере двух, — спокойно сказал Кортис.

Немарль отвернулся, как бы испытывая отвращение к их пререканиям, подобным тем, что ведут женщины племен из-за бронзовых горшков. Вот до чего докатились господа горожане. Я прислонился к колонне, в ушах гудело, кровь пропитывала прекрасную тунику, которую они мне дали, и слушал, как они торгуют своей честью и моей жизнью.

Вскоре торг прекратился. Они договорились о моей цене, а я не слушал уже.

Они садились на коней, не обращая на меня внимания, и обсуждали какую-то процедуру справедливости на завтра, после того, как они увидят, что стало с резьбой Зренна и сколько во мне от Вазкора. Эрран подъехал ко мне.

Я посмотрел на него одним глазом; второй был залеплен кровью.

— Ты говоришь на городском языке, — сказал он, — так говорит старый Феникс. Скажи что-нибудь.

Я сказал медленно, чтобы не сделать ошибки:

— Чтоб тебе есть дерьмо и писать кровью, и пусть вороны дерутся из-за твоей печени.

— Ты пожалеешь о своих добрых пожеланиях завтра, — ответил он весело и прищиприл коня.

Как оказалось, меня собирались прекрасно охранять. На территории открытого форума слонялись человек двадцать из бронзовых Кортиса, а чернокожие рабы разводили костры и натягивали тенты в углах разрушенных стен. Три серебряных командира из группы Кортиса играли в кости около статуи в уже приготовленном укрытии, хорошо прогретом жаровней. Похоже, у Кортиса Феникса не осталось золотых масок — командиров или родных — с тех пор, как его мужчины бросились на свои мечи в павильоне на скале-крепости. Может быть, у него была особая причина ненавидеть меня за это.

Блеск солнца уже тускнел, растворяясь в сумерках, приглушая мое восприятие. На западе набухали синие тучи. Ветер расческой прогуливался по улицам города.

Возможно, я смогу умереть ночью, если она соблаговолит быть достаточно холодной.

Крысы в моей камере очень огорчатся, что меня им не

вернули. Я даже сейчас чувствовал, как их зубы вгрызаются в разрезы на груди и животе, и в глубокую расселину на моем лице, крысиные зубы боли.

Котта, слепая женщина, называла меня красивым.

Сейчас только по-настоящему слепая женщина могла бы считать меня красивым.

Я внезапно проснулся, вися на веревках, как туша, и почувствовал что-то странное в ночи или в себе самом.

Было холодно, но не морозно, небо над пустой крышей Храма было почти белым от света бесчисленных звезд и охотничьего лука луны, на мощеном полу лежал полосатый ковер из света и тени, эти прямые полосы лишь кое-где прерывались приглушенным свечением умирающих костров. Ни одного звука, даже ветер спал, солдаты тоже спали или дремали на своих сторожевых постах, если таковые были выставлены.

Лицо покалывало и чесалось, как при вновь отрастающей бороде. Я подвигал челюстью и почувствовал, как треснула корка запекшейся крови, но не было ни боли, ни стягивающего ощущения.

И вспомнил, наконец, об укусе змеи, татуировальных иглах, о военных ранах, которые заживали на мне, не оставляя шрамов.

Вокруг меня чувствовалось непрерывное неясное движение — обманчиво легкое и скользящее — затем грохот переворачиваемой жаровни, посыпались красные угли, и из укрытия трех серебряных командиров, пошатываясь, появился мужчина в серебряной маске, неся на плечах другого, как в пьяной или детской игре. Но серебрянолицый тяжело рухнул, а тот, что был наверху, поднял руку и резко опустил ее вниз с почти бесшумным звуком, который производит нож, входя в тело. Он вытащил нож, вытер его о труп и поднялся. И повсюду поднимались люди Принца Эррана, умертвив стражу, оставленную для меня Кортисом. Они прокрались тихо, как снег, и проделали свою работу, как поцелуй.

Я понял, что мне предстоит стать собственностью другого человека. Подобно ценному барану, меня поймали, купили, продали и, наконец, украли.

Эрран пил вино, зеленое вино в золотой чаше. Он сказал:

— Видишь ли, я не притворяюсь, будто я не человек. Я ем, пью, испражняюсь, сплю и однажды умру. Если мои

предки и были богами, линия прервалась, и я не бог. Кортис и Немарль и еще несколько десятков тысяч пусть притворяются, я к ним не принадлежу. Поэтому я и извлек тебя из-под их опеки. Зачем тратить тебя впустую на божественную месть, когда можно полезно использовать?

Чтобы пить, он снял свое лицо леопарда, потому что в масках горожан нет отверстия для рта. Это был молодой светловолосый человек, с умным лицом и маленькими смешливыми глазами.

— Ну, можешь отвечать, мой Вазкор. Скажи мне, не приятнее ли тебе будет жить, чем умереть? Не бойся, ты будешь привилегированным рабом. По меньшей мере наполовину твоя кровь благородна. Мои соперники-принцы отрубили бы тебе конечности; я же предпочитаю дать им работу. Вместо того, чтобы тебя кастрировать, я буду посылать тебе самых привлекательных женщин из ранга бронзовых и атласных масок, и ты сделаешь мне прекрасных, сильных сыновей-рабов с ними. У меня на службе твое существование будет приятным и не слишком изнурительным.

Я больше не был связан. Наблюдая за ним, я потрогал свое лицо и снова почувствовал под пальцами гладкую здоровую кожу.

— Да, — сказал он, — вот именно. Я надеюсь, что ты передашь этот дар по наследству со своим семенем, как Черный Волк Эзланна передал тебе, когда мастерила тебя. Я все думаю. Если бы пес Кортиса отрезал руку или выковырял глаз для своей забавы, что тогда? Выросли бы они снова, как выросла кожа без шрама? — Он подошел поближе, и рассматривал меня. — Да, это замечательно. Только небольшая краснота осталась, как будто твоя дама в раздражении дала тебе пощечину. К восходу солнца она исчезнет, я полагаю. Раны на теле, конечно, исчезли полностью.

Он был достаточно близко. Я мог его задушить. Он, казалось, почувствовал это и отошел, усмехаясь. Он налил зеленое вино во вторую чашу, не золотую, как первая, а в полированную деревянную, для раба, и это хорошо.

— Выпьешь?

— Не с тобой.

— Э-э, это уже было. Мои собаки никогда не кусают меня дважды. Я подумывал, что ты мог бы объезжать для меня лошадей, но я всегда могу послать тебя присматривать за горячими трубами в подвале.

Он перевернул деревянную чашу, и зеленое вино пролилось на плиточный дворцовый пол. Некоторых городских обычаев он придерживался; питье, налитое для подданного, уже не годилось для принца.

— Вместе со здоровьем к тебе вернулась глупость, — сказал он, не сердясь, а просто заскучав от моего нежелания служить ему.

Он нажал железную кнопку в стене. Кнопка была в виде головы дракона, еще одно чудо. Это здание было не такое гнилое, как цитадель Кортиса: грабежи и пожары войны пощадили его. Людей у него тоже было больше; особняки, которые возвышались вдоль пологих улиц, имели обитаемый вид, горели огни, были слышны разговор и музыка, и в предутреннем воздухе разносился отдаленный грохот кузницы вместе с разнообразными дымками.

— Есть еще одна маленькая причина, по которой я привез тебя сюда, — сказал Эрран, — помимо твоей полезности и небольшого удовольствия перехитрить Кортиса и остальных, которые подчиняются древним кодам, как дураки. Я покажу тебе эту другую причину.

На этой ноте гобелены раздвинулись. Мужчина широко распахнул резную дверь, и в комнату вошла Демиздор.

Я не ожидал увидеть ее здесь. У меня не было причины.

У нее была возможность подготовиться к этой встрече. Она подошла к Эррану, поклонилась ему и встала, стройная, гордая и неподвижная, незабвенная поза Демиздор, в которой я так часто видел ее. Она не спрятала свое лицо в оленьей маске — этикет не позволял этого, должно быть, перед золотым господином, — но оно было холодным, как белая эмаль. На ней было платье с узкими рукавами и плотно прилежавшей талией цвета темной охры (цвет Эррана); на ней этот цвет был некрасивым и скучным.

Тут я неожиданно для себя обнаружил, что больше не чувствую ничего особенного или волнующего к этой женщине. Моя любовь прошла, как раны, не оставлявшие шрамов. Она доставила слишком много хлопот за слишком маленькое вознаграждение и переборщила, поливая ядом мое имя. Однако, это было не совсем так. Моя любовь-болезнь настолько умерла, что я мог даже испытывать жалость к ней, потому что, освободившись от любви, я видел и понимал ее до конца, понял, какой червь точит ее сердце.

Эрран с интересом наблюдал за мной.

— Эта дама, — сказал он, — нашла меня вчера. Ес красоте нет равной в Эшкореке, и она сейчас свободна. Она обещала, что останется со мной, если я пощажу твою жизнь.

Я уже достаточно разгадал его, чтобы знать, что не приобретение Демиздор соблазнило его освободить меня, а желание власти над своими соперниками. Неоперившийся птенец того же рода, что и мой отец, он, может быть, хотел, чтобы я был его заложником. И сейчас он не демонстрировал Демиздор, как свое приобретение, а просто хотел посмотреть, какую власть над ней он получит, имея меня в своей собственности, и какую власть надо мной, обладая ею.

— Это было очень великодушно со стороны дамы, — сказал я. — Несомненно, она упомянула о том, как я насиловал ее и унижал среди палаток шлевакинов.

— Несомненно. Думаешь, она просила меня оставить тебя жить, чтобы облегчить твою участь? Она хочет, чтобы ты жил в рабстве. Она хочет, чтобы ты униженно ползал в недрах Эшкорека двадцать или больше лет. Когда твой дух будет сломлен, она вздохнет спокойно. Так она утверждает. — Его голос и его улыбка говорили, что он тоже оценил ее мотивы по-другому.

По тому, как он смотрел на нее, и по его интонации я понял, что он уже обладал ею. Это меня даже не царапнуло. Я думал: ты купил холодную постель, эшкирский принц. Она не будет с тобой такой, какой она была со мной.

Ее эмалевое лицо было отчужденным, холодным, как утро.

Эрран сказал:

— Демиздор, моя сладость, я должен разочаровать тебя немножко. Я планирую развести могущественных мальчиков с его помощью. Сегодняшний день и ночь он будет мягко спать, потому что у него были две очень жесткие ночи. — При этих словах она ожила и резко повернулась к нему, но он хлопнул в ладоши, и вошел человек в бронзовой маске. — Отведите моего гостя в его апартаменты, — сказал Эрран. — Позаботьтесь, чтобы у него было все, чего он пожелает, за исключением, конечно, серебряной женщины и ключа от двери.

— Мой повелитель, — вскричала Демиздор. Она покраснела, и ее холодности как не бывало. — И я должна видеть эту мерзость каждый день в вашем дворце?

— Не приставай, — ответил он. — Возможно, он не пристрастится к роскоши, твой королевский варвар. Тогда у меня не останется ничего другого, как послать его вниз. Ты всегда можешь надеяться на это.

И он махнул мне в сторону бронзоволицего.

Не имея выбора, я повиновался и последовал за его солдатом-слугой в отделанный фресками коридор. Когда мы уходили, я слышал, как он сказал с улыбкой своим приятным голосом:

— Ну же, Демиздор, это пустяки. Представь, что твое платье было запачкано, а теперь снова вычищено. Видишь этот золотой кулон? Он принадлежал моей бабушке, теперь он будет твой. Посмотри на золото и забудь его, красавица Демиздор. Ты не обязательно совершила глупость, придя в дом леопарда.

За абрикосовым окном разгоралась заря, когда дверь моей новой тюрьмы закрылась за мной.

Это было лучшее жилище из тех, которые у меня в последнее время были.

Янтарные стены и янтарные портьеры на двух больших окнах, каждое из которых было составлено из сотни кусочков хрусталя цвета густой патоки, вставленных в тяжелую свинцовую раму; восточное окно разбрасывало сейчас по мраморным плиткам пола фантастически дробящийся узор из пламени и тени. Бесцельно попробовав дверь, я обследовал эти окна под влиянием своего рода иронического рефлекса, но не удивился, увидев, что городские улицы лежали далеко внизу. Даже если бы я мог пробить стекло и раму, прыжок стоил бы мне позвоночника.

У южной стены было спальное ложе, которое при желании могло вместить троих. На нем лежало покрывало из густого меха. По комнате было расставлено несколько узких столов и скамей. Пол был теплым благодаря усилиям рабов у горячих труб, возможно, это было деликатное напоминание о наказании, если я нарушу волю моего хозяина. Из большой комнаты дверь вела в ванную. В ней был причудливый мраморный унитаз, который можно было смывать при помощи бронзового крана, и медные львиные головы выплевывали воду в ванну, наполняя ее.

Я недолго пробыл в комнате, когда через неподатливую дверь вошли двое мужчин в масках из коричневой материи.

Один из них был парикмахер с бритвами и душистой

мазью. Он поклонился мне, что заставило меня с любопытством подумать, к какому рангу отнесли Тувека-раба, и приступил к бритью с ловкостью и проворством парикмахера Кортиса накануне. Другой разложил одежду и городское белье.

Когда они ушли, не имея более неотложных дел и приобретя вкус к эшкирской ванне, я вымылся и оделся. Я оставил черные одежды, которые получил от прокащика Зренна, все за исключением туники, которую он изрезал на кусочки. Цвет нового платья был охровый, цвет Эррана, еще одно клеймо, без которого я мог обойтись. Однако он оставил мне золотую цепь и нефритовый браслет; только черное кольцо исчезло, вероятно было отослано Кортису в доказательство того, что я захвачен.

Когда я подпоясывал камзол, дверь снова отворилась, и вошла девушка в атласной маске с подносом. Она поставила его на стол и выпорхнула.

На подносе была бронзовая посуда. Мой хозяин для виду повысил меня в ранге, в этом не было никакого сомнения. На бронзовых блюдах была простая еда из хлеба, мяса и осенних фруктов, приличная, но не соответствовавшая обстановке. Но это не было знаком его снисходительного отношения, а свидетельствовало о бедности города, которая проявлялась подобно трещинам в потолке и лепнине и мышинным дырам под драпировкой. Только вино было царское, прозрачное, как хрусталь, в который оно было налито.

Все это время я пребывал в состоянии забавного возбуждения, раздражения, нетерпения и в полной растерянности. Я был домашним любимчиком Эррана, его яростным зверем с сомнительной родословной. Я не видел никакого средства к спасению, но поклялся, что буду начеку и всегда наготове, если подвернется случай. Мне не пришлось в голову, что за мной тоже будут пристально наблюдать и готовить мгновенную ловушку.

Однако в вине было снадобье, и вскоре после того, как я выпил его, пол накренился, и свет в окне погас.

Я пришел в чувство, когда пятеро докторов еще были в моей комнате.

Комната была заполнена их странными причудливыми инструментами. Они были бронзового ранга и одеты в темную охру Эррана. Они бормотали свои философские бредни, как престарелые курицы, одна из которых снесла квадратное яйцо.

Абрикосовое окно все еще ослепляло желтым светом. Сначала это озадачило меня. Потом я понял, что это противоположное окно, и что заря давно прошла, и день склонился к закату, пока я лежал, одурманенный на своем ложе, голый, как младенец, а пятеро желтых куриц производили свой аналитический осмотр.

Сейчас я не чувствовал ни апатии, ни слабости, а нарастающую бешеную ярость.

Я сорвался с постели одним прыжком, и пять желтых куриц отступили передо мной, кудахча.

— Успокойтесь, успокойтесь, — вскричал один. — Мы советники повелителя Эррана. Мы не причинили вам никакого вреда. Просто осмотрели ваше тело, чтобы определить источник его чудесного исцеления.

Они, увы, не оставили под рукой никакого хирургического ножа, который бы я мог схватить.

Я заорал:

— Ну так как, что вы обнаружили? Я колдун? Или, может быть, бог? — Я думал, что если вызову у них панику, они вылетят из двери, широко распахнув ее, и я смогу последовать за ними. Потом, вероятно, одетый только в свою кожу, я рванусь на свободу, без препятствий со стороны стражи или часового. Наконец я частично образумился, отказался от этого плана и сел на ложе, после чего врачи собрали свои причиндалы и начали пробираться к двери. После того как они постучали, дверь открылась, и лекари удалились.

Потом наступила летаргия, тягучая, как речной ил. Я лег на спину, и великолепный закат погас в окне. Я был дурак. Собака, которую держат в богатой будке. И эта реальность сочеталась с навсегда утраченной наследственностью и ненормальностью, которая заставила меня съежиться, когда я вспомнил о ней. Сейчас я трезвел, как, должно быть, трезвеют все пьяницы, припоминая свои способности со страхом и изумлением. В течение всей жизни я принимал неприемлемое. Но охотники настигли меня. В тот момент мне казалось, что ничего стоящего я не сделал и не сделаю в своей жизни, так что лучше мне служить Эррану.

Наконец раздался новый, более нежный шепот занавеса на двери. Я не поднял головы, чтобы посмотреть, кто прибавился на этот раз к веренице входящих и выходящих.

— Кто бы вы ни были, — сказал я, — раб-любимчик в убийственном настроении, и вам лучше уйти.

Раздалась пара тихих вздохов, как будто голубей потревожили на крыше. Тут я взглянул.

Это были две девушки в последних янтарных отблесках заката, их лица были открыты, хорошенькие как цветочки, тела их были почти обнаженными под тонкими платьями, которые казались собранными в складку паутинками. Они на самом деле не испугались меня, потому что они знали мужчин или думали, что знают, и их послали услаждать одного из них. Но найдя меня обнаженным и злым, они повели себя как любая вышколенная шлюха.

Мне хотелось бы выставить их, потому что я пресытился подарками и тонкостями Эррана, а также подумал уже о его плане воспитать из меня быка. Однако я сразу почувствовал какое-то мрачное безудержное желание, какое иногда сопровождает лихорадку.

Видя, что я возбужден — у меня не было средств скрыть его, — они сразу заскользили к ложу. Одна поцеловала меня в губы, а вторая ласкала мое тело; потом вторая впилась в мои губы, а первая лежала в моих объятиях. Это было похоже на то, когда пьешь из двух чашек, и вкус и аромат меняются с каждым глотком, когда глотки сливаются друг с другом.

Я утолял свой голод и гнев с четверорукой, четвероногой, двуротой богиней туманного желания, пока окно наливалось краснотой и растворялось в ночи.

Мой дуэт любовниц оставил меня с восходом солнца. Позже снова пришел парикмахер со своими баночками и лезвиями. Я посмотрел на бритвы, аккуратно разложенные и блестящие, и понял, что мне не следует грабить его. Битва окончилась без единого удара. Пантера снова была благополучно заперта в своей изящной клетке — если она вообще когда-либо оттуда выходила.

Эрран посетил меня за час до полудня.

Он осмотрелся; маски на нем не было, он, как всегда улыбался. Указал на мой нетронутый завтрак.

— Нет аппетита, Вазкор? Мне жаль.

Я сказал:

— Последняя еда, которую я ел здесь, произвела странное действие на мое пищеварение. Я заснул, и мне приснилось, будто пятеро дряхлых стариков ощупывают мое тело своими немытыми пальцами. И когда я спросил, что

они задумали, эти самые вероломные старики заявили, что ты, мой повелитель, прислал их.

Улыбка Эррана стала шире.

— Ты учишься быть изысканным, — сказал он. — Как интересно. Чтобы построить отточенное предложение, надо сдержать гнев. Я вижу, тебе это удалось. Однако, заверяю тебя, с этого момента пища будет чистой.

— Я могу обойтись без еды без всякого труда, — сказал я. — Мне всегда нужно очень мало. Наследие моего волшебника-отца, возможно.

— Возможно. Конечно, ты не совсем человек, мой Вазкор. Хотя человек настолько, я подозреваю, чтобы наслаждаться другой пищей. Девочки развлекли тебя?

— Спроси их. У них, несомненно, тоже было твое разрешение изучать меня.

— Это испытание было скорее для тебя, чтобы ты определился. Видишь ли, я жду от тебя ответа. Ты хочешь жить со мной по-хорошему или по-плохому? Соглашайся на мои условия, и ты можешь гулять по моим владениям, как свободный человек, хотя и с двумя бронзовыми, чтобы охранять тебя от других принцев Эшкорека, а также чтобы разубедить тебя, должен признать, в случае, если ты неблагоразумно поддашься порыву оставить мой двор. Будет пища и прекрасное вино, множество женщин и мальчики, если у тебя есть к ним склонность, ты будешь укрощать для меня лошадей, горячих жеребцов долин Эшкорека. Не какая-то заурядная работа для крепкого солдата племени. У тебя будет бронзовый ранг, но ты будешь есть в моем зале. Если будешь послушным, можешь подняться до серебряного ранга.

— Тебе не нужен укротитель лошадей, — сказал я.

Он посмотрел на меня.

— Что же мне тогда нужно?

— Заложник в игре за получение власти. — Я дал ему переварить это, а потом сказал: — Итак, мой повелитель, я твой заложник.

Он оглядел меня своими светлыми пронизательными куньими глазами.

— Ты сдался быстрее, чем я надеялся. Я думал, что тебе все-таки придется поучить.

— Лучшего существования, чем то, что предлагаешь ты, я не вижу. Когда найду, ты об этом узнаешь.

— О да, мой воин. Я узнаю, и никогда не сомневайся в

этом. — Он пошел к двери, повернулся и кивнул, чтобы я следовал за ним. — Теперь, когда ты у меня на службе, ты волен передвигаться свободно.

Когда я подошел к нему, он показал мне серебряное кольцо и щель в двери, к которой оно подходило (это было нечто вроде ключа, которыми они чаще всего пользовались в городах), а потом вложил кольцо в мою руку.

Таким образом, сын Вазкора и женщины-богини Уастис стал укротителем коней Эррана, принца-леопарда из желтого города.

Как я сказал ему, я догадался, что в конечном итоге я буду больше, нежели просто укротитель. Я должен стать его заложником в его игре Замков. Может быть, у меня была еще не оформленная четко мысль, что когда он начнет использовать меня, то, будучи использованным, я сам использую его, и когда цель будет достаточно близка, сброшу своего наставника и поступлю по своему усмотрению. Может быть.

Но на самом деле, я думаю, я был просто похож на воина из старой сказки, которую рассказывали моуи. Когда тот воин заблудился в пещере дракона и понял, что дракон слишком большой и ему его не убить, он лег перед ним на кучу золота и присягнул на верность еще до восхода луны.

5

Городские месяцы были длиннее, чем в календаре племен, и носили более элегантные названия. В начале сезона, который они называли Белая Владычица, первый снег выпал с гор на Эшкорек, припорошив бурый город и желтую землю белым свинцом.

Всю эту зиму я был в ранге бронзовых масок, крепостной солдат и конюх Эррана. Я понял, что если бы мне пришлось выбирать, кому из трех принцев служить, мой выбор пал бы на Эррана. По меркам города он был богат во многих отношениях: рабы, хлебные поля, лошади, а также стада скота, которые все лето паслись на пастбищах, а на зиму пригонялись домой. Он обеспечивал их кормом на зиму, так же как обеспечивал продуктами свои крепости в Эшкореке. Не удивительно, что, как бы ни были злы принцы за мое похищение — их приза, они не да-

вали воли своему гневу. В течение холодных месяцев им скорее всего придется иметь дело с леопардом. Хотя между солдатами того или другого принца происходили постоянные стычки, и ни один мужчина ночью не выходил из крепости без хорошей компании и не вооружившись острой сталью, Немарль и Кортис никогда не говорили с Эрраном резко.

Древний порядок ослабевал несомненно. Кортис и Немарль цеплялись за свои традиции, носили свои лица-фениксы, говорили об утраченном величии и ели за ширмами; Эрран-Леопард говорил о настоящем, о том, какая кобыла должна принести жеребенка, какое поле оставлять под паром, какому солдату нужно повысить ранг, и каждый вечер в сумерках его командиры пировали и пили вино в широком дворцовом зале среди малиновых свечей и полуобнаженных прислуживающих девиц.

Большинство дней я проводил в табуне. Конюший был в ранге бронзовой маски. Он был чужак из Со-Эсса — части армии пяти городов, напавших на Эшкорек. Он был захвачен в сражении, но теперь привык к неволе и гордился прекрасными конюшнями Эррана. От этого парня за месяц я узнал о лошадях больше, чем рассчитывал узнать, практически не слезая с них с раннего детства. Его знали под именем Синий Рукав. Эрран, оставив ему синий цвет Со-Эсса, приправил сомнительную привилегию подходящим титулом. Казалось, Синий Рукав принял эту любезность, во всяком случае, он не называл другого имени тем, кто спрашивал.

Лошадиный парк обеспечивал Эррана и его двор возможностями охоты и состязаний. Это было уединенное владение какого-то давно умершего дворянина на окраине Эшкорека. Эрран заполучил его хитростью и удерживал его сейчас превосходством в численности. Большинство особняков в этом дальнем квартале избежали пушечного обстрела и последующих грабежей, когда сначала Пурпурная Долина, а затем Союз Белой Пустыни насильовали город, прежде чем начали ссориться между собой, и ушли.

Когда я не был с лошадьми, были игры в кости и шанс или более хитроумная разновидность, для которой требовалась клетчатая доска и фигуры из оникса, слоновой кости и зеленого нефрита. Имелись также книги в тонких кожаных переплетах для низших слоев, а золотые лица утыкались своими масками в тома из желтого металла, инкрустированного драгоценными камнями.

Я думал, что моя первая книга доставит мне хлопоты. Я выучил только примитивный шрифт племени, но обладая оккультным даром понимать городской язык, я рассчитывал овладеть и их письменностью. Однако, я откладывал это, просто перебирая книги, пока не увидел, как улыбается какой-то мужчина (он был в маске, выражение лица узнавалось по движению глаз). Тогда я взял книгу и открыл ее, и обнаружил, что могу прочесть, что там написано, без труда. Я повернулся к нему с книгой в руках и прочел наугад несколько строчек из нее вслух в насмехающееся бронзовое лицо. Только потом ко мне пришло удивление. Это казалось мне совершенно изумительным. Но не зная, как управлять этим чудом, я просто снова приспособился к своим свойствам, отодвинув в сторону вопросы и сомнения, как я приспособился и к своей новой жизни.

В Эшкореке я научился также музыкальной игре и обнаружил, что у меня есть способности к этому. Их песни были странными, мелодия неожиданной, но они производили приятное впечатление. Девушка, которая научила меня этому искусству, научила меня также и другим вещам. Иногда, глядя на меня из-под век, она настраивала серебряные струны какого-нибудь инструмента, подтягивая колки, а потом ударяла тонкими пальцами по звуковой коробке, как кошка царапает солнечный луч, и извлекала высокий, изысканный, серебряно-дрожащий звук, похожий на музыку, которую она сама издавала в постели. У меня был широкий выбор девушек в ту зиму, но она мне нравилась очень. Ее имя означало Воробей, и у нее было маленькое розовато-лиловое пятнышко на левой груди, похожее на бабочку.

Помимо девушек, у меня было мало приятелей и ни одного человека, которому я мог доверять.

Золотые и серебряные маски Эррана смотрели искоса на кукушку в своем гнезде. Их отношение ко мне менялось ежесекундно. То они готовы были относиться ко мне как к низшему существу, наряду с Темным Народом, которого можно пинками гонять из конца в конец дворца и не нести за это никакой ответственности, а в следующий момент они вспоминали, что я нахожусь под покровительством Эррана, пользуясь его особым расположением. Я был в его запасном буфете на случай будущей нужды, и меня нельзя было увечить.

Несмотря на клеймо неприкосновенности, я обучился эскирскому искусству боя на мечах и нашел уроки полезными, так как время от времени та или иная группа солдат затевала со мной ссору. Это обычно были бронзовые, как бы равные мне по классу, которые были недовольны введением в их среду незаконнорожденного представителя племен — никто из них, я думаю, не верил, что я потомок Уастис, хотя многие соглашались, что я, возможно, происхожу из чресел Вазкора. Они устраивали мне кошачьи концерты, плевались, и вскоре начинался веселый танец, во время которого они узнавали, что племена выращивают крепких мужчин, как бы они ни ошибались во всем остальном. В конечном итоге все мы бывали в крови, и на ногах оставался один я, и серебряные командиры, наблюдавшие драку, похлопывали меня по спине и пинали своих офицеров в зад, а я в тот вечер был рад наличию слуги, который пробует пищу перед подачей на стол на случай отравления. После первой такой стычки я научился смотреть на эти сцены и снисхождение серебряных как на развлечение. Я думал: ты собака этого человека, так и будь его собакой. Лай, рычи и кусай, а потом виляй хвостом, когда господу похлопывают тебя. Кости ведь очень сочные. А внутри своей собачьей шкуры ты все-таки человек, сын более великого человека, чем вся эта свора злобных дворняжек.

Эрран организовал круглосуточную охрану вокруг меня. Не только те четверо, что скакали всегда рядом со мной в городе, или матерчатоплицы, которые пробовали мое вино и мясо — никто из них не умер; их присутствия было достаточно для отпугивания отравы, — но еще и другие, редко видимые, но вездесущие шпионы Эррана.

Однажды, когда я со своей стражей и еще пятнадцатью всадниками ехал по узкой улице, которая относилась к территории Эррана, с неба выстрелила серебряная стрела. Я воевал в войнах крарла не без того, чтобы приобрести сообразительность и быстроту реакции; я спрыгнул с лошади, как только до моих ушей донеслось тонкое пение древка. И вовремя. Стрела прошла сквозь мои волосы; еще секунда, и она причесала бы мои мозги.

В следующее мгновение через стену перелетел целый рой мужчин.

Нет лучшего места для засады, чем разрушенная заснеженная улица.

Мне было дозволено носить меч, щедрость Эррана, и я косил им вокруг себя с приличными результатами. Но тут я увидел, в чем наша беда. Нападавшие были в основном серебрянолицые, и хотя они были явно врагами, бронзовые в моей группе не стремились запятнать себя косьбой вышестоящего класса. Обычно только командиры бились с командирами, простой воин бился с простым воином. Хотя Эрран старался выбить из них догмы, он все-таки ожидал от бронзовых низкопоклонничества перед серебряными и золотыми в его дворце, и тем самым подорвал теорию в самом источнике. Правда, они сплотились, и их мечи вспороли кишки многим серебряным маскам, но они не вкладывали в это душу, я легко мог предвидеть черное поражение, поскольку нападавших было вдвое больше.

Тут с тех же стен, с которых соскользнули нападавшие, прыгнули городские рабы, Темные Люди, с их синими выбритыми макушками и деревянными лицами-чурбанами, подобно уродливым ожившим изображениям, заведенным каким-нибудь обезумевшим волшебником. Без единого боевого клича или смертельного стоны они ринулись на мечи серебряных масок и прикончили их. По завершении боя рабы молча скользнули назад.

В тот вечер я подошел к Эррану и попросил охрану из Темных Рабов. Он ответил, что таковая у меня всегда была, а кто же еще, по-моему, составил подкрепление?

Бесплодное нападение было организовано Ореком, человеком Кортиса, родственником и обожателем Демиздор. Эрран не стал предпринимать ответных действий. Я был жив. Кортис потерял людей, которых у него и так было мало, и Орека, несомненно, заставят пожалеть о своем порыве.

Прошло три городских месяца, почти четыре по календарю племени. В глубоких верхних долинах далеко на востоке от Эшкорека крарлы пережидали снега в своих палатках. Тот другой мир, с которым я навсегда покончил, казался мне историей, которую я прочитал в одной из эшкирских книг. Я возвращался туда только в своих снах, снова воевал в их войнах и жил по их законам. Мне снилось, что я убиваю Эттука, но не так, как на самом деле, при помощи энергии, которая вспыхнула только однажды подобно молнии, а своими руками или ножом. Снова и снова я сворачивал ему шею или вонзал нож в его пузо; снова и снова он поднимался, кроваво смеясь, и мне при-

ходило с хватываться с ним опять. Был также еще один кошмар, от которого я вскакивал в поту. Я видел в этом сне Тафру, всю черную, в ее черном платье и шайрине, с черными волосами, в которых до последнего дня не было ни одного седого волоса. Она стояла над колодцем, а за ней, ослепительно белая на фоне ее черноты и серого тумана сна появлялась женщина, подобная вампиру, в белом платье, с белыми волосами, и белая ткань закрывала ее лицо. Она долго неподвижно стояла за моей матерью, и Тафра не видела ее. Потом очень медленно эта женщина отводила вуаль от лица, и оказывалось, что у нее не лицо, а серебряный череп, и она не женщина, а большая кошка, рысь. И в этот момент я понимал, что Тафра стоит не над колодцем, а над могилой.

Сны обладают странной силой. Какими бы банальными и детскими мне ни казались их символы, я не мог освободиться от них, и с интервалом приблизительно в двадцать дней я пугал девушек, деливших со мной ложе, тем, что кричал и бился, как будто на меня напала целая армия.

Но однажды наступила ночь, когда сон начался по-старому, и я начал трястись и содрогаться во сне, но внезапно все изменилось. Вуаль упала с лица белой женщины, и открылись только стертые от дождя и непогоды черты статуи, поросшие мхом и безобидные, а моя мать Тафра наклонилась к колодцу, и когда она выпрямилась, она была красива, как в моем детстве.

Это было изгнанием того сна. Он больше никогда не повторялся. И спасла меня от него Воробей, моя музыкальная девушка. Она сказала мне утром, что я кричал во сне, и она шепнула мне на ухо, что все хорошо, не будя меня. Она давно научилась этой хитрой уловке, чтобы успокаивать кошмары сестры, когда они спали вместе в маленькой бедной кровати в бедном квартале Эшкорека.

Несмотря на предложения Эррана, насколько мне известно, ни одна девушка не забеременела от меня, да и ни от какого другого мужчины, коли на то пошло; за все время, что я был там, я ни разу не видел приподнятого над животом пояса, хоть и множество поднятых юбок, которые могли бы объяснить вздутые впоследствии пояса, и детей вообще было мало. Я подозреваю, что городские женщины стали бесплодными, их чрево ссохлось, как мозги их мужчин, от легенд и чрезвычайной великолепной бедности.

Повалил снег и задули ветры. Они грохотали по городу, как призрачная канонада.

Яростные кони любили гоняться с ветром наперегонки. Они проделывали это каждый день, когда их выпускали на равнины парка. Когда я был маленьким, Тафра сказала мне, что в ее племени богом ветра был черный конь; иногда он проносился по склонам, и у кобыл появлялись жеребята. Все эшкурские кони казались детьми этого бога ветра, когда он пролетал мимо, они возбуждались и, казалось, хотели гнаться за ним вслед.

Со-эсский конюший Синий Рукав сказал, что, когда установится мягкая погода, мы отправимся в долины северных гор на весенний отлов лошадей. Он прислонился к тонкому черному кедру и свистнул лошадям, которые с бешеной скоростью носились по коричневому тающему снегу равнины, а мощный ветер трепал их гривы и развевал хвосты.

Слева от нас тесная группа грумов распалась, они указывали на аллею с зелеными гниющими статуями; Эрран приближался на лошади в малиновой сбруе, с ним было около тридцати серебряных и группа золотых. С ними были и женщины, их вуали и накидки вздувались на ветру.

Все мужчины на равнине сдернули свои маски, за исключением тех, кто, как я, был уже без маски. Я почти никогда не утруждал себя своей металлической кожей — произведением какого-то ремесленника в виде головы сокола, — а носил ее, пристегнув к плечу, как делали другие, когда ходили с обнаженным лицом.

Даже некоторые лошади прекратили бег, как будто почувствовали рядом хозяина, и замерли на месте, кося глазом.

Эрран выехал на равнину, сопровождаемый своими спутниками, и осадил лошадь, повернув свою золотую голову леопарда.

— Синий Рукав, — позвал он конюшего.

Синий Рукав поспешил к Эррану. Он поклонился и стоял, отвечая на вопросы кивками и короткими смиренными предложениями. Как все собаки Эррана, он был хорошо вышколен.

Я взглянул в сторону серебряных, особенно женщин. Я видел мало самок этого класса. Они обычно не делили вечернюю трапезу с командирами. Ни одно лицо не было открыто. Даже округлые груди и руки, так часто предлагае-

мые взгляду во дворце, были закутаны от холода. Потом я увидел оленью маску Демиздор.

Я не видел ее сорок или пятьдесят дней, и в последний раз я мельком видел ее на расстоянии. Она прогуливалась в высокой галерее в своем желтом платье, но почувствовав мое присутствие, ускорила шаг и ушла.

Сегодня на ней был черный меховой капюшон, и хотя лицо было еще серебряным, платье было отделано золотом и его бархатные рукава позванивали золотым звоном. Но она была не с Эрраном, а с коренастым золотым Медведем. Он играл ее запястьем в бархатной перчатке, но она смотрела прямо на меня.

Эрран назвал во второй раз мое имя, или то имя, которое мне дали здесь.

— Вазкор.

Я подошел к нему, более неторопливо, чем конюший, положил руку на шею его лошади; она знала меня, я принимал участие в ее обучении месяц назад.

— Мой повелитель.

Несколько дам забормотали, что я не поклонился (я никогда этого не делал), и я услышал, как какой-то мужчина сказал: «Это гордая собака смешанной крови из племени».

— Я говорил Синему Рукаву, — сказал Эрран, — чтобы лучшие наездники продемонстрировали нам способности лошадей. Он прежде всего рекомендовал тебя, Вазкор. Он говорит, никто не может сравниться с тобой.

— А-а, да, мой повелитель, — сказал я, — несомненно, это из-за моей племенной гордости и смешанной крови.

Мужчина, чью фразу я позаимствовал, выругался. Я вежливо кивнул ему и отошел к лошадям, чтобы продемонстрировать свои трюки для безмозглого двора Эррана.

Кроме меня, было выбрано еще трое. Это был комплимент конюшего нам, а не желание угодить Эррану. Но все равно это было мучительно, и мне снова приходилось повторять себе старое заклинание: играй его собаку, ибо ты не его собака; сладкая кость стоит игры. Я еще не выучил тот урок, что когда ты постоянно повторяешь себе, что то-то и то-то стоит этой цены, цена слишком высока и выплачивается слишком часто.

Грумы подвели лошадей. Мы оседлали их и заставили проделать обычные трюки, которые показывают темперамент лошади и доставляют удовольствие всем господам и

дамам, пришедшим посмотреть: прыжки с места, скачки с препятствиями разной высоты, учебный бой коня с конем и наездника с наездником. Эту схватку был выбран продемонстрировать я, и я выиграл ее. Мне было не жаль выбить противника из седла; это был недоумок, с которым у меня были стычки раньше.

Вскоре после этого, когда все было сделано, и мы прогуливали лошадей, трое золотых подошли ко мне со своими серебряными женщинами, и один из этих принцев был Медведь, который сопровождал Демиздор. Во время трудных упражнений я почти забыл о ней и о том, что она перешла в другие руки.

Золотой Медведь взял меня под локоть, а пальцем другой руки приподнял мой подбородок, точно так же, как если бы я был приглянувшейся ему служанкой. Я остановился и посмотрел на него, и чувствовал себя так же глупо, как мальчик, к которому пристал один из гостей его отца, и он не должен поднимать шума, в то время как предпочел бы ответить кулаком.

— Отлично. Я аплодирую твоему мастерству, — сказал новый хозяин Демиздор. — То ложишься с кобылами, чтобы они были такими послушными?

Я не растерялся и, вежливо улыбнувшись, почтительно спросил:

— Вы рекомендуете? Это помогает?

Его друзья рассмеялись. Я был собакой, которая умела шутить, а не только скакать на лошадях. Но золотой Медведь не закончил.

— Что ж, — сказал он, — мы видели фигурные танцы, но не то, как ты укрощаешь лошадь для своего господина. Вот это я бы действительно хотел посмотреть. — С этим он повернулся и закричал Эррану: — Мой повелитель Леопард, разрешишь ли ты, чтобы этот дрессировщик укротил моего зверя?

Эрран разговаривал с Синим Рукавом; он оставил его и подошел к нам. За глазными прорезями маски его глаза блестели пристальным интересом, и более всего другого глаза Эррана говорили мне, что я должен остерегаться.

— Укротить твою лошадь, сударь? Я полагал, что твои звери уже ручные.

— Все, кроме рыжего жеребца.

— Рыжего? Но ты выиграл его в четырехглавые кости месяц назад.

— Да, это так, сударь, и он стал для меня проклятьем.

— Ты, конечно, преувеличиваешь, — сказал Эрран спокойно, наслаждаясь диалогом с несомненным острым предвкушением. — Этот ласковый жеребец нежнее твоей дамы, дамасковой Демиздор.

Если он намеревался предупредить меня — до сих пор я не знаю этого наверняка — он не мог сделать это яснее.

— И все-таки, мой повелитель Леопард, прошу твоего разрешения, — сказал Медведь.

— Ну что ж, если ты доведен до того, чтобы просить, лучше дать тебе разрешение. Ты не будешь возражать против того, чтобы потренировать лошадь этого господина, Вазкор?

— Попросите меня снова, мой повелитель, — сказал я, — когда это будет выполнено.

Медведь хлопнул по плечу одного из своих серебряных, и тот отправился в аллею статуй. Через полминуты по аллее на равнину был вывезен фургон для лошадей.

Ящик представлял собой нечто вроде тюрьмы на колесах, городской предмет, который мне никогда не нравился. Сейчас я и вся компания могли слышать, что в нем действительно была необходимость.

Что-то внутри ящика билось и металось, и ревело, пытаясь вырваться наружу.

Теперь глаза Эррана выражали полное недоумение и удивление.

— Что это, сударь, — сказал он Золотому Медведю, — может ли быть, чтобы твой послушный зверь превратился в демона за одну ночь? Я думаю, нам лучше отойти в сторону, прежде чем это создание выпустят. Мой Вазкор, как ты считаешь, ты сумеешь справиться с этой лошадью?

Я посмотрел в лицо Медведю и сказал:

— Я бы сказал, что этой лошадью уже несколько поманипулировали.

Даже младенец в колыбели мог догадаться, в чем дело. Если они не могли приправить мою пищу, в пищу своих лошадей они могли подмешать что угодно. Судя по шуму, который производит эта лошадь, мой повелитель Принц Медведь напичкал свое животное семенами смерти и для коня и для любого, кто встретится ему на пути.

Я не был так зол со времен мальчишества в крарле Эттука. Зол, что он погубит прекрасное животное ради своего

гнутого злодейства, зол, что я должен рисковать своей жизнью ради театрального представления для них, зол до умопомрачения на женщину, которая, как я знал, стояла за этими хитростями.

Я стоял на равнине, пока господа и дамы двора Леопарда отходили на безопасное расстояние, а безумный конь ржал и бился в своей тюрьме. Даже грумы разбежались, оставив бедного мальчика из ранга матерчатых с непокрытым лицом цвета серого жира, который отодвинул засов на ящике и хлынул прочь, в безопасность.

На этот раз я думал: если я переживу это представление, оно будет последним. Клянусь свиньей-сукой-шлюхой богиней, которая выхрюкнула меня из своего брюха, эта собака предложила свой последний фокус.

Потом конь вылетел наружу, и я перестал думать отчетливо.

Он не был похож на коня. Если я помнил легенды о божестве ветра племени Тафры, это был он, не черный, а рыжий, не ветер, а смерть.

Он вылетел из заключения, как пушечное ядро, весь в облаке пены, и ринулся прямо на меня с горящими глазами.

Я ждал этого. Мои ноги и душа говорили: мчись прочь от него. Но вместо этого я бросился ему навстречу и рванул к его огромной голове.

Я ударился боком о его твердую, как камень, грудь; столкновение почти вышибло из меня дух, разве что я был готов к этому. Я перемахнул через его шею и приземлился ему на спину, как задыхающаяся рыба, выброшенная на вздымающуюся палубу корабля, и ухватился за липкую от пены гриву.

Он завизжал от боли, страха или безумия и встал на дыбы, колотя копытами. Он был скользким от пота. Я цеплялся, как мог, скользил и снова цеплялся.

Я думал, что могу надеяться только повиснуть на нем подобно горной кошке, пока он не умрет от отравы или не сбросит меня и не вырвет зубами внутренности. Внезапно что-то другое нахлынуло на меня. Оно обожгло, как крепкий напиток, даже как приступ вождения. Это было убеждение, что я могу исправить его.

Однажды, уже давно, был такой день, когда я на коленях стоял над двумя самками оленя у зимней заводи и знал, что я отнял две жизни, которые мне не принадлежа-

ли. И сейчас, сжимая мечущегося жеребца, умытого болью и покрытого кровавой пеной, я ощутил его жизнь и его право. Обоим умереть ради каприза трусливого глупца или обоим жить?

Потом все произошло быстро, но отчетливо. Это было похоже на волну, захлестнувшую меня, на свет, который взорвал меня, когда я убил Эттука. Однако в этот раз было иначе. Это можно сравнить с дамбой, сдерживающей море. Море прорывается и выливается наружу, но у него нет плотности, никакой вздымающей силы, никакого бурления, просто слабое сияние в глубине глаз и потом — полный покой.

Конь тоже успокоился. Он стоял, вздыхая и потряхивая головой, как будто смущаясь за свою прежнюю дикость. Он перебирал копытами, как будто исследовал их или ощущение того, что они стоят на твердой почве.

Он выбросил мерзость, которую они ему дали, и усеял ею всю равнину; у дерьма был зеленоватый цвет и кислый запах. Может быть, в конечном счете, это извержение вылечило его, а не моя волшебная сила.

Я дрожал, как будто мне нужна была пища или женщина. Потом дрожь прошла, и я огляделся вокруг.

Придворные Эррана были в растерянности. Некоторые подбадривали меня, как мне неясно помнилось, когда я бесстрашно рванулся к голове жеребца, но происшедшее было выше их разумения.

Золотой Медведь выступил немного вперед, несомненно, пытаясь разобраться и разгадать загадку.

Я соскользнул с коня и крикнул одному из грумов с разинутыми ртами, чтобы он подошел и укрыл жеребца, потому что от него все еще шел пар на ледяном ветру.

Я пошел прямо к Золотому Медведю Демиздор. Я больше не был зол или ошеломлен. Я точно знал, что будет дальше.

В парке я не носил меч, брал только нож для разрезания веревки или чистки лошадиных копыт от грязи. Я вонзил этот нож по самую рукоять в живот Медведя и наблюдал, как он извивается и шатается, пытаясь вытащить его, наконец, он покатился на истоптанный снег и умер.

В городах бронзовая маска не убивает золотого подданного своего господина.

Таков порядок, без всяких исключений.

Мне кажется, я потерял рассудок, когда, вытерпев пре-

бывание в клетке, в то время как следовало отказаться, теперь я отказывался, когда следовало стерпеть. Как и многие до меня, я действовал не в нужный момент и не правильным образом, потому что я должен был действовать раньше и не сделал этого.

Мой гнев иссяк. Я был только непреклонен, сознавая, что все потерял, скорее всего и жизнь тоже, и мне не от чего было отказываться.

Меня привезли назад во дворец Эррана и бросили головой вперед в мою комнату с абрикосовыми окнами. Всякое оружие было убрано, кольцо-ключ изъят; меня заперли.

Вскоре меня посетил Эрран с тремя серебряными командирами.

— Я разочаровался в тебе, — сказал он, — ты глупец.

Я сказал:

— Я расстроил твои планы, потому что ты сделал меня игрушкой идиотов. Тебе следовало лучше разобраться во мне. Глупец ты, мой повелитель.

— Посмотрим, — сказал он.

Он прохаживался передо мной совершенно свободно и без опаски, как будто ему нечего было бояться. Совершенно очевидно, что убивать его мне не имело смысла; слишком много было желающих занять его место.

Он взял одну из книг, лежавших на столе. Он сказал:

— У тебя появился хороший вкус к городским вещам — литература, музыка, любовь... Некоторое время назад, когда я вырвал тебя из рабских тисков Кортиса, кажется, я говорил тебе, как меня зачаровал и заинтриговал процесс заживления твоих ран. Так как ты нарушил закон и должен быть наказан за это, я решил заодно и узнать ответ на мой вопрос. Другой пользы мне от тебя не может быть.

У меня пересохло во рту. Я был бы действительно дураком, если бы не понял, что мне уготовано. Он сказал, спокойно и без лишней холодности, и без возбужденности Зренна:

— Сначала я отрежу твою правую кисть, мой Вазкор. Я смогу тогда сам убедиться, как и ты, кстати, до какой степени твоё тело способно восстанавливать ткани. Потом я выну твои глаза, извлеку твой язык и отрежу дыхательное горло. Если ты это переживешь, мои врачи вынут твои внутренности. Естественно, ты можешь умереть от шока прежде, чем мы дойдем до этого. Если ты выживешь и

сможешь восстановиться — что является спорной и экстравагантной мыслью, — возможно, я восстановлю тебя в качестве своего подчиненного. Было бы недальновидно не сохранить такой приз — совершенно неуязвимый витязь.

Ужас черным червем подступил к горлу, но я не хотел, чтобы он видел это. Я сказал:

— Когда будешь на смертном одре, Эрран, молись, чтобы никогда не встретиться со мной там, куда ты пойдешь.

Он отмахнулся жестом, который говорил: а-а, он опять стал дикарем. Что это за чушь о встречах после жизни? Вслух он сказал только:

— Мы начинаем завтра на рассвете. На сегодня тебе принесут пищу и напитки, женщин, если хочешь. Наслаждайся своими ощущениями, пока они у тебя есть.

Закат покраснел за толстыми стеклами западного окна, но вспыхивал яркими оранжевыми огнями сквозь разбитый хрусталь.

Этот странный и контрастный рисунок был результатом моей ручной работы, которую я выполнял над окном с помощью скамьи, стола, бронзовых чаш и кувшина. Тщетно. Свинец держался. Стекло раздробилось на части, но ни одна не годилась на оружие.

Задолго до того, как солнце опустилось, рисуя свои зловещие узоры света на оконном переплете, я занялся исследованием своих мрачных перспектив. Что я неожиданно наткнулся на какое-нибудь средство борьбы в последнюю ночь, или что завтра я мог бы пригласить к себе парикмахера, чтобы он побрил меня до прихода стражи Эррана, силой позаимствовать у него бритвы и применить их как-нибудь. Другие безумные мысли кружились в голове. Я мог бы соблазнить часовых, поставленных у моей двери; они были бронзовые, пристрастные к вину... выхватить меч, вырваться — меня бы схватили и убили, ничто другое не представлялось возможным, но не разрубали бы до смерти, как живой кусок мяса, и кое-кто погиб бы вместе со мной. Потом я мечтал о том, что смогу-таки как-то уйти от них, зная, что это — лишь мечты.

Окно потемнело, и сквозь разбитые стекла ворвался ветер.

Через час после захода солнца дверь открылась. Серебряный командир и десять бронзовых стражников вошли, чтобы проследить, как двое в матерчатых масках расставляют мой обед. С извращенным великодушием Эрран

прислал мне превосходную еду. Когда его люди ушли, я поел немного, думая подкрепить себя для бравады, но во рту был привкус пыли и пепла, и я скоро оставил попытки.

Я слышал, как играет музыка за стенами моей тюрьмы. Ночью в Эшкореке всегда звучала мелодия или песня.

Я с силой ударил кулаком по свинцовой оконной раме, потому что эта ночь была не для песен.

Еще позднее дверь открылась снова.

Она лишь приоткрылась, и в щель прокралась единственная фигура, заключительная жуткая шутка. Эрран прислал мне мою последнюю женщину.

Свечи дымили; сначала я не смог различить ее. Стройная, закутанная в тонкую ветхую кисею, в проблеске света мелькнула бронзовая маска — я собирался нагнать, но сдержался.

— Воробей, — сказал я, — из всех их он не должен был присылать тебя ко мне.

Но она была слишком высока для Воробья. Внезапно кисея соскользнула с ее волос, и свет свечей ослепительно вспыхнул на них. Она подняла руку, чтобы стянуть маску, и на этой руке от пальцев до локтя была алая перчатка из крови.

Демиздор была моей гостьей, и в ее руке влажно блестел красный нож.

6

Лицо ее было белым. Она сказала, как будто это все объясняло:

— Я убила твоего стражника. Там был только один.

Должно быть, я направился к ней, потому что она протянула кровавый нож рукояткой ко мне.

— Что это может быть? — сказал я. — Эрран послал тебя сюда, чтобы я мог перерезать тебе горло в качестве последней земной радости?

— Эрран? Эрран не посылал меня.

— Зачем ты тогда пришла? Тебе так хочется ощутить вкус земли во рту?

Она сказала каменным голосом:

— Ты можешь убить меня, но тогда тебе никогда не уйти от них.

Я взял ее за запястье и вырвал кинжал из ее пальцев. Я сказал:

— То, что я должен умереть — твоих рук дело. Ты поощряла своего Золотого Медведя на его развлечение.

— Да, — сказала она.

— Тогда ты счастлива. Зачем говорить о побеге? Зачем убивать стражника?

Ее глаза были прикованы ко мне, пустые, как два зеленых камешка на бесцветном лице.

Она сказала так, как будто я ничего не произнес:

— Эрран поставил только одного бронзового у двери. Поскольку у тебя никого, кроме врагов, здесь нет, Тувек, принцу не пришло в голову, что кто-нибудь придет к тебе на помощь. У тебя есть друзья только среди женщин-усладительниц, а они никогда не осмелились бы помочь тебе. За исключением одной. Я призвала твою музыкальную девушку и взяла взаймы ее одежду и маску. Она скажет, что кто-то украл их у нее, если ее спросят, но я не думаю, что спросят. Дорога, по которой я тебя проведу, известна только очень немногим из золотых и серебряных; бронзовые ничего о ней не знают. Когда я подошла к этой двери, я сказала часовому, что Эрран послал меня к тебе на ночь. Когда он повернулся открыть дверь, я ударила его ножом. Я сделала это неуклюже, но он мертв. Я взяла кольцо-ключ. Другой стражник придет сюда через час, в полночь, когда они меняют караул. Нам надо спешить.

— Ты и так идешь слишком быстро для меня, — сказал я. — Я покончил с тобой, а ты — со мной, девушка. Я ни в чем не доверяю тебе.

На это она издевательски улыбнулась.

— Ты все еще дикарь, Тувек? Ты откажешься от своего единственного шанса только потому, что я даю его?

— Зачем давать его, в таком случае?

— Зачем, — повторила она. Что-то дрогнуло в ее пустых глазах, и рот ее задрожал. — Потому что я не могу избавиться от тебя. Потому что моя душа беременна ребенком, и этот ребенок — ты, и я никогда не смогу родить его, или освободиться от тебя. — И она схватила мои руки и впиалась в них ногтями, и неподвижно и пристально смотрела на меня.

Я не сказал ей ни слова, потому что слов не было. То, что было во мне к ней, давно умолкло. Ее страсть и ее боль смутили меня; они не изменились или даже еще разрослись под маской презрения и ненависти.

— Значит, ты хочешь, чтобы я ушел отсюда, — сказал я. — Очень хорошо. Я готов.

Она отпустила меня и отвернулась, чтобы спрятать то, что незачем было скрывать, потому что я все уже понял.

Стражник лежал в крови на пороге. Он был вторым мужчиной, которого она убила из-за меня. Я взял его пояс с оружием и его маску и надел их, надел свой плащ и нагнул капюшон из волчьей шкуры, чтобы скрыть свои слишком легко узнаваемые волосы. Она сказала, что там, куда мы пойдем, холодно, и никто не удивится моему капюшону. Она также сказала, чтобы я завернул свой несъеденный обед и спрятал под рубашку — мне понадобится еда в моем путешествии.

Я вышел за ней в коридор, а потом в следующий с некрашенными каменными стенами, слабо освещенный редкими факелами. И все время я ожидал, что новый поворот может привести меня на чей-нибудь меч, что это была новая забава двора. Однако под этим беспокойством была спрятана уверенность, что она была верна мне, моя городская жена, и все было так, как она сказала.

Наконец мы вышли на открытую часть дворца, и я в последний раз увидел Эшкорек, его кратеры черноты и ослепительно сияющие башни. Потом мы подошли к лестнице, завернули под ней за угол, и Эшкорек исчез из виду.

Мы спустились в подвалы, глубины дворца Эррана.

Дважды нам встречались группы Темных Людей. Первая тяжело трудилась среди бочек и цистерн при слабом красном свете факелов; вторая группа проходила из одного сумрачного помещения в другое, минуя нас во мраке, как будто мы были невидимками. Только однажды мы натолкнулись на бронзовых, вероятно, надсмотрщиков за рабами. Они сидели, ворча и играя в кости при свете жаровни, и подтолкнули друг друга локтями при виде нас, но не учинили никакого препятствия. Когда они остались позади, я спросил Демиздор, почему так. Она сказала, что подземные переходы служили общим проходом в спальни принцев наверху.

Кроме этих и подобных вопросов, мы ни о чем не говорили.

Я не знал, куда она ведет меня, но решил, что на какую-нибудь не часто используемую дорогу, ведущую с территории Эррана или вообще из Эшкорека.

Мы вошли в коридор без выхода, и я догадался о его

секрете еще раньше, чем Демиздор уверенно нажала на место в стене, и она повернулась, открыв проход. За стеной была чернота и запах старых костей.

— Я не вижу в крошечной тьме, госпожа, — сказал я.

— Путь без света очень короткий, — сказала она, — но ты должен взять меня за руку.

Так, рука в руке, мы вступили в плотную ночь, и стена захлопнулась за нами.

Эта рука была очень маленькой и холодной, она прижималась ко мне помимо своей воли. Она заставила меня вспомнить, эта рука; вызвала в памяти осколки того, что было. Она разбудила мою жалость, заставила думать о ее боли.

Затем чернота стала рассеиваться, и она отодвинулась от меня.

Мы прошли под улицей, в мостовой над головой местами появлялись просветы, пропускавшие сумеречный звездный свет.

Здесь все окаменело, даже крысы не шуршали.

Скоро просветы закрылись над нами, и тоннели разбежались по сторонам, и все осветилось ровным сиянием, как в морской пещере, где не видно источника света.

На каменных стенах проходов виднелись слабые отметки; я думаю, она находила дорогу благодаря им.

Наконец, она провела меня еще через одну волшебную стену в огромный подземный зал с обвалившимися колоннами, и здесь стоял черный конь в упряжи, к седлу был привязан мешок.

Ее изобретательность поразила меня. Я видел, что она планировала быстро и тщательно; ее голова наверняка начала работать над этим планом в ту же секунду, как мой нож вошел в живот ее любовника.

— Конь сильный, — сказала она. — Я привела его сюда другой дорогой на закате, с ним немного еды, питья и других вещей для твоего путешествия. Я не могла достать много, иначе мои действия привлекли бы внимание. Есть кремни и связка смоляных факелов, которые понадобятся тебе позже. — Она говорила спокойно, как будто была незнакомкой, у которой я спросил путь. Она указала в сторону пространства позади коня и сказала: — Проход у покосившейся колонны. Иди по нему, никуда не сворачивая. Вскоре ты увидишь отметку в виде змея на левой стене. Положи ладонь на его голову, и он откроет для тебя стену. Ты запомнил, что я сказала? Я не пойду с тобой дальше.

— Я запомню, — сказал я. — Куда же ведет этот путь?

— Этот тоннель проходит прямо под горами к юго-востоку от Эшкорека, — сказала она. — Я не знаю, где он кончается, но это будет далеко отсюда. По нему придется ехать девять или десять дней.

— А ты? — сказал я. — Ты скажешь Эррану, куда я делся?

— Я не скажу ему.

— Он заподозрит тебя в соучастии и заставит сказать.

— Нет. Он может сам догадаться. Принцам известно об этом тоннеле, хотя мало кто из них испытывает желание входить в него. Его построили Сгинувшие, те, кто был раньше нас, наши предки, после которых мы выродились.

Она умолкла, в ней не было больше ни ярости, ни мольбы, только отстраненность, как будто душа покинула ее, и ее глаза казались слепыми. Я подумал о тех ночах и ослепительных днях, когда мы любили друг друга, и в моем мире была только Демиздор, и как она сказала мне: «Однажды ты пожалеешь, что взял меня». Теперь была только эта красивая, незнакомая, нелюбимая посторонняя, убийца и спасительница одновременно.

Я сказал:

— Может быть, для тебя безопаснее было бы поехать вместе со мной.

Она сказала:

— Не предлагай мне отбросы. Я буду в достаточной безопасности здесь; это мой народ.

А потом она спокойно и коротко рассказала о последних часах в крарле, до того как ее родственники забрали ее. Как она думала, что я умираю или умер, как воины изнасиловали ее, привязали и возвращались насилловать снова, как она лежала, ожидая своей смерти, о боли, стыде и гневе, и страже — обо всем она рассказала мне, пока я не запомнил этот свой урок наизусть.

Потерять любовь и узнать, как ты потерял ее, когда не было вины у обоих, подобно слепым детям, на ощупь пробиравшимся в темноте — в этом была острая, как лезвие ножа, боль.

— Демиздор, — сказал я, — пойдем со мной. Мы можем быть друзьями, по меньшей мере.

— Но мне не нужна твоя дружба. Я хочу твоей любви, и в то же время я не хочу ее. Иди, или я прокляну тебя. Это проклятье пристанет, потому что женские проклятья более жестоки, чем ваши.

Я увидел, что убеждать бесполезно. Я повернулся, отвя- зал лошадь и вскочил в седло.

Когда я пересекал зал, она окликнула меня, назвав по имени, которое я носил в племени.

Поэтому я оглянулся. В племенах говорят, что это приносит несчастье. Тафра однажды шепотом рассказала мне историю о воине, которого заманила в Черное Место женщина, и он уже почти обрел свою свободу снова, но ведьма произнесла его имя, и он посмотрел через плечо, и она затянула его назад лисьим огнем в своих глазах.

В глазах Демиздор не было огня. Я с трудом мог различить ее во мраке, только бледное лицо и бледную руку.

— Ты моя жизнь, — сказала она.

И она шагнула прочь в темноту и растворилась, как дым.

Я не окликнул ее. Я предвидел, что она не ответит.

Я въехал в тоннель и больше не оглядывался.

Часть II: Охота на волка

1

Одиннадцать ночей и десять дней я ехал по этой магистрали. Судя по другим проходам, открывавшимся в зал с обвалившимися колоннами, многие большие дома Эшко-река имели доступ к подземному городу и к древнему тоннелю. Во дворце Кортиса, без сомнения, был один из таких входов. Иначе каким образом Демиздор могла знать об этом месте и секрете открывающихся стен, если только она не узнала об этом где-нибудь еще? Кроме того, позднее другие отправились этим же путем и не через подвалы Эр-рана.

Найдя змеиную отметку на камне и нажав на нее, я выступил в узкий низкий переход, поблескивавший светом от зеленых и серых грибков, с гнилым и сырым запахом подземелья. По этой секции пришлось осторожно схватить около часа, иногда сгибаясь вдвое, чтобы не задеть потолок. Потом проход снова превратился в какой-то зал или пещеру, и стало так темно, что я не видел вперед и на дли-

ну ножа. Я остановился, высек огонь при помощи кремня и зажег один из факелов.

Смола вспыхнула, но вскоре пламя немного осело, потому что воздух был тягучий и спертый. Высоко над головой, куда не достигал свет факела, шуршали летучие мыши, если это были они, мне не удалось рассмотреть.

Пол был ровный, и конь шел легко, хотя мы двигались медленно по огромной пещере, границ которой не было видно по сторонам, и впереди все еще было темно.

Затем в свете горящей смолы что-то сверкнуло впереди в вышине, потом снова. Подняв факел на высоту вытянутой руки, я разглядел нечто, что заставило меня вслух побожиться именами богов, о которых я и не подозревал. Это была не пещерная стена, а стена из обработанного камня, и в ней была открытая арка, выше любой башни в Эшкореке Арноре, шириной в семь улиц. Свод арки был из плиты красного мрамора, которая блестела далеко в вышине, как рубин в полутьме; свод поддерживали две колонны из черного полированного гранита, густо обвитые от основания до вершины змеиными кольцами из чистого золота. Массивные змеиные головы с капюшонами в форме сердца образовывали капитель. Каждая колонна была приблизительно в сотню футов высотой; высота кроваво светящегося свода — почти сто двадцать. И на мраморе золотыми буквами было высечено название этого колоссального входа, представлявшее собой самый неожиданный из парадоксов:

САРВРА ЛФОРН *Путь Червя*

Я сидел на лошади, неподвижно уставившись, с факелом в руке. Все это сооружение было дивным выражением злобной насмешки, все еще сохранившим свежесть, хотя и создано было на заре мира; шутка и великолепие, которым суждено пережить землю.

Я вспомнил ее слова. Они построили его, кто бы ни были эти они — раса, после которой «выродился» ее народ, сверхъестественные божества, которым незачем было есть или сидеть на корточках, и которые, вероятно, обладали беспредельными богатствами и бесчисленным количеством рабов. И в меня закралась мысль, что я, подобно принцам Эшкорека, не хочу проходить этим древним пу-

тем, этим Сарвра Лфорн. Но у меня не было выбора, я был беглецом, за которым, возможно, уже сейчас шла погоня, и предательство и хитрость указывали им путь.

Я направил коня вперед. Он замотал головой, как будто хотел продвигаться вперед не больше, чем я.

Громадный проем арки подхватил стук копыт, потрескивание смолы и даже, казалось, звук моего дыхания, как гигантский барабан.

А потом я въехал в тоннель.

Атмосфера сразу изменилась. Факел разгорелся, потому что с высоты струился свежий воздух. Там стоял сухой полупряный запах, тонкий, приятный, жутковатый, как будто всего лишь полчаса назад на этой дороге, по которой наверняка никто не ездил больше сотни лет, жгли ароматные благовония и играла музыка.

Тем временем факел как мечом ударял по тысячам оттенков сверкающего цвета, по драгоценным камням и металлам.

Пыль только слегка приглушила это сияние. Разрушение едва коснулось этого места своими гнилыми пальцами. Это был заколдованный леденец, застрявший в горле времени.

Факел освещал только небольшие фрагменты, как кусочки мозаики, которые мне надо составить вместе, и, разбирая их, я был рад до глубины души, что не увижу их все разом одним взглядом.

Широкий зал обрамляли колонны, стройные пунцовые стебли с цветочными головками, золотыми лотосами и орхидеями, которые смотрелись в потолок, как в черное зеркало. Там висели лампы, сейчас опутанные паутиной.

Вдоль дороги бежала мраморная мостовая. За ней поднимались стены тоннеля рыжего эшкирского камня, отполированные до ледяного блеска. Они были украшены лепниной и разрисованы картинами. Сначала я решил, что они живые, эти фигуры, нарисованные там, настолько они были достоверны, а пейзажи за ними, казалось, простираются в глубь стен, чего никак не могло быть, но выглядело это именно так.

Они были любопытные, эти фрески. На них люди летели по воздуху, иногда крылатые, чаще бескрылые, всегда в полете над широкими равнинами и зубчатыми пиками, а лук зарождающейся луны или красный глаз садящегося солнца — под ними. Любовники лежали в обнимку с необ-

жигающими пожарами или ехали верхом на рыбах, или развлекались со змеями, пантерами и львами. Все эти люди-картины были колдунами. Они могли укротить ветер или послать его в полет, позвать зверей, вызвать огонь, успокоить океан... И еще одно я заметил в них, кроме их магических сил и красоты, — некоторые были очень темно-волосы, как мой отец когда-то и как я; но большинство из них были бледными, бледнее даже, чем раса Демиздор, не блондины с нефритовыми и синими глазами, а белые, как алебастр, с глазами из белого пламени.

Белые, как Уастис, моя альбиноска-мать.

Белые, как очищенная кость.

Тоннель был так построен, что можно было скакать по нему галопом, не встречая препятствий. Однако не доверяя совершенству мостовой — где-нибудь впереди могла обрушиться крыша, встретиться какая-нибудь неясная опасность, названия которой я не знал (и хотел, чтобы она осталась безымянной) — я пустил коня быстрым парадным шагом. Он был сильный, умный зверь; так мы проехали несколько миль.

Потом факел начал дрожать и тлеть, и на меня навалилась усталость, такая же, как у моего факела.

По моим предположениям, приближалась заря. Мне было любопытно, гнались ли уже собаки по моему следу, или там все еще были в замешательстве по поводу моего побега. Но каковы бы ни были их планы или мои, потребность во сне придавила меня свинцом. Я сознавал, что так долго оставался без отдыха не из-за мысли о погоне, а потому что не испытывал особого желания останавливаться здесь, тем более забыться сном в этой экзотической пустыне.

В этот момент задыхающийся факел обнаружил неожиданную вещь в стене справа от меня — овал бесформенной темноты.

Охваченный любопытством и беспокойством, я нагнулся посмотреть и различил в углублении вход, который, вероятно, вел в какое-то внутреннее помещение.

Я был заинтригован, и, отбросив детские страхи относительно духов и обмана — для которых в противовес моим рациональным рассуждениям это место сделало меня определенно хорошей добычей, — я проехал между колоннами на мраморный тротуар в углубление.

Это действительно была внутренняя комната, обстав-

ленная как жилье, очевидно, для божественных людей, которые путешествовали в тоннеле.

По меньшей мере занавес, висевший перед входом, был из тленного материала. Он рассыпался на пыльные частички, когда я отдернул его, и у меня появилось чувство, что я ошибочно потревожил что-то, к чему не должен был прикасаться.

Затухающее пламя факела еще раз пробежалось по большой комнате, выхватывая, как и раньше, отдельные предметы. Слева от меня стояла подставка со свечами на пиках с человеческий рост. Нужно было только протянуть руку и дать остаткам моего факела поцеловать их воск и разбудить свечи. Через несколько секунд теплый свет залил вход и показал мне такие же подставки по всей комнате. Какая-то странная и непреодолимая сила заставила меня слезть с коня, взять в руки одну из свечей и обойти всю комнату, зажигая огонь везде, где он мог гореть. Возможно, это были их чары, прежних обитателей, они хотели, чтобы я увидел великолепие, которое было памятником им. Я помню, что потом я считал себя глупцом из-за своих действий и предчувствий в тоннеле.

Это была красивая комната; ничего другого я не предполагал. Потолок был цвета зеленого оникса, резьба на нем превращала его в лесную крышу из листьев и виноградных лоз, которые благодаря игре света и тени как бы трепетали на легком ветерке. Ковры и драпировки превратились в тонкие паутинки; прикоснешься или встанешь на них, и их больше нет. В остальном обстановка сохранилась: любовные лежа в виде спаривающихся лебедей из слоновой кости и эбонитовых кошек, вазы из халцедона. Я наткнулся на огромное серебряное блюдо с фруктами, чистыми, как будто их только что сорвали. Запустив в них руку, я вытащил яблоко из прохладного хрусталя цвета красного вина, янтарный персик и виноград, ягоды были из черного турмалина, а листья — из нефрита: игрушки мужчин и женщин, считавших фрукты украшениями, так как им незачем было заполнять свои животы.

Казалось, что легенды говорили правду. Было еще кое-что. Золотая дверь вела в просторную ванную комнату. Я нашел ее неожиданно и вошел посмотреть. Вделанная в пол ванна была заполнена мхом, а золотые краны-дельфины не брызгали больше водой. Не хватало еще одного предмета. Привыкнув к нему в Эшкореке, я стал искать. Я

глупо ухмыльнулся и испугался — рассказа, реальности этого совершенно другого мира. Унитаз не было.

Это было похоже на грубую шутку, на удар по лицу.

Любой человек, проходивший по их тоннелю, должен был оставлять свое дерьмо, как крыса. Но позднее я обнаружил узкие пропыленные уборные, которые они построили для смертных рабов, чтобы они не пачкали магистраль. Испытываешь какой-то черный позор, когда чувствуешь такую безнадежность.

Наконец я привязал и накормил коня; Демиздор предусмотрела все нужды. Я лег спать. Не на одно из любовных лож, откровенных и бесстыдных, а на покрытый паутиной пол, завернувшись в свой плащ.

Сон захватил меня внезапно и был глубоким, но не приятным. Ибо с приходом сна картины на стенах ожили...

Надо мной стояла женщина. У нее были крылья из света, и она была одета в свет; лицо ее было подобно звезде. Она коснулась меня ногой. Я не мог ни подняться, ни пошевелить конечностями.

— Вазкор, человек, волшебник, воин, Черный Волк, — сказала она. — Повелитель войны, король, глупец, мертвец, производитель сына. Вазкор, сын Вазкора. Кто твоя мать?

В моем сне я принял ее за духа, и волосы зашевелились у меня на шее, как будто там ползали муравьи.

Потом я бродил в запутанном лабиринте из белого мрамора, пытаюсь добраться до тарелки с фруктами, поставленной для меня в центре. Божественная раса заперла меня в лабиринте для развлечения, чтобы посмотреть, насколько сообразительным может быть низшее человеческое существо. Я слышал их смех и как они заключают пари на мой счет. Когда я выбирал неправильный поворот, женский голос резко кричал: «Нет, Вазкор, не туда». (В Эшкореке я видел подобное времяпрепровождение золотых и серебряных масок. Они помещали мышь в миниатюрный лабиринт и наблюдали, как она мечется туда-сюда в поисках пищи. Если она находила блюдо, они ее награждали и превращали в любимчика. Некоторые создания погибали от голода, не решив задачу.)

Один раз в этом сне я летал. Воздух надо мной был сумеречно голубым, и я отбрасывал черную тень на равни-

ну, лежавшую внизу. Впереди меня белым голубем порхала женщина. Я поймал ее за волосы, и это оказалась Демиздор, в руке у нее был кинжал. Я сказал ей: «Мы солнце наших достижений, не больше и не меньше». — А она сказала мне: «Вазкор, ты смертный человек». — И она вонзила кинжал в мой мозг по рукоятку.

Боли не было, только ослепительный свет и слепота; а потом ощущение ледяной воды, а в воде — миллионы ножей.

Я вскочил, мокрый от собственного холодного пота.

Я думал: неужели так должно быть, что я — поле битвы для них, моего отца и моей матери? Он сделал ей меня, и она наслала на него какое-то проклятье, и он умер, и они будут разыгрывать эту пьесу вечно?

Потом я некоторое время лежал без сна, не в силах подняться и продолжать путь. Когда я снова заснул, пришли другие сны. Мне предстояло привыкнуть к ним в этом путешествии.

Красота тоннеля становилась монотонной; он не менялся.

Обычно после многочасовой скачки я искал изысканную комнату для отдыха, чтобы поспать. Каждый раз мне приходилось собираться с мужеством, чтобы встретить сны. Духи как будто слетались поиздеваться надо мной. Но в конце концов даже этот мелкий кошмар потерял остроту. Я проснулся невредимым и совершенно очнулся; никакие фантомы не преследовали меня. Моим врагом был мой собственный мозг и темное происхождение, ничего больше.

Иногда апартаменты в тоннеле достигали вершин фантазии. Одна стоянка была отделана всеми оттенками красного цвета: потолок из земляничного стекла, мебель раскрашена лампами красной меди, и даже блюдо полированных гранатов, вырезанных так, что они напоминали сливы, но почему-то я никогда не пытался унести их. Были другие комнаты, подобные этой, все в зеленых или черных тонах, — все были просто кладами для воров, но их никогда не грабили.

Были также изящные пикантные сюрпризы. Маленькая серебряная арфа, оставленная лежать на ложе, как будто ее положили мгновение назад, и еще через мгновение хозяйка — это была женская арфа — вернется и возьмет ее снова. Или игровая доска, как для «Замков», только

фигуры были из золота и эмали и стояли на своих клетках; игра останется навеки незаконченной.

На восьмой день сны начали иссякать; вернее, у меня был сон пробуждения, который относился к моей прежней жизни и людям, которые населяли ее.

Этот сон был подобен погоне, которая настигла меня теперь, когда я был один, и у меня было время вспоминать. Действия человека, кажется, всегда преследуют чувства вины, разочарования и меланхолии. Всегда есть что-то, вспомнив о чем, говоришь: если бы не..., я бы...; или если бы..., я бы не...

О другой погоне я получил предупреждение на десятую ночь.

Я считал время в днях и ночах, хотя не мог видеть их смену, придерживаясь первоначальной оценки прошедших часов. Племена считают по солнцу и луне, положению звезд и теням; в городах есть другие способы, большие железные механизмы, часы с маятниками и водяные часы. Таким образом я научился двум способам: старому инстинкту, полученному мной в крарлах, и средствам измерения в Эшкореке. В тоннеле все, что находилось под рукой, становилось средством измерения времени: продолжительность горения свечи или факела; часы желудка, голода и жажды, сон. Когда я выйду на поверхность, я немалого ошибусь, по моим расчетам...

В ту десятую «ночь», спешившись, чтобы напоить коня из плоского сосуда, который дала Демиздор, я услышал позади себя звук, где-то в дальнем конце магистрали. Это было едва различимое постукивание, чуть больше, чем вибрация, беспрепятственно передаваемое через каменную дорогу, стены и полированный свод: копыта несущихся галопом лошадей.

Мой собственный конь не устал; он до этого момента шел легким шагом. Я дал ему напиться, потом вскочил в седло и пустил его шагом. Вскоре, когда он размял ноги, я слегка хлопнул его по боку, в более сильном поторапливании эшкирского зверя не было нужды, и он рванулся вперед, как будто был рад движению.

Мне пришлось положиться на удачу, если она у меня была, что не произойдет внезапного проседания дороги и не встретится никакого другого препятствия. До сих пор дорога шла в основном прямо и всегда была чистой, факт, который люди позади меня, казалось, сочли как само со-

бой разумеющееся, судя по скорости их движения. В любом случае, мне нужны были крылья, потому что они отставали всего на один день пути или даже меньше.

Сны и воспоминания слетели с меня.

Путешествие приняло более естественные, однако не менее зловещие границы, и у меня, во всяком случае, не было запаса времени на сон в следующую «ночь» — это было очевидно.

Ибо погоня началась.

2

Мой конь был здоров, как бык. Он пронес меня через десятую ночь со скоростью копыя; на десятый день после того как я дал ему и себе отдохнуть пару часов, он снова пустился в полет, как будто для него было делом чести, чтобы я ушел от погони. И в самом деле, на одиннадцатую ночь, последнюю в тоннеле, когда глаза у меня слипались, а голова кружилась от недостатка сна, я начал думать, что моя городская жена, дитя волшебного рода, наложила на коня волшебное заклинание, чтобы он мог лететь без устали.

Мой последний факел догорел в предыдущий «день», и я присвоил золотую лампу из одной комнаты отдыха и зажег ее. Мне не хотелось использовать их оснащение, но у меня не было выхода.

Приблизительно в полночь, по моим подсчетам, я спешился, встал на колени и приложил ухо к мостовой. Вибрации от копыт не было; без сомнения, охотники отдыхали ночью. Я поспал три часа, соблюдая обычную предосторожность и положив сбоку железную фляжку с водой; нужно быть при смерти, чтобы не поворачиваться во сне примерно через час, и твердый предмет будил меня каждый раз, и каждый раз получал крепкое ругательство, но без него я не проснулся бы, пока собаки не схватили бы меня за горло.

Проснувшись и все еще не слыша шума, я пару часов шел рядом с конем, не садясь на него, чтобы сохранить его силы. Я не собирался расставаться с ним даже в конце тоннеля.

Если у тоннеля был конец. Может быть, он был заколдован и не имел конца?

Потом лампа затрепетала и внезапно погасла.

Воздух испортился; у него был кислый запах. Конь дернул головой и захрапел, а у меня перехватило дыхание. Я подумал: теперь я задохнусь в темноте — прекрасный исход моего побега. Но оказалось, что я не в темноте. Когда глаза привыкли к темноте без лампы, я смог различить впереди кучу камня, и сквозь нее шел серый луч, который, хоть и очень слабо, но указывал на внешний мир.

Мы осторожно пробирались через эти дебри — у меня было впечатление, что огромный кусок крыши обвалился здесь в результате сотрясения земли. Это был единственный удар по тоннелю. До тряски там была широкая лестница и, возможно, еще одна арка таких же размеров, что и первая, чтобы унижить человека. Сейчас же был только камень и выход между разбитыми глыбами.

Скоро я дышал воздухом мира, и запах этого воздуха был ароматным, как цветы. Конь встряхнул гривой и оттолкнулся от земли копытами.

Тоннель выходил на дно долины, которая лежала между видневшимися вдаль пологими холмами, черно-зелеными в предрассветный час. Выход смотрел на юг — слева солнце поднимало голубую вуаль тумана, это было солнце самого начала весны, у которого, казалось, нет тепла и энергии, но оно все-таки очищало землю светом.

Солнце. Как и воздух, оно было лучшим из всех солнц, которые когда-либо вставали над землей. Мне хотелось кричать от чистой радости, что я снова наверху.

Я посмотрел назад; горы таяли далеко на севере и западе, их подножия были скрыты туманом, а вершины блестели в лучах восхода, как острова в небе.

Я сел в седло, и конь рванулся галопом на юго-восток. Относительно направления у меня было только два соображения. Во-первых, преследователи могли решить, что я отправлюсь назад на восток, север и даже запад, на старые маршруты племен, чтобы затеряться среди своего народа. Во-вторых, самый короткий путь к морю лежал на юго-восток. Море было явлением, которое сам я никогда в глаза не видел, но, по сказкам, оно казалось последней и окончательной точкой судьбы-пути. Край океана, край земли, край бездны. Кто бы решил, что преследуемый волк победит в ту сторону?

Свежий воздух опьянил меня оптимизмом. Продукты у меня кончились три дня назад; я поднял камни с дороги и

использовал пояс в качестве рогатки, чтобы добыть себе зайца на обед, трюк, которому я научился еще в мальчишестве. Теперь, когда я выбрался из тоннеля и местность шла на подъем, я постоянно следил за дорогой позади меня. Не увидев признаков преследования в течение дня, ночью я развел костер во впадине между низкими холмами, где росли молодые дубы, и зажег зайца, в то время, как конь весело щипал весеннюю траву. Между деревьями был даже пруд для питья. Эти обычные вещи были царским даром после скупого великолепия подземной дороги.

Я снова пустился в путь до рассвета. Выиграв время, я не собирался терять его снова.

Местность была по большей части холмистой, хотя к востоку лежала плоская, туманная равнина, блестящая бесчисленными зеркалами зеленой воды, так что временами казалось, что куски неба упали среди зарослей ивняка; край какого-то болота, которое я, к своей радости, миновал.

На вторую ночь мне встретилась пещера. Я спал так удобно, что потерял несколько часов езды.

В тот день дорога резко пошла вверх. Местность была неровная, покрытая травой и редким лесом из елей, сосен и дубов. Местами возвышались скалы, увитые плющом, и то тут, то там мелькали высокие белые холмы известняка, старые карьеры, уже давно заброшенные и обрызганные ранними желтыми полевыми цветами.

Поднявшись достаточно высоко, я несколько минут стоял среди деревьев, оглядывая местность внизу и позади себя. На севере шел дождь, скрывая из виду дальние горы. Вскоре между стеной дождя и солнечным светом я различил группу темных пятнышек. Это была погоня.

Они были уже меньше, чем в одном дне пути от меня, и двигались в моем направлении. Возможно, они видели меня на фоне горизонта или заметили следы копыт на более мягкой почве пограничных с болотом склонов.

Я с горькой иронией вспомнил, как я сам взял след эшкирских поработителей через горы прошлой весной, ориентируясь по их следам и отпечаткам копыт их лошадей.

Я разделил зайца на части накануне, но сейчас не стал есть сегодняшнюю порцию, а продолжал скакать дальше. С восходом луны я спешил, чтобы дать коню отдохнуть, но продолжал идти вперед, ведя его на поводу. Я принимал меры предосторожности с тех пор, как рассмотрел по-

гоню, прячась между деревьями или крадучись пробираясь в тени холмов.

Когда погоня была так близка, я больше нуждался в стратегии, нежели в скорости.

В конечном итоге я пришел к мысли, что мне придется расстаться с моим конем.

Старейшая уловка преследуемого — спешиться и пустить коня вперед, чтобы сбить с толку тех, кто идет по следу, однако это нелегкий шаг. Когда конь уходит, он уходит навсегда, и ты остаешься пешим, наполовину медленнее продвигаешься и становишься вдвое более уязвимым, чем прежде. Но ты не можешь приказать своей лошади не оставлять после себя навоз или не делать копытами вмятин в грязи, и если ты не хочешь, чтобы он пал мертвым, задохнувшись от бега, ты можешь заставить его гнаться только до определенного предела.

У погони был умный проводник; я пришел к этому выводу логическим путем. Он хорошо читал лошадиные следы. Наступил пятый рассвет, и я увидел всадников, собравшихся в узкой зеленой ложине под холмами. Их было только девять или десять. Один из них, проводник, стоял на коленях среди каких-то камней и исследовал место, где я позволил себе часовой сон. Это положило конец моим сомнениям. Они настигали меня быстро, проводник был проникательный, они предполагали, что я буду скакать пока не свалюсь с седла от смертельной усталости. Таким образом, я должен пустить коня бежать одного и надеяться тем самым обмануть их.

До полудня я вел коня на поводу. У зеленых холмов были рваные меловые вершины; путь между ними был достаточно ровный, коню не будет трудно бежать. Ветер дул с севера, по крайней мере ему не придется спорить с ним. Я дал ему есть, пока мы шли, и снял сбрую, нагрузил мешки у седла камнями, чтобы глубина его следов как можно меньше отличалась от прежней и не показала проводнику, что он без всадника. Я повесил фляжку с водой на шею и развернул коня на восток. Я надеялся, что он не влетит в коварную трясиину, а будет держаться по краю. В нем был еще огромный запас скорости, а эшкирские кони любят бег.

Я хлестнул его своим поясом, чтобы заставить бежать. Грубое и неблагодарное прощание с хорошим конем, но ничего нельзя было поделать. Он ринулся вперед, из-под

копыт полетела трава, и вскоре он исчез за зелеными грядками гор, над которыми ветер гнал черные и белые тучи.

Я надеялся, что земля здесь достаточно твердая и не выдаст мой собственный след. Я повернул на юг, неся сбрую с собой, чтобы не оставлять ключа к разгадке, и пустился ритмичным бегом, которому мальчиков обучают в крарле. Если у тебя крепкие ноги и здоровые легкие, ты можешь сохранять эту скорость довольно долго и покрыть приличное расстояние.

Потом все мои старания пошли насмарку.

Ветер расколол небо. Вспыхнула белая молния, и дождь хлынул серой простыней. Еще три вспышки, и меня поглотила стена воды.

Теперь случится следующее: дождь смоет обманчивые следы коня-приманки; к тому же он образует грязь, которая, если потоп кончится так же внезапно, как начался, засохнет с превосходными отпечатками моих собственных следов. Тем временем я, продираясь вслепую сквозь мокрую стену, оставляю столько любезных знаков своего продвижения, сколько есть вокруг невидимых кустов и веток, на которые я наткнулся и обломаю. Существовала еще одна приятная возможность. Некоторые лошади не хотят бежать в бурю. Может быть, мой эшкирский конь замрет на месте или рванет назад по тому пути, что я послал его, и с пустым седлом влетит прямо в гущу моих преследователей.

Я стоял под разрываемым молниями дождем и заклинал себя думать дальше. Мне казалось, что следует добраться до ближайшего укромного места и тем самым оставить как можно меньше сигнальных знаков. Конь, если, несмотря на мои сомнения, он продолжает двигаться вперед, оставит метки для проводника. И, что бы ни случилось, им не придет в голову, что я прячусь у обочины. Они решат, что я упорно продвигаюсь вперед.

Я поднялся по соседнему склону к естественной башне из известняка на вершине. Здесь, между двумя пористыми отрогами, в черной клейкой грязи я приготовился переждать бурю.

Ждать предстояло долго-долго.

Гроза бушевала на холмах, иногда бросаясь в сторону, потом снова возвращаясь. Дождь и ветер не утихали. Должно быть, прошло четыре часа, и я начал ругать себя; я должен был предвидеть плохую погоду, было предостаточно признаков того, что я должен был сохранить лошадь,

должен был бежать на юг, рассчитывая на то, что дождь запутает мои следы. Короче говоря, я должен был сделать все, чего я не сделал.

Вскоре на нижний склон вылетели пять всадников, направляясь на юго-восток.

Очевидно, поисковая партия разделилась, так как они не были уверены, в каком направлении я двигаюсь.

Все они были люди Кортиса. Даже сквозь дождь я различил их черные одежды, их серебряные лица-черепа с черными стеклянными глазами. Только командиры Кортиса Феникса Джавховора носили униформу гвардии моего отца. Все еще жаждут возмездия?

Я гадал, как далеко они уйдут, прежде чем встретят мою лошадь или вернутся назад в укрытие. Я также гадал, куда направились другие четверо или пятеро, и есть ли среди них люди Эррана, хотя я не представлял больше интереса для Эррана и он не очень сильно заботился о мести, существовал еще вопрос его научных философских экспериментов с моей плотью. Возможно, он предложил за меня вознаграждение, и обнищавшие командиры Кортиса скакали за ним. Немарль тоже мог послать людей. Однако я заметил только десять человек. Немного за шкуру Черного Волка, сына Черного Волка Эзланна. Возможно, где-то были и другие группы, которых я еще не видел.

Догадка омрачила меня, я рассердился на себя, на свое положение и недостаток удачи.

Внезапно из дождя возникли еще три всадника, эти ехали медленно. Когда они поравнялись с моим укрытием, первый спешил, встал на колени в грязи и начал обследовать землю. Лошадь этого всадника-проводника, была меньше и коренастее, и он был без маски. Темный раб. Два командира в капюшонах показали мне свои черно-серебряные головы-черепа; затем один из них рассеянно протянул руку, чтобы стряхнуть дождевики с пучка травы на склоне. Это был бессмысленный женственный жест изящной руки в перчатке с тонким запястьем; я узнал его — родственник Демиздор, Орек.

— Ну, — обратился второй к рабу, — что ты разглядел?

Раб что-то пробормотал на неестественном городском языке.

Этот командир сказал:

— Мы потеряли его, Орек, если только удача нам не улыбнется.

Орек яростно развернулся в седле.

— Нет, клянусь душой. Мы найдем его. Ах, почему Повелитель Кортис не дал нам бронзовых?

— Он считал это напрасным усилием. Он не хотел посылать войска на поимку волчьего пса Эррана.

Орек ударил себя кулаком по бедру — жест, характерный для девиц или девоподобных мужчин, предполагающих избразить силу характера.

— Эрран не получит его, когда мы его схватим, нет, клянусь золотой шлюхой.

Потом его голос дрогнул как у мальчика, как будто он заплакал. Это удивило меня. Я подумал: неужели Орек даже плачет, когда сердится? Прежде чем я смог ответить на этот вопрос, он немилосердно хлестнул свою лошадь плетью с серебряным наконечником, она рванулась вперед и прочь — в дождь, за остальными.

И в следующий момент в игру вступил абсурд.

Оставшийся серебряный командир спешился и повел лошадь по склону в направлении моего убежища, обращаясь через плечо к рабу:

— С меня хватило купанья, парень, я за то, чтобы переждать здесь, пока утихнет гроза. Поезжай и скажи Зренну, где я. Скажи ему, что они будут скакать вслепую до полуночи. Мы не найдем следов, пока не прекратится этот ливень.

Проводник сел на свою лошадь и поскакал на север, где, вероятно, вела поиски вторая часть группы. Серебряный командир продолжал подниматься по холму в моем направлении.

С меня было довольно сидения в луже, и я был сыт погоней.

Я быстро вынул из ножен украденный мной у бронзовой маски меч, подождал, пока серебряный обойдет вокруг первого отрога, а потом поднялся и рассек его насквозь от груди до спины.

Его остекленевшее ошеломление было видно даже через маску и запотевшие стекла. Я стянул с него маску, и дождь заплесал на его зрачках.

Лошадь, привычная к грозе и бурным сценам, стояла спокойно, глядя на меня с безразличием. Я посмотрел на мокрые черные одежды мертвого, его маску, его лошадь, и подумал: почему бы и нет?

Четверть часа спустя вниз по склону ехал серебряный командир, в маске, в перчатках, с опущенным капюшо-

ном, оставив полуодетый труп в меловой грязи на вершине холма.

Командир не успел отъехать очень далеко, когда с севера подъехали двое, приветствуя его криками и новостями.

— Зренн отправился на юг с семеркой Немарля и рабом. Он считает, что Вазкор пошел в том направлении, и Зренн собирается искать по кольцу и поймать его между двумя группами.

— Вот как? — сказал серебряный командир.

Двое всадников подсаkali к нему, кутаясь от дождя. Если бы они знали, как близки они к сухой пыли, они смаковали бы каждую каплю. Серебряный командир наклонился к ближайшему из них и ударил ножом между ребрами. Когда он перевернулся, его сосед, выругавшись, схватился за свой меч. Но недостаточно быстро. Уже окровавленный меч командира вонзился ему в шею, прервав ругательство, его намерение и жизнь.

Этот серебряный командир, совершенно очевидный выродок и сумасшедший, развернул свою лошадь и помычался на юго-восток, и дождь на ходу смывал кровь с его оружия.

Мы видим, что видим. Если кажется, то так оно и есть.

Скоро я встретил еще троих серебряных. Гроза наконец ослабевала, проносясь стихающими порывами. Дождь поредел, и стало видно темное пурпурное небо с медным молотообразным пятном в том месте, где должно было закатиться солнце. Под нависшей скалой трое выкручивали свои мокрые плащи, и говорили о Зренне и семерых командирах Немарля, и о нехватке бронзовых воинов, и, заметив меня, приветствовали и скоро лежали в траве, один — без головы.

Из преследуемого я превратился в охотника, и это мне нравилось.

Эти люди, которые презрительно смеялись надо мной, когда я корчился в Эшкореке, теперь окончили свои поиски на лезвии моего оружия. Мой конец, если бы они поймали меня, не был бы таким деликатным. Я не старался скрыть их трупы от проводника и команды. Найдя своих мертвых, живые должно быть, вообразили, что по юго-восточным холмам гуляет черная магия.

Из отрывков их разговора до того, как я убил их, я узнал об их численности и стратегии.

Было восемнадцать серебряных, из них семеро от Не-

марля, и они искали меня прочесывая местность. Это было странное число. Если они действительно хотели заполучить меня, то почему послали так мало людей; если я так мало стою, зачем вообще возиться со мной? Как и раньше, казалось, что это была личная вражда. Я считал, что Демиздор могла сплотить своих родственников и послать по моему следу, когда ее горькая любовь опять обернулась ненавистью. Это, несомненно, объяснило бы малое число людей Кортиса и недостаточное количество, но решимость людей Немарля, потому что в городе, конечно, было несколько влюбленных в мою белокурую жену, готовых быть у нее на побегушках.

Что касается их плана — некоторые поехали вперед, теперь после моей с ними встречи их было несколько меньше; некоторые ездили по кольцу, описывая круги в надежде найти меня. Гроза разметала погоню, и волк напал на стаю сзади.

Опустилась черная ночь без звезд, смытых дождем.

Болото скрылось из виду, оставшись на востоке; холмы сливались в нагорье, покрытое серым известняковым торфом и стелющимися деревьями.

Мое тело казалось пустым от недостатка сна, но у меня был мощный стимул для продолжения движения, и было бы ложью сказать, что я не испытывал острой радости, убивая моих врагов. В действительности я с нетерпением ожидал новой встречи с ними, жаждал крови, снова превратившись в разбойного воина с хорошим запасом ярости. Я слишком долго был рабом и трусом с утонченными манерами в Эшкореке, и тонкий слой позолоты быстро стирался.

Наконец я увидел впереди красное свечение на фоне темноты.

В древней каменоломне примерно в восьми футах внизу горел костер, и вокруг него сидело семь человек. Двое были черепоголовые, а остальные пятеро в истрепанных серых и шафрановых ливреях, которые, как я помнил, носили люди Немарля. Раб-проводник тоже был с ними и жарил на вертеле пару плохо освежеванных зайцев.

Мне было любопытно, как они будут есть, эти члены двора двух Джавховоров, которые, в отличие от Эррана, продолжали делать вид, что у них нет желудков. Но мне не пришлось узнать, потому что один из черепоголовых командиров повернулся ко мне, разглядел мой наряд и коня и сказал:

— Ну, Скор, мы прекратили поиски на сегодня. Ты не встретился со Зренном, Ореком и другими, гоняющимися за своими собственными хвостами в темноте?

Значит, отсутствовали кузены Демиздор с двумя из людей Немарля. Всех остальных я оприходовал, за исключением этих в каменоломне.

— Нет, — сказал я, улыбаясь под маской, поддаваясь чувству жестокого насилия.

Семь человек, которых предстоит убить. Я не сомневался, что сделаю это. Даже если бы они ранили меня, мои раны зажили бы. Они были подобны младенцам, оставленным в траве на пути льва.

— Нет? Это короткий ответ для Скора, — заметил кто-то. — Как, никакой воркотни по поводу бури, скачки и охоты на волка, когда волка нет нигде?

— О, волк есть, — сказал я.

И я направил коня прямо через край карьера и через костер свалив этого человека, развернувшись и наклонившись, чтобы сразить еще троих, прежде чем они поняли, какой демон гуляет среди них.

Темный раб откатился в сторону. Я схватил его вертел с насаженными на него зайцами и вонзил его в темя другого черепоголового, когда он вскочил, чтобы броситься на меня.

Тут кто-то подбил ноги лошади, она рухнула, и я вместе с ней. Человек Немарля обрушился на меня; я изогнулся, и его меч, не попав в сердце, приколол мое правое плечо к земле. Я рванулс я вверх на всю его длину с криком боли и ярости и изо всей силы ударил нападавшего кулаком в челюсть; когда его голова опрокинулась, я вонзил нож в его горло левой рукой.

Он замертво упал на меня. Я выбрался из-под него и вытащил меч из своего плеча. Остались только раб и я. Последний черепоголовый карабкался из каменоломни, призывая Зренна (а может быть, свою мать, трудно было понять). Я пожалел, что нет стрелы или копья, чтобы снять его, нож так далеко не полетит.

Но мне не потребовалась стрела. Теперь, когда в этом не было нужды, я почувствовал в себе оружие, как это случилось в палатке Эттука.

Но сейчас было не совсем так. В тот раз энергия использовала меня как проводник, чтобы вырваться в мир. А сейчас казалось, что я могу управлять ею, обуздать, направлять и снова погасить, когда закончу свою операцию.

Я стянул с головы серебряную маску-череп, бросил на землю и оттолкнул ногой в сторону.

Мне стало легко, и я едва почувствовал, как она вылетела из меня, эта колдовская сила, используя глаза как дверь.

Тонкий белый лучик света протянулся через каменоломню. Ревущий человек, метавшийся там, опустил руки, широко раскинул их, как бы собираясь взлететь, упал среди разметанных углей костра и затих.

У меня кружилась голова, но я не чувствовал слабости; сдержал энергию, использовал ее и остановил. Это ободрило меня. Я обернулся и обнаружил, что Темный раб все еще стоит рядом со мной.

Его уродливое лицо не выражало страха, радости или сожаления по поводу смерти его хозяев от моей руки. Но он без слов пал ниц передо мной, зарывшись лицом в грязь и пепел. Потом, поднявшись, все еще молча, он поискал убийственный вертел, конец которого закрепился во лбу человека, сдернул наполовину недожаренного зайца и нырнул с ним в непроглядную ночь.

Мне поклонялись, как богу, но и пренебрегали, как чем-то бесполезным.

Два таких крепких напитка в одном бокале.

Из плеча сильно текла кровь. Я думал, рана заживет быстро и не обращал внимания. Я оказался очень самонадеянным. После этого я мало что помню из событий последующих нескольких дней.

Моя игра с силой белого света стоила мне кое-чего в конечном итоге. Моя рана затягивалась медленно и кровоточила. Несмотря на свою измученность, я, должно быть, шатаюсь, приобрел мили, забыв о лошадях и о том, что еще четыре охотника идут по моему следу.

Каким-то образом я ускользнул от преследования, или мои безумные пьяные шатания увели меня в сторону.

Я думаю, что двигался главным образом на восток. В одном месте я брел над рекой по каменному мосту, более древнему, чем деревья, что росли вокруг.

В этом состоянии отупения я потерял около четырех дней и окончательно пришел в себя, лежа у какого-то пруда, куда я приполз напиться как больной медведь. Рана моя затянулась, и с ее заживлением прошло мое тупоголовое оцепенение. Воздух пах незнакомо, его непривычный аромат широко разливался вокруг, и вода в пруду была соленая.

Я пробормотал себе, что никогда больше не должен убивать с помощью белой энергии, возвращенной в мозг. Это звучало как бред лунатика в лесу. Я сам почти не верил в реальность своих слов, и осознание действительно-сти возвращалось ко мне медленно, по частям.

3

В тот вечер я встретил черную ведьму с рыжим котом, которая гуляла по мысу над морем.

Я вышел к морю неожиданно, но море всегда — неожиданность для того, кто никогда прежде не знал его. Сначала думаешь, что это земля или небо, или легкий туман, потом понимаешь, что это безбрежная лазурная масса воды лежит, как дракон, в последних лучах солнца, и дышит, и наползает на берег.

Море казалось безумным видением, явившимся завершением моих путаных блужданий. Когда я увидел девушку, она тоже была как неясное видение или игра моего воображения.

Поразительная девчонка, черная как уголь, с черной атласной гривой, явно рожденная среди черных болотных племен. Только вблизи можно было разглядеть, что в ней есть смешанная кровь, потому что на этом тонком эбонитовом лице ослепительно горели светлые глаза, как серо-голубое море, что плескалось позади нее.

На ней было темное прямое платье, простая одежда женщин крарлов, и браслет из зеленоватых гладких камней, а в ушах золотые серьги. Вокруг шеи было нечто, что я принял за оранжево-красный меховой капюшон, по это был кот с горящими глазами.

Их головы разом поднялись, когда они увидели меня, а глаза одинаково вспыхнули, что заставило меня улыбнуться.

— Что ж, — сказала она, — я призвала тебя, и ты пришел. Ты видение, мужчина или дух?

— Мужчина, — сказал я. — Доказать это тебе?

Тогда она тоже улыбнулась, другой, женской улыбкой, и отвернула лицо. У нее был точеный профиль с орлиным носом, почти плоские скулы, рот у нее был полный, изгиб нижней губы напоминал сливу, но цвет губ был темно-красный.

— Ты слишком высокий, — сказала она, — и слишком белый, но все-таки красивый. Возможно, я лягу с тобой, но не сейчас.

— Девушка, — сказал я, — тебе не следует играть в игры с мужчиной, когда ты одна и никого нет рядом, чтобы позвать на помощь.

— О, я не одна. Я могу привлечь духов себе на помощь в случае необходимости. Я колдунья, я Уасти.

Это имя моментально меня остановило, хотя я с удовольствием рассчитывал на другие вещи, потому что обычно, когда женщина говорит «возможно», означает «конечно» и «не сейчас» означает «почему ты медлишь?».

— Уасти? — глупо повторил я.

Хотя она произнесла свое имя иначе, тверже и короче, это было имя эзланской кошки-богини, моей суки-матери.

— Так меня называют, — сказала черная девушка. — Я колдунья и целительница, а женщин, которые учатся искусству врачевания у жрецов моего народа, называют Уасти. Таков обычай. Мой кот — тоже знак моего призвания.

— Уасти — городское имя, — сказал я все еще тупо, — а кошка — символ тамошней мертвой богини.

— Возможно. В нашем языке много странных слов, заимствованных из Древних Золотых Книг жрецов, так говорят. Уасти — одно из них, означающее врачевание и мудрость, и его символ — кот, потому что кто ж не знает, как мудр кот? Не правда ли, любимый? — добавила она, обращаясь к злобной рыжей твари, лежавшей вокруг ее шеи.

Та ответила таким трубным ревом, которому можно было дать множество определений, но мудрость подходила меньше всего.

— Однако, — добавила моя колдунья, — у меня есть тайное имя, которым ты можешь пользоваться. Это имя — Хвенит.

И тут я вдруг осознал, что она говорит на языке, которого я никогда в жизни не слышал, — и тем не менее, я понимал ее и мог говорить с ней на этом языке.

Я замер на месте.

Я бессознательно освоил язык города, заслугу за эту способность я с детским послушанием приписал своему отцу. Но теперешней ситуации я не мог найти объяснения. Я изумлялся этому, и мурашки бегали у меня по шее. Каждое новое откровение Силы — убивающий свет, мои заживающие раны без шрамов, дар владения языками —

все это потрясло меня, но недостаточно сильно. Сейчас я почти обезумел, боясь того, что таилось во мне. Казалось, с младенчества я постепенно превращался в какого-то жителя мифов.

— Хвенит, — кричал я, — ты ведьма и можешь призывать демонов. Зови скорее, или я овладею тобой здесь и сейчас.

Ее светлые глаза превратились в сверкающие ножи, и она обнажила зубы.

— Не думай, что я не могу, — крикнула она, — но кот царапает тебе глаза раньше, чем мне понадобится магия.

— Покажи мне свое колдовство, — сказал я, кидаясь к ней. — Я тоже колдун. Подчини меня.

Она увернулась от меня, а рыжий кот пробороздил мне руку своей лапой с кинжалами. Почему-то я был уверен, что смогу заставить эти царапины затянуться быстрее, чем большие и малые раны до этого. Я протянул свою руку Хвенит-Уасти так, чтобы она видела кровь и могла наблюдать. Сам я не наблюдал за царапинами, я пристально смотрел на лицо девушки.

Вскоре она сказала тонким слабым голосом:

— Однажды я видела, как это делал жрец, когда он был на месте Книги. Я не умею этого делать. Если ты врачеватель, ты не причинишь мне зла.

— Не будь так уверена, крошка-колдунья.

— Лучше бы я не призывала тебя, — сказала она, суетясь как осенняя оса. — Ты слишком большой и чересчур умный. Мне надо было оставить тебя в покое.

— Так и следовало сделать. Зачем ты призывала меня? И неужели ты думаешь, что у такого сильного волшебника, каким оказался я, нет своей воли, и он должен появляться по щелчку твоих пальцев цвета черного нефрита?

— Ну и что, — сказала она хитро, немножко приходя в себя, — ведь ты здесь.

С этим она повернулась и побежала прочь, оглянувшись один раз, чтобы посмотреть, иду ли я вслед за ней. Когда она увидела, что я не двинулся с места, она приостановилась.

— Иди, — крикнула она. — Исполни со мной Летний Танец. Иди, Мардрак; догони меня, и я впусти тебя в свой дом.

И она побежала по краю мыса сквозь коричневые су-мерки, а кот вокруг ее шеи завывал, как бешеный призрак.

Ее деревня лежала в полумиле от мыса в густой луговине на вершине горы, которая скатывалась вниз к пляжу, покрытому галькой вперемешку с морским песком. Другие горы в этой цепи возвышались над побережьем слева и справа. Высокие травы шелестели на ветру, и море стонало, когда приливная волна стаскивала его с берега, а потом тянула назад.

Деревня была маленькая — около двадцати или двадцати пяти глинобитных домиков. Иссиня-черные козы бродили в загородках или проскакивали через забор наружу. Красные костры разгорались в солнечном вечернем воздухе. Очевидно, крарл Хвенит-Уасти больше не кочевал подобно другим племенам — красным, желтым или черным — и я раздумывал, какие особые невидимые приманки подвинули их пустить здесь корни. Может быть, им особое удовольствие доставляла жареная рыба?

Она позволила мне подойти к ней, когда показался в виду родной дом, но я не гнался за ней, просто позволял ей вести себя, догадавшись, что она направляется к родному очагу. Моя краткая вспышка сексуального аппетита давно угасла. Я довольно долго ничего не ел, а также не спал с удобствами и вообще не имел крова много дней. Я забыл про четверых охотников и бойню, которую я устроил на холмах. Даже мои волшебные силы сразу показались банальными и не имеющими значения. Что же до девушки, в тот момент я мог поверить чему угодно, и, возможно, она действительно призвала меня колдовством. В конце концов, как она сказала, я ведь пришел сюда.

Я слышал рассказы о черном народе. Красные племена считали их примитивными; это было не так. Они, судя по их коже, когда-то пришли из более жарких краев, но это было давно. Если они помнили об этом, то молчали. Что касается их целителей и поклонения золотым книгам древней веры, в племенах говорили и об этом и тоже всякую чепуху, как любая болтовня от незнания.

Некоторые женщины находились на улице перед своими домами, занимаясь приготовлением вечерней пищи. Стройные и темные, как ночь, они не разинули рты, когда Хвенит ввела меня в деревню. Группа мужчин в нижнем конце деревни строила два новых домика, они прервали работу с наступлением сумерек и обсуждали свои дела. К ним обратилась Хвенит повелительным голосом:

— Где мой отец?

Мужчины взглянули, вежливо кивнули мне, как будто они видели меня много раз, и ближайший к нам ответил:

— Он пошел с Квефом.

При этих словах Хвенит тряхнула волосами, как будто это имя или сам факт раздражали ее.

— Иди за мной, — сказала она тоном повелительницы и пошла дальше, едва не сбив красивого черного малыша, который вежливо и предусмотрительно уступил ей дорогу.

Домик Хвенит-Уасти был последним и стоял немного в стороне от других. У него была красивая дверь из отесанного камня, покрашенная в розовый и желтый цвет. Над дверью висела зажженная лампа из красной глины и нитка крошечных черных черепов грызунов. Около домика росло странное дерево, удивительная карликовая ель, которая в свете лампы казалась дымчато-голубой. Такие, наверное, древние короли выращивали в своих садах; я никогда раньше таких не видел.

— Так как я Уасти, у меня хороший дом и голубое дерево, которое выделяет его, — сказала Хвенит.

Лица мужчин и женщин в деревне были загадочными, но не враждебными, однако я заметил легкий оттенок любовной снисходительности по отношению к их целительнице. Может быть, особая дверь и дерево были игрушками для талантливого, не по летам развитого ребенка?

— Женщины принесут мне еду, а также и тебе, — сказала она, — так как они видят, что у меня гость. Входи, но не прикасайся к травам или моим инструментам.

Нырнув в дверь, я зевнул. Я обдумывал, чего она боялась — моей неуклюжести, невежества или того, что мои волшебные силы причинят какой-нибудь ущерб.

В доме было полутемно и тепло от уже зажженной жаровни. Всюду царил колдовской беспорядок. На полу лежали толстые ковры. Я сел на них и скоро растянулся, как ленивая собака на солнце. Сквозь дремоту у меня опять возникло желание притянуть ее к себе и уложить рядом с собой, но я даже не пошевелился. Я слышал ворчание моря в сто оковах, вдыхал дымный запах жаркого пламени и смешивающийся с дымом аромат женского тела, и мне не нужно было никакой другой магической формулы, чтобы навлечь сон. В эту ночь она будет со мной в полной безопасности. Возможно, такая безопасность ей и не по вкусу.

Я проснулся, когда солнце, поднимаясь над морем и горами, стало заливать светом дом, проникая через дверной проем. Этот бледный предутренний свет был для меня наподобие маяка опасности. Я сразу встрепнулся, вспомнил о погоне, убийствах и четверых, что жили мыслью схватить меня; они наверняка идут по следу и уже совсем недалеко.

Я сразу вскочил и ударился головой о чучело ящерицы, свисавшее с низкого потолка.

На жаровне нежно булькал медный горшок, распространяя ароматный запах трав. Хвенит и ее кот не было. Снаружи доносился крик чаек и слабое бляение коз, но никаких других звуков.

Потом в дверь вместе с солнцем вошла женщина, неся на плетеном подносе блюдо и чашку. Она вошла молча, но они вообще были молчаливый народ, однако с привлекательной наружностью, судя по всему. Незнакомка улыбнулась и поставила поднос с пищей на ковер передо мной.

— Я Хэдлин, — сообщила она мне. — Каким именем можно называть тебя?

С мыслью о погоне я ответил:

— Ваша колдунья называет меня Мардрак.

— Тогда и я буду, если ты не против, — сказала Хэдлин, добрая, чуткая и очень милая, как будто она догадывалась, что я в беде.

Имя Мардрак, конечно, вполне подходило. В основе значения его корня лежало слово, обозначающее слоновою или белую кость, а по структуре оно напоминало устаревшее понятие воина — черные люди отрицали войны и убийства. И позднее я узнал, что они никогда не убивали даже животных, за исключением случаев самозащиты. Их одежда была соткана из тростникового льна и выменянной шерсти, они не ели мяса и даже рыбы, столь обильно предлагаемой океаном. Как я потом узнал, пища на блюде представляла собой отбивную из бобов и каштанов, поджаренную на костре, по-своему вкусную, но поначалу она показалась мне странной. В чашке было козье молоко, хотя в разные сезоны они варили и пили также медовый напиток.

Я снова сел, чтобы поесть, поблагодарив женщину по имени Хэдлин. Она повернулась, чтобы уйти и проговорила на ходу:

— Пейюан через некоторое время придет навестить тебя.

— Кто такой Пейюан?

— Пейюан — наш вождь, отец Уасти. Он хочет узнать только, не может ли он помочь тебе.

— Ваш вождь великодушен, но мне надо идти. Больше всего он поможет мне, если позволит быстро уйти.

— Но ты можешь уйти, как только пожелаешь. Тебя никто не будет задерживать.

Я не хотел быть неблагодарным по отношению к этой красивой женщине с ласковыми манерами (я уже несколько отошел от воинских привычек, несмотря на прозвище, данное мне Хвенит). Не хотел я и ссориться с их вождем. Я сказал, что подожду его, хотя все нервные окончания в моем позвоночнике говорили, что мне не следует медлить.

Он не заставил себя ждать, я только успел поесть — они были мастера на такие интуитивные тонкости.

— Я Пейюан, — сказал он, не предваряя свое имя никакими высокими титулами.

Я встал, на сей раз осторожно, чтобы не задеть ящерицу, но он указал мне садиться и сел сам.

Пейюану было между сорока пятью и пятьюдесятью, его длинные волосы уже начали седеть, а его сильное тело с возрастом приобретало крепость кремня, а не дряблось, как бывает с тонким стареющим деревом. Он оперся на копье, больше символ, чем оружие, и он положил его между нами на ковры острием на запад в знак мира.

— Моя Хвенит привела тебя, — сказал он. — Она воображает, что вызвала тебя заклинаниями из земли. У нее есть такие причуды, но она умная врачевательница, тем не менее. Она также воображает, что у тебя есть какая-то магическая сила, но я не буду тебя спрашивать об этом, это твое бремя, не мое. Я только спрошу, раз ты скиталец, не можем ли мы оказать тебе какую-нибудь помощь на твоём пути?

— Мой вождь, — сказал я, — я благодарен за помощь, которую я уже получил. Я скажу так. Меня преследуют, и я должен уйти раньше, чем погоня придет сюда и причинит вред вашему клану и мне.

— Нам никакого вреда не будет, — спокойно сказал он. — Скажи мне, почему они охотятся за тобой?

— Старая вражда. Месть. У них счеты с моим отцом, и наказание перешло на меня.

Он посмотрел на копье между нами, потом в мое лицо.

Его темные глаза — голубые были у матери Хвент — всматривались в меня с серьезной сосредоточенностью, не невежливо, но основательно.

— Я расскажу тебе нечто странное, — сказал Пейюан. — Ты можешь отвечать или нет, как захочешь. Ты сильный и крепкий, ты боец, но на тебе нет ни одного шрама. Что-то в тебе, то, как посажены твои глаза, напоминает мне другого человека, которого я видел когда-то, около двадцати лет назад. Женщину. Я опишу ее. Белая кожа без пятнышка, волосы, как лед.

— А ее лицо? — спросил я, не сдержавшись.

Он сказал:

— Я никогда не видел ее лица. Она носила шайрин. Только ее глаза, светлые и очень блестящие, прозрачные, как спокойная вода. Однако, хотя я никогда не видел ее без маски, она была прекрасна. Это можно было почувствовать в каждом ее жесте, повороте головы, движении рук и ног, всего ее тела. Она обладала великой красотой.

— Значит, ты владел ею, — сказал я.

— Нет, мы не лежали вместе, — ответил он тихо. — Сейчас мне кажется странным, что тогда я ни разу не подумал о ней в таком смысле, я не желал ее.

— Это была моя мать, — сказал я, ощутив сухость в горле. — Она родила меня и бросила. Я никогда не знал ее, но я слышал о ней от того, кто знал ее. Она предала и убила моего отца, в этом я уверен.

— Правда? — спросил он. — Это очень странно. Она никогда не казалась мне женщиной, которая могла бы убить со злым умыслом. Много времени прошло. Возможно, я плохо помню. Она появилась среди нас, как потерянный ребенок. Мы тогда кочевали; я помню, мы думали, что большая кошка, рысь, идет за нами по болотам, но это была она. Однажды ночью она украла приношения, которые мы оставили для богов. Однако когда мы нашли ее и приняли к себе, она была замкнута и послушна. Одна женщина говорила, что она плакала, когда шла вместе с нами. Потом она начинала говорить сама с собой, имена и фразы на других языках. Но это прошло. Если она и была безумна, это была мания, посланная ей каким-то богом. Я также помню, как рассказывали, будто она говорила на языке, очень похожем на тот, что жрецы открыли нам прежде, чем крарлы разошлись по разным местам — на языке Золотых Книг. Это было сверхъестественно. Мы

тогда совершали свой летний путь, направляясь к морю и одной из башен, где лежала спрятанная одна из этих Книг. В ту пору мой крарл приходил на то место каждый год — оно находится немного севернее этой деревни, около часа пути отсюда. Вождем был Квенекс. Он вынес Книгу, когда мы собрались у башни, и показал нам. Она, белая женщина, тоже положила свою руку на золото. Позднее, после Летнего Танца, когда был образован Круг Памяти, они пришла и нарушила Круг, решив, что мы в трансе или, может быть, умерли. Так она узнала, что страницы Книги пусты, что только через сопереживания и сон мы можем вспомнить прошлые страдания и ужас, те жестокие уроки, что были собраны там наряду с уроком Силы. Этого она не поняла. Ни нашего Круга, ни наших мотивов.

Я сказал:

— Она украла у вас и, будучи вашей гостьей, прервала ваш священный ритуал. Это похоже на нее. Сделала ли она что-нибудь доброе для вас?

Он улыбнулся мне.

— Разве мы любим только в ответ на добро?

— Любовь, — сказал я. — Если ты любил ее, ты любил Госпожу Смерть.

— Мою жизнь, по меньшей мере, она спасла, — сказал он.

Он и в самом деле говорил о ней так, как будто любил ее, но без сожаления. Я подумал о голубоглазой белой женщине, с которой он спал и стал отцом Хвенит, и мне стало любопытно, не увидел ли он в ней тень моей богини-матери. Что касается меня, я запутался в этой истории, как рыба в сети. Казалось, она везде побывала прежде меня, моя ледяная колдунья-мать, Уастис.

Из-за этого я сидел перед Пейюаном, вождем черной деревни крарла, как камень с ушами, и слушал его рассказ о том, как она пришла туда и как ушла. Как вначале она появилась среди них подобно слабоумной сироте, у которой нет ни дома, ни родных, как она ушла от них в воду или воздух, подобно Жрице Тайнства.

Книга была драгоценна для его племени, и он не говорил о ней много. В ней содержалось искреннее раскаяние богов в момент их падения, расы невиданного великолетия, волшебников, не знавших себе равных, правивших землями подобно императорам; умерших подобно муравьям, когда холм рухнул. Черные крарлы при помощи своего ритуала стремились перенять хоть какие-то знания

старой расы и ее способности, искусство врачевания и внушения, отказавшись только от высокомерия и жестокости, которые были в них. Даже Круг, который крарл образовывал вокруг Книги, означал Время, колесо без начала и конца, звено, связывающее всех людей со всем, что было и что будет.

Когда белая колдунья нарушила Круг, Пейюан видел ее, как он сказал, особым зрением, хотя душа его в это время летала среди ветров. С тех пор он был уверен, что Мардра (ей дали это имя в крарле, так похожее на мое, что я даже вздрогнул) была одной из тех, кто уцелел из этой погибшей расы волшебников, но ее особые способности были утрачены или разрушены. И наследие славы и страха приследовало ее, отталкивало и заставляло совершать странные поступки.

Когда Круг распался, Пейюан и двое других, Фетлин и Вексл, поддались какому-то странному влечению следовать за ней. Они не могли объяснить своих действий. Это было как неотступная потребность менять место с изменением времени года, инстинкт кочевника, однако это было еще более непонятно. Они знали, что это пришло от их богов или от богов Мардры, и невозможно было сопротивляться этому. Но их это не особенно тревожило. У них есть такая поговорка: приходит час, и каждый человек должен приносить жертвы. Их час настал, и они были готовы. Пейюан помнил, как переживала из-за этого Мардра. Она почти пришла в отчаяние, когда заметила их, кричала, что они должны возвращаться, уйти, что она не отвечает за их жизни, которые они потеряют, если останутся. Но она не смогла отогнать их и, наконец, замолчала, опустив голову, как будто от отчаяния или стыда, и позволила им сопровождать ее.

К югу от башни лежал залив и белые руины пришедшего в упадок города погибшей расы из Книги. Именно к этим руинам она отправилась и вошла в них, а они шли следом.

Она явно что-то искала, эта женщина — вымученно, гордо и отчаянно искала какой-то след, какую-то надежду или, может быть, просто смерть.

— Иногда она была похожа на животное, — сказал Пейюан, — быстрая и оживленная, дрожащая от вида чего-то, чего люди никогда не видят. Иногда она шла, как маленькая девочка, как семилетняя дочка, которая просится на

руки, потому что очень устала; и я напрягал все свои силы, чтобы не взять ее на руки. Потом внезапно проявлялась колдовская сила, величие. Она двигалась сквозь тени, как белое копье, ее волосы были перевиты золотом, а тело окутано золотой чешуйчатой кисеей, хотя на ней было простое платье, которые носят женщины крарлов, и никаких украшений.

Она не нашла то, что искала, хотя он рассказал мне об опасностях, о дрожании земли и, наконец, о драконе, от которого, по его словам, она спасла его благодаря мужеству, колдовству и знакомству с богами. Правда, сначала зверь сразил его ударом из ударов. Но когда он был убит, Пейюан поднялся живой явно к восхищенному удивлению этой неисправимой колдуньи. Она дотронулась до его плеча, как будто желая убедиться, что он настоящий. Видя радость в ее глазах и чувствуя радость в ее прикосновении, когда она убедилась, что он здоровый, он крепко обнял ее.

— От нее шел аромат, — сказал он, — чистое зеленое благоухание, как от весенних листьев, или запах утра на холмах. Это были не духи, не косметика из баночки. Это был аромат ее собственного тела. Держа ее, я чувствовал только любовь, но не желание или страсть. Она была как девушка, которую я знал всю свою жизнь, кто-то, кто никогда не подвел меня, кто всегда был нежен, кто-то, кто обогатил мою жизнь. А сейчас, — добавил Пейюан, — зная, что ты иначе не поверишь в дракона, я покажу тебе доказательство.

Он повернулся ко мне спиной и поднял свои длинные седеющие волосы. На его шее и вдоль затылка был серый шрам от зубов шириной в два пальца. Такую рану сделало бы кривое лезвие или громадный коготь, рана, от которой человек не должен оправиться.

— Я никогда не подозревал, что ношу это, — сказал он. — Его обнаружила моя жена, белая девушка, на которой я женился, мать Хвенит. Она спросила, не получил ли я этот шрам в каком-нибудь сражении. Так, в свою свадебную ночь я узнал, что полгода назад на черном пляже, когда ящерица раскроила мне череп своим когтем, я был так близок к смерти, как только может быть человек. Именно она, Мардра, каким-то образом применив свою утраченную Силу, благодаря своей страсти и отчаянному желанию, чтобы я жил, отвратила от меня смерть, исцелила меня, сделала меня целым и невредимым. Но она, конечно, не поняла полностью, как и что она сделала!

Тут он обернулся и увидел, что я проглотил его слова, как тарелку соли, не хотя и давась, но до последней крупинки. И что мне теперь делать с этой женщиной, наполовину пагубной, наполовину любящей? Нет, его рассказ касался одного момента ее существования; к Пейюану она была доброжелательна, и он любил ее. Если с ним это было так, с другими мужчинами она была другой. Мой отец не увидел от нее добра и не считал ее милосердной.

— Что дальше? — спросил я Пейюана. — Явился бог, может, на серебряных крыльях и унес эту даму на небо?

— Нет, — сказал он. — Не так празднично. После того, как дракон умер, мы спали на берегу, пока не взошло солнце. Мы выставляли дозор, и я почти засыпал в свою очередь, и она сказала, что постойт за меня. Но когда мы проснулись — Фетлин, Вексл и я — солнце уже час, как встало, и ее не было. Только ее следы, которые вели в море, показывали путь, которым она пошла.

— В море? Тогда она послужила завтраком какой-нибудь большой рыбе? Более вероятно, она прошла по мелководью и вышла на берег в каком-нибудь другом заливе.

Пейюан кивнул.

— Да. Но в ночь ящерицы в небе были огни. Как большие звезды, которые падали к земле и снова улетали.

— Так. Она богиня. Жаль, что она не хотела своего сына. Он мог бы испытать редкостные часы с ней в ее воздушном дворце из нефрита и хрусталя.

Он серьезно посмотрел на меня и сказал:

— Теперь один шрам я все-таки вижу.

— У тебя шрамы, — сказал я, — не у меня. Один на твоём черепе, второй — на твоей памяти.

— Упрек мне, и справедливый. Я не хотел сердить гостя моего краля.

Мне сразу стало неловко за резкие слова; он был со мной достаточно вежлив, даже если его излишняя понятливость и не была мне по нраву.

— Нет, виноват я, мой вождь, — сказал я. — Забудем об этой женщине. — Затем, только ради вежливости (я снова вспомнил о погоне за моей спиной и о необходимости уходить), я добавил: — Но скажи мне, почему твой народ поселился здесь, ведь прежде вы кочевали?

— О, это просто. Я встретил однажды женщину, о которой говорил, светловолосую девушку из желтых племен моуи, когда мы пришли обмениваться с ними. Я был тог-

да молодой, завоевал ее любовь и женился на ней. В брачную ночь она обнаружила шрам, знак ящерицы. В тот год она пошла с нами к морю. Она не видела океана до этого. Он притянул ее, как притягивает некоторых, подобно волшебным чарам. Когда пришло время возвращаться во внутренние районы в начале года, она опечалилась, хотя старалась не показать этого. Я уже увел ее от ее родного народа, я не хотел уводить ее от моря. Кроме того, она уже ждала нашу дочь. И я также считал, признаюсь, что моя жизнь почти оборвалась в темном морском заливе, когда дракон ударил меня; казалось в какой-то мере естественным, чтобы я прожил свою восстановленную жизнь вблизи от этого места. Поэтому мы выбрали это место на пути старого Летнего Танца. Земля была неплохая, можно было выращивать овощи; имелись дикie плодовые деревья и пастбища для коз — у меня было тогда всего пять. Древние города лежат к югу на расстоянии ночи пути; мы не любим селиться слишком близко от них. Когда я сказал, что остаюсь и стану животноводом и садоводом, двое других решили остаться со мной. Не прежние мои товарищи. Вексл женился и ушел куда-то в другое место. Фетлин тоже ушел, на север, искать странствующих жрецов или жрецов-отшельников, которые живут там в горах. Некоторые говорят, что есть жрецы Книги, целители и кочевники, которые живут за этими горами, а также за другими горами, очень далеко на севере и на западе. Может быть, Фетлин пошел искать даже в эти дали, потому что он потерял покой, когда Мардра покинула нас; говорил, что его собственные боги возложили на него ее охрану, но он не справился и работа осталась невыполненной.

Однако те мужчины, что остались со мной, были энергичны и помогали мне в трудах, а также их женщины, сыновья и дочери расчищали землю и сажали растения. Со стадом у нас все шло хорошо, так как козы очень любвеобильны. Их число скоро удвоилось, затем снова удвоилось. Позже присоединились другие мужчины со своими семьями, и была построена деревня. Сегодня за пастбищами семь полей бобовых и зерновых, а дальше за ними — лес с ягодами и яблонями. У странствующих племен легко выменивать семена, потому что им мало от них пользы. Что касается фруктовых деревьев, какие-то добрые ветры предвидели наш приход. Мы также научились строить лодки. Океан выбрасывает на берег массу морских водо-

рослей, которые мы собираем, растения, полезные для нас во многих отношениях, не в меньшей степени, чем пища.

Мои мысли начали сосредотачиваться на вопросе об их лодках, но я спросил:

— А твоя жена, мать Хвенит?

— Она умерла, — просто сказал он. — Осенью она была в лесу, собирая падалицу, когда задела рукой маленькую змейку. С ней была Хэдлин; она сказала, что боли не было. Моя жена, казалось, не обратила внимания на укус, только посмеялась, и, не окончив смеха, она закрыла глаза и осела на землю; когда Хэдлин подошла к ней, она была мертва. В тот день Хвенит не было еще и года; странная вещь: Хвенит стала хорошо разбираться в ремесле врачевания, особенно в том, что касается змеиных укусов.

Его спокойствие смутило меня. Его женщина умерла, он любил ее, но не скорбел, отбрасывая горе, как нечто лишнее. Возможно, в тот час это было иначе, но я так не думал.

Он взглянул на меня и, казалось, понял мои мысли. Он продолжал:

— Хвенит было двенадцать в то лето, когда крарл Квенекса вернулся к башне; с ними был жрец, совершавший паломничество к Золотой Книге. Мой крарл всегда ходил на встречи с людьми Квенекса, и когда жрец увидел мою дочь, он подошел прямо к ней. Он задавал вопросы. Он сказал, что у нас есть дар целительницы, и ее надо обучать. Он оставался здесь три сезона, этот жрец. Казалось, он ничем не отличался от наших людей, только он мог вправить кость, и кость заживала правильно и быстро, или он мог смешать травы для больного ребенка, и ребенок тут же поправлялся, казалось, не столько от питья, сколько от прикосновения его рук. И этим искусствам он учил Хвенит, и она стала Уасти. Я помню, он также показывал ей Таинства Книги, которые жрецы не всегда покажут женщине, — вещи, которыми немногие могут овладеть — раны, заживающие по слову жреца, способность поднимать тело над землей, как будто на крыльях. Этих волшебных сил в моей дочери не было, хотя она завидовала им. В некоторые ночи она сидит на корточках у костра и призывает демонов, а они не приходят, за что я очень им признателен.

— Ах вот как, отец мой? — сказал решительный голос от порога. — А сам сидишь здесь с тем самым демоном, которого я призвала-таки.

Это была Хвенит собственной персоной, она демонстративно вошла присмотреть за медным горшком на жаровне, который до сих пор мирно присматривал сам за собой.

5

— Я попрошу воинов покинуть мой дом, — сказала Хвенит-Уасти. — Я должна заняться лечением ребенка, больного лихорадкой.

— Прими мою благодарность за почлег, — сказал я, — и в любом случае, демону надо снова в путь.

— Нет, ты не должен уходить! — вскричала Хвенит, перестав смешивать и взбалтывать свою микстуру и рывком обернувшись ко мне. Сегодня у нее на шее был не кот, а ожерелье из белой кости и янтарных бусин.

— Дочь моя, — сказал Пейюан, — наш гость и так потратил слишком много времени, слушая болтовню вождя. Он спешит.

Он коснулся моей руки и поднялся.

— Я подумал о том, что ты рассказал мне. Я предлагаю посетить Квефа, у которого есть мореходная лодка.

При этих словах Хвенит швырнула железную ложку в медный котелок.

— Квеф! — взвизгнула она. — Квеф! Квеф! Только это имя мне и слышать все время?

— Мы скоро уйдем, и ты не услышишь его больше, — сказал Пейюан.

— Я не позволю тебе уйти! — закричала мне вслед Хвенит. — Иди, и я найду на тебя проклятье.

— Насылай, девица, — сказал я. — Я постараюсь выдержать.

И я быстро вынырнул наружу, чтобы избежать соприкосновения с мокрой ложкой, которую она швырнула в меня.

День был тихий, затишье между весенними ветрами. Деревня спокойно занималась дневными делами. За многими домиками росли деревья и были разбиты зеленые сады и огороды; в тени овеваемой морскими ветрами акации был вырыт колодец, и две женщины стояли под кружевным узором ее оголенных зимой ветвей, доставая воду.

Кот Хвенит-Уасти грелся на солнце, лежа на крашеной притолоке, и плюнул в меня на прощанье.

Я сказал Пейюану, что его дочь уже и раньше с страстием воспринимала имя Квефа. Он чем-нибудь навредил ей?

— Да, — ответил Пейюан, — единственное зло. Он не стал ухаживать за ней. По этой причине она вызывает демонов, чтобы кокетничать с ними и заставить молодого человека исправиться, а вместо демона появился ты, и она с готовностью использует тебя для этой цели, если ты позволишь ей.

Деревня, бормотание океана внизу, менее ворчливое, чем ночью, хитрые деревья и мирные люди опять привели меня в такое состояние, что я перестал ощущать себя в опасности. Неужели я действительно убил золотую маску в Эшкореке? Неужели я действительно бежал из дворца Эррана по великому тоннелю волшебников, тех самых волшебников, которые, по моим предположениям, оставили Золотые Книги в башнях? И неужели меня, Черного Волка, сына Черного Волка, загнали на край синего, как глаза Хвенит, моря?

Но Пейюан, добрый, прекрасный человек, отнесся к моему положению, как к своему собственному. Он указал на море, в сиреневую дымку, которая окаймляла водный горизонт.

— В нескольких милях есть остров. Его очертания видны только в самую ясную погоду летом. Фактически никто в крарле не знал о его существовании, пока юноши не отправились искать приключений на лодках. Сегодня спокойный день. Если Квеф проводит тебя, ты сможешь оказаться там до наступления ночи. В его лодке есть место для запаса еды и палатки. Те, кто преследует тебя, не смогут вообразить, что ты находишься в таком месте, которого они не видят. Когда погоня пройдет, тебе дадут знать, и ты вернешься.

Я собирался упрасивать их дать мне лодку; вышло лучше, чем я надеялся. Я сказал:

— Почему ты беспокоишься обо мне, Пейюан-вождь? В память о своей богине, белой даме, которая исчезла в море или на небе?

Он не ответил, и в этот момент между домиками появилась женщина, которая направлялась к жилищу Хвенит с живым свертком на руках. На лице матери не было отчаяния; шайрин в другом крарле кричала бы и рвала бы на себе волосы, потому что ребенок кашлял, хрипел и выгля-

дел очень несчастным. По какой-то причине это сравнение заставило меня вспомнить о своих собственных детях в крале дагкта, маленьких сыновьях и дочерях, на которых я едва взглянул два раза, и о ребенке, которого я хотел от Демиздор и которого теперь никогда не будет.

Пейюан остановил женщину у двери. Он осторожно взял у нее малыша, при этом она не возражала. Потом он подошел и положил ребенка мне на руки.

Я не понял его жеста и гадал, что он думает делать. Бедняжка ребенок слабо дергался; мне надо было держать его крепче, иначе он мог упасть.

Не видя другого выхода, я снова поднырнул под дверь в дом Хвенит, чтобы отдать ребенка ей.

Она склонилась над кипящим котелком, сама кипя от своего недовольства. При моем появлении она выпрямилась с резкими словами, но, увидев, что я несу, мгновенно протянула руки немой, принимающим заботу на себя жестом. Это тронуло меня больше всего.

Я положил ребенка в ее ждущие руки и собирался выйти снова, когда она воскликнула испуганным голосом:

— Что ты сделал?

Ребенок начал реветь, громко, пронзительно и неистово, раздувая пару мощных мехов, спрятанных в его крошечной груди.

Я круто обернулся, и Хвенит подняла мне навстречу руки с ребенком, который брыкался и гневно вопил. Ее темное лицо все сморщилось. Она спросила меня:

— Что ты сделал?

— Я ничего не делал. Твой отец дал мне ребенка, а я отдал его тебе.

— Ты вылечил его. Он был очень болен. Мне потребовалось бы три дня, и даже после этого у него могли остаться поврежденными кости. Дай мне посмотреть на твои руки.

Пораженный, как и она, думая, что она ошибается или не в себе, я показал ей свои руки.

Хвенит взглянула, а потом уставилась, как на какую-то новую болезнь.

Ребенок гремел, как ужасная маленькая машина.

— Ты волшебник, — сказала Хвенит. — Ты целитель.

Она ревниво прошептала:

— Ты сильнее, чем жрец, что учил меня.

Лодка Квефа — ялик с одной парой всел, примитивное

беспарусное суденышко, но первый в моей жизни плавающий аппарат. Она качалась, но уверенно плыла по морю, разрезая волны, которые с берега казались лазурными, а сейчас обнаружилось, что они имеют коричневато-серый оттенок, под ними виднелись впадины, как из зеленоватого мрамора.

Квеф сидел на веслах, потом греб я, после того, как он объяснил мне, как это делается. Когда я наловчился, это оказалось довольно легко, и по правде говоря, я был рад делать что-нибудь. Вид такой массы жидкого землетрясения действовал мне на нервы.

Мозг мой лихорадочно работал не в ритм с окружающим. Я был рад уехать, как будто мог оставить на берегу растерянность и беспокойство. Но подобно изменчивому морю, характер внутреннего спора тоже изменился, стал обтекающим. Обрывки белой пены — небольшой ветер все же поднялся, когда мы были приблизительно в миле от берега — слетали с гребней волн. Вспышки сцен и событий слетали с поверхности моих мыслей, подобно пене, а под ними открывались пустые зеленые морские впадины грозной тревоги.

Не помогло и то, что моя черная колдунья отправилась вместе с нами.

Она мрачно сидела среди груды из палатки, снастей, провианта, которые Пейюан и его люди сложили в середине судна, и к которым она еще добавила медную сковороду, коврики и другие житейские мелочи, а ее демонический кот — засунутый в большую плетеную клетку, как какая-нибудь невероятная птица, чтобы он не вырвался в страхе и не упал в море — поднял несмолкаемый, недовольный и испуганный вой. Хвенит сказала, что она приезжала на остров раньше на лодках мужчин, чтобы собирать растущие там травы. Возможно, это была правда, но сейчас причиной ее путешествия явно было стремление показать Квефу, что она сопровождает меня.

Квеф был симпатичным юношей несколько моложе Хвенит, с такими же точеными чертами лица, которые, казалось, отличали все племя. Он говорил с ней вежливо, как со мной, и сказал, что рад разделить с ней путешествие, хотя был напряжен в ее присутствии, а она прилагала все усилия, чтобы раскипятить его, кидая на него безумные синие взгляды, говоря, как плохо он управляется со своей лодкой, превращая любое его замечание в шутку

или чепуху. Это был прием, который некоторые женщины крарла испытывали на мне, когда мне было около шестнадцати, как ему сейчас, и получали пощечину в качестве награды.

Один раз, когда мы меняли друг друга на веслах, она начала возиться с кошачьей клоткой, сказав, что выпустит зверя. Я сказал ей, что кот наверняка утонет, а лодка перевернется, и Хвснит медовым тоном ответила, что я очень умный, и она будет слушаться меня во всем. Этот выстрел прошел вхолостую, потому что, поймав взгляд друг друга и зная, чего она добивается, и Квеф и я расхохотались.

Поскольку ветер не стихал, она запищала, что я должен умирить его с помощью своих волшебных сил, и я сообщил ей, что умирю ее веслом, если она еще будет болтать.

Во всяком случае, ветер всего лишь качал лодку и срывал верхушки с волн. Наконец мы увидели остров и вскоре пристали к его покрытому водорослями берегу.

Квеф и я втащили лодку подальше на берег под защиту скалы, покрытой белым птичьим пометом и зеленой от морских лишайников. Ветер лениво размахивал, словно крыльями, верхушками больших деревьев с покрытыми мхом стволами, стоявших на краю пляжа в пятидесяти ярдах от берега.

Кричали серые чайки, заставляя кота рычать в своей клотке.

— Ветер стихнет к рассвету, — сказал Квеф. — Тогда я вернусь на материк. — Он стоял, глядя на Хвснит, шедшую впереди по направлению к деревьям, и если я когда-либо видел мужчину, которым завладела женщина, это был он.

Я сказал:

— Она примет тебя, если ты попросишь ее.

— Может быть, — сказал он. — Но я не могу просить ее.

— Ты что, парень, неужели ты всерьез принимаешь ее насмешки?

— Нет, — сказал он, спокойный, как внезапно затихшее море. — Конечно, мой отец не видит в этом ничего дурного — не в наших правилах устанавливать железные законы и вешать их, как цепи, на мужчин и женщин. И все-таки мне это кажется противозаконным.

Я не понял его и сказал ему об этом. Девушка была благосклонна — даже страстно желала этого, отец Квефа дал свое благословение, а Пейюан разве не великодушен?

— Но это и есть моя проблема, — сказал он с легким смешком. — Мой отец и Пейюан — один и тот же человек. Он женился на Хэдлин после смерти своей белой жены главным образом, чтобы у Хвенит была мать, хотя потом он полюбил ее. И Хэдлин родила меня. Я сын Пейюана. Хвенит и я — брат и сестра.

Законы везде разные. Среди дагкта мужчину, который ложится со своей сестрой, секут, а девушке ставят клеймо на груди. Большинство общин неодобрительно относятся к кровосмешению. В некоторых плата за это — смерть, и хотя черные люди открыто принимали факт любви, где бы она ни пустила корни, я видел в глазах Квефа рядом с его желанием холодное отвращение. Лежать с плодом того же семени, что породило и тебя, переплетаться с телом, которое произошло от тела твоего же отца. Ответный холод пробежал по моему собственному животу при мысли об этом. Самое старое в мире неприятие.

Позади нас тусклый темно-бордовый закат начал опускаться на невидимый материк.

Часть III: Остров

1

Я лежал в палатке на острове. Мне снилось вот что.

Я летел. Как в тоннеле, я воображал себя чернокрылым. Взмахи крыльев перенесли меня с одного берега на другой. Я вернулся на материк, пролетев высоко над океаном, видя, как его чернота подо мной превращается в белое золото мысов и отыскав белый скелет города в заливе.

Странность сна заключалась в следующем.

Обладая крыльями власти, я в то же время знал себя тем, каким родился. Дикарь из племени, натасканный на летние войны, и на моем теле — шрамы этих войн, шрамы, которые я никогда не хранил. Как будто я снова был брошен в прах, который должен был сформировать меня вместо той глины, из которой я был сделан. И во сне я думал: она, сука, которая родила меня, хотела, чтобы я вырос таким. Смертный воин крарлов с единственным по

рождению правом — боя и смерти в бою. Или еще хуже, волчьей смерти от рук городских людей, которые охотятся за мной.

Мрачная светящаяся руина протянулась вверх и, казалось, пыталась затянуть меня в себя, но я забил крыльями и поднялся выше, усмехаясь, потому что даже во сне я был достаточно силен, чтобы не поддаться ее гнилому притягиванию.

А потом я увидел ее. Она висела в небе, как кристаллик луны. Женщина. Ее лицо было закрыто черным шайрином, тело — черным платьем крарлов, но ее белые руки были раскинуты, а ее белые-белые, как кость, волосы развевались вокруг нее, подобно языкам дыма. Узнавание было мгновенным. Это была моя любящая мать.

Я закричал ей.

— Твой сын, воин Эттука! Тебе нравится, что ты сделала из меня? Я убил сорок человек, и у меня четыре жсны и тринадцать сыновей, и через три дня я умру с копьем между ребрами. Я мог быть принцем в Эшкореке Арноре или в Эзланне. Я мог быть королем с большой армией за моей спиной, с женщинами, которые ублажали бы меня, и с Силой, которая заставила бы людей делать по-моему. Тебе нравится то, что ты сделала?

Я отчетливо понимал, чего хотел для меня мой отец, Вазкор, что она у меня украла. Я вытащил из пояса охотничий нож и метнул в ее сердце.

Она висела в воздухе и сказала мне, холодная, как серебристый лед:

— Это не может убить меня.

Но она ошибалась. Хотя она и была колдунья, нож воткнулся ей в грудь, и она с криком упала в ночь и растворилась в черноте.

Я очнулся от этого сна, и моя цель была прозрачно ясна. Я был холоден, владел своими пробуждающимися чувствами и исполнен горького спокойствия.

Квеф спал неподалеку от меня спокойным юношеским сном, раскинувшись, как поджарая черная собака. Хвенит устроила себе постель глубже в палатке за вычурной занавеской, которой она отгородилась от нас.

Я тихо встал и крадучись вышел на ночной остров.

Луна зашла, ветер стих.

Мы поставили палатку под прикрытием голых деревьев неподалеку от маленького источника с пресной водой.

Несколькими шагами дальше скалистый горб острова начинал выгибаться вверх, как панцирь черепахи, лысый щиток отполированного дождем и ветром сланца. Остров был маленький, меньше мили из конца в конец.

Я остановился у подножия ската; это место казалось уединенным.

Я мог опереться только на обычаи племени, в Эшкореке я не видел религии или почитания, за исключением того, что люди плевали на имя Уастис. Я расчистил место в жестких травах и сложил горку из камней с углублением посредине. В углубление я запахнул пучок стеблей и, чиркнув кремнем, поджег их. Пламя вспыхнуло, быстрое и голодное, эфемерным голубым светом. Я взял свой нож — он пил ее кровь в моем сне — и проткнул руку, оросив огонь своей кровью. Я отрезал локон волос и накормил им пламя.

Я думал, что знаю, чего хотел мой отец. Я вспомнил, как я проснулся однажды, когда мне приснилась его смерть, и сказал: «Я убью ее». Теперь все неясности, способности к заживлению и убийству лучом и все остальное соединялось вместе в одном нестерпимом стремлении, которое я узнал, как желание другого существа. Все эти способности были его, желание было его, дело было его. Вазкор, беспокойный в своей смерти; моя беспокойная жизнь показала мне это.

Я сказал вслух, обращаясь к хрупкому, уже догорающему огню:

— Я клянусь, Вазкор, на огне и крови. Вазкор, мой отец, она обманула и тебя, и меня, и она заплатит за это свою цену. Я все устремления направляю на то, чтобы найти ее. Когда найду, я убью ее. Ты открыл это мне. Теперь я знаю. Будь покоен, мой отец Вазкор, Волк-Король, Джавховор, оставь это мне.

В этот момент мне показалось, что короткая вспышка мелькнула в камнях, из огня выскользнула тень и мимолетно прислонилась к стене сланца. Тень огня, нечто вроде силуэта огня, напоминающая темное отражение света и силы, разожгла во мне то, что едва теплилось до этого слабым неярким светом.

— Верь этому, — сказал я тени.

При этих словах пламя свернулось и пропало. Я остался один в укачиваемой морем ночи со своим железным булуцим.

Перед зарей Хвенит прокралась сквозь заросли трав и обнаружила меня там сидящим, прижавшись к сланцу.

— Почему ты здесь, Мардрак? Ты болен?

— Как может демон быть больным? Я непривычен к твоей нежной заботе. Иди назад, девушка. Солнце еще не встало.

Она скользнула ближе и приложила пальцы к моему щеку. Это прикосновение заставило меня вздрогнуть.

— Ты не понимаешь свои силы, — сказала она.

— Это достаточно верно. Однако я думаю, что теперь начинаю понимать себя, которое взрастило их.

— Я имею в виду, — сказала она, — что ты не умеешь владеть своими силами. Они владеют тобой. Ты лечишь, не сознавая этого. Возможно, ты убиваешь так же безрассудно.

Я посмотрел на нее. Небо достаточно просветлело, чтобы я мог видеть ее лицо, лицо как будто другой девушки, спокойное, умное и сочувственное. Тогда я увидел то, что увидел ее жрец-учитель в тот день, когда выбрал ее в целительницы и колдуньи.

— Если я безрассуден, кто направит меня на правильный путь?

— Я, — сказала она, — если ты позволишь.

— Я позволяю, — сказал я. — Как я отплатю тебе?

— Ляг со мной, — сказала она.

— Чтобы ты заставила своего брата гореть? Чтобы ты могла представить, будто я — это он? О, нет, синеглазая ведьма. В такую игру я не играю.

— Верь мне, — прошептала она, склоняясь ближе. — Это тебя я страстно желаю. Хоть ты и белый, ты красивый и сильный мужчина.

— Мне пели эти песни раньше, и женщины, которые в это верили. Что до тебя, маленькая колдунья, то ты сама наполовину белая под твоей шелковой черной кожей.

— Ляг со мной, — простонала она, играя языком с моим ухом.

Но я оттолкнул ее, хотя мне было безумно трудно сделать это.

Она топнула ногой и убежала в глубь леса, и скоро я заметил, что рыжеватый кошачий хвост петляет за ней среди трав.

Когда я вернулся в черную палатку на восходе солнца, Квеф уже ушел. Моя учительница-соблазнительница и я остались одни.

Последовали два или три удивительных дня, в течение которых я совершенно точно узнал, что Хвенит-Уасти соединяла в себе две личности, как и подразумевали ее два имени.

Уасти, колдунья и целительница, женщина бесспорно почитаемая и уважаемая среди ее народа, мудрая несмотря на юность, терпеливая и бесконечно сочувствующая, материализовывалась в часы между восходом и заходом солнца. Это существо наставляло меня на туманных дорожках моего собственного мозга. Ее сказочно богатые знания, накопленные и передаваемые из поколения в поколение жрецами — этими поэтами-лекарями и колдунами-философами черных племен, — преподносились мне просто и прямо. С тех пор я мало встречал наставников, которые могли сравниться или были бы лучше этой молоденькой девочки, тонкой, как молодое деревце и чрезвычайно сообразительной. Я думаю также, что она была превосходным учителем еще и потому, что сама не обладала этими магическими «дарами», но была прекрасно осведомлена и разбиралась в них. Она дала мне, по меньшей мере, ключ к дверям и для того, чтобы открывать, и для того, чтобы закрывать их. Парадоксальный ключ, простой, но капризный. Нужно было правильно вставлять его перед тем, как повернуть, иначе дом мог рухнуть. Что до метода и логики, то чтобы объяснить это, пришлось бы просидеть в банке, болтая впустую семь лет, как говорят моуи. Невозможно дать истинное определение энергии или почему энергия появится. Ребенок сам научится ходить, но его надо убедить не совать руки в огонь.

Такова была моя духовная наставница, Уасти, выдержанная и человеческая.

Другая Уасти обычно узурпировала ее, когда школа кончалась, сначала вспыхивая в океанических глазах, когда разводился костер для приготовления вечерней еды. Это была на самом деле не Уасти, а Хвенит-колдунья, та, которую я встретил с самого начала.

Она была всем, чем не была другая, кокетливая, дурманящая, острая, как кошачьи когти; исполненная намерения соблазнить. Тяжким испытанием была для меня Хвенит. Я чувствовал себя как мужчина, которого соблазняют украсть богатство его брата, в то время, как брат находится на войне, — однако Квеф был ее, а не моим родственником. Я решил, что не стану поддаваться ее уловкам и не попаду в ее сети.

Мы провели на острове уже два дня. Солнце второго дня озарило бледным розовым светом море, и леса были припорошены сумерками. Хвенит зажгла костер и приготавила еду, и стала ругать рыжего кота, который не хотел есть свою порцию орехов, потому что днем убил птицу в высокой траве и был полностью удовлетворен этой кровавой пищей. Закончив выговор, Хвенит обратилась ко мне.

— Сегодня я буду собирать водоросли на пляже. Ты пойдешь со мной, Мардрак?

На мгновение перепутав одну Хвенит с другой — Уас-ти, — я согласился. После еды я пошел за ней по камням и отполированному приливом песку. Она подбирала пурпурную траву и срезала ее моим ножом, потом зеленоватую, потом черную. Свет померк. Она различала сорта при свете звезд и раскладывала их в тростниковой корзине.

— Когда-то все водоросли были черные, — сказала Хвенит. — Потом один мужчина убил другого, и его кровь упала в море, после чего некоторые водоросли стали красными. Но зелеными водоросли стали после того, как Зеленые Девушки, живущие на дне моря, всплыли на поверхность и лежали с мужчинами. Это не водоросли, а зеленые волосы, оставленные как символ любви между водой и землей.

Поняв теперь, к чему она клонит, я сказал, что рассказ прелестный, и начал подниматься, чтобы идти назад. Но Хвенит, маленькая лиса, расстегнула платье и вбежала в море, и вернулась сама, как Зеленая Девушка, только черная, а не зеленая, пахнущая океаном. Капельки воды блестя на груди, как бриллианты, и опоясывали серебряными цепями бедра. Значит, так вот.

После она молчала, как камень, как будто должна была искупить свое удовольствие печалью, как делают некоторые. Это никоим образом не был ее первый раз. У черного народа не было жестких моральных законов, потому что они были слишком моральны и высоконравственны, чтобы создать их.

Мы пошли в палатку, и она спряталась за своей занавеской, а потом я услышал, что она плачет.

Я все это мог предсказать. Ее мысли были о Квесе. Скоро она крикнула мне, как ребенок:

— Что мне делать? Что мне делать?

Бесполезно убеждать девушку в таком настроении. Я встал, опустил глупую занавеску и обнял Хвенит, удивив-

шись своей нежностью по отношению к ней. Демиздор приучила меня к другим манерам, так я подумал. Нужна была женщина, которая не считала себя молочной коровой, чтобы я увидел, что женщины — не скот.

Потом Хвенит прошипела:

— Мардрак, ты волшебник. Сделай так, чтобы он принадлежал мне. Ты будешь добрым, потому что я помогла тебе овладеть твоими силами волшебства. Используй их и помоги теперь мне.

— В этом я тебе не помогу. Кроме того, мой дар еще только зародился, как ты хорошо знаешь.

— Для этого он достаточно силен. О, Мардрак, я ничто без него. Я умру от этого.

Я рассмеялся и уверил ее, что она не умрет.

Она плакала и уверяла, что умрет.

Когда она немного успокоилась, она сказала:

— Это началось между нами, Квефом и мной, как первая ниточка на станке. Каждый день ткал немного больше. Теперь платье закончено.

Я сказал:

— Ты его сестра, Хвенит. Поэтому он не хочет.

— Ох, дурак, — сказала она, — это только сблизит нас больше. Именно поэтому мы так связаны. Плоть говорит с плотью, потому что плоть одна.

— Будь благодарна, девушка, что ты не из племени дагкта. Они выпороли бы тебя за одни только мысли об этом.

— Красные люди жестоки и слепы. Почему за это надо пороть?

— Помимо любой другой причины, хотя бы потому, что дети таких близких по крови будут больными.

— Разве звери больные? Животные на холмах, и рыба в море, и птицы в небе? А они часто спариваются, родители с молодыми, и дети одного чрева друг с другом.

— Да, — сказал я, — но мы люди.

— И тем беднее из-за этого. Я еще никогда не видела, чтобы человек победил животное в беге или рыбу в плавании, или птицу в полете. Если они заболевают, что случается редко, им не нужен лекарь, чтобы сказать, какую траву они должны есть, чтобы поправиться. Они не берут рабов и не развязывают войн.

Я сказал:

— В твоём крарле за тобой ухаживают многие. Оставь Квефа в покое. Выбери другого.

— Я пыталась. Два года я пыталась. Ты видишь результат.

— Подумай, — сказал я, — что будет означать лечь с ним.

— Поверь мне, я думаю, и часто. Брат — это слово, сестра — это слово. Ты разве чувствуешь слово? Ты страдаешь словом? Любовью ты страдаешь и желанием, и болью. — Она отодвинула меня от себя холодными маленькими руками, и, странно, я увидел, что она снова Уасти, спокойная, старшая Уасти, глубокая, как темный колодец, и печальная до самых своих глубин. — Иди спать, воин. Оставь мне, по крайней мере, мои мечты, за которые твои грубые дагкта не побьют меня.

Я оставил ее, но позже я услышал, как она поднялась и вышла.

Утром я поднялся на сланцевый зонтик острова и нагнулся на черные окалины костра, который она развела там, и круги, оставленные ее ногами в петле. Какое-то круговое заклинание, чтобы приворожить Квефа.

2

Тот день, третий, был тихий и безветренный; деревья, как вырезанные, стояли на фоне неба, и море накатывалось на пляж медленными набегами.

Пришел полдень с белым солнцем; было прохладно после теплого преддверия весны, которое стояло в последние дни. Тишина становилась гнетущей, и я предположил, что надвигается плохая погода, и ураган с дождем возвращаются хлестать остров. Я старался угадать, как далеко может подняться приливная волна во время шторма, и подумывал, не лучше ли мне перенести палатку подальше от берега.

Во мне также было какое-то тревожное предчувствие, от которого я старался освободиться. Я снова поймал себя на том, что вспоминаю подробности того сна о крыльях и месте, который заставил меня принести клятву тени или, скорее, памяти моего отца. В том сне я с основательностью воина племени перечислил свои подвиги и владения вплоть до количества моих жен и сыновей, даже употребив выражение племен об убийстве сорока мужчин, причем эти сорок обозначали неисчислимое и бесконечное

количество. Я также напророчил свою смерть: копье между моими ребрами через три дня.

От этой детали мурашки ползли у меня по коже, пока я не начал ругать себя, тем сильнее после того, как обнаружил, что Хвенит жгла колдовской костер. До меня постепенно дошло, что если остров спрятан в ночном тумане, один яркий костер на вершине мог послужить сигналом для любых глаз на берегу.

Хвенит держалась вдали от меня весь день, собирая свои вечные пучки трав, дерна, водорослей, колючек и шипов, лозы, которые она ставила сушиться на плетеных рамках около палатки. Ее рыжий кот подстерегал скоротечную животную жизнь в высоких травах.

Я пришел к выводу еще раньше, что какой-нибудь мужчина приплывет на лодке за ними утром, а также привезет новости для меня при условии, что на материке нет признаков погони.

Я принял решение, что вернусь вместе с ним независимо от того, случилось что или нет. Застрять навсегда на миле поросшего лесом камня, плавающего в воде, было мне не по вкусу.

Во второй половине дня налетел порыв ветра, и легкий моросящий дождь смочил остров. Вскоре небесные врата распахнулись.

Кот влетел в палатку, недовольный внезапным купанием. Скоро прибежала Хвенит, держа шаль над головой, и свернулась калачиком рядом с котом.

Я стал вспоминать о последнем ливне, который я переживал, скорчившись в укрытии между отрогами известняка, в тот день, когда волчья охота настигла меня.

Этот дождь был как дурное предзнаменование, прибавившееся к моим прежним предчувствиям.

— Хвенит, — сказал я, — я иду на пляж. Оставайся здесь.

Она взглянула на меня сквозь волосы.

— Что ты ищешь? — спросила она.

— У меня мурашки бегают по спине. Я чувствую, что погоня идет все-таки сюда.

— Городские мужчины? — ее глаза расширились. Она внезапно прошептала: — Я жгла костер на скале!

— Может быть, кто-то видел, может быть, нет. Я понаблюдаю немного. В такой дождь любой лодке нелегко сюда войти.

— Мардрак, — вскричала она, — я могла думать только о нем — о Квефе — я развела костер только для того, чтобы привязать его. Какая же я дура, я подвергла тебя опасности.

— Ничего, — сказал я. — Вероятно, просто старушечий страх вселился в меня без всякой причины.

Но когда я шел между деревьями, я вспомнил, что я не очень нравился ей накануне ночью, и хотя я не думал, что она собиралась предать меня, может быть, злая шалость промелькнула в темных уголках ее мозга: зажги большой костер, и вот тебе средство отхлестать этого самодовольного придурка. Ибо я и был самодовольный, напыщенный придурок, хоть я и воображал себя терпеливым и снисходительным к ней. Прокатись на девушке, а потом скажи ей, с кем еще ей можно или нельзя кататься. Прекрасное нравоучение.

Шел прилив, коричневый, рябой от дождя. Сквозь потоки дождя и водяную пыль я не мог разглядеть ничего движущегося по воде.

Я ждал среди выброшенных водорослей на полированном песке, где прошлой ночью мы играли с Хвенит. Я прождал несколько минут, и вдруг услышал ее крик из леса.

Я сделал то, что сделал бы полудурок. То, на что они и рассчитывали. Я повернулся и ринулся назад сквозь деревья к палатке. И прямо на человека с бело-голубыми глазами и мокрыми крысиными волосами, который выступил из мшистых стволов мне наперерез, держа Хвенит и приставив лезвие к ее горлу, и тихо смеясь знакомым смехом, который я хорошо помнил.

Они вышли на берег на дальнем конце острова, с другой стороны дерсвьесв. Течение там было менее благоприятное, но они справились, или, точнее, их раб справился. Это был Темный раб, проводник, который выследил меня от тоннеля и распростерся передо мной, когда я убил серебряную маску белой убивающей энергией. Вероятно, потом проводник вернулся к своим хозяевам... Что он мог им поведать? Я решил, что мало, поскольку Темные рабы в Эшкореке, казалось, говорили только в ответ на простой однозначный вопрос, никогда не предлагая информацию по своей инициативе.

Кроме Темного раба, их навигатора, охотников было двое. Другой паре из четверки, должно быть, наскучила

погоня, и они отказались от нее. У этих, однако, была личная причина не отставать от меня.

Зренн стоял, играя волосами Хвенит и поглаживая ее шею тупой стороной ножа, следя за моей реакцией, фарфоровые глаза настороже. Он снял маску с той целью, я думаю, чтобы я быстрее узнал его.

Именно хрупкий Орек подошел ко мне сзади и приставил свой нож к моим ребрам.

Я ошибся. Не копье, а нож. Через секунду я почувствую, как железо войдет в мое легкое. Его тонкая рука дрожала от гнева или радости.

Раб стоял у дерева, не ввязываясь.

Лицо Хвенит было неподвижно. После единственного крика, она заколдовала себя и превратила в черный алмаз.

— Старые друзья счастливы встретиться вновь, — сказал Зренн. — Мы надеялись, что нам доведется увидеть тебя снова, мой Вазкор, прежде чем ты оставишь эту жизнь. Не то, чтобы твой уход был поспешным. Эрран, Леопард-вождь, не единственный в своем изысканном плане смерти. Медленно и болезненно, мой Вазкор. По конечности — меньше, по пальцу за раз. Я вижу, ты оправился от жестоких порезов, которые я нанес тебе в Эшкореке.

Нам придется искромсать тебя на очень мелкие кусочки, чтобы ты наверняка остался под землей, да? А в промежутках мы будем играть с этой полночной куколкой, которую ты заботливо приготовил для нас.

Мне казалось, я могу повернуться и с легкостью разоружить тонкого юношу позади себя.

Тем временем Зренн перережет горло Хвенит. Поняв это, я стоял спокойно. Моя могила была там, где рука Орека, и я предсказал свою могилу. Тем не менее, это казалось смешным. Как напомнил мне Зренн, мои раны заживали. Могу ли я выжить после смертельного удара, в чем наполовину был уверен Эрран?

— Вы нашли знаки любви, которые я оставил для вас? — спросил я Зренна так же нежно, как он. — Разбросанные по всем холмам? Серебряные маски, мирно спящие в своей крови?

— Шакал, подкрадывающийся к колыбели младенца. О, да. Как и твой благородный отец, сын Вазкора, ты сделал это художественно.

Я почувствовал, что лезвие за моей спиной приблизилось еще на волосок.

— Тебе надо заплатить за чересчур много смертей, — прокрипел Орек своим ломающимся мальчишеским голосом.

— Он заплатит многократной смертью, — сказал, улыбаясь, Зренн.

Убить при помощи Энергии непросто, когда ты понял способ действия. Ты выпускаешь ее из себя, и она затрагивает также и тебя, как ожог, кровавое крыло. Именно поэтому вслед за этим подступает тошнота. И когда цена высока, ты не станешь тратить ее без разбора. Это удержало меня сейчас, в эту секунду смертельного балансирования между девичьей шеей и ножом мальчишки.

Дикарь, который знал только, как орудовать дубинкой и топором, должен научиться владеть более утонченным оружием.

Я указал на раба и сказал:

— Он рассказал вам, как я убил последнего человека, человека в лагере?

Зренн приготовился долго развлекаться и отнесся к моему оттягиванию почти с одобрением.

— Его лицо было налито кровью. Я предполагаю, что ты задушил его своими сильными воинскими лапами.

— Не так. Спроси его теперь, своего раба, как сын Вазкора убил серебряную маску.

Зренн, все еще улыбаясь, дернул головой в сторону раба.

— Просвети меня, болван.

Раб сказал бесцветным голосом с акцентом:

— Черный господин смотреть, и приходить белый свет, и светлый господин падать и умирать.

Рот Зренна сжался. Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, отребье, белый свет?

— Белый свет из глаз черного господина. Белый свет ударять светлого господина. Светлый господин падать. Светлый господин умирать. Свет уходит. Черный господин — бог.

Тон раба был поразительным. Он с успехом мог так говорить о погоде. Я вспомнил, как он пал ниц передо мной прямо в грязь, а потом ушел в ночь. Казалось, он и его каменный народ привыкли признавать существование демонов и их распространенность в мире в каком-то отдаленном и туманном прошлом.

Я пытался оценить, какая способность заключалась во мне, которую я могу отважиться употребить. В таком же

положении оказывается блистательный стрелок по мишеням, который совершает свои чудеса инстинктивно. Заставьте его изучать свое искусство, объяснить, каким волшебным способом он добивается попадания в цель, и он станет манерным, неуверенным и скоро вовсе промахнется.

Вдруг заговорила Хвенит. Стремясь вызволить ее из западни, я совсем забыл о ней как о живом существе. Забыл также, что я понимаю городскую речь, а она — нет, и весь диалог, таким образом, был для нее тарабарщиной.

— Мардрак, — сказала она, — не торгуйся за меня. Это моя вина. Пусть он убьет меня, если хочет, только ты освободись.

При этих словах Зренн потряс ее. Он спросил меня:

— Что говорит черная девчонка? Она говорит, что любит меня, Вазкор?

Я сказал, чтобы выиграть время (когда будет достаточно?):

— Она интересуется, как вы попали сюда.

— Раб разнюхал, где находится впадина, в которой они держат свои жалкие лодчонки. Он говорит на их языке, но они солгали ему о тебе в деревне, Вазкор. Они сказали нам, что ты прошел мимо них по дороге на север. Если бы не острые глаза раба и мои, разглядевшие булавочную головку маячного костра прошлой ночью, мы никогда не догадались бы, где ты можешь быть. Когда я разделаюсь с тобой, мы с братом снова посетим племя этой суки и зажарим их в их домишках.

Как раз тогда я увидел ярко-оранжевое пятно в траве — кончик хвоста рыжего кота Хвенит. В следующий момент, со страшным мяуканьем, кот вспрыгнул по сапогу Зренна и укусил его в бедро, а потом прыгнул прочь. Зренн взвыл и вихрем обернулся, заноса нож над котом, но тот был проворен и удрал. Хвенит мгновенно вырвалась из рук Зренна, но в отличие от кота, недостаточно быстро.

Зренн прыгнул быстро, как хлыст, и схватил убегающую Хвенит за волосы, развернув ее. Его лицо было безумным от белой ярости боли, раздражения, злобы, и прямо в это опасное лицо Хвенит плюнула, и одним движением руки, бездумно, движимый только злобой, Зренн воткнул свой нож ей в бок.

Затем наступил паралич, черные пряди волос Хвенит выскользнули из пальцев Зренна, как веревочки, приводящие в движение куклу. Пока она медленно высвобождалась и оседала на землю, выражение его лица сменилось

полным недоумением. Он пошел не той фигурой и слишком рано.

Я обнаружил, что уже делаю полный оборот и тяжелым ударом по руке выбиваю нож из рук Орека. Он полетел в сторону. Другим кулаком я ударил Орека в живот, и он беззвучно сложился в травах аккуратным дамским веером.

Когда я оглянулся, Зренн уже пришел в себя.

Он ждал меня, полусогнувшись, его нож сверкал, глаза блестели. Но я покончил с драками. Я не взглянул на женское тело; мои кишки свернулись, но я помнил ее уроки.

— Зренн, — сказал я. — Сражайся со мной, воин.

Его добела раскаленные глаза, синева которых, казалось, растопилась от ярости, блуждали, как в лихорадке. Но, встретившись с моими, они застыли, как эмаль в печи. Понадобилось всего три вдоха, чтобы загипнотизировать его, этого серебряного повелителя, хотя я был новичком в этом деле. Он показался мне маленьким, как комар. Мне не составило труда подчинить его.

— Зренн, — сказал я, — подойди ближе.

— Нет, — пробормотал он, но подошел.

Я взял нож из его пальцев, и он не смог помешать этому. Его лицо подергивалось и натягивалось вокруг раскаленных глаз, желая сказать мне, что нельзя причинить ему боль. Тщетно.

Я взял его за крысиные волосы и перерезал ему горло. Он забулькал кровью; это напомнило мне его смех. Жесткая смерть, но быстрая.

После этого я отошел в лес, и меня вырвало, как будто я никогда не убивал человека прежде. Я устало подумал, когда, содрогаясь, опирался о дерево, что с успехом мог воспользоваться убивающей Энергией. Когда я вернулся, все было очень спокойно. Некоторое время назад дождь прекратился, и я увидел, как рыжий кот дюйм за дюймом пробирается сквозь острую траву к телу Хвенит, сам застылый, как движущийся труп. Я понаблюдал это зрелище с минуту, но движение поблизости напомнило мне, что было еще одно неоконченное дело.

Орек устался на меня, лежа на спине. Его маска упала, или он снял ее. Его лицо, как призрак того, другого лица, и глаза — зеленые глаза того лица, заставили мое горло сжаться снова. Нет, что угодно, но я не мог убить этот искаженный образ Демиздор.

— Зренн мертв, — сказал я ему.

Его веки затрепетали, и его губы. Он был не менее гордым, но менее величественным, чем она.

— Ты любил ее? — прокаркал он мне. Он мог иметь в виду только одну. Он сказал: — Я скажу тебе перед тем, как ты зарежешь меня, я скажу тебе, почему я охотился за тобой, как за вонючей собакой, какой ты и являешься. Будешь слушать, собака? Или ты заставишь меня замолчать раньше, чем я успею сказать?

— Мне не нужна твоя жизнь, — сказал я.

— Нет? Мне тоже не нужна, грязная, бездомная собака. Слушай. Она была лучше, прекраснее всех женщин в Эшкореке. И ты лежал на ней, на ее белом теле. Сказать, что стало с Демиздор? Хочешь услышать?

— Эрран, — сказал я, застыв.

Мое сердце билось тяжелыми медленными ударами, как прибой, гремевший внизу на пляже.

— Эрран? Нет. У него не было возможности. Она показала тебе путь к старому тоннелю под горами? Да, конечно, она сделала это. Как она попрощалась с тобой? Она поцеловала и прижалась к тебе, ты снова владел ею в зеленом иле перехода? Или она прокляла тебя?

— Продолжай, — сказал я. — Если хочешь рассказать, рассказывай.

— Я расскажу. Она показала тебе дорогу. После этого она пошла в свою комнату во дворце Эррана, отвязала бархатный шнур от шторы и повесилась на нем.

Он плакал. Он не стыдился плакать по Демиздор.

Я подумал: я ведь знал это все время, знал, что она мертва. При нашем расставании она ведь окликнула меня и сказала: «Ты моя жизнь». Но я представлял ее себе только такой, какой она была при жизни, скачущей на коне не хуже любого воина; в нашей постели на рассвете, золотистой от сна; как она лежала со мной, произнося мое имя; ее кожу, ее живое тепло. Холодная сейчас. Сейчас пустая. Гниющая в какой-то гробнице в Эшкореке, заколоченная гвоздями с бриллиантовыми шляпками.

Орек повернулся на бок в траве и продолжал всхлипывать.

Кот тоже начал плакать, жутко завывая над неподвижным телом Хвенит.

И я, стиснутый двумя утратами, как хрупкое зерно между безжалостными жерновами.

Небо прояснилось. Лес пропитывался бледным солн-

цем, над ним летели рваные красновато-синие облака, снова обещавшие дождь.

Я двинулся с места. Подняв тело Хвенит, я отнес его в черную палатку и положил на ее постель из ковров. И обнаружил, что она жива. Пульс едва чувствовался. Нож Зренна пробил грудь, но, должно быть, прошел мимо сердца. Но хотя она дышала, оставалось недолго. Кот шел за мной, мяукая, и терся о мои сапоги, очевидно, думая, что я собираюсь помочь ей. Но ей было уже не помочь.

Некоторое время спустя кто-то подошел к входу. Орек, вытирая глаза кулаками, как выпоротый мальчик, сказал:

— Я и раб похороним моего брата там.

— Это свободная земля, — сказал я, — хороните.

Я понимал, что некоторое время он не будет покушаться на мою жизнь; его страсть была утоплена в слезах; кроме того, он испытал убийств в избытке.

Он повернулся и ушел. У них были только ножи, и раб разгребал землю руками — захоронение будет неглубоким, и никакого золота на гроб.

Что касается Хвенит, она сможет покоиться среди своего рода, хотя никому из них это не будет утешением.

Где-то в моем мозгу Хвенит и Демиздор сливались в одно. Жизнь угасла, и красота превратилась в холодное мясо для червей. А Хвенит, моя черная колдунья, она сказала, что умрет от любви, всегдашняя жалоба девушки, теперь сбывшаяся. Она никогда не лежала с ним, своим Квефом, ни разу. Я увидел бессмысленность этого, зияющую бесплодность. Брат, сестра — только слова; а это — действительность, разрушитель у порога. В конечном счете, какое это имело значение — отпраздновать ее юность и его прежде, чем меч сразил ее? Все выдумки и уловки, нравоучения и моральные кодексы людей казались пылью перед лицом смерти.

Кот подошел и лизнул мою руку своим шершавым языком. Я видел, так собаки скорбят и умоляют.

На вход снова упала тень. Я посмотрел; там стоял Темный человек, руки его были в грязи по локоть — раб, проводник, гребец, копатель могил.

Он не заговорил, пока я не спросил, чего он хочет. Тогда он кивнул на Хвенит и сказал, с первым подобием любопытства, которое, по моим наблюдениям, когда-либо проявлял представитель его расы:

— Не расположена, женщина?

В этом не было никакого смысла. Я попросил его говорить на своем языке, чтобы я мог понять его. Тогда он сказал на искаженном трескучем языке:

— Господин не может заставить женщину слушаться? Принести что-нибудь господину?

Он думал, что, несмотря на то, что она была при смерти, я восстанавлю Хвенит. Я об этом даже не подумал. Я исцелил лошадь, ребенка, наполовину случайно, но я не был уверен относительно лошади, а в ребенке оставалось какое-то желание борьбы, на которое могло опереться исцеление. Пульс Хвенит был слаб, как биение крылышек мотылька. Но когда я протянул руку и положил на ее шею, она была еще теплая; казалось, что она уже целый век холодная. Неритмично, но постоянно ее сердце билось. Как она прожила так долго? Возможно, она цеплялась за ниточку своей жизни, ожидая, пока волшебник исцелит ее?

Она помогла мне, научила меня кое-чему относительно моей Силы.

Я у нее в долгу. Может быть, есть только один путь отплатить ей.

Это испугало меня. Прежде, во время тех случайных исцелений, я не думал. Сейчас мои нервы сдавали. Что я должен делать? И более того, ужасно, какие будут последствия?

— Присматривай за своим хозяином, — сказал я рабу.

Раб растянул рот. Я никогда раньше не видел, чтобы кто-нибудь из них улыбался.

— Вы все мои хозяева. Господин Орек, похороненный господин Зренн, ты. — Он закрыл левый глаз и постучал по нему. — Меня зовут Длинный Глаз, — сказал он. Он немного отодвинулся и исчез.

Красные лучи заходящего солнца начали проникать в палатку.

Я упорно старался пробиться к Хвенит. Я старался соединить кровь с плотью сильными массирующими поглаживаниями.

Наконец, обливаясь потом, сидя в черном тумане ночи, я вдруг вспомнил, что в прежних случаях это произошло тихо, без мощного физического воздействия; отравленный конь в Эшкорске, задыхающийся ребенок в деревне, тогда я даже не чувствовал, как Сила исходит из меня.

Поэтому ученик Хвенит вытер доску и начал снова.

Солнце встало. Я вышел из палатки и увидел, что раб

во второй раз приступил к своим обязанностям могильщика. Эта вторая могила, не связанная с первой, казалась лишней и запоздалой.

— Для кого это? — спросил я его на его корявом языке.

— Мой господин Орек, — ответил он.

Ты запрягаешь смерть; ты запрягаешь жизнь. Ты можешь убить или исцелить. Могила становится символом, одной хилой веткой, упавшей с дерева.

Солнце над лесом золотыми и красными кругами плавало у меня перед глазами.

Я не ожидал чего-то другого от Орека. Хотя он был молод. Мне было жаль его. Раб утрамбовал глину, чтобы покрыть светловолосую голову, на которую он положил кусок ткани.

— Как? — спросил я.

— Его нож, — сказал раб, отвечая мне со странной живостью, которой я прежде не замечал в этих людях. — Он укрепил его между корнями и бросил свое тело на лезвие. Он сделал это неудачно. Смерть наступила не сразу.

Я вспомнил мужчин в золотых масках, лежавших на своих мечах в малиновом павильоне.

Солнце делилось: по его центру шла черная полоса. Оно расколется пополам и подожжет море. Потом я увидел, что это был черный человек на фоне солнца, стоявший над тем местом, где я сидел. Квеф.

— Скажи мне, если Хвенит убита, — сказал он мне.

— С чего ты это взял?

— Я почувствовал это, — сказал он. — Вчера в сумерках. Я почувствовал, что она при смерти.

— Значит, все-таки между вами была магическая связь.

— Кровь говорила с кровью. Да. Я чувствовал это. Я не мог заснуть. Ночью я пошел посмотреть то место, где зимой хранятся лодки. Одной лодки не хватало. Я понял тогда, что они отправились искать тебя. Я взял собственную лодку. Я греб в темноте. Она мертва?

Я встал.

— Загляни в палатку и посмотри.

Он повернулся и побежал.

Вскоре я тоже пошел взглянуть. Она лежала, сонно лаская кота. Сейчас Квеф стоял перед ней на коленях, зарывшись лицом в ее шею, и она гладила его волосы, тихо бормоча. Я слышал тембр триумфа в ее голосе, бесконечно нежном.

На ее груди был белый шрам, как серп луны.

Трепетавшее под ним сердце запнулось, потом застучало. Она легко вернулась из своего сна — темный океан, которого она чудом избежала, отступил, как скатились с ее тела волны в ту ночь, когда я лежал с ней.

Белая сука исцелила Пейюана после удара дракона.

Я, такой же хитрый, как она, исцелил дочь Пейюана. Круг замкнулся и снова начался.

3

Я пошел на пляж на другой стороне острова. Украденная Зрсном лодка лежала на песке, и чайки пыряли и охотились на волнах. В остальном я был один.

Был прекрасный светлый день, без бури или жары.

Я лишился сна и сидел, как корабль, потерпевший крушение, пытаюсь прийти к соглашению с самим собой.

Это было очень тяжело.

Конечно, я был не тем, кем я знал себя. Несмотря на все уроки Хвенит, мне любопытно было, какие еще нетронутые колодцы существуют во мне. Как насчет тех самых странных из всех странных вещей, о которых она упоминала, даров жрецов: вызывание огня, управление силами природы, способность к полету?

Возможно, каждый из них, кто был во мне, проявится при необходимости. Однако, как и жрецы, я конечно, должен подготовиться, научиться быть проводником таких способностей.

Мои мысли путались, не принося решения. В них вмешивался образ белой женщины и темного человека, моего отца. Я принес ему клятву. Найти ее и убить, чародейку, которая причинила зло и ему, и мне. Когда я возвращался в мыслях к своим снам, рассказу Котты, к Эшкореку, для меня было естественным ненавидеть ее. Таким образом мои сомнения разрешились. Вереница таинств упростилась до одной цели: его месть, моя клятва.

Тогда я поднялся, отбросив все остальное.

Если бы у меня была Сила, я использовал бы ее для достижения своей цели. Тогда надо использовать ее.

Я оглянулся вокруг. Как? Это было смехотворно. Вот ребенок, который может сокрушить горы и не знает, где они находятся.

В этот момент я увидел Темного человека, Длинный Глаз. Он стоял на краю леса и смотрел на меня. Я позвал его, и он сразу прибежал, как собака.

— Повелитель? Чем я могу служить тебе?

Я понял, что он добровольно сделался моим рабом, потеряв двоих прежних хозяев и решив, что мне нужен раб. В ярде от меня он стал на колени и склонился в почитании. Я вспомнил, что он назвал меня божеством, и он, очевидно, так и считал. В нем не было страха. Казалось, что с самого начала его раса знала богов и никого другого. Боги надевали на них оковы, плохо обращались с ними, убивали их и играли ими. Боги были таким же фактом, как солнце и землетрясение. Просто еще одна страшная реальность.

Я не был уверен, позвал ли я его на помощь или просто для человеческого разговора, но я сказал:

— Чтобы найти ведьму, что делают твои жрецы?

— У нас нет жрецов. Вождь — жрец. Мы не молимся.

Я начал вспоминать крарл, но я ничего не знал о сложных внутренних ритуалах, совершаемых Силом и ему подобными в их вониючих логовищах. Признаком моего состояния служило и то, что в следующий момент я бесцельно сказал ему:

— Одна сука была моей матерью. Я ее рода, но я должен найти и уничтожить ее; недостатком плана является то, что я не знаю, где она может быть.

— Повелитель Вазкор в самом себе найдет ответ.

— Я не знаю, — сказал я, — хотя предполагаю, что ее больше нет в этой земле. Думаю, я знал бы, если бы она была близко. Думаю, меня бы подвели к этому знанию.

— Там есть большая земля, — сказал Длинный Глаз, — на восток, а потом — на юг, может быть, там.

Пока он говорил, как будто прозвучал призыв. Я посмотрел поверх него на изогнутую поверхность моря. Почему бы и не в том направлении? Несомненно, я не мог повернуть назад. Позади меня была беда и враждебность. У меня не было очага, родни, никакой службы, которая связала бы меня, и моя дорога была вымощена мертвыми женщинами. Я ведь бежал к морскому берегу, как будто это был мой маяк.

— Кто сказал тебе об этой южной земле?

— Старые карты господ показывают это, — сказал он. — Когда-то была торговля.

Я прищурился на солнце, и внезапно увидел корабль с надутыми парусами, черными на фоне серебряного света. Предвидение или самообман? Узнать можно было, только рискнув сделать этот бросок. Хвентит будет жить благодаря мне, я был сильный волшебник, а Длинный Глаз считает меня богом.

В теперешней ситуации я был готов на риск и готов принять любой знак судьбы.

Уйти с острова в пустой простор моря было достаточно символично для моего состояния и того, что я в себе чувствовал.

Прежде чем влюбленные проснулись в палатке и лодки черного крарла пришли с материка, Длинный Глаз и я вышли в океан.

В поисках Белой ведьмы

Книга первая

Часть I: Великий океан

1

Лодка, которую украл Зренн, была яликом, очень похожим на лодку Квсфа, но плавать под парусом на ней было можно. Раб установил мачту и развернул груботканый квадратный парус, чтобы поймать утренний ветер, который дул порывами с материка. Потом он рассказал мне, — со мной он был необычайно разговорчив, — как люди его племени плавали туда и назад по Дикой реке, занимаясь торговлей, и чувствовали корабли и лодки так же, как чувствовали богов, — наследственная мудрость, переходящая от отца к сыну. Эта голубая река тянулась на миллионы миль к западу и к северу. Он сидел на веслах с детства, пока на него не обрушилось ярмо рабства и он вместе со многими другими не был уведен в Черный Эзланн, потом его обменяли в Со-Эсс и наконец после налета он оказался в Эшкореке.

Длинный Глаз был на четыре года младше меня, а выглядел вдвое старше. Он рассказывал, что девушки его племени достигали брачного возраста лет в одиннадцать — даже в диких племенах это считалось рано. Не удивительно, что бедные женщины изнашивались прежде, чем достигали двадцати, выглядели, как иссохшие ведьмы, к двадцати пяти и через пару лет умирали. Мужчинам было немногим лучше. Сорокалетний старейшина встречался редко и был весьма почитаем. Их волосы седели на двадцатом году. Я имел наглядное свидетельство этому, так как в шевелюре Длинного Глаза, цвета воронова крыла, уже блестели серебряные нити. Странно, но его лицо оставалось чистым. Я ему даже завидовал, так как густая поросль на моей челюсти и верхней губе лезла неудержимо.

Длинный Глаз поднял парус, чтобы поймать ветер, свободно поставил его и взял весла, когда ветер стих. Ночью

лодка дрейфовала, но с помощью разных ухищрений он держал ее по курсу. Мы должны были двигаться на юго-юго-восток, как говорила его старая карта. Мы наживили леску провизией покойного Зренна и наловили рыбы. В лодке был даже небольшой мангал, на котором мы могли испечь рыбу, и две глиняные бутылки, в них Длинный Глаз налил свежей воды из ручья на острове. В океане чувство дискомфорта исчезло. Океан не оставил меня равнодушным. Высокое небо, большие облака по краям, которые казались такими близкими, что хотелось их потрогать; свет ясного дня, проникавший сквозь воду, как сквозь стекло; блеск рыбы, сияющей холодным огнем в темноте; море, одетое в фосфоресцирующие кружева: весла, задевая их, становились серебряными.

Оглядываясь на это отчаянное приключение, я пытаюсь вспомнить, что же я должен был чувствовать, с фантастически мрачным оптимизмом обрекая себя на неизведанное. Думаю, что моя жизнь двигалась слишком быстро для меня, а я лишь торопился за ней. Это могло бы объяснить и мое самодовольство, и странное тяжелое чувство ожидания, проглядывавшее за ним.

Так прошло пять дней. Погода была обманчива и, как я мог заметить, угрожающе спокойна. Вниз, под днище лодки, уходило сине-зеленое и прозрачное море, превращаясь в травяной лес, населенный рыбами.

К концу пятого дня, когда невинное небо заворачивалось в алый закат, что-то нависло над восточным краем моря; полоса скал, освещенная красным, протянулась с юга на север, пропадая из виду.

Ветер стихал, море было густым, как сироп. Длинный Глаз убрал мачту и стал грести. Мы добрались до скал, когда последние блики погасли. Берег был крутой. Основание склона было замусорено водорослями — зелеными волосами морских русалок. Должно быть, они наслаждались любовью на голых рифах. На ночь мы вытащили лодку на берег, и обнаружили, что его посетили птицы. Одна из них стала нашим ужином.

Удивительно, но эта стена из камня, разбившая, как казалось, океан пополам, была всего лишь около мили шириной. Когда взошла луна, я вскарабкался на утес-бастион и посмотрел на запад, за барьер, на новые мили воды, окрашенные в белый цвет, и на еще один океан — океан звезд. Может быть, здесь затонул континент, оставив лишь

вершины высочайших гор, превращенных безразличным морем в утесы.

Каждый день я по-детски ждал, что достигну новой земли, и думал, что эта коса — ее аванпост. На восходе солнца, после завтрака, состоявшего из двух яиц (еще две птицы потеряли шанс на жизнь), мы столкнули лодку в воду. Я взял весла; и бог чувствует потребность в физической работе. Длинный Глаз был вперёдсмотрящим. Он и увидел туннель, который вел сквозь утесы в открытое море.

Небо напоминало внутреннюю часть глазурированного горшка. Небольшие светлые пряди бледно-голубых облаков — это все, что нарушало его гладкое совершенство. В этот день шторма не было, он начался на следующий.

Океан, который повсюду считается существом женского рода, подчиняется женским законам измерения. Она хочет, чтобы вы ее любили, но она возьмет вас в залог с потрохами. Мужское значение и превосходство — то есть корабли — она выносит с ласковым ворчанием, вскоре предполагая заглотить вас в голодную соленую утробу. В своем милосердии она обещает наказание кнутом.

Тот день сверхъестественного спокойствия окончился еще одним алым медным закатом. Из водяной ряби выпрыгивали рыбы, инкрустированные рубинами вдоль спинных плавников, их крылья были расправлены, словно они хотели взлететь в красные облака. Затем последовала черная ночь без ветра. Затем — серебряный рассвет, гладкий, как металл. К середине утра каждая волосинка на моем теле была наэлектризована.

— Что это? — спросил я у Длинного Глаза.

— Слишком тихо. Возможно, будет шторм.

Я посмотрел вокруг, как идиот, как человек, который ищет что-то ему очень нужное, зная, что этого рядом нет.

Мы были в дне пути от земли позади нас, а впереди не было видно ничего. По бесстрастному поведению Длинного Глаза трудно было заключить наверняка, какая именно разновидность дурной погоды нам угрожает, но воздух не сулил ничего хорошего. В один момент небо потемнело до железно-зеленого цвета.

— Идет, — сказал Длинный Глаз.

Никогда еще в моей жизни не слышал я столь короткой угрозы.

Сюда меня бросил слепой поиск, мечта о Силе, которая неуклонно вела бы меня прямо к цели.

Одеревеневшее лицо Длинного Глаза было невозмутимым. Рядом с богом он был спокоен.

— Длинный Глаз, — сказал я, — ты, наверное, думаешь, что я собираюсь поработать, чтобы рассеять бурю?

Он пожал плечами, и эта сверхъестественная уверенность разбила остатки моей летаргии.

Затем пришел шторм, ураган. Звуки ветра доносились до нас, смешиваясь с плеском волн. Это было похоже на вой огромных голосовых связок, и оттого, что эти звуки, казалось, напоминали что-то человеческое или животное, ничуть не становилось спокойнее. В реальном мире для такого звука нет места, но он, несомненно, был. Это был звук, от которого хотелось убежать, хотя бежать нам было некуда. Потом дерево молнии заслонило темное небо, его ветви и сучья перекрывали небосвод от горизонта до горизонта. Шторм шел от корней молнии, и лист твердого и одновременно абсурдно легкого свинца шарахнул, как молот, прямо по лодке. Она подпрыгнула, как прыгали летающие рыбы, будто хотела освободиться и улететь.

Море обрушилось на меня. Рот был полон воды. Я пытался вдохнуть, но только еще больше наглотался воды. Волна катилась за волной. Лодка храбро пыталась удержаться на их гребнях. Под килем разверзся обширный провал между двумя валами — черно-зеленый, напоминавший гниющий моток эшкорекского шелка. Лодка качнулась, побалансировала на его краю и опрокинулась.

Получалось, что непобедимый бог должен утонуть: непобедимый бог не умел плавать.

Черная вода сомкнулась над моей головой, я оказался в воде, как в бутылке. Удушье не давало мне выбраться из этих плещущихся чернил.

Длинный Глаз, который хорошо научился плавать в ядовитой голубой реке, где и один глоток был смертелен, выудил меня. Он заставил меня обхватить руками плавающую мачту. За бесценным мгновением, когда я глотнул свежего воздуха, последовали пятьдесят секунд погружения в очередную волну. Глаза и уши резал ветер. Даже в темноте я видел лицо Длинного Глаза, оно было таким же пустым и невыразительным, как всегда. Когда следующий вал обрушился на нас, Длинный Глаз зажал мне рот и нос ладонью, чтобы предохранить мои легкие от новой порции воды. Парусным канатом он привязал свою левую руку к мачте. Теперь, когда море бросало волны в небеса с

частотой пульса, он кое-как ухитрился привязать к своему спасательному плоту и мою левую руку.

— Дурак, — сказал я, — не того хозяина ты выбрал, глупый раб.

Для разнообразия на сей раз черное небо упало на черное море.

На самом деле ураган, его первый акт, длился около трех часов. Не знаю, как мы его пережили. Все, что я знаю, — я хлебнул моря и отдал его назад. Удары моря и ветра пощадили меня, хотя мне казалось, что все мои переломы снова открылись. Я не чувствовал ног до самой промежутиости, а там я ощущал болезненную эрекцию, как будто море и в самом деле решило совокупиться со мной.

Мое лицо было исполосовано, как выпоротая задница, руки посинели, обнимая мачту. Левое запястье, там, где была веревка, охватывал браслет моей собственной ободранной кожи, кровавое месиво сухожилий. Длинный Глаз был в подобном же состоянии или даже хуже, его щеки были ободраны и кровоточили.

Вскоре мы выяснили, что обе его ноги были сломаны волнами. Но если бы не его уловка с привязыванием, мы бы уже утонули. Да и привязанные, наши тела были готовы умереть.

Я питался рыбой, теперь рыба будет питаться мной. В отчаянии я цеплялся за существование — мачту; выживание сжалось до окоченения, отвлеченные устремления были буквально смыты водой.

После трех часов, проведенных в аду (я определил продолжительность позже, сранивая положение солнца, которое едва заметил на небе), оказалось, что я дрсыфую в другом море. Вода стала такой гладкой, что я подумал — она замерзла. Такой гладкой, что после качки, которую мы перенесли и к которой я успел привыкнуть, меня затошнило. Затем, лишенная размеренных ударов моря, моя нечувствительность начала истончаться, освобождая сотни уколов боли различной силы.

Ураган, казалось, иссяк, море стало ровным, небо под лучами низкого солнца приняло яркий пастельный тон.

Это неестественное спокойствие было, скорее всего, в вортке, в «глазу» урагана и по сути являлось лишь интерлюдией, игрой кошки с мышкой.

Это и говорил мне Длинный Глаз. Даже в моем полубессознательном состоянии эта перспектива привела меня

в ужас. Я посмотрел вокруг, неосознанно радуясь спокойному морю, несмотря на то, что знал — это ненадолго. Солнце садилось на западе, справа от меня.

— Если у тебя есть желание проклясть меня, — сказал я, — давай.

Я говорил, как пьяный.

— Вы начнете действовать, когда будете готовы, повелитель, — сказал Длинный Глаз.

— Когда я готов? Неужели ты все еще не видишь, раб, дурака? Я ничего не могу сделать. Ну, давай, я освобождаю тебя, проклиная меня.

Он сказал:

— Мачта не спасет нас. Без воли повелителя мы не выживем.

Очевидно, он продолжал верить, что я обладаю неограниченными способностями, хотя и не упрекал меня за то, что я их не использовал. Я никак не мог отгадать, во что играющим представлял он меня.

Я отдыхал, положив голову на руку, привязанную к мачте. В голове было пусто. Внезапно, между вдохом и выдохом, я почувствовал Силу, зовущую из глубины моего подсознания: *Здесь. Ищи меня здесь.*

На протяжении всей жизни вы должны быть готовы изменить курс, тогда полученный сигнал не застанет вас врасплох.

Когда я был мальчиком в крарле и учился охотиться, ездить верхом, и был, в основном, своим собственным учителем, так как окружающие были настроены враждебно, я должен был без конца повторять, какие действия я производил: сейчас я кладу руку сюда, а так ставлю ногу. Однажды, к своему удивлению, я обнаружил, что я сделал все, что было нужно, инстинктивно, не обдумывая предварительно каждый шаг: я выучился. Что-то подобное этому случилось и в тот момент, как я позднее заключил. В этот час, казалось, черное окно разбилось внутри меня, а излучение стало распространяться вокруг, как откровение, подобное тем, которое люди, говорят, получают от своих богов или от своей судьбы. Возможно, это их собственная мудрость, наконец приходящая к ним.

Теперь свет был бронзовым, а плоскости волн напоминали сырые ювелира, тяжелые сгустки янтаря и золота.

Что-то плавилось в моей грудной клетке. Это заживали переломы, омертвевшая кожа клочьями слезала с ладо-

ней и лица, а под ней была совершенно новая, гладкая кожа.

Я разорвал веревку на левом запястье. Затем я сделал то, о чем мечтают все волшебники. Я поднялся на ноги, легко, как встают на палубе лодки. Я встал, выпрямившись на полу червонного золота, и зашагал по океану.

Я осознал все это позднее. А когда это случилось, пришло нечто вроде рассеянности, помрачения рассудка. Корнем этой силы является вера. Не говорить себе, что ты можешь, но знать, что ты умеешь.

С тех пор я достаточно много путешествовал в разные периоды моей жизни, чтобы понимать, что эти умения не так уж исключительны, как я тогда полагал. Чудотворцы — боги — единственные из рожденных, кто знал ключи к дальним комнатам сознания. Это их благо, но будьте осторожны: и самые подлые могут найти этот ключ или случайно наткнуться на него и тоже стать богами.

Достигнув одного чуда, остальные я представлял не более чем результатом вычислений математики.

Я немного балансировал, как возница, поддерживая свое тело парящим без усилий, мои стопы омывались гладкими спинами бурунов. Небо снова затягивалось тучами, ветер дул угрожающими порывами, постоянно меняя направление. Я смотрел на небо, на море, сливаясь с ними и повелевая ими.

Власть дает крылья и огонь. Власть — это вино, после которого все остальные вина — помой. Оказалось, что очень просто было контролировать гнев шторма; связать ветер, разбить на кусочки ураган, окруживший стену вихря. Сила на силу, бедро к бедру, мозг боролся с атаками шторма, лишённого разума. Порывы ветра были обращены против самих себя и разбиты.

Ураган умер над морем, как громадная призрачная птица. В конце концов дело было сделано.

Позади шторма оказалось зеленое облако, которое пролилось быстрым дождем. Мне был виден Длинный Глаз. Лежа на спине, он пытался поймать хоть часть дождя в свою кожаную бутылку — горшки из глины были разбиты и утеряны. Я наблюдал это с неким туповатым любопытством, двигаясь к нему по воде.

Над головой летели чайки, изгнанницы шторма. Воздух был заряжен озоном и запахом йода от плавающих обрывков морских водорослей. И в закате не было ничего

необычного. Апофеоз был в человеке, а не в мире, его окружавшем.

Длинный Глаз тихо лежал и смотрел на меня, ждал, пока я вспомню его мольбу. Боги — эгоисты, это их право и их недостаток.

Наконец я собрался и подошел к нему. Я исцелил его переломы, синяки и раны одним прикосновением, как и раньше, не чувствуя, чтобы какая-либо сила исходила от меня. Я спросил его, не чувствовал ли он боли или необычных ощущений. Я был жаден до фактов, не зная многого о своих талантах. Он сказал, что это было похоже на дрожь от разряда, полученного от шерсти животного в летний день. Я положил ему пальцы на лицо, чтобы обновить его кожу: он сказал, что было похоже, будто пауки бегают по лицу. Его ноги окоченели, и необходим был массаж, чтобы он мог ими двигать. Когда он смог двигаться, я отвязал его от мачты и велел ему встать и идти за мной.

Его лицо, почти невидимое сейчас, так как ночь была темной, а луна еще не взошла, слегка изменило выражение.

— Я раб повелителя.

— Если я скажу тебе делать, как я, то у тебя получится.

Он мог бы умереть, останься он в воде еще немного. Его непоколебимая уверенность, его человеческий разум, который и спас нас, были вещами, которые я оценил с внезапным эмоциональным пылом, новым для меня. Я взял его за плечи.

— Ты ведь знаешь, что я могу сделать так, что и тебе это будет по плечу.

— *Твой есть плащ, покрывающий меня*, — сказал он. Это была ритуальная фраза, сохранившаяся с незапамятных времен.

Он отпустил мачту — она была совершенно измочалена штормом — и раскинул руки, как бы балансируя. Схватив за плечи, я поставил его, как стоял сам, на слегка волнующуюся поверхность тихого ночного моря.

Там мы и оставались между небесами и океаном: над головой медленно проплывали облака, под ногами мягко плескались волны.

Длинный Глаз начал плакать, не стыдясь и не сдерживаясь. Он оскалил зубы, откинул голову и, гримасничая и рыдая, пристально смотрел в небо. Через минуту он про-

вел ладонью по лицу и посмотрел на меня. Он опять был столь же невозмутим, каким я и привык его видеть, будто вместе со слезами он стер и всякое выражение со своего лица.

Я повернулся и пошел на восток, в том направлении, куда вынес нас шторм. Длинный Глаз последовал за мной. Ничто не могло поколебать его веру. Он уперся взглядом мне в спину и припустил через море.

Теперь, обладая Силой, превосходящей любые человеческие ожидания, да и мои собственные тоже, я не чувствовал ни смущения, ни возбуждения.

В это время я не думал о своем отце. Не думал я и о ней, женщине-рыси, которую представлял некой лампой где-то впереди, и я, вооруженный молнией, однажды погашу эту лампу, как она погасила его темный свет.

Я думал о том, что было во мне, о себе самом.

Старше своих лет, моложе, чем цыпленок, я шагал по мозаичному полу, который был черным и серебряным, и вдруг разбился желтыми брызгами, когда солнце, как колесо, выкатилось с востока. Ночь минула, как будто крыло сложилось. И я увидел корабль, словно выгравированный вдаль, неподвижный, будто ожидающий меня на берегу острова.

2

Для людей южного океана море — женщина, а то, что способно оседлать ее и должно быть сильнее, — мужчина. Так что корабль, который стоял на якоре ярким утром, занесенный бурей далеко от торговых путей юга, был мужского рода.

Этот корабль-галера, корабль-самец возвышался, как башня, над водой своими двухэтажными палубами, оснащенными сотней весел. Две высокие мачты с остатками такелажа, оборванного ураганом, чертили зигзаги в подожженном восходе небе.

Под парусом он представлял славное зрелище — длинной в двадцать четыре человеческих роста от носа до кормы; надстройка над настилом железного дерева выкрашена голубым, как летние сумерки; позолоченный нос и обширный изгибающийся китовый хвост кормы; паруса индигового цвета с охряными фигурами; треугольный па-

рус на корме (его еще называют «акулий плавник»). Имя корабля было написано на боку южными иероглифами: «**ИАКИНФ ВАЙН-ЯРД**».

Он ходил в северо-западные земли, этот корабль, набивая трюмы красным янтарем и черным жемчугом, яшмой, тканями, мехами, пурпуром, античной бронзой с архипелагов Симы и Тинзена.

Однажды вдали от земли ветер внезапно стих. Рабы-гребцы, спины которых напоминали крокодильи от ударов, как дождь сыпавшихся на них, ругались и потели, задыхаясь от ненависти над шестами с железными лопастями. Только приговор к смертной казни обрекает человека сидеть на веслах, и проходит лет десять, а то и больше, прежде чем они убьют его.

Прекрасный корабль, раскрашенный, как куртизанка, красивый, как паж, и названный именем одного из них, он приводился в движение болью и гневом, бушевавшими в его утыканном веслами чреве. В полночь он встретился с ураганом, одним из тех чужеземцев, с которым не согласишься сделки.

Ночь и часть дня галера боролась с бурей.

Свернутые паруса, порвав крепления, ветер разорвал в лоскутья. Беспольные весла закрепили. Помещение для гребцов, хотя и находилось под палубой, было затоплено водой, проникшей через люки. Крутом лежали мертвые — как обычно лежат они, неаккуратно и беспомощно; надсмотрщик пытался переиграть погоду и заплатил за это увечьями и жизнью гребцов. Корабль метался по воле кипящего холодного моря и черного шторма. Он был хорошо сделан для такой работы, иначе бы он не выдержал.

Около полудня они вошли в застывший глаз урагана. Матросы, многие из которых еще недавно были рабами, а следовательно, людьми сухопутными, как и я, ничего не знающими о море, думали, что гнев шторма улегся. Они лежали ниц на палубе, вознося молитвы своим амулетам, так же лежали они, молясь и блюя, когда свирепствовал шторм. Другие знали, что такое спокойствие в вортексе, и собирались бросить ценный груз за борт, чтобы умилюстить море. Офицеры, чья алчность была сильнее тревоги и предрассудков, решили по-иному. Навигационные инструменты были разбиты или разладились, берега в пределах видимости не было. Капитан придиричиво осматривал свою плетку с янтарной ручкой. Даже в самый разгар су-

матехи капитан по имени Чарпон был скорее угрюм, чем встревожен. Чарпон был сыном «новой» крови, незаконнорожденным представителем элиты, недавних завоевателей древнего города. Он чувствовал себя на корабле как дома. Его чувства были ограничены корыстолюбием, скрытой гордостью, некоей грубой, лишенной воображения сообразительностью и любовью к мальчикам.

Пока «Иакинф Вайн-Ярд», странно спокойный между двух стен шторма, мягко покачивался под ним, Чарпон, с лицом, похожим на кулак, с плеткой в руке, стоял на носу корабля. Он не думал о смерти, скорее всего, счеты в его голове подсчитывали убытки — потерянных рабов, утраченные товары, поврежденное судно. Галера воплощала для него двенадцать лет жизни, которые он потратил, чтобы купить ее. Ураган все разрушил.

Через два или три часа, когда небо позолотилось, а море стало похожим на шелк, более нежный, чем крашеный хлам в трюмах галеры, экипаж снова опустился на колени, чтобы возблагодарить океан.

Перед идиолом в возведенной на палубе часовне были воскурены благовония. Статуя изображала воина-бога мужского пола с молниями в руках, сидящего верхом на рыбе-льве с эмалированными крыльями синего и зеленого цветов. Это был демон волн Хессу, дух, почитаемый моряками Хессека, принадлежавшими к «старой крови». Чарпона это не волновало.

Корабль встал на якорь — зализать свои раны. Все рабы были разделены на группы, чтобы залатать и поставить паруса, залить течи разогретой смолой и выбросить за борт бесполезных мертвецов. Капитан и его помощники готовились прокладывать новый курс.

День ушел в ночь. На судне была выставлена вахта, десять измученных человек, по-прежнему немного опасавшихся, что ураган, как тигр в ночи, может снова напасть. Они суеверно беседовали с красными бусинами хессекских шейных четок, обещая на берегу принести жертвы всем духам.

Солнце, совершив свой круг под морем, поднялось из него на востоке. Внезапно один из вахтенных завопил в ужасе:

— *С'вах ай!* — Этот вопль приблизительно означает «Да хранят меня боги!»

Зазвучал свисток, сбежались матросы. К этому времени вахтенный упал на палубу. Вскоре появился Чарпон со свернутой плеткой в руке.

— Что говорит этот слабоумный?

Моряки заразились чумой страха, и хотя знали, что их капитан не религиозен, колебались, говорить ли ему. Поцелуй плетки, однако, развязал их языки.

— *Лау-йесс* (хессекское слово, выражающее почтение и повиновение). Кай говорит, что видел человека в море.

При этом Кай начал бормотать и стонать, и трясти головой как помешанный. Чарпон ударил его.

— Говори сам, червяк.

— Не человека, лау-йесс, бога, огненного бога королей Масри — Масримаса, одетого в пламенные сполохи солнца. Я видел его, лау-йесс, а он шел, шел по морю.

Матросы испуганно переговаривались. Чарпон одарил Кая вторым ударом.

— Мой экипаж сошел с ума. Блажь в башке. В море нет ничего. Возьмите этого червяка и держите его в кандалах, пока повиновение не полезет из него. Он не будет есть и пить, пока не поправится рассудком.

Но когда незадачливого Кая утащили прочь, закричал еще один вахтенный. Голова Чарпона дернулась. Матросы вцепились в поручни. На этот раз — никакого волшебства. Два человека, выжившие, хоть и с повреждениями после шторма, плыли на обломках. Один из них слабо шлепал по воде, чтобы привлечь внимание.

Чарпон кивнул. Он видел не людей, переживших шторм, но замену гребцам, если, конечно, они останутся живы. Некоторая, в конце концов, компенсация, которую можно учесть на счетах, щелкавших в его голове.

Зная, что я мог бы пройти по воде и пешком добраться до судна, наблюдая, как сотни две человек в панике падают ниц, или, того хуже, в смятении хватаются за оружие, я предпочел быть обнаруженным в образе беспомощного бедняка. Я слышал крик ужаса того вахтенного, и это было для меня достаточным предупреждением. Я и Длинный Глаз легли в море. Левитация избавила нас от необходимости плыть, я поддерживал нас на поверхности и позволил мелкой волне нести нас к кораблю.

Наконец нам были брошены веревки. Мы побарахтались и схватились за них, и по обшивке из железного дерева мимо написанного иероглифами названия корабля нас втянули на палубу.

На нас упала тень Чарпона.

Он был высокого роста. «Новая» кровь завоевателей проявлялась в его росте, широких костях, смуглой коже. Его волосы были немного завиты и намаслены и напоминали черную лакированную чашу. У него были белые, но неровные зубы, напоминавшие шипы, кое-как воткнутые в цемент. В его левом ухе качалась длинная золотая сережка — в форме символа их огненного бога Масримаса.

Чарпон ткнул меня ручкой своей плетки.

— Сильны, псы, — сказал он, — пережили шторм. Ну, посмотрим.

Он потрогал серьгу в ухе и спросил меня:

— Говоришь по-масрийски?

— Немного, — ответил я, не желая показать, насколько хорошо я знаю этот язык.

Хотя масрийский вошел в мое сознание, как любой другой язык, который мне встречался. Это был язык завоевателей, названный, как и их раса, именем их бога. Чарпон кивнул на Длинного Глаза.

— Нет, — сказал я. — Он просто мой слуга.

Чарпон милостиво улыбнулся. Дни моего обладания какими-либо слугами были, несомненно, сочтены.

— Откуда вы?

— С севера, с северо-запада.

— Из-за стены скал?

Я вспомнил огромные утесы поперек моря. Возможно, торговцы слышали о северянах, но не забирались так далеко на протяжении веков.

— Да. С берега древних городов.

— А-а, — казалось, он знал их. Без сомнения, знал он много. Бедная для торговли земля, руины и горстка варварских племен. Я чувствовал его грубое притворство, его злобную алчность и без всякой помощи магии понимал, что он использует меня там, где ему покажется выгоднее. Появился вопрос — а могу ли я читать его мысли? Я не знал границ своей силы — должна же она где-нибудь кончаться? Я вздрогнул от внезапного вмешательства в трясину и сточные трубы чужого мозга и вяло подумал, что в любом случае я не смогу им управлять.

Чарпон не был склонен устанавливать глубину моих познаний в масрийском языке. Возможно, он считал, что на нем должен говорить весь мир к вящей славе его незаконных наследников. Он постучал ручкой плетки, и один из матросов принес мне горшок с водой, смешанной с каким-то горьким алкогольным напитком. Длинному Глазу

не предложили, и, когда я поделился с ним своей порцией, это, кажется, задело Чарпона.

— Мы не можем отвезти вас домой, — сказал он мне. — Мы направляемся в сторону Дороги Солнца, этот путь ведет к столице юга. Мы предлагаем вам ехать с нами. Это расширит ваш опыт, господин, — он пытался сделать вежливым свой саркастический юмор. Его четыре помощника, хорошо одетые громилы, у одного из которых не хватало глаза, хмыкнули.

— Согласен, но я не могу вам заплатить. Возможно, я смогу отработать свой проезд? — сказал я.

— Да, конечно. Но прежде пройдите со мной в надстройку, господин мой, и разделите с нами обед.

Его ухмылка и неуклюжие манеры могли бы насторожить последнего профана, однако, находясь в положении потерпевшего кораблекрушение, все потерявшего, запуганного, зависящего от его милости человека, я поблагодарил и последовал за ним, сопровождаемый головорезами. Длинный Глаз шел на шаг позади меня.

Надстройка располагалась в кормовой части галеры, сооруженная из железного дерева и выкрашенная в цвет индиго. Дверь, однако, была из кованого железа с медными украшениями. Внутри была просторная комната с расположенными вдоль стен плюшевыми кушетками, покрытыми вытершимися драными мехами, а подушки и занавеси больше подошли бы борделю. Шикарный закуток для содержанки Чарпона. Я представил себе капитана, отдохавшего, развалясь, при дымящихся курильницах, его плетка лежит рядом, готовая к действию. Обязательная статуэтка Масримаса из позолоченной бронзы тонкой работы стояла в алькове, перед ней порхало пламя, отражаясь в перламутровых глазах божества.

Мы сели за стол Чарпона — я и четыре его помощника. Длинному Глазу он позволил сесть, сгорбившись, на матах у моего стула. Три юнца принесли еду. С детства обреченные на эту адскую жизнь, они, по масрийскому закону, были приговорены к ней на десять лет или до того момента, когда у них появится возможность сбежать в каком-нибудь порту. Двое были красивы даже под налетом грязи, а один из них знал, в чем его удача. Он исподтишка немного флиртовал с лау-йессом, потираясь телом о руку капитана, пока устанавливал блюда в подставки на столе. Чарпон отпихнул его в сторону, как бы раздраженный его

глупостью, но взял на заметку. Мальчишка будет смышлен, если продолжит. Хотя он был маленький и легкий, и, судя по бледному изможденному лицу, принадлежал к «старой» крови, у него было уже масрийское имя. Он смотрел на нас с нарочитым презрением, предусмотрительно отделяя себя от проклятых.

Полумертвые птицы падали на палубу корабля, когда он вошел в центр урагана. Матросы свернули им шеи и теперь подавали тушеными. Почитатели пламени не марают огонь, ставя в него решетки для приготовления пищи, позволительно лишь мясо, отваренное в горшке или запеченное в жаровне, да и то полагалось держать его на почтительном расстоянии от бога.

Чарпон принудил меня к обжорству, так как обычно я ем мало: он сказал, что я должен восстановить силы. Все-таки он заметил, что я не столь уж был ослаблен борьбой со штормом, да и мой слуга тоже. Как долго пробыл я в воде? Я соврал ему, сказав, что лодка перевернулась позже, чем на самом деле. Он все равно удивился. Большинство людей, находясь в море, давно бы погибли. Масримас благословил меня и сохранил для корабля.

Я спросил его, между прочим, какую работу я мог бы выполнять на галере, чтобы расплатиться с ним. Он ответил, что я буду занят на общих для команды работах. Теперь я знал наверняка, что он отправит меня на гребную палубу.

Я обернулся и сказал Длинному Глазу на языке черных людей:

— Он хочет, чтобы мы обнимались с веслом. Следи за ним.

Чарпон решительно сказал:

— Будете говорить по-масрийски.

— Мой слуга говорит только на своем языке.

— Неважно. Лучше делай, как я сказал.

Его громилы засмеялись. Один сказал мне:

— Вы, должно быть, принц среди варваров. Спасли ли вы какие-нибудь драгоценности со своей лодки?

Я сказал ему, что у меня ничего нет. Другой запустил руку в мои волосы.

— Вот что. Если юному повелителю варваров захочется расстаться со своей роскошной шевелюрой, в Бар-Айбитни немало старых шлюх, готовых отдать связку золотых монет за такой парик.

Я слегка повернулся, чтобы посмотреть на этого человека — его звали Кочес, — пока он гладили меня. Его глаза расширились. Он отдернул руку, как будто обжегся, его лицо посерело. Остальные как раз пили и ничего не заметили.

После чуда на море мои способности, казалось, как меч, лежали в своих ножах. Я стоял перед выбором. Я мог бы загипнотизировать целую комнату разбойников, убить их или парализовать белой энергией моей мысли, или выкинуть еще какой-нибудь пугающий колдовской трюк, чтобы заставить их трястись от страха.

Было ошибкой чувствовать себя всемогущим на досуге. Внезапное нападение сзади изменило мои мысли, но было уже слишком поздно. По голове меня стукнули чем-то достаточно тяжелым, чтобы растряссти мои мозги.

Я был, однако, в полном сознании и знал, что меня тащат на нижние палубы, что было ничуть не лучше смерти в шторм.

Меня тащили волоком. Подняли какую-то крышку, обменялись парой слов насчет нового тела вместо мертвого. Меня положили и оставили лежать в вонючей темноте, в клоаке отчаяния. Гребцы, раскинувшись, крепко спали, храпели и мычали, гребя в своих снах. Ко мне привалился Длинный Глаз. Крышку захлопнули.

Через некоторое время сквозь мои веки засиял свет лампы. Надо мной склонились надсмотрщик и барабанщик, чьей задачей было отбивать ритм для взмахов весел. На шаг позади них стоял один из двух «успокоителей» — необходимая должность на галерах с рабами; успокоители должны были ходить по проходам между рядами гребцов и «успокаивать» своими плетками-цепами тех, кто валился со скамьи от непосильного труда. В сравнении с этими цепями плетка Чарпона была просто бархатной ленточкой. Каждый инструмент имел по три веревки из плетеной кожи с железными крючьями на концах. Мои глаза были закрыты, в голове шумело. Передо мной предстало скорее мысленное, чем натуральное изображение этих людей на основе их бормотания и движений, а позднее и на основе личного опыта. Отчасти меня разочаровала их объяснимость, как объяснимость монстра на детском рисунке. Каждый из них был неизбежно таким, каким его представляли — некое человекообразное воплощение растленной порочности и близорукого невежества.

— Вот этот очень сильный, — заметил надсмотрщик, помяв меня, как густое тесто.

Барабанщик сказал безразлично:

— Они не долго тянут, надсмотрщик, даже сильные.

Где-то один из гребцов во сне невнятно попросил пить. Раздался треск цепа. Ближайший успокоитель засмеялся.

Следующим осмотрели Длинного Глаза, и были сказаны те же слова. Будь перед ними строй в пятьдесят потенциальных гребцов без сознания, нет сомнения, они все повторяли бы одно и то же: «Этот сильный. Даже сильные недолго протягивают».

Два успокоителя подняли меня. Они обращались со мной без всякого интереса, так как я был не совсем в сознании, не совсем живой, не совсем восприимчивый, и любовь между нами еще не началась. Больше всего они любили крепких, упрямых рабов, которые взвивались от ударов цепа, закованные в кандалы, пытались бороться, освободиться и убить палача даже без всякой для себя пользы.

Весьма скоро они нашли для меня свободное место.

Под скамьей лежал мужчина в цепях, во сне его грудь вздымалась со ржавым скрипом.

Вонь от скамеек была густой, как слизь в ноздрах.

Успокоитель наклонился, укрепляя железки на моих ногах и примеряя ноги к скамье. Обе конечности были прикованы. Позднее железный пояс соединит меня с самим веслом.

Прежде чем уйти, один из успокоителей ударил меня по спине так, чтобы я, проснувшись, вкусил прелести своей новой жизни. Я быстро приходил в себя и, сконцентрировавшись, тут же залечил след от удара, чего он в темноте не заметил.

Кандалы были из закаленного синего железа, в северных землях его называют алькумом. Я осторожно ощупал их, как всегда раздумывая, смогу или не смогу. И наручники открылись, как будто они были из теплого воска. Лежа под скамейкой, я засмеялся тихонько, радуясь своему магическому умению, и звук смеха, незнакомый человеку рядом со мной, моему совесельнику, разбудил его.

Судя по его крикам, ему снились страшные сны, он тонул в холодных морях, затянутый в кишку погружающегося корабля, из которой не выбраться. Он был симейз, изжелта-бледный, со свалявшимися, как шерсть, черными

волосами представителя «старой» крови. Ему осталось жить едва ли год. Приходя в себя, он смотрел на меня со злобным сочувствием, сожалея, что другой должен был разделить его участь, и вместе с тем радуясь этому.

— Удачи не было с тобой, — обратился он ко мне на арго южных торговых путей, этот язык включал немного масрийского, немного хессекского, понемногу еще из десяти южных языков.

— Тогда она, наверное, с тобой. Как тебя зовут?

— Меня зовут, — повторил он. Он закашлялся и сплюнул, чтобы прочистить легкие. — Когда-то меня звали Лайо. Где они тебя поймали? — спросил он не из любопытства, а лишь следуя ритуалу, по которому новая жертва должна быть распрощена.

— Они меня не поймали, Лайо. Смотри, — я показал ему оборванные цепи на моих ногах. Железо казалось оплавленным.

Он взглянул и опять закашлялся, прежде чем сказать:

— Ты подкупил их, чтобы они не приводили тебя в порядок? А то они опять сделают это.

Пальцами я поднял кусок цепи, она распалась перед его глазами. Он моргнул, пытаясь понять, в чем дело.

— Ты хочешь быть свободным, Лайо?

— Свободным? — спросил он.

Он посмотрел на меня, потом на кусок цепи и снова начал кашлять.

— Ты болен, — сказал я ему. — Через два месяца у тебя откроется кровотечение в легких.

Что-то прошло по его лицу, мысль о весле в бескрайнем море; его ребра были сломаны, боль в груди рвала ее на части, как тряпку. В его взгляде мелькнул и угас испуг.

— Смерть — не чужая нам. Пусть приходит. Ты — смерть?

Я потянулся и положил руку на его живот. Болезнь свернулась, как змея, которую прижали палкой. Он задохнулся, сбился с дыхания и в ужасе отпрянул от меня, ахнул и закрыл лицо ладонями.

— Скажи, что ты чувствуешь, — сказал я ему.

И тут он ответил спокойно:

— Ты — бог.

— Который из них?

— Каким назовешься.

— Зови меня Вазкор, — сказал я.

— Что ты сделал со мной?

— Я вылечил твои легкие.

— Освободи меня, — сказал он. — Освободи меня и можешь распоряжаться моей жизнью.

— Спасибо. Ты предлагаешь то, что я и так возьму.

Он держал ладони у лица. Это был ритуальный жест — уничтожение перед Необъятным.

— Притворись, что между нами ничего не было, — сказал я. — Позднее ты освободишься.

Он откинулся назад, ослабленный током целебной силы, протекавшей сквозь него. Мне было странно заниматься магическим исцелением, не чувствуя ни жалости, ни сострадания, которые раньше двигали мною.

Теперь я был осторожен и ничего больше не делал. Вскоре успокоитель обнаружил меня на том же месте, раскованного. Он кликнул одного из своих приятелей. Затем пришел надсмотрщик и заорал, как плохой актер, что им надо было лучше смотреть, прежде чем заковывать человека в ржавые цепи.

Я искоса смотрел, как они принесли цепи и проделали всю работу снова.

Лайо засмеялся и получил цепом по шее.

Немного погодя поступил приказ капитана опустить весла на воду.

«Иакинф Вайн-Ярд» поворачивал домой.

Теперь — на юг, не на восток. Как я помню из видения, посетившего меня на острове, корабль был судьбой, которая привезет меня прямо к нужному месту. Я найду ее на юге, возможно даже в этом городе, который они называют Бар-Айбитни, где поклоняются богу огня. Что она делала там? Или, чтобы найти Уастис Перевоплощенную, мою мать, мне потребуется двигаться дальше?

Погруженный в раздумье, я не сделал никакой попытки уклониться от весла. Мне было достаточно знать, что я могу освободиться в любую минуту. Кроме того, я был молод и горд и верен клятве мести. Каким-то образом это настроение подходило к тем огромным, вспарывающим воду взмахам, которые совершали лезвия из железа и дерева.

В работе с веслом ваше тело принимает участие от лодыжки до паха, от паха до черепа, только ступни отдыхают, да и то не всегда. Мальчик, приставленный к веслу, когда он еще растет, освободится — если только он когда-нибудь освободится, — с телом жабы — обширной грудной

клеткой и короткими и толстыми шлепающими ногами гоблина. Тут и там в Бар-Айбитни вы можете видеть таких людей, выживших после кораблекрушения или пиратского налета.

Тяжелый труд был мне нипочем. Я мог бы один держать это громадное весло, да еще и размахивать им, что я позднее и сделал.

В этот момент подошел успокоитель, чтобы проверить мои кандалы. Они были целыми, неповрежденными. Он хмыкнул, отступил на шаг и для забавы замахнулся цепом. Я обернулся и заглянул в его зрачки.

— Знай, собака, как подбирать змей.

В его глазах молнией мелькнул страх. Он почувствовал, как плетка зашевелилась в руке, и с криком ее уронил.

— Бедный пес, — сказал я. — Заболел. Пойди поблуждай, собака, пока не просохнешь.

Он порывисто обернулся и, схватившись за живот, побрел в сгущавшиеся сумерки. Было слышно, как он блюет. Лайо радостно захихикал. Почуввав непорядок, у моего локтя материализовался еще один успокоитель.

— Дай мне воды, — сказал я. — Воды, ради твоего бога.

Он ухмыльнулся, посмотрел мне в глаза и собрался ударить меня, но вместо этого полоснул себя по лицу. Он вскрикнул от боли и упал на колени.

— А теперь ты дашь мне воды, — сказал я и положил руку ему на плечо, продолжая легко грести другой рукой. Он убрал руку от поврежденного лица. — Воды в чашке.

Он уполз и вернулся с железной чашей, его собственной, наполненной водой пополам с пшеничной водкой. Я выпил и с поклоном вернул ему чашу. Он ушел в свою каюту, очевидно не осознавая боли, хотя был весь в крови.

Барабанщик сидел и тупо, не глядя на барабан, отбивал ритм. Выше был надсмотрщик.

Над гребущими рядами сгустилось напряжение. Весло не совсем согласуется с умственной деятельностью; только немногие поняли, что произошло. Тем не менее, по палубе, как новый запах, распространилась скрытая тревога и грозные, беспощадные воспоминания о кровных устремлениях раба — мятеж, восстание, свобода. Безжалостный маятник качнулся в обратную сторону, но никто из них этого не заметил — все укрепляли себя туманной молитвой о переменах к любимым богам, которых они еще прощали и почитали.

И никто из нас не пропустил взмах весла.

Они считали, что для того чтобы выбраться снова на морские пути и достичь города, потребуется семнадцать дней, так как они были в самых дальних краях, когда ураган настиг их. Это время было высчитано с учетом совместного использования полной парусности и гребной силы, поэтому каждый гребец треть дня работал на большом весле в одиночку и еще треть дня — со своим партнером. В час, последовавший за закатом, когда на четверть освещенные сумерки нижней палубы наполовину сгустились, была разрешена первая порция отдыха, и гребцы провалились в тяжелый сон со стонами и бормотанием, раз услышав которое, любой человек всегда узнает его, когда бы и где бы он его ни услышал потом. С полночным ударом колокола плетки снова поднимали ряды, чтобы они трудились по сменам до восхода солнца.

Я побыл в рабстве еще один день, и с меня хватило.

На закате, перед концом работы последней смены, я разбил и отбросил свои цепи и встал, оставив Лайо грести. Два успокоителя, с которыми я уже имел дело, с криками ретировались. Немедленно крик был подхвачен, гребцы зарычали у своих весел, как злые голодные звери, но ни один взмах весел не был пропущен. Просто успокоители на моем трапе не желали меня трогать. Я поймал их взгляды, и они потихоньку выбрались в проход, сгорбившись, как люди, на чьих плечах лежала непомерная тяжесть. Осмотрительный барабанщик перестал отбивать ритм и приготовил свой молоток для удара. Я обратился к нему.

— Отложи молоток, а не то сломаешь об него собственную руку.

Даже паралич власти не сбил весла с ритма. Они продолжали двигаться, как страшная заводная игрушка, хотя все лица были обращены к нам. Надсмотрщик лежал в каюте на нижней палубе, нянча трубку тинзенского опиума.

— Отправляйся назад, на свою скамейку, — сказал он грубо. — Кто послал тебя сюда?

— Не беспокойся, — сказал я. — У тебя видения от маковых зерен.

— Ты не видение, вонючий раб, — прошептал он, улыбаясь мне сквозь тонкий туман, застилавший его расщелин. — Кто тебя расковал?

— Я Вазкор, а ты мой слуга. Не сомневайся. Примирись с этим.

— Если я не повинуюсь, что тогда?

— Попробуй и узнаешь.

Он откинулся на подушки.

— Ты раб, — сказал он.

Я посмотрел в его ослепленные наркотиком глаза и, заставив его понять, что я не раб, вышел, оставив его в жалком бессловесном идиотизме; по его лицу все еще блуждала идиотская улыбка. Я не думал, что мне надо поспать, но решил, что я должен. Я выбрал себе место, уверенный, что внушаю достаточно страха, и никто не осмелится за этот час приблизиться, чтобы напасть на меня.

Сон был наполнен сновидениями, кошмарами, которые впервые за эти дни разозлили меня. Мой дар перерос эту злость или, по крайней мере, должен был это сделать. Лежа на грубо сколоченной скамейке в камерке успокоителей, я снова встретился с Эттуком, и со всеми прежними поражениями, и с новым проклятием — девушкой, повесившейся на своих собственных золотых волосах. Во сне я не был волшебником.

Около полуночи я проснулся.

Я подумал: «Все это теперь не так. Я изменился, я вытеснил свое прошлое».

Надо мной склонилась тень, она качалась из стороны в сторону, когда я ворочался.

— Я не хотел ничего плохого, лау-йесс.

Успокоитель с располосованным лицом — он будет носить этот шрам до конца своих дней, какими бы долгими или короткими они ни оказались, — величал меня титулом Чарпона.

От него я не чувствовал угрозы, но я поднял ладонь и из нее потекла энергия, а он упал на колени, в темноте умоляя меня, чтобы я не причинил ему зла. Эта энергия прояснила мои мысли, и я готов был излучать ее разными дозами и в различных направлениях.

Не было проблемы призвать к порядку слуг, не составило труда убить врагов или, возможно, это не было так трудно, как в диких землях за Эшкореком, когда после вспышки наступала беспомощность и болезненное оцепенение.

Я провалился в другой сон. Мне снился мой отец.

Он ехал верхом по белому городу, неравномерно освещен-

щенному кострами, а я ехал рядом с ним. Я не мог видеть его лица на фоне красных огней, но я видел белую кошку, сидевшую на его плече; она протягивала лапу и царапала его грудь там, где сердце, и его черная рубашка была в крови. Он не вскрикивал от этих резких ударов, угрожавших его жизни, но тихо сказал мне:

— Запомни это, помни клятву, которую ты мне дал. Не измени ей, не измени моей воле, которая движет тобой.

После этого я мирно проснулся, как не просыпаются после таких снов.

Но все мрачные шутки, совершенные мной при помощи моей силы на корабле, и все бесконечные ошибки, которые я сделал, оставили во рту кислый привкус, как вино, которое слишком долго держали в бочонке.

Я был не ребенком, а мужчиной, и сыном мужчины. В этот момент его смерть, как свинцовая веревка, висела вокруг моей шеи. Мой отец не стал бы так шутить со своей судьбой, как я шутил со своей. Он гораздо лучше применял и свое безжалостное честолюбие, и свой железный рассудок, и свои способности. Неужели я лишь пародировал Эттука, этого жалкого рыжего борова, хрюкающего в своем хлеву?!

Над головой прозвучал полуночный колокол. Проигнорировав мое отсутствие, как толпа игнорирует идущего мимо прокаженного — раздаваясь в стороны и продолжая говорить о погоде и состоянии торговли, — братство цепов подняло ряды на работу.

Я встал, вышел и по приставной лестнице выбрался с гребной палубы, проснувшиеся провожали меня блестящими, полными страха глазами.

Я прошел мимо двоих часовых на верхней палубе и поразил их прежде, чем они могли меня остановить. Я уже пользовался оружием и энергией; было любопытно превратить человека в камень одним взглядом.

Каюта Чарпона была тускло освещена низко стоявшим светильником. По масрийскому закону никакое зажженное пламя нельзя было оставлять неприкрытым, только перед богом. Комната пахла борделем и конюшней.

Капитан, в свете лампы красный, как бык, разлегся поперек того красивого мальчика, который, как я видел, приставал к нему раньше. Лицо мальчика, творожно-белое между красноватой кушеткой и красноватым телом капи-

тана, было обращено ко мне со зловным ужасом, как белая маска крысы, загнанной собаками в угол.

— Лау-йесс, — закричал он, хватая руку Чарпона, боясь со страхом рассердить капитана и страхом передо мной.

Чарпон рычал. Мальчик тряс его, шепотом стремительно шепча что-то на плохом масрийском. С проклятием Чарпон тяжело повернулся и увидел меня. Его пальцы скользили по кушетке, разыскивая пояс с ножом. Я позволил ему крепко схватиться за рукоятку, прежде чем прочить его. В тот раз я увидел молнию, ударившую из моей руки. Я молча схватил его за запястье, но Чарпон заорал и отскочил в сторону, уронив вытащенный нож. Мальчишка запищал и, спрыгнув с кушетки, забился в угол. Я его пожалел — ночь его удачи кончилась так неожиданно.

— Мелкир, беги за помощниками, — закричал Чарпон. Я сказал:

— Это ничего тебе не даст. Прежде чем мальчишка доберется до двери, я убью его, а ты, обещаю, будешь следующим.

Я еще раз ударил его молнией между ребер; год назад я бы ударил туда копьём. Он согнулся среди экзотических мехов, хватая воздух ртом.

Мелкир захныкал.

— Ты испортишь свою внешность, — сказал я. — Закрой рот и сиди тихо, и доживешь, чтобы выгрузить свои товары на берег.

Он тут же вытер слезы и сделал невинные глаза. Будучи учеником суровой школы, он быстро усваивал уроки. Магия была менее убедительна, чем жестокость, лишь еще одним ответвлением которой она, очевидно, была; ее надо было избегать, от нее защищаться, но по возможности и пользоваться ею.

Я подошел к Чарпону и перевернул его на спину. Он вытер рот и оскалил свои неровные зубы.

— Что ты такое? — спросил он меня.

— А как ты думаешь?

— Я думаю, несчастье. Я послал тебя к веслу, а ты тут выделяешь разные штучки. Ты, наверное, жрец? Я слышал, что жрецы знакомы с подобными уловками.

За драпировками послышался быстрый легкий топот ног — мальчишка удрал через дверь.

— Ну, — сказал он, — и что же ты хочешь?

Я посмотрел в его маленькие черные глазки, сдавшиеся без борьбы. Поняв, что не сможет померяться со мной силой, Чарпон не тратил сил на сопротивление.

— Твой корабль, — сказал я. — Твою службу. Все, что я скажу, должно быть сделано. Позовем твоих офицеров и сообщим им счастливую новость.

Ночь снаружи уже пахла пряным южным бальзамом, и звезды между парусами сложились в другие узоры.

Я совсем забыл про Длинный Глаз, а вспомнив, заставил их освободить его. Он пришел хромя и встал рядом со мной.

Я помнил, как я ценил его и как был расстроен, обнаружив опять, что он — лишь часть всего того, что меня окружало, какого-то полигона для смертных, населенного созданиями, ничуть не похожими на меня, как трут не похож на появляющееся из него пламя.

Я оделся светом, чтобы произвести на них впечатление, и действительно произвел. Это, как и многие другие вещи, было очень легко сделать. Раздражающе легко. Нет ничего удивительного, что после я неохотно экспериментировал с Силой, как почкой, набухавшей во мне, боясь ее столь неожиданно высвобожденной мощности. Итак, я стал повелителем корабля Чарпона, и девяносто семь человек той же ночью присягнули мне на верность, стоя на верхней палубе на коленях, напуганные и озадаченные.

Я не чувствовал ни гордости, ни восторга. В тот момент я чувствовал, что напуган, как они. Я, не король и не волшебник, оказался на вершине; не бог, просто человек, изолированный от своего рода. Я был одинок, как никогда до того в своей жизни.

Часть II: Чудотворец

1

Первый город, в который я попал, был мертвый город Эшкорек — золотой череп. Мой второй город, сияющий муравейник, жил и казался недоступным для несчастий, упадка, стремительно летящих ветров времени, для любой

из тех сил, что заживо съели Эшкорек. Я помню, что несмотря на все те события, который привели меня туда, я был все еще достаточно молод, чтобы на семнадцатое утро разинуть от удивления рот, когда «Иакинф Вайн-Ярд», свернув паруса, как голубой мотылек свои крылья, вошел на веслах в бухту Храгон.

В Бар-Айбитни рано пришло лето; на фоне декораций индигового неба пять сотен дворцов купали свои отражения в море сапфира. Западнее, там, где начиналась часть залива, отведенная для стоянки торговых судов, вода была покрыта золотыми и зелеными кораблями-аллигаторами. В самой дальней части залива, полыхая, как огонь высотой около шестидесяти футов, стояла статуя из позолоченного алькума — фигура Масримаса Бар-Айбитнийского. Храгон Масрийский, первый король-завоеватель, который сделал город могущественным, установил и статую. Это стоило жизни тысяче хессекских рабов, но жизнь раба, как всегда, недорого обходилась. Бог был облачен в складчатую юбку, штаны с обильными сборками и высокие, до колен, сапоги завоевателей; еще он имел массивный воротник, наплечники и остроконечный шлем воина. Этот наряд, впечатляющий на высоких масрийцах и на самом деле служивший для того, чтобы они казались гигантами среди мелкоты, был для людей под их властью еще одним напоминанием о том, что уменьшить человека до карликового роста значит победить его.

Сто лет назад, в дни хессекских королев «старой» крови, здесь был только эмбрион города — Бит-Хесси, или Устье моря. Внутренние земли занимали три хессекские провинции, а через море к западу лежали хессекские Сима и Тинзен. Хессекским королевствам удалось просуществовать несколько веков, прежде чем гроза войны разрушила древнюю и уже пришедшую в упадок культуру. Война пришла с востока в лице людей молодой расы, рвавших на юг и на запад. Старый мир рассыпался там, где они проходили. Маленькие империи, разбитые и разграбленные, истреблялись одна за другой и восстанавливались под рукой Масримаса, повелителя пламени.

Почитатели огня были выдающейся расой, многочисленной, имевшей огромную армию. Их легионы, или джерды, были несравненны. Вымуштрованные, одетые в полированную бронзу, на лошадях (а подобных животных на юге не видели раньше), подгоняемые нуждой в земле,

они переливались, как море, через все границы, означенные на картах. Голодавшие на своей засушливой родине среди бесснежных скал и голой пустыни, масрийцы оценили юг, его реки и пойменные долины, а хессеки с тупым упрямством сопротивлявшиеся переменам, были повержены и одичали вместе со всеми остальными. Соблазненные, однако, той невестой, которую они взяли силой, воины отстроили старый мир заново, переименовав его в «Новый» и развели на руинах пустяковую архитектуру. Бит-Хесси — единственный хессекский порт на океане, был восстановлен и перестроен в образцовый город для императора — воина Храгона. Город стал называться Бар-Айбитни; он моментально бросил вызов масрийским городам на востоке, а вскоре и затмил их.

Построенные у моря дворцы, храмы, памятники, театры быстро низвели обличье бывшей древней столицы до художественного уровня балагана. Завоеватели стали оккупантами земли, на которой жили многие, им пришлось учить ее обычаи. Теперь джерды маршировали лишь на плацах и придворных парадах, оружие ставили в тавернах и у постелей женщин; скоро половина Хессека была оплодотворена масрийским семенем. Сейчас масрийцев размягчали те духовные и плотские радости, которые предвещали закат силы нации.

«Иакинф Вайн-Ярд» уплатил пошлины и был пропущен на стоянку. Гавань посещало такое количество судов, что порт и пристани протянулись более чем на милю. Позади них лежали обширные склады и Рыбный базар; вход в него был обозначен двумя золотыми рыбками на высоких гранитных колоннах. Здесь начиналась Янтарная дорога, которая вела к Вселенскому базару, где тогда можно было купить все, что было в империи, — от прозрачного шелка до зеленого тинзенского табака и засахаренных пчел. От этого колоссального торгового центра растекались базарчики поменьше, специализирующиеся по лошадям, скоту, рабам; отсюда также начинались постоянные дворы, винные лавки и публичные дома.

Я оставил Чарпона с тремя его помощниками, чтобы он, как обычно, привел в порядок дела корабля в конторах купцов вокруг залива.

Эскортируемый десятью хессеками, Кочес, еще один помощник, проводил меня через Рыбный базар вверх по Янтарной дороге к «Зубам Дельфина». Это место, назван-

ное морским именем, как корабли называют сухопутными именами, было кричаще-безвкусной гостиницей для богатых разбойников, и они населили ее в изрядном количестве. Даже хессекские пираты собирались там, если, конечно, у них было достаточно серебра, чтобы заплатить за обслуживание. И все-таки этот дом был более масрийским, он пародировал стиль завоевателей, хотя я не думаю, чтобы когда-либо хоть один чистокровный масриец переступал его порог.

Кочес вел меня вверх по желтым мраморным ступеням «Зубов Дельфина» с гордостью помещика, возвращавшегося в свои владения. Толстые колонны, разрисованные режущими глаза синими и красными сполохами, поддерживали белый лепной потолок. Стены покрывали изразцы с изображениями дельфинов.

Ранние выпивохи, капитаны кораблей и морские бандиты расхаживали с важным видом туда-сюда по вестибюлю. Кочес, сентиментальный, как садист, показывал в ухмылке черные зубы и обнимался со знакомыми. Увидев, что я скромно стою в стороне, какой-то покрытый шрамами дьявол, с горстью золота в руке, одноглазый, как и положено пирату, отпустил замечание, что я выгляжу, как деревенщина. Кочес кинул на меня испуганный взгляд.

— Это господин из далеких земель. В его распоряжении целый корабль.

— Что, Чарпон в человеческом распоряжении? Эй, вы, девичьи глазки! Что вы сделали для него? Я бы сказал, вы на вкус господина высоковаты.

Я небрежно сказал Длинному Глазу, который стоял позади меня:

— Видишь там этого крикуна? Пойди и ударь его за меня.

Кочес съехался, пират стоял, озадаченный, не веря своим ушам, а Длинный Глаз, повинувшись мне без всякого выражения и без промедления, врезал ему по зубам. Золотой руке не понравилось такое приветствие, и он поднял свой мясистый кулак, чтобы расплющить Длинного Глаза, прежде чем заняться мной, в то время как вокруг движение замедлилось, и все с интересом наблюдали за нами. Вот так я в первый раз произвел впечатление в Бар-Айбитни: из ладони я выпустил луч белой энергии, яркий, как молния. Он задел шею Золотой Руки и свалил его, как быка. Тот рухнул на покрытый масрийскими изразцами

пол, рыча, как раненый, а над толпой пронесся одновременный невольный вздох, который означает знакомство с волшебником, пока он еще не слишком преуспел в своей карьере. Чтобы придать происходящему еще больше торжественности, все наши десять хессекских моряков бухнулись на колени и простерлись ниц передо мной, а Кочес подполз ближе, моля, чтобы я ничего больше не делал.

Золотая Рука перестал кататься по полу и смотрел на меня с изумлением побежденного.

— Надеюсь, тебе этого хватит, — сказал я ему. — Можешь запомнить, что лучше пусть мой слуга ударит тебя, чем я сам.

По углам зала возник напряженный шум. Любопытство превысило страх, когда все увидели, что я не собираюсь метать молнии во все стороны. Это и есть цивилизующее действие, которое большой город оказывает на людей. Он убивает инстинкты и заменяет их длинными носами.

Как раз в это время в вестибюль вплыла некая фигура.

Фигура хессекской расы, надушенная, нарумяненная, напудренная; губы, щеки, мочки ушей были оттенены цветом прекрасного розового коралла; глаза обведены голубой краской, волосы завиты и присыпаны серебряной пылью. Шлейф из газа и зеленого шелка, пара туфель без задников на высоких каблуках с украшениями в виде дисков, динькающих в аккомпанемент скользящей походке, плавной, как бег вниз с горки хорошо смазанного колеса. В узких белых руках был серебряный кубок, который этот милый дом с хорошими манерами предлагал прибывшим.

Это было так неожиданно, что на минуту заняло мои мысли и чувства. Прелестная девушка. Без груди. А когда она подошла совсем близко, предлагая мне кубок и опуская веки, яркие, как бабочки, я заметил, что кошачий подбородок наверняка побрили, прежде чем его раскрасить, так как мальчиков-проститутков в Бар-Айбитни не кастрировали.

— Выпейте, мой господин, — произнес голос, заботливо наученный ничего не выражать, кроме того, что это говорила не женщина, — и вы, господин Кочес, добро пожаловать к «Дельфину» опять. Господин Чарпон придет позже?

— Как же он удержится? — игриво сказал Кочес, без всяких вступлений засовывая свою руку в обширные складки,

покрывающие гладкое, тщательно избавленное от волос тело. — Это Тэи, — сказал он мне, — особо рекомендуемое удовольствие гостиницы. А этот господин, Тэи, чужестранец, колдун, как он только что нам показал. Позаботься, чтобы управляющий не слишком докучал ему, не то он обрушит дом.

Он по-прежнему выглядел желтым от страха; несмотря на свои гримасы, он очень хотел бы находиться с землетрясением как бы в одной шеренге и обмануть всех, да и самого себя, что его дрожь именно от землетрясения и происходила.

Золотая Рука спрятался среди своих друзей, как бык в зарослях.

Толпа в холле глухо шумела, и забавный Тэи увел нас.

Комната в «Зубах Дельфина» — три стены выкрашены в темно-красный цвет, а четвертая — в лавандовый. Лампы из лавандового стекла в свинцовых рамах висели среди бронзовых клеток с насвистывающими белыми и розовыми птичками, и весь потолок казался вихрем трепещущих крыльев и огоньков. Масрийский очаг во всю длину красной стены был старой постройкой. Поклонение Масримасу не допускало смотреть на открытый огонь. Вязанки хвороста незаметно для глаза зажигались позади причудливого железного кружева, которое быстро раскалялось и холодной весенней ночью полыхало палящим жаром. В стене лавандового цвета находилось единственное большое окно с пергаментной шторой, которую можно было опустить, и тогда вся комната становилась темно-красной.

За окном виднелся маленький двор, мандариновые деревья и мраморный бассейн с полосатыми рыбками.

В этой комнате я изменил свою внешность согласно городской моде. Аристократ, купец, бандит — все выглядели одинаково при условии, что они могли позволить такие траты: следовать моде было дорогой штукой.

Они обрезают волосы по плечи, а бороды — до самого подбородка и завивают при помощи щипцов то, что остается. Для ванны они вам показывают сорок эссенций и порекомендуют еще сорок, которых у них не имеется. Три портных приходят с готовыми одеяниями и нераскроенными отрезами и плюются и препираются друг с другом, а ювелир прокрадывается и показывает серебряное ожерелье шириной в две ладони, со львами на эполетах, кото-

рое вызывает у вас вполне обоснованное подозрение, что раньше оно находилось вокруг шеи какого-нибудь принца-пирата, которому как раз сейчас его заменяют веревкой подходящей длины.

Наконец и обед приносят. Вы открываете блюда, полные позолоченных тушеных даров моря, с изюмом и айвой и с миниатюрными косточками печеных землероек и бог знает чем еще; здесь же и высокие горлышки черных бутылок с куйсом, южным ромом. Короче, все, что могут пожелать любящие роскошь акулы типа Чарпона.

Все эти удобства включают и щедрый кредит для всех офицеров Чарпона. Если мне надо было платить наличными, я занимал у Кочеса, который каждую мою экскурсию в его кошелек принимал как гарантию против моего гнева.

Сразу после полудня появился Чарпон, превратившись за это время в такого же щеголя, как и я; его коротко стриженную макушку укрывал парик из иссиня-черных локонов.

— Я слышу, вы посылаете моих людей по своим делам, господин, — сказал он. Он оглядел меня, обратив внимание на мою новомодную внешность. — И вовсю пользуетесь моим кредитом.

— Господин Вазкор тратит мои деньги, Чарпон, — вскричал Кочес, озабоченный сохранением лояльности по отношению к обоим своим опасным господам.

— Чарпон, — сказал я, — не хочешь иметь со мной дела — уходи.

— Вы же знаете, господин мой, что я такой же ваш раб, как и любой из моей хессекской толпы. Я удивлен, как вы сохранили мне жизнь после такого обращения с вами.

— У меня нет желания убивать человека без причины, — сказал я.

Я заметил, как в его взгляде мелькнуло спрятанное, впрочем, под слоем осторожной покорности подозрение, что я молод и честен; даже мое колдовство не излечило его от этого.

У меня было шестнадцать дней, пока «Вайн-Ярд» плыл, а я жил на иждивении у Чарпона в его же каюте, чтобы обдумать свои планы, которые были довольно просты. Если моя сука-мать была здесь на юге, как меня уверяло мое чувство предвидения, мне понадобятся средства и хитрые уловки, чтобы разыскать ее. Наверняка она

спряталась. Разговор с моряками не дал никаких сведений, она явно не поднялась до положения, обеспечивающего влияние в обществе, как в Эзланне, когда она была женой моего отца. Предположим, что она здесь, она вполне могла спрятаться на задворках Бар-Айбитни. Я придумал только один способ выгнать ее из укрытия — наделать шуму именем моего отца. Я собирался стать чудотворцем и целителем Вазкором. Я также намеревался приобрести кое-какое богатство, заставив свой удивляющий дар работать на меня. С надлежащей репутацией и деньгами мои изыскания могли бы стать легкими. Если она убежит от меня или если мне не удастся ее найти, я должен буду раскинуть сеть еще шире.

2

Отпустив Чарпона, я вышел в городскую жару, которая к концу лета превращалась в печной жар. Янтарная дорога тянется вдоль западной части Стены Храгона, которая отделяет аристократическую часть города от окраин.

Бар-Айбитни состоял из четырех городов. Его сердцевиной была обширная торговая территория порта, доков, базаров, которая карабкалась в пригороды через возвышения на юге. За внутренней Стеной Храгона лежала укрепленная цитадель на естественном холме, называемом «Столб». Это было военное сооружение, расположенное на двух квадратных милях, его окружали стены с бойницами, облицованными бронзой. Цитадель могла вместить семнадцать джердов — примерно семнадцать тысяч человек. Дальше за Столбом, к востоку, протянулся Пальмовый квартал; террасы его громадных храмов и дворцов сказочного изобилия заканчивались в Небесном городе, оплоте императора, недоступном для большинства.

В то же время позади заболоченного участка далеко на западе, там, где болото окружило, как накипь, древние заброшенные доки, находилось то, что осталось от старого хессекского города Бит-Хесси (широко известное как Крысиная нора), — лабиринт тупиков, окружавших новую столицу.

Никто — ни воин, ни слабоумный — не посещал эти места, наполовину ушедшие под землю, часто видевшие лихорадку, в полдень темные, как сумерки, и хоть глаз вы-

коли темные ночью; люди не рисковали заходить туда, если только во всех остальных местах им не угрожала смерть.

Янтарная дорога оканчивалась у Ворот Крылатой лошади, где был главный вход в Пальмовый квартал через Стену Храгона. Здесь, у западной части стены, начиналась фешенебельная часть торгового города, здесь были площади с фонтанами, дома с лепными украшениями и цветными колоннами, и Роща ста магнолий. Те, у кого находилось время для безделья, в этот час приходили в рощу, чтобы прогуляться по мягким лужайкам, подышать ароматами цветущих магнолий; фокусники выделявали свои штуки, а дикие звери ревели в клетках.

Когда Кочес и я, сопровождаемые обычной толпой краснолицых охранников, шагали по улице в сторону рощи, из тени на нас выскочил Лайо.

— Господин Вазкор, — сказал он настойчиво на своем семейском языке, который я один здесь понимал. — Их будет трое.

Пока я устраивался в гостинице, хессеки Чарпона находились в городе по моим поручениям, разнося слово чудотворца. Свою славу, видимо, снискал и мой поступок с Золотой Рукой, пиратом. Лайо я отправил вместе с человеком, который знал все подводные течения в Бар-Айбитни, чтобы поискать среди больных тех, кто нуждался в экстравагантном лечении.

— Трое, — сказал я. — Хорошо.

Он ухмыльнулся; он бегал по моим поручениям, довольный, что у него теперь здоровая грудь.

— Это будет вот как, лау-йесс. На второй лужайке к вам подойдет старуха, продающая конфеты с лотка. Она споткнется и упадет на вашем пути, крича так громко, что всем будет слышно. Ее хорошо знают, у нее поврежден позвоночник, и она специально привлекает к этому внимание, чтобы добиться сочувствия.

— Она не будет возражать, чтобы я ее вылечил?

— О нет, лау-йесс. Она говорит, что если вы достаточно могущественный волшебник, она сможет показывать себя, как произведение рук ваших, да еще и денег соберет больше, чем раньше. Она спрашивает, — он опять ухмыльнулся, — не можете ли вы сделать ее заодно и молодой?

— И во сколько она нам обошлась?

Он сжал губы.

— Прости, Кочес, — сказал я. — Лайо, рассказывай остальное.

— После того как вы сотворите чудо для нее, придет еще один молодой человек, про которого все знают, что он слепой на оба глаза. Он младший сын купца Кечама, но отец выгнал его из дому, когда он начал жить с проституткой, а теперь только эта проститутка заботится о нем. Она приведет его на излечение, но она хуже, чем старая продащица конфет, я на нее потратил три куска серебра, потому что я ей не доверяю. После того как глаза мальчика будут вылечены, лау-йесс, толпа должна уже быть довольна. Но на всякий случай я перекинулся словечком с привратниками в доме Фунлина — он полумасриец, богат и суеверен, а его жена сплетничает со служанками и еще более суеверна, чем он. Возле мочевого пузыря у него камень, который почти убивает его болью. Он уже призывал и жрецов-целителей из масрийских храмов, и, как я слышал, жрецов старой веры тоже. Если он узнает, что в Роще магнолий чудотворец, он обязательно пойдет проверить. А после чуда-другого он упадет к вашим ногам и будет просить вас.

— Хорошо поработал, — сказал я.

Другой мальчик для поручений тоже вернулся, и Кочес без возражений заплатил им обоим. Мы пересекли Площадь Крылатой лошади и миновали старую стену Рощи, которая сто с лишним лет назад была хессекским садом. Лужайки поднимались четырьмя ступенями, испещренными розовыми магнолиями и пятнышками водоемов.

Тонкий аромат пыли курился над вьющимися дорожками, по которым прогуливались купцы и им подобные.

Было совсем мало женщин. Основным положением хессекской морали была мысль о том, что женщина — это драгоценность, которую лучше держать в шкатулке. Дамы могли отважиться выйти вместе со своими мужьями только под покровом темноты, да и то занавешенные от носа до лодыжки. Даже более бедные женщины, по необходимости выходящие из дома, тоже наполовину покрывали свои лица и целиком — фигуру; только масрийские девушки были с открытыми лицами, но они в основном жили в Пальмовом квартале. Торговый Бар-Айбитни был рассадником смешанной крови, старой и новой, и хотя мужчины надевали складчатые штаны и личины масрийцев, их женщины придерживались старой моды. Зато в Роще бы-

ло много куртизанок мужского пола типа Тэи. Не раз я, прежде чем привык, останавливал свой взгляд на ком-нибудь, слишком похожем на девушку, чтобы ею быть. На второй лужайке красный тигр шагал на огороженном месте над тропинкой, с прицельной ненавистью глядя на толпу дураков, которые его охраняли. Единственное слабое звено в его железных кандалах означало бы совсем другую игру.

Кочес сказал:

— Эта старуха идет. Вон там. Я уже видел ее, горбатую Лели.

Я обернулся, чтобы посмотреть на нее. Она должна была меня узнать, Лайо описал ей меня. Ее седые жидкие волосы были ничем не покрыты, ее глаза, казалось, защиты в складки кожи, но нижнюю часть ее лица скрывал кусок покрывала. Она была худая, усохшая, маленькая даже для хессеков, ее спина возвышалась над ней, как небольшой обломок скалы. Перед собой она катила плетеный лоток на деревянном колесе, там лежали изысканные сладости, они словно высмеивали ее безобразие.

Она остановилась в двух ярдах от меня, сзывая покупателей тонким голосом. Я понял, почему она потребовала денег — для большего театрального эффекта она уронила свой товар к моим ногам. Когда сладости раскатились во все стороны, Лели неуклюже повалилась, растянувшись на траве, и начала пронзительно кричать с жуткой мукой в голосе.

Праздная толпа раздалась в стороны, встревоженная близостью несчастья. Кочес, не в силах сдержать веселья при виде такого представления, начал посмеиваться, пока я не велел ему успокоиться.

Подбежала какая-то неряшливо одетая женщина, чья-то тощая служанка. Возможно, она знала горбатую старуху раньше. Она склонилась над ней, пытаясь взять ее руку.

Я подошел туда, где Лели лежала, скорчившись, на лужайке и пищала, а служанка посмотрела на меня глупыми глазами и закричала:

— Не обижайте ее, господин. Она не в себе, но ей сейчас уже будет лучше, посмотрите, — она говорила на плохом масрийском, специально для меня, я полагаю. Я был такого же роста, как масрийцы, загар у меня был очень темный и в своих новомодных одеждах я, должно быть, выглядел чистокровным масрийцем — потомком завоевателей.

— Я не хочу обижать ее, девочка. Если это продавщица конфет Лели, я собираюсь вылечить ее.

Служанка ахнула; толпа вокруг нас заволновалась. Только один человек засмеялся, услышав мои слова. Горбатая Лели тем временем повернула свою птичью голову и, прищурившись, посмотрела на меня с крайней злостью.

— Как ты можешь меня вылечить? — спросила она, получив на это одобрение Лайо, при этом она так верещала, что слышно ее было очень далеко. — Всю жизнь я ношу на своих плечах проклятье богов.

Я наклонился и поднял ее. Она была легкой, как связка высушенной соломы, от дневной жары готовая вспыхнуть в любую минуту. Ее голова не поднялась выше моего пояса.

— Не смейся надо мной, мой милый мальчик, — пронзительно выкрикнула она. — Как ты можешь вылечить уродину, которая со дня своего рождения согнута, как коромысло? — И, сдержав дыхание, только для меня она потихоньку добавила: — Посмотрим, как ты это сделаешь, ты, дьявол из моря Хессу.

— Т-с-с, бабуля, — сказал я мягко.

Я положил свою правую руку на ее позвоночник, а левую — ей под подбородок, и стал выпрямлять ее, как выпрямлял бы палку из сырого дерева.

В предыдущих случаях я ничего не чувствовал или чувствовал очень мало. На этот раз я почувствовал импульс, исходящий из моих ладоней, а она вскрикнула по-настоящему, и ее перекрученный позвоночник захрустел, как зола под ногами. И вот она разогнулась, ее груз исчез, и лохмотья свободно болтались на ее спине; голова ее оказалась на уровне моей грудной клетки.

Толпа издала свой звук.

Девочка-служанка спрятала свое и так на три четверти спрятанное лицо.

Именно Лели подняла свои хищные глаза и сказала:

— Так ли это, как кажется? Неужели? Боль прошла по мне, как раскаленные розги, но сейчас я стройна, как девица. Скажи-ка, красавчик-жрец, а не сделаешь ли ты меня заодно и молодой? — она стрельнула в меня глазами, коварная, как седая лиса. — Я неплохо выглядела, когда была молодой, несмотря на мой горб, я действительно была хороша. Ну как, сделаешь?

Меня передернуло, как и в тот момент, когда Лайо впервые сказал мне об этом. Если бы я мог сделать это, —

сострогать возраст, восстановить юность, это действительно было бы зрелищем, достойным славы, но я не был уверен. Казалось, это то, к чему ни один человек, ни колдун, ни священник, не должны стремиться. Это было бы наполовину святотатством. Думая об этом, я становился суеверным. Тем не менее, я довольно спокойно сказал:

— На сегодня ты свое лечение уже получила. Кроме того, я не делаю чудес без выгоды для себя, девочка-бабуля. Если я сделаю то, о чем ты меня просишь, ты станешь потом моей ручной обезьянкой, моим показательным номером, этакой визитной карточкой колдуна. Я свою работу даром не делаю.

— Сделай меня девушкой и используй меня для любой своей цели. — Она вцепилась в мой рукав, хихикнула и сказала: — Сделай меня девственницей и сам возьми мою девственность. Ну, красавчик?

Кочес схватил ее за сухое, как тростинка, запястье и принялся оттаскивать от меня.

— Помягче, — сказал я.

Она выглядела достаточно хрупкой, чтобы сломаться в его лапах. При этих словах она бросила на меня внезапный взгляд, повернулась и кинулась через лужайку, прочь от лотка на колесике, от служанки, которая подбежала помочь ей, от всей глазающей толпы, топча рассыпанные сладости, на ходу выкрикивая, как ребенок:

— Посмотрите! Какая я стройная теперь и какая красивая!

Я надеялся, что слепой парень и его проститутка окажутся более сдержанными и, взяв деньги, не поверят обещанию. Но они пришли попробовать воды и, найдя ее свежей, были готовы попить. Через две или три секунды после того, как убежала Лели, сына Кечама вытащила вперед его милка — не женского пола, несмотря на употребление Лайо местоимения «она», а еще один Тэи, и не столь привлекательный. У сына Кечама было заболевание конъюнктивы, которое мог бы вылечить хороший доктор, если бы он вовремя этим занялся, но, боюсь, у девочки-мальчика не было богатств, чтобы заплатить доктору. Ну, для меня это было легко, и я опять ничего особенного не почувствовал. А когда мальчик обнаружил, что он уже больше не слеп, он начал плакать, а его любовник бросился ему на шею и тоже заплакал. Это было умилительное зрелище.

Однако я был разочарован, ожидая появления Фунлина со своим почечным камнем. Вообще-то, мне он был не нужен. Праздношатающиеся в Роще ста магнолий, перешептываясь и вскрикивая, припомнили свои недуги и кидались на меня со всех сторон, падая на колени среди разбросанных Лели конфет, и целовали мою обувь. Я оставался на месте и выдавал свою магию. Должно быть, я исцелил дюжины три жизней за эти часы, а мелких недомоганий — без счета, но толпа все прибывала и требовала моего внимания. Да, слово обо мне наконец распространилось. Богатые вместе с бедными бегом бежали по Янтарной дороге, через Площадь Крылатой лошади в Рощу. Кочес с красным лицом застыл возле меня, в панике повторяя, что нас раздавит неистовая толпа. Я черпал свои силы, гораздо большие, чем когда-либо ранее, из какого-то холодного опьянения, и это чувство имело очень мало общего с тем, что я сейчас делал. Я не чувствовал ни смущения, ни сочувствия при виде толпы, окружившей меня. То, что держало меня здесь, заставляя возлагать на них руки, больше всего напоминало презрение. Их несчастья напоминали мне червей, копошившихся на дне какой-то бездонной пропасти. Я оставался там, пока не устал от чудес.

Я не представлял, как мне объявить о моем уходе. Наверное, мне надо было бы превратиться из лекаря в разрушителя, и пробивать себе проход в толпе при помощи убивающих импульсов. На самом деле задача была решена при помощи другой силы. Раздались резкие крики, и часть толпы на площади и у ворот Крылатой лошади заволновалась. И сразу над гомоном толпы полетел перезвон кованых копыт и рев рожков.

Один из хессекских матросов, оставшийся на посту возле меня, закричал:

— Джердиеры! Джердиеры!

Кочес пробормотал:

— Кто-то сообщил в Цитадель. Они унюхали волнения и подняли гарнизон.

Толпа, прекрасно сознавая, что для нее хорошо, а что плохо, раздалась в стороны, и по этой щели галопом скакали около двухсот всадников — пятая часть джерда.

Все лошади были соляно-белые, одна или две из них имели пятнышки каштанового или черного цвета, попоны на них были белые. Джердиеры были одеты так же, как и статуя Масримаса в заливе: сапоги, широкие штаны,

складчатая юбка из белой кожи, украшенная полосками белого металла. Выше пояса цвет менялся. Красные кожаные доспехи с нагрудной пластиной из бронзы, бронзовый воротник и наплечники, бронзовые рукава по локоть и латные рукавицы из красной лайки. Остроконечные бронзовые шлемы соединялись с накидками из медной сетки, похожей на парик забавных заводных людей-кукол; сетка, спускаясь, соединялась с черной бородой. Из масрийских анналов было хорошо известно, что их первые военные успехи в землях, где не было лошадей, объяснялись экипировкой их кавалерии. До пояса белые, ярко-красные выше пояса, сидящие на белых лошадях, они сливались с животными и даже с небольшого расстояния казались народом четвероногих монстров. Те дни славы, однако, прошли.

Командир джердиеров натянул поводья своего коня, и пятая часть джерда в безукоризненном порядке застыла позади него; этот спектакль был доведен до совершенства после миллиона тренировок на учебном плацу.

При таком повороте событий навалившаяся толпа схлынула, предоставив мне в одиночку встречать гнев властей.

Сияющий в своих бронзовых доспехах джердиер осматривал сцену действия. Он был примерно моего возраста, такого телосложения, которое нравится женщинам. Наконец он решил, что можно и поговорить со мной.

— Вы, господин... Это вы причина волнений?

— Это вы, господин, причина, а не я.

Вообще-то он не очень заботился о том, что я отвечу.

— Объяснитесь.

— С удовольствием. Вы со своим войском опрометчиво въехали в самую середину мирного собрания, создав, таким образом, некоторые волнения. Надеюсь, я понятно объясняю.

Джердиер кивнул, как будто подтверждая, что мнение, которое он уже имел обо мне, оказалось верным.

— Будьте любезны сообщить мне ваше звание и происхождение.

— Я приезжий в Бар-Айбитни.

— Однако вы говорите, как масриец. Хорошо. А ваше звание?

— Я сын короля, — сказал я.

Он улыбнулся на это.

— В самом деле, во имя Пламени? Ну, а что же затевает этот чужестранец-принц, возмущая толпу хессеков?

— Я целитель, — сказал я, — среди своих пациентов.

— Вы одеты слишком шикарно для ампутатора бородав. Я все гадаю, может, вы сын вора, а не короля. Наверное, я должен предложить вам провести ночь в тюрьме Столба.

Превосходство, однажды установленное, должно оставаться неизменным, и я не мог позволить этим солдатам нанести мне поражение на публике. К тому же я устал, и он раздражал меня. Я смотрел в его улыбающееся лицо, смотрел, как оно меняется, после того как я выпустил из своей руки легкий заряд энергии, которая от этого зачесалась, в его нагрудную пластину.

Он чуть не упал с лошади, но, будучи хорошим наездником, удержался в седле, тогда как конь под ним ржал и пританцовывал от страха, выкатив глаза за серебряными наглазниками.

Толпа стояла, глядя во все глаза.

Солдаты сломали ряды и кинулись ко мне, но джержат криком остановил их.

Побелевшими губами он бросил мне правду, как обвинение:

— Волшебник!

Я сказал:

— Прикажите людям идти домой. Они пойдут. Я на сегодня свою работу закончил.

При этих словах начались дикие выкрики со всех сторон. Я поднял руку, и воцарилось молчание, какого обычно может добиться только пятая часть джержа.

— Я сказал, что на сегодня все. Будут и другие дни. Капитан, — я не отрывал от него взгляда. — Передаю дело вам.

По требованию джержиеров толпа распалась на части и по лужайкам Роци потекла прочь. Насилия не было; несколько человек замешкались среди деревьев, но опасались, что солдаты могут их наказать, если они будут приставать ко мне.

В это время джержиеры поставили своих лошадей по периметру лужайки, пониже загородки с тигром. Их кони, приученные к тиграм, как и ко многим другим страхам, стояли как вкопанные, пока рыжая кошка рычала и ворчала над ними. Потом капитан подъехал ко мне. Видно

было, что удар еще причиняет ему боль и что он наполовину оглушен; однако он решил все со мной выяснить.

— Вы задели мою честь, — сказал он. — Да еще сделали это перед толпой полукровок с Янтарной дороги и перед моими солдатами.

— И что вы решили?

Он сказал:

— Если вы в этом городе чужой, я должен спросить, знаете ли вы Кодекс Вызова?

— Вызова куда?

— На дуэль.

— А, военные дела, — сказал я. — Вы думаете, вы можете со мной сравняться?

— Если вы подчинитесь Кодексу. Вы заявили, что вы сын короля и, по крайней мере, производите впечатление благородного человека. Я все это приму на веру, потому что хочу получить сатисфакцию, волшебник. — Выведенный из себя, с горящими глазами, он проскрежетал: — Во имя Мас-римаса, вы опозорили меня и должны дать мне что-то!

— А если я откажусь?

Он улыбнулся, считая, что увидел мою слабость.

— Тогда я лично позабочусь, чтобы весь город понял, господин мой, что вы боитесь со мной встретиться, сомневаясь в своих силах. Что не принесет вашему делу ничего хорошего, это я вам обещаю.

— Положим, я принимаю вызов. То, что я сделал, я могу сделать еще раз. Какое оружие вы выберете, чтобы нанести поражение волшебнику?

— Если вы честный человек, вы будете придерживаться кодекса дуэлей и воспользуетесь единственным оружием, которое он допускает, — мечом. Если вы предпочитаете шакальи уловки, вы найдете меня готовым и к ним. Я тоже проходил жреческую подготовку.

Меня привела в замешательство одна черта, которую я внезапно заметил. Несмотря на масрийский цвет кожи, у него были голубые глаза, а это, как я слышал, было отличием королей династии Храгонов.

— Скажите мне лучше, кто вы, — сказал я.

— По вашему лицу видно, что вы угадали. Это ничего не меняет. Я принц Сорем, сын императора. Вызов остается в силе.

— Вы, должно быть, думаете, что я сумасшедший, приглашая меня убить наследника.

— Я не наследник, — ответил он холодно. — Моя мать — его бывшая жена, он ее прогнал. С этой стороны вы можете не ожидать сложностей — я не в фаворе. Я прослежу, чтобы вы были в безопасности, если вы меня раните. Если. На этот счет особо не беспокойтесь. В течение месяца я дам о себе знать.

Он с шиком развернул лошадь и ускакал; колонна последовала за ним парадной рысью.

Оглянувшись, я увидел лицо Кочеса и чуть не засмеялся.

— Приободришься. Это я буду драться, а не ты.

Он пробормотал, что мне будет поставлено в заслугу убийство этого лишнего принца, который все равно был в немилости. Принцы без конца воевали друг с другом и в Цитадели, и вне ее. Сам наследник, обеспокоенный своим будущим — а большинство наследников имеют для этого причину, — найдет средства вознаградить меня за смерть Сорема: его трону одной угрозой будет меньше. Что же касается Императора, так он стал отцом многим и сбился со счета; с возрастом он потучнел и интересовался только ловкими юношами, которых брал в свою постель, а с ними, ходил слух, мало что мог сделать.

Меня утомила болтовня об императорском дворе, который казался таким далеким от моей судьбы. Я был потрясен поворотом дел. Кроме того, в Сореме было что-то тревожащее, что-то, напомнившее мне самого себя, каким я был, а может и оставался, — молодым, вспыльчивым, не в ладах со своей жизнью. Я праздно подумал, не была ли выгнанная жена императора некрасивой, раз она была выгнана. Но, казалось, женщина, родившая его, должна была иметь некоторую прелесть, в нем это было заметно. Это напомнило мне крарл Эттука, Тафру, все зло, которое, я подумал, осталось позади меня. Принимая во внимание его положение в Цитадели, влияние командира джерда, я решил, что все это было костью, брошенной Сорему в лучшие дни. Совершенно очевидно, что среди королевских дворов не очень-то распространена практика помещать своих принцев в армию, хотя Храгоны и происходили от воинов. Однако он хорошо держался и был превосходным наездником. Он также упомянул подготовку жреца. Может быть, все это были плоды, которые он сам для себя сорвал. Нельзя было не заметить, что его люди к нему хорошо относились. Он пользовался тем, что было у него под руками, и довольно хорошо это делал, но права, принадле-

жавшие ему по рождению, были для него более желчью, чем медом: со всех сторон толпы, ждущие, что он упадет, чтобы посмеяться над ним. Не удивительно, что у него была болезненная гордость. Услышав о толпе хессеков в Роще, он, как молодой лев, выскочил, готовый к бою. Обнаружив меня, он понял, что боги послали ему новое испытание. Он убил бы меня, если бы мог. У меня не было другого выбора, кроме как изменить его цель. И это меня раздражало.

3

Когда я ушел из Рощи, красно-кирпичное солнце опустилось за черепичные крыши в далекое болото на западе.

Бар-Айбитни на закате окрасился новым цветом — лихорадочно, мрачно мерцали черепичные крыши и оштукатуренные разноцветные стены. В высоких молельных башнях Пальмового квартала жрецы пламени пели гимн огненному солнцу Масримаса.

У стены Рощи слонялся какой-то человек. Увидев меня, он поклонился и коснулся пальцами груди — так масриццы приветствовали религиозных иерархов.

— Блистательный господин, мой хозяин послал меня умолять вас нанести ему визит. Его дом — ваш дом, он даст вам все, что вы пожелаете, если вы избавите его от мучений.

— Что за мучения?

— Камень, ужасный камень в мочевом пузыре.

Фунлин, богатый купец, которого обещал мне Лайо, решил, наконец, рискнуть.

Я сказал, что пойду с этим человеком, управляющим Фунлина, и велел ему проводить меня.

Если бы кто-нибудь наблюдал за нами, милое зрелище предстало бы перед ним: по улице не торопясь идет молодой высокий щеголь в сопровождении трех разодетых корабельных офицеров, похожих, тем не менее, на разбойников, и шести грязных хессеков, похожих на полоумных. Не было бы удивительным, если бы перед нами закрыли ворота, однако все-таки этого не случилось.

Дом был расположен в фешенебельном квартале города ближе к Стене Храгона и к Пальмовому кварталу. В са-

ду с черными стриженными деревьями высился особняк, украшенный лепниной и изразцами на фронтонах, опираясь на позолоченные колонны, украшенные резьбой и напоминающие ствол пальмы. Узкая полоска бассейна смягчала дневную жару. Фонтан представлял собой льва из белого камня, глядящего в воду. У него были женские груди и орлиные крылья, а из окруженных бородой губ, сложенных трубочкой, как будто он собрался свистнуть, вылетала сверкающая струя воды, и это было единственным движением и единственным звуком в тишине.

В окнах особняка не было света.

Фигура, закутанная в покрывало, открыла нам дверь и зашлепала впереди нас по полу маленькими босыми ногами.

Управляющий попросил моих слуг остаться внизу и повел меня вверх по лестнице на второй этаж. Пока мы здесь ожидали возвращения девушки, он сказал мне:

— Простите, господин, за плохос освещение. Это причина моего хозяина.

— Почему?

Казалось, вопрос его озадачил.

— Это касается старой веры, — сказал он. — Я прошу прощения. Мы думали, вы посвящены в хессекскую веру.

— Я похож на священника? Я не жрец. Но ведь это масрийский дом.

— Отчасти, господин. Тем не менее когда человек в отчаянии, он обратится куда угодно. Но если вы сами не придерживаетесь масрийского канона...

— Я чужестранец, — сказал я. — Расскажите мне о старой вере.

Прежде, чем он ответил, что-то промелькнуло в моем мозгу, какой-то намек, воспоминание о разговоре на борту корабля. Старая вера... Темнота, противопоставленная яркому свету Пламени, солнце и факел — символы Масри-маса, нечто темное и мистическое, заплесневелая пыль с гробницы древнего хессека.

— Я сам, — сказал твердо этот человек, чувства и разум которого противостояли сомнениям, оставшимся, казалось, только в костях. — Я сам не верю в эти предрассудки. Я тоже масрийской крови, и если бы я склонялся к какому-нибудь богу, это был бы Повелитель Пламени. Это ясно. С другой стороны, это распространено в старом городе на болоте. Бит-Хесси... Вы знаете, что после заката даже джердисеры туда не заходят?

— Скажите, а как зовут этого бога хессеков? Я думал, они поклоняются океану, или чему-нибудь еще в этом роде.

— Да, господин, — сказал он. — Но это не бог. Это — его антипод. Я лучше помолчу. Я и так сказал слишком много. Понимаете, мой хозяин Фунлин в отчаянии обратился к этому, но основ не понимает. Говорят, надо быть чистокровным хессеком, чтобы заниматься этим... Вот и девушка идет, господин.

Он оборвал разговор, и закутанная в покрывало служанка вбежала на своих мышиных ножках и прошептала, что хозяин почтительно просит меня войти.

Там было очень темно. Я прошел в другую дверь, остановился в темноте. Я услышал чье-то дыхание — резкое от боли и возбуждения или от страха. Внутренним взглядом я увидел его страх — этого когда-то толстого, а теперь кожа да кости человека с болью в боку и смертью в уме.

— Успокойтесь, — сказал я. — Я чудотворец Вазкор, я пришел исцелить вас.

На подставке стояла лампа. Я подошел к ней, снял стеклянный колпак и положил на нее руку. Я умел сделать так, чтобы энергия, плавно поднявшись во мне, могла зажечь фитиль и заставить его гореть. Фунлин задержал дыхание. Пламя занялось, разбрасывая блики света по стенам, когда я закрыл его стеклом.

Теперь я мог его видеть. Он лежал в кресле, моргая, и смотрел на меня. Его завитый парик был прошит серебряной нитью, край его одежды отделан серебром, на пальцах перстни. Лицо его было бритым. Я видел, что он отдал бы мне все за один час без боли. Здесь я мог получить плату.

— Я пробовал нескольких — никому не удалось. Я много на них истратил. На тебя, возможно, тоже зря потрачусь, несмотря на твой фокус с лампой, — он смотрел на меня с унылой злостью. — Ты совсем мальчик.

— Это ваша болезнь заставляет вас забываться. Я избавлю вас от нее, а потом обсудим наше дело.

Я возложил на него руку и сразу почувствовал камень, «увидел» его ладонью, он был как черный узел на белой ветке. Я подумал: «Это я тебе сегодня оставляю. Уберу только боль, пока не получу то, что мне надо».

Богач Фунлин застыл. Он схватился за подлокотники кресла и молчал, чтобы увериться.

— Она... отпустила, — сказал он. Его лицо выражало страстную просьбу.

— Вы еще не излечены, — сказал я. — Это на завтра, если вы мне заплатите.

Он вздохнул и закрыл глаза.

— Даже за это, — сказал он, — я бы тебя вознаградил. Во имя Пламени, как это приятно. Если ты сможешь меня вылечить, назначай свою цену.

Я коротко расспросил Кочеса об этом купце и был хорошо подготовлен.

— Назову свою цену. Десять мер золота, взвешенных по рыночным меркам, пятнадцать мер серебра. А также небольшая доля в ваших делах — пшеница и виноградники, я думаю, и жемчуг. Я прошу только то, что может обеспечить мне подходящий доход, пока я в городе, скажем, по двадцать процентов от каждой сделки по винограду и драгоценностям — по рыночным расценкам, конечно.

— Собака, — сказал он. — Ты думаешь, я такой богатый? Ты высосешь мою кровь, как паразит. Какое право ты имеешь столько просить?

— Такое же, как и вы, полагая, что должны жить. Выбирайте.

— Ты разоришь меня.

— Смерть это сделает еще лучше, чем я, — сказал я. — Я вернусь завтра, вы скажете мне, приемлемы ли мои условия.

Я не чувствовал жалости к нему, пытаюсь завладеть сразу и его жизнью, и его богатствами. Время моей жалости еще не пришло, по крайней мере, не к таким людям, как Фунлин.

Вдоль фронтона «Зубов Дельфина» горели факелы в колпаках из голубого и желтого стекла. В вестибюле и в коридорах я не встретил никого, кто бы не таращился на меня.

Как и ожидалось, новость распространилась. Они все знали — и эпизод с Золотой Рукой, и часы, когда я исцелял в Роще, и об отступлении принца-джердата с двумя сотнями человек. Что же сделает чудотворец теперь?

Чудотворец прошел в свои покои. Тут же меня потревожил Кочес, который вернулся после ужина напуганным.

— Чарпон, господин Вазкор, — проблеял он.

Глаза его бегали. Он собирался предать своего хозяина, и этой мысли он боялся, как и меня.

— Что Чарпон?

— Корабль, «Вайн-Ярд». Хессеки говорят, что он соби-

рает всех на борту сегодня поздно ночью и отплывает с отливом на рассвете. Он не собирается вам ничего говорить. С ним должны быть другие помощники, а также те из команды, кого удастся быстро собрать. Рабы-гребцы по-прежнему на борту. Я слышал, он отправил их за провиантом — мясом и вином, которое они получают перед началом путешествия.

Я позволил Кочесу трещать о глупости Чарпона, о его собственном желании служить мне и о том, как было для него опасно пойти против капитана и принести мне новости. Я не хотел и не собирался терять корабль. Чарпон, решивший, наверное, быть занозой у меня в боку, достиг предела. Единственным способом остановить его и убрать проблемы, с ним связанные, была его смерть.

Решив убить его, я столкнулся с другой проблемой — я не хотел убивать ни его, ни кого-либо другого тем безотказным способом, которым я владел, — силой моей воли. Моральные соображения были здесь не при чем. Это был чистый страх. Я боялся Силы во мне. В минуты, когда я боялся, я чувствовал, как какой-то демон захватывает мой мозг, я испытывал чувство раздвоения, которое могло бы свести меня с ума. Я решил действовать иначе.

Я отослал Кочеса, поблагодарив его, и он прокрался в постель Тэи.

Я позвал Длинный Глаз, который застыл у моей двери, как деревянный страж. Я рассказал ему о планах Чарпона.

Прежде чем я успел что-либо добавить, Длинный Глаз сказал:

— Я выслежу Чарпона и убью его.

— Он будет не один, — сказал я.

— Ну и что? Все хессеки почитают Вазкора, а не Чарпона.

— Ты ведь знаешь, что я могу и сам это сделать, — сказал я, раздраженный смутным чувством вины. — Ты не спрашиваешь, хочу ли я, чтобы ты сделал это для меня?

Он посмотрел на меня пустым взглядом. Боги были непостижимы. Больше он никуда не смотрел. Ничего не сказав, он выскользнул в ночь.

Я сидел перед пурпурным окном до тех пор, пока рассвет не перекрасил черный цвет в синий, а синий — в красный. Птицы нежно запели в своих клетках.

Эта ночь была не для сна. Я думал: «Сейчас ли он уби-

вает Чарпона? Может быть, хессеки все-таки остались верны капитану? Может, они убили Длинный Глаз, приняв его за грабителя, как же еще можно было бы объяснить его лунатизм? Это подло, это воняет. Если должен быть использован нож, почему бы и не мой? Одного человека я убил раньше. А это убийство по заказу».

Вдруг раздался стук в дверь. Дверь открылась, я вскочил на ноги, как будто это я ждал палача.

Это был не Длинный Глаз, а один из хессеков, который заметно заискивал передо мной, покорно закрыв лицо руками.

— Наш лау-йесс, — начал он и разразился потоком корабельного аргю.

Так я узнал, что Чарпон с пятью матросами-хессеками остановился в извилистой аллее, которая напрямую вела от Рыбного базара на причалы, и сказал, что кто-то его преследует, какой-то бродяга, которого надо проучить. Тогда хессеки попрятались в узких дверных проемах складов, стоявших вокруг, а Чарпон остался один, повернувшись лицом в ту сторону, откуда они пришли. Разбойник, видимо, почуяв опасность, не появился, и Чарпон с ножом в руке пошел по аллее назад.

Из темноты улицы внезапно раздался сдавленный животный вскрик, еще и еще один.

Насколько верно, что большинство складов в Торговом городе имели охрану, настолько же было верно и то, что охранники считали своим долгом находиться внутри склада, а не за его пределами. Таким образом, никто не помешал Чарпону, когда без лишней спешки он убил Длинный Глаз, посланца, которого он ждал.

Трое из хессеков удрали. Двое остались, дрожа и причитая, вжимаясь в тень. Наконец, и крики, и всхлипывающие звуки, сменившие их, прекратились. Снова появился Чарпон, мясник, с руками, обагренными кровью, и сказал хессекам, в ужасе прилипшим к дверям:

— Не сделать ли мне однажды ночью то же самое с хозяином этого раба, с этим гадом Вазкором?

Потом раздался звук, как будто на крыше завожилась птица, и голова Чарпона дернулась и наткнулась на какой-то предмет, который, как птица, летел к нему. Эта птица влетела Чарпону в глаз.

Когда он умер, а это произошло не сразу, хессеки осторожно собрались вокруг него и увидели, что птицей был

длинный кусочек кремня, заточенный острее, чем нож. Годы, проведенные за чертой закона и безопасности, приучили их к осторожности и благоразумию, они не стали выяснять, кто отомстил за Длинный Глаз, выстрелив с крыши склада. Однако когда я спрашивал их позже, я узнал, что это, скорее всего, был хессек, настоящий чистокровный хессек из древнего города, так как это они носили такие рогатки для стрельбы по уткам и чайкам в зарослях камыша. Масрийский закон запрещал им носить ножи, и, чтобы как-то компенсировать это, они изобретали различные хитроумные игрушки. Матрос, у которого вся эта история была почти написана на лице, поднял на меня глаза. Свет всех оттенков занимающейся зари обнажил выражение его лица. Это было не волнение и не таинственность, как я опасался, а какое-то странное испуганное удовольствие.

— Найди Кочеса и остальных, — сказал я. — И отправь их ко мне.

Согласно его рассказу, он не полжобопытствовал, что за «разбойника» убил Чарпон. Несомненно, он очень не хотел на него смотреть, так же как и на неизвестного убийцу с крыши. Любого капитана галеры ненавидят его люди, и Чарпон не был исключением. Возможно, один из удравших решил воспользоваться удобным случаем. Эту тайну не стоило разгадывать.

Капитан владел своим кораблем, должно быть, легко будет заменить его права моими (связка золота в нужном официальном месте). Капитаном станет Кочес, он раздуется от восторга, как здоровый злой мальчишка, и охотно будет моим ставленником, каковым он сейчас уже является.

Неважно, какими средствами, но заноза была из меня выдернута.

Все было решено.

Но что же с Длинным Глазом? Сын недолго живущего народа, у меня он прожил не дольше. Он спас меня от урагана, чтобы я мог отправить его на нож Чарпона. Он верил, что я бог. Возможно, умирая в агонии, он продолжал верить в это.

Я сел и поговорил с Кочесом, а потом выслушал троих перепуганных помощников, вызванных с корабля. Они послушались Чарпона, а теперь все умоляли меня простить их. И все это время я видел зарубленное тело Длинного Глаза в аллее у причалов. Я знал, что пока я отдаю

приказания, земляные крысы, обитающие в порту, собрались на свой пир.

В тот день я рано пришел в дом Фунлина и избавил его от камня в почке. Как и накануне, он ругал меня и повторял, что я, как собака, вцепился в его жизнь. Все бумаги, однако, у него были в надлежащем порядке, и свидетель ждал — выбора у купца не было. Как я и рассчитывал, его боль вернулась, и я не возложил на него руку, пока он не заплатил. Мне было горько, и он не мог обозвать меня хуже, чем я сам себя обозвал предыдущей ночью.

Вскоре после восхода солнца вокруг «Зубов Дельфина» собралась толпа. Бедные, больные, страждущие — я должен был это предвидеть. Когда я появился, толпа зашумела. Моя слава распространилась даже быстрее, чем я рассчитывал. Несмотря на усилия Кочеса и хессеков, я не мог пройти, меня со всех сторон хватали руками. Я остановился и огляделся, тронутый сочувствием к ним и отвращением к себе, зарабатывающему на их отчаянии и наивности.

— Здесь я никого из вас лечить не буду. Идите домой, а на закате вы найдете меня в Роце Магнолий. Это мое последнее слово.

Ко мне прорвалась женщина, крича что-то на хессекском, и Кочес отпихнул ее в сторону. Это меня задело, но я не осмелился помочь ей, иначе они все опять стали бы ныть.

Не глядя больше по сторонам, я пошел прямо по лестнице, толпа расступалась передо мной, и только один грубого вида смуглый парень схватил меня за руку. Но получив удар энергии, он отскочил, завывая, и больше мне никто не досаждал.

К полудню в гостинице стало известно о смерти Чарпона от рук грабителей. Помощники Чарпона, которые, должно быть, догадались о моем участии в этом деле, были слишком испуганы, чтобы рассказывать о своих подозрениях, и помогали распространять байку о загадочной вылазке воров из Старого Хессека на болоте. И раньше у причалов совершались преступления, нити от которых тянулись в Бит-Хесси.

Быстро, как только мог, я привел в порядок дела «Вайн-Ярда», поручив Кочесу как капитану отвечать за судно. Он улыбнулся и выразил свое удовольствие, однако в глубине его взгляда было запрятано беспокойство. Он зартачился только, когда я велел расковать гребцов и разрешить им свободное передвижение по палубе, хотя бы под наблюдением вольнонаемной стражи, а также платить этим несчастным скотам и прилично их кормить. Он возражал, что рабы злобны и склонны к побегам. Большинство из тех, кого я видел, были слишком измождены, чтобы отважиться на это, а если и отважатся, рассудил я, мы сможем найти других. Я бы не хотел, чтобы гребцы умирали от недостатка питания и движения, если кораблю придется долго стоять у причала. Проследить за всем и доложить мне я велел Лайо, моему бывшему напарнику, которого я давно освободил и использовал как слугу. Эти действия принесли мне новую славу в Бар-Айбитни, на сей раз — славу глупого благодетеля.

Следующий день был тоже занят делами. Представители Фунлина посетили меня, чтобы договориться о выплатах моей доли, а остаток дня я потратил на то, чтобы найти себе жилье на фешенебельной западной стороне Стены Храгона, где-нибудь на окраине Пальмового квартала, поближе к денежному поясу города. Куда бы я ни шел, меня сопровождали мои стражи-хессеки и Кочес или кто-нибудь из его приятелей пиратов. Время от времени группы просителей приближались ко мне, но я не отступал от своего правила, и жестокое обращение отгоняло их прочь. Всеобщий благодетель принадлежит всем, кроме себя. Я побаивался вечернего появления в Роще, болезней и просьб о помощи, лечения, которое они выжимали из меня и которое не приносило мне никакой радости, а только выгоду — деньги и славу. Я думал: *Высосут досуха, как пиявки. Они пиявки или я пиявка? Кто кого сосет?*

Все происходило слишком быстро, это я сейчас вижу. Но остановиться тогда было невозможно. Ежечасно я должен был напоминать себе о своей цели — восстановить доброе имя моего отца, быть достойным его, победить белую ведьму.

В сумерках на дороге собралось много людей. Маленькие масляные светильники в их руках, покрытые зелеными абажурами, освещали путь до ворот Рощи. Я не глядел

по сторонам, так как уже понял, что стоит мне поймать чей-нибудь взгляд, как человек начнет выкрикивать свою просьбу и пробиваться ко мне. Люди впереди расступались, чтобы дать мне пройти, а сзади снова смыкались стеной, чтобы следовать за мной. Все молчали. Даже когда я вошел в Роцу и пошел вверх по лужайкам, толпа хранила молчание — темная масса в темноте деревьев, с точками света от крошечных ламп и светлячков в кустах. Помню, мне пришло в голову, что они знают, как я приказал убить человека предыдущей ночью, а косвенно — и двоих. Но все было гораздо проще: они узнали, что я собрался «пожить по-масрийски» по другую сторону Стены Храгона на краю Пальмового квартала. По их мнению, это было последнее дело, и я не останусь больше с ними. Не было ни возмущения, ни криков, ни просьб, чтобы я остался. Они поняли, что не имеют на меня влияния. Они придвигались ко мне, я их касался, они получали лечение и таяли в сумерках. Все это напоминало ритуал. Они были похожи на призраков. Мне казалось, я видел их насквозь, видел их быстротечную жизнь, видел, как мало дней им отпущено.

Эта ночь была черной, безлунной, и, как обычно в Бар-Айбитни в начале лета, становилось прохладно.

Я очень устал. Я удивлялся, как они еще могут вытягивать из меня какую-то силу.

У моего локтя встала старуха.

— Сделай меня молодой, — прошептала она.

— А, Лели, — сказал Кочес.

Он дремал в какой-то беседке. Позевывая, он ждал, что будет делать Лели, позабавит она меня или рассердит, чтобы понять, что с ней делать. Оставшаяся толпа попятилась, освобождая ей место; ее признали вещью, принадлежащей мне.

— Молодой, — сказала она, впиваясь ногтями в мою руку. — Молодой и девственной.

— Дерзкая старуха, — сказал Кочес.

Я пристально смотрел на нее в синевато-сером свете. Кожа на ее лице была как мягкая бумага, натянутая на кости, но ее горбатая спина благодаря работе моих рук стала прямой, как меч. Я знал, что она вернется.

— Почему бы и нет? — сказал я ей.

Она хихикнула.

— Не сейчас, — сказал я. — При свидетелях. Согласна, бабушка-девочка?

Ее лицо, как у ребенка, сморщилось от смеха. Она стукнула меня своей морщинистой рукой.

— Решено!

Я вернулся в гостиницу и спал, как мертвый, хотя и видел сны. (Может быть, мертвые тоже видят сны и забывают их, когда вновь рождаются, как утверждают масрийские жрецы.)

Проснувшись, я забыл про Лели. Но она про меня не забыла. Она стояла в моем дворе, выкрикивая проклятия мне, как мошеннику, который обещал ей молодость и не дал. Кочес угрожающе махал руками, а она скалила на него зубы. Она говорила, что люди покрепче, чем он, умирали от ее укусов.

Был полдень того дня, который считается серединой масрийского месяца нислата. День не хуже любого другого для перевоза моих пожитков из «Дельфина» в новый дом.

Кочес проследил за устройством дома, наняв повара из гостиницы и двух девушек, чтобы они прислуживали нам за едой и содержали дом в чистоте.

Он перетащил и Тэи и поместил его в своей части жилья, шепнув мне, что как только я почувствую потребность... Я оставил охрану из десяти хессеков, оплачивая их работу каждый день от щедрот Фунлина. Для них самая большая часть дома — наружный двор и сараи — были временно превращены в казармы. Через некоторое время там появился черный пес, которого, объяснили мне, энергичные, как дети, хессеки собирались натаскать против грабителей, хотя кажется, в основном они учили его выпрашивать подачку у них из рук.

Всего было девять комнат, которые, согласно масрийскому стилю, группировались вокруг двух внутренних двориков. Лучший из них я оставил себе, а другой был поделен между роскошествовавшим Кочесом и притесненной челядью. Собратьев Кочеса — помощников капитана и прочий корабельный сброд — от своей опеки я освободил. Если бы мне прямо завтра захотелось набрать новую команду, на Вселенском базаре или на причалах я вполне мог найти людей для такой работы. Что касается помощников, то, помня гибель Чарпона, они были рады уйти. Больше я никого из них не видел.

Помимо домашней челяди, я оплачивал услуги еще пяти человек, и среди них Лайо. Для каждого из них я от-

вел определенную часть города. Они должны были собирать истории о колдовстве, легенды о беловолосой женщине, которая, как я, могла и исцелять, и наносить вред. Они должны были упоминать мое имя, Вазкор, и смотреть, не обнаружится ли какая-нибудь нить. Только Лайо осмелился спросить:

— Повелитель, вы сестру свою разыскиваете? Или жену? Она, должно быть, разгневала вас, повелитель? Не вымещайте гнев на мне.

— Не сестру, — сказал я. — Она в два раза меня старше. Белая карга с холодными глазами. Узнай хоть что-нибудь о ней, и я сделаю тебя богатым, как император.

Эти мысли, как всегда, наполнили мою кровь старой отравой. Мне снилась только она — белое создание с лицом серебристой рыси или черным лицом сирены. Предчувствия, кричавшие, что она где-то рядом, не могли меня обманывать. Я столько могу сделать, неужели я не в силах найти одну суку?

На закате в мои скромно обставленные апартаменты явились двадцать три посланца. Богатые инвалиды Пальмового квартала ожидали моего прибытия. Некоторые говорили о дарах, которые последуют, некоторые прислали дары; передняя сияла от обилия золотых вещей, серебряной посуды, груды монет, около которых любовно прохаживался Кочес.

Посланцы поклонились мне, двое из них встали на колени. Их хозяева умирали от множества неизлечимых недугов — нервозности, подагры, сердцбиения, болезней, происходящих от злоупотреблений удовольствиями, и утонченных нервов. Я сказал, что навещу их, и назначил время. Я был готов разъезжать туда-сюда, чтобы как можно лучше изучить этот роскошный район.

Я и сам отправил посыльного, убедившись, что он одет в черную ливрею. Эти одежды специально для моих слуг были сшиты в одной из лучших лавок Бар-Айбитни. Он отнес мое письмо в Общество врачей. В письме я просил у них аудиенции, на которой я в их присутствии превращу в девушку сморщенную старуху.

Такой хороший шанс нельзя было упустить, раз уж боги отдали ее мне в руки. Я больше не сомневался, смогу ли я это сделать. Раз за разом оказывалось, что я совершаю такое, от чего год назад я бы и сам разинул рот, если бы увидел, как кто-нибудь другой проделывает подобные вс-

щи. От скуки я поднял кувшин с вином, охлаждавшийся в тенистом уголке двора, поднял без помощи рук, одним усилием воли. В это время голос в моем мозгу сказал мне: «Берегись, если ты начал творить чудеса от скуки». А мой отец, Вазкор Эзланнский, занимался ли он подобной ерундой, как подъем кувшина в воздух, чтобы послушать крики девушек на кухне? Думаю, нет.

Лели была в первом дворе, на территории Кочеса, отделенной от хессекской казармы стеной из песчаника, порослью молодых кипарисов и фонтаном из серого мрамора. Между Лели и Тэи возникла дружба, я думаю, как средство сделать более нормальными их ненормальные жизни. Сейчас они, как пара кошек, сгорбились над масрийской игрой — доской с красными и голубыми фишками, попивая куис из маленьких эмалевых кубков и покуривая маленькие женские трубочки с зеленым тинзенским табаком.

На доску упала моя тень, и Лели отпрыгнула в сторону, чтобы обругать меня. Я оборвал ее.

— Сегодня вечером ты пойдешь со мной в Общество врачей.

Лели пискнула:

— Они там режут хессекских женщин и по частям их маринуют.

— Очень разумно. Начинают с голосовых связок.

Лели издала свое хихиканье.

— Это для того, чтобы сделать меня молодой, молодой при свидетелях? Да?

— Да. Но это может тебя убить.

— Может? Ну так ты меня оживишь, разве нет, дорогой?

Колдуны делают чудеса с живыми; демоны оживляют мертвых. Мне не понравились ее слова.

— Таких сделок я не заключаю.

Но она уже завела свою старую песню.

— Сделай меня молодой. Насколько молодой ты меня сделаешь? Сделай меня пятнадцатилетней! Пятнадцатилетней и невинной.

Тэи рассмеялся. Рассмеялся, как смущенный мальчик.

— У нее нет скромности.

Лели схватила его за талию; ее старческую похоть возбуждал любой приятный предмет, независимо от пола.

— Из нас бы получилась прелестная пара.

Я нанял лошадей и экипаж. По законам завоевателей

никто, кроме масрийцев чистой крови, не мог пользоваться белыми лошадьми для поездок верхом или в упряжке. Поэтому, в контраст к своему возрасту, я выбрал черных. Двигаясь к Обществу врачей по Пальмовому кварталу, мы составили небольшую процессию — экипаж с позолотой и эмалевыми росписями и шесть черных эскортёров. Я слышал со всех сторон: «Это экипаж чудотворца Вазкора». Говоря правду, я немного поработал в эти три дня, заняв многие головы мыслями о своей персоне.

Улицы были переполнены народом. Казалось, Пальмовый квартал никогда не спал по ночам, до рассвета горели его лампы.

Женщины, лица которых были спрятаны за слоем косметики вместо покрывал, выглядывали с балконов, факелоносцы с факелами, упрятыми в клетку из железа или стекла, бежали перед каким-нибудь господином, направлявшимся в театр, и золотистый дым разделял дорогу пополам. В умирающем свете дня бормотали моленные башни, и их высокие минареты, как тонкие военные пики, украшенные звездами, заполняли сине-зеленые сумерки, а в центре поднимающихся террас, удобно расположившись между небом и землей, черной диадемой смотрелся императорский Небесный город.

Дом Общества врачей был битком набит. Как они говорили друг другу, они пришли посмеяться, поиздеваться над этим примитивным фокусником, который смеет надеяться обмануть их при помощи какого-нибудь дешевого трюка. Все разговоры были скользкими от насмешек и издевок, но когда дворецкий вел меня через зал по мозаичному изображению крылатых лошадей, служившему полом, воцарилось молчание.

Председатель Общества рассматривал меня через увеличительное стекло, сделанное из топаза, пока дворецкий объявлял о моем прибытии, так как весь город, кроме них, знал, кто я такой. Началась дискуссия между одним дураком и другим, целью которой было заставить меня ждать. Я вмешался.

— Я уверен, что мое имя и мои намерения уже известны вам, — сказал я. — Иначе я бы вообще не получил аудиенции. Ну что, господа, начнем?

Лели вошла в сопровождении Кочеса и еще троих. Двое слуг из Общества были выбраны для того, чтобы раздеть ее. Врачи должны были ее осмотреть. Лели искося

поглядывала по сторонам, ничуть не смущаясь своих прыгающих грудей и оголенных чресел. Их безжалостный осмотр не охладил ее бесстыдства; она подставляла свои бока под их пальцы.

Заговорил председатель общества.

— Сомневаюсь, что вы можете сделать больше, чем просто слегка смягчить ее тело каким-нибудь маслом или бальзамом типа настойки принцесс. Для зубов, возможно, подойдут протезы из слоновой кости или китового ребра. Грудь можно подрезать и укрепить мембраной, но есть риск заражения и поэтому такие операции сейчас непопулярны.

— Сэр, — сказал я, — не вздумайте учить меня косметической медицине.

Нудный старый негодяй редко встречал в других столь откровенное высокомерие и не сразу пришел в себя, чтобы дать достойный ответ.

Я сказал:

— Этой женщине восемьдесят лет. Я собираюсь сделать ее молодой девушкой. Не прибегая ко всей этой чепухе, о которой вы упомянули.

Встретив такой отпор, он выронил свое стекло. Дворецкий наклонился, поднял стекло и вручил его председателю.

Лели визжала:

— Вели этой жабе захлопнуть пасть! Он посмотрит, посмотрит! — И она продемонстрировала какому-то тощему юнцу свою прямую спину, которая была согнута в дугу с рождения до того дня, когда я излечил ее.

Наконец я спросил, удовлетворены ли они осмотром, и врачи раздвинулись, покачивая головами, улыбаясь, жестикулируя, уверяя окружающих, что я ненормальный. Каждый был напряжен, как струна. Принесли табурет, и я усадил Лели на него. Она продолжала свою болтовню, поэтому я ввел ее в транс, чтобы она мне не мешала, а еще потому, что я боялся, что ей будет больно. Я позволил наблюдателям встать по их желанию, поближе ко мне и к ней. Председатель перестал смотреть сквозь топаз и так сильно подался вперед, что почти выскочил из кресла.

Я положил руку на ее маленький череп. Внезапно, как человек, которому некуда отступать, я подумал: «Может быть, я обнаружу, что не могу этого сделать». Но что-то во мне отбросило колебания в сторону. «Ты бог, Вазкор, сын Вазкора. И ты делашь это не только для того, чтобы про-

ложить путь к логову белой ведьмы, но и для того, чтобы показать этим людям, кто появился среди них».

Прежде я никогда не ощущал гордости за то, что было во мне, даже тогда, когда я победил шторм, когда шел по воде океана: в тот день высокомерная гордость смешивалась с удивлением. Сегодня была только гордость.

Я был затоплен приливом Силы, приливом самой жизни. Я чувствовал, как поток перетекал из моих рук к Лели, яркий, как пылающее солнце.

Как-то неохотно я заглянул в ее неохраемое сознание, в пыльный чердак мыслей старой женщины, в душу, где обитали каркающие вороны. Свет разогнал пыль и ворон. С его помощью я высушил эту потайную комнату. На мгновение я дал ей свою Силу, позволил питаться ею, и почувствовал, как умирающее дерево задрожало под своей корою.

Врач, стоявший ближе всех, вскрикнул и отскочил.

Кожа Лели потрескивала и сворачивалась, как бумага в огне. В те прозаические секунды, прежде чем чувство победы пришло ко мне, я никак не мог предвидеть, что это окажется столь зрелищно — плоть отслаивалась от нее, как штукатурка от стены. Первой появилась ее левая рука, как бледный цветок, пробивающийся из мертвых корней. Она совершенная женская рука с миндалевидными ногтями и ладонью, как цветок лотоса.

— Остановитесь, — закричал ближайший врач, стоящий уже не так близко ко мне. — Это богохульство! Остановитесь, вы убьете эту женщину!

Я держал пальцы на голове Лели и смотрел на него, пока он не опустил глаза и не отвернулся в ужасе. Я чувствовал, как ее жидкие волосы густеют под моими пальцами. Левая грудь, более круглая, чем раньше, мелко подрагивала в такт быстрому, как у птицы, сердцебиению. Ее ладонь, нежная, как цветок, лежала на желтом узле колена, который постепенно осыпался шелухой, как расколотый хризолит, высвободив крепкий новый девичий сустав.

Она резко поднялась на ноги и пошла вперед, выходя из своего тела, как какая-то женщина-змея, вылезающая из своей старой кожи.

Никогда в своей жизни я не видел ничего столь нечеловеческого, столь ужасного. Это перепугало меня. Это произошло благодаря мне.

Врачи кричали и шарахались от Лели, словно она неслла чуму, и однако, не могли оторвать от нее глаз.

Ее волосы росли, выбрасываясь из головы, как черная вода из фонтана, густые черные хессекские волосы, волосы девушки. Как серая чешуя, осыпалось на мозаику пола старое тело и превращалось в пыль. Ее белая гладкая спина поднималась над обширными ягодицами. Она двигалась, я видел контур одной груди, совершенной до самого леденцового соска. Профиль, как полированный алебастр, черный глаз, соблазнительный рот, маленькие белые зубы. Она посмотрела на меня через плечо. Ее лицо было неожиданно притягательным, однако пока еще холодным, как неразогретый металл, краски были слишком свежими, еще не обжитыми.

Она была юна, как мир, до того как он узнал людей.

Один из врачей упал на колени. Она обернулась посмотреть на него, будто он чествовал ее, что он, возможно, и делал. Она повернулась, и ее глаза задвигались в глазницах. Она беззвучно упала ничком поперек крыльев яшмовой лошади на мозаике.

К восходу солнца об этом знал весь Пальмовый квартал, к полудню — весь город: в Обществе врачей колдовством старуху превратили в девицу.

Она лежала в оцепенении в комнате во втором дворе, у стены из песчаника. Пять дней пролежала она там.

Я наполовину опасался, что толпа из Пальмового квартала может явиться к моим воротам, но никто не пришел. Они боялись дьявола — чудотворца Вазкора.

Я намеревался убить Чарпона, просто чтобы у меня был корабль; более определенно я послал на смерть Длинный Глаз, сделав из него убийцу. Вскоре мне предстояло драться с Соремом и убить его, одного из храгонских принцев, юношу, с которым я едва успел поговорить, юношу, который так напоминал меня самого. Все это произошло из-за моей Силы и моего поиска, моего малодушия и гордости, моей неспособности удержать в себе равновесие между человеком и магом. И все-таки я использовал Лели в еще одной игре. Эти игры вслепую привели меня к чувству вины и боязни самого себя.

У меня были другие дела в те пять дней, когда Лели лежала без чувств, я должен был посещать богачей в Пальмовом квартале, лечить их недуги и собирать их монеты. Эти искушенные люди не боялись меня. Они были рады меня видеть, жадные до чего-нибудь новенького. Это была

работенка! Прекрасные дома, дорогая мебель, всхлипывания толстых патрициев, чьи хессекские рабы — казалось, у всех масрийцев были рабы-хессеки — лежали, полуголодные, кучами в подвальных кухнях или, покрытые свежими шрамами, торопились исполнить приказания хозяев.

Я по-прежнему ничего не узнал о той женщине, которую искал, — о колдунье. Я часто лежал без сна соловьиными ночами в Бар-Айбитни и говорил себе, что ошибся, приняв запах зла за признак ее пребывания здесь. Дурной запах шел от города и от моих деяний в нем. Слава померкла. Любой закат, неважно насколько сияющий и яркий, означает, что солнце садится. И у меня тоже за светом последовал период внутренней темноты, который, похоже, поймал в ловушку мой тщательно разработанный план.

Я ожидал формального вызова на дуэль от Сорема. Согласно аристократическому кодексу чести, между оскорблением и дуэлью должно пройти определенное количество дней, в течение которых патриции могли бы отточить свое боевое мастерство и позаботиться о других делах. Время паузы уже прошло. Я заметил, что разговоры о стычке Сорема со мной уже шелестят в городе. Определенно какая-то сила специально этим занималась, подгоняя события. Может быть, это были люди императора. Это едва ли имело какое-нибудь значение; я должен был встретиться с Соремом и покончить с ним. В конце концов, с клинком в руках это будет просто и ясно. Я буду придерживаться их смехотворного кодекса, потому что я был сыт по горло своей магией, меня тошнило от самого себя.

Вызов не пришел. Компания джердиеров с застывшими лицами не швырнула на пол пергаментный свиток и не вышла парадным маршем. Я удивлялся, что могло произойти и почему он отложил дуэль.

Глупая женщина, жена одного из моих помощников, постоянно посылала за мной. Она была достаточно хороша собой и аккуратным масрийским почерком, не похожим на хессекские иероглифы, писала, что, если я к ней не явлюсь, она умрет и посмотрит, как меня в этом обвинят. Ее слуга, похожий на лису парень с серьгой в ухе, сообщил мне, что я могу найти ее в белом павильоне у дома ее мужа, и, желая рассеяться, я, как дурак, пошел. Она была одета в масрийском стиле: юбки из парчи с оборками и кофточка, вышитая жемчугом, а там, где не было газа,

шелка, рукава или оборки, были браслеты, ожерелья, кольца и ленточки. Было бы легче раздеть дикобраза.

Я оставался у нее до тех пор, пока красные дневные тени на ставнях павильона не перешли в синие. Она сказала мне, что с моей стороны жестоко так мало обращать на нее внимания, тогда как она изменила мужу, чтобы доставить мне удовольствие. Это была не самая большая чепуха, которую бесчисленные глупые девчонки мяукали мне в уши с тех самых пор, когда я впервые лег с женщиной. Она еще сказала мне, что я не бог, как сказали ей рабы-хессеки, а всего лишь мужчина, и опять захочу ее. Но я не нуждался в ее поучениях.

Я вернулся к себе, ожидая хоть каких-нибудь новостей. Новости были.

Лели исчезла.

Лайо стоял во дворе. Он сказал:

— Говорят, она выскользнула в сумерках. А еще ушел мужчина, один из ваших моряков-охранников.

Я спросил кто. Он сказал, что этого человека звали Кай. Это имя дразнило меня, пока я не вспомнил, что Кай был тот самый хессек, которого Чарпон посадил под арест, потому что он поклялся, что видел, как я шел по океану. Я знал об этом от Кочеса.

— Еще кое-что, — сказал Лайо. — У ваших дверей.

Он держал передо мной труп черной вороны, ее голова была свернута на спину. Прошло некоторое время, прежде чем я увидел окровавленную птицу, но ведь не из-за мяса же ее убили.

— Зачем это?

Лайо моргнул.

— Хессеки говорят, что это знак старой веры. Дар. Приношение.

— Кому?

— Вам, повелитель, — сказал он. — Вам.

Я не стал разыскивать Лели. Она продемонстрировала мои силы Обществу врачей. Этого было достаточно. Я не видел ее ценности как показательного номера, несмотря на то, что я ей тогда говорил. В том, что я сделал, что-то раздражало меня. Я был почти рад, что такое доказательство отсутствовало. Я не размышлял ни о том, куда она ушла, ни что делала. Только воспоминания о лице в полу-профиль — этом доисторическом, девственном, злом лице — тревожило меня. Это да еще мертвая ворона, остав-

ленная у моей двери. Жертвоприношение богу. Не Масримасу, для которого они убивали белых лошадей на празднестве в середине лета, а какому-то темному идолу, не-богу Старой веры. Я коротко расспросил Лайо. Но симейз немного мог мне сказать. Когда я расспрашивал хессеков, они бормотали что-то невразумительное. Они допускали, что исчезнувший Кай мог бы познакомить меня с древней религией Старого Хессека.

Я уселся в кресло и занялся бесполезным созерцанием. Передо мной проходило мое прошлое и мое сумбурное настоящее, и, как вопрос без ответа, стояло будущее.

5

В полночь в храме Масримаса в Пальмовом квартале звонит медный колокол. Я услышал его удары и поднялся. И услышал другие звуки. Лаял черный пес, потому что на пустынной ночной дороге у моих ворот остановился экипаж.

Один из хессеков вошел во двор и окликнул меня из-за двери.

— В первом дворике какая-то богатая женщина, господин. Она дала нам золота, чтобы мы еепустили, — он показал мне связку золотых монет и нервно хмыкнул.

Я решил, что это моя милая, у которой я был днем, рискнула своим добрым именем и доверием своего мужа для того, чтобы преследовать меня. Сначала я решил не принимать ее, но, чувствуя бесцельность сегодняшнего вечера, передумал. Лучше будет, если ее надушенное тело и глубинное воркование разлучат меня с моим настроением.

Я велел хессеку привести ее и снова сел, чтобы посмотреть, как она войдет, шелестя одеждой, задевая оборчатymi юбками дверные косяки, произнося мольбы, угрозы и ласковые слова.

Лампа едва горела, однако, когда она вошла, я увидел, что это не та женщина, которую я ждал.

Она была высокой и при этом держалась очень прямо, с необычной для высокой женщины гордостью. В красном свете лампы она, одетая в черное, казалась частью ночи, вошедшей в мою комнату. Несмотря на свою масрийскую юбку с оборками и вышивкой золотыми бусинками, она, как хессекская женщина, прикрывала покрывалом свое

лицо и даже глаза. Я видел только ее руки, длинные, мускулистые, загорелые, похожие на руки мальчика, — я даже на секунду решил, что... — все же это был Бар-Айбитни. Однако, это была женщина — под складками одежды выступала грудь, а когда она заговорила, ее голос был приглушен, как отсвет лампы.

— Это вы Вазкор, человек, которого называют чудотворцем?

— Да, я — Вазкор, человек, которого называют чудотворцем.

Судя по ее тону, она привыкла к быстрым ответам и к повиновению окружающих. Однако сейчас она колебалась. На ее правом запястье был маленький браслет, золотая змейка, поблескивавшая, как будто ее рука дрожала. Но вот она заговорила, прямо и твердо:

— Я слышала, что вы ведете себя честно, если плата, которую вы получаете, достаточно высока.

— Вам нужно лечение?

— Нет.

— Тогда чего же вы хотите?

— Я хочу узнать, какую цену вы назначите человеческой жизни.

Я поднялся, запоздало проявляя хорошие манеры. Теперь я положил руку на лампу, чтобы сделать ее свет ярче.

— Это зависит от человека. Некоторые люди обходятся очень дешево, — сказал я.

Я слышал, как она медленно вдохнула, чтобы успокоиться. Я уже понял, что сейчас будет. Желтое пламя прыгало под розовым хрустальным колпаком. Она сказала:

— Это Сорем. Принц крови, сын нашего повелителя императора Храгон-Дата.

Свет не мог проникнуть через ее покрывало.

— Жизнь Сорема, очевидно, дорога для вас, мадам. Почему вы решили, что я для него опасен?

— Согласно Кодексу, он вызвал вас на дуэль. Вы воспользуетесь каким-нибудь устройством или какой-нибудь уловкой и убьете его, а он слишком честен и горд, чтобы это заметить. Я прошу вас не участвовать в поединке. Я заплачу столько, сколько вам покажется необходимым.

— А как же моя честь, мадам? Меня сочтут трусом? Он пообещал мне это, если я не выйду на дуэль.

— Вы торгуете своей магией, если уж на то пошло, —

сказала она презрительно. — За деньги вы лечите человека, а если у него ничего нет, оставляете его умирать. Что вам еще один человек?

— Вы несправедливы ко мне и плохо информированы. Что же касается Сорема, я не могу не сделать того, что он вынудил меня делать.

Секунду она стояла неподвижно, а затем, странно мальчишеским, резким театральным жестом она схватила свое покрывало обеими руками и сорвала его.

И я ее увидел.

Ее черные выходящие волосы, блестящие, как стекло, были убраны по масрийской моде в высокую прическу, заколотые шпильками из полированной бирюзы. Кроме маленькой золотой змейки на запястье, на ней не было других украшений. Безупречная медная кожа, оттененная черной вышитой жемчугом кофточкой напоминала мед, текущий из корчаги. Она была тонкой, как стальной клинок, ее бедра и талия были узкими, как и ее ладони, а ее наполовину скрытые корсажем груди плавно вздымались, как два янтарных холма, припудренные золотистой пылью, при дыхании поблескивавшей в свете ламп. Выражение ее лица изменилось. Клянусь, секунду назад я решил, что она некрасива, увидев эти орлиные черты, увидев, что она намного старше меня, заметив гнев в ее черных глазах; в ней не было ничего мягкого. И вдруг все переменялось. Я увидел, что ее лицо по-настоящему красиво — красиво, как лезвие ножа.

— Я делаю это, чтобы вы могли узнать, кто я, — она произвела впечатление удара молнии, но я так и не знал, кто она такая.

— Я думаю, вы женщина или жена Сорема, — сказал я.

Она улыбнулась на это сардонически, как человек, вынужденный быть вежливым со своим врагом. Вдруг стало видно, что ее глаза за черными ресницами и краской для век голубые.

— Оказывается, вы, волшебник, тоже плохо информированы, — сказала она. — Я Малмиранет, изгнанная императором, но кровь Храгонов течет во мне по-прежнему. Сорем — мой сын.

— Прошу прощения, мадам. Я не знал, что принимаю в своем доме даму из королевской семьи. Присаживайтесь.

— Проклятье, — она была резка, как огонь, — я здесь не затем, чтобы разыгрывать императрицу перед собакой с

задворков империи. Назовите мне цену жизни моего сына, и вы ее получите. Потом я уйду.

Ее глаза были действительно синими, темными, как сапфиры. Взгляд ее мог быть убийственным.

— Ваш подход неверен, — сказал я спокойно. — Вы считаете меня шакалом, злодеем и глупцом. Это ваше дело, но тогда не стоит и церемониться со мной.

— Не учите меня.

— И вы меня тоже. Я говорил с вашим сыном. Он не скажет вам спасибо за то, что вы прикрываете его своими юбками.

Она махнула рукой и сказала:

— Все это не имеет значения, лишь бы он был жив.

— А если я откажусь? — спросил я, как спрашивал и у него.

— Есть другие способы.

— Убейте меня, госпожа Малмиранет, и весь город скажет, что ваш сын сделал это из страха. А потом, интересно, как вы собираетесь это сделать, если я могу убить человека одной только мыслью.

Она смотрела на меня молча; ее руки опять задрожали. В маленькой комнате ощущался запах ее духов, тонкий аромат, приглушенный, как ее голос. Внезапно она опустила глаза и отрывисто заговорила:

— Вы думаете, я считаю своего сына трусом и поэтому пришла к вам? Я бы не пришла, если бы он был трусом. Я боюсь как раз его храбрости и вашего волшебства. Если вы можете сделать хотя бы одну пятую из того, что о вас говорят, он погибнет. Зачем чудотворцу эта дуэль? Вас заботит честь? Хорошо, пусть он думает, что вы удрали от него. О чем беспокоиться? Вы мужчина, вы молоды. Пользуйтесь своими силами, чтобы стать господином где-нибудь в другом месте, и пусть Сорем останется жить.

Я подошел к ней, этой императрице, которая по неизвестной мне причине утратила свое высокое положение. Конечно, она была далеко уже не девочкой, но это лицо, тщательно вылепленное, без единого изъяна, никогда не принадлежало девчонке. Что же касается остального, надо быть дураком или слепым, чтобы пройти мимо нее. Ее брови были почти на одном уровне с моими. Я взял ее руку, руку с обвившейся вокруг нее змейкой. Ладонь была жесткой от поводов, ладонь Сорема ненамного отличалась от ее.

— Ради вас, — сказал я, — он останется жив. Я отказываюсь от сомнительного удовольствия убить его.

Она вскинула на меня глаза — большие, синие. Казалось, можно было купаться в этой глубокой синеве.

— Скажите, сколько это будет стоить.

— Нисколько.

Это стоило сказать хотя бы для того, чтобы посмотреть, как пристально она посмотрит на меня.

Она убрала свою руку и стала натягивать покрывало.

— Как я вам поверю, если вы не берете платы?

— Это проблема, которую придется решать вам самой.

Она помолчала и спросила:

— Вы действительно сын короля, как говорит молва?

— Спросите в Эшкореке, — ответил я.

Она отвернулась и, нетерпеливо дергая покрывало, вернулась в него. Не сказав больше ни слова, она быстро вышла во двор, и через минуту я услышал, как экипаж удаляется по дороге на восток.

На следующее утро пришел официальный вызов от Сорема.

Принесли его два джердиера с невыразительными лицами, его лейтенанты. Один из них вручил мне бронзовую шкатулку со свитком и уставился в пространство над моей головой, пока я читал послание.

От Сорема из Храгонов, Вазкору, обычно называемому чудотворцем.

Приглашение на бой на мечах.

Сегодня вечером, на Поле Льва, у северного алтаря.

В час после заката.

— Это приемлемо? — спросил джердьер в воздух.

Я ответил, что да.

Они повернулись, как заводные, и торжественно вышли.

В тот день во дворах без конца шептались: Лели, предстоящее сражение, женщина под покрывалом. Днем человек в лохмотьях принес свою дочь и умолял меня помочь ей. Я не смог отказать, их было всего двое. Ребенок всхлипывал от боли на его руках, а убежал, смеясь и прыгая у ног мужчины. Глаза его были в слезах. Я был тронут, и поймал себя на мысли: «Посмотрела бы она, дама королевского двора, со своими разговорами о деньгах и сделках!»

Никаким средствами я не хотел убивать Сорема. Я ре-

шил, что не так уж трудно будет отклонить его вызов и закончить все дело ничем. Не хотел я и уезжать из-за этого из Бар-Айбитни.

Должно быть, для нее было опасно тайком идти ко мне из Небесного города, известного своей стражей и запорами. Не знала она и чего от меня ожидать. Я мог бы потребовать любую цену — ее богатство, драгоценности, тело, я даже мог убить ее. Так как все, что она знала обо мне, было почерпнуто из слухов, а слухи не отрицали и этого — в одних баснях я был спасителем, в других — чудовищем. Она была смелой и крепкой, как может быть крепким что-либо прекрасное и закаленное.

В миле от Столба-Цитадели находился незаселенный участок земли, отведенный под виноградники и фруктовые сады, который к северу переходил в неровную местность, покрытую лесом, и круто обрывался к морю. Недалеко от обрыва на низком холме находился алтарь — куча камней, поросших вереском. Этот алтарь считался святилищем какой-то сельской богини, ей поклонялись рабы-хессеки и масрийцы-бедняки. Они пробирались сюда в сумерках, принося ей хлеб и цветы. Поле Льва лежало у подножия этого холма.

Завернувшись в плащ, я обходным путем шел гуда пешком. Для компании я взял с собой только Лайо. Я был бы рад Длинному Глазу, его молчаливой сдержанности, его осторожности и отсутствию любопытства к моим странным деяниям.

На задворках фешенебельных улиц находилась разрушенная изгородь, остатки какой-то хессекской крепости; она отделяла окраины Пальмового квартала от виноградников. Солнце только что село, и первые сумерки окрасили воздух в синие тона, когда я миновал изгородь и вступил на тропинку, ведущую к северной стене.

В прохладном небе слепо носились стаи летучих мышей, а в черно-зеленых колоннах кипарисов вездесущие соловьи настраивали свои серебряные колокольчики.

Появились звезды. Извилистая дорожка шла по лесу вверх, потом вниз, и, когда ветер дул с океана, я слышал его дыхание, тихое, как у спящей девушки. Я подумал: «Что за ночь для убийства, что за ночь для того, чтобы уничтожить человека!» И я вдруг подумал, что мои чувства переменялись после получасового разговора с женщиной.

Лайо был начеку, опасаясь грабителей и вздрагивая от каждого звука. В трех или четырех милях от нас залаяла лисица, а в его руке уже дрожал нож. Я посмеялся над ним — таким смелым я стал. В следующий момент из тени деревьев вышел какой-то человек. Это был один из джердиеров Сорема, он кивнул мне и знаком попросил следовать за ним. Поле Льва было прямоугольником травы между можжевельными деревьями, наполнявшими воздух своим ароматом. К северу лес отступал, и начинался склон холма, на вершине которого находился алтарь, похожий на черный неровный дверной проем, прорезавший сумерки. Интересно, подумал я, свидетельницей скольких аристократических дуэлей стала эта загадочная богиня с холма, окруженная мертвыми маками, которые набросали ей рабы?

Джердиеры принесли четыре светильника с железными экранами и, пока еще незажженные, воткнули в землю. У одного из светильников с двумя своими офицерами стоял Сорем, облаченный в обычную одежду джердиеров.

В поле становилось темно, но я достаточно хорошо видел его лицо. В нем я видел ее черты, так же, как и в ее лице проступали его.

Он отрывисто кивнул мне не более вежливо, чем мой проводник, и велел одному из своих людей зажечь факелы.

— Здравствуйте, Вазкор. Надеюсь, вас устраивает место?

— Очень живописно, — сказал я. — Но есть еще кое-что.

— Ну, говорите, давайте все выясним.

За своими металлическими ограждениями запылали факелы, изменив мягкие цвета поляны на контрастные, густые фиолетовые, зеленые и свинцово-черные.

— Я вас обидел, — сказал я. — Я признаю это и готов компенсировать вам обиду, как вы пожелаете.

— Я желаю компенсации здесь, — сказал он, — с помощью этого. — И он хлопнул по мечу в белых ножнах, который держал лейтенант.

— Я не буду с вами драться, Сорем из семьи Храгонов.

Его восклицание было наполовину презрительным, наполовину удивленным:

— Вы боитесь? Чудотворец боится? Маг, который превращает старух в девушек?

— Скажем, мне не нужна ваша смерть.

Последний факел полыхнул снопом искр и вместе с ним вспыхнул гнев Сорема.

— Во имя Масримаса, вы будете со мной драться, и я

угощу вас сталью прежде, чем вы успеете сказать мне это еще раз.

Я показал ему свои пустые ладони. Он обернулся и крикнул своим людям, чтобы принесли еще один меч. Его принесли. Он вытащил его из ножен и протянул мне. Это был хороший, острый меч. Затем он вынул из белых кожаных ножен свой меч из синего алькума с позолоченной рукояткой, но лезвие на нем было не острее моего.

— Раз уж вы забыли свой меч, — сказал он спокойно, — выберите любой из этих.

— Вы очень великодушны, — ответил я. — Но вы должны согласиться, что мне не нужно оружие.

Он воткнул свой меч острием в землю у моих ног.

— Возьмите этот и будьте готовы.

— Я отказываюсь.

Он поднял другой меч, отсалютовал и пошел на меня. Я был готов к этому, хотя он и двигался очень быстро. Он хорошо знал свое дело. «Вот это воин», — подумал я с какой-то дикарской глупостью. Затем я поднял руку и выпустил заряд энергии. Засиял тонкий белый луч света и джердиеры вскрикнули. Луч ударил в клинок и выбил его из рук Сорема.

Он неподвижно остановился в ярде от меня.

— Все-таки колдовские фокусы, — сказал он очень мягко.

Его глаза расширились и стали ненавидящими. Я едва успел подумать: «Что теперь?» Холодное сияние наполнило воздух. Я почувствовал, как оно ударило меня и земля качнулась подо мной и толкнула меня в бок.

На протяжении двух или трех ударов сердца я лежал, с изумлением чувствуя, как возле меня пригнулся Лайо с дрожащим в руке ножом, готовый меня защищать, пока я собирался с силами, чтобы освежить голову и распрямить ноги.

Я зря потратил дни до того, как Сорем прислал мне формальный вызов. Сейчас я понял, как он провел это время. Однажды он уже предупредил меня, что имеет подготовку жреца, и за это время он освежил свои знания. Сорем, принц из династии Храгонов, тоже владел Силой.

Качаясь, я встал на ноги. Он больше не делал движений, чтобы атаковать меня.

— Я вижу, каково это.

— Хорошо, — ответил он. — Теперь мы будем сражать-

ся. Любым способом, каким вы предпочитаете — мечами или — этим.

Но колдовство стоило ему очень дорого: его лицо стало бледным и изможденным. Этот единственный белый удар, слабее любого моего, выжал его досуха, он стал, как сухая тыква.

— Сорем, — сказал я.

— Не будем больше говорить, — сказал он.

Он чуть-чуть отклонился в сторону и опять поднял свой меч. Я подумал: «Я позорю его каждой секундой своего промедления. Конечно, я могу с ним сражаться, не убивая его. Вымотать его, возможно, позволить ему ранить меня, чего стоит лишняя рана, если ее можно залечить усилием воли?»

И я тоже наклонился и поднял меч с земли, его меч из алькума.

В Эшкореке я занимался боем на мечах, это так же популярно там, как и уроки музыки. А малоподвижный образ жизни я вел недолго и умения не потерял. Но план держать его на медленном огне сразу выскочил у меня из головы. Он напал, как нападает змея — быстро, неожиданно, смертельно.

Клинки встретились, и сила их удара сотрясла мою руку до плеча. Раскаленные докрасна колпаки на факелах осветили его лицо, полное решимости, которое мне не надо было видеть. Он не ненавидел меня — им владело более определенное чувство. Было бы удобнее иметь дело с ненавистью.

Он ударил меня в бок.

Удар не смертельный, но очень сильный. Мы сражались, передвигаясь по площадке, отступая и вновь наступая. Сталь, лизнувшая мою плоть, привела меня в неистовство. Никому не понравится быть обманутым, да еще когда считаешь, что обманываешь сам.

Я закрыл рану, как дверь. Не знаю, заметил ли это Сорем, так как я дал ему возможность отдохнуть.

Я отбросил его назад, мой клинок двигался как два или три метеора, а он усмехнулся, отступая.

— Лучше, — сказал он. — Лучше, мой Вазкор, — и он отпрыгнул в сторону, так что только самый кончик меча задел его плечо.

— Сейчас будет еще лучше, — сказал я и, снизу обойдя его защиту, ударил его по руке. Еще пять минут назад я не собирался этого делать, но мое воинское прошлое быстро возвращалось ко мне.

Я не хотел его убивать, и, может быть, мне и не следовало это делать, хотя сейчас, заварив кашу, не приходилось жалеть масла.

Когда он приближался ко мне, я услышал хрип позади светильников. Этот звук не насторожит вас, если только вы не слышали его раньше — тут уж вы его ни с чем не спутаете — хрип, который издает человек, когда нож перерезает ему горло.

Сорем тоже его узнал. Тотчас мы отскочили в стороны друг от друга, вглядываясь в темноту за мерцающим раскаленным железом. Перед лицом быстро меняющейся реальности нам пришлось отложить нашу соответствующую всем правилам дуэль.

Они не заставили себя долго ждать — эти четырнадцать человек в черном.

Сорем привел с собой четырех человек, я — только одного. Если мы и ожидали предательства, то лишь друг от друга. Но перед нами стояли четырнадцать человек, незаметно подкрававшихся к нам, одетых для ночной работы, а у их ног лежало чство мертвых джердиеров, офицеров Сорема, уложенных рукой профессионала. Один Лайо стоял, невредимый, и глядел на меня разинув рот.

Один из людей в черном плаще вышел вперед.

— Господин принц, просим прощения за то, что превали. — Затем он повернул ко мне свое лицо — пятно потрепанных, затертых черт, лицо, которое я уже встречал у профессиональных убийц. — Чудотворец, и у вас просим прощения. Но я наблюдаю за дуэлью, и она мне показалась вялой. Может, вам пригодится моя помощь, чтобы избавиться от этого принца? Что, если два моих человека поддержат его, пока вы его проткнете? Это гораздо менее утомительно; я думаю, вы согласитесь. — Он щелкнул пальцами и кто-то кинул ему бархатный мешочек, в котором что-то звякнуло. — А потом, вот еще что. Мы слышали, ваши цены высоки. Мой хозяин, боюсь, безымянный, как все хорошие хозяева, предлагает вам сотню связок золотых монет, вот в этом мешочке. Можете их пересчитать. Вы, конечно, понимаете, что, убив члена королевской семьи, разумнее будет покинуть город? Хотя я могу добавить, что император недолго будет плакать по нелюбимому сыну. Скажем, три или четыре месяца, и вы получите прощение.

Очевидно, они тоже сомневались, убью ли я Сорема.

Оказалось, кто-то очень хотел, чтобы его убили. Они собирались помочь мне в этом и взвалить вину на меня. А позже, возможно, заставить и меня замолчать, чтобы сохранить невинность их повелителя. Я беру дорого? Может даже еще дороже, чем они предполагали.

Я взглянул на Сорема. Он думал, что для него все конечно, однако стоял, бросая нам вызов; его голубые глаза метал молнии, и он был готов многих забрать с собой во тьму.

— Вот что, господин, — сказал я черному плащу, — я ценю вашу любезность, но предпочитаю сам платить по своим счетам.

Я взмахнул мечом и, воткнув ему в живот, повернул; мне показалось, его боль доставит удовольствие этим людям. Когда он упал, корчась и крича, я высвободил Силу, поднимающуюся во мне. Этот белый свет Силы вылетел из моих ладоней и глаз, наполовину иссушив и оглушив меня.

Когда мой взгляд прояснился, я увидел десять трупов, раскинувшихся на траве, а трое, которые не погибли, с ножами набросились на Сорема. Казалось, во мне сейчас не осталось энергии, к тому же он был среди них, и я мог задеть и его. Борясь, черные плащи визжали от ужаса, но не отступали от решения убить Сорема.

Меч — плохое оружие против ножей, он слишком большой и медленно движется. Я подбежал, оттащил одного человека и располосовал ему горло. Еще один бился на лезвии меча Сорема, пытаясь освободиться и продолжая жить, несмотря на смертельную рану. Сорем держал его на расстоянии, отбиваясь ногами от третьего, лежавшего на земле. Когда Сорем упал, раненый тоже повалился, вырвав меч из рук принца. Сорем повернулся и увидел, что лежавший на земле человек опять поднялся и приготовился бросить нож. Бледная молния ударила из глаз Сорема, та самая, которая раньше поразила меня. Жутко было наблюдать, как это делает другой. От удара черный плащ откатился в сторону и грудью напоролся на свой собственный нож. А Сорем рухнул на колени и уронил голову, как загнанная гончая.

Мертвые лежали повсюду. Один Лайо остался жив, но он удрал. Я не мог его за это винить.

Я быстро осмотрел людей в черных плащах. Я даже нашёл мешок «золота», проверил его и обнаружил, что он был полон камешков и медяшек, с которыми играют дети.

Внезапно ночь стала тихой, даже море сдержало свое дыхание. Затем к востоку и к западу от нас снова запели соловьи, четыре или пять из них, безразличные к битвам людей и имеющие на это полное право.

Сорем немного пришел в себя и с усилием сел, прислонившись спиной к можжевельовому дереву. Я не знал, каких возможностей они достигали после жреческой подготовки в храмах на южной окраине города. Мог ли он залечить свои собственные раны? Рана на руке, которую я ему нанес, еще кровоточила, рукав был алым от крови. Поразив последнего из носивших черные плащи своей силой, он и сам упал полумертвым. С некоторым удивлением я осознал, что не чувствую слабости, как раньше, когда я пользовался Силой для того, чтобы разоружать своих противников, а не для того, чтобы убивать их. Кажется, в гуманности я превзошел сам себя.

Я подошел к Сорему, а он сказал:

— Должно быть, какой-нибудь бог над нами смеется.

— Какой-нибудь бог всегда смеется. Одного того, что ты в них веришь, достаточно, чтобы они смеялись.

— Что теперь? — спросил он.

— Если можешь, залечи свою рану, если нет, то давай я это сделаю.

— Сможешь? — спросил он и чуть улыбнулся. Я видел, что он не может сам себе помочь, и, положив свою ладонь на его руку, стал смотреть, как затягивается и обновляется кожа, пока под ржавым от крови рукавом остался только крошечный голубоватый шрамик. Некоторое время он смотрел на него, а затем сказал: — Признаю, что я только ученик, а Вазкор — мэтр среди магов. Но ты озадачил меня. Почему же ты не убил меня за такое количество золота? Конечно, им нельзя было доверять, но с такими талантами тебе нечего опасаться черных убийц. Спасибо за то, что помог, но почему ты это сделал?

— Почему бы и нет? — спросил я. — Я не хочу твоей смерти. Не следовало и оценивать меня столь поспешно, как быка на рынке, и уж тем более фальшивыми деньгами.

— За мной могут охотиться и другие. Я задолжал Баснурмону свою жизнь. Если не хочешь впутываться в придворные дела, лучше уйди и оставь меня.

— Считай, что я впутался. Сам ты едва ли сможешь отбиться от этих стервятников. А жрецы не научили тебя лечить раны?

— Кое-чему, — и он прикрыл глаза, затуманенные от слабости. — Но другому легче научиться. Ты же знаешь, что проще наносить вред, чем лечить.

Я положил руки ему на плечи и наполнил его целительной силой, чувствуя, как она изливается, не ослабляя меня.

Отношения между нами переменились. Он, как и я, увидел, что вражда двух коршунов, которые встретились в небе и считали, что их главное дело — борьба, обернулась дымом, который уже рассеялся.

Я показал ему мешок с фальшивым золотом.

— Ну, а теперь расскажи мне, кто такой этот подлец Баснурмон, почему он охотится за тобой и хочет сделать меня бесплатным простофилей?

— Да, — сказал он медленно, — это я должен тебе рассказать. — Чувствуя, как силы возвращаются к нему и немного удивляясь такому быстрому выздоровлению, он не сразу собрался с мыслями. Оплывающие факелы освещали опустевшее место дуэли и разбросанные трупы. Он посмотрел на них и сказал: — Ты знаешь, что мой отец — император из династии Храгонов. Я зачат от его семени и ношу его титул, но нас ничего, кроме этого, не связывает. Он женился на моей матери, когда она была совсем юной. Она была его первой женой. Они состояли в двоюродном родстве, и оба принадлежали к династии Храгонов, но она была так же горда, как и он, а ему не нравилась ее гордость. Не нравится она ему и сейчас. После меня у них не было детей. Я думаю, это она позаботилась, чтобы не было. Потом он удалил ее и выбрал себе другую жену, чтобы сделать ее Императрицей Лилий. Она принадлежит не к королевскому роду, а к одному из жреческих семейств. Эта сука родила ему трех мальчиков. Сейчас он и с ней не живет, но она по-прежнему остается при нем, действуя как сводня, подбирая ему мальчиков и девочек, которые едва научились ходить. Из двух императриц моя мать — изгнанная жена — считается второй. Меня он лишил прав в пользу первого сына от своей второй жены, этот сын Баснурмон и считается наследником. Вот и камень преткновения. Весь город знает, что с обеих сторон — и по мужской и по женской линии — я чистокровный потомок

Храгона, масрийского завоевателя. Баснурмон только по отцу считается Храгоном, его мать из семьи священников — не в счет. Он этим озабочен. Всю мою жизнь вокруг меня плетутся заговоры. В Цитадели среди джердов я в большей безопасности, чем в императорском Малиновом дворце. Предполагаю, что, услышав о нашей дуэли, Баснурмон тоже захотел сказать свое слово. Он думал, что сегодня ночью ему удастся навсегда от меня избавиться. Поле Льва — хорошо известное место дуэлей, и для его собак не составило труда найти меня здесь. А я был так глуп, что об этом даже не подумал.

— А если он узнает, что не избавился от тебя?

— Я не знаю, Вазкор. Он никогда не действовал столь открыто. Сегодня он многим рискнул, и ему не понравится, что он проиграл. А что касается императора, он опять посмотрит на это сквозь пальцы.

За нашими спинами послышалось бречание сбруи и кольчуг, и между деревьев показались наездники с закрытыми масрийскими фонарями. Сорем улыбнулся.

— Судя по звуку, это Яшлом и еще кто-нибудь из моего джерда. Они опоздали на пару минут, если, конечно, это не за тобой. Как бы то ни было, нас в безопасности доставят в Цитадель.

Группа солдат натянула поводья, и первый из них позвал Сорема. Даже за шпионами следят шпионы, и эти солдаты должны были помешать людям Баснурмона, хотя, как заметил Сорем, они явились слишком поздно. Они осмотрели мертвых и выбрали своих. Капитан Яшлом привел белую лошадь Сорема, и он, вежливый и полный благодарности, предложил ее мне.

Я поблагодарил его и сказал, что не хочу нарушать масрийские законы и ездить на белой лошади, и добавил, что я вполне могу сам добраться до города и, как он мог заметить, в силах себя защитить. Мне к тому же не очень хотелось возвращаться домой в сопровождении военного эскорта, я слишком увяз в интригах и заговорах Небесного города, и мне это не понравилось.

Сорем кивнул, видимо, поняв мое решение. Он отвел меня с сторону и сказал:

— Я жив благодаря тебе. Мы встретились, как враги, но с этим покончено. Я не забуду, что ты сделал этой ночью. — Он протянул руку, которую я пожал на масрийский манер. Затем он вскочил на лошадь и уехал со свои-

ми людьми в Цитадель, к сомнительной безопасности. Завтра она услышит, эта синеглазая императрица, что он выжил благодаря мне.

Я не боялся, что из темноты появятся еще какие-нибудь враги, и, поднявшись вверх по склону к святилищу неизвестной богини, сел там, чтобы подумать. Мои мысли были достаточно бессвязны. Казалось, этот южный город вознамерился поймать меня и держать подальше от моей цели. Женщины, заговоры... С какой-то жестокой горечью я вспомнил верность людей Сорема, четверых погибших за него на поле, других, которые налетели на нас с напряженными, злыми лицами, готовые защищать его. Я вспомнил воинов из племени, даже тех, вместе с которыми я сражался на развалинах Эшкира и которые так быстро забыли меня. Я очень часто сознавал, что у меня не было человека, которому я мог бы довериться, да и сейчас нет. Акула Чарпон и Длинный Глаз мертвы, и даже Лайо, мой раб, сбежал.

Затем, посмотрев туда, где за полосой обрыва тонкой линией виднелся океан, я отложил свои размышления: там появился зеленый огонек, и вокруг него двигались тени. Ко мне кто-то шел.

Сила, мое оружие, наполняла меня. Я подобрал также короткий кинжал одного из убийц в черных плащах, и приготовил его. Вскоре я разглядел того, кто карабкался ко мне впереди всех, — это был Лайо.

Он поднял руку и крикнул мне на семейском:

— Повелитель! Подождите, господин Вазкор! — Последние несколько ярдов он пробежал и бросился передо мной на землю. — Ваша Сила, — сказал он, — я испугался вашей Силы и убежал.

— Я думал, ты испугался четырнадцати человек с ножами.

— Нет, повелитель, — он поднял голову и посмотрел на меня. — Я видел, как вы убили их.

— Кого ты привел с собой?

— Хессеков, — сказал он. — Господин Вазкор, они были в зарослях и смотрели, что вы делаете. Они там сидели, пока не ушли джердиеры.

— Еще шпионы, — сказал я.

— Нет, повелитель, — сказал он.

Мне показалось, что он выглядел напуганным, но не мной и не наблюдателями, которые шли сейчас сюда вместе с ним, а чем-то менее материальным и более грозным, чем люди.

Остальные поднялись; их оказалось пятеро, с лампой, которая светила позади них, на что я не обратил внимания.

На алтарном камне лежали высохшие цветы, черные опиумные маки — их утащили с поля какого-нибудь купца. Энергией из пальцев я зажег это приношение, чтобы оглядеться.

Хессеки сразу остановились. Между ними пробежал быстрый шепоток, как шуршание листьев под дуновением ветра. Они не говорили ни на масрийском, ни на симейзском, ни на арго Бар-Айбитни, которым пользуются многие; они говорили на старом хессекском. Мне не нужен был и свет, чтобы увидеть, что это не рабы и не свободные уборщики мусора с причалов, это были полуизгнанники, обитатели Бит-Хесси на болоте.

Дранные грязные одеяния, которые когда-то были зеленатыми туниками немасрийского стиля, оставляли руки открытыми и на боках были зашнурованы веревками. На ржавых поясах с позеленевшими медными заклепками не было ножей — в соответствии с Законом, — зато на них висели странные смертоносные игрушки: рогатки, маленькие веревки с узелками, трубки и мешочки с камнями. Кроме того, на них не было никаких украшений, даже хессекских моленных четок из красных бусин, которые часто можно видеть в доках. Их длинные свалявшиеся волосы могли бы сломать деревянный гребень, если бы он когда-нибудь туда попал, что казалось очень смелым предположением. Их кожа была белого цвета, как у всех чистокровных хессеков, даже охотясь на болоте, они не загорали.

Я никогда не встречался с подобными им в городе — даже такой одежды я не видел. Одного из них я определенно встречал раньше, сначала в одежде матроса, а потом в ливрее моих слуг. Его я сразу узнал: Кай, человек, который видел, как я ходил по морю, который исчез из моего дома вместе с Лели, который оставил у моей двери окровавленную мертвую ворону.

Он подошел ко мне, встал на колени и коснулся лбом земли. В таком положении он спросил:

— Хозяин, вы помните Кая? Я был первым вашим свидетелем, и мне не поверили.

Было смешно слушать такую речь от человека, лежащего лицом вниз с задранной кверху задом. Я вслеп ему подняться и спросил, чего он хочет.

— Служить вам. Позвольте служить вам. Вам грозит опасность. Если вы ищете укромное место, чтобы спрятаться, мы знаем такое.

Ему не надо было говорить мне где.

Запах опасности и беззакония исходил от этих людей, запах тревоги и религиозных предрассудков. Кай распротранял обо мне легенды среди своего народа и прихватил с собой Лели как доказательство моей магической силы. Его раса, как и раса Длинного Глаза, привыкла к богам и, возможно, всегда ждала их.

Тогда я сделал то, о чем уже в течение некоторого времени думал, но отчего содрогнулся. Чтобы проверить его, я намеренно заглянул в его мысли.

Я ненадолго заглядывал в мозг Лели, но тогда я был вооружен высокомерием, контакт был случайным и туманным. Теперь я лишь скользнул по поверхности внутреннего мира Кая, и этот чуждый мир обдал меня холодом. Проникновение в чужой мозг — не то путешествие, которое можно предпринимать часто или с большой охотой. Однако сделав это, я кое-что узнал.

На мгновение я стал Каем, я смотрел его глазами, и он видел во мне бога — бога, который был темнее темноты.

События выбили меня из колеи. Теперь ко мне подкралось чувство ужаса, которое я должен был как-то объяснить.

Я кивнул хессекам.

— Бит-Хесси, — сказал я. — Давайте посетим этот ваш город вне закона.

7

Их зеленый фонарь освещал обрыв у моря, в воду сбегали крутые ступеньки. Здесь стояли остатки сторожевой башни, но ее маяк давно уже не горел, а к полусгнившему пирсу были причалены две призрачные лодки, хессекие суда без парусов, сплетенные из толстых стеблей высоких болотных тростников. Весла отдыхали в укючинах из зазубренного черного дерева, их лопасти были обернуты тряпками.

Трое из пяти хессеков забрались в ближайшую лодку, Кай и еще один человек взяли весла в другой и предложили мне пассажирское место. После этого Лайо кинулся бе-

жать вверх по склону. Я велел им его не трогать, и они послушались. Его присутствие не было необходимым, его трусость выводила меня из себя.

Через несколько секунд папирусная лодка отошла на веслах от берега в черноту океана.

На протяжении трех четвертей мили хессеки держали курс прямо в море. Луны не было, и жидкая чернота была почти абсолютной, если не считать сияния серебряного тумана сзади слева, там, где остался на берегу город и порт. На нашем пути не лежало ничего, кроме двух галер, стоявших на якоре за пределами порта. Они, наверное, не успели войти в порт до захода солнца, а на закате таможенные ворота закрывались. Они были мертвенно тихи, как все корабли по ночам, только красные сигнальные огни плясали на палубе и отражались в море. Хессекские лодки прошли между ними, и никто нас не окликнул. Чужие в своей родной стране, хессеки научились крайней осторожности.

Дальше к западу береговая линия пряталась в складках туманной ночи, а огоньки, разбросанные там, поределели, и было непонятно, чьи они. Наконец, вокруг нас ничего не стало видно, кроме слабо светящегося моря, которое с одной стороны поглощалось бесформенным берегом.

Потом океанский соленый запах сменился чем-то еще более соленым и менее приятным — вонью болота.

Лодки разом повернули к берегу. Вода стала густой и соскальзывала с весел в суп из водорослей. Вскоре перед нами открылись заросли тростника, неестественно освещенные фосфорическим сиянием почвы. Течение поворачивало в сторону, ведя море и хессекскую лодку в извилистую дельту, которая медленно сужалась в черные-черные каналы. По обеим сторонам протянулось болото Бит-Хесси, которое, по сути, было продуктом чего-то более старого — пережиток, оставшийся на земле от молодости нашего мира.

Скорее трясина, чем болото, лишенное звуков, обычно издаваемых ночными птицами и мелкой водяной живностью, оно, однако, непрерывно шуршало. Это осторожное бумажное шуршание, напомнившее мне о движении огромных крыльев рептилий в воздухе и царапаниях рептилий снизу, было, без сомнения, не чем иным, как шелестом огромных тростников и покрытых колючками листьев.

Там, однако, были и насекомые, производившие несмолкаемый шум. С глиняных отмелей, где росли деревья, внезапно слышалось липкое бульканье больших пузырей.

Сначала я решил, что эти деревья — пальмы, но они больше были похожи на доисторические папоротники. В слабом фосфорическом мерцании их волокнистые стебли возносили в невидимую высь огромные зонтики листвы.

— Кай, — сказал я.

Он взглянул на меня поверх весел.

— Повелитель?

— Птиц нет, Кай. А я слышал, что Бит-Хесси охотится здесь для пропитания.

— Птицы дальше к востоку, повелитель. Ближе к Новому городу. Когда надо, хессек охотится там.

Что-то плюхнулось в воду впереди нас и проплыло вдоль борта — по воде пошли густые, как в патоке, волны. Сразу под поверхностью воды, тускло сияя собственным светом, проплыло ящерицеобразное чудовище, то ли аллигатор, то ли дурной сон.

— Это болото старое, — сказал я.

Кай улыбнулся чарующей улыбкой, слегка угрожающей, в соответствии с обстоятельствами.

— Старое, как хессек.

— А это насколько старо?

— Старое, как тьма, — сказал он.

Другой человек, прислушиваясь к нашему разговору, смотрел на меня пустыми яркими глазами.

— Кай, — сказал я.

— Да, повелитель.

— Назови меня моим настоящим именем.

Он посмотрел на меня и сказал:

— Мы осторожны с именами.

— Все-таки, — сказал я. — Вы воображаете, что я — ваш черный не-бог древней веры. — Мне не хотелось опять проникать ни в череп Кая, ни в любой другой, но после последнего контакта мой мозг был еще очень чувствителен, а образы, всплывшие на поверхность, необычайно яркими. — Вы называете его Пастырем Мух, не так ли? — Кай опустил глаза, второй мужчина смотрел не отрываясь; оба продолжали грести, как будто их руки двигались независимо от них. — Он повелитель мух, крадущихся созданий и крылатых ползающих созданий, могильной темноты и червей. Вот кому вы поклоняетесь в своем болоте.

— Там всегда темно, — пробормотал Кай ритуальную фразу.

— Шайтхун, — сказал я наугад, и лица застыли над напряженно работающими руками. — Шайтхун, Пастырь Мух.

Они молчали. Огромные деревья скользили мимо нас, жужжали и кусались насекомые. Заросли тростников, каждый из них толщиной в руку человека или даже толще, росли прямо в протоке, и лодке приходилось проталкиваться сквозь них, и метелки из зеленой бронзы, которые здесь считались камышами, гremели, как ржавое железо.

— Если я Шайтхун, конечно, мне позволено произносить свое собственное имя. Но почему я должен быть Шайтхуном? Если я бог, то почему не Масри? — сказал я Каю, вспоминая, что он назвал меня, когда увидел, как я в языках пламени иду по океану, Масри, Масримасом, богом завоевателей.

— Ты зажигаешь огонь и оставляешь его без прикрытия.

Я подумал: «Это правда». Ни один масриец не зажжет лампу без колпака и даже костер в поле без какого-нибудь прикрытия и обращения к богу, не говоря уже о том, чтобы зажечь приношение с алтаря какой-то цветочной богини. Может, это глупо, но люди думают, что их Масримас этого бы не сделал.

— Тогда почему не Хессу, — спросил я Кая, — ваш морской бог?

— Хессу нет больше. Его вышиб Масримас.

— У тебя на все есть ответы, — сказал я Каю. — Значит, я Шайтхун?

— Это должно быть доказано.

Внезапно камыши расступились. Впереди лежала открытая протока, расширяющаяся в лагуну неправильной формы, с трех сторон ее окружали топи, а на западе, примерно в четверти мили от нас, стоял над соленым озером мыс какого-то серовато-белого цвета — остатки верфи и причалов старого города. Когда мы приблизились к берегу, за изогнутой косой появился остов корабля; судно, не похожее на галеры завоевателей, узкое, напоминающее змею, а сейчас позеленевшее и тонущее в иле. Позади мертвого корабля протянулась улица рухляди, шпангоуты и носы от бесчисленных корпусов старых гниющих кораблей, над ними звенели плачущие ивы. Казалось, здесь была хорошая торговля до того, как порт затянуло илом. С

этого морского кладбища на землю вели ступени, забитые скользкими водорослями.

Зеленый фонарь, все это время погашенный, был снова зажжен. Лодки причалили к ступеням, их втащили на берег и спрятали в густой поросли. Кай с лампой вел меня вверх по ступеням.

Свет лампы выхватывал из темноты полуразрушенные черные булыжные стены со слепыми проемами окон. В амбразурах под разбитыми островерхими крышами мелькали летучие мыши.

Среди руин тропа ныряла вниз, и к воню болота начал неожиданно примешиваться запах угольного дыма. Извилистая улица с домами, верхние этажи которых соединялись над головой, оказалась тоннелем, и мы вошли в его непроглядную грязь.

Внезапно лампа осветила белую крысу, которая, застыв, глядела на нас, и я вспомнил прозвище, которое Бар-Айбитни дал этому месту: *Крысиная нора*.

Место, по которому мы шли, походило на большую запущенную кроличью нору. Местами зловоние напоминало лисье логово. То тут, то там тоннель выходил под открытое небо и над ним нависали руины опустевшего города или перекрученные стволы гигантских деревьев; чаще дорога ныряла под кирпичные перекрытия или в подземные ходы — этот кишечник большого города, где продырявленные глинистые стены были заделаны камнями. В темноте вились каналы со стоячей соленой водой и повсюду торчали корни растений. И в этом невообразимо гнусном месте жили люди.

На грязных стенах толпились тени и проваливались в открытые рты узких входов; виднелись пещеры — бывшие погреба, и комнаты, вырытые в топкой почве болота. Не кролики и не лисы. Скорее, термиты. Термиты, которые умели добывать огонь и оставляли его гореть открытым в глиняных горшках у «дверей» своих мрачных лачут.

Я никогда не видел такой деградации или такой мрачной эксцентричности. Хессеки действительно забрались в землю, как преследуемые звери.

Бледный огонь освещал бледные лица. К мужчинам, которых я там видел, я бы ни за что не повернулся спиной, а что касается женщин, то я бы лучше лег с волчицей, чем с какой-нибудь из них.

На выступе стены я заметил ребенка, одна нога которого была поражена гангреной, но он не плакал и не жаловался, а только смотрел на меня с ненавистью, которую, должно быть, всосал с молоком матери. Наверное, сюда приводили пленных масрийцев; в конце концов дети и меня могли посчитать пленным, да я некоторым образом и был пленником. Я шагнул к ребенку, охваченный порывом вылечить его, несмотря на все отвращение к этой дыре. На секунду я подумал было, что он как-то странно улыбается, но тут же желтые зубы сомкнулись на моем запястье.

Закричал Кай — и другие четверо хесссков тоже заорали.

Ребенок скалился на меня, как хорек, и я подумал, что он пьет мою кровь. Я трижды ударил его по голове, прежде чем он выпустил мою руку и упал, вытаращив глаза; его рот был в крови. Затем я положил ладонь на его ногу, выше гноящейся раны, но целительной силы во мне не было.

Очевидно отвращение вытеснило милосердную часть моих колдовских сил, но не для меня, так как я тотчас же вылечился от раны, нанесенной мне ребенком, а для других. Я мог бы убить бедного звереныша.

Хессеки погрузились в молчание. Я махнул Каю рукой, чтобы он шел дальше, но спросил, куда он меня ведет.

— Недалеко, — ответил он. — В место, священное для нас. Ребенку предстоит умереть, повелитель?

— Он и так уже почти мертв. Объясни, что это за святое место?

— Могила, — сказал он так естественно, как другой сказал бы: «Дом моего соседа».

Больше я не заглядывал в его мысли; его смятение уменьшилось до простой нерешительности, и хотя раньше я не чувствовал беспокойства, будучи, как мне казалось, непобедимым, темнота, вонь и несчастный вид здешних мест вдруг страшно опротивели мне.

Минуты три спустя мы добрались до нужного места.

Тропа выходила к хессекскому кладбищу, когда-то единственному в старом городе. Ворота из украшенного орнаментом ржавого металла открывали вход в каменный коридор, местами освещенный незакрытыми факелами, горящими бледно-желтым пламенем.

Конец коридора был перекрыт двойными дверями из

меди, рассыпавшейся от старости в голубоватую пыль, за ними — прямоугольный ритуальный зал для похорон, завешанный драпировками из древнего паутинного шелка. У дальней стены этого уютного гнездышка стояли три скамьи из камня, украшенного завитками, на них в живописном беспорядке лежали позеленевшие человеческие кости.

В благоуханном доме смерти появляться обычно не очень весело.

— Кай, — сказал я, — это не похоже на укромное место, где я хотел бы поселиться.

— Прошу терпения, мой повелитель, — сказал Кай.

Он раздвинул хрупкие занавеси, за ними открылась еще одна комната, тоже освещенная факелами, но совершенно пустая.

Я прошел в эту комнату, и занавеси сдвинулись за моей спиной, оставив меня одного.

Одновременно в дальнем конце комнаты открылась потайная дверь. Эшкорекская уловка. Но в дверях появилось нечто, заставившее меня забыть об Эшкореке.

Первой двигалась фигура в черном — человек на четвереньках, — его голова была, как у зверя, опущена вниз, на шее — ошейник. За ним, держа поводок, шел другой, тоже в черном, но во весь рост; его лицо было украшено узорами, как мне показалось, из граненых изумрудных бусин. Последней шла женщина.

В ее волнистых волосах извивались гадюки — украшение из полированной бронзы, имевшее достаточно натуральный вид, а в дрожащем свете — и слишком натуральный. Казалось, змеи шевелятся. На женщине было платье из очень тонкого льняного полотна, свет факелов пропикал сквозь него, как сквозь воду, освещая ее серебристое тело. Пояс на талии, украшенный зелеными и альми драгоценными камнями.

Она остановилась, закрыла лицо руками и склонилась передо мной. На ней не было ни покрывала, ни косметики. Когда она подняла глаза, я узнал ее.

Это была Лели.

Человеческое существо на полу зарычало. Оно подняло лицо, раскрашенное черными отметинами, как у тигра, края его зубов были заострены, а дикий взгляд блуждал.

Он был одержим навязчивой идеей, случайной или намеренно вызванной, и представлял себя зверем. Со мной заговорил человек с маской из зеленых бусин, державший зверя.

— Добро пожаловать, повелитель. Мы рады, что ты здесь, рады, что ты пришел по своей воле.

— А она тоже по своей воле пришла? — спросил я.

Лели улыбнулась, и холодные пальцы пробежали по моим плечам. Эта девушка, которую я создал из старческой плоти, была действительно красива. Даже слишком красива, если вспомнить, что было вначале. Это чистое алебастровое лицо, как у новорожденного младенца, ничем не тронутое.

— Она должна быть нашей жрицей, — сказал мужчина, — Нашим символом.

— Символом чего? — спросил я.

— Она была стара — ты сделал ее молодой, сильной, благословил ее. Хессек тоже стар.

— И мне надо сделать хессека молодым и сильным? Потому что я — бог-дьявол, которому вы поклоняетесь.

Я заметил, что изумрудные точки на щеках и на шее мужчины были не бусинами, а сушеными блестящими жуками, которые сверкали в свете факелов. Он, вероятно, был кем-то вроде жреца, и жуки-украшения на его лице и человек на поводке должны были служить знаками его власти. Похоже, это был мой жрец. А Лели — моя жрица.

— Даже ты, повелитель, — сказал он, — можешь не знать своего предназначения, воли того, который в тебе. Если ты позволишь, мы проводим тебя во Внутренний покой и узнаем это.

— А если я не позволю? Вы же знаете, что я могу убить вас на месте, да и всех других, кто может прийти за мной.

— Да, повелитель, — сказал он.

Из-за насекомых было трудно определить выражение его лица. Я слышал, как масрийцы с презрением говорили, что все хессеки на одно лицо, и сейчас, в рассеянном тусклом свете похоронного зала, это казалось правдой. Этот человек был скорее олицетворением своей расы, чем индивидуумом. Внимательно глядя на него, я подумал, что не узнаю его, когда он снимет свои украшения.

Ответ для меня нашла Лели.

— Всемогущие любопытны к людям, — сказала она. — Иди с нами и удовлетвори свое любопытство.

Я еще не слышал ее девичьего голоса. В ней не осталось ничего от прежней Лели. Ее слова были изящны, изменился даже ее мозг, который создавал слова. Я еще подумал, а помнит ли она, какой была раньше, помнит ли свою несчастную жизнь горбатой проститутки, немощной продавщицы сластей. А что касается ее предложения, то я не мог противиться вязкому неотвязному желанию посмотреть, что там будет, тому самому желанию, что привело меня сюда.

И даже моя сообразительность не подсказала мне, что они околдовали меня.

— Хорошо, — медленно сказал я. — Тогда идем.

Мужчина, мой жрец, поклонился мне, потом Лели, а когда он заговорил с ней, я услышал, что он добавляет почтительное хессекское «йесс».

— Вы мудры, Лели-йесс.

Она улыбнулась, и ее улыбка мне не понравилась.

Священник вышел, она за ним. Я последовал за ней по очередному коридору, душному и вонючему, каким только и может быть место для могилы, и под ворчание человека-тигра на поводке я сказал ей в спину:

— Продолжай быть мудрой, бабушка-девочка, не выкидывай фокусов.

— Ты несправедлив ко мне, — сказала она. — А потом, чего тебе бояться, тебе, который храбр и ужасен? Мне сказали, что ты сегодня вечером спас жизнь храгонского принца. Что, Сорем твой любовник, что ты так мил с ним? Я думала, Вазкор — мужчина для женщин.

Ее одеяние из газа показывало мне все, что могло, но она была девушкой, которую я не хотел и никогда не захочу. При мысли лечь с ней я почувствовал нечто вроде отращения. Я понял по ее походке, что она об этом не догадалась.

— Как я и просила, ты сделал меня невинной. И я еще не тронута. Разве ты не мужчина для женщин, Вазкор?

— Для кого как, — ответил я. — Мужчина не для тебя, женщина.

Нет более быстрого способа сделать из женщины врага. Вы можете говорить ей, что она холодна или что она сука, но пока вы ее желаете, она все вам простит. Но скажите ей, что она — чудо света и покажите ей холодный пах, и она будет ненавидеть вас, пока не погаснет солнце. Это я понимал достаточно хорошо, но я мало считался с Лели и не-

намного больше — с ее людьми. В любом случае, это была простая честность, и испытание, которому они собрались меня подвергнуть, ничего бы не изменило.

Она больше ничего не сказала, и я тоже молчал.

В течение девяноста с лишним лет в Бит-Хессии существовало пророчество; мне потом рассказал о нем священник. Как и другие народы, под гнетом завоевателей превратившиеся в рабов, нищих и отверженных на своей родной земле, они мечтали о спасителе, который избавит их от угнетателя и на миллионе могил масрийцев восстановит древнюю империю хессеков. Они сбросили своих бывших богов, которые не защитили их, даже самого морского демона Хессу, мифологического основателя Бит-Хессии. Хотя хессекские моряки и рабы по-прежнему служили мессы и приносили жертвы божествам океана, полей и погоды, никаких остатков этой прежней религии не сохранилось в старом городе на болоте. Метрополис во тьме уходил в землю, и его таинства вместе с ним.

Раса хессеков была старой, она доживала свой век. Начали поговаривать, что когда засохшее дерево даст зеленые побеги, явится спаситель хессеков; при тех обстоятельствах это был достаточно циничный афоризм, но с годами рабства он приобрел наивно-благочестивый оттенок. Однако Лели — засохшее дерево — оделась зеленой листвою девичества. Ненамеренно я воплотил их мечту, используя Лели как пешку в своей игре. Когда в Роше она подошла ко мне, шепча о своей юности, я решил, что это ее боги вверили ее моим рукам. Может быть, так оно и было.

Внутренний покой, казалось, лежал в самом сердце кладбища, попасть в него можно было через лабиринт проходов, ведущих между склепов и саркофагов, где на вас злобно смотрели сложенные горками черепа, а воздух был насыщен запахом гнили.

От причудливого приветствия по окончании пути я ждал какой-нибудь угрозы, и не ошибся. Арка открыла большое пространство, вокруг стен сплошной толпой стояли священники в черном и жители Бит-Хессии в лохмотьях. В центре было пусто, там горела бронзовая лампа на высоком треножнике, по хессекской традиции — открытая. Впереди меня прошла Лели и священник со своим неприятным любимчиком. Когда я вошел, толпа издала

резкий крик, разбившийся о высокую кровлю. В нем ощущалась затаенная истерия, я слышал, в подобное состояние впадали женщины в крарлах во время похоронных песнопений. Мне очень не понравился сам тон, так что я даже не сразу понял, что они кричали. А они снова и снова кричали одно и то же: *«Эйулло йей с'улли-Кем!»* (Невидимый бог стал видимым в своем сыне!)

Больше, чем однажды, я называл себя богом, на то у меня были причины. Но я похолодел, встав лицом к лицу с ордой фанатиков и слушая их выкрики. Это было все равно, что стоять в пороховом погребе Эшкорека и высекать кремнем искры.

Я подумал: «Они меня здесь проверяют. Если я обману их, они придут в неистовство; если я тот, кого они ждут, то же самое неистовство выплеснется мне в лицо». Я не знал, как именно они собрались меня проверить. Глядя на их безумный пыл, можно было ожидать чего угодно.

Жрец, воздев руки, добился молчания; драгоценные камни на поясе Лели разбрызгивали красные и зеленые отблески на ее грудь и шею, когда она склонилась над лампой на треножнике. На полу в центре комнаты был нарисован белый круг бегущих животных, заляпанный коричневыми пятнами; несомненно, это была кровь.

В загадочных всполохах огня, над которым колдовала Лели, мне показалось, что звери побежали: каждый из них бросался на животное впереди себя. Это напомнило мне стадо, спасающееся бегством от роя жалящих оводов. Я почувствовал, как меня притягивает эта картина и подумал: «Я могу потягаться с их силой». И (как я думал) по своей воле я решил вступить в круг бегущих зверей, и там посмотреть, что меня ожидает.

Скажите себе, если хотите, что вы бог или демон. Встретьтесь с кем-нибудь из них, и увидите свою ошибку. До сего дня я не знаю, действительно ли оно было тогда со мной, их демоническое божество, повелитель тьмы. Возможно, древнее колдовство, неотъемлемая часть жизни хессеков, было столь убедительным, или их открытая вера была столь настойчивой, что вызвала его к жизни, подобно тому, как устрица в своей раковине создает из песка жемчужину.

Вокруг меня и в самом деле на задних лапах бежали настоящие звери. Я обонял их запах, чувствовал их тепло, видел, как из их пастей каплет настоящая слюна.

Затем подо мной раскрылась дверь, не быстро, а как бы растаяв. И я оказался в каком-то месте без света и звуков, и он был там вместе со мной.

Я не слышал и не видел его, это создание, которое они называют Шайтхуном, повелителем мух, но я ощущал его присутствие как дыхание возле моего уха. Помню, что я выставил против него мои силы, как вокруг стоянки племени выставляют загородки с шипами, чтобы защититься от волков. Но это был тот волк, от которого я не мог защититься. Нет человека, настолько святого, чтобы нельзя было найти у него ни одной черной мысли или ни одного черного дела, пусть даже самого маленького. А такое дело или такая мысль есть ворота, через которые проникают дьяволы, подобные этому дьяволу Хессека.

Я начал видеть без света и слышать без звука.

Из дыма закружился другой дым. Этот дым состоял из миллионов мелких частиц, в которых я увидел его творения. Крылатые жуки, мухи, черные мотыльки, саранча, а под ними — наземные посланцы его царства: личинки, черви и пауки, висящие на своих стальных проводах. Они летали и ползли перед моим внутренним взором, как дождь течет по бумажной шторе на окне. Казалось, у меня не было другого выхода, кроме как поверить в эту иллюзию; моя сила была скована или подавлена поклонением хессеков, а еще потому, что я не имел определенного противника, с которым мог бы бороться.

Через мгновение исчезло видение дыма из насекомых, и вместе с ним исчез и бесформенный полумрак.

Я был во Внутреннем покое, который, не считая круга из белых животных, был пуст. Опять неподвижные, они повернули свои огромные головы, чтобы посмотреть на меня. Бегущие, они телами чем-то напоминали львов, но их головы больше походили на лошадиные, хотя были гораздо тяжелее, на шеях лежали складки кожи, а короткие мускулистые ноги под провисшими животами оканчивались лапами с пятью пальцами. От них шел какой-то болотный запах, напоминающий запах старого ила.

Они пристально смотрели на меня, вывалив, как собаки после охоты, толстые коричневые языки.

Затем между мной и зверями появилась темнота, в воздухе начала расти тень. Я знал, что это не бог хессеков, так как он никогда не мог стать видимым, несмотря на все их крики.

Настоящий или воображаемый, он не мог, как это существо, иметь никаких мужских черт. Неожиданно я осознал, что моя собственная ментальная энергия, крепко пойманная религиозными страстями Бит-Хесси, обернулась внутрь меня и произвела некий образ из моего собственного мозга, как бы для того, чтобы противодействовать их образам.

На секунду я решил, что это мое зеркальное отражение.

Высокий, широкий в кости мужчина, худой и жилистый, с темным загаром; его иссиня-черные волосы были такой же длины, как мои в то время, когда я был воином в племени. Он был одет в черное, на его руках — черные кольца. Его лицо было моим, хотя и не совсем моим, кое-чем отличались глаза и рот, многие этого бы и не заметили. Кровь зашумела в моих ушах, и ноги подкосились.

Я забыл хессекский язык. Во рту был соленый привкус, в душе ворочался невыразимый ужас, когда я заговорил невнятно, как ребенок.

— Вазкор. Мой отец.

Он не ответил мне. Но дух ли, галлюцинация ли — он смотрел на меня так, как будто он меня видел. Ничто в прошлом, никакие мечты или грезы не подготовили меня к этому — ни пророчество, ни огненная тень тогда на острове. Казалось, что до него можно было дотронуться. Но я не подошел к нему.

— Мой король, я не забыл. Я верен клятве. Я сдержу ее. — Ноги мои дрожали, пот по мне катился градом. — Чего ты хочешь от меня помимо клятвы?

Он начал исчезать, и это было ужасно.

Я закричал:

— Подожди, скажи мне свою волю. Повелитель... король... отец...

Но он исчез, и оттуда, где он стоял, столь похожий на настоящего, кинулась большая полосатая кошка, чтобы вцепиться мне в горло.

Борясь с тигром, я катался по земле, сжимая в своей руке нож, который они у меня не отобрали. Я полоснул ножом по шее тигра, и его обжигающая кровь потекла по моей руке. Все это происходило как бы в оцепенении, мой мозг напрасно звал меня.

Внезапно раздался крик. Не мой.

Я стоял на ногах в кругу нарисованных белых зверей, в центре хессекского кладбища. В лампе на треножнике пы-

лал огонь, и я видел, что вся толпа вокруг лежит ниц, склонившись перед своим богом. Лели и священник, украшенный жуками, тоже простерлись у моих ног, и здесь же лежала еще одна фигура. Оказывается, я убил не тигра, а сумасшедшего на поводке, который воображал себя тигром. Вот как по-настоящему выглядело их жертвоприношение: они превращали человека в зверя и затем перерезали ему горло. Значит, сейчас я поработал для них — окровавленный нож был опять заткнут за мой пояс.

На коленях подполз ко мне священник. Он уцепился за мою ногу и начал целовать ее, я пнул его в лицо и сломал ему зуб. Он смотрел на меня снизу вверх и боли, казалось, не чувствовал.

— Доказано, — сказал он, — Сила круга подтвердила это, как и твою горящую тень. — Он прошептал: — Ты — Шайтхун, ставший видимым, Шайтхун воплотившийся. Повелевай нами.

— Будь благодарен, что я не убил тебя, — так же тихо ответил я.

— Убей меня. Я готов. Я приношу себя в жертву тебе, Шайтхун-Кем.

Лели тоже подняла белое лицо. Она разодрала свое прозрачное одеяние и теперь царапала груди ногтями, ее губы были приоткрыты, а в волосах поблескивали гадюки. Она предлагала мне себя, предпочтя забыть о том, что я ей сказал.

— Повелевай мной, — повторил священник.

— Отведи меня в то убежище, ради которого твои люди привели меня сюда через болота, — я постарался произнести это как можно более прозаическим тоном.

Кровь, магия, запах трупа и мигающий свет привели меня в обморочное состояние, как какую-нибудь глупую девчонку. С меня было достаточно, больше я ничего уже не хотел.

Священник поднялся и поклонился, повинувшись мне.

Я вошел в комнату и обнаружил, что в ней пусто, чисто, воздух свежий. У стены стояло ложе, покрытое тряпьем. Я упал на него и сразу же провалился в серую страну забвения.

Меня разбудил сон; мне приснилась белая кошка, которая пила мою кровь.

Я уставился в туманный полумрак и увидел, что у моих ног свернулось чудовище из моего сна. Это кошмар, не по-

хожий на другие, он разъедает рассудок. Но в комнату уже входил рассвет, и через секунду я разглядел, кто там действительно был. В белом платье с белым покрывалом на голове Лели-жрица явилась докучать мне.

Эта комната была, скорее всего, наверху подземной части Бит-Хесси, и лучи восходящего солнца, пробившись сквозь узкое высокое окно, залили комнату розовым светом. В свете розового утра Лели потянулась, упало ее покрывало, а за ним и белое свободное платье.

— Смотри, какой красивой ты меня сделал. О Вазкор, мне не нравятся твои сны.

Я понял, что она знала мой сон со всеми подробностями. Нет сомнения, я кричал во сне, но мне показалось, что она прочла мои мысли без всякого труда, тогда как вчера мне было непросто проникнуть в мысли Кая. В этой верхней комнате я опять испытал на себе воздействие разрушительной энергии чего-то древнего и страшного.

Несмотря на мои открытые демонстрации Силы, здесь мне не давалось искусство исцеления, а в этот их круг я вошел, как бык в сарай мясника, и даже еще более охотно. Если бы я не был осторожен, их сила пробралась бы в меня и истощила бы мою собственную.

Лели смеялась, показывая мне свою наготу.

— Они отдали мне сокровища древнего Хессека — Змеиную корону и Пояс огней, но у меня есть более сказочные богатства — не так ли? Не медли, — сказала она. — Этот с зеленым лицом придет к тебе, но я велела ему не торопиться. До того как он придет, у тебя есть время полежать со мной. — Она крадучись подошла и зашептала мне в ухо:

— Значит, Сорем-масриец действительно твой любовник, Вазкор-Шайтхун-Кем? Тебе надо было сделать меня мальчиком, как Тэи.

— Слезь с меня, жрица, а не то я этим ножом отправлю тебя к богу, которого ты считаешь своим отцом.

— Ах, нож? — прошептала она. — Это все, что ты можешь в меня вонзить? Варвар из дикого племени, даже вооруженный молнией для убийства, все-таки предпочитает воровское оружие.

Я оттолкнул ее, схватил и ударил так, что ее голова мотнулась из стороны в сторону, потому что мне не пристало бояться женщины. Казалось, чтобы узнать мое происхождение, она вместе со всем остальным прочла и мое прошлое.

— Твои люди почитают меня. Тебе надо бы тоже усвоить эту привычку.

Она посмотрела на меня. Ее глаза были, как блестящее железо — плоские, без глубины. Одна ее щека была красной от удара, и она мягко приложила к ней руку — так, я видел, девочки обращаются с больным ребенком или котенком. Ничего от старой Лели в ней не осталось. Хотя она и была подставным лицом в их вере, в тот момент я понял, что только она с ее даром не придает значения мне как мессии. У меня в руках уже тогда были все путеводные нити, но я этого не понимал.

Она соскользнула с ложа, надела свои платья и затянула по бокам смешными шнурками, которые так нравились хессекам. Покрывалом она накрыла лицо и, спрятав взгляд, вышла.

Мгновение спустя вошел жрец с жуками. Он дожидался ее, как она и просила.

Он тут же опустился на колени, и я велел ему встать. Я принял властный тон, так как мое терпение истощилось, и я бы с удовольствием оказался где-нибудь в другом месте, подальше отсюда. Я прямо спросил его, что ему надо. Он поклонился и поведал мне легенду Хессека. Он говорил, что я должен быть спасителем, который поведет изгнанников с болота по белым широким улицам Бар-Айбитни, руша стены и ворота и поражая людей, которые встанут на их пути. Бит-Хесси войдет в сердцевину Небесного города, в Малиновый дворец императора, и дворец станет действительно малиновым от масрийской крови.

Он говорил это, и жуки на его лице шевелились. Странно, но я видел, что он совершенно искренне считал меня тем, кем называл — Шайтхун-Кемом, богом, ставшим видимым, — и в то же время думал, что может мне как оружию Старого Хессека давать указания. Получалось, что настоящим мессией был скорее не бог, а молот надежд его людей.

Я понял также, что произошло тогда в доках: Чарпона убили просто потому, что он противился мне, кремень в его голове был подношением мне, как окровавленная ворона, как человек-тигр.

Единственным моим оружием осталась простая земная логика.

— Ты закончил? — спросил я священника. Он склонил голову. — Хорошо. Тогда послушай. Я — ни ваш пророк,

ни ваш спаситель. Я Вазкор. Никакая религия и никакая потусторонняя сила ничего не изменят. Вы можете меня бояться. Я вам это позволяю, поскольку могу убить многих из вас так и тогда, как и когда захочу. Но если вам нужен вождь, поищите кого-нибудь другого.

Он не смотрел на меня.

— Почему же ты пришел к нам? Почему ты сделал то, что сделал, если ты не тот, кого мы ждали?

— Спроси Шайтхуна, — ответил я. — Ну а теперь, отойди от двери.

Он, не двигаясь с места, проворкотал:

— Не могу, мой повелитель. Ты должен быть с нами. Ты наш.

Я двинулся к нему, а он напрягся и вцепился в меня.

Он был сильным мужчиной. Его дыхание пахло каким-то дурманом или благовонием, и между его приоткрытых губ я увидел зуб, который ему расколол. Я не хотел пользоваться своей Силой. Казалось, магия этого ада подпитывается от моей. Я притворился Шайтхуном и тем самым увеличил влияние Шайтхуна на то, что я делал. Я заглянул в мысли Кая, Лели — это были мои мысли. Тень демона превратилась в тень моего отца. Освободи я сейчас убийственную силу, решил я, и она примет другую форму, чтобы уничтожить меня.

Я боролся со священником, пытаюсь оторвать его от себя. Он ухватился за мои ноги и хотел меня повалить, я нагнулся и нанес ему удар кинжалом. (Варвар из дикого племени... вооруженный убивающим светом... предпочитает воровское оружие.) Он захрипел, как человек, ворочающийся во сне, и выпустил меня.

Коридор должен был слева подниматься на поверхность, как я смутно помнил из путешествия предыдущей ночью. На склоне холма сиял день, я побежал туда, и никто меня не останавливал.

9

Несмотря на свою гордость и силу, я пошел в Крысиную нору, околдованный хессеками, и покинул ее полубезумным. Нет человека слабее того, который полагает себя непобедимым, ведь даже укусы пчел могут убить, когда их очень много.

Через некоторое время я обнаружил, что брожу по разрушенному верхнему городу Бит-Хесси. Я забыл, как туда пробрался, и не сразу смог сообразить, как мне выбраться оттуда через болота и лагуны. Случайно я вспомнил о хессекских лодках, спрятанных возле забитых илом причалов, и о кладбище старых кораблей, где, если другие планы спасения провалятся, можно будет соорудить какой-нибудь плот из обломков. Я не рассчитывал пройти по воде. Как раз сейчас я больше всего хотел быть просто человеком. Казалось, за мной наблюдает глаз, глаз старого Хессека. Я дрожал от усталости и ужаса и не мог собраться с мыслями.

Так я шел, шатаясь, в северном направлении, и над моей головой разбитые черные стросния порта Хессу покачивались в такт моим неровным шагам.

Низкое серо-голубое небо давило дневной жарой. Однажды что-то заверещало в болоте среди высоких деревьев-папоротников. Один раз я по колено провалился в разинутый рот глинистой лужи между домами и с трудом выбрался оттуда.

Я не видел ни людей, ни зверей. Но ни до порта, ни до берега я не дошел.

Наконец, я улегся прямо в грязь среди высокой травы в тени какой-то стены, не выставив стражи против врага. (Он был повсюду. Зачем трудиться, чтобы выследить его?). Их Сила поглотила мою. Они держали меня. Я удрал из подземелья и был пойман на поверхности. Я бормотал, как в бреду, дремал, вскакивал — жалкое зрелище, если только здесь был кто-нибудь, чтобы пожалеть меня.

Когда я пришел в себя, свет таял в желтых и бронзовых полосах за скрещенными клинками листвы в вышине и разбитыми крышами. Что-то дергалось возле меня — я обнаружил, что шесть или семь пиявок выползли из лужи на улице и впились в мои икры. Я отодрал их. В туманном свете сумерек я увидел, как текла кровь. По законам масрийского театра в такие моменты всегда начинается гроза. Мелодраматические эффекты — раскаты грома, красная молния — поэтически передают стенания и молитвы обреченного героя. Так оно и было. Небо потемнело, нагнетая тяжесть, надвинулось, как гора, которую внезапно прорезали три белых лезвия, и раздался звук сталкивающихся облаков. На развалины полился дождь, горячий, как моя кровь.

Я нырнул в дверной проем и съезжился там среди теней. Снаружи, как занавес, висел дождь. По небу прогрехотал гром, и моя голова внезапно стала ясной. Казалось, жизненные силы и ссобразительность вновь наполнили меня. Я посмотрел на укусы пиявок — они затягивались. Пора было пробиваться к пристани. Гроза смыла все их грязное колдовство, и я мог найти и лагуну, и лодку, и добраться до открытой воды.

Позади я услышал свое имя, произнесенное шепотом. Это было не то имя, которое я себе выбрал, а то, которое дало мне мое племя.

Тувек.

Я медленно повернулся, не желая видеть, оставив неотмытый нож в ножнах, зная, что он мне не пригодится.

За дверью был зал, уходивший в глубь дома; скудный свет проникал сквозь дыры в стенах, ничего нельзя было разглядеть, лишь в дальнем конце виднелось белое сияние. Я не мог рассмотреть, что это, но пока я смотрел, сдерживая дыхание, в воздухе появились и поплыли мягкие нити, которые цеплялись за неровные стены, разрушенный потолок; наконец они начали обвиваться и вокруг меня. Огромная паутина. А в центре ее, в бледном сиянии — паук?

Я пошел туда, по направлению к белой сердцевине паутины. Это произошло не столько по принуждению, сколько по злему, отчаянному убеждению, что другим путем мне отсюда не уйти.

Нити паутины лопались под моим напором и снова соединялись, крепко обматываясь вокруг меня. Теперь я мог видеть нечто в бледном свете в самом центре сияния. Я понял, что ждал этого с того момента, как проснулся и увидел Лели, сидящую в ногах моего ложа и рассказывающую мне мои сны.

Я предчувствовал, что найду Уастис, и забросил свои сети для нее. Но с годами, равными всей моей жизни, она стала более коварной и вполне могла приготовить свое оружие. Какое же место могла выбрать моя мать, более укромное, чем Бит-Хесси на болоте? Какое царство могло быть для нее лучше, чем это гнилое, прячущееся, горящее желанием мести?

Она была в два раза меня старше или, может быть, немного больше, но выглядела, как я и подозревал, еще более старой. Ее лицо, как всегда, было закрыто, но на этот

раз по хессекским обычаям покрывалом из плотного белого шелка, а руки и шея оставались обнаженными; жилистое, грубое, белое тело присохло к костям, а под платьем обозначились две иссохшие груди, которые никогда меня не кормили. Ее белые волосы были заплетены и уложены при помощи серебряных заколок, а длинные ногти на руках окрашены в цвет умирающего огня.

Я не мог вымолвить ни слова. Я поклялся убить ее, когда найду, но я был беспомощен. Я таращил глаза, как идидот, а она говорила, эта ведьма, и ее голос был юн, свеж и прекрасен, и он был тверже синего металла.

— Моя ненависть помогла мне избавиться от твоего отца. Тебя я тоже могу убить. Если только ты не согласишься служить мне.

— Если тебе нужна моя служба, тебе следовало оставить меня при себе.

— Ты был его проклятием для меня, — сказала она.

— И сейчас то же самое.

— Хессек мой, — сказала она. — Повинуйся мне. Веди моих людей к победе, и я сохраню тебе жизнь и вознагражу тебя.

Внезапно мой мозг ожил. Я понял.

— Отребье, — сказал я. — Они — *отребье*. Отбросы. Хессек — ничто для Уастис, кошки-богини Эзланна. Это еще один трюк жрецов Шайтхуна. — Прежде чем я успел договорить, моя рука дернулась к ней и сорвала покрывало с ее лица. Я отскочил назад, мои глаза чуть не вылезли из орбит. Это было совсем не женское лицо, а морда белой рыси, мех ее шкуры задел мою ладонь, когда я срывал то, что ее закрывало; я почувствовал резкий запах из ее рта. Бледно-зеленые радужки — как разбавленный нефрит, на коричневых зубах — пятна старой крови.

Я знал, что это обман зрения, но все до последней детали выглядело очень натурально. В панике я вытащил нож из-за пояса и воткнул его в поблескивавший правый глаз. Реальность встретилась с нереальным, когда нож вонзился в ткань, и она вскрикнула. И исчезла. Дрожащая сеть стала тем, чем была: паутиной. Ничего не осталось от паука — колдуньи — кошки — королевы. Нож валялся на полу, но он был в свежей крови.

Я вышел наружу под дождь и, пройдя вниз по залитой водой улице, легко попал на берег к причалу. Так же легко я нашел и лодку — их было около десятка, стоявших в тро-

стниках на берегу. Я взял весла и выгреб в лагуну. Густая вода разбегалась журчащими кольцами под дождевыми каплями. Гроза отодвинулась на север. Я больше не боялся, что заблужусь в многочисленных протоках дельты. К океану меня вел инстинкт, подобный тому, что с наступлением холодов ведет рыбу в теплую воду. Кроме того, глупым, необдуманном действием — ударом кулака испуганного дикаря — я разорвал паутину Старого Хессека. Я уйду, прежде чем она будет связана снова.

Но дела между нами закончены не были.

Дождь перестал, папирусная лодка скользила к морю между гигантскими стройными деревьями, а в опустевшем небе нарисовали красноватый охотничий лук месяца.

Хотя карга, которую они мне показали, была только иллюзией Уастис, я был в мрачном убеждении, что она где-то поблизости. Я видел ее руку в коварстве Старого Хессека, отравы ее очарования — это тот источник, которым они могли пользоваться. Конечно, ей были безразличны устремления Бит-Хесси, но она могла воспользоваться ими, чтобы уничтожить угрозу, которой для нее был я. Она знала, что я буду искать ее, и на моем пути она расставила ловушки. Да, она дала мне урок.

А о Крысиной норе я вот что подумал: если она выжидала, что я споткнусь, так пусть теперь сама бережется, эта сука.

Примерно через час тростники расступились, воздух дохнул запахом соли, рыбы снова выпрыгивали из воды, а далеко на востоке драгоценным инеем сверкал Бар-Айбитни.

10

Я пустился в обход города и порта так же, как это делали мои хессекие проводники в предыдущем путешествии, так как любое судно, идущее из Бит-Хесси, могло возбудить подозрение масрийской стражи. Чистые мраморные стены, дворцовые парки, изысканно украшенные площадки масрийских храмов протянулись вдоль всего берега к востоку от залива Храгона, и у меня не было другого выбора, как выйти на берег в саду какого-то храма. Там, вдыхая аромат ночных алых лилий, я продырявил папирусную лодку и затопил ее в черной воде у пристани храма.

В саду я встретил священника в красном одеянии, который обратил на меня не больше внимания, чем на крадущегося кота. Наверное, после заката сюда часто приходили верующие, а еще чаще, похоже, любовники, назначавшие свидания в кустах.

Было около полуночи, когда я добрался до своего дома и обнаружил, что во двориках нет света. В любое время ночи в Пальмовом квартале это было неестественно, поэтому я вошел с осторожностью. В этом не было нужды: насилие побывало здесь до моего появления.

Наружные двери были сорваны с петель, над внутренними надругались подобным же образом. Везде валялись содранные занавеси и черепки разбитых сосудов, а черный пес, которого держал один из моих охранников-моряков, с перерезанным горлом валялся в канаве на улице — забота уборщиков мусора.

Не осталось и следа от Кочеса и моих людей, а о судьбе женщин можно было только догадываться.

У меня было столько врагов, что я не мог с уверенностью сказать, кто были эти гости. Я стоял оглядываясь, когда услышал какой-то звук, а обернувшись, увидел у своего локтя маленькую фигурку — одну из девушек с кухни.

— Мой господин, — пролепетала она, — о, мой господин!

Ее заплаканное лицо было искажено слезами и страхом, она боялась даже меня. Я усадил ее на широкий край фонтана и дал глоток куиса из серебряной фляжки, которую проглядели погромщики; большинство других ценностей и спиртные напитки исчезли. От изумления, что ей прислуживает хозяин дома, девушка пришла в себя и без вступлений поведала мне о том, что случилось.

Беда явилась в предрассветные часы, когда она уже готовилась зажечь огонь в печи и наносить из общественно-го колодца воды в чан для мытья.

Охранники-хессеки перешептывались и вообще вели себя странно (скорее всего, подумал я, они прослышали, что меня увезли на болото). Однако несмотря на возбуждение, а может быть, из-за него, часовые не были настороже. Наружные ворота вдруг распахнулись, и двор был запружен чужими людьми. Они звали меня, но, не получив ответа, выдернули перепуганных домочадцев из постелей или из уголков, куда те попрятались. Девушка многого не видела. Привыкнув к неприятностям с нежного возраста,

она нашла укрытие в большом чане, который питал кра- ны в ванной. Этот чан был ей хорошо знаком — по утрам она должна была приносить девять кувшинов воды из ко- лодца, чтобы наполнить его. Ночью он был наполовину пуст, и она, свернувшись в нем, прислушивалась к звукам погрома. Чужаки избили Кочеса и хессеков и забрали их с собой, обыскали все комнаты, а потом обшарили и сосед- ние дворы. Не найдя меня, они обратились к моей собствен- ности: выпили спиртное, изнасиловали женщин из кухни, которые, как пуритански заявила девушка, будучи все как одна шлюхами, недвусмысленно выражали одоб- рение и удовольствие. Наконец, когда все стихло, моя де- вушка набралась храбрости и вылезла из чана. Она нашла крутом хаос, как и я, и никого, кроме нескольких перепуг- анных соседей, большинство из которых разбежалось. Она осталась, чтобы предупредить меня.

Итак, она оказалась более храброй и проворной, чем все остальные вместе взятые, и я отдал ей серебряную фляжку и еще немного денег, которые у меня оказались с собой, — неравноценно наградив ее за отвагу. Но она вспыхнула и вернула мне деньги, сказав, что любит меня и только поэтому так поступила. Бедняжка, я едва ее замечал — тощую, маленькую, смуглую девчонку из бедной масрийской семьи; ей было немногим больше тринадцати. Фляжку, однако, она не попыталась мне вернуть. Я ре- шил, что жизнь научила ее ставить прагматизм выше чувств.

Я спросил ее, не может ли она сказать, кто были эти за- хватчики, и она сразу ответила:

— Они были одеты в желтое с черным — цвета гвардии Баснурмона Храгон-Дата, наследника императора. Все знают эту осиную расцветку.

Я отправил девочку домой, после того как она удивила меня признанием, что таковой у нее есть. Затем я подо- брал более или менее ценные вещи, вероятно, случайно пропущенные мародерами Баснурмона, и отправился, не переодеваясь, как был, в грязи Бит-Хесси, прямо в бли- жайшие наемные конюшни.

Человек, открывший мне, казался достаточно невин- ным, но он уже знал о том, как солдаты обобрали мой дом, и нервничал, задавая вопросы, ответа на которые не по- лучил. За связку монет я взял у него лошадь и через час после полуночного колокола уже пересек яркие улицы

Пальмового квартала и стучался в бронзовые Ворота Лисы на холме под названием Столб, у входа в Цитадель.

Там было три или четыре приличных комнаты, центральная — большая, хорошо обставленная, мало похожая на солдатскую казарму, скорее — комната командира. Лампы светились таким же простым и приятным светом, как цвет желтого вина в хрустальном графине. На желтоватых стенах висели мечи из булатного алькума, коллекция щитов, а также луки и копья для охоты или войны; а на одной стене висела шкура леопарда, которого Сорем убил сам и гордился этим. Я и сам бы не стыдился, убив такого. Было что-то немасрийское в отсутствии пестроты, но это не было неприятно. Лишь тканые тинзенские коврики пестрели всеми цветами, которых не было у ламп, а чаши для вина из полированного малахита не потерялись бы и на парадном столе Эррана в Эшкореке. Светло-серая гончая лежала у открытых окон, там, где с каменной веранды дул прохладный бриз. Из казарм раздавались приглушенные звуки, которые смешивались с шелестом резко пахнущих лимонных деревьев в садике под окнами.

В Цитадели, как и повсюду в восточном Бар-Айбитни, спать ложились поздно. У Ворот Лисы было нетрудно получить позволение войти; оказалось, Сорем слышал о мародерах. Несколько его людей были отправлены на помощь мне, а страже у ворот заранее велели меня впустить. С тех пор, как мы расстались с взаимными любезностями на Поле Льва, необычайные события произошли в Цитадели, как мне предстояло узнать.

Вошел Сорем, нисколько не заспанный, одетый в обычную форму джердата. Его лицо было напряженным, настороженным, но он улыбнулся мне с таким мальчишеским возбуждением, что это больше, чем что-либо другое, сказало мне: затеяна новая игра. Какая-то девушка налила нам вина и вышла, а мы, по-масрийски, стоя пили в молчании первую чашу, чтобы показать винограду, как мы ценим его дар.

После этого Сорем сказал:

— Я обязан тебе жизнью и торжественно обещаю безопасность. Кроме того, тебе следует сразу знать, что ты стоишь на земле, объявленной вне закона.

— Почему вне закона?

— В Цитадели стало известно о действиях Баснурмона,

и джерды присягнули мне, — сказал он просто. — По меньшей мере, это сделали мои собратья-командиры джердов в здешнем гарнизоне и подчиненные мне офицеры, но я думаю, что солдаты не имеют ничего против меня и предпочитают меня Баснурмону, что означает — все пять джердов, расположенных сейчас в Цитадели, перешли под мое командование. Это поразительное событие остается в секрете от города благодаря лояльности моих людей. Кажется, они готовы ради меня рискнуть своим местом и даже жизнью. Но в сущности, Вазкор, Столб сейчас так же вне закона, как и Старый Хессек на болоте.

Я залпом допил остатки своего вина. Это совершенно совпадало с планом, который созрел у меня, и я был почти готов поклясться, что чей-нибудь бог приложил к этому руку.

— А что ты знаешь про Старый Хессек на болоте? — спросил я.

Он был крайне удивлен.

— Название, которое ему здесь дали, говорит само за себя — Крысиная нора. Вместилище злодейства и загнивания. Там придерживаются старой хессекской веры, какой-то гнусной магии, включающей человеческие жертвоприношения. Со времен моего деда, масрийца, который завоевал юг и построил этот город, масрийские законы пытаются насильно остановить эту деятельность, вытащить этих людей из болота и искоренить жестокости, которые они практикуют.

— А что вы предлагаете им вместо болота? Рабство у масрийских хозяев? Или жизнь бродяг на ваших роскошных улицах?

— Это не моя вина, Вазкор. Императорский указ запрещает использовать масрийцев, а налог на Бит-Хесси обеспечивает Бар-Айбитни рабами. Каждый год он забирает в рабство три сотни детей из Старого Хессека, больше всего в шахты на востоке. Жрецы Крысиной норы не возражают. В самом деле, я слышал, говорят, что их болото не может прокормить больше детей, чем у них остается, и этот налог предотвращает голод. Конечно, это жестоко. Я не стал бы скреплять этот указ своей печатью, если бы я был хозяином Малинового дворца.

Я улыбнулся. Он еще не выдавал своих амбиций, без сомнения, он научился их скрывать. Однако теперь, когда открылись подлые намерения Баснурмона, а Цитадель

присягнула Сорему, зазвучали голоса, которые неслышно перешептывались в нем в течение двадцати лет.

Должно быть, впервые я хорошо разглядел его в ровном свете лампы, так ясно и близко.

Он был немного ниже меня ростом, по телосложению мы могли бы быть братьями. Жизнь у нас обоих не была гладкой. Его ладони затвердели мозолями от меча, лука, лошадиной сбруи, а на предплечье я заметил неровный белый шрам — любовная отметина кабаньего клыка, если я не забыл, как сам охотился. Он напомнил мне меня самого. Его голубые глаза в иные моменты напоминали мне совсем не о нем: на лице масрийского принца сияли глаза проклятого племени дагкта. Мне вспомнилось кое-что еще общее для нас: нелюбимые и не любящие нас отцы; матери-изгнанницы, не желавшие терпеть животную похоть мужей; права, принадлежавшие нам по рождению, но отнятые, а в случае с Соремом — отданные другому...

Эти горькие параллели в наших жизнях уводили меня куда-то, и, вернувшись из Бит-Хесси, я понял куда: я должен вмешаться в династические дела Храгонов, искупить свое прошлое настоящим Сорема, захватить власть и пользоваться ею. А сделать это у меня есть веская причина: я найду ту, что охотилась за мной в болотном городе, — белую ведьму в ее хитро сплетенной паутине — и уничтожу ее.

Мы сидели, и я коротко рассказал Сорему, что случилось со мной с той ночи на Поле Льва. Он внимательно слушал и не делал замечаний. Я не расписывал красот Бит-Хесси, не говорил об Уастис или об образе моего отца, появившемся из круга на полу гробницы, но я дал ему прочувствовать ужас и тьму, и страстную веру хессеков в то, что я — их мессия, Шайтхун-Кем.

— Цитадель присягнула Сорему, — сказал я. — Это пять тысяч человек. А по моему слову, несмотря на все, что я там натворил, даже несмотря на мое бегство, Бит-Хесси присягнет Вазкору. Как ты думаешь, сколько боеспособных мужчин найдется в Крысиной норе?

— Во имя Пламени! Не одних только мужчин, Вазкор. Ты же видел их. Пойдут сражаться и женщины, и дети. Это мой отец Храгон-Дат запретил им носить ножи, так как все время ходили слухи о волнениях и пророчествующих вождах на болоте. Они все равно найдут способ перехитрить закон. Для ровного счета я бы сказал — семь ты-

сяч или восемь, если будут сражаться их старики и совсем молодые. А кроме того, за мессию поднимутся рабы в Бар-Айбитни. — Он заглянул мне в глаза и сказал холодно: — Не собираешься ли ты повернуть их против меня, Вазкор? Они ведь не пойдут помогать масрийцам.

— Они помогут тебе, — сказал я, — не подозревая об этом. Выслушай меня, потом возражай.

Я изложил сму свой план под неподходящий аккомпанемент любовной песни, исполняемой каким-то джердие-ром за три двора от нашего.

Это была длинная ночь, посвященная выработке стратегии и вину, которое мы пили, заполняя паузы в разговорах. Пришел Яшлом, помощник Сорема, капитан, вместе с которым он воевал. Раз или два они спасли друг другу жизни, и в основном за это друг другу нравились. Яшлом был молодым человеком, младшим отпрыском масрийской аристократической семьи, серьезным и сообразительным, с очень крепкими руками. Позвали еще двух командиров джердов, которые стали друзьями Сорема, хотя долг призывал их избегать этого: Бэйлгара из джерда Щита (названного по воинскому знаку отличия, который они завоевали в прошлом) и Дашема, который первым объявил себя сторонником Сорема, когда весть о предательстве Баснурмона достигла Цитадели. Они не сразу мне поверили, и нельзя их было за это винить. Особенно убедительными для них оказались события на Поле Льва. Остальных командиров джердов Сорем намеревался утром собрать на совет, и на этом мы разошлись незадолго до восхода солнца.

Я спал мало — слишком многое теснилось в мыслях, чтобы уснуть, и когда в молельных башнях города зазвучали утренние гимны, я встал и принялся мерить шагами комнату, которую мне отвели, еще раз все обдумывая.

Кроме пяти джердов в Цитадели, насчитывавших до пяти тысяч человек, в Небесном городе находились еще три Императорских джерда — исключительно для защиты императора. Вдобавок девять джердов охраняли границы империи, Тинзен и восточные провинции и, вызванные в Бар-Айбитни, форсированным маршем могли добраться сюда за два месяца, а то и раньше. Наши шансы были невелики, но если в горшок заговора добавить Бит-Хесси, похлебка станет очень острой.

Мой замысел состоял в следующем: отдать себя в залог

Крысиной норе, подбить их сбросить масрийских угнетателей, затем разузнать, каковы их планы, их силы и час, который они выберут, чтобы нанести удар. Восемь тысяч хессеков, буйствующих в религиозном безумии, могли обеспечить две вещи. Во-первых, застигнутый врасплох император должен будет вплотную заняться ликвидацией беспорядков, его джерды будут полностью заняты, и военный режим Небесного города и Малинового дворца погрузится в хаос. Во-вторых, разгневанный Бар-Айбитни возложит вину за восстание на Храгон-Дата и его наследника Баснурмона, так как они оба известны тем, что вводят законы и налоги, которые превращают хессеков в изгнанников. Трех джердов императора будет недостаточно, чтобы подавить восстание: всем известно их пренебрежение своими обязанностями. Если восстанию будет позволено развиться и пострадают богатые купцы и жители Пальмового квартала, Храгон-Дат и его преемник не смогут рассчитывать на снисхождение своих подданных. В этот момент Сорем, выехав из Цитадели во главе своих джердов, спасет метрополию от хессекской угрозы. Пять джердов — на лошадях, в доспехах, вооруженные масрийскими арбалетами и длинными мечами, хорошо вымуштрованные, готовые к отпору, — достойно встретят полутолодную толпу с болота с духовыми трубками и кремнями. Симпатия и одобрение, как маятник, качнутся в сторону Сорема, и после подавления восстания будет открыт путь к низложению императора Храгон-Дата и возвышению Сорема. Как сказал сам Сорем, весь город знал, что и с мужской и с женской стороны он королевской крови.

Таким путем я собирался помочь Сорему не потому, что он мне нравился, хотя он действительно мне нравился, но потому, что для себя я предвидел возможность временно обладать властью, и достичь этого можно было благодаря ему. Если я в этой кампании стану ему братом, то потом вполне смогу выбрать себе положение по своим заслугам, без магии и уловок. Кусок Масрийской империи был бы неплохим призом. Это доказывала даже та ее малая часть, которую я увидел. Несмотря на то что она стала сонной и ленивой, два человека, молодые и умные, могли бы в ней все изменить. У меня были какие-то смутные мечты о завоеваниях, возможно, наследство отца: он пытался создать империю, но едва сложив ее, потерял из-за предательства придворных. Я, лишенный королевских

прав, принадлежавших мне по рождению, имел некоторое право на свой кусок. И более всего я был одержим идеей стереть с лица земли грязь и вонь Старого Хессека и показать ведьме, которая управляла ими, что я могу нанести ей поражение. Она хотела, чтобы они со своими верованиями съели меня живьем, она надеялась, что я буду сопротивляться им и погибну. Я не сомневался: она знала, что я чуть не запутался в паутине, и с нетерпением ждала, в своем тайнике, похоронных вестей обо мне. Но я разочаровал ее, я освободился. В другой раз ей не придется рассчитывать на мое желание отправиться в западню.

Ей предстоит умереть вместе с этими подонками, если она в Бар-Айбитни, или спустя какое-то время, если она где-нибудь в другом месте. Я хорошо помнил, как — ирония судьбы! — отправил хессеков на ее поиски: либо она держала их в неведении, либо они мне лгали. Я должен быть осторожен со своей Силой, так как она стала маяком для нее. Она питалась ею и использовала ее против меня. Именно поэтому я и обратился к солдатам, оружию из железа, к обычным человеческим уловкам. Но я покончу с ней так или иначе. И тогда я мог бы стать принцем масрийцев и взять все, в чем она мне отказала, — и это тоже будет моей мстью.

А о крысах Крысиной норы я несколько не беспокоился, как и об утопающем в роскоши населении Бар-Айбитни, которому скоро предстояло испытать на себе крысиные укусы. Нельзя играть в войну, если беспокоишься о мертвых. Смерть — удел человеческий, он выпадает рано или поздно. Чтобы я мог получить то, чего хочу, он выпадет сейчас. Как говорят масрийцы, только тот, кто живет в сахарнице, думает, что мир сделан из леденцов.

Наш совет был коротким и толковым. Они были сообразительные люди. Самому старшему, Бэйлгару, было чуть за тридцать, и он еще не заостенел в своих взглядах. Я также думаю, что они видели, что Бар-Айбитни загнил, что армия задыхается в своих казармах, а в состоянии готовности ее поддерживают лишь незначительные случайные стычки на границах.

Прекрасная выучка и отличные боевые навыки джедов делали им честь. Из общего разговора я понял, что джердам императорской гвардии особенно нечем похвастать.

Мой план изумляли их, но в конце концов его приняли.

Им была известна моя репутация, и они задавали мне вопросы. Где мог, я давал прямые ответы, а где не мог — ответы, которые казались прямыми. Меня больше не раздражала их открытая преданность Сорему, теперь я мог ее использовать. У него был дар нравиться людям, и он был в достаточной степени мужчиной, чтобы укреплять это отношение делами, так что никому не было стыдно назвать его своим командиром или другом. В это утро я увидел, что он стреляет с меткостью атакующего ястреба. Мы упражнялись в огромном Дворе секир в Цитадели. Видимо, джердаты хотели испытать меня, но я был достаточно умен в обращении и с окованными железом луками, и в других военных забавах, и им не к чему было придрататься. Бэйлгар даже расщедрился на похвалу и сказал, хлопнув меня по плечу, что его глаз очень меток и ему даже обидно видеть, что мой глаз острее.

Я был занят всеми этими делами, но обдумывал иное.

«Иакинф Вайн-Ярд», корабль, который я купил ценой жизни Чарпона, стоял у причала в порту. Я надеялся, что кто-нибудь из головорезов Кочеса остался на борту, если только туда тоже не нагрянули люди Баснурмона, и хотя корабль уже не имел для меня такого значения, как раньше, поскольку мои планы изменились, я все же решил поискать среди команды хессеков одного человека. Не имея намерения лично являться в Бит-Хесси, я нуждался в посланнике.

Я обсудил это с Соремом. Мое лицо было слишком хорошо известно в городе, поэтому мне пришлось замаскироваться, и не первый раз в жизни.

На эту прогулку я взял с собой Бэйлгара и еще четверых из его джердиеров. Помимо командиров, никто в Цитадели официально не признавал, что джерды служат не императору, а Сорему и что он командует ими. Однако я почувствовал: многие поняли, что затевалось.

Беспокойство, копившееся здесь месяцами и даже годами, популярность Сорема и глупость императора были тем трутом, которому не хватало лишь искры. Повсюду, куда бы я ни кинул взгляд, люди надраивали обмундирование, тщательно подковывали лошадей, занимались боевой подготовкой. Смех и шумная возня выдавали напряжение нервного ожидания.

Даже шестеро жрецов, которые вышли из Ворот Лисы за час до полуденного колокола и выглядели как занозы в

гуще солдат, не вызвали особых пересудов, их встретили только легкие ухмылки или торжественные маски на лицах часовых.

Эти шесть священников принадлежали к ордену Поедающих Огонь — странной секте, у которой был храм или два в Бар-Айбитни. Ответвление от главной религии — поклонения Масримасу, — они заявили, что получают откровение от бога, глотая пламя.

Основная часть поклоняющихся огню правоверных масрийцев считала их ритуалы богохульством и, как правило, держалась подальше от оранжевых одеяний членов ордена.

Жрецы ехали на мулах и, как многие люди их звания, были весьма медлительны. Не спеша двигались они по широким улицам Пальмового квартала сквозь Ворота Крылатой лошади по Янтарной дороге, и не привлекали ничьего внимания, но в торговой части города нет-нет да и раздавалось проклятие или ругательство в их адрес, а маленькая девочка, продававшая фиги на Вселенском Базаре, неслышно подошла к ним и вежливо предложила свой товар как дар. Один из жрецов, поблагодарив, отказался и зажал в ее кулачке медную монетку. Девочка, проявившая масрийское благочестие, была наполовину из хессеков. В Цитадели слуги были только масрийцами, и это радовало меня, но так как я сейчас искал хессеков, такое положение я не мог одобрить. Меня преследовал один и тот же образ — не Лели и не демон с головой кошки, даже не человек-тигр, которого я принес в жертву, — нет, это был ребенок, который вонзил в меня зубы, когда я хотел его вылечить, и пил мою кровь. Он стал для меня символом этого кладбища.

Запах Рыбного базара напомнил мне о том дне, когда я прибыл в Бар-Айбитни, о моих тогдашних простых планах, четких решениях, чувстве одиночества, собственной божественности и непобедимости. Все те же две рыбки блестели на столбах на фоне неба цвета ляпис-лазури, как и в то утро. Никаких видимых перемен, и повсюду — незаметные перемены.

«Вайн-Ярд» тихо качался у причала. Его паруса сняли, а попорченные погодой золотые и синие краски обновили еще по приказу Кочеса, который очень заботился о внешней красоте. Наемная охрана разбежалась и не потрудилась вернуться, когда я стал мишенью Баснурмона, а па-

луба кишела грязными детьми в лохмотьях, которые, как черные мартышки, дрались друг с другом и раскачивались на канатах. Побывали здесь и другие визитеры, так как я с первого взгляда заметил, что многих вещей недостает. Даже эмалевые крылья бога на форштевне исчезли, а румпель выдернули и утащили.

Лицо Бэйлгара под капюшоном перекошилось от отвращения.

— Тебе, пожалуй, надо воспользоваться магией, Вазкор, — грубовато-добродушно сказал он, — чтобы вырвать свою собственность из лап воров. Это бы их позабавило.

Я ничего ему не ответил: он не хотел меня обидеть, а велел двоим из своих людей найти коменданта порта и сказать ему, чтобы он возобновил охрану корабля чудотворца.

— Если он будет возражать, — добавил Бэйлгар, — скажи, что в этом заинтересован принц Баснурмон и ему не понравится, если что-нибудь будет испорчено. Это быстро приведет негодяя в чувство.

Два солдата, Бэйлгар и я взошли по трапу, оставленному каким-то безумцем, на палубу. Портовые дети-полукровки улепетывали во всех направлениях, некоторые даже прыгали в воду и плыли к причалам подальше от нас. Секунд за десять палуба очистилась.

— Дефицит хессеков, — сказал я Бэйлгару. — Мне теперь придется обшарить весь порт.

Мы заглянули всюду, даже в помещение для гребцов, теперь опустевшее. Рабы-гребцы воспользовались случаем и сбежали, но меня это не разозлило. Из каюты Чарпона унесли подушки, шелка, меха и даже позолоченую бронзовую статуэтку Масримаса.

Любовники-мужчины пользовались ложем и оставили следы своего пребывания, а гниющие фрукты приманили крыс, тараканов и других таких же гостей. Это было сделано всего лишь за одну или две ночи. Грустное зрелище.

С палубы меня позвал один из солдат. Я вышел и обнаружил еще одно грустное зрелище — фигуру, распластавшуюся на палубе и пытавшуюся спрятать голову под обшивку палубы, когда я подошел поближе. Это был не кто иной, как мой верный и преданный Лайо.

— Я нашел его в кладовке, господин, — сказал мне солдат. — Он подумал, что я подонок Баснурмона, и поднял шум. Напуган темнотой, хотя сидел там все это время, и до смерти боится вас.

Я велел Лайо подняться, что он в конце концов и сделал. Задыхаясь, он рассказал, как спасся бегством из моего дома, когда туда вломились стражники-осы, как искал укрытия на «Вайн-Ярде», ибо никакого другого места в городе он не знал. Он был слегка не в своем уме, боясь всего на свете, а главное — меня, вспоминая, как он дважды убегал в ту ночь, когда я отправился в Бит-Хесси.

Я смотрел на него без всякой жалости и видел только то, чем я мог воспользоваться, если только он перестанет всхлипывать. Его жизнь в моих руках, не так ли? Так пусть он ее заработает.

Я отвел его к перилам. Мне не хотелось пользоваться своей Силой, но здесь ее требовалось немного. Я слегка загипнотизировал Лайо. Всхлипывания прекратились, и я почувствовал, как его мозг трепещет под натиском моего. Я тихо заговорил с ним.

Я знал, что Бэйлгар и солдаты стоят рядом, таращась на нас и не понимая, что я затеял, но полагая, что это какой-нибудь колдовской прием, хранили молчание.

Лайо ушел с корабля и из порта, направляясь на запад. Я был убежден, что на пристани за мной наблюдали. Его проводят до места, поскольку он идет от меня. Я думал, что его не убьют, так как Лайо был не масрийцем, а симейсом, человеком из родственного хессекам народа.

Он скажет им, что их мессия после борьбы с собой покори́лся их воле, своей судьбе и поведет их.

Шайтхун-Кем, Бог, ставший видимым.

Бэйлгар повернул ко мне свое лицо, покрытое грубым красным загаром, уже не такое добродушное. До этого он только слышал о моих намерениях.

— Дело сделано? Ну что ж, ты знаешь, что затеял. Как они дадут тебе знать, когда будут готовы?

— Лайо скажет им, что я обитаю в Цитадели. Он должен сказать, что я пользуюсь дружбой с Соремом, чтобы защитить себя, усыпить подозрения масрийцев и выяснить силу и слабость вашей армии. Хессеки знают, что я спас Сорему жизнь, а остальное само собой разумеется. Если хессеки будут иметь доступ ко мне в Цитадель, они дадут мне знать.

Бэйлгар взглянул на своих солдат и снова на меня.

— Я рад, Вазкор, что вы не имеете желания быть мессией Бит-Хесси. Я полагаю, что нет. Ну, теперь я могу спокойно спать по ночам.

— Я много чего хочу, — сказал я ему, — но не этого.

Предполагаю, что мой взгляд и голос были убедительны. Он мне поверил.

Часть III: Малиновый дворец.

1

Выбравшись из трясины, я нашел в Цитадели здоровую атмосферу. Две квадратные мили, облицованные бронзой внешних укреплений, охраняемые часовыми в красно-белой форме джердов, были как спящий щит против хессеков. И хотя я даже самому себе не признавался, как боюсь хессеков и того, что они со мной сделали, превратив меня в бессильное неуклюжее животное, редкий ночной час проходил без сновидений, напоминавших об этом. Обнаружив паутину в нише стены Двора секир, я обрушился на ничем не провинившегося паука и его липкое кружево, как ребенок, съевшись от страха и злости.

Прошли еще два дня — десятый и одиннадцатый день моего пребывания в этой стране (лишь одиннадцать дней, а сколько всего случилось!). К этому времени мы как могли тщательно разработали предварительный план. На столе кедрового дерева были развернуты старые карты с тысячами улиц и дорог Бар-Айбитни: они вели от ворот, выходящих на болото на западе, к старому укрепленному обрыву у моря на севере, за виноградники на востоке и в разворачивающиеся на юге пригороды. Кампания была разработана как план военных действий еще до того, как мы точно узнали, по каким дорогам пойдут хессекские оборванцы. Бэйлгар, жуя изюм, предложил пустить этих крыс всех по одной дороге, чтобы было легче их уничтожить; Денейдс и Дашем потренировались еще одну засаду в другом месте; а Асторт, командир пятого джерда, подал резкий голос в защиту моего мнения: если пожертвовать крысам небольшую часть города, потом наверняка город будет чрезвычайно благодарен спасителям, а спасение, пришедшее слишком скоро, может и не восприниматься как спасение. Против этого возражал Сорсм. Я ошибся,

определяя размеры его амбиций, так как его честная натура и сострадание, в котором он был воспитан, не допускали возможность такой ситуации. Он сказал, что не желает видеть резню и насилие на улицах. И все это время он, как настоящий гедонист, пользовался возможностью лишний раз взглянуть на девушку-музыкантшу с гиацинтовыми локонами, распущенными по лютне, на которой она наигрывала, сидя в углу комнаты. В Цитадели было несколько женщин. Это были свободные женщины и с ними хорошо обращались, хотя, думаю, по ночам они редко бывали одиноки. Я не видел мальчиков для любви, но, подобно большинству армий, в этой были свои традиции в таком деле.

Я, глупец, очень нервничал, ожидая сигнала с болота сразу после того, как послал туда Лайо, но до сих пор еще ничего не было известно. Мы слышали только, что Баснурмон перестал разыскивать меня, и решили, что он догадался, где я могу быть. К концу третьего дня моего пребывания в крепости мы получили подтверждение этому.

Мы с Соремом находились на дорожке в милю длиной для скаковых лошадей. Здесь я, забыв свои протесты, ездил верхом на белом коне; мы оба тренировались на паре молодых лошадей, чтобы провести время и снять напряжение. Кроме раза или двух в Эшкореке, мне не приходилось скакать на столь прекрасной лошади. Это была чистокровная лошадь, белая, одна из Стрел Масримаса, стройная и холеная, как огромная беговая собака, цвета снега под солнцем, с хвостом-фонтаном, как распущенная шелковая веревка. Она несла меня, будучи хорошо выезженной, но для глупца она бы не подошла. Я чувствовал, как кобыла ждет, не ошибусь ли я, не дам ли ей неправильной команды, но, обнаружив, что я могу командовать ею и в то же время оставаться вежливым, она одобрила меня, как одобрила бы женщина, — они были одного темперамента. Я выиграл забег и соскочил с лошади. Яшлом натянул на нее красную попону и отпустил прогуляться. Подошел Сорем и посмеялся над моей привязанностью к лошади.

— Если она вам так дорога, она ваша.

Он сделал свое предложение, как мальчик — открыто, искренне и как бы невзначай. Как богатый мальчик. В этом не было ни вины Сорема, ни моей вины, и я был уже достаточно научен, чтобы проглотить комок в горле, поблагодарить и принять дар.

Тем не менее, он сказал, когда уводили лошадей:

— Легко дать — не так ли, Вазкор? Но не взять.

— Ожидание известий из Бит-Хесси портит мне настроение и делает из меня болвана. Прошу прощения.

— Не стоит того, — ответил он. — Лошадь — не роскошный подарок тому, кто подарил тебе жизнь. Мне жаль, что мой подарок не может сравниться с твоим, но если ты считаешь его достаточно ценным, чтобы разозлиться, я чувствую себя лучше.

В тот же момент мы увидели бегущего к нам часового. Он явился от Ворот Лисы, где небольшая группа посланцев Баснурмона чрезвычайно вежливо испрашивала позволения войти. Никаких хитростей, клялся часовой, просто управляющий в ливрее осиной расцветки — желтый и черный цвет, — верхом, но не вооруженный, в сопровождении двух слуг с резной деревянной шкатулкой, о которой все трое заявили, что это подарок наследника Баснурмона своему брату принцу Сорему.

Сорем посмотрел на меня и усмехнулся.

— А сейчас, Вазкор, я покажу тебе, как нужно принимать подарки. Проводите их во Двор секир, — добавил он, — и дайте им королевский эскорт — двадцати человек с саблями наголо будет достаточно.

Мы вернулись во двор и вошли в колоннаду с красными колоннами, которая находилась позади мишеней на стрельбище. Вбежала гончая Сорема и улеглась между горшками лимонных деревьев. Яшлом и Бэйлгар вывели ее, и двор опустел. Солнце клонилось к закату, в этот час ни один масриец без крайней нужды не поднимет лук, так как существовало старое поверье, что стрела может поразить глаз садящегося солнца. Считая поверье шуткой, его, однако, не нарушали: так в иных землях человек стучит по дереву или по камню, чтобы умиротворить духов, в которых сам больше не верит.

В пустой Двор секир быстро вошел аристократ, сопровождаемый эскортом из двадцати джердиеров с саблями.

Придя в себя, он обратился к Сорему:

— Я прибыл к вам из Малинового дворца, принц, с даром вашего несравненного брата, — проговорил он скрипучим голосом. — А меня подвергают грубому обращению.

— Ни в коем случае, — ответил, улыбаясь, Сорем. — Эти сабли, я вас уверяю, для вашей же защиты. Мы слышали

об измене, о ночных убийцах в городе, и мы желаем только обеспечить вам безопасность.

Бэйлгар засмеялся — и посланец Баснурмона тоже неохотно сморщил свое лицо. Щелчком пальцев он вызвал двоих слуг, которые торопливо выскочили вперед и поставили на землю шкатулку. Она была сделана из резного дуба с перламутровыми инкрустациями, ручки из серебра, и я подумал: порох или что-нибудь подобное, — хотя, как оказалось, масрийцы им не пользовались, — или, на худой конец, гнездо скорпионов.

Сорем удивил меня, когда с безупречной вежливостью попросил офицера в наряде осы самому открыть шкатулку. Но потом я подумал, что он прожил двадцать лет в гуще подобных дел, а не прожил бы и пяти, если бы не был хорошо выучен.

Офицер, либо по незнанию, либо по самоуверенности, претенциозным жестом откинул крышку шкатулки. Но то, что там оказалось, заставило его измениться в лице и отскочить. Не смерть, но оскорбление. В шкатулке была фарфоровая статуэтка около восьми дюймов в высоту, раскрашенная, исполненная очень тщательно, со всеми возможными деталями. Мне было интересно, как успели столь быстро это все выполнить, поскольку это была точное изображение меня, меня и Сорема. Статуэтка изображала нас в позе, которую в мужских борделях Бар-Айбитни называют «Собака и заяц».

Я здорово разозлился. Я бы разозлился, увидев такую игрушку, изображавшую меня с женщиной, а эта понравилась мне еще меньше. Когда я остыл, то догадался, что это была готовая форма, у которой отбили головы и за ночь приделали новые, мою и Сорема. Я также понял, что не было такого уж сходства, как мне показалось вначале, хотя в тот момент я бы предпочел, чтобы мне показалось что-нибудь другое.

Лицо Сорема потемнело от прилива крови, затем побледнело, и я услышал, как чертыхнулся Бэйлгар. Посланец Бансурмона тоже, казалось, был далек от веселья.

Я, почувствовав, что эта немая сцена может затянуться надолго, сказал как можно вежливее:

— Баснурмон считает, что нам нравится то же, что и ему. А что касается работы, так на Вселенском базаре я видел и получше.

— Высокородный господин... — начал посланец, обра-

щаясь ко мне, затем, очевидно, вспомнив байки о белых лучах и другой магии, упал на колени перед Соремом. — Мой господин!

Сорем ответил голосом, которого я раньше у него не слышал:

— Возьмите эту гнусность и отнесите тому мерзавцу, который ее послал.

Посланец сделал, что ему велели, и я редко видел, чтобы человек двигался столь быстро. Менее чем через минуту он исчез в направлении Ворот Лисы, а вместе с ним шкатулка, слуги и эскорт джержидиеров, — все были довольны оказаться подальше от нас.

Бэйлгар и Яшлом, не сговариваясь, отошли в глубь колоннады, а гончая, почувствовав, что не все в порядке, подошла и встревоженно ткнулась в сапог Сорема. Он был вне себя от злости, и, когда наклонился погладить собаку, его рука дрожала. Я уже остыл и склонен был видеть во всем этом шутку.

— Он дорого заплатит за этот жест, — сказал я. — Давай не будем сердиться, как он бы хотел, чтобы мы сердились.

— Давай, — сказал Сорем. Он не смотрел на меня, поглаживая собачьи уши. — Из этого знака я понял одну вещь — Баснурмон знает, что Цитадель желает борьбы. Чем скорее Хессек обнаружит свою закваску, тем лучше. Мы теряем почву под ногами. — Он оглянулся и подозвал Яшлома. — Однако моей матери было бы лучше здесь, чем в городе императора. До сегодняшнего вечера я думал, что там она будет в большей безопасности, не принимая участия в моих интригах, но теперь... — Подошел Яшлом, и Сорем сказал ему: — Госпожа Малмиранет. Возьмите двоих и приведите ее. Она знает, что быстрое исчезновение из дворца может стать неминуемым, и будет действовать без промедления. Воспользуйтесь Кедровой лестницей и отдайте ей это кольцо. Это сигнал, о котором мы договорились.

Сказать, что я не думал о Малмиранет после того уединенного ночного свидания, было бы неправдой. Я бы вспоминал ее чаще, если бы не мешали другие вещи.

Яшлом был готов выехать.

— Я выбираю себя в число ваших двух человек, Яшлом, — сказал я ему и Сорему. — Если осиный принц решил затеять дело, чудотворец может оказаться более полезным, чем пара солдат.

Сорем смотрел на меня некоторое время. Затем протянул свою руку.

— Я подозреваю, что ты поклялся сделать меня твоим вечным должником.

— Скажи мне это, когда твоя мать будет в безопасности.

Я подумал, что он был бы рад моей помощи, и в любом случае я интересовался обходными путями в Небесный город. Память о Малмиранет пылала во мне и как реакция против паутин и могил, заговора и ожиданий.

Возможно, я найду ее сегодня изменившейся, и она, как жена булочника, будет есть конфеты, рассеянно оглядывая нас в тревоге, и ее странный голос (я, и правда, хорошо ее помнил) поднимется до перепутанного визга. Ну хорошо, пойду и посмотрю.

Яшлом задержался, чтобы я мог его догнать. Не разговаривая, мы прошли мимо стены казармы по направлению к конюшням.

Опять переодевания. Кажется, в этом месте был большой выбор различных костюмов. В этот раз мы оделись, как конторщики — простые темные штаны, куртка и короткий плащ с капюшоном, и взяли пару пыльных лошадок, бессмысленных после моей белой Стрелы и страшно капризных.

Яшлому была знакома дорога, по которой мы поедem, и, перед тем как выехать, он сказал мне, чего опасаться. Мы выехали не через Ворота Лисы, а через запасный выход гарнизона на случай, если бы за нами стали следить.

Несбо позади нас окрашивалось в красный цвет, а птицы, поднимавшиеся с моленных башен при звуках гимна заходящему солнцу, поблескивали серебром.

Я чувствовал сладостное напряжение и вовсе не ожидал, что она будет визжать.

2

Террасы на протяжении двух миль поднимались к высоким стенам Небесного города. Внизу, в Пальмовом квартале, они были ярко освещены и запружены толпой, выше, ближе к Небесному городу, густо покрыты рощами кипарисов, горных дубов и голубоватых южных листьев. В Бар-Айбигни часто говорили: так же легко попасть в Небесный город, как к недоступной женщине. Но на самом

деле, как и во многие недоступные крепости, в него можно было попасть и другим путем.

В рощах патрулировали солдаты императора, но они были заняты сплетнями, вином и настольными играми; мы легко пробрались мимо них, оставив лошадей примерно в полумиле внизу привязанными возле небольшого храма.

Стены возвышались на шестьдесят футов, а в некоторых местах и еще больше, черные как чернила, с пурпурными сторожевыми башнями и золотыми мозаичными лошадьми вдоль верхнего края. Они казались превосходными, неприступными, без единой трещины или щербин, единственным входом служили огромные ворота на северо-западной стороне, обращенные к городу внизу и к заливу, который отсюда казался маленьким, как пруд, по которому плавали освещенные стрекозы вместо кораблей. С высокой террасы под стеной был виден весь Бар-Айбитни — драгоценная шкатулка с цветными огоньками внутри; на это стоило посмотреть, если бы у меня нашлось свободное время.

Яшлом выбрал для нас дорогу, обходящую город с востока. Здесь со скалы прыгал поток, а на скале, склоняясь над ручьем, стоял массивный всковой кедр, росший у самой стены. В тени дерева был глубокий сухой колодезь, по которому мы стали спускаться вниз. В нем было много скоб, вполне пригодных для спуска. Наконец, когда от сияющего вечернего неба высоко над нашими головами остался только сапфировый ноготь, а наши ноги оказались среди водорослей, слизи и потревоженных лягушек, мы, помучившись с потайной дверью, вышли в какой-то проход. Яшлом высек искру, чтобы показать мне длину этого коридора и крутую лестницу в конце, затем задул пламя (принеся Масримасу приличествующие извинения за то, что воспользовался открытым огнем), и мы, как два крота, проползли по коридору и вскарабкались по лестнице. Мне это не доставило большого удовольствия; при каждом скрипе ступеньки мне мерещились часовые. Но путешествовать без света оказалось разумным, так как потайной ход вывел на поверхность недалеко от внутренней стены и, кроме кустов красной мимозы, не был ничем прикрыт.

Так я впервые попал в Небесный город, и пока ничего не понимал. У меня остались только перепутанные впе-

чатления о деревьях с крестовидными листьями, белых дорожках с колоннадами, взбирающихся вверх по склону лугах, далеких огоньках и брэнчании музыки; повсюду был аромат ночных цветов и уединенная пустота частного сада.

Наш путь лежал между зарослями мака и вдоль улицы, огороженной стенами выше человеческого роста. Где-то поблизости зарычал лев, и я едва не выскочил из своей шкуры.

Яшлом сказал тихонько:

— Рядом императорский зверинец. Этот лев хорошо заперт.

Лев рыкнул еще раз, как бы обидевшись на это справедливое замечание.

Улица выходила на широкую площадку, которая обрывалась ступенями с северной стороны. Пять человек, расположившихся у пруда с декоративными рыбками, пытались поймать их для развлечения. Эти слабоумные были одеты в темно-красную с золотом форму Малинового дворца — императорской гвардии Храгон-Дата.

Когда мы с Яшломом под видом клерков пересекали открытое место, скромно склонив головы в капюшонах, они сыпали нам вслед непристойности, касающиеся нашего рода занятий и места, куда мы направлялись. Яшлом уже сказал мне, что Малмиранет, получив благодаря отцу образование, достойное принца, имела склонность к интеллектуальным занятиям, часто нанимала писцов, историков и прочих подобный ученый люд.

В любое время можно было видеть, как эти люди входят к ней и выходят от нее, так как она все время чем-нибудь занималась: читала, диктовала заметки или учила какой-нибудь малоизвестный язык южных окраин. Яшлом сказал, что она говорила на хессекском и еще на семнадцати восточных диалектах. Таким образом, два писца, поспешающих в ее покои, не могли вызвать ненужных размышлений. Я подумал, что такое занятие суховато для женщины ее внешности, и решил, что это, несомненно, причина и прикрытие для других, менее скучных занятий. О чем, судя по выкрикам, очевидно догадались императорские гвардейцы. Однако они нам не досаждали. Мы спустились по ступеням и подошли к тесно стоявшей группе домов из белого камня с лепными украшениями, расположившейся на пологой лужайке. Огромную стену

не было видно за отдаленными деревьями, но она была. Мне было интересно, как же ей удалось сбежать из этой роскошной тюрьмы, чтобы найти меня той ночью. Наверняка не через колодец с осклизлыми стенами — в элегантном платье, с каретой и лошадьми?

Яшлом нарушил молчание, прошептав:

— Те, кто в фаворе у императора, живут рядом с ним.

По-видимому, Малмиранет находилась от императора на наибольшем расстоянии, на которое он мог или она сама могла себя поместить, в этом маленьком павильоне. Но удобная близость Кедровой лестницы обращала на себя внимание. Может быть, имея ее в виду, она и выбрала себе жилище? У незакрытых ворот первого двора росли цветущие акации. Там на мраморной скамье сидел охранник, и я мог с одного взгляда определить, что он не опасен. Кувшин вина, чаша, блюдо с изысканной едой. Он распустил пояс, а увидев нас, только широко улыбнулся и махнул рукой, чтобы мы проходили. Я решил, что она умасливала его на случай, подобный нашему.

Из двора на широкую террасу вела колоннада. Высокие алебастровые лампы излучали мягкий свет, который делал синюю темноту еще более контрастной, а в центре освещенного места я увидел сцену из тех, что художники непременно хотят запечатлеть на стене какого-нибудь дворца.

С ней были две девушки, они обе полулежали на ковриках и подушках у ее кресла. Ближайшая девушка играла на прямоугольной восточной арфе. Свет ламп поблескивал на дрожащих серебряных струнах, и казалось, что звуки текут с них, как вода. Она была масрийкой с янтарной кожей, над плечами, украшенными драгоценностями, — черные вьющиеся волосы; на ней была кофточка и складчатая юбка, как у масрийской дамы, из атласа, чей бронзовый тон сочетался с цветом волос другой девушки. Несмотря на загар, было ясно, что та была другой крови, и ее длинные бронзовые локоны падали мягкой волной на грудь и черные масрийские одежды, которые, в свою очередь, гармонировали с черными кудряшками музицировавшей девушки. Как пара прекрасных гончих, они склонились к ногам женщины, сидевшей за ними.

Я запомнил ее не совсем такой. Трудно сохранить подобный образ — это все равно, что пытаться запомнить пейзаж: каждый камешек, цветок и травинку. Всегда най-

дется какая-нибудь деталь, которую забудешь или запомнишь неправильно.

На ней было платье из шелка цвета меди и тяжелое золотое ожерелье, но это я едва увидел. Она слушала арфу, ее глаза были полуприкрыты, взгляд — отсутствующий, она лениво поглаживала волосы девушки-чужестранки, прислонившейся к ее коленям. Лицо Малмиранет могло бы сказать вам многое, но вы бы не были уверены, правдиво ли это, если она сама не скажет.

Арфа издала последнюю ноту. Это была странная мелодия — не веселая и не печальная. Масрийская девушка склонила голову, другая девушка, наоборот, подняла свою, и Малмиранет, нагнувшись, поцеловала ее в губы, что заставило бешено заколотиться мое сердце.

Яшлом и я оставались в тени стены. Я — чтобы поглядеть, он, полагаю, из вежливости.

Малмиранет поднялась, сияние ламп змеилось по ее шелкам. Она легко прошла по террасе, остановилась у колонны футах в четырех от нас и сказала, глядя в темноту:

— Вероятно, мой несравненный муж прислал кого-то убить меня наконец?

Она угрожающе застыла, как свернувшаяся змея перед броском.

Яшлом подошел к ней, поклонился и вручил кольцо, которое дал ему Сорем.

Она молча взяла кольцо, осмотрела его; глядя прямо перед собой и почти не изменившись в лице, спросила:

— Настолько плохо?

— Настолько, мадам, — ответил Яшлом.

Она была одного с ним роста. Я вспомнил, что ее глаза находились почти вровень с моими.

— Тогда больше не будет вопросов, — сказала она и обернулась, чтобы взглянуть на своих женщин. Они встали и ожидали ее приказания. Обе они были очень красивы, но рядом с ней казались нарисованным пламенем возле настоящего огня.

— Вы слышали, что сказал капитан Яшлом, — сказала она им. — Насмет, готов ли кувшин вина?

Масрийская девушка лукаво улыбнулась, и обе, позвякивая браслетами, исчезли между колоннами.

— Мадам, — сказал Яшлом, — мы должны немедленно уйти.

— Прошу прощения, капитан, — сказала Малмиранет, — но это как раз то, чего мы не должны делать.

— Ваш сын... — начал Яшлом.

Она перебила его с мягкой настойчивостью:

— Мой сын сказал бы вам, что в этом вы должны положить на меня. Вы заметили пять дураков, обивающих пятки наверху, в Рыбном двореке? Впервые за многие годы, капитан, муж увеличил мою охрану, без сомнения, предупрежденный принцем Баснурмоном. Было бы ошибкой оставлять в саду тела охранников из Малинового дворца после того, как мы уйдем отсюда, потому что ночной патруль, обнаружив это, сразу поднимет шум. Насмет и Айсеп — сообразительные девушки. Они завели знакомство со стражниками как раз на случай вроде этого. Нам придется подождать примерно треть часа. Присаживайтесь, пожалуйста.

— Мадам, — начал опять Яшлом.

— Яшлом, — сказала она, — две прелестные юные женщины и кувшин вина со снотворным разберутся с пятью охранниками верно и окончательно. Гораздо лучше, чем ножи, которые вы со своим товарищем попытаете воткнуть в их спины, как бы тихо вы ни действовали.

— Можно ли доверять этим женщинам? — спросил Яшлом.

— Полностью.

Ее убежденность передалась и ему, он больше ничего не сказал и сел, когда она снова его пригласила. В любом случае, девушки обращались к ней «императрица» — и это не было вызвано страхом и не казалось ритуалом.

Она не обращала на меня внимания, считая меня, очевидно, подчиненным Яшлома.

Тогда спросил я:

— А как быть с охранником у ворот? Его тоже отравят?

Она обернулась и подошла туда, где я стоял, все еще не видя меня в темноте за светильниками.

— Порсуса нечего бояться. Мы с ним старые друзья. Как-то я уже покидала этот дом при его попустительстве.

Яшлом, не вмешиваясь, сидел у края террасы, и я вышел туда, где она могла меня видеть.

— Я все думал, как вам это удалось. Тогда, ночью, когда вы разыскивали меня в Пальмовом квартале.

Она задержала дыхание и отступила, как будто испугалась, обнаружив меня здесь.

— Что это? — спросила она. — Вы не уехали, как я предполагала, из Бар-Айбитни?

— Вам надо спросить у Баснурмона, — ответил я, — о моем местонахождении.

Она сердито ответила:

— Не играйте словами, чудотворец. Сейчас не время. Конечно, я знала, где вы. А сейчас я должна поверить, что вы — мальчик на посылках у моего сына?

— Если хотите. Мы с Яшломом здесь для того, чтобы доставить вас в безопасности из Небесного города в Цитадель.

— Во имя Пламени, — она хмурилась и не глядела на меня, — в этой роли вы мне не нравитесь.

— Раньше вы мне верили. Поверьте и сейчас. Сорем жив. Я думаю, вы знаете почему. Но когда вы останетесь с ним вдвоем, спросите, раз уж вы неверно понимаете новости, которые вы получаете здесь, что случилось на месте дуэли.

— Если Яшлом ручается за вас, о чем говорит его присутствие здесь, я, так и быть, соглашусь.

— Вы чрезвычайно любезны, — сказал я.

— Когда я любезна, молодой человек, — ответила она, — вам следует быть начеку.

И она пошла по террасе, коротко поговорив по пути с Яшломом, и по небольшой лестнице поднялась в свои покои.

Ночь была прекрасна, и вид отсюда открывался замечательный, но сидеть и ждать, полностью находясь в зависимости от причуд капризных женщин, нам совершенно не нравилось.

Яшлом хранил молчание, но взгляд его стал выражать беспокойство. Я вскоре встал и начал ходить по террасе. Наше временное пребывание, однако, не так уж затянулось. Внезапно вбежала масрийская девушка, раскрасневшаяся и веселая, с рассказом о том, что гвардейцы Малинового дворца растянулись под кустами, явно пьяные. Айсеп, бронзовая девушка, медленно вошла следом с каменным лицом, и я подумал, не пришлось ли им дать гвардейцам чего-нибудь еще, помимо вина, того, что понравилось масрийской девушке, а другой, бронзовой, — нет. Обе прошли в комнаты над террасой, но там не задержались. Вскоре оттуда вышли три мальчика, в которых при определенном освещении можно было узнать жен-

щин: Малмиранет и ее девушки в мужской одежде. В руках у них ничего не было.

— Мадам, эти дамы... — сказал Яшлом.

— Уж не думаете ли вы, что я брошу Насмет и Айсеп, а сама уйду, оставив их для любого наказания, которому этот боров и его наследник решат их подвергнуть? Вы же видите, что у нас с собой нет никакого хлама, которым мы могли бы вас обременить. Мы готовы — и никакой суеты не будет.

— Мы должны воспользоваться лестницей и колодецем, — сказал Яшлом.

— Конечно. А иначе зачем же мы облачились в штаны? Идем, идем. Почему мы медлим?

— У вас ничего нет? Разве нет драгоценностей, которые вы хотели бы взять? — спросил я.

— Несмотря на мою бедность? Я надеюсь, что Сорем вернет мне мои богатства. — И она повернулась и повела нас через колоннаду во внешний дворик.

Ее прирученный сторож, толстый Порсус, подошел, волоча ноги, и опустился перед ней на колени, и таращился на нее с такой собачьей преданностью, что его вполне можно было принять за ее пса.

— Карета уже выехала из ворот, мадам, как вы и велели, но все остальное — как и в других случаях. Стража на воротах положила в карман взятку, но я думаю, что информация уже доставлена во дворец. Люди наследника поедут следить за вами; они думают, что вы в карете.

— Умный и надежный человек, — сказала она ему. — Я бы умерла без тебя. — В ответ этот шут покраснел и что-то пробормотал. — Вы позаботитесь о себе, когда я уйду?

— Я буду в безопасности, — пообещал он ей.

Я решил, что он — жалкий идиот, а она — коварная дура, если оба думают, что он сможет избежать подозрений в его причастности к отъезду пустых экипажей, опаиванию стражи и тому подобному. Но я не стал портить их трогательного прощания.

Примерно на час позже, чем рассчитывал Сорем, мы с Яшломом проводили трех женщин вверх по склону мимо храпящих малиновых гвардейцев и пробрались в неприглядно темный колодец под мимозами.

Надо отдать справедливость нашим подопечным, они были хладнокровны, как лед, и проворны, как горные козы. А где-то в темноте, когда мы ожидали, пока Яшлом от-

кроет дверь в колодец, вокруг моей шеи обвилась пара гладких рук и терпкий рот острыми зубами нежно прикусил мою нижнюю губу. Один безумный момент мне казалось, что это она, но это была масрийская девушка, которая шептала мне в ухо обещания на будущее. Я услышал, как смеется Малмиранет над ее шуточкой и подумал: «Ей надо смеяться вслух, чтобы доказать мне, как мало я для нее значу».

Все было хорошо, никаких признаков бдительных патрулей, преследования или тревоги, пока мы не достигли храма в полумиле от больших стен на нижней террасе. Здесь были привязаны две лошади, их было бы достаточно для двух мужчин и одной худенькой женщины, но явно не хватало для лишней пары девиц...

— Ничего, — сказала Малмиранет. — Мы можем раздобыть лошадей здесь. У жреца небольшая конюшня, и с ним можно договориться. Если один человек останется защитить меня, другой сможет проводить моих девушек в Цитадель.

— Мадам... — начал Яшлом.

Я спросил себя, когда же он оставит этот свой вежливый тон и прикажет ей делать то, о чем он ее просит.

— Айсеп — непревзойденная наездница, — заверила его Малмиранет, — а Насмет может ехать за спиной мужчины на второй лошади, и это доставит удовольствие обоим наездникам.

— Мадам, — сказал я, — наша цель — проводить к вашему сыну вас, а не половину вашей свиты. Откуда вы знаете, что священник даст вам лошадей?

— Он уже давал мне, — ответила она. — Вы боитесь остаться со мной здесь? Я слышала, что чудотворцу любые трудности нипочем.

Она была непреклонна, как женщина, привыкшая поступать, как она хочет. Я посмотрел на Яшлома.

— Делайте, как она говорит. Возьмите девушек и отвезите их в Цитадель. Я догоню вас.

— Господин, — начал он. Теперь он решил повторить эти свои штучки со мной.

— Помните десять человек на Поле Льва, Яшлом, тех, что я убил? Помните? Хорошо. Я смогу защитить эту женщину получше, чем иная армия, и если у нее нет ума на что-нибудь другое, то вполне хватит, чтобы хоть это признать.

Это из-за нее я хвастался и красовался, как петух на скотном дворе. Но Яшлом, оценив смысл моих слов, кивнул, сел на лошадь вместе с масрийкой, а бронзовая взлетела в седло, как молодой воин, и направила свою лошадь рысью вниз по дорожке к разноцветным огням Пальмового квартала.

И вот я остался наедине с императрицей у портика храма.

Она завернулась в плащ и сказала:

— Я выгляжу достаточно похожей на мальчика в такой темноте, я уже обманывала жреца. Скажите ему, что мы любовники, и что мой отец выдерет меня, если я опоздаю домой и он узнает, что я опять выходил, чтобы играть в собачку и зайчика с вами в Рощах на террасах.

— Это работает?

— Да. Он снисходительно относится к мальчикам и их мужчинам, особенно когда при этом к нему поступает кошелек-другой серебра. — И она бросила мне кошелек, который я кинул ей обратно, прежде чем вошел в дверь.

В тот момент, когда я был уже в дверях, я почувствовал ловушку и повернул назад.

Слишком поздно. На мое плечо легла рука, и голос сказал:

— Спокойно, Вазкор. Человек уже занялся вашим компаньоном. Вы же не хотите, чтобы она умерла, после стольких усилий ее защитить.

Затем в темноту ворвалось пылание факелов, каждый из которых зажгли, пробормотав заклинание; религия прежде всего, даже прежде убийства.

Я держался спокойно и осматривался. Я не был удивлен, обнаружив около пятнадцати человек, набившихся в ветхий храм... Отблески огня сверкали на их оружии и желто-черных ливреях Баснурмона.

Позади меня опять раздался голос:

— Если вы ищете меня, чудотворец, то я здесь. В этот раз я лично явился.

Так я и встретился с наследником императора, с которым до сих пор мы были связаны незримо.

Он был странно знаком, что меня сбивало с толку, пока я не понял, что все масрийцы с их завитыми волосами и бородами похожи друг на друга. Да и я, раз я придерживался этой моды, мог слегка напоминать Баснурмона. Не знаю, чего я ожидал: ведь мы, как дети, воображаем своих

врагов, пока не увидим их, какими-то страшилами. Было занятно встретиться с этим субъектом, привлекательным, одетым в роскошные щегольские одежды кремового и золотистого цвета, заурядным, улыбающимся, как рыбак, которому попались на крючок сразу две рыбины, когда он ожидал только одну. Еще занятнее было то, что я понимал — он убьет нас обоих, и меня, и ее.

— Вы назвали меня чудотворцем, — сказал я. — А верите ли вы в это?

Его улыбка стала кислой, словно он съел лимон.

— О, я верю в это. Жрец-дикарь с севера, который убивает ударами молнии. Но если вы повернете голову, то увидите матушку вашего возлюбленного. Жизнь Малмиранет, ради сладкого Сорема, несравненно дороже для вас. Вы не станете ею рисковать.

Два дьявола держали ее у колонны. Один приставил к ее шее длинный нож.

Она держалась очень спокойно и сказала мне, игнорируя остальных:

— В этом храме воняет. Интересно, чем.

Солдат без ножа поднял руку, чтобы ударить ее, и Баснурмон гавкнул на него, чтобы он успокоился. Он хотел, чтобы товар был доставлен императору неиспорченным, а может быть собирался устроить какую-нибудь приватную забаву. Однако я видел, что любое движение, которое я сделаю, может стоить жизни мне или ей. Во мне тоже началась борьба. Несмотря на мое хвастовство своей Силой, Бит-Хесси заставил меня ее бояться.

Я пытался поймать взгляд Баснурмона, но он прятал от меня глаза, наверное зная рассказы не только о лучах света. Вместо этого он подошел к Малмиранет и положил руку ей на грудь.

— Я должен буду сообщить императору, моему царственному отцу, как я поймал вас с вашим любовником. Это очень ценно. Это стоит искажения форм; сначала этих, — и он сжал то, что держал в руке, — а затем — прелестный носик, который слишком долго совался в те дела, которые его совершенно не касались.

— Мальчик, — сказала Малмиранет, — я не удивляюсь. Ты не мог не стать мерзавцем, родившись от такой мерзкой, глупой суки.

— Заткнись! — заорал он, съездившись, как побитый щенок. Когда он отошел от нее, его лицо приобрело стран-

ное раздраженное выражение. Нет сомнения, она была его первой обидой, но не думаю, что она нападала на него, когда он был ребенком, если только он сам не начал первый, по наущению матери.

Я подумал: «Эта женщина и храбрее любого мужчины, и умнее. Думает ли она, что погибла, или надеется, что я спасу ее? После смерти отца в ее окружении не было сильных мужчин, это видно, и даже Сорем — больше золото, чем сталь». И тут мой страх исчез, могильный страх перед старым Хессеком. Я почувствовал, как во мне, словно мас-рийская заря, поднимается гордость. Она стояла драки, а я был готов к ней.

Люди Баснурмона вытолкали нас в темноту. Священника они, должно быть, устранили или он спрятался: я его не видел. За храмом людей в осиных формах ждали лошади. Нашли лошадь и для меня. Баснурмон велел одному из своих головорезов связать руки Малмиранет и посадить ее позади себя. Я понял, что надо сделать.

Человек, сидевший на лошади впереди Малмиранет, протянул через свой пояс веревку, которой были связаны ее руки. Я крикнул ей:

— Скачка будет опасной. Вам, императрица, лучше держаться крепче.

По тому, как сверкнули ее глаза, я догадался, что она поняла меня, а я выпустил мощный залп энергии, и мои стражи с обеих сторон закричали и попадали. Баснурмон заверещал, его кукольное лицо перекосилось от ужаса, а ублюдок, который привязал ее к себе, резко обернулся с ножом в руке. Я ударил его в грудь белым лучом, который принес мне две трети славы в Бар-Айбитни, и одновременно пнул в бок свою лошадь. Она налетела на его коня, когда он уже падал, и я пережег веревку у ее рук энергией из пальцев — той, что могла зажигать лампы. Я перепрыгнул со своей лошади на его и подхлестнул животное огнем, чтобы сорвать его с места.

Она не потеряла головы, как я и надеялся, и обхватила меня обеими руками.

По террасам ниже Небесного города часто ездят верхом, но медленно и осторожно, потому что уступы холма то там, то тут круто обрываются вниз, к Пальмовому кварталу, расположенному в сотне футов внизу. Я направил лошадь к краю Храмовой террасы, туда, где находился один из таких уступов. Лошадь сорвалась и попыталась

повернуть, но я коротко взял поводья и с воплем ужаса, под бряканье камней, с искрами высыпавшихся из-под копыт, она прыгнула с холма в необъятное небо.

А женщина, которая умела говорить, как мужчина, издала легкий писк, как мышонок.

— Держись за меня, и не сходи с ума, — крикнул я ей, повернув голову. Она не ослабила хватки.

Лошадь под нами с ржанием летела, ударяя копытами в небо, а звезды вертелись колесом. Усилием воли я коснулся ее мозга, охваченного хаосом страха, и принудил ее к повиновению и молчанию, пока держал нас — всех троих — без всяких усилий парящими в небе, как будто держал в воздухе кувшин с вином, чтобы развлечь девушек с кухни. Дрожа до самых суставов вытянутых ног, пока я сжимал ее бока бедрами, а ее мозг — своей волей, лошадь неподвижно стала. В пустоте.

За нашей спиной на террасе раздался рев, но увидев, что произошло, все замерли.

Под нами сияли окна, маленькие, как бусины. Гриву лошади шевелил легкий ночной ветер.

Я был молод, и я был богом. Сила во мне пела, как золотая стрела.

— Вы живы? — спросил я ее.

Я почувствовал движение ее головы на своем плече, когда она кивнула, будучи не в силах вымолвить ни слова.

Я легонько похлопал лошадь, извиняясь за то, что пришлось ее ударить. Она вытянулась в плавном широком прыжке, еще и еще, и поскакала по индиговому воздуху, как по летнему пастбищу.

Эта поездка, как бы ни была коротка, попала-таки в миф. Потом в городе рассказывали о падающей звезде, о комете. Я думаю, в фольклоре Бар-Айбитни появилась легенда о принце и принцессе, спустившихся с небес на крылатой лошади. Я не могу сказать, была ли возможность зайти это зрелище хоть у одного человека из тех, кто наблюдал полет снизу.

Я соображал быстро и четко. И отверг идею подобного прибытия в Цитадель, хотя и сам не знаю почему. Может быть, не хотел фурора, или, быть может, думал о ней — какво ей будет упасть из облаков на руки сыну. Она крепко прижималась ко мне, больше не кричала и ни о чем не просила. Она почувствовала, что я могу, и покорилась

мне, вот все, что я знал. Ее покорность была очень приятна в момент моего триумфа, в момент возрождения моей божественности.

Я спустил лошадь вниз, снижаясь мягко, как шелковый женский шарф, на открытое место за Пальмовым кварталом; рядом начинались виноградники.

Повсюду был аромат магии, или так мне казалось. Ночь, бархатные рощи, линия старой изгороди и мерцание огней позади нас. Я позволил лошади с минуту постоять в высокой темной траве, она опустила голову и принялась щипать траву, как будто мы возвращались с базара.

Я сказал ей, возвращаясь в реальность:

— Кто-то предал вас, Малмиранет. Кто-то, кто видел, что я с вами, и кто достаточно хорошо вас знал, чтобы угадать, что вы сделаете в храме.

Она сказала резким сердитым голосом, обвиняя меня:

— Мы летаем в небесах, а он говорит о предательстве. С ума сойти! Да, вы правы, от этого можно умереть.

Она отпустила меня, соскользнула с лошади и отошла на шаг. Я думал, что она плачет, пока не понял, что смеется. Я спешил, оставил поводья на шее лошади — она была не в том настроении, чтобы удирать, — и подошел к Малмиранет, притянул ее к себе и поцеловал.

Я был ненормальным, если хоть на мгновение мог принять за нее другую там, на лестнице! Она пахла не вином и не духами, а дымным запахом самой ночи. Не было губ, подобных ее, не было в мире подобных ароматов, а ее тело приликало к моему.

Миновал только один удар сердца, и она обвила меня руками, держа так же крепко, как и в небе. Затем она мягко оттолкнула меня, посмотрела в глаза и улыбнулась:

— Говорят, ром с возрастом становится только лучше?

— Сорем будет королем в Малиновом дворце, — сказал я ей. — Я сделаю его императором. Как вы вознаградите меня?

— Столь малым, — ответила она, — за столь многое. Я слишком стара для вас, мой чудотворец. — Но она продолжала улыбаться, не томная, но опасная, как высоко горящее пламя. Теперь она поцеловала меня, притянув мою голову за волосы, и шнуровка на ее мальчишеской рубашке распустилась так быстро, что, я думаю, она прошла по ней раньше, чтобы помочь мне на моем пути.

Нас, катающихся по земле, привела в чувство лошадь.

Я обернулся и увидел, что небо на западе снизу стало красным, как будто снова начался закат. Я почувствовал запах дыма, а ветер принес далекий шум, похожий на раскат грома.

— Пожар! — воскликнула она. — Кажется, в порту. Отчего он мог загореться?

Холодная змея скользнула по моей спине, и я ответил:

— От Бит-Хесси.

3

Лошадь неслась галопом не по воздуху, по твердой, мощенной плитняком мостовой Пальмового квартала. Толпа разбегалась впереди нас. Яркие улицы были более полны народом, чем обычно, бурля коварной тревогой, а башни с балконами ощерились наклонявшимися фигурами, которые вглядывались в северо-западном направлении, туда, где алым фейерверком горели доки.

Они не знали, что случилось. Они думали, что это случайность, большой пожар. Те, у кого деньги были вложены в корабли, бледнели, ломали руки и отправляли рабов в ту сторону за новостями. Все усложнялось смехотворным суеверием — масрийским оцепенением перед богохульно неприкрытым пламенем.

Лошадь неслась по оживленным улицам. Под западным ветром звонили колокола, в нем ощущался привкус пепла. В моем рту тоже: я был напуган, как будто старый Хессек вытянул из меня душу. Это произошло, когда я не был готов, хотя до этого долгое время я ждал в напряжении, а они ничего не предпринимали.

Копыта лошади процокали вверх по подъездному пути к Столбу, и для нас без пароля открыли Ворота Лисы. Обширный внутренний двор Цитадели был заполнен джердieraми и лошадьми и освещен раскаленным железом решеток на светильниках. Люди двигались почти без шума, слышнее был звон колоколов и далекий рокот толпы на месте пожара.

Один из капитанов Бэйлгара подбежал к нам и проводил нас во Двор секир.

Сорем был в колоннаде, с ним — его приятели-джердаты Дашем, Денейдс и каменнолицый Асторт, а вокруг них безостановочно вращалась толпа входящих и выходящих солдат.

Появился Яшлом и вежливо помог Малмиранет спешиться. Я слышал, как она требовательно спрашивала, в безопасности ли ее девочки. Он ответил: да. Подошел Сорем, взял ее за плечи и возблагодарил бога, что она осталась невредима.

— Мы встретили Баснурмона, — сказал я.

— Во имя Масримаса, я так и подумал, что вы не из-за лошадей задержались.

— Чудотворец позаботился обо всем, — ответила она, — тебе рассказать о чуде сейчас или потом? Ты выглядишь озабоченным, мой прекрасный сын. Что происходит?

— Посидите на совете и узнаете. Вазкор, — он сжал мою руку. — Тебе — вся моя благодарность, но об этом после. Ты видел пожар?

— Весь город его видит, — ответил я. Я чувствовал себя тяжелым, как свинец, лишенным энергии, и от суеты вокруг мне становилось еще хуже. Собрав остатки сил, я добавил: — Думаю, несмотря на мое притворство, Бит-Хесси считает меня врагом. Они выступили, не дав мне знака.

— Но они прислали знак, — сказал он мрачно. — Если бы ты был здесь, ты бы получил его.

— Твои люди отпустили хессекского посланца, не дождавшись меня?

— Не совсем.

Он подозвал молодого джердиера, который стоял у мишеней. Мальчик нервничал и кусал губы, когда Сорем велел ему говорить. Он выпалил:

— Я был на страже, господин, в левой башне ворот. Уже как раз темно, но я видел, как они подошли. Они выглядели, как бродяги, но после приказа о хессеках... Я крикнул им по-дружески, чего они хотят — а они удирают. Однако они оставили под стеной корзинку. Я послал одного из своих солдат за ней, он приносит, и мы открываем. О господин, я видел многое, но это...

Часовой был из джерда Щита, к нему подошел Бэйлгар и взял его за плечо.

— Не делай из этого драмы. Это была голова, Вазкор. Голова ребенка. С выдранными зубами.

— Выдраны, — повторил часовой, как бы взывая ко мне по поводу несправедливости, что именно ему пришлось найти такой предмет.

Все, что я съел за обедом, поднялось к горлу. Я сглотнул и сказал:

— Мне кажется, я знаю, что это за ребенок.

— Так как с остальным все ясно, — сказал Бэйлгар спокойно, — нам нужно оценить возможность выжечь дотла эту вонючую нору.

Я немного прошелся по колоннаде позади факелов. Моя голова звенела, как тогда в могиле. Ребенок, который вцепился в меня желтыми зубами. Его голова без зубов — их дар. Если они снова считают меня своим — почему бы не подождать, пока я не приму их жертву? Если... если только я уже не принял ее?

Конечно, Сила. Опять Сила. Я воспользовался ею, великой Силой, достаточной, чтобы разогнать тьму и их тоже. Потому что Белая ведьма научила их тому, что сама умела; теперь они могли чувствовать меня, питаться моей Силой, как и она. Фейерверк с летающей лошадей стал для них знаком; почувствовав его, они приняли его за мою команду и поднялись, сделав меня своим Шайтхун-Кемом, поедая мою Силу, и их голод иссушал мой мозг и мою жизнь.

Я должен положить этому конец. Сейчас, пока они меня не уничтожили, так как я не хочу принадлежать им, чтобы быть съеденным заживо, и ей, Уастис, я тоже не принадлежу, как бы сильно она этого ни хотела. Я ходил по воде, успокоил ураган, скакал на лошади по небу, — конечно же, я был хозяином самого себя и этого отребья.

Должно быть, я кричал, потому что, когда я обернулся, они внимательно смотрели на меня — смущенные, встревоженные, озадаченные. Человек, которого я считал своим другом, отвел глаза в сторону, шокированный тем, чего он не знал обо мне, а женщина, которую я желал больше всех других, отвернулась со злой гордостью, чтобы не показать, как она меня боится.

Но я перестал мычать, как бык перед бойней, и оторвал свое тело от столба.

Я вернулся к ним.

— Что это? — спросил Сорем.

— Все кончено, — ответил я.

Во двор вбежал человек, выкрикивая имя Сорема.

— Джердат, горит порт и зерновые склады вдоль торговой стороны. Сгорели двадцать кораблей, на Янтарной дороге — толпа хессеков примерно до трех тысяч, а остальные — дальше на западе. Так говорят разведчики.

Они вылезли из болота, как будто вскрылась гноящая-

ся рана, похожие больше на стаю одичавших собак, чем на крыс. Портовые сторожа, увидев их, бежали.

Казалось, на Бар-Айбитни шел прилив грязи из переполнившегося болота, его поверхность была покрыта ядом. Отряд из двадцати человек и портовая полиция, пытавшиеся удержать Рыбную улицу — аллею, которая вела на восток к заливу, — за несколько секунд были перебиты черным ливнем дротиков и каменных осколков. Волна несла и запрещенные законом ножи, самодельные примитивные орудия из заточенного кремня без ручек. При каждом броске они до костей разрезали их собственные руки, но это их не останавливало. Они убивали всех, кто попадался на их пути, мужчин и женщин, детей и животных, и всех, кого убивали, затаптывали.

Они словно имели один разум, одно сердце. Они не издали ни одного звука: воздух наполнился ропотом их жертв и тех, кто бежал от них.

В течение четверти часа по всем артериям Нового города разлился безумный ужас. Под тревожный перезвон колоколов, освещенные отсветом пожара, богатые купцы спешно покидали свои крепости. Дорогой исхода стали Ворота Крылатой лошади, потому что считалось, что внутри Стены Храгона можно быть в большей безопасности. Охранников там было мало, около тридцати или сорока джердиеров, их отправили прямо в гущу событий и они пытались закупорить пронзительно кричавшую толпу горожан в Торговом городе, не пуская их в ворота, как будто это они, а не обитатели Бит-Хесси, устроили восстание. А после страшной пылающей молнии, ударившей с земли в небо, — это загорелся склад китового жира, и взорвались запасы, которые там находились, — джердиеры захлопнули створки ворот из синего желсаза и задвинули засовы. И этот акт бесчувственности вызвал еще большую панику.

Купцы со своими домочадцами, шлюхи в мишурных одеяниях, полукровки и чистые масрийцы кидались друг на друга в попытке вырваться уже не только с Вселенского базара и Янтарной дороги, где путь преграждали запертые ворота, но и из тисков, образовавшихся у Стены Храгона. Люди пытались даже взобраться на стену и падали на тех, кто стоял внизу.

В это время от искр за спинами толпы загорелись роскошные бордели и гостиницы, расположенные вокруг базара, а хессеки неумолимо приближались.

На Янтарной дороге их было почти четыре тысячи, а еще три тысячи откололись, чтобы вторгнуться в Бар-Айбитни с юга. Некоторые переплыли на своих папирусных лодках и причаливали у подножия Пальмового квартала, где их пока еще не обнаружили. Несмотря на такие маневры, у них не было настоящего плана наступления, распределение их сил было случайным и оттого еще более ужасающим. Они нападали всюду, куда их приводил гнев, — мужчины и женщины, старые и молодые, затопившие масрийские улицы и поджигавшие их, как они мечтали.

Волны паники поздно достигли Малинового дворца. За его высокими пурпурными и черными стенами джерды чувствовали себя в безопасности, занимаясь плетением мелких интриг, беспечно относясь к своим обязанностям; они не были готовы к тому, что случилось. Император тоже был тяжел на подъем. Трудно было представить себе, насколько беспомощным он оказался перед своим народом. Он не поверил рассказу о восстании в Бит-Хесси, несмотря на то, что видел пылающее небо и слышал звон колоколов. Казалось, что Небесный город на своей высоте удален от всех этих дел. Наконец, он заволновался и выслал один из своих джердов, какую-то тысячу человек. Он также послал за своим писцом и отправил Сорему короткое письмо. Оно гласило буквально следующее: «Джердат, мы были разбужены волнениями в нашем городе. Что, Цитадель еще спит?»

Сорем уже был одержим стремлением скорее привести в готовность джерды гарнизона и выслать их на помощь Торговому городу. Мы провели последний быстрый совет, дополнительный, Малмиранет присутствовала на нем и делала замечания, достойные мужчины. На совете она, вместе с Астортом, Бэйлгаром и остальными умоляла его подождать. Взяв письмо императора, она разорвала свиток пополам и сказала:

— Теперь он вспомнил, что у него есть сын, командующий людьми. Вот что потребовалось ему, чтобы вспомнить.

Когда Сорем закричал, что пока он сидит здесь сложа руки, горят корабли в порту, она ответила со всей страстью:

— Пусть горят. Ты двадцать лет горишь из-за них.

Мы расставили наблюдателей на всех главных улицах, через определенные промежутки времени они приезжали

с новостями. Мы не могли выступить, не зная точно, каковы силы хессеков и куда они наконец решили бросить эти силы. В мой план не входило выскочить такими героями и все потерять. Бит-Хесси умрет этой ночью, и ошибок быть не должно.

Наблюдая за Соремом, страдающим, с побелевшими губами, я подумал, отбросив дружбу и честь, хотя я вполне мог назвать его своим братом, что он все-таки глупец. Она была больше принцем, чем он. С честолюбием, которого не было у него, она имела больше прав на трон. Малмиранет оставалась в мужской одежде, грива ее черных волос разметалась по плечам; она стояла на северной стене Цитадели, зловещее небо освещало ее красным; одной рукой она обнимала бронзовую девушку Айсеп, которая, казалось, была взволнована, как и она. Айсеп стояла, подавшись вперед, ее глаза были яркими и жестокими, а губы полуоткрылись навстречу дымному ветру. Насмет, любительница удовольствий, испуганная и возбужденная одновременно, всхлипывая, пила вино из чаши, чтобы отгородиться от духов.

Вскоре мы получили известие, что пожар в порту локализован. Хессеки не удерживали то, что захватили, а продолжали идти вперед. Те из портовых жителей, что остались там, боролись с огнем, передавая из океана ведра с водой, чтобы погасить пламя, и кое-что им удалось. Все это время я с минуты на минуту ждал крика о том, что поднялись хессекие рабы Пальмового квартала. Этот крик запоздал, но был очень громким, когда наконец прозвучал.

Скупой военный взнос императора, этот единственный джерд, который он выделил, продвигался на лошадях по направлению к Стене Храгона и Торговому городу, но продвигался очень медленно, так как ему мешало население Пальмового квартала, чрезвычайно возбужденное к этому времени.

Малиновые джердиеры держались высокомерно, полагая, что их одних достаточно, чтобы подавить восстание, и не вполне сознавали, с каким количеством восставших им придется иметь дело. Их путь лежал через Сад фонтанов, большой парк в масрийской части города. Джерд проехал около трети пути до широкой улицы, делившей парк пополам, когда освещенные фонариками заросли по обеим сторонам внезапно ожили, наполнившись людьми.

Огромная толпа хессекских рабов, освободившихся от своих хозяев во время мятежа или даже самими хозяевами отправленных за новостями, собралась здесь, чтобы помешать движению императорской гвардии. Может быть, они ожидали, что солдат будет больше. Никто не считал, сколько было рабов. Они были в лохмотьях или в легких одеждах, которые достались им от хозяев, но запаслись кухонными ножами, камнями или примитивным варварским оружием, которое они тайком изготовили сами, зная, что такая ночь непременно наступит.

Солдаты в доспехах, вооруженные мечами и луками, верхом на чистокровных масрийских лошадях, были пойманы врасплох дикими животными, которые сражались, применяя зубы и когти, когда другого оружия не было; казалось, они были одержимы бесами. Солдаты, которые спаслись, рассказывали о том, как животы ржущих лошадей раздирались голыми руками, как девочки двенадцати лет или даже младше с красными от крови волосами стакивали на землю кричащих джердиеров, и облепляли их, как пчелы пролитый сироп. Те же, кто видел позже, что осталось в Саду фонтанов, дали новое название этой улице: Звериная тропа.

До этого происшествия хессекских голосов не было слышно.

Теперь же, когда Торговый город был до краев наполнен ими, текущими, как черные чернила, на Вселенский базар и появлявшимся внезапно, как сама смерть, на широких улицах Пальмового квартала, стало слышно, как они снова и снова кричали одно и то же:

— Шайтхун-Кем! Шайтхун-Кем! — А затем другой вой: — Эйулло йей с'улло-Кем!

Я слышал это в Цитадели даже сквозь звон колоколов, и волосы мои вставали дыбом. Чтобы остаться в рассудке, мне понадобилась до последней капли вся моя бывая решимость.

Затем, среди завываний, мы слышали более земные звуки — стук в Ворота Лисы и хриплые крики испуганных богачей.

Сорем стоял в комнате, которая выходила на колоннаду Двора секир, поглаживая свою собаку, а лицо его было лицом человека, закованного в кандалы, который слышит, как в соседней комнате пытаются его женщину.

Бэйлгар и Дашем, стоя возле него, рассказывали, что

более семидесяти почтенных горожан прибыли к воротам гарнизона и умоляют Сорема спасти их, что было наивернейшим из всех сигналов.

Сорем выпрямился и смотрел на нас.

— Теперь вы разрешаете мне выйти, вы, пять королей Бар-Айбитни? Теперь, когда город на коленях, я могу отложить свои учебники в сторону. Школа кончилась.

— Мой господин Сорем, — запротестовал Бэйлгар, — мы вместе об этом договорились, ради вашего же блага.

— Я никогда не соглашался на *это*, — закричал он. — *Никогда*, вы слышите?

— Тогда, Сорем, вам следовало отменять их приказы и делать то, что вы считали нужным, — сказал я от дверей. — Мы все — ваши преданные вассалы. Мы дали совет; вам выбирать — воспользоваться им или нет.

Он резко повернулся ко мне, и я подумал, что он сейчас подойдет и ударит меня по лицу, как сделала бы какая-нибудь девица, но он вовремя сдержался.

— Ваш совет, — сказал он, — ваш совет превосходен, но он не принимает в расчет человеческую жизнь. Мне сказали, что на улицах — горы трупов.

— Значит, настал момент остановить это.

— Почему сейчас? Это можно было сделать два часа назад.

— Я напому вам расписанис. Целью промедления было выяснить количество хессекских оборванцев и направление их удара, показать, что император слаб и равнодушен, и выяснить в то же время, какой силой он обладает. Затем, Сорем, привести город к вашим дверям, чтобы он просил помощи у вас, а не у Храгон-Дата. Добившись всего этого, можно начинать действовать. На этом ожидание должно кончиться.

Он посмотрел на меня и сказал очень тихо:

— Вы начали это, Вазкор. Вы и закончите.

Я подумал: «Откуда все началось? С подарка Баснурмона, над которым можно только посмеяться? Или он догадывается, что я желаю его мать, и это — вечная мальчишеская ревность? Или, может быть, он никогда не видел огня и крови вокруг себя, а эти потешные имперские воины были слишком нежны, чтобы закалить его для такой ночи?»

Вернувшись в Цитадель, я облачился в полную форму джердиера; я надел шлем с медными колечками и снова поднялся на стену.

Богатые господа Пальмового квартала толпились внизу, дорога поблескивала от их фонариков, вокруг них кучами лежало их добро — все то, что они смогли притащить сюда в узлах, в повозках, в руках челяди. Было даже несколько рабов-хессеков, которые выглядели такими же испуганными, как и их хозяева. Может быть, они были смешанной крови или не религиозны, но я бы на них не положился.

— Цитадель даст укрытие масрийцам, — прокричал я им вниз. — Я выступаю от имени принца Сорема Храгон-Дата, когда говорю, что ни один хессек не будет впущен.

— А что будет с городом? — завопил представитель толпы, дородный человек, на котором было много золота и рубинов.

— Об этом заботится император. Джерды Малинового дворца уже сейчас, как мы слышали, делают все для вашей защиты.

— Один джерд! — закричал богач. Остальные повторили его крик. — Да и *тот*, капитан, — визгливо выкрикнул он, — и тот уничтожен рабами!

— Невероятно, — сказал я.

Множество народу заверило меня, что так оно и есть.

То, что я увидел, перевело мой гнев в веселье.

Хотя было ясно, что они не узнали меня в солдатской одежде, я сам узнавал то там то тут бывших моих пациентов, которых вырвал из рук неминуемой смерти от зубной боли и несварения желудка, и даже увидел под бахромчатым зонтиком от солнца мою раздетую любовницу из белого павильона.

Появился человек из джерда Денейдса и, торопясь, рассказал мне, что в пригородах на юге были замечены огни, которые указывали на местонахождение третьей группы хессеков.

Ворота Лисы открылись, и увешанные драгоценностями беглецы, ругаясь и толкаясь, повалили внутрь Цитадели.

Человек с рубинами взобрался по лестнице на стену и появился рядом со мной.

— Где принц Сорем? Что, город должен превратиться в угли? Наверняка император велел ему вывести джерды из Цитадели для нашей защиты.

— Мой господин, — заговорил я медленно, чтобы он ничего не упустил, — принц Сорем не пользуется довери-

ем своего отца императора. Возможно, вы слышали разговоры о заговоре против принца, составленном наследником Баснурмоном при попустительстве императора.

Я был уверен, что он слышал об этом. За последние два дня мы постарались распространить правду по всему городу, пользуясь платными осведомителями, которые могли пустить любой слух, как истинный, так и ложный.

— Как бы то ни было, тронутый мольбами Бар-Айбитни, а не по ленивой просьбе своего царственного отца принц собирает силы, чтобы сокрушить хессекских оборванцев.

Рубиновый целиком проглотил мою историю. Я поклонился и спустился по лестнице. Во дворе у ворот и в прилегающих дворах строились джерды, радуясь возможности приняться, наконец, за дело. Я разглядел Бэйглара, Дашема и остальных, выезжающих в окружении своих капитанов. Я подумал: «Если сейчас Сорем не появится, он потеряет все». Но вот появился и он.

Он выехал во двор в полном боевом облачении, на белом жеребце, покрытом белой попоной, как старый масрийский мираж — человек-лошадь в темно-красном свете факелов. Никому бы и в голову не пришло, что несколько минут назад он бушевал, как рассерженный ребенок.

С самого начала мы договорились, что я поеду с ними. Моя роль была основной, — то, что я решил сделать и отчего у меня пересыхало во рту, когда я понимал, что отступить некуда. Один из джердиеров вывел мою лошадь, белую Стрелу, которую сегодня днем подарил мне Сорем, а казалось, это было годы назад. Я вскочил в седло и увидел, что Сорем поставил своего коня передо мной.

— Вазкор, — сказал он. — Вы простите мне мою глупость? Я, не подумав, говорил с человеком, чей совет я ценю и чье суждение принимаю без спора. Поймите, мой дед основал этот город. Мне не нравится, что он рушится вокруг меня, пока я отсиживаюсь в укромном месте.

Мне показалось, он просил у меня последнее прощение. Или я у него?

— Вы не сказали ничего такого, о чем бы я вспоминал со злобой, Сорем Храгон-Дат.

Богатые горожане столпились на стене, чтобы посмотреть, как выезжаем мы, спасители города и их золота. Ворота стояли нараспашку; с площадки над ними неслись звуки медных рожков. Джерд — прекрасное зрелище, а о

пяти джердах можно сказать, что это зрелище в пять раз прекраснее. Я ехал с Соремом впереди, и мое сердце билось медленно, как во сне.

Я пристально смотрел на них, на проходящие медные легионы, на игру света на белых мечах и кроваво-красной коже, как маг-священник на старой фреске на стене храма смотрит на мир сквозь магический кристалл. Несмотря на то что во рту у меня пересохло — ведь я шел к Старому Хессеку, — казалось, мой страх не имел отношения ко мне.

На парапете стояла женщина, женщина в мужской одежде, с маленькой золотой змейкой вокруг ее запястья. Малмиранет тоже наблюдала за нами из Цитадели, глядя на это зрелище, как львица глядит со скалы на восход, предвещающий удачный день для охоты. Но и ее я разглядывал, как сквозь кристалл. Через сто лет или даже намного раньше, она будет пылью в гробнице, а я — мертвым богом.

Хессеки-рабы, которых не впустили, всхлипывали, просились внутрь и потихоньку разбежались.

И вот перед нами развернулся город, пылающий пожарами, а я снова был в своем теле, снова был человеком, а впереди меня был враг, которого я хотел уничтожить.

4

Легион Дашема отправился галопом через Пальмовый квартал на восток, джерды Денейдса и Бэйлгара повернули по дороге на юг, чтобы остановить случайные передвижения хессеков по пригородам. Джерд Ашторта поехал на юг, а потом на запад, чтобы подобраться к Торговому городу оттуда, где кончалась Стена Храгона, потом они должны были повернуть на север, освободить порт и запереть с тыла четыре тысячи хессеков, где возможно отрезать им путь с флангов и, таким образом, толкать их вперед на джерд Сорема у самой Стены Храгона и у Ворот Крылатой лошади.

Отчаявшаяся толпа на Янтарной дороге, не получив милости у закрытых ворот, под напором Бит-Хесси отступала к югу, оставляя на земле позади себя множество убитых, все они погибли случайно или были задавлены в панике своими собратьями-горожанами. Вселенский базар и

прилегающие к нему улицы, рынки, лавки и склады были заполнены крысами из Бит-Хесси или горели в тех местах, где они побросали свои факелы и побежали дальше.

Но теперь их движение замедлилось. Причиной тому стали не жадность и не любопытство армии завоевателей, останавливающейся для грабежа и насилия, или чтобы просто поглазеть на чужие сокровища. Оказалось, что такие простые действия Старый Хессек не интересовали.

Отсутствие вожака замедляло их поход и лишало его цели. Они поднялись по воле Шайтхун-Кема, они пели ему свою песнь на улицах, но нигде не было видно их Бога, Ставшего Видимым.

Я не думал о том, что я предал их. Я видел только грязь, которую надо стереть, гнездо гадюк, которое надо распотать.

Сорок джердиеров, которые держали Ворота Крылатой лошади под напором перепуганной, но безобидной толпы, были убиты хессекскими метательными снарядами. Позади стены прыгал свет, то алый, то затягивавшийся черным, невдалеке появилась вторая стена — из дыма, откуда слышались потрескивания дерева, крики о помощи или вопли муки и ужаса. Хессеки крутились у ворот, где их собралось не меньше тысячи с самодельным тараном — тяжелыми дверными косяками близлежащей гостиницы, которые и были выломаны для этой цели, — и глухо били ими в железные ворота. Над этой кошмарной сценой, столь напоминающей потревоженную колонию муравьев, бегающих по скелету, медленно опускалась странная пелена какого-то ослепшего молчания. Их крики прекратились, и вдохновение угасло.

Они заметили появление вооруженных людей на склоне холма по другую сторону стены и прекратили суету, а их бледные лица «старой» расы казались мне одинаковыми — колодцы без дна, почти идиотские, пугающие молчаливым слабоумием.

Джерд остановился, сияющий новой бронзой в колеблющемся свете.

Как мы договорились, я один выехал вперед к факелу наверху стены, на верхнюю площадку Ворот Крылатой лошади. Появившись там, я снял шлем, и был рад это сделать, потому что он был маловат. Мои ладони были липкими, а в животе похолодело, но оружие было по-прежнему во мне — моя святость, моя гордость. Они обер-

пули мою Силу против меня, но я одолею их. С ними я должен покончить здесь. А после них покончу и с той, другой.

Я спешился и стоял один на возвышении, глядя вниз. Вот голос какой-то ведьмы выкрикнул мое имя и имя, которое они дали мне.

— Вазкор! Йей Шайтхун-Кем!

Только она, остальные не поддержали ее, но их лица изменились, потянувшись ко мне. Я видел, что женщины, которые думали, что любят меня, смотрели так, как смотрят голодные волки.

Внутри моего черспа нарастало давление.

Я поднялся вверх, воспарив со стены в освещаемый искрами мрак. Сейчас во мне не было напряжения, как с лошадью, со штормом, с океаном; это было просто, как все совершенное.

Они глядели, их лица качались, как бледные тарелки, они следили, как восходит их звезда. Я ударил их в тот момент, когда они поклонялись мне.

Огонь, извергнутый мной, не был больше белым, но ослепительно-красным, болью, покрывалом алой ненависти, которая обернулась вокруг них и меня.

Первым ударом я поразил более трех сотен; шесть сотен — следующим. Мертвые падали от меня огромными волнами, без единого вздоха, как падают куклы из тающего воска, не пытаясь убежать, неподвижные, пока не опрокидывались, и потом снова неподвижные.

Я очень четко помню все, что случилось после.

Джерд двинулся и, распахнув ворота, выехал по кучам раздавленных тел. Я слез со стены и поймал поводья своей лошади, которая с ржанием шарахнулась от меня, пока я не коснулся ее мозга своим. Я взобрался в седло и догнал людей Сорема, проехал сквозь их строй и поехал дальше один прямо в огненный туман, который вихрем вращался впереди нас.

У этих крыс Старого Хессека сегодня было свое колдовство, потому что они каким-то образом моментально поняли, хотя и находились по всему Бар-Айбитни, что в эту секунду их мессия отказался от них и что удары его молнии были обращены на них. Я сломал спину их восстанию первым же ударом, которым я встретил их у Ворот Крылатой лошади, но не знал об этом и, кроме того, еще не покончил с их уничтожением.

Как будто я был загнан в ловушку, сражался в темноте с врагом, чувствуя его хватку на своем горле, и вдруг обнаружил у себя под рукой нож, — вот на что это было похоже.

Я наносил ему удар за ударом, моему врагу, который не мог больше отгораживаться от меня теньями, защищаться моим собственным телом. Еще долго после того, как его сопротивление было сломлено, я вонзал свой красный нож ему в бок.

Повсюду вокруг меня потрескивало пламя, слышались голоса или крики, а передо мной ковром лежали мертвые хессеки. Я оставил джерду небольшую возможность действовать мечом и луком. Но перед ними был город, который надо было спасать, пламя, которое надо было укрощать, честь, которую надо было завоевать. Это было для них: для почетного венка Сорему, но не для меня.

К этому времени небо светилось уже по-другому. Заря на востоке была окрашена дымом в цвет умирающих листьев. Страшное безмолвие вместе с темнотой отступало в болота.

Улицы появлялись из ночной темноты, одетые в сажу, в воздухе плавали полосы угольного дыма, и взад-вперед по ним бродили несчастные — на некоторых обгорела одежда, а на некоторых и кожа была в таком же состоянии. Я никого не лечил, никто и не приходил ко мне за излечением. Может быть оттого, что мое лицо было запачкано вьевшейся сажей, а глаза были красными, они не узнавали Вазкора. Может быть оттого, что я оказался человеком, способным на убийство, убийство без сочувствия. Оно оставило на мне свой отпечаток. Убийство и то, что последовало за ним.

Наконец из темноты вместе с городом стал возникать какой-то порядок.

Пожары догорали. Начался дождь — может быть, благоденствие Масримаса, его печать, скрепившая ночную победу. Хотя некоторые верили, что дождю пролиться с неба велел чудотворец.

Это было первое утро, встреченное мной в Бар-Айбитни, когда из храмов в Пальмовом квартале не раздавалось гимнов восходящему солнцу. Повсюду жрецы были заняты лечением раненых (я даже заметил оранжевых глотателей огня, спешивших из своих храмов помочь горожанам, — они несли корзины с целебными мазями и амулетами), но некоторые собрали храмовые ценности и попрятались.

В мутном рассвете накрапывал дождь. Солдаты собирали трупы, которых не забрали близкие, — хессеков и масрийцев, — и бросали их тела в телеги мусорщиков, запряженные мулами. На улицах было полно таких телег. Даже в дождь мертвецов нельзя было оставлять надолго из-за летней южной жары.

Некоторые хессеки были живы, те, кто не участвовал в восстании, в основном люди смешанной крови, они теперь боялись всех — и масрийцев, и Бит-Хесси. Но если проехать дальше к югу или к западу, на глаза попадались только мертвые хессеки, убитые чудотворцем или воинами.

В пригородах Денейдс и Бэйлгар уничтожили три тысячи. Солдаты могли бы сказать, что хессеки внезапно перестали быть угрозой. Как будто от заклинания, они побросали свое оружие и подставили себя под удары арбалетов и длинных боевых мечей. Как отравленные крысы. На рассвете Денейдс вернулся в Цитадель, чтобы сообщить о своем успехе; на юге опасность была невелика, сгорела гостиница-другая, о чем он даже не упомянул. В Пальмовом квартале было почти то же самое: восстание ограничилось Садам фонтанов, где хессеки учинили страшные надругательства над телами императорских гвардейцев.

Не имея ни цели, ни вождя, рабы предались дикой оргии, о которой мечтает каждый раб, и праздновали уничтожение символа их рабства — смерть девятист шестидесяти солдат императора. Люди Дашема стали свидетелями кровавого празднества вампиров и привидений, и ни один раб не ушел от расплаты.

Были пойманы и другие хессеки, разбредшиеся по террасам. Некоторые бежали к своим лодкам, удивляя джердиров проворством и желанием выжить, хотя большинство не сопротивлялось возмездию.

На севере Ашторт быстро овладел портом и причалами, организовал полицию и велел отрезать хессекам путь к отступлению, толкая их под мечи людей Сорема. Он тоже обнаружил, что Бит-Хесси готов погибнуть. К рассвету он принялся за другую задачу — наводить порядок. Возражая против того, чтобы пожертвовать частью Бар-Айбитни для преумножения славы Сорема, он хорошо подготовился, предвидя разрушения, и имел планы восстановления города еще до того, как все началось.

Только джерд Бэйлгара не присылал о себе никаких известий, пока жуткий столб дыма на западе не сделал это за

них. Это не был сезон пожаров в Крысиной норе, просто Бэйлгар начал прижигать рану Бит-Хесси, как и обещал.

Рсвущее взвихренное пламя все росло, пока наконец трясина и дождь не слизали его с неба.

Да и в других местах джерд Бэйлгара не прохлаждался. Мы с ним за день до того кое о чем договорились, и сейчас это было блестяще выполнено. Благодаря паре кошельков золота получилось так, что, когда мы с половиной джерди-еров возвращались обратно по Вселенскому базару, голоса начали превозносить Сорема, выкрикивая его имя, наде-ляя его благосклонностью их бога. Вскоре огромная толпа бездомных, раненых и больных собралась там, чтобы вто-рить со слабой истерией этим купленным похвалам. В са-мом Пальмовом квартале, где урон был незначителен, не считая несчастного императорского джерда, похвала была болсе громкой и уверенной.

Денейдс выехал, чтобы встретить нас у подножия хол-ма Цитадели.

— Послушайте, — сказал он, улыбаясь под слоем са-жи. — Интересно, слышит ли это император?

— Интересно, слышит ли он вообще что-нибудь, — ска-зал я. — А что слышно о нем?

— Интересная история, — ответил Денейдс, — двое или трое спасшихся императорских джердиеров вернулись в Малиновый дворец. Несомненно, это были трусы, кото-рые повернули лошадей при первом же шорохе в кустах Сада фонтанов. Узнав, что случилось, император прика-зал двум оставшимся легионам защищать Небесный го-род. Все хессекские рабы, независимо от того, собирались ли они поддержать восстание или нет, были убиты. После этого отважного поступка армия заняла сторожевые баш-ни, где последние два или три часа и коротает свой досуг, предоставив городу вариться в собственной крови и в огне.

— Я надеюсь, джердат, — сказал я, — вы нашли людей, которые бы распространили эту сагу о бесстрашии импе-ратора?

Денейдс кивнул:

— Во имя Масримаса, да. Да, есть сага и о вас, гос-подин.

— Что?

— Колдовство, — сказал он, пожав плечами. Этот Де-нейдс до сих пор не мог понять, кем же меня считать. —

Более тысячи хессекских крыс поражены молнией, маг-
жец сошел с ума, что-то в этом роде.

— А императорские джерды, — спросил я, — знают об этом?

— Будьте уверсны.

Все это время рядом со мной был Сорем, молча глядевший вдоль пологих улиц на склонах и между башен куда-то на очертания Небесного города, почти невидимого в дымном утрением воздухе. Он был такой усталый и взъерошенный, как никто из нас, но...

На расстоянии, с которого его видели шумные толпы, он выглядел лишь строгим и целеустремленным. Мне и, похоже, только мне одному, было видно, что он напуган. Он страшился не битвы и не какого-нибудь человека, но обстоятельств, этого решающего момента, которым следовало воспользоваться прежде, чем он пройдет. Я мысленно вернулся на Поле Льва, где он применил Силу (хотя и вчетверо меньше моей), которой он выучился у жрецов. Я редко вспоминал об этом; это как-то не вязалось с Соремом. Мне стало удивительно трудно представить его кем-нибудь большим, чем помощником в этой драме, в которой, конечно, он был героем.

Он обернулся ко мне и сказал:

— Половина моего джерда осталась наводить порядок в Торговом городе, но здесь другая половина и люди Дешейдса. Мы можем рассчитывать и на легион Дашема, если они покончили с уничтожением крыс. Этого хватит, — он говорил как человек, который вслух обдумывает свою мысль, но для меня это звучало, как крик: *«Ну скажите же, что я должен делать»*.

5

Мы тихо взяли Небесный город, как я и предвидел, без всякой борьбы.

Люди были в волнении и добрались до роции у императорских стен, выкрикивая имя Сорема, как боевой клич. Что касается аристократии, у нее были свои законы поведения. Поступали их заявления, не столь явные, не письменные, а передаваемые устами: «Мой хозяин, такой-то, приветствует нас, принц, как освободителя города». Или : «Мой хозяин, имярек, предлагает вам в помощь свою соб-

ственную охрану, сотню человек, в случае если вам потребуются еще воины».

Я ошибся, полагая, что два оставшихся джерда императора не испытывали никаких затруднений, сидя в заключении. Задача охранять одного короля и его домочадцев, игнорируя пожар и смятение внизу, заставляла дрожать от подавляемой злости. Они были толпой безвольных дураков, которые сладко пожили за спиной борова. Потеря одного из джердов и смертельная, угрожающая ненависть масрийского народа превратила их в дрожащий студень. Встревоженные угрозами и грубостями, раздававшимися из-за стен, и увидев, что к ним направляются два джерда и еще пятьсот воинов с Соремом во главе, стражи открыли огромные ворота и упали перед принцем на колени. Они отрицали свое участие или неучастие. Они плевались при имени императора. Некоторые рыдали. Они были чрезвычайно рады вручить Сорему, принцу крови Храгонов, единственную вещь, которую их поставили охранять.

Раньше я приходил сюда, как вор, пробравшись под стеной. Теперь я ехал верхом мимо тех красот, которые тогда ночью видел только мельком.

Это был город садов, цветущих деревьев и беседок. После дымящихся развалин внизу было странно видеть неподвижных фламинго на мелководе рябого от дождя озера, каскады плакучих ив, игрушечные домики с эмалевыми куполами, отполированными водой. Только где-то грозно ревели дикие звери, почуяв запах мертвых тел, а у птиц, сидящих на ветках в крохотных клетках, не было песен, чтобы предложить изменчивому миру.

Малиновый дворец стоит в центре Небесного города. Своими крышами, крытыми розовым семейским мрамором, винно-красными колоннами, расширяющимися вверх, карнизами из золотого кружева и яркими окнами он напоминает храм. К дверям ведет улица, по обеим сторонам которой стоят крылатые лошади с лицами и волосами прекрасных женщин, каждая высотой в десять футов — огромный светильник из алебаstra, который пылал по ночам от факелов, зажженных внутри. Перед мозаичным входом, достаточно широким, чтобы в него мог въехать ряд из двадцати всадников, было пятно красной крови, почти такое же широкое, как память Старого Хессека, напоминание о мертвых рабах, чьи тела уже до краев заполнили какую-нибудь яму.

Баснурмон скрылся; ничего удивительного. Он увидел, что ветер переменился, и оказался достаточно мудр в своем злодействе. Его мать, на которой женился Храгон-Дат после Малмиранет, тоже исчезла, уехав в карете, полной драгоценностей и безделушек.

Император, однако, остался.

Он сидел в комнате на нижнем этаже с двумя своими десятилетними мальчиками для забав, которые скорчились возле него, полуобезумев от страха.

Я и не ожидал многого от Храгон-Дата. До этого мгновения он был титулом и целью — целью Сорема больше, чем мой. Я не ожидал многого и не ошибся. Он всматривался в наши лица своими выцветшими, уже не голубыми глазами, утонувшими, как в подушках, в складках его темно-желтой кожи. Густые вьющиеся волосы оказались париком, который упал на пол, когда император, рыдая, склонил голову.

— Сорем, — всхлипнул он. — Сорем, сын мой. Ты не убьешь меня, Сорем? Я породил тебя, дал тебе жизнь. И ради твоей чести, ты не убьешь своего отца.

Лицо Сорема под слоем сажи и копоты побледнело и исказилось. Это было то, чего он боялся, о чем он молчал у стен Цитадели. Он все это предвидел.

— Вы отдадите мне город и империю, — сказал он.

В его голосе была сила и уверенность, голос не дрожал, как не дрожала сильная молодая рука со шрамами воина, протянувшая Храгон-Дату бумагу на подпись и королевскую печать и воск, нагретый перепутанным писцом. Все было сделано быстро. Я подумал: «Сорем, масриец до мозга костей, никогда не убьет, но этот человек стар и нездоров. Легко будет устроить смерть, и Сорему не надо будет принимать в этом участие».

Комната была наполнена уставшими солдатами и запахами высыхающего дождя, страха и жирным запахом горячего воска, и криками императора об отречении.

Я подумал: «Теперь я замыслил другое убийство ради безопасности другого человека. Я погряз в этом».

Они увели Храгон-Дата как большого, тяжелого ребенка, который слишком долго задержался на детском празднике, и дети и взрослые уже устали от него. Уходя, он плакал, и его криво надетый парик придавал ему печальный и трогательный вид. Сейчас я с жалостью вспоминаю о нем, но я с тех пор переменился. Тогда я мог только отвер-

путься, чтобы не заметить смертельной бледности лица Сорема.

Два маленьких мальчика перестали дрожать на полу, вскоре их увели, и мы, начальники этого баснословного хранилища ценностей, остались одни.

Я ушел в какую-то пышную комнату, чтобы поспать. Я лежал, потный и грязный, сняв с себя одолженную в Цитадели кольчугу, на мягкой кровати, которая, как корабль, имела золоченый нос-форштевень.

Как быть с «Иакинфом Вайн-Ярдом», моей галерой, которая стоила жизни Чарпону, моей галерой, предназначенной для охоты? Как быть с охотой, с охотой на Белую ведьму, мою мать, которая, конечно же, не умерла в Бит-Хесси? Мне надо было бы поехать туда, а не сюда, и самому поднести факел к этой норе, а не доверять Бэйлгару. Он не искал ни белых пауков, ни белых кошек...

Я видел ее в ледяных одеждах, ее серебристые волосы, ее злые когти, ее кошачья голова улыбалась, левый глаз был зеленым, а правый, в который я ударил ножом, зиял красным кратером. Она шептала нежно, как любовница: «Ты не убьешь меня, Вазкор, сын мой? Я родила тебя, дала тебе жизнь. И ради своей чести, ты не убьешь свою мать».

Я силился проснуться, я знал, что это только сон. Воробей, маленькая певица из Эшкорека, обняла меня и прошептала, что все хорошо. Ее объятия были сильнее, чем наяву, и я открыл глаза, но увидел не желтовато-коричневые и бежевые цвета, а темный янтарь и янтарный рот, который прошептал у самого моего рта:

— Когда тебе исполнится столько же лет, сколько мне, тебе перестанут сниться такие сны, мой волшебник.

Рядом лежала Малмиранет, обнаженная, как я, но свежая после ванны, пахнувшая водой и своим собственным ароматом, и даже ее выщипанные волосы, как грива черного льва, пахли дождем и мускусом.

— Я не готов встретить императрицу, — сказал я, сознавая, как я устал.

— Ты мужчина, — сказала она, — любить ли мне тебя меньше за это?

Ее кожа была изумительно нежной, а изысканные мускулы под ней были крепкими, ничто не было дряблым, несмотря на ее слова о старости, которыми она меня испытывала. Она одарила меня своими сокровищами по

выбору, а не от одиночества. До меня было множество мужчин, которых она выбирала для своего удовольствия и отстраняла, когда они ей надоедали. У меня еще не было такой женщины, как она. Она пользовалась сексом как инструментом не для игры, чему учат в Эшкореке, инструментом прелестного непотревоженного секса. Она хорошо изучила свою суть, знала о ней все. Сама для себя она больше не была сюрпризом, как это бывает у некоторых женщин, а скорее, древней дорогой, старой, как земля и столь же щедрой. Ей не требовались ни речи, ни эпитафии, ни извинения, ей требовались только я и она сама.

Уже позже она рассказала о том, что она знала о моей жизни в Бар-Айбитни и о моих отношениях с Соремом. Она обладала полными и точными сведениями, в Цитадели у нее были собственные шпионы, как выяснилось. Она с самого начала знала, что я был сыном короля, но, думаю, это ее несколько не заботило. Если я ей понравился и подходил ей, этого было достаточно. Ей не нужна была родословная других, чтобы поддержать свою собственную.

Дневной свет стал ярче, и вновь начал угасать за шелковыми оконными занавесями. Я так и не узнал, был ли день солнечным или облачным. Я покончил с интригами и армиями, по крайней мере, до ужина. Наконец под дверью мы увидели свет от лампы, и голос девушки, наконец, Насмет, мягко позвал Малмиранет и сказал, что командующие собираются устроить праздник в Тигровом зале.

Малмиранет ответила, что она сейчас выйдет, но так и не отодвинулась от меня. Через некоторое время она сказала:

— Я бы не хотела, чтобы Сорем об этом знал.

— И мы так и будем хранить наш секрет, — сказал я ей, — как мальчишки, ворующие яблоки за его спиной?

— Это не продлится долго — воровство яблок.

— Продлится.

— Ты так думаешь. Успокойся, мой любимый. Я должна позволить моим девушкам испытать тебя, прежде чем я прикую тебя к себе цепью. Может быть, ты предпочтешь Насмет, которая очень этим озабочена. Даже у моей Айсеп найдется для тебя пара любезных фраз, хотя вообще-то она не интересуется мужчинами.

Снова снаружи раздался голос, теперь немного сердитый.

— Они привезли ваши сундуки с одеждой, мадам. Вынуть красное шелковое платье или белое?

— Белое, и уйди же, наконец, потаскушка, — закричала она.

— Вы доверяете им свои секреты, а хотите, чтобы Сорем не знал об этом?

— Я доверяю им. Даже мою жизнь, как ты видел.

— Но кто-то предал вас прошлой ночью, Малмиранет.

— Это был Порсус, — ответила она, хмурясь в коричневых сумерках. — Он обменял у Баснурмона свою жизнь на мою.

Я вспомнил, как он глупо ухмылялся у ее ног, и сказал:

— Хотел бы я посмотреть, как он мучается.

— Я уже посмотрела, — ответила она и поцеловала меня.

Я бы держал ее еще дольше, если бы не услышал, как Насмет тихонько смеется за дверью.

6

«Иакинф Вайн-Ярд» не сгорел. Зная, что это мой корабль, — как оказалось, хессеки знали все, кроме того, что их мессия обманет их, — они вытащили корабль со стоянки, привязали веревками к своим папирусным лодкам и вывели на веслах из горящего залива. В ту ночь в порту было двести шестьдесят кораблей со всех концов империи — с востока, запада и юга, и шестьдесят пять из них погибли вместе с грузом в огне. Беззаботное непродуманное наступление хессеков позволило добровольным пожарным командам с ведрами спасти остальные, в чем им помогли легкий ветер и дождь на рассвете.

Днем жители Торгового города охраняли границы болота и выход из дельты к морю. Они следили за дымящимися руинами Старого Хессека, как крысолов следит за крысиной норой. Когда появлялась крыса, что случалось редко, они забивали ее дубинками до смерти. Некоторые пошли даже в Бит-Хесси, отваживаясь бродить между разбитыми колоннами и в черных туннелях, ставших еще чернее после посещения Бэйлгара. Они не нашли ничего сколько-нибудь живого, а что нашли, долго не прожило.

Были страшные истории. Завывания привидений на болотах, туманные призраки с окровавленными когтями,

отрезанные женские головы, щелкающие желтыми зубами, как мячи, скачущие по Бит-Хесси. Крысоловы, нервничая от своих собственных фантазий, отступили в Бар-Айбитни. И снова вошедший в поговорку воин не пересекал болота ночью, боясь злых духов там, где раньше он боялся лишь скучного зла от людей.

Поступок Бэйлгара, масрийское богохульство — разжигание незакрытого пламени, обсуждался с разрешенным религиозной цензурой одобрением. Масримас рассеял тьму своим светом, а джерд Щита был лишь его инструментом. Бэйлгар, кувшинами опрокидывая ром, строил планы, как покрыть илом все болото, осушить его и выращивать дыни и рис и зеленый водяной табак, произраставший в сырых долинах Тинзена.

Сам Бар-Айбитни ответил на несчастье после того, как оно закончилось, веселыми жалобами. Сорем открыл сундуки императора, чтобы помочь нуждающимся и разрешил тем, кто потерял собственность, сделать заявки на предмет возмещения. Скоро каждый шикарный бордель, у которого сгорела во время пожара башня, смог собирать деньжат, на которые можно было построить две, а каждый купец, чей груз лежал углями на дне залива, подавал у ворот казначейства петицию, указывавшую сумму, вдвое превышающую стоимость утраченного. Это привело к бесконечным расследованиям, бесконечным спорам, и к куче дел о мошенничестве, рассматриваемых королевскими судами. Это утомительное занятие — и раздача денег, и их возмещение — пало на плечи императорских министров, которые вроде бы хорошо успели привыкнуть к своему бремени. Теперь, когда вместо императора был Сорем, более активный в делах закона и государства, молодой и энергичный, эти непослушные министерские кролики, крысы, землеройки хватались за свои свитки документов и, чувствуя собственную значимость, пищали, что для них все должно остаться, как было. Сорем прошелся по их должностям, как топор по лесу. Но несмотря на его особое внимание, эти дела утомляли его, и, немного расчистив заросли и назначив новых людей, которым он мог доверять, он отдал все в их руки.

Он еще не был императором. Он был тем, кого они называли Новым правителем или функционером Храгон-Дата. Бумаги, которые были написаны в Цитадели и которые Храгон-Дат подписал и скрепил печатью в Мали-

новом дворце в то дождливое утро, были предъявлены двору, а копии разослали аристократам, а потом и расклеили по всему городу. Они провозглашали добровольное отречение по причине унижения и собственной слабости, когда он оставил Бар-Айбитни беззащитным перед хессекской угрозой. Своего возлюбленного сына Сорема — сына от его более раннего брака с принцессой Малмиранет, бывшей императрицей лилий, — он признавал теперь принцем и спасителем города, способным вести дела вместо отрекшегося монарха. О Баснурмоне, наследнике, наминало лишь одно предложение, нацарапанное на пергаменте собственной рукой императора: «Этот ублюдок бросил умирать и город, и своего отца-императора». Милый штрих.

Таким образом, Сорем был правителем империи во всем, кроме титула. Масрийские титулы — весомые штуки, они должны быть освящены жрецами; бровь помазать маслом, одежды обрызгать водой из какого-нибудь священного сосуда и принести в жертву белую лошадь. Тогда и только тогда Новый правитель станет императором.

В то время как посланцы уезжали и возвращались, привозя письма и дары из земель империи, которые клялись в верности своему новому повелителю, присылая для подтверждения клятвы белых павлинов в клетках. Девять джердов, которых не было в городе, из своих приграничных крепостей слали уже не павлинов, а свои штандарты, которые их представители на церемонии коронации получали обратно. (Типичное масрийское представление.) Никакого намека на угрозу не исходило от этих далеких гарнизонов. Они тоже чистосердечно присягнули на верность Сорему. Новость о том, что ступица золотого колеса, которое они охраняли, была из гнилого дерева, никого не удивила — об этом давно знали легионы на периферии нескольких королевств. Правление Сорема обещало быть лучше.

Видя, как им восхищаются, как его превосходство признается всеми — и его давними спутниками, и новыми, — я вспомнил его срыв в Цитадели, его мальчишеский героизм и злость, его взгляд, полный замешательства и отчаяния, когда он смотрел на Небесный город, воображая, как его отец распускает юни, теряя драгоценные секунды. О почитании того, что было прекрасно или благородно, масрийцы говорили: «Каждый нож должен быть в ножнах из прекрасной парчи». Это если вам полагалось носить нож.

«Что бы было, если бы я не был с ним?» — подумал я. С пятью джердами в Цитадели он мог бы спасти город, но занял бы он место Храгон-Дата? Скорее всего, на день он был бы богом, а на другой его бы убили, и бесчисленные тысячи женщин и столько же мужчин плакали бы, когда его позолоченный саркофаг везли бы по улицам. Королевский некрополь лежит на высоком юго-восточном холме, возможно, это пятый город в Бар-Айбитни — снежно-белые усыпальницы и позолота. Из смерти они сделали поэму. Масрийцы говорят, что боги убивают тех, кого любят, чтобы они не достались миру. Но не всегда масрийцы были романтиками, чтобы смягчить их, потребовался мед юга. И ничто не ломается так легко, как ржавое железо.

Прошел месяц. Лето буйно цвело, деревья в городе садов напоминали застывшие в голубом воздухе фонтаны. Дворец купался в своих красных тенях, и львы рычали в парке, как ленивый гром. Все это в моей памяти слилось в неизменный, бесконечный полдень. Полдень, когда при попустительстве девушек Малмиранет мы с ней лежали, прижавшись друг к другу так же тесно, как одежда в каком-нибудь горячем ящике, пока императорский совет держал ее сына в ловушке дворцовых дел. Хотя были еще и ночи. На празднествах — а каждый ужин в Небесном городе становился празднеством, — Сорем, будущий император, обычно занимал место короля, я садился по его правую руку, а вокруг — его командиры и знать. Малмиранет, императрица лилий, в шелках цвета снега, золота или вина, садилась обычно на дальнем конце стола. Там, где она сидела двадцать лет назад, пятнадцатилетняя наследница своей доли империи, нежеланная супруга Храгон-Дата. Некоторые из этих старых козлов и их жен, как мусор, наполнявших банкетный зал с фресками тигров на стенах, видели, как она носила ребенка, которому предстояло стать Соремом.

Здесь у нее были апартаменты королевы, увешанные кисеей и вышитыми занавесями, и в то же время на ее стене висели скрещенные пики и охотничий лук с отделкой из слоновой кости. Она сказала, что сейчас уже ими не пользуется. За ее окном была высокая пальма. Она рассказала мне, как однажды она вскарабкалась на нее, увидев, как это делает раб. Ей тогда было лет шесть или семь. Она рассказала мне все о своей жизни между верстовыми столбами нашего жгучего желания, которые, как сияющие

лезвия, размечали наши ночи. Ее жизнь была такой, какой я и представлял, но она ни о чем не жалела. Она была горда и жестока — ее хорошо выучили, но для тех, кого любила — неистово щедрой и великодушной. Ее никак нельзя было заставить не противопоставлять любовь ко мне любви к Сорему. Мне казался глупым такой секретный способ общения, но я не тратил время на переубеждения. Я думал: «Я объясню все ему как-нибудь вечером, когда он будет свободен от дворцовой ерунды, и тогда она посмотрит». Но я все откладывал это.

Честно говоря, я откладывал многое. Это казалось здесь обычным занятием. Даже Храгон-Дата «отложили», оставили одного в какой-то изолированной комнате, отчего бы не отложить все остальное?

Я стал вялым во всех делах, кроме любви. Это может случиться, когда вы долго сражались, а мне казалось, что я сражался большую часть своей жизни. А здесь был солнечный остров в диком море, и я лежал на нем, забыв, что море по-прежнему окружает меня.

Трудно вспомнить, как шумит море, когда вы долго его не слышали. Угроза и страх исчезли, умерли, как я и надеялся, в ту ночь во время пожара.

Бит-Хесси превратился в золу, только рассказы о привидениях напоминали о его существовании. В эти янтарные дни мне казалось, что мои ночные кошмары растаяли и никогда больше не вернутся, все, даже сны о Белой ведьме.

Да, я принес клятву тени или моей собственной совести — моему отцу. Но, может быть, кошки Уастис нет в Бар-Айбитни? А если она выжила и прячется, с ней будет проще покончить, используя все ресурсы Масрийской империи.

Месть стала похожа на высохшую тыкву; конечно, отец хотел бы моего величия, даже если бы это и отложило ее гибель? Для всего было место.

Попав в зависимость от медленного движения масрийских дворцовых приготовлений к церемонии коронации, я и сам стал двигаться медленно, как в теплой воде, не теряя берег из виду. Я тоже съел южного меда.

Так, понемногу катаясь верхом по необъятным внутренним паркам, занимаясь пчелиной суетой дворцового совета, празднествами, любовью, я заметил, как этот малиновый полдень вливался в долгие сумерки, а я все не хотел думать о том, что закончить его должна ночь.

Был назначен вычисленный жрецами-астрологами благоприятный для коронации день. В яркий от свежей краски и новой застройки Бар-Айбитни нахлынули толпы людей, которые непременно желали видеть представление и, где могли, пытались прожить даром за счет будущего праздника. Они ехали из далеких городов и городишек, с прибрежных равнин и архипелагов, из замков в безводных скалах востока. Лорды и мелкие короли приезжали в силу необходимости воздать почести, крестьяне — поглазеть, торговцы — продавать, а неизбежные грабители — резать кошельки и горла пьяниц.

Я плохо знал географию окрестностей, проведя в одиночестве большую часть дней в Бар-Айбитни. Разнообразие людей и животных на улицах заинтересовало меня, как возможность развлечься в часы апатии. Особенно мне нравились западные племенные кланы, их женщины завешивали лица покрывалами из прозрачной кисеи, которая ничего не скрывала, и ходили с обнаженной грудью; или черные люди, торговцы слоновой костью и сапфирами, которые приехали из южных джунглей на серых злых чудовищах с морщинистой кожей, с рогом на морде, налитыми кровью глазами и ужасными манерами. Эти звери походили на деформированных единорогов и были склонны испражняться без предупреждения (за это их любили бедняки, использовавшие навоз в различных целях. Я редко встречал этих ворчащих единорогов без сопровождения надеющихся, вооруженных совком и корзинкой). Из Симы прибыли маги, их лица были укутаны в красные покрывала, а за поясом висели мечи, похожие на ножи для разделки мяса. На Вселенском базаре они обычно танцевали с веревками, которые оживали или казались ожившими, или сворачивали свои тела в маленькие тюки завязанных узлом костей. Я отправился посмотреть на них с одним из людей из Цитадели и, увидев меня, симейзы поклонились почти до земли. Эти действия позабавили меня. Заметив, что даже чужестранцы чествовали меня как чудотворца, толпа зашумела и захлопала. Они не предлагали мне любовь, как Сорему, но знали о моей роли в уничтожении хессеков, и когда я шел, вокруг меня всегда был шум, но больше никто не подходил за исцелением.

Когда я собрался уходить, один из магов подошел ко мне и потянул меня за рукав. Мне были видны только его глаза над красным покрывалом, но иногда и этого достаточно.

— Ваша сила превышает силу людей, — сказал он мне на языке каких-то дальних стран, который был непонятен всем вокруг нас, включая и образованных офицеров-аристократов, которые сопровождали меня. Если я нуждался в напоминании о моих силах, то это как раз оно и было — как всегда, сразу понимать, что он говорит, и быть в состоянии ответить, словно на моем родном языке.

— Моя сила превосходит силу большинства людей, которых я встречал, — сказал я.

— Верно. Но есть другой человек. Не мужчина, а женщина.

Если бы он вытащил свой меч-голова-с-плеч, чтобы снести мне голову, я бы и то не смотрел на него с таким удивлением, как сейчас.

— Какая женщина?

— Та, которую ты искал, повелитель волшебников. Белая, как белая рысь. Уаст.

Денейдс стоял рядом со мной и, увидев мое лицо, спросил:

— Что ему надо, Вазкор?

— Личное дело, — ответил я. — Старая вражда моих предков. — Денейдс кивнул и отступил в сторону. Секретные долги чести, фамильная вражда — это были понятные масрийцам предметы. Симейзу я сказал: — Откуда вы узнали, и зачем вы пришли ко мне с этим?

— По-своему, господин мой, я тоже маг, — сказал он немного иронично. — Здесь рассказывают странные истории о пожаре в Старом городе на болотах, о духах, которые бродят там. Не все из них духи. Я не ищу выгоды и не хочу поймать вас в ловушку, господин. Если вы пройдете со мной в мой шри — я покажу вам кое-что.

Денейдс услышал слово «шри» — симейзский фургон для путешествий — и сказал:

— Если он предлагает вам пойти куда-нибудь с ним, то я не советую.

— У меня нет выбора, — ответил я Денейдсу. — У него есть сведения, которые мне нужны. Не беспокойтесь. Со мной ничего не случится, и с этим Красным Занавесом тоже, если он будет вежлив.

Симейз понял; по морщинкам вокруг глаз я догадался, что он улыбается. Пока он улыбался, я проник в его сознание, контакт был, как всегда, недолгим, потому что мне, наверное, никогда не понравится такой взлом, но этого

было достаточно, чтобы почувствовать его честность, и еще — его загадочные мистические познания.

— Тогда мы подождем вас здесь, — сказал Дснейдс, — а может быть мне или кому-нибудь из нас пойти с вами?

— Спасибо, но я пойду один.

— Сорем насадит меня на меч, если с вами что-нибудь случится.

Его глаза были игривыми. Он дал мне почувствовать все значение сказанного. Денейдс сопровождал Сорема во всех битвах, и, как собака, защищал его спину, однако и он тоже отпускал шуточки, а я уже устал от них.

— Ведите меня, — сказал я Симейзу. Он поклонился и повел меня через рыночную площадь, на него глядели все глаза те, кто мог видеть, и даже пара «слепых» нищих.

Симейзские маги разбили свой лагерь в поле по соседству с лошадиным базаром. Шесть черных фургонов, увешанных алой бахромой и амулетами из меди и кости стояли полукругом на объединенной лошадьми траве. Горел маленький костер, из учтивого отношения к масрийскому обычаю накрытый железной решеткой, и две женщины готовили на нем обед. Они были в богатой одежде, на шеях ожерелья из золотых монет, их лица были открыты, и только волосы были спрятаны под красными тюрбанами. Странная традиция — открывать женщину и закрывать мужчину, но я решил, что это было связано с их магией.

Вокруг дерева — в тени и на солнце — лежали пять больших белых волов, с подозрением глядевших на лошадей по другую сторону ограды. В Симе не было лошадей, пока масрийцы Храгона не заявили свои права на эту территорию, а легкие фургоны-шири до сих пор путешествовали цепочкой — два или три сразу, сцепленные вместе медными соединениями, в передний запрягали пару волов или буйволов. Путь по суше из Симы в Бар-Айбитни — длинный и извилистый, и занимает даже больше дней, чем считается в масрийском месяце, не оставляя возможности прибыть задолго до коронации. Отсюда я заключил, что все они прибыли сюда на корабле — мужчины, женщины, фургоны, волы и все остальное.

Женщины у костра посмотрели на меня и хихикнули. Одна послала мне воздушный поцелуй. Казалось, моего провожатого это несколько не смутило.

— Вы даете своим женщинам большую свободу.

— Нет, — ответил он. — Бог дает, а мужчины шири не от-

нимают ее у них. Мы в самом деле не симейзы, господин мой Вазкор, но более старая раса, и наши пути различны. У нас, шри, есть поговорка: «Держи, что можешь удержать, а что не можешь — отпусти, оно и так уже ушло».

Мы вошли в один из фургонов. Там было темно и пахло ароматными травами, висевшими в связках на дугах каркаса. Он зажег лампу, затем снял с колышка медный диск и положил его на половички. Мы сели, и он привлек мое внимание к диску, который был отполирован, как девичье зеркало, я, честно говоря, и решил, что это зеркало.

— Повелитель видел мои мысли, — сказал он, — но пути мыслей грязны, даже для тех, кто должен жить с ними. Поэтому я предлагаю вам это средство — медный диск. Это способ шри. Мысли одного мага проецируются на диск и открываются для другого. Здесь не может быть ни вариантов, ни обмана, и такой тесный контакт не может быть неприятен.

Я сел. Точно не зная ничего, я все же верил ему, потому что он вызвал мое полное расположение. Хотя я и мог превзойти его Силой, он заставил меня почувствовать, что я мальчик перед мужчиной.

По его глазам и ладоням я заключил, что ему около пятидесяти лет, он был крепок и проворен — его мудрость была закаленной и отточенной, как дождь и ветер закаляют и оттачивают камни в пустыне. Сидя перед ним, я ощущал то же чувство бренности, как и в ночь восстания, когда я выехал из Цитадели, чувство, что слишком быстро человек оказывается в могиле, а все ураганы и горы его жизни — месть, любовь, сила победы — малы, если сравнить с этой совсем небольшой кучкой праха в конце.

Наконец я вспомнил, зачем пришел сюда, склонил голову над метафизической медью и сконцентрировался над ней. В этот момент моя кровь застыла, как лед, и чувство реальности оставило меня.

Они прибыли морем, как я и предполагал, и их высокая галера проходила со спущенными парусами мимо неосвещенного берега ночного болота. С палубы, почуяв магию, как гончая чует льва, вот что увидел на берегу шриец: белую фигуру, уменьшенную расстоянием до размера его мизинца.

Я видел на диске, как видел он, и я, как и он, почувствовал дым Силы, поднимавшийся оттуда.

Он вздрогнул, почувствовав это. Он слышал, как со-

жгли Бар-Айбитни и какие вещи случались там, но это, он знал, не было иллюзией. Белая женщина с беслыми волосами и белой ненавистью, которая росла из ее души, как огромное дерево. И ее Сила была не меньше моей.

Вокруг нее на этом пустом глинистом берегу находились темные тени с серыми хессекскими факелами в руках. Шум прибоя и скрип весел и мачт заглушали все звуки, которые производили эти люди.

Старая отравя незаметно подкралась ко мне.

Медный диск внезапно опустел, а мой хозяин уже протягивал мне агатовую чашу с вином.

Я выпил, и он сказал:

— Я узнал ее имя. Она написала его в ночи для всех, кто может его прочесть. Я узнал также, что она наметила вас своей жертвой. Эта метка на вас, как клеймо. И, мой господин, весь город мечен. Не только люди, разорившие Бит-Хесси, и не только те, кто мечтал о его разорении. На самом деле черная туча — над золотыми башнями Бар-Айбитни, возлюбленного Масримасом. Черная туча, которая скроет его солнце.

Я встал, мои ноги дрожали. Должно быть, я выглядел, как смерть.

— Как же мне померяться с ней силами, — как-то по-детски закричал я и совсем не ему. — Сила, которой я пользуюсь, питает ее. Ее. Я пытался, я избавился от нее, но она опять появилась. Все, что я ни делал, оборачивается против меня.

Мои мысли скакали. Я уже решил пойти прямо на этот берег, на проспект мертвых кораблей, почерневших руин и убить ее там. Это было бы исполнением моей клятвы. Или, может быть, я стану жертвой. Она пометила меня, так пусть следует за мной. Оставить весь Бар-Айбитни, где Сорем — император, а на Троне лилий в Малиновом дворце — Малмиранет, моя женщина, думающая, что я сбежал, как трус...

Он взял меня за руку.

— Я посланец, — сказал он, — не более. Я не могу дать вам совет. Но если потребуется моя помощь — меня зовут Гайст.

Я бы очень хотел, чтобы он помог мне, но, несмотря на его пронизательность, он не мог этого, и я слишком хорошо это понимал. Парадокс. Я превосходил его Силой, но дрожал, как испуганный малыш.

Я поблагодарил его. В его глазах была покорность судьбе. Город был под ес проклятием, и он оставался в нем. «Что не можешь удержать — отпусти, потому что оно уже ушло от тебя». Похоже, и жизни это тоже касается.

Снаружи небо было таким же голубым, как те сапфиры, что черные люди привезли на своих страшных единорогах с юга. Не было видно ни облачка.

Денейдс и его капитаны остались, чтобы дожидаться меня. Он поднял брови и сказал:

— Значит, плохие новости. Я надеялся, что нет.

Никто из них не знал о моей предыдущей жизни ничего, кроме незначительных моментов, и все горели желанием при случае узнать побольше.

— Жив кое-кто, кого я считал мертвым, — отвстил я.

— Да? И что теперь, Вазкор? Вы будете придерживаться теперь наших традиций, кодекса вызова?

— Вызов уже брошен и принят.

Денейдс рассматривал меня, в его взгляде боролись одобрение и недоверие.

— Однако, это едва ли подходящий момент, мой Вазкор, — за два дня до коронации Сорема.

Я прищипорил лошадь и поехал через рынок, такой яркий, шумный, красочный под безоблачным сапфировым небом. Денейдс держался рядом со мной.

— Сорем знает?

— Узнает в течение часа.

Он нахмурился и замолчал.

Волей-неволей я принял бесшабашный вид. Слабость переполняла мое тело. В детстве мне снился сон, позже он стал немного другим — какое-то дикое животное, которое я выследил и убил на охоте, тут же опять вскочило, его смертельные раны кровоточили, и опять кинулось, чтобы вцепиться мне в горло.

Тем временем Денейдс повернул лошадь к Цитадели, конечно же, чтобы сообщить новости.

Мне придется сражаться. Другого выбора у меня не было. Сражаться и сражаться, сколько бы раз ни бросался на меня убитый зверь. Я не брал на себя обязательства спасти ни этот город, ни жизнь или честь кого-либо из мужчин или женщин в нем. Это был мой собственный ужас. Я предпочитал лицом к лицу встретиться со злодейкой, чем повернуться к ней спиной. Я думал, что она мертва или —

что то же самое, — что у меня будет время выследить ее, даже, может быть, — забыть. Теперь Уастис должна потешаться надо мной, сидя в своих развалинах.

7

Я вошел в Малиновый дворец, как я, казалось, много раз входил туда во время этого бесконечного полдня. Солнце, плавая в верхних рамах западных окон, полосовало пыльными лучами красно-розовые стены и розовые мраморные полы.

Сорем был занят советом и жрецами, он репетировал слова, которые надо будет говорить на коронации. За день до нее он должен будет войти в храм Масримаса и оставаться там, такова традиция подготовки к церемонии. Вообще с тех пор, как мы взяли Небесный город, я мало его видел. Однажды мы поехали охотиться на диких кабанов, специально прирученных и выпущенных из клетки в охотничьем парке с одной единственной целью — чтобы аристократия могла загнать их; потом я подумал, что это идиотский, развратный спорт, хотя тогда и не возражал. Сорем, которому это не понравилось так же, как и мне, пообещал, когда у нас появится для этого время, лучшую охоту на южных холмах на пуму или льва и разных водяных зверей в тамошних долинах. В этот полуденный месяц он все время мне что-нибудь обещал и посылал подарки, когда был занят с советом, так что было бы неблагодарно от них отказываться. Находясь чаще с его матерью, чем в своих апартаментах, я почти не обращал внимания, когда их приносили, но теперь я стал задумываться, что, может быть, он мне не доверяет и попытается подачками укрепить мою лояльность.

Насмет прибежала ко мне на своих позолоченных ножках, когда я лежал, печально глядя на солнце. Она вложила в мою руку цветок. Это был сигнал от Малмиранет. Насмет, очевидно, нисколько не расстраивалась, играя в любовную связь со мной, хотя на самом деле эта связь соединяла меня с ее госпожой. Обычно я бывал в хорошем настроении и был рад видеть девушку.

Сегодня она заметила во мне перемену и сказала:

— Она не будет вас держать, если у вас где-то дела.

— Дела могут быть с тобой, — сказал я, и мой страх придавал всему какой-то извращенный аромат. — Ты бы

этого хотела, — я положил руки на ее талию. Я не хотел ее, но я бы переспал с ней, если бы она захотела.

Но она сказала:

— Я немного хотела бы. Но не хочу расстраивать Малмиранет. Я люблю ее больше, чем смогу полюбить когда-нибудь какого-нибудь дурака-мужчину, как бы он ни был красив или хорош в постели. Кроме того, — и ее глаза изменили выражение, — она бы убила нас обоих.

Ее верность и ее проявившаяся враждебность смешивались с какой-то почти ненастоящей гордостью, как если бы с ножом Малмиранет в своем сердце она сказала: «Смотрите, это и есть гнев императрицы», — и все это привело меня в чувство. Наверное, я был бы озадачен, если бы другие заботы не висели на мне свинцовой тяжестью. Я спрашивал себя, идя за Насмет, расскажет ли она Малмиранет о моих неуклюжих ухаживаниях. Я подумал, что какая-то часть меня хотела бы вырвать желания и привязанности из моего тела, моего сознания, моего сердца. Умирать без этого будет легче.

Затем двери распахнулись, я увидел ее, и все переменилось, как я и надеялся.

Думаю, я никогда, приходя к ней, не заставлял ее одной и той же. Всегда была незаметная перемена в ее настроении, убранстве комнаты, ее одежде. Это было ее умение, не знаю, инстинктивное или достигнутое в результате воспитания — всегда быть переменчивой и неизменной, как смена времен года в саду.

Помню, как ее тонкое белое платье из тинзенского газа, ловя красное отражение солнца на разрисованной стене, казалось, тлело на ее коже, и складчатый дым был пойман поясом рубинового шелка. Ее волосы были убраны наверх и свободно завязаны. Она иногда укладывала их таким образом, так что я легко мог их распустить. Она играла с котенком леопарда, маленьким желто-коричневым мяукающим дьяволом, который катался по мозаичному полу, вцепившись в концы ее шелкового пояса. Она повернулась ко мне, свет освещал ее сзади, и стройная темнота ее тела была оттенена светлым ободком, а я внезапно вспомнил Демиздор, хотя они ничем не были похожи.

— Я слышала любопытную новость, — сказала она. — Ты опять собираешься драться на дуэли?

Я был озадачен скоростью распространения масрийских сплетен. Но я и сам собирался рассказать ей об этом.

— Да. Это то, чего не избежать.

Она развязала свой пояс и отдала его леопардику, затем подошла и положила руки мне на плечи.

— Я признаю, что ты привел моего сына к трону императора, что без тебя и твоего коварного дара он был бы холодным трупом, а я — объектом для той или иной гнусности. Я признаю все и покоряюсь тебе. Но не делай этого, не делай сейчас, за два дня до коронации Сорема. Он доверяет тебе, ценит тебя. Если ты умрешь, умрет и какая-то его часть тоже. Я не говорю уже о своем горе.

Даже она ничего не знала о моем прошлом, кроме того, что было известно всем. Мы полюбили друг друга так просто и так мало лгали друг другу; она, в отличие от большинства женщин, не выспрашивала у меня никаких подробностей о моем прошлом, как будто каждое освеженное в памяти событие — соединяющее двоих звено, как будто у вас не должно быть никакой другой жизни, кроме той, что вы ведете сейчас. Малмиранет из меня ничего не вытягивала, но знала меня таким, каким я был.

Увидев мое лицо, она тихо сказала:

— Ты все же сделаешь это? Никакие мои мольбы не переубедят тебя.

— Нет. Это выше твоих слов и моих. Выше всех нас.

— Ты скажешь, что заставляет тебя идти на это?

— Сказал бы, если бы это помогло нам. Не поможет.

Она притянула меня к себе, обняла и сказала:

— Ну, хорошо. Я ни о чем больше не спрошу.

Если бы я когда-нибудь плакал с тех пор, как стал мужчиной, то я бы заплакал тогда. Я предвидел и мою смерть и ее так же ясно, как видел солнечный свет на красной стене.

В этот момент не нужны были резкие звуки, однако дверь распахнулась, и вбежала бронзовая девушка Айсеп.

— Императрица, — отрывисто заговорила она. — Ваш сын...

Она могла не продолжать. За ее спиной появился Сорем.

Он был в черном, как предписывала перед коронацией традиция, и от этого гнев на его лице был еще более очевиден. Он схватил бронзовую девушку за волосы. Она вздрогнула, но не издала ни звука.

— Да, — сказал он нам.

Он посмотрел на Малмиранет, на ее тонкое платье, увидел, что под ним ничего нет, и взъерился еще больше. На меня он не смотрел.

Малмиранет отошла от меня.

— Айсеп, — сказала она, — пожалуйста, возьми леопардика и накорми его, если он захочет еще чего-нибудь, после того как съел мой пояс. — Она говорила легко, как будто ничего особенного не происходило. Почти неохотно Сорем выпустил девушку, которая кинулась вперед, подхватила котенка и пояс и выбежала вон. Сорем демонстративно закрыл дверь.

Стоя к нам спиной, он сказал:

— Я вижу, что все во дворце, кроме меня, знают, что между вами происходит. Я знал, что вы похотливы, мой Вазкор, желанный гость в постелях Пальмового квартала. Но я удивлен, что своей похотью вы оказываете честь телу моей матери.

— Давайте разберемся, — сказал я. — Ваше понятие о чести допускает пробираться тайком в ее комнату, чтобы проверить, как она хранит обст безбрачия?

Он резко обернулся, выкрикнув какое-то проклятие.

Малмиранет мягко заговорила с ним:

— Мой милый, я не давала клятву жрицы, как ты помнишь.

— Да, ты выбирала мужчин, — ответил он. — Это было твое дело. Но этот, этот пес с севера, который кропит своей спермой, как вином...

Я чувствовал себя довольно вяло и из этого состояния перешел к тупой злости. Сейчас я лишь улыбнулся бы с горечью. Опять произошла бессмысленная ссора. Что владело им?

— Месяц назад ты меня иначе называл, — сказал я.

— Я доверял тебе тогда, хотя и не должен был обманываться. Пятьсот мужчин и женщин умерли по твоей вине, Вазкор, когда горел город, а ты убеждал меня, что так и должно быть.

— И ты опять об этом вспоминаешь.

— Я никогда не забывал об этом.

— Ты забыл только одну вещь, — сказал я, — себя.

— Во имя Масримаса, — сказал он отрывисто и шагнул ко мне. Его глаза были полубезумны. — Ты бы стал, если бы смог, королем вместо меня, — закричал он. — Заговор — твое самое верное оружие, это да еще инструмент у тебя между ног, которым ты пользуешься для этой же цели. Это таким образом ты собираешься взобраться на мой трон? При помощи женской страсти?

— Кто сказал тебе это? — спросил я.

Он с усилием овладел собой и ответил:

— Один из капитанов Денейдса доложил мне, что тебя видели на рынке разговаривающим с семейскими колдунами. Я знаю о твоих связях с Симой — хотя бы этот Лайо, твой бывший раб. Я не знаю, что за заговор ты плетешь, Вазкор, но предупреждаю, я защищен от него.

— Очень жаль, что вы не были защищены от дурацкой болтовни, господин, — сказал я. Я подумал, а не капитан ли рассказал ему о моей связи с Малмиранет. Кое-кто знал некоторые факты, и едва ли было мудрым скрывать все от Сорема, раз уж так вышло. Он бранился, как ребенок или как пьяная девица.

Он побледнел, как пепел в холодном очаге. И сказал хрипло:

— Я доверял тебе. Я бы сделал тебя моим братом, другом.

Он пересек комнату и ударил меня по лицу. Я никогда никому не позволял оставлять это без ответа, если только мои руки и мозг были свободны. И будьте спокойны, я ему ответил.

Он растянулся на мозаике, как раз в том месте, где леопард кусал красный пояс, и концы его свисали из пасти звереныша.

Красная кровь струей вытекла из углов рта Сорема.

Он медленно поднялся, прислонился к стене и посмотрел на меня. Его глаза были полны слез. Затем он крикнул, и Яшлом с шестью джердиерами вошел в комнату.

Малмиранет отодвинулась, вертя на запястье золотой браслет-змею, и смотрела на нас, как бы не желая быть свидетельницей позора. Теперь она прошептала:

— Нет, Сорем, ради меня.

Ее голос дрожал, как тогда ночью, когда она просила меня о его безопасности. Но я понял, что она просила не ради себя и не ради меня, а ради него самого.

— Мадам, — ответил он, — я считаю ваши дела слабостью. Не вынуждайте меня подозревать ваше участие в заговоре.

Она повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо. Однажды она посмотрела так на меня, и я хорошо запомнил этот взгляд. Сорем заморгал и отвернулся. Не глядя ни на кого из нас, он велел шести джердиерам проводить меня в отведенные мне апартаменты. Я никогда еще не слышал,

чтобы приказ отправить человека в тюрьму звучал так изысканно.

Я пришел к ней невооруженным, при мне не было ни меча, ни ножа. К тому же и двигался я медленно. Испарения с болота сделали меня ленивым, и я не мог сразу отбросить эту лень, чтобы схватить какое-нибудь оружие из имеющихся под рукой — табурет или одну из охотничьих пик со стены. Мне все это казалось мелким по сравнению с моим внутренним отчаянием. А к Силе я не осмелился прибегнуть. Я отказывался от этого самого близкого и эффективного из всех видов оружия. Я подумал: «Может быть, идиотизм Сорема, и его злоба — тоже дело рук ведьмы. Она это сделала, чтобы сковать меня. Если я воспользуюсь Силой, которая во мне, она тоже сможет управлять ею, и обернет ее на мое уничтожение. Если я не буду ею пользоваться, ведьме понадобится больше времени, чтобы убить меня. Но все же она до меня доберется».

Моя темница представляла собой несколько комфортабельных комнат в одной из дальних башен, они были отделаны мрамором и изразцами, книги в одной из комнат занимали целую стену, был также бар с винами и ликерами, а кровать покоилась на спинах четырех лежащих женщин-львов. В Бар-Айбитни нет ничего простого: не бывает ни статуи льва без женской головы и грудей, ни лошадей без крыльев, ни человека без двойственности в душе.

Я потерял голову. Я был молод и глуп. Я уселся на престелную кушетку, выпил рома и красного вина и опьянел. Раньше не удавалось напиться, так как мне требовалось совсем мало еды и питья, а если их было чуть больше — мне становилось плохо, как стало и сейчас. Потом я спрятал свой разум от мира и уснул.

Проснулся я утром. Птички пели в клетках на ветвях дерева. Я был в оцепенении, совершенно не зная, что делать, но слишком долго я об этом не беспокоился. Итак, я лежал в постели, глядя в небо за окнами, через железные решетки, и это напомнило мне Эшкорек и мое пребывание в тамошней тюрьме. И, как и тогда в Эшкореке, я встречал свою смерть болезненно слабым, почти бессильным.

Все средства были бесполезны. Даже поединок с использованием колдовских сил, который я задумал, мог прийти только к одному концу. Я не пойду на болото, что-

бы встретить свою смерть, когда с большим комфортом можно дожидаться ее и здесь.

Я задремал.

В полдень один из охранников Малиновой гвардии принес мне поесть. Он боялся меня и изо всех сил старался показать, что за дверью еще пять его товарищей. Я соскочил с кушетки — а он отплатнулся и выхватил меч из ножен.

— Успокойся, друг мой, — сказал я. — У чудотворца вырвали зубы.

Но он бросился вон, и они быстро задвинули засовы. Если бы я приложил свою Силу к этим засовам, охрана оказалась бы в некотором замешательстве.

Еда была превосходной, и я немного поел и выпил воды; от одного воспоминания о вине в животе у меня заурчало.

Я не верил, что Сорем применит к Малмиранет хоть часть того, что он осмелился применить ко мне. Все это время я понимал, что его злоба и подозрительность были вызваны нашептываниями других людей вокруг него, а также его ревностью к матери, страхом перед моей Силой и тем, что в ту ночь пожара я оказался впереди него.

Этот день он должен был провести в храме Масримаса в посту и молитве. Нет сомнения, его благородное сердце было полно многим другим помимо завтрашней коронации. Вспомнив нашу короткую дружбу, я вдруг загрустил. Сорем, в конце концов, был единственным человеком, к которому я мог повернуться спиной.

Я нашел трехструнную восточную виолу среди других вещей в комнате и уселся ее настраивать, не видя, к чему бы еще приложить руки в этой башне. Около полуночи заскрипели засовы и в комнату вошел Сорем.

Он был одет в желтую рясу послушника, но капюшон откинул. Он жестом показал, чтобы закрыли дверь, а после того, как это было сделано, подошел ближе к светильнику и стал смотреть, как я развлекаюсь с виолой. Я подумал: «Боже мой, неужели он опять пришел просить у меня прощения?»

— Я вовсе не здесь, Вазкор. Я в храме, перед алтарем Королей. Понимашь?

Я посмотрел на него и ответил:

— Я понимаю, что наши шутки кончились.

Озадаченный, он своим любимым жестом вытянул руку.

— Я не знаю, как с тобой поступить, вот в чем дело. Не хочу тебя убивать, — добавил он.

Я, должно быть, улыбнулся, настолько абсурдной была угроза, которую он отвел. У него перехватило дыхание.

— Не смейся надо мной, Вазкор. Ты обманывал меня, ты сделал из меня ничто в моих собственных глазах. Хватит.

— Принц, — сказал я, — я устал.

— Послушай. Завтра в сумерках тебе будет обеспечена возможность покинуть город. Возьмешь с собой свои богатства — все, что можно увезти. Я не накладываю ограничений на твои заработки.

— Значит, на закате. Так и простимся.

Его губа дрогнула. Наверное, он видел, что так делал какой-нибудь актер.

— Раз уж ты не спрашиваешь о ней, могу сказать, что моей матери не причинено никакого вреда и она пребывает в своих апартаментах со всеми удобствами, какие я только мог ей предоставить.

— Зачем же мне спрашивать о ней, принц, если вы утверждаете, что я воспользовался ею лишь как средством захватить трон? А что до удобств, принц, думаю, она вряд ли их заметила.

Он так шарахнул кулаком по столу, что разбрызгалась вода из винной чаши.

— Завтра, — проскрежетал он, — ты с моим кортежем отправишься в храм. Люди ожидают тебя там увидеть. Тебя будут охранять, будут и жрецы на случай, если ты попытаешься применить колдовство. После церемонии ты дождешься заката, и эскорт проводит тебя из Бар-Ай-битни.

— Хорошо, — ответил я, — одним днем больше, одним меньше, какая разница?

— Ты говоришь так, как будто завтра наступит конец света, — сказал он едко. — Уверяю тебя, не наступит, несмотря на все твои грязные колдовские трюки.

Лампа светила очень тускло, и в комнате было почти темно. Внезапно он вздрогнул, затем подошел ко мне и положил руку мне на плечо.

— Вазкор, — сказал он очень мягко, — эта вражда смелая. Если ты поклянешься своими богами, что ничего не замыслил против меня...

Я посмотрел ему в глаза и сказал:

— Хватит с меня твоего царства, Сорем. А богов у меня нет. Поступай как хочешь.

Его глаза затуманились, он схватился за мое плечо, как будто не мог устоять на ногах, затем пошел к двери. Но я уже видел то, что по слепоте своей не мог увидеть раньше — думаю, потому что не хотел.

— Много лет я буду сожалеть о том, что ты не дал клятвы и не очистил себя от подозрений, — сказал он.

Он постучал в дверь, и его выпустили.

Я закрепил последний колокол на виоле. Где-то пели соловьи, по даже от соловьев можно устать.

Часть IV: Облако

1

Наступило утро, и в комнату налетели мухи, разбудив меня своим жужжанием. Они бились об оконные стекла за решеткой, ползали по столу — штук десять. или двенадцать, а может, и больше. Их назойливый шум сильно докучал, поэтому пришлось на некоторое время превратиться в убийцу мух, пока в комнате снова не воцарилась тишина.

Девушка принесла мне масрийский завтрак — фруктовый салат с медом, сдобные булочки и все в этом роде. В отличие от вчерашнего охранника, она, казалось, не испытывала страха; возможно, она не знала, кто я такой. Ставя на стол серебряные блюда, она увидела убитых мух и испуганно вскрикнула.

— Что случилось? — спросил я.

Мне было ее жаль; там, где она стояла, я видел лишь гниющие кости — символ приближающейся смерти. Таким в тот день я видел весь город.

— Мухи, — сказала она, — повсюду. Они заполонили Лошадиный рынок, животные сходят с ума. Я сегодня проснулась на рассвете, оттого что муха заползла мне в ухо.

— Всею виной, несомненно, летняя жара, — сказал я, но она приложила руку к губам и произнесла:

— Слепой жрец, который просит милостыню у Ворот

Крылатой лошади, он сказал, что это бог хессекских рабов, тот, черный, которого называют Пастырем мух. Желая отомстить, он наслал насекомых.

— Ну, бывают вещи и пострашнее мух, — сказал я. — Посмотри, я же их убил.

Но еще после этого мне уже не хотелось.

В Пальмовом квартале звонили колокола. В этот день — день коронации — солнце блистало ярко, как кинжал. Через час мне принесли праздничную одежду — светло-коричневую тунику, расшитую золотом и серебром, накидку с темно-лиловой полосой по диагонали, белые сапоги с бронзовыми пряжками. На меня надели воротник из золота и драгоценностей, окаймленный полоской из красного шелка, по которому серебряными, золотыми и синими нитями была вышита сцена охоты на кабана. Все было при мне, даже меч с мягким лезвием из золота и жемчужной рукояткой, служивший лишь для украшения. Я должен был в полном блеске предстать перед людьми, как брат Сорема, волшебник. Он был в своем роде довольно хитер. Интересно, что он сочинит для них, чтобы объяснить мой внезапный отъезд сегодня вечером? Во всяком случае, у него есть время поразмыслить.

Невидимый меч, висящий над городом, упадет сегодня.

Я испытывал такое тошнотворное онемение и полное безразличие, какие может чувствовать только человек, идущий на смертную казнь.

Все дороги и мостовые, ведущие к великому южному храму Масримаса, были устланы алым шелком. Казалось, перед нами — река из цветов мака. Под тяжелыми сапогами, колесами, копытами лошадей шелк превращался в лохмотья, но, тем не менее, люди хватали эти лохмотья, разрывали их на части и уносили как трофеи с торжественной церемонии. Мы еще не выехали за ворота, а до меня уже доносились крики и ликование толпы. Рожи были наполнены людьми, сидящими на деревьях, чтобы лучше видеть. Кто-то залез даже на склонившийся над колодцем древний кедр. Когда мы выехали на широкую улицу, ведущую к храму, толпа стала такой плотной, что стоящим в ней трудно было даже шевельнуть рукой. Они так ликовали, будто это празднество было устроено специально для них и каждый в этот день становился королем.

Согласно традиции, Сорем должен был остаться в свя-

том храме. А затем выйти к нам, одевшись во все черное, и встретить нас на площади. Затем его приветствовал представитель Совета, восьмидесятилетний, сильный, крепкий и упрямый дурак, упивавшийся такими обрядами и своей ролью в них. Сорем должен спросить, зачем мы прибыли к нему, и получить ответ, что мы хотим сделать его своим императором. Сорем тут же отказывается, говоря, что он для этого не подходит. Тогда совет перечисляет все его достоинства и доказывает его соответствие этой должности, и мы для пущей убедительности входим в храм. Эта театрализованная глупость, церемония, возникшая двести лет назад или даже раньше, была скорее хессекским обычаем, нежели масрийским. Храгон-Дат включил ее в свою собственную коронацию, возможно, в угоду горожанам, но скорее всего, чтобы пощекотать собственное самолюбие.

Облицованный со всех сторон золотом и бронзой, храм, освещенный лучами восходящего солнца, казался столпом сияющего света. Большие тридцатифутовые колонны из желтого мрамора, кверху слегка расширявшиеся, поддерживали крышу, украшенную медными фигурами богов. Широкий центральный купол — чудо из позолоты и драгоценных камней — ограждали шесть легких остроконечных башен. На площади перед храмом выстроились выкованные из бронзы крылатые кони, в тот день увитые гирляндами черно-синих поздних гиацинтов и других цветов. Красный шелковый путь и ступени тоже были усыпаны цветами.

Я смотрел на все это так пристально, будто должен был сохранить эту сцену в памяти, чтобы воспоминание о ней утешало меня в могиле. Но мне виделась лишь пустая площадь, толпа, превратившаяся в бурые кости, и вороны, сидящие на крыше храма, с кусками мяса в клювах.

Я был парализован, мозг мой пуст, почти мертв. Мне случалось наблюдать насекомых, которые, попав в паутину, находились в таком же состоянии.

Малмиранет ехала где-то впереди. Иногда, на поворотах, я видел краем глаза лиловое знамя императрицы, которое несли впереди нее на серебряных шестах. На ней было отделанное золотом платье изумрудно-зеленых и пурпурных тонов, украшенное драгоценностями корсаж горел, как огонь. На голове ее была высокая диадема, украшенная золотым изображением солнца, из-под которо-

го падали складки пурпурной парчовой вуали. Она сидела в одной из открытых колесниц, которую везли не лошади, а люди, полностью обнаженные, если не считать набедренной повязки из пятнистой шкуры леопарда и серебряного лошадиного наголовника. Одетая в белое девушка держала над головой Малмиранет желтый, с бахромой, зонтик от солнца. Все это я мог разглядеть без труда, не видел ясно лишь лица Малмиранет, казавшегося безжизненным.

Я машинально подумал: «А чувствует ли она, как и я, как жизнь ускользает от нас?» Потом я снова подумал: «К чему весь этот спектакль?» Но я уже был не способен к действиям, или так мне тогда казалось.

В начале пути мешали мухи. Они досаждали и людям, и лошадям. Но становилось все жарче, солнце поднималось все выше, и свет его, казалось, слизал их, сжег с лица земли.

Процессия подошла к площади и остановилась, окруженная толпой людей и бронзовыми скульптурами. Десять жрецов спустились со ступеней храма, вместе с ними шел и Сорем.

Мне уже довольно много успели о нем порассказать. У Сорема никогда не было ни отца, ни брата, которых он мог бы уважать, в его окружении не было ни одного мужчины, которого он считал достойным, никого, кто мог бы воспрепятствовать его решениям, никого, кто мог бы, наплевав на приличия, пойти против воли храгонского принца, кто был бы сильнее и способнее его. Может быть, я ему просто понравился, но, скорее, женщина в нем искала повелителя. Да поможет ему бог, во всем Бар-Айбитни трудно найти кого-нибудь неуступчивее меня. Так уж у них принято, так они воспитаны. Даже у тех, кто был женат и имел сыновей, были на стороне мальчишки-любимцы. Я думаю, он сам этого не понимал, пока Баснурмон не раскрыл ему глаза этой фарфоровой статуэткой. Он так изменился, потому что подозревал не меня, а скорее, себя. Осудить меня его заставило затаенное желание, а не доверие к этим выдумкам.

Я глядел на него, пока он стоял там и взвешенно и спокойно произносил нелепые фразы из обряда, придавая им своим голосом вес и убедительность. Действительно, он обладал всем, чтобы меня искусить — внешностью, доблестью, глубиной натуры, из которой при умелом обращении

ний могло бы многое получиться, — всем, если бы на моем месте был не я, а кто-то другой.

Старый осел из совета самодовольно декламировал свою роль с мастерством третьеразрядного оратора из низшей Масрийской школы. Если не считать этого, кругом была тишина, которая воцаряется на вершине горы, когда замирает ветер, молчание пустыни. Из толпы не слышно ни шепота, город молчит, не раздаются ни пения птиц, ни лая собак. Все замерло в ожидании. Бар-Айбитни, пойманный в паутину, ждал, парализованный и неподвижный, без единого звука.

На солнце упала тень.

Масримас горел таким ярким факелом, что, казалось, никакое облако не могло его закрыть. Но внезапно золотистый свет стал бурым, затем коричневым; бронзовая облицовка храма больше не горела позолотой, она была теперь свинцово-желтого цвета, а воздух наполнила темнота.

Оратор остановился на полуслове. Холодок пробежал по спине старика, он вскинул голову и поглядел вверх.

По толпе пробежал ропот и волнение, тысячи лиц одновременно повернулись к небу. У кого-то вырвались крики, проклятия. Затем — снова молчание.

Я тоже поднял голову и посмотрел. Узкая лента облака, как кусок черной материи кружилась на горизонте, разворачивалась на фоне голубого неба. Непонятно мерцающее, непонятно слепящее облако расширилось, закрыв светило, окутав и солнце, и небо темно-коричневой пеленой.

Кто-то указывал рукой на облако, хотя в этом не было необходимости, все и так смотрели вверх. Кто-то, в страхе перед этим явлением, начал молиться; и в самом деле, трудно было взирать на это без страха. Облако из черных блестящих точек не только не исчезло, а, наоборот, зависло прямо над толпой и росло на глазах.

Лошади начали испуганно крутить головами и бить копытами. Жрецы, стоящие на ступенях позади Сорема, размахивая курильницами, зывали к Масримасу, прося его сбросить темный покров с лица. Но облако не уменьшалось — оно расширялось и росло. На площади стало темно, как ночью, раздалась женские крики, тут же затихшие.

Они сменились другим звуком — его издавало спускающееся на нас облако — тонкое поющее жужжание.

Распавшись на миллионы маленьких кусочков, облако упало на нас.

Мухи.

Как дождь из грязи, как шевелящиеся капли грязи, которые, разбрызгиваясь, прилипают ко всему, чего касаются; воздух — как пруд, в котором подняли ил со дна. Бурлящая чернота залепляла открытые глаза, проникала в уши и ноздри. Стоило только открыть рот, чтобы вскрикнуть — и он мгновенно наполнялся черной живой массой. Руки и ноги распухли, облепленные ими, волосы шевелились, как будто по ним струилась вода. Ослепленные, задыхающиеся, обезумевшие от ужаса кони и люди метались в этом водовороте.

Мой конь встал на дыбы, глаза его были как будто залеплены черной смолой, и я увидел, как с его передние копыта пробили череп одного из моих охранников, когда тот пытался слезть с седла. Затем я очутился на земле, среди леса лошадиных ног.

Одна из них лягнула меня в бок, не очень сильно, но я покатился по земле, пока не оказался у одного из бронзовых коней, тоже черного и блестящего от мух, которые, убедившись, что это — не живое существо, улетали, а на их место тут же садились сотни других. Здесь я снял с себя шелковую накидку и обмотал ее вокруг головы, раздавив роящихся под ней насекомых в месиво; давясь, выплюнул все, что заполнило мой рот. Значит, я все-таки был способен действовать. Не скажу — размышлять, действия мои были чисто механическими.

Накидка была из тинзенского шелка, достаточно тонкого, чтобы через него можно было кое-что разглядеть. То, что я увидел, было ужасно. Какой-то человек рядом со мной сошел с ума и размахивал ножом, пытаясь убить мух, но вместо этого он убивал и увечил натывавшихся на него людей, пока, наконец, его самого не опрокинули и не затоптали. Потом я споткнулся о труп ребенка, задохнувшегося от мух, потоком хлынувших в его открытое от крика горло. Таких было много. Люди лежали на мостовой, корчась в агонии. Некоторые поступили так же, как и я, укутав лицо, но, ничего не видя за плотной тканью, тыкались из стороны в сторону или же, в панике обнажив лицо, снова были облеплены мухами. Кто-то стучал в двери соседних домов, но дома тоже были наводнены насекомыми, влетевшими через открытые в летнюю жару окна.

На площади, где остановилась процессия, было месиво из громко ржущих коней и барахтающихся солдат. Красная пелена накидки мешала мне все хорошо разглядеть. Я двигался туда, где раньше стояла колесница Малмиранет, Сорема же я нигде найти не мог.

Назойливое жужжание было похоже на шум незатихающего мотора.

Я снова споткнулся, на этот раз о лежащего у храма жреца. Он вытянулся на земле в полный рост, а рядом с его рукой, у дымящейся курильницы образовался островок чистого воздуха. Мух отпугивал этот аромат. Я сорвал с курильницы крышку; внутри, под решеткой тлели кусочки угля и благовоний. Схватив курильницу за приделанную к ней цепь, я принялся размахивать ею, пробираясь дальше.

Сначала я увидел имперское знамя с лилиями, один шест, на котором оно держалось, попал в спицы колеса, сохраняя, таким образом, вертикальное положение, другой валялся на земле.

Сама Малмиранет стояла на колеснице, чтобы тем, кто искал, было легче ее заметить. Она тоже закутала лицо себе и стоящей рядом с ней девушке — Насмет — пурпурной парчой своей вуали. Они стояли, прижавшись друг к другу, очень тихо, не произнося ни звука, а мухи тысячами блестящих капель покрывали их руки и плечи. Я еще тогда заметил, что мухи садятся на живое тело, быстро проползая по металлу или ткани.

Около колесницы я увидел еще одно проявление безрассудного страха. Люди, тянувшие колесницу, в панике сорвали с головы шлемы в форме конских голов и лишили себя этой защиты.

Я взобрался на неустойчиво перекатывающуюся колесницу и положил руку — которую тоже перчаткой облепили мухи — на ее талию.

— Малмиранет... — начал я.

Она вздрогнула, как будто только что очнулась.

— Ты — ты здесь? — она протянула руку ко мне, но тут же отдернула ее, содрогнувшись. — Где Сорем?

— Здесь, недалеко, — сказал я, чтобы она успокоилась. — Мы должны попасть в храм; там мы найдем какую-нибудь каморку без окон и укроемся в ней.

— Это запах благовоний? — спросила она хриплым голосом.

— Да. Возьми курильницу и держи ее у лица. Они не любят этого запаха.

Она сделала так, как я ей сказал, но, когда ее ладонь, сжавшая цепь, раздавила сидящих на ней мух, она приглушенно застонала. Насмет заплакала.

Я помог им сойти с колесницы, и мы направились к лестнице, на которой, среди разбросанных цветов, лежала мертвая женщина, накрытая блестящим покрывалом из мух.

Поднявшись на середину лестницы, мы услышали позади громкое ржание смертельно испуганного коня, мчавшегося мимо. Обезумев от ужаса, ничего не видя перед собой, он с разбегу ударился головой об одну из тяжелых колонн. Треск его разломанного черепа заставил меня содрогнуться даже после всего того, что я уже видел. Конь взвился в воздух и свалился на спину, и мухи, на мгновение потревоженные, снова уселись на него.

Тихие всхлипывания Насмет перешли в рыдания. Малмиранет, прошептав ей по-женски что-то мягкое и ласковое, помогла ей подняться. Сама Малмиранет, за исключением того единственного крика, не потеряла присутствия духа.

Мы наконец поднялись и вошли внутрь. В неярком свете храма сквозь накидку ничего не было видно, тем не менее я заметил одну перемену: постепенно, по мере того как мы медленно, ощупью продвигались дальше, жужжание немного утихало. Я почувствовал, как мухи гроздьями падают с моих рук и груди. Здесь сильно пахло благовониями, и повсюду мерцали огоньки. Затем сквозь красную пелену тумана до меня донесся детский плач и шепот.

Похоже, что дым благовоний прогнал мух.

Кто-то вскрикнул, прямо рядом с нами. В следующее мгновение я различил сквозь накидку ослепительное сияние. Мужской голос произнес:

— Это императрица? Вы в безопасности; можете снять вуаль. Им сюда не проникнуть. Священный свет Масри-маса отпугивает их.

2

Мы открыли лица и перед нами предстала следующая сцена.

Прямо перед нами возвышалось изображение бога, статуя из чистого золота в одежде солдата восточной ар-

мии; перед ней горел огонь. Под потолком висели лампы из тяжелого янтарного стекла; в них курились благовония, дым которых голубыми клубами окутал все вокруг. Мух здесь не было, кроме тех, что упали с нашей одежды и с нашей кожи.

Те немногие, кто уцелел, лежали скорчившись у колонн и у соседних алтарей. Некоторые дети плакали, больше ничто не нарушало тишину. Горе, слишком большое, лишило их способности говорить и даже плакать.

Жрец храма, одетый в белое с золотом, подошел к Малмиранет и поклонился с улыбкой на бледных губах. Он еще раз заверил ее, что она под защитой бога, и осведомился о ее самочувствии. Ее лицо было покрыто черной маской из мертвых насекомых, так же как и мое, как и лица всех вокруг. Она пристально поглядела на чистого жреца, которому удалось избежать нашествия, укрывшись в храме.

— Что с людьми? — каменным голосом спросила она.

— Те, кто искал убежища здесь, как видите, не пострадали, моя госпожа.

Никто, кроме меня, не пришел на помощь ей; никто не помог и обезумевшей толпе. В огромный храм не проникали крики задыхавшихся, вопли ужаса, жужжание крыльев.

Посмотрев на меня, она сказала:

— Им неважно, сколько людей умрет, раз они сами уцелели. — Затем, повернувшись к жрецу, спросила: — Где мой сын? Вы, по крайней мере, охраняли вашего императора?

— Ах, госпожа, — произнес жрец, отступив на шаг. — Господин Сорем бросился к вам, и конь задел его копытом. Ничего серьезного. Два капитана доставили его сюда. Сейчас за ним наблюдают врачи из усыпальницы.

Почерневшие руки Малмиранет сжались в кулаки. Было ясно, что, если бы он не был жрецом, она бы его ударила. Жрецу это тоже было ясно, поэтому он поспешно предложил проводить ее к сыну. Обняв одной рукой дрожащую Насмет, она ровным шагом пошла за жрецом и, казалось, забыла обо мне. Но, пройдя несколько шагов, она, почти против своей воли, обернулась и, оставив Насмет, вернулась.

Малмиранет взяла меня за руки, на этот раз не обращая внимания на раздавленных насекомых. Ей ничего не

нужно было говорить, все сказали ее глаза. Затем она повернулась и, последовав вместе с Насмет за жрецом, исчезла в теплой темноте.

С другого конца храма донесся слабый шум — какой-то человек ворвался в дверь, сделал два или три шага и упал. Я пошел туда, к открытому входу — голубоватой арке, через которую виден был весь кошмар, происходящий снаружи. Почти никто из сидящих у колонн не обратил на меня внимания.

Я не позволил Бар-Айбитни стореть; тогда на это была причина. Теперь меня ничто не сдерживало. Моя реакция на сегодняшний кошмар была реакцией человека, а не волшебника и не бога. Даже если бы я осмелился использовать свою Силу, мне вряд ли пришло бы это в голову в этом вихре бедствий. Вазкор превратился в еще одно жалкое человеческое существо. Я подошел к открытой двери, на пороге которой лежал труп. А затем, обмотав для защиты накидку вокруг головы, я двинулся вперед, сначала нетвердым шагом, затем быстрее и, наконец, бегом.

Не знаю точно, что я собирался делать. Подбирать упавших и одного за другим переносить их под защиту храма, а всех остальных погнать, как пастух гонит стадо к спасительной двери? Я расправил плечи, как атлет перед началом борьбы. Выбежав из сводчатой двери наружу, я увидел, что все уже кончено.

Площадь и близлежащие улицы в неярком свете грозового неба имели жуткий облик, который обретает поле битвы после того, как его покидают войска. Из покрытых черной пеленой груд мертвых тел то здесь, то там высывалась рука человека, пытающегося освободиться. Некоторые ползали на коленях. Многие, чьи глаза были облеплены или выедены мухами, брели ощупью, выкрикивая мольбы, проклятия, имена друзей, на которые никто не откликался. Огромные блестящие скопления мух, будто рассыпанный повсюду черный сахар, постепенно переставали шевелиться.

Иногда, вероятно подброшенная ветром, какая-нибудь муха взлетала вверх и, секунду пожужжав, снова падала. По ступеням храма струились ручейки из мух. Спускаясь, я наступал на их блестящую шелуху. Они были мертвы или умирали. Одно насекомое свалилось откуда-то мне на ладонь. Я посмотрел на него — существо в два дюйма длиной, с жесткими, как проволока, лапками, уже потерявшими блеск крыльями и кажущееся таким безобидным.

На нижней ступени лежал слепой конь, слабо подергиваясь. Я вынул нож у лежащего рядом воина и быстро прикончил животное.

Какой-то человек, покрытый, как и все в этом кошмаре, черной коркой, хромая, подошел ко мне и взял меня за руку. Он бормотал что-то о том, что на его жену упал конь, но она жива. Я пришел ему на помощь и сумел приподнять коня, а он тем временем вытащил ее. Затем он сел рядом с ней и положил ее голову к себе на колени, радуясь, что она не чувствует боли. Но на самом деле у нее была сломана спина, и, похоже, она об этом знала, хотя и улыбалась, сжимая руку мужа.

Я повернулся, чтобы помочь еще одному; я был рад, что во мне не признали волшебника и не просят их излечить. Я бы ничего не смог сделать. Моя сила исчезла. Я чувствовал это так же, как эта женщина чувствовала, что ее рана смертельна. Наклонясь к следующему человеку, я понял, что помощь моя уже бесполезна.

Следующий, кого мы вытащили, был жив, но задыхался. Я положил его на живот и возился с ним, пока его не вырвало черным месивом из мух, и он не задышал.

Поднявшись на ноги, я взглянул на небо. Ничто уже не заслоняло солнце, ярко блесевшее сквозь стальную мглу.

Увидев, что я помог задыхавшемуся способом, который известен всем тем, кому приходилось иметь дело с утопающими, люди стали звать меня со всех сторон. Таким же способом — на скорую руку — я принялся исцелять всех остальных. Если кто-нибудь и узнал меня, то ничем не выдал этого.

Я проработал все утро и весь день, времени на размышления у меня не было. Я очень хорошо понимал, что это еще не конец, но понятия не имел, что последует. Городом снова овладевала неестественная обыденность. Дождь из мух прошел везде, начиная отсюда, с юго-востока, к западному доку, от него не укрылись ни одна улица, ни один дом, но только здесь, у храма, смерть собрала такой богатый урожай.

Многие уже заметили действие благовоний, и к полудню уже не было переулка, где бы не была выставлена жаровня, из которой курился густой голубоватый дым. Лица в окнах одеревенели от страха, многие были скованы горем.

Это Шайтхун наслал на них мух, они все в это верили, даже те, кому незнакомо было имя повелителя Старого Хессека, Бит-Хесси. Шайтхун, Повелитель мух.

Задолго до заката начало смеркаться, солнце размазанным пятном невыносимой жары проглядывало сквозь дым благовоний. Люди ползали по крышам, замазывая трещины и дымоходы. Часто они поглядывали на запад в ожидании нового полчища мух.

Бэйлгар занялся Цитаделью и распорядился выставить посты на ее башнях и парапетах.

Я дошел до самых Ворот Крылатой лошади. Здесь было меньше убитых и раненых, но царили те же смутение и ужас. Я вышел за ворота и вымылся в общественных купальнях на Вселенском базаре. Только что здесь с ревом пробежал единорог, на которого тоже напали мухи. Он бежал, сокрушая все на своем пути, пока у него не лопнула артерия. Тогда он, врезавшись в стену купальни, медленно сполз по ней. Над его телом, время от времени завывая, стояли двое чернокожих и пытались заставить давно уже мертвое животное подняться.

Когда я сделал все, что было в моих силах, меня снова охватило чувство бессмысленности. Кругом сновали жрецы, так же как и тогда, после пожара — на следующий день после восстания хессеков. Уже горели лампы — так темно стало от густой пелены дыма. Затянутое сию небо превратилось в толстую линзу, вставленную между Бар-Айбитни и светом. Иронически усмехаясь, я направился в сторону Роши Ста Магнолий.

На улице ко мне подъехали три воина в форме охранников Цитадели.

— Вазкор — вы ведь господин Вазкор?

Оказалось, что они ничего не знают о выдвинутом Соремом против меня обвинении в измене и о последовавшем за этим заключении, из которого я таким случайным и страшным образом освободился; они только хотели проводить меня во дворец. Я выдумал историю о какой-то женщине, которая здесь, по эту сторону Стены Храгона, нуждается в моей помощи, и спросил, как чувствует себя Сорем. Молодой капитан хлопнул себя по бедру — жест, выражающий подозрение, дошло до меня из какого-то далекого сна, в котором прошлое и настоящее смешаны, как песок.

— Сорем Храгон-Дат в порядке. Его просто лягнул конь, но жрецы внесли его в храм. Мать императрица также в безопасности. Коронацию придется перенести, — улыбнувшись мне улыбкой очаровательной девушки, он

продолжал: — Помню, как вы убивали хессеков в ту ночь — прямо как сам бог.

Я поблагодарил его. Ничего больше от меня не добившись, они пустили лошадей галопом и вскоре скрылись в туманных, кроваво-оранжевых сумерках.

У меня не было желания возвращаться в храм или дворец и наблюдать, как Сорем пытается побороть в себе чувство благодарности, или снова слышать его извинения.

Свою женщину я тоже не хотел видеть, хотя, по правде говоря, что-то во мне стремилось в ее объятия, под защиту ее любви и ее тела, к последней утехе перед ударом меча.

Я дошел до роши и прилег под деревом. На темном таинственном небе не зажглась ни одна звезда.

В полночь зазвонили колокола — странно было слышать их звук, примету нормальной, упорядоченной жизни среди сплошного хаоса. Вскоре после этого я услышал не-вдалеке незатихающий звук человеческого голоса. Я решил посмотреть, в чем дело. Может быть, это знак для меня?

В кустах лежал человек, вор, даже в такую ночь занимавшийся своим промыслом; незадолго до моего прихода он, видимо, пересчитывал награбленное, а теперь он, скрючившись, лежал на боку, кутаясь в грязный камзол, и смотрел на меня. Дрожа всем телом, он тихонько хныкал:

— Мне холодно, Феншен. Феншен, сбегай к вдове и принеси угля. Ты же видишь, Феншен, мне холодно, я болен. У меня болит живот, как будто червь ест меня изнутри.

Я понял в чем дело. Страшное слово как будто высветилось в мозгу.

Его трясло. Он поджал ноги и снова заговорил:

— Мухи ничего мне не сделали, Феншен. Я спрятался в доме вдовы, в подвале, и стряхнул их, когда они сели мне на руки. Но она, дура, закричала, и они забились ей в глотку.

Он рассмеялся и тут же закричал, схватившись за живот, с искаженной от боли улыбкой на лице.

Так я увидел первую жертву чумы, занесенной в Бар-Айбитни мухами.

3

Эту эпидемию чумы называли Желтым покрывалом. Люди всему должны давать имена, как будто этим они подавляют безымянный ужас, царящий в их сердцах. Хотя

на этот раз название было точным. Те, кто заражался чумой, быстро переходили от стадии слабости и апатии к лихорадке, сопровождаемой внутренними кровотечениями.

Это был переломный момент, потому что либо кровотечение по неизвестным причинам прекращалось, лихорадка спадала и больной постепенно выздоравливал, либо состояние его ухудшалось, вся система внутренних органов разрушалась в результате отравления, за этим следовала смерть.

К этому времени из тела выходило столько крови, что кожа — смуглая кожа масрийцев — приобретала отвратительный бледно-желтый цвет. При виде груды тел на телегах мусорщиков не возникало сомнения в том, что они стали жертвами коварной болезни, средства против которой никто не знал.

Желтое покрывало появилось ночью, внезапно, как сверхъестественное проклятие. Наиболее восприимчивые к болезни заболевали сразу же. Другим, более выносливым жертвам, чума давала кратковременную отсрочку.

Я рассказываю об этом как человек, очень хорошо знакомый с этим заболеванием. Я видел его на всех стадиях и во всем многообразии. У меня на глазах умер вор в Роше Магнолий. Он отошел быстро, перед рассветом. Я ничем не мог ему помочь, да, собственно, и не пытался. Я знал, что это — последний удар меча. И сознание этого, как ни странно, придавало мне стойкости.

К утру три сотни людей слегли от чумы. К полудню — три тысячи, а сотни трупов уже охладели.

Сначала, не вполне поняв, что происходит, родственники умерших пытались хоронить их в каменных гробницах, в соответствии с ритуалами жрецов. Вскоре стали копать огромные ямы в городских парках, а затем на открытых землях к востоку от Пальмового квартала. Поскольку это был масрийский город, прошло два дня, прежде чем люди примирились с указом о сожжении тел на кострах. К тому времени чума проникла в каждый квартал и район Бар-Айбитни. Она не была пристрастна к своим жертвам, щадя иногда стариков и калек и убивая молодых людей, новобрачных, женщин, собирающихся дать жизнь ребенку. Что касается самих детей, то выживал едва ли один из пятисот.

Я знал, что и мне на этот раз придет конец. Наблюдая,

как страдают другие, я смирился с тем, что то же самое ожидает меня. Я тоже был молод и силен, я не умер от укуса змеи, мои раны затянулись, не оставив шрамов, но этого я не переживу. Белая женщина, которую я искал, которую я поклялся убить, теперь подослала убийц ко мне. В этой обреченной на гибель столице я менее, чем кто-либо другой, мог рассчитывать на спасение.

После того как вор скончался, я пошел в город, окутанный в дымчатую предрассветную мглу, сквозь которую уже проглядывали темные испарения из ямы для трупов. Навстречу мне из бедного квартала двигалась небольшая процессия: несколько семей отважились выйти из дома и несли больных на самодельных носилках. Их лица были искажены страхом и отчаянием, но они тихо переговаривались между собой, стараясь отогнать мысли о будущем. Когда они проходили мимо меня, девушка лет двадцати, которая шла позади всех, ведя с собой маленького мальчика, внезапно упала на землю. Те, кто шел рядом, засуетились, женщины зашептали слова молитвы. Никто не подошел к девушке, а ребенок, вцепившись в нее, громко заплакал.

Я подошел и, опустившись рядом с ней на колени, положил руку на голову мальчика, пытаясь его успокоить. Девушку, очевидно, свалила с ног чума.

Одна из женщин сказала:

— Это лихорадка, господи. Ею уже многие болеют. Мы идем к Храму воды на Янтарной дороге. Его жрецы — опытные знахари.

Девушка что-то пробормотала, шевельнулась и открыла глаза. Они были затянуты пеленой, по ней градом струился пот, но заметила ребенка — это был ее брат или сын — и протянула к нему дрожащую руку.

— Не плачь, — сказала она. Затем она увидела меня, неясное лицо склонившегося над ней незнакомца, и прошептала:

— Мне уже хорошо, господи. Я сейчас встану.

Встать она, конечно, не смогла, поэтому я взял ее на руки и пошел вслед за остальными. Ребенок перестал плакать; ему было всего лишь три или четыре года. Женщина постарше неуверенно взяла его за руку и поспешила присоединиться к процессии.

Не успели мы пройти нескольких шагов, как девушку начала бить крупная лихорадочная дрожь, но сознание ее

оставалось ясным, и она упросила меня положить ее на землю. Она совершенно обессилела, и я положил ее на мостовую. Так она пролежала два часа посреди улицы в луже крови и гноя. В предсмертной агонии она схватила меня за руку и, снова придя в себя, спросила, сколько времени. Прежде чем я успел ответить, она была мертва. Она умерла еще тише, чем тот вор в Роше.

Было очень жарко, на дымно-свинцовом опаленном небе не видно было ни облака, ни птицы; солнце тлело, блестя сквозь пепельную синеву. Не знаю, что мною овладело, какой-то дух виноватого раскаяния. Ни страха, ни гнева я тогда не чувствовал; это мне еще предстояло. Я пошел туда, где скрылась процессия с носилками, и вскоре пришел к Храму воды.

Это было небольшое здание, оштукатуренное и отделанное красной лепкой, внутри — Масримас из зеленой бронзы и чудодейственный колодец, вода которого считалась целебной. Во дворе уже скопилось множество больных. Чтобы заглушить зловоние, всюду курились травы, но это не помогало. Однако к этой тошнотворной вони скоро привыкаешь и перестаешь ее замечать.

Я предложил жрецам свои услуги. Они явно сочли меня сумасшедшим, но тем не менее были рады, что хоть один безумец готов был им помочь. Они с любопытством оглядели мои запачканные и изодранные дорожные одежды, но спрашивать им было недосуг. Мы приступили к делу. Работы хватало на всех.

Я решил, что цель моей работы — искупление, а может быть, она была гораздо скромнее, словно, лицом к лицу сталкиваясь с несчастьем, я мог подготовить себя к тому, что меня ожидает. По правде говоря, из этого ничего не вышло. Мое оцепенение понемногу сменилось ужасом и состраданием. То, что я созерцал, шло вразрез с тем, что я делал, мой дух боролся с человеческими чувствами. Один раз меня вырвало, и я решил, что тоже болен чумой, и с живостью представил, что мне предстоит те же страдания, которые я сотни раз видел у других. Но тогда чума меня миновала. Тогда исчезла моя брезгливость, исчезли даже мои мрачные предчувствия, и я снова, как в самом начале, впал в оцепенение.

День плавно перешел в ночь, а ночь — в день. Я немного поспал, хлебнул воды, отказался от блюда с едой, пред-

ложенного мне жрецом. Это были небольшие паузы. Все остальное время заполнила смерть, многоликая смерть. Вот умер ребенок, сразу за ним — женщина. Прямо с улицы принесли богатого ювелира, владельца прескрасного дома с множеством слуг в верхнем торговом районе; ему понадобилось почти два дня, чтобы умереть. В разгаре схваток он узнал, кто я или кем я был раньше, и, вцепившись мне в плечи, стал умолять меня спасти его. Его крики вынудили меня возложить на него руки, хотя я и знал, что это бесполезно. Когда он тоже это понял, в глазах его сверкнула ненависть, и он плюнул мне в лицо.

— Чтобы тебя, шакала, завтра постигли такие же страдания! Чтобы ты валялся здесь в собственной грязи и крови с такой же болью внутри!

Я сказал ему, что именно этого я и ожидаю, но, не обращая внимания на мои слова, он продолжал изрыгать проклятия.

В городе, как в огромной духовке, под раскаленной крышкой неба пеклась болезнь. Тут и там поднимался вверх дым благовоний, их запах доносился до меня во сне сквозь зловоние чумы. Уже заболели почти все жрецы Храма воды. Трое из них умерли у чудодейственного колдовца, ища спасения в его воде, которая их не излечила. В конце концов остались только я и еще один жрец. Отведя меня в сторону, он приказал мне покинуть город и искать убежища в горах. Многие уже так и сделали, однако, как выяснилось позже, это им мало помогло.

Я сказал, что не пойду. Жрец настаивал; до сих пор болезнь меня не коснулась, и, возможно, я мог бы спастись, если бы прислушался к голосу разума. Я сказал, что мне когда-то предсказали смерть от чумы; тогда он оставил меня в покое. Если, конечно, это можно было назвать покоем.

К исходу второго дня на юге и востоке мы увидели красное зарево костров, на которых сжигали мертвых. К тому времени я совершенно обессилел и сам стал похож на полувоскресший труп. Погребальные костры пробудили во мне воспоминание о каком-то давнем пожаре; это был не пожар в Бар-Айбигни и вообще не из моего прошлого, а что-то другое. Прислонившись к одной из колонн, я закрыл глаза, и мне представилась гора, изрыгающая в черное небо огненно-красные языки пламени, и белая фигура, бегущая вниз по склону горы, вслед за которой, извиваясь, как змея, ползет струя раскаленной лавы.

Я очнулся от этого видения, услышав яростный стук в ворота. Я пришел в себя и пошел открывать, с трудом пробираясь между больными и мертвыми. Передо мной предстали три воина верхом на белых мулах, как деревья, возвышавшиеся над морем лежащих на мостовой людей.

— По приказу императорского советника, — произнес их капитан, — все мертвые должны быть сожжены! — Должно быть этот приказ набожные люди встречали с возмущением, поэтому он добавил: — Огонь Масримаса очищает от заразы, поскольку Желтое покрывало пришло из развалин Бит-Хесси. — Тут он опустил глаза и увидел меня. Это был один из офицеров Бэйлгара. — Клянусь Масримасом, это же Вазкор! Что вы здесь делаете, господин?

Смешно было бы притворяться, что я его не узнал, поскольку мы раньше с ним разговаривали.

— Стараюсь быть хоть чем-то полезным.

— Но разве вы не слышали новости? — спросил он.

— Какие новости? Единственная новость — это чума.

— Вас ищут с самого утра. — Он сделал мне знак рукой. — Подойдите поближе. Мне не хотелось бы кричать.

— Я, возможно, заразен, — ответил я.

— Как, может быть, и все мы, — он соскочил с седла и подошел к воротам. — Сорем умирает.

Я был поражен. Увидеть смерть в зеркале. Вот от чего я убежал. Как глупец, я спросил, от чумы ли он умирает.

— Да, от чумы. Что еще?

— Когда он заболел?

— На рассвете. Он хочет вас видеть.

— Я не смогу его исцелить.

— Речь идет не об исцелении. — Лицо его окаменело. Он отвел глаза в сторону и сказал. — Совсем о другом. Он умирает мучительной смертью: самым сильным труднее всего, у них это продолжается дольше. Но все равно. Вам лучше поспешить, если вы хотите застать его в живых. Жрецы уже прочли ему последнюю молитву.

Я хотел спросить его, жива ли Малмиранет, но слова застряли у меня в горле, будто черные мухи. Мой злой рок настиг меня. Я должен увидеть, как умирает Сорем. И, может быть, она. Я бы отдал все на свете, чтобы этого избежать.

— Мне не на чем туда доехать.

Почти все кони тоже заразились чумой, так же, как и скот. В течение всего дня я слышал глухой звук молота, которым орудовали забойщики скота по ту сторону стены.

— Возьмите моего коня, — сказал воин. Видно было, какое впечатление на него произвел мой вид. — Вы помните дорогу в Малиновый дворец?

В ворота меня пропустили сразу же.

В парке было совершенно безветренно. Тени от неподвижно стоящих деревьев черными копьями ложились на землю. Розовые фламинго на отмели пруда с безразличным видом переступали с ноги на ногу. Птиц болезнь не коснулась; не затронула она и мелких домашних животных.

Город лежал передо мной, как одна большая могила, над которой тут и там возвышалось пламя костров и дым благовоний. Улицы были покрыты телами, поскольку никто из тех немногих, кто еще уцелел, не решались убрать их оттуда, правда, изредка проезжали похоронные дроги. Время от времени то жрец, то попрошайка спешили укрыться в тени молчаливых домов. В одном из переулков слепой просил милостыню, потряхивая кружкой, и, беспокойно крутя головой, вслушивался в темноту. Наверное никто не сказал ему, что невидимый для него Бар-Айбитни умирал. На ступенях фонтана сидела маленькая голодная собачка, комнатный песик какой-нибудь дамы, и с жадностью жевала нечто, от чего я поспешил отвернуться.

Кровать Сорема, стоявшая посреди большой, украшенной фресками комнаты, была обращена изголовьем к западу. Из окна виднелось небо, затянутое медной пеленой, сквозь которую просвечивало желтое пятно заходящего солнца; воздух не проникал в открытое окно, лишь по полу разлилось отражение угасающего дня. В этой прекрасной комнате стояла вонь, но вонь настолько мне знакомая, что я ее почти не ощущал. В лице его не было ни кровинки, лишь в том месте, куда ударил копытом конь, ярким пятном выделялся синяк. Он лежал на алых подушках; казалось, это они высосали из него всю кровь. Желтое покрывало — да, очень подходящее название.

Я подошел к нему. Он был почти при смерти — я успел вовремя.

Как это часто случается в последние минуты, лихорадка ослабла, жар спал и сознание его прояснилось. И хотя голос его был слаб, едва слышен, речь звучала ясно и четко.

— Как хорошо, что вы пришли. Сожалею, что вынужден принимать вас в таком состоянии.

Около кровати лежала, вытянувшись, его серая охотничья собака. Услышав голос своего хозяина, она подняла голову и замахала хвостом, затем снова опустилась на пол и замерла. Сорем был так слаб, что ни боль, ни печаль, ни радость — ничто не отражалось на его лице. Я опустился на стоящую рядом с кроватью деревянную скамью, на которой раньше сидел доктор.

— Я был в деловой части города, — сказал я. — Меня нашел один из щитоносцев Бэйлгара и рассказал, в каком ты состоянии.

— Ну, теперь уже все в порядке, — ответил он. — Все кончено. — Он зевнул, как человек, потерявший много крови, и слабым голосом произнес: — Даже чары Вазкора не могут противостоять этой заразе. Но ты будешь жить, мой чародей. — Казалось, он забыл свое обвинение, брошенное мне в башне, в ее присутствии. Руки его, сухие и желтые, блуждали по покрывалу. — Жаль, что нам не удалось сходить на охоту, — сказал он. — На белую пуму или льва. Странно, — добавил он. — Я никогда раньше не думал о смерти. Даже в ту ночь, столкнувшись с убийцами Баснурмона, даже тогда. Однажды в горах я сражался с леопардом, вооруженный лишь копьем. Одна ошибка — и меня бы не стало, но я был слишком разгорячен борьбой, чтобы думать об этом. Но леопард — совсем другое дело.

Рядом никого не было. И жрецы, и придворные — все, кто остался в живых, — покинули комнату. Только у противоположной стены за столом сидел врач да у дверей стоял караульный. Сорем взял меня за руку. Его ярко-голубые глаза странно контрастировали с мертвенно-серыми веками и казались от этого еще моложе.

— Ты не будешь поминать меня лихом, правда, Вазкор? Мне было очень трудно и одиноко; как будто я заблудился в темном лесу, из которого очень трудно выбраться.

Я взял его ладонь в свою. Это было все, что я мог сделать. Он был очень слаб. Закрыв глаза, он произнес:

— Малмиранет жива. Когда я сказал ей, что ты во дворце, она ушла, чтобы дать нам поговорить наедине. Думаю, она знает обо мне гораздо больше, чем я сам. Оставь меня в разыщи ее. Я побуду один.

Но я видел, что ему уже недолго осталось жить. Я остался сидеть и сказал:

— Хорошо, Сорем.

Он поднял веки и, собрав силы, произнес:

— Благодарю. Тебе не придется долго ждать. Не надо никого звать. Я не хочу, чтобы моя мать видела, как я умираю. Она и так уже многого насмотрелась.

И я остался сидеть рядом с ним, держа его руку в своей. Так прошло несколько минут. Жара начала спадать. Последние лучи заката окрасили стены в медно-желтый цвет, а неподвижно лежащая собака превратилась в бронзовую статую. Казалось, что и воздух заразился этой болезнью. Сорем посмотрел в окно и широко раскрыл глаза, как будто в них с блестяще-серого неба глядела его смерть.

— Солнце почти зашло. Значит, я последую за Масри-масом.

— Ты, должно быть, счастлив в своей вере, — сказал я, чтобы хоть что-нибудь сказать.

Но он снова закрыл глаза, рот его скривился, а рука беспомощно разжалась.

— У нас просто принято так говорить. Передо мной — только тьма, и сейчас она меня поглотит. Меня всегда удивляло... —

Я наклонился к нему, пытаюсь уловить конец фразы. Но он был мертв.

Я медленно поднялся на ноги. Врач не обернулся. Он готовил какое-то снадобье, в котором Сорем уже не нуждался. В дверях стояла Малмиранет. Я не мог в сумерках хорошенько разглядеть ее лицо, но на нем была написана скорее жалость, чем горе. Наверное, здесь ему уже столько раз грозила смерть от интриг, которые плелись вокруг него, что она не раз видела его во сне мертвым. И то, что случилось, уже не могло ее ужаснуть. Только то, как это произошло.

Меня била дрожь, но, несмотря на то, что я так долго ожидал, когда же это начнется, не мог понять, что происходит. Малмиранет двинулась ко мне, и волна тьмы поглотила ее. Потом выплыло ее лицо, и я снова прочел на нем жалость. Я хотел произнести ее имя и не мог этого сделать; ноги мои подкосились, и я упал на колени.

Я почувствовал прикосновение ее холодных рук, а потом все исчезло.

Когда мне было девять лет, меня укусила змея. Это случилось в Эшкореке Арноре, и лекарь уложил меня в холодную воду, чтобы снять жар. Я кричал, что мне холодно, что я умираю от холода, но они не обращали внимания. Наконец пришел мой отец.

Худой и смуглый, он наклонился ко мне, и иссиня-черные волосы упали ему на плечи.

— Ты должен лежать смирно, — сказал он. — Это она приказала. Я тут ничего не могу поделать. Она наказывает тебя и не остановится, пока ей это не надоест.

Длинным, униженным перстнями пальцем он указал туда, где стояла моя мать. Она стояла в белых одеждах с обнаженной грудью, упругой и высокой девичьей грудью. Лицо ее скрывала золотая маска в виде кошки, а в длинных светлых волосах ползали золотые пауки. Она смотрела на меня с палубы корабля с огромными синими парусами; на рее болтался повешенный, вокруг кружили чайки, утоляя голод его внутренностями.

Таков был мой первый сон.

Всего их было два. Во втором Уастис заперла меня в горящей башне и на несколько веков оставила меня там кричать от боли и жары.

Постепенно до меня дошло, что лед растаял и потушил огонь.

Удивительный покой проник в мое тело и сознание.

Я различил неясное мерцание. Я не мог понять, что это такое, но по тому, как перемещалось сияющее нечто, догадался, что это светились светлые девичьи волосы. Я ничего не мог понять. Затем все вспомнил.

— Айсеп, — прошептал я. Волосы колыхнулись, и из них выплыло лицо. — Айсеп, я очень болен?

Она посмотрела на меня прямым мальчишеским взглядом и сказала:

— Вы очень больны, мой господин. Но вам уже лучше. Говорят, вы выздоровеете.

Наш разговор разбудил врача, дремавшего в углу комнаты. Он подошел ко мне, потрогал лоб, посмотрел в глаза и положил мне руку на сердце.

— Да, невероятно, — произнес он. — Сутки вас бил озноб, но никакого кровотечения не было, а теперь и лихорадка спадает. У вас необычайно сильный организм, мой господин, да и боги были к вам благосклонны. Немного терпения — и вы поправитесь, обещаю вам. Говорят, что вы — волшебник, правда? Да, теперь я этому верю.

У меня было такое чувство, будто я могу вскочить с постели и полететь. А почему бы и нет? Я снова волшебник. Я победил проклятие смерти. Это не их боги улыбнулись мне, а боги моих далеких предков. Я чуть не рассмеялся

вслух, но вдруг страх вновь охватил меня, и я сжал руку доктора.

— Где императрица?

Ответила мне Айсеп, высокомерно бросив:

— Она крутые сутки сидела у вашей постели, пока сама с ног не свалилась от усталости. Можете быть довольны.

— Она больна?

— Всякий заболеет, слушая ваши дикие вопли. А в остальном она здорова. Говорят, что Желтое покрывало отступает.

— Да, господин мой, это правда, — произнес врач, принося какую-то липкую мазь, чтобы намазать меня ею, как намазывают жиром гуся, перед тем, как сделать из него жаркое. — Эпидемия уменьшилась. Конечно, потери огромны, и среди ушедших — Сорем, наш повелитель. Но сегодня, по крайней мере, смертельных случаев уже меньше, и никаких новых вспышек чумы, даже в тундрах.

Я оттолкнул его, сказав, чтобы он приберег свое мерзкое лекарство для кого-нибудь другого, но он принес что-то еще на блюде и заставил меня проглотить. Сделав это, я погрузился в сон, и мне снилось, что я плыву, как по волнам, по ярким волосам Айсепа.

Я проснулся уже за полночь и с такой полнотой и ясностью представлял себе свою цель, как будто я все продумал во сне.

Айсеп слегка вздремнула и, когда я позвал ее, встала, недовольная, как молодой солдат, которого застали спящим на карауле.

— Да, мой господин?

— Вот что: принеси мне воды и раздобудь одежду — неважно какую.

— Одежду? Но, клянусь моей правой рукой, вы не сдвинетесь с места.

— Оставь эти клятвы, девочка. В этой комнате командует мужчина.

Она хотела бежать за доктором и, как я догадывался, за подмогой, а я еще не знал, вернулась ко мне моя Сила или нет. Я схватил ее за запястье и сказал:

— Если бы у тебя был противник, враг, который убил твоих близких и пытался отнять жизнь у тебя, что бы ты сделала?

— Убила бы его, — ответила она, не колеблясь.

— Вот, — сказал я. — Именно это я и хочу сделать. Но

если я буду голым, это может создать дополнительные трудности, поэтому я предпочел бы путешествовать в штанах.

— Нет, — произнесла она, но видно было, что она колеблется. Наконец она спросила:

— А ваш враг из хессеков?

— Гораздо древнее, но и хессеки к этому тоже причастны.

Она нахмурилась, и я понял, что она сделает все, о чем я ее попросил.

Одно время я думал, что Уастис управляет ими, находясь в самом болоте. Потом мне казалось, что она живет далеко оттуда. Наверное, эта неуверенность происходила оттого, что я был опутан ее чарами. Я разобрался во всем только после разговора с Гайстом. Но тогда она уже поймала меня в свою сеть, и я, как ни старался, не мог из нее выбраться. Но теперь... Теперь мне было известно ее местопребывание: я увидел его во сне. Я чудом избежал гибели. Теперь мы должны встретиться в последний раз. Если моя сила покинула меня или еще не полностью вернулась ко мне, я буду действовать как простой наемный убийца. Вот и все.

Лихорадка еще не прошла, но большой беды в этом не было. Меня это только подбадривало.

Меня постоянно преследовала ее тень, сковывая страхом, парализуя. Но я выжил, хождение по мукам закончилось. Худшее, на что она была способна, уже позади.

Непроглядная тьма ночных улиц местами освещалась красноватым мерцанием. В неярком, приглушенном свете я разглядел множество гниющих трупов. Четыре пятых жителей Пальмового квартала, где раньше ночью было светло, как днем, ушли в горы, унеся с собой светильники. Но костры продолжали гореть, к ним то и дело бесшумно подъезжали телеги, наполненные безмолвным грузом. Пьяный часовой, стоявший на крыше башни, в страхе отпрянул, когда я галопом проскакал мимо. Удары копыт, прозвенев по мостовой, эхом отдавались по соседним улицам, как будто скакала не одна лошадь, а двадцать.

Рядом с доками, как раз за Рыбным базаром был сложен еще один костер. Склады, разрушенные в ночь восстания, так и не были восстановлены, над ними в беззвездное небо поднимался голубоватый дым костра, на котором жарилась человеческая плоть.

У ворот храмов, как и прежде, виднелось скопление больных. Если число их и уменьшилось, как сказал доктор, то я этого не заметил.

Моя кровь бурлила, как молодое вино. Я искупил свою вину, страх исчез.

Да, было отчего испугаться часовому при виде этой неистовой скачки между темнотой и красным сиянием — как будто бог смерти пронесся мимо.

4

Было нетрудно, позаимствовав чью-то рыбацкую лодку, выгребсти в темное море. Патруля на набережной не было. Мачты кораблей возвышались над водой дремучим лесом. Где-то хрипела музыка и раздавались пьяные голоса, звучащие среди неподвижного молчания, как удары кувалды, — эти люди молились о спасении винным бутылкам.

«Иакинф Вайн-Ярд» стоял в стороне от дока, куда хессекам с большим трудом удалось его оттащить во время пожара. Мой южный корабль с нежным южным именем. Давным-давно на острове Пейюана я предвидел, что он приведет меня к моей матери-ведьме.

Силы вернулась ко мне увеличенными во сто крат. Весла казались легкими, как стебли тростника, и темный берег с точками горящих костров быстро отдалялся. Я оглянулся через плечо и увидел очертания высокой галеры. На верхней палубе мерцал неяркий свет, три или четыре черных силуэта безмолвно ожидали моего прибытия. С борта была спущена веревочная лестница. Никто не помешал мне привязать лодку и подняться.

Все было не совсем так, как во сне. Исчезли все украшения, на мачтах не было парусов. Свет потрескивающего пламени лизал палубу, покрывая ее огненным узором. Увидев шесть человек хессеков у перил и около десятка сидевших на корточках в кормовой части, я вспомнил, что не все восставшие погибли в ту ночь — эти скрылись здесь от воинов императора. Может, внизу был еще кто-нибудь. Меня это не беспокоило — если понадобится, я смогу их убить. Ведьме не удалось перехитрить меня. Она больше не осмеливалась использовать против меня мою собственную силу.

Я обратился к ним на их языке:

— Где она?

Никто из них мне не ответил; голос раздался у меня за спиной.

— Здесь, мой дорогой.

По коже у меня пробежали мурашки. Я обернулся. Она сидела передо мной на одном из диванов Чарпона. Она, похоже, очутилась там с помощью колдовства, потому что за секунду до этого ее там не было.

Она ослепила меня белизной обратившегося в плоть огня, белизной, от которой мне стало не по себе, белизной бескровной и нечеловеческой. Лицо ее, как всегда, было закрыто, на этот раз — вуалью из желтого шелка, которая свешивалась с серебряной диадемы, надетой на ее белые волосы. Что скрывалось за этой вуалью? Голова кошки или паука? Позади нее, в точности как мне представилось во время лихорадки, на вантах болталось человеческое тело, привешенное за ноги и разодранное чайками. По изуродованным останкам я узнал Лайо, своего посланника.

— Вот он, ваш мессия, — обратилась женщина к хессекам. — Вот он, Шайтхун-Кем, йей с'улло, йей с'улло. Бог, явившийся на землю, предал вас. Шайтхун решил отомстить, и прекрасный Бар-Айбитни истекает кровью, лежа на предсмертном одре. Но он вот думает, что перехитрил Шайтхуна; он думает, что будет жить.

Вместе с одеждой часового Айсеп принесла мне нож. Сейчас моя рука невольно потянулась к нему.

— Вот, посмотрите, — сказала женщина. — Этот варвар, называющий себя *волшебником*, все-таки предпочитает пользоваться оружием презренных масрийских псов.

Знакомая насмешка. Она меня проверяла.

— Да, я волшебник, — ответил я. — Назови свое имя.

— Сделай это сам.

Кровь бросилась мне в голову.

— Ты Уастис, — сказал я. — Собака-богиня из Эзланна. И моя мать, но тебе уже недолго осталось быть ею.

Она встала с дивана и мелкой семенящей походкой двинулась ко мне. Она была такой маленькой и хрупкой, но от нее огромной черной тенью распространялась невидимая Сила.

Я не сделал ни шага ей навстречу, но и не отступил назад. Она остановилась в трех шагах от меня, и тогда я заметил, как она держит голову — немножко набок, как будто

видит меня только левым глазом. И, как тогда, я протянул руку и сорвал с нее вуаль.

Женское лицо, на этот раз не покрытое желтой краской, лицо юной девушки. Прекрасное, как у статуи, без малейшего изъяна, только правого глаза нет, и вместо него вставлен зеленый камень.

И тут меня, наконец, осенило. Кто бы она ни была, это не моя мать, не Уастис, потому что в жилах Уастис текла кровь древней расы волшебников, она бы *залечила* рану. В глазах у меня потемнело, как будто рой насекомых внезапно налетел на яркий свет, а потом я все увидел по-новому.

Я все время охотился за призраком, пытался поймать отражение в зеркале.

Нет, это не Уастис. Обман исчез, ушел, как вода в песок. Ее одежда из грубого полотна — грязная и рваная, на голове у нее — обычная хессекская копна волос, ее единственный глаз — черный глаз хессека, ее белая кожа отливает хессекской желтизной. Я попал в ловушку, которую сам себе расставил. Я с таким упорством преследовал свою добычу, что, когда наконец настиг ее, не сразу понял, что охотился совсем за другим.

— Да, Вазкор — все тот же Вазкор, — прошептала она. — Он понял, наконец, свою ошибку. Я не старая ведьма, а молодая. Это ты сделал меня молодой, мой господин, мой повелитель, мой возлюбленный, и я буду твоей смертью. — Улыбнувшись, Лели обвила меня руками, и крепко прижалась ко мне. Даже сквозь одежду я ощутил всю свежесть ее тела, ту молодость, которой я его наполнил. — При жизни ты отвернулся от меня, но после смерти ты станешь мне послушен. Я приду на твою могилу, произнесу свои заклинания и лягу в твои безжизненные объятия. Да, плоть свою я вылечить не могу, но я умею многое другое. И это ты научил меня, мой волшебник. Послушай, как я разговариваю. Разве это голос старой базарной торговки, любовь моя? Нет. Та Сила, которую ты влил в мой мозг, чтобы вернуть мне молодость, сделала меня равной тебе. Колдуньей. Богиней.

Огонь вспыхнул у меня перед глазами, заслонил палубу, неподвижные фигуры хессеков, висящий на веревках труп. Лели, как змея, обвилась вокруг меня, ее поцелуи огненным дождем обожгли мою кожу.

Я вспомнил Зал врачей, ее крошечный птичий череп в своих руках, идущую от меня к ней волну энергии, солн-

цем озарившую ее сознание. Я вспомнил, как горд я был тогда.

Не удивительно, что ей потом удавалось высасывать из меня мою Силу, чтобы обратить против меня те способности, которыми я ее так неосмотрительно наделил. Я с самого начала был для нее источником энергии.

— Да, — прошептала она, прочитав мои мысли, так же, как раньше без труда читала все, что происходит в моем мозгу. — Да, я подшутила над тобой, мой возлюбленный, приняв облик Уастис и направив тебя по ложному следу. За эту шутку мне пришлось пожертвовать своим глазом, своим бедным маленьким глазом, мой дорогой. Даже это я бы тебе простила, если бы ты по достоинству меня оценил. Пускай бы тогда весь Бит-Хессе потонул в грязи, и Шайтхун, Пастырь мух, вместе с ним. Уастис нет, как нет и бога-дьявола, Вазкор. Моим орудием была только вера. Это я наслала чуму. Я наказываю тебя за то, что ты предал меня, а не мой народ — это гнев Лели, а не бога. Да будет тебе известно, Вазкор... Что? — спросила она, заметив, что я пытаюсь что-то сказать.

С моих застывших губ сорвалось нечто неясное. Она мягко произнесла:

— Нет, Вазкор, я обещаю, ты умрешь. Не думаешь ли ты, мой милый, что из всех один лишь ты уцелеешь, ты, которого с каждым проклятием, наложенным мною на Бар-Айбитни, я прокляла дважды. Сила твоих собственных чар живет во мне. Вот в эту минуту ты умираешь в моих объятиях.

Я знал, что все было так, как она сказала. Она снова наслала на меня чуму. Внутри меня все горело, а ноги подкашивались, как ватные. Я почти ничего не видел и не слышал, и не упал только потому, что оперся спиной на мачту. Обвинившись вокруг меня, она нашла мой рот и вцепилась в него губами, словно желая высосать из меня мою жизнь.

Я каким-то образом нащупал нож. Моя рука налилась свинцом, а пальцы были, как вода, но я приказал им действовать. Казалось, прошел час, прежде чем мне удалось поднять руку. Она не заметила ни эту руку, ни нож в ней, присосавшись ко мне ледяным поцелуем. Она заметила это только тогда, когда острое прошло у нее под лопаткой и вонзилось в сердце.

Я первый раз в жизни убил женщину, убил намеренно.

Но убить ее значило раздавить камнем гадюку. Несмотря ни на что, удар был точен, она какую-то долю секунды еще сопротивлялась, затем ее единственный глаз застыл в неподвижности и она упала на палубу. Она не произнесла предсмертного проклятия — видно она до самого дна исчерпала запас своей безысходной ненависти ко мне.

Она взяла верх над Шайтхуном. Да, возможно, она была мудра, но, как и я, смертна.

Я перешагнул через нее и, шатаясь, двинулся к перилам. Мой затуманенный взгляд и мой затуманенный разум внезапно прояснились. Я подумал: «Вот! Теперь все кончено, для меня и для тех крыс, которые меня убили». Ко мне вернулась моя бывшая Сила. Я увидел, как от меня расходятся лучи, пронзая светом сгрудившихся людей, тело Лели, висящий труп, мачты, ванты и даже темную стену ночи.

Занялся огонь. От него загорелся край серого платья Лели. Да, она должна исчезнуть в огне, как исчезло в нем все остальное: Бит-Хесси, умершие от чумы, слава Бар-Айбитни.

Свет Масримаса.

Сияние белого пламени освещало мне дорогу. Я спустился по веревочной лестнице и упал на дно лодки. Веревка отвязалась легко, и маленькое суденышко, подхваченное течением, выплыло в покрытое огненными пятнами море.

И меня тоже подхватило течением и понесло в бушующее пекло агонии, и весь мир то вдруг исчезал с моих глаз, то снова появлялся.

Послышались голоса.

Невдалеке горел корабль, по нему метались люди, все это отражалось в черной воде.

Ко мне приблизилось чье-то лицо.

— Вазкор, вы узнаете меня? Нет, Бэйлгар, по-моему, он не в силах говорить. С ним наверняка все кончено. К черту предсказания врачей, к черту колдовство. Посмотрите, сколько крови он потерял.

Кто-то другой ответил:

— Соболаговолите поднять его. Надо же было этой слабоумной служанке императрицы его отпустить! Чистая случайность, что я вспомнил про «Вайн-Ярд».

Меня подняли. Я весь напрягся, ожидая боли, но ее не

было. Под голову мне положили чей-то свернутый плащ, и, взглянув на темное небо, я увидел, что одну из звезд будто пронзили серебряным кинжалом.

Теперь я узнал голос Бэйлгара, но не мог припомнить, кто он такой. Он наклонился ко мне и произнес:

— Постарайся продержаться, Вазкор. Она хочет видеть тебя.

Я не понял, кого он имеет в виду, и закрыл глаза.

— Странно, — произнес первый голос, — он не воняет, как все остальные, подхватившие эту дрянь, — может быть, это хороший знак.

Тихо усмехнувшись, Бэйлгар показал на мой корабль, медленно погружавшийся в воду.

На лице у нее была золотая маска, и руки — тоже золотые.

— Они произнесли над тобой наши молитвы, — сказала она. — Я не знала, как это принято у вас, а ты не мог мне сказать. Теперь ты умрешь с миром? Если нужно еще что-нибудь — скажи, я все сделаю.

Я не мог говорить — к тому же, что я мог ей сказать? Я не знал кто она, и не знал, где я. Я даже не знал, что я уже умер.

5

Возник свет.

Я уже некоторое время знал о нем — не о том, что это был за свет и откуда он взялся, я просто знал, что он существует. Он был золотой, этот свет, золотой с красным отливом. В полосе света росли цветы — белые, розовые и голубые.

Этот свет с растущими на нем цветами завораживал меня.

Мне сообщило о нем лишь зрение, другие органы чувств бездействовали.

Постепенно золотая полоса расширилась, немного потемнев по краям.

Надо мной была крыша из цветов, небо из цветов, под которым я лежал.

Во сне не задают вопросов, не требуют объяснений — взгляд мой скользил по узорам из голубых корундов, розо-

вого хрусталя и жемчуга. Цветы были сделаны из драгоценных камней; из них же был вырезан павлин, навсегда расправивший свой бирюзовый хвост, который я увидел, когда на него упал свет; вот белый перламутровый конь, ноги его затерялись в темноте.

Теперь я увидел, откуда идет свет: немного подальше в цветастой крыше была щель — на расстоянии около фута надо мной, на уровне моей груди. Тогда инстинктивно, не отдавая отчета, зачем мне это нужно, я решил подняться и посмотреть, в чем дело, и тут же понял, что не могу пошевелиться.

Когда происходит нечто подобное, вначале не веришь в это. Ты же хочешь двигаться! Пробираешь раз, другой, и каждый раз думаешь: «Ну вот, теперь получится». Но в конце концов понимаешь, что ты, как цепями, прикован к земле непонятной тяжестью во всем теле.

Я испытывал скорее удивление, чем страх. Покрутившись, я понял, что нахожусь в некоем подобии ящика, и все движения мои очень ограничены — при каждой бесплодной попытке пошевелиться плоть моя натыкалась на что-то твердое. Тем временем божественный свет стал угасать, и теперь я увидел внизу кучу поблекшего золота и спускающиеся к ней своды цветастого потолка. Своды эти были узкими, очень узкими. Я решил разобраться во всем по очереди. Сначала я вспомнил, кто я такой и что со мной произошло. Я вспомнил, как рос, как жил, что чувствовал, чего боялся. Я — Вазкор, волшебник. Чума почти убила меня, но я вылечился. Я был цел и невредим, я жив, я дышу. Но где же я тогда?

Я снова обвел глазами украшенный драгоценностями потолок, он был так низок, что при свете заходящего солнца я смог разглядеть каждую мелочь. Мое детское любопытство сменилось непомерным ужасом.

Я достаточно долго прожил среди масрийцев, чтобы усвоить кое-какие их обычаи. Мне пришли на память царские гробницы, их посеребренные купола, позолоченная лепка.

Да, Вазкор пережил чуму, но никому не дал об этом знать. И вот мне за это урок.

Они решили, что я умер. Они похоронили меня заживо.

От моего спокойствия не осталось и следа.

Обезумев от ужаса, я начал кричать, и от моих бессловесных воплей, наполнивших пустое пространство, стены

зазвенели, как колокола; я попытался поднять руку, чтобы разнести вдребезги прекрасную крышу моей тюрьмы. И все время я мысленно обращался к тем самым богам, власть которых я никогда над собой не признавал. Золотой свет исчезал, с потолка на меня равнодушно смотрели цветы, конь и павлин.

Воздуха в саркофаге было мало, он, как и солнечный свет, проникал туда только через щель в крышке. В гробнице, построенной надо мной, вероятно, тоже были отверстия для вентиляции. Вскоре я стал задыхаться, голова у меня закружилась, все вокруг расплылось в одно большое пятно, и я потерял сознание. Когда я очнулся, кругом была кромешная тьма.

Если вы захотите отомстить вашему злейшему врагу, если за то, что он совершил, любое наказание будет недостаточным, похороните его в золотой могиле — живым.

Не знаю, сколько времени я там лежал, помню только, что солнце два или три раза успело взойти и исчезнуть. В этой обители смерти время остановилось. Я превратился в жалкого безмозглого зверя, время от времени принимавшего человеческий облик лишь для того, чтобы разразиться проклятиями, криками и рыданиями. Время мое разделилось на сменяющие друг друга периоды безумства и забытья и разделяющие их минуты оцепенения.

До сих пор не могу понять, как я не лишился разума. Если я его не лишился. Я думаю, что возврат интеллекта еще не доказывает, что на какое-то время я не сошел с ума. Способность мыслить полностью вернулась ко мне, лишь когда я был уже далеко от гробницы и всего, что там со мною происходило.

Однако мозг мой оправился, и вернулась способность логически мыслить. Она проявилась лишь в форме одного-единственного вывода. Все это было больше похоже на сумасшествие.

Меня похоронили не живым, меня похоронили *мертвым*. Абсолютно мертвым, холодным и бездыханным. Я предназначался в пищу могильным червям. Но ни один червь меня не коснулся. Я был жив, хоть и лежал в могиле.

Это был момент истины, страшный суд, последнее испытание. Я всегда отчасти подозревал в себе эту чудодейственную силу, но проверить не решался. И вот теперь я в

этом убедился. Иначе быть не могло — факты говорили сами за себя. Даже если я был настолько болен, что казался мертвым, и теперь выздоровел и очнулся, в темноте и смятении, без воды и без пищи, под крышкой гроба, где не было даже достаточно воздуха, чтобы поддержать мое существование — я наверняка должен был умереть теперь, если не умер раньше. И все-таки я был жив. *Я был жив.*

Мысли мои стали ясными, как ключевая вода. Я был спокоен и не чувствовал больше страха. Если я смог умереть и вернуться к жизни, значит я могу все. Я познал ужас до самых его глубин, и теперь мне нечего бояться. Я не обрашусь в прах, мою могилу не закидают землей. Передо мной — вечность, передо мной — весь мир.

Меня опустили в могилу. Над могилой, может быть, насыпали холм, а может, и гору. Какая разница — это никакого значения не имело.

Меня освободила вернувшаяся ко мне Сила. Ее теперь ничто не сдерживало. Я обрел ее с необычайной легкостью. Светящийся столб энергии обжег гроб изнутри палящим огнем, украшения из драгоценностей пошатнулись, несколько павлиньих перьев упали мне на грудь. Железо треснуло, золотые петли, державшие крышку гроба, расплавились, она внезапно поднялась в воздух и, исчезнув из моего поля зрения, свалилась на землю.

На мне было целое состояние: доспехи из бронзы, эмали и оникса, серебряный шлем, отягощенный огромными золотыми пальмовыми ветвями. Живому человеку пришлось бы ходить, согнувшись в три погибели под тяжестью такого груза. На теле у меня, как на гусенице, был золотой кокон в несколько дюймов толщиной. Похоронив меня по-царски, меня запеленали в металл. Теперь я был благодарен тем людям, которые в спешке или по недобросовестности сделали свою работу спустя рукава. По их недосмотру в золотой оболочке были отверстия, через которые к моей коже и к легким шел воздух. Без воздуха я, наверное, проспал бы до тех пор, пока золото не рассыпалось бы от времени. Может сто лет, а может, и больше.

В крышке гроба тоже было круглое отверстие. Согласно масрийскому обычаю, даже после смерти тело должны были освещать лучи солнца — Масримаса.

Моя Сила разбила сказочное обмундирование. Позолоченная броня упала с меня, как кокон с бабочки, и рассыпалась в прах.

Я обнаженным вышел из гроба и ступил на пол — так спящий встает с постели. Сбоку, на порядочном расстоянии, валялась тяжелая крышка.

Оказалось, что она была богато украшена не только изнутри, но и снаружи — позолотой, драгоценностями, золотом. И я смог поднять ее усилием воли — чтобы сделать это руками, потребовалось бы человек двадцать.

Эта мысль показалась мне забавной. Осмотревшись, я снова улыбнулся.

В масрийских религиозных верованиях есть интересная двойственность. С одной стороны, считается, что после смерти души следуют в мир иной, где правит их огненный бог. Однако душа может немного повременить с отправлением, поэтому в могиле для нее создаются все необходимые удобства. Ни тогда, ни теперь я не был убежден, что каждый масриец полностью и безоговорочно в это верит. И все-таки, может формально, а может, чтобы заглушить свои собственные сомнения, они это делают.

Помещение было небольшим, пол выложен разрисованными плитками. На серебряной цепи висела масрийская лампа из розового стекла, рядом лежали трут и кремь. Тут стояли маленькие столики из полированной кости со всевозможными туалетными принадлежностями, серебряная ванна с высокими кувшинами, наполненными водой, и хрустальными вазами с маслом. Фреска на стене изображала сады с цветущими деревьями, среди которых резвились обезьянки, кошки и птицы. (Чтобы призрак не тосковал по земным садам? По-моему, такая дешевая подделка лишь повергла бы его в рыдания.) Изящный диван с золотыми подлокотниками и шелковыми подушками располагал ко сну. Рядом стояли запечатанные бутылки с вином, корзины с фруктами и сладостями и успевший покрыться плесенью хлеб. И все-таки я съел его, потому что был голоден; на вкус он был отвратителен, но насытил меня, а вино убрало из рта неприятный вкус.

Разбираясь с содержимым корзины, я внимательно рассматривал форму гробницы. Закругленные стены, сужающиеся кверху в виде дымохода; наверху было отверстие, через которое виднелось небо. Это отверстие располагалось как раз над щелью в саркофаге, чтобы солнечный свет мог туда проникать. Верхнее отверстие было довольно широким, поэтому его прикрывала решетка — иначе бы в него могли залететь птицы. Все это соответствовало

строению усыпальниц, которые я раньше видел, все, кроме одной детали: помещение как-то странно обрывалось, и я сообразил, что за этой комнатой находится еще одна. Я поискал дверь и не мог ее найти. Тогда я пробил брешь в стене своей энергией, будто ударом огромного кулака. Кусок стены рассыпался, и вместе с ним розовые деревья, обезьянки и медово-желтые голуби. И за ней я увидел еще одну гостиную смерти.

У меня не было дурных предчувствий, пока я не увидел посеребренное зеркало и благовония в янтарных сосудах. Тогда я понял.

Я перешагнул через разрушенную стену, и на меня повеяло холодом смерти.

Гроб, сделанный из бронзы, без украшений и позолоты, был прикрыт императорским знаменем с лилиями.

Я застыл на месте и, прислонившись к полуразрушенной кирпичной стене, вспомнил ее лицо, представшее передо мной сквозь пелену лихорадки, когда она спросила, нужно ли еще что-нибудь сделать. Да, тогда мне казалось, что чума ее миновала. И все-таки она лежала здесь.

Вот какова была глубина ее преданности мне. Опасаясь, что необходимые молитвы не были прочитаны надо мной перед смертью, что я не получу того, что требуется, она отдала мне все, что может масриец получить после смерти, отдала, отняв у себя, — гробницу, снаряжение, достойное короля или принца, драгоценный саркофаг. Я лежал в гробу, предназначенном для нее.

Я любил ее высокий гибкий стан, ее глаза — почти на уровне моих. Да, ее смертное ложе вполне могло подойти мне. А что касается богатых доспехов, в которые меня заключили, — где она их достала и на какие уловки пустилась, чтобы я, не принадлежа даже к городской знати, незаконно воспользовался ими? И сделав это, она сама заняла место рабыни в маленькой комнате; умирая, она не знала, какую шутку сыграет судьба с ее дарами. И в самом деле, откуда ей было знать, что я вернусь из небытия, проснусь и закричу, задыхаясь в одном из ее подарков, которые ее любовь, ее щедрость, ее гордость преподнесли мне, делаясь со мною всем даже после смерти?

В этой гробнице не было света, кроме того, который теперь попадал туда сквозь разрушенную стену, в бронзовом саркофаге не было отверстий. Мысль о том, что она надедала, львиными когтями раздирала меня изнутри. Отвер-

нувшись от гроба, я прошелся по комнате, касаясь ее вещей. На подносе лежали гребни, краски для век, которыми она подрисовывала глаза! Ожерелье из жемчуга светилось и переливалось — точно так же, как оно светилось у нее на шее. Среди духов я нашел пузырек, который без труда узнал, и взял его, чтобы вдохнуть ее запах — то ли для того, чтобы почувствовать себя еще более несчастным, то ли наоборот. Но ее запаха я не почувствовал — пахли просто духи в хрустальном сосуде.

Я резко повернулся и подошел к бронзовому саркофагу. Что заставило меня долго и пристально смотреть на него — дремлющие во мне темные силы или низменные человеческие побуждения? Смерть безоговорочно заявляла свои права. Итак, я был свободен, но одинок. Теперь целую вечность обречен я, сидя на обочине, провожать глазами похоронные процессии в безмолвии и одиночестве.

Голыми руками я сорвал крышку гроба. Я не чувствовал своей Силы, во мне кипел только гнев. Крышка, загрохотав, отлетела в сторону, из гроба разнесся тошнотворный запах бальзама.

Я ожидал увидеть все, что угодно — прах, кости, зловонный разлагающийся труп. Я не мог определить, сколько дней или сколько месяцев она пролежала там. Но, наверное, недолго, потому что тело ее, закрытое, вопреки масрийским традициям, бронзовой крышкой, сохранилось.

На ней были богатые одежды красного цвета, но тело не было раскрашено; плоть ее предстала мне такой, какой я видел ее раньше. Я понял, что умерла она не от чумы — я безошибочно узнал бы тот ужасный желтый цвет. Что же тогда, о боги, привело ее сюда? Несколько минут я глядел на нее, пока не заметил маленького серебряного цветка на ее груди. Сначала я принял его за украшение — но то оказалась рукоятка ножа — острого, но небольшого — такими ножами масрийские женщины подстригали себе волосы. Тот, кто решил им воспользоваться, должен был точно рассчитать удар и направить его не дрогнувшей рукой прямо в сердце.

В тот момент я решил, что это из-за меня она лишила себя жизни — так велики были мое горе и моя гордыня. Я склонился ниже и взял в руку локон ее черных волос; они блестели, как будто их только что причесала и уложила Насмет. По правде говоря, Малмиранет не выглядела мертвой. Но когда я положил руку ей на лоб, на нем остался

след, похожий на синяк, а черный локон оказался у меня в руке.

Я в ужасе отступил и остановился, наткнувшись спиной на кирпичную стену. Оправившись от охватившего меня первобытного ужаса, я вспомнил, кто я теперь такой.

Не просто человек, не просто волшебник. Меня не сдерживали больше никакие земные законы природы. Раньше я уже слышал временами эти странные нашептывания, но в страхе отгонял их от себя. Теперь я не испытывал больше ни страха, ни сомнений. Вазкор победил смерть.

Если мне удалось все остальное, то, значит, и это должно получиться.

Мне больше не придется быть одному на обочине дороги. Да, мимо будут проходить толпы людей, но я выберу из них тех, кто всегда будет рядом со мной.

Я снова подошел к саркофагу. Сгущающиеся сумерки окрасили плитки на полу в розовато-сиреневый цвет. Кругом была полутьма, лишь внутри меня горел яркий огонь.

Мне даже не стоило особого труда это сделать. Если бы боги существовали и если бы они были справедливы, они бы послали мне в тот момент предзнаменование. Хотя, может быть, они и дали мне какой-то знак, которого я не заметил.

Это было похоже на те исцеления, которые я производил тысячу раз — ничего особенного. Хотя с Хвенит, черной ведьмой, у меня были проблемы, она была почти при смерти, и пульс ее казался слабее дрожания комариного крыла. Но тогда я еще не познал до конца всех своих возможностей. Тогда я считал себя простым смертным, способным ошибаться.

Малмиранет вернулась, как море возвращается к своим берегам. Слово «вернулась» сразу пришло мне в голову, потому что она, казалось, возвратилась после скитаний в темном дремучем лесу. Кожа ее сделалась гладкой и упругой, трупные пятна исчезли, как тени черных деревьев в лесу смерти, где она гуляла. Внезапно глаза ее раскрылись и посмотрели прямо на меня. Я не был готов встретить этот взгляд, такой ясный и прямой. Она подняла руку и положила ее на грудь — туда, откуда я вытащил кинжал, и, не найдя смертельно ранившего ее острия, вздохнула.

Она все еще лежала в бронзовом гробу, и это мне не нравилось. (Даже в такую минуту я не мог избавиться от предрассудков.) Я взял ее за руку и произнес ее имя. Я по-

мог ей сесть, а потом встать и выйти из гроба. Она стояла передо мной такой, какой я ее помнил, глаза блестели, как острие меча, но она не произнесла ни единого слова, не сделала ни одного движения.

Я провел ее в соседнее помещение, усадил на обитую шелком кровать и налил ей вина. Она не хотела пить, пока я не поднес кубок к ее губам. Она сделала глоток, я смотрел, как подрагивает ее горло, и это пробудило во мне желание. Заниматься любовью в могиле — в этом нет ничего противоестественного, смерть и любовь всегда рядом — природа старается возместить потери, поэтому за тяжелыми боями следует насилие. И теперь мне безумно хотелось лечь рядом с ней на сияющий шелк. Только ее широко раскрытые глаза удерживали меня.

— Малмиранет, — произнес я, — что случилось? Все в порядке, ты со мной.

Как по сигналу, она снова положила руки себе на грудь. Отметина кинжала исчезла — я это очень хорошо увидел, склонясь над ней в поцелуе.

Она никогда не была так холодна со мной. Вначале я решил, что требую слишком многого, и, крепко обняв ее, попытался объяснить ей то, что она должна была уже понять, но еще не могла до конца осмыслить. Я был даже таким дураком, что попросил ее рассказать мне, почему она убила себя. Я должен был вывести ее из оцепенения шоком, если ничто другое не действовало.

Я уговаривал ее, как ребенка, и мой собственный голос звенел у меня в ушах. И она, как ребенок, безмолвно лежала в моих объятиях.

Я очень устал и заснул, не договорив свой монолог, а когда проснулся, она все еще была рядом со мной. В отверстие в куполе проникал свет ночной звезды, освещая ее глаза, неподвижные, как камни.

Я встал и зажег лампу, которую оставили здесь, чтобы создать моему призраку все удобства. В сундуке из черного дерева лежала стопка одежды — все мое облачение, взятое из дворца; здесь были даже украшенные драгоценностями воротники.

Я взглянул на нее, и она отвстила мне молчаливым взглядом.

— Я оденусь, как подобает цивилизованному человеку, — сказал я ей. — А затем мы покинем это место.

Определенного плана у меня не было; я мог пойти по любому пути, но не знал, с чего начать. Весь мир для меня состоял из нас двоих, и я не знал, куда нам податься. Проще всего было разрушить стену гробницы и предстать перед изумленными жителями города. Или, поднявшись к потолку, убрать решетку, прикрывающую отверстие и взлететь, как раньше, в ночное звездное небо. Но что дальше?

Когда я лежал, умирая, в лодке Бэйлгара, я заметил на небе одну звезду, пронзенную кинжалом; теперь такая же звезда смотрела на меня сквозь отверстие в крыше гробницы. Мне стало немного не по себе, когда, даже за этими толстыми стенами, я услышал доносившийся снаружи волчий вой.

— Кто теперь правит Бар-Айбитни? — спросил я ее. — Советник? Или старик снова сел на трон? — Упомянув Храгон-Дата, я вспомнил о Сореме. То, что я о нем забыл, свидетельствовало о моем болезненном состоянии. Сорем был тоже мертв и тоже лежал теперь в золотом гробу. И, если это будет входить в мои планы, я тоже могу его воскресить. И что же, воскреснув, он тоже будет смотреть на меня такими же яркими, немигающими глазами?

От ее взгляда у меня пробежал холодок по коже, поэтому, разбирая содержимое сундука, я старался не глядеть на нее. Но шорох ее юбок заставил меня оглянуться.

Любопытное это явление — я был бессмертен, и тем не менее инстинкт самосохранения во мне несколько не притупился.

Неслышно встав с постели, она так же бесшумно подкралась ко мне. Ни лицо, ни взгляд ее не изменились, но она приготовила мне новый подарок. В руках у нее было охотничье копье, которое она подняла, чтобы вонзить мне между лопаток.

Я отпрыгнул в сторону. Копье пронеслось мимо и ударило об стену с такой силой, что наконечник соскочил с древка. Я вспомнил, что она как-то сказала мне, что уже давно не ходила на охоту. Вероятно, деревянное копье немного рассохлось от времени, но сломалось оно все-таки оттого, что удар был силен. Его с лихвой хватило бы, чтобы пронзить меня насквозь.

Я схватил ее за руку, но она не шелохнулась. Она не сопротивлялась, и на лице ее не отражалось никаких чувств. Я не понимал, как это могло произойти после того, как мы

вместе провели ночь? Что это было — помешательство от горя или страх?

— Малмиранет, — начал я, — я что-нибудь сделал не так? Скажи мне.

Ее лицо, ее тело, ее жесты были мне очень хорошо знакомы; из множества женщин я безошибочно узнал бы ее — в маске и в накидке. Но теперь, когда контуры ее тела отчетливо прорисовывались сквозь шелковые одежды, когда передо мной было ее лицо, так не похожее ни на чье другое, и эта узкая рука, запястье которой было обвито браслетом в виде золотой змейки, который она не снимала, даже когда было снято все остальное, — теперь, когда ее ни с кем невозможно было спутать, это была другая женщина. Скорее даже, какая-то кукла, как две капли воды похожая на Малмиранет, но не она.

Я отпустил ее и отошел. Не спуская с нее глаз, я взял одежду из сундука и стал одеваться. Так всегда бывало со мной, после того, как я совершал одно из величайших чудес в жизни, я чувствовал себя — в силу своих ощущений или обстоятельств — мальчишкой, сыном Эттука, которого только что отшлепали. Я не мог стоять, обнаженный, под ее ожесточенным взглядом, которым она, казалось, хотела пронзить меня, как кинжалом. Как часто наши обнаженные тела соприкасались — и вот теперь огонь превратился в лед.

Я надел на себя первую попавшуюся одежду из Малинового дворца. Она была пригодна только для того, чтобы лежать в ней на подушках — так тонка была ткань. Среди украшений я обнаружил редкой работы пояс из белой эминой кожи с золотой чеканкой и пряжкой из лазурита — она мне его когда-то подарила. Я показал его ей, вспомнив, как она его тогда застегнула на мне своими руками и что за этим последовало.

Вытянув руку вперед, она шагнула ко мне, и я весь напрягся, ожидая, что же произойдет на этот раз.

А произошло вот что: ее оцепенение как рукой сняло, она закинула голову назад, широко раскрыла рот и закричала. Но это был не крик женщины, а душераздирающий, пронзительный вопль смертельно раненного животного.

Я подбежал к ней и привлек ее к себе. Я пытался успокоить ее, прекратить этот крик, но страшный вой не замолкал. Тогда я прижал к себе ее голову — и она вонзила зубы мне в плечо. Но даже грызя зубами мою плоть, она продолжала кричать — гортанным животным криком.

Кровь моя застыла в жилах, меня трясло, как в лихорадке. Не помню, что я говорил, что я делал, пока в отчаянии не решился сделать то, что было мне ненавистно и отвратительно — проникнуть в ее ум и там отыскать причину.

Тайны бытия покрыты мраком — для меня больше, чем для других, так как, будучи не таким, как все остальные, я долго не мог постичь того, чему другие учатся очень быстро. Плод познания зачастую горек, но когда он созреет, его необходимо вкусить. Одна истина открылась мне в этой золотой гробнице: человеческая плоть разрушается, и с ее смертью то, что в ней заключено, переселяется в другое место. Может быть, как считают масрийцы, в некий огненный мир, или, как думают в моем крале, в черную яму, или в какой-то удивительный мир, который и представить себе невозможно, а может, обращается в ничто — в дым, в воздух, в молчание. Как бы то ни было, ни один волшебник, даже самый могущественный, не может вернуть это — то, что называют духом или душой — в ту оболочку, где оно хранилось раньше. Хотя нет, поправлюсь, скажу только, что Вазкору не удалось после смерти Малиранет вернуть ее. Я восстановил лишь оболочку. Она была цела, здорова, дышала, сердце ее билось. Но она, она сама была далеко. Это существо двигалось, жило, издавало звуки, но внутри была пустота, как в саркофаге, откуда я ее поднял.

Мозг, в который я проник, походил на туманные сумерки, когда сквозь дымку вырисовываются какие-то предметы, иногда реальные, иногда мнимые. От ее разума остались лишь бессмысленные обрывки, как остаются на камне обрывки надписи, наполовину уничтоженной дождем и ветром. Эта вспышка ярости была ничем не обоснована, порыв блуждающего впотьмах. Ибо существо, которое я воскресил, было в растерянности, в притупленном и неясном состоянии. Ее сознание сохранило мой неясный образ, но что он означал, она припомнить не могла. Вспышка бешенства была вызвана первобытными инстинктами. Я пробудил в ней беспокойство, значит, меня нужно уничтожить. Возможно, в этом и была какая-то логика, но лишь логика паруса, направляемого ветром, не более того. Я искал внутри этого черепа разум женщины, а нашел лишь заброшенную пустыню.

Меня, казалось, наполнила такая же пустота, какая бы-

ла внутри этого существа; как будто душа покинула мое тело.

И все-таки я был необычайно нежен, возвращая к смерти это существо. Я словно остановил заведенный мной часовой механизм внутри деревянной куклы. Ее тело снова погрузилось в небытие.

Постепенно все признаки жизни исчезли, голова ее мягко склонилась набок, безжизненные глаза закрылись. Когда я вытер свою кровь с ее лица, я снова увидел знакомые мне женские черты.

Я положил ее, но не туда, откуда поднял, а в саркофаг, который она мне подарила.

Плоть ее еще не начала разлагаться, и в этот момент она была прекрасна. Казалось, она спала. Я не просил у нее прощения, поскольку не причинил ей боли. Я поднял огромную золотую крышку, лежавшую рядом с гробом. Поднимая ее, я думал: «Я использую свою Силу в последний раз. Она принесла мне только горе и разочарование. Я как ребенок, играющий с огнем. Мне нужно вырасти и набраться разума. Я не стану вновь волшебником до тех пор, пока не познаю самого себя и не научусь управлять собой и своей Силой».

Тень от крышки спрятала от меня Малмиранет. Осталось лишь небольшое отверстие для солнца. Павлин со сломанным хвостом, белый конь и все цветы будут бросать на нее свет, а когда от нее останутся лишь кости, они будут окрашиваться в голубой, розовый и золотистый цвета каждый раз, когда солнце будет проходить по небосклону.

Звезда над крышей гробницы исчезла. Темнота начала рассеиваться.

Мне нужно было еще раз использовать свою Силу, чтобы открыть стену. Сделать первый шаг, чтобы вступить в новую жизнь. На покрытой шелком постели что-то блеснуло — это была бусинка, оторвавшаяся от красной юбки Малмиранет.

Я сидел на постели и разглядывал ее, эту бусинку, а тем временем приближался рассвет.

Люди всегда находят много поводов для волнения. Многие из них могут показаться смешными, особенно если вас самих уже ничто не волнует.

В гробнице была дверь. Меня внесли сюда через нее, и она вошла сюда таким же образом. Изнутри ее не было видно за ветвями нарисованных на стене деревьев, но жрецы некрополя могли в любой момент использовать этот вход, если бы им захотелось. Хотя, я думаю, им не часто хотелось наносить подобные визиты. Они, без сомнения, постарались бы избежать и этого, если бы их не принудили к тому обстоятельства.

Я не подумал о том, как это будет выглядеть со стороны.

В могиле находятся мертвые — беззвучные и неподвижные. И, хотя масрийцы оставили для призраков лампы, никто не ожидает, что их когда-нибудь зажгут.

Сначала раздалась моя приглушенная вопли, затем крышка гроба с грохотом упала на каменные плиты, за этим последовало разрушение стены и звон бронзы — я открыл гроб Малмиранет. Гробница была построена очень прочно, но звуки, раздававшиеся в ней, были слышны снаружи. Возможно, рядом стоял не отличавшийся храбростью часовой, и в эту ночь ему пришлось поволноваться. Наверное, он слышал, как я говорил, как двигался. И, конечно, свет лампы был виден через отверстие. Наконец удар копья. И, в довершение всего, ее жуткие крики — такие жуткие, что я долго слышал их во сне. До жрецов, находящихся снаружи, они донеслись не так отчетливо, но повергли их в еще больший ужас.

Они дождались рассвета. Темнота была опасна для Бар-Айбитни.

Дверь внезапно распахнулась, и в сумерки могилы ворвался яркий солнечный свет. Где-то недалеко послышалось голубиное воркование, и жрецы, как бы давая мне насладиться пением птиц, долго молчали.

Жрецов было десятеро. Глаза их готовы были выскочить из орбит, как будто вокруг их шей затянули невидимые петли. У кого-то из рук выпала священная курильница — случайно, или это была попытка прогнать нечистую силу? Один из них весь побагровел от страха, как это иногда случается с полными людьми.

Забавное это было зрелище. У меня даже хватило чувства юмора припомнить, что я не первый раз предстаю, воскресший, перед людьми и что уже однажды жрецы вот так же таращились на меня, хотя в тот раз они были сильно разгневаны, да и иместо было не такое роскошное.

Один из них хриплым голосом произнес мое имя и упал на колени. Скорее всего, он сделал это не из почтения ко мне, а просто у него от страха подкосились ноги. Тем не менее, остальные последовали его примеру. Вскоре все они стояли передо мной на коленях, шепча: «Вазкор, Вазкор». Мне пришел на память еще один эпизод из моей жизни, и я увидел горную крепость и жителей Эшкорека в масках, преклонивших колени перед героем племени, Вазкором, Черным Волком Эланна, восставшим из могилы.

Мне все это больше не казалось забавным.

На сегодня достаточно, подумал я.

Я не произнес ни слова, не сделал ни жеста. Пройдя мимо коленопреклоненных жрецов, я вышел на Солнечную аллею Королевского некрополя.

В тот момент я мог провозгласить себя королем, повелителем Масрийской империи. Кто бы мог противостоять бессмертному богу-волшебнику? Я мог бы стать императором и отправиться завоевывать другие империи, как этого хотел мой отец еще до моего рождения. Он сам начал военные походы, когда ему было немногим больше лет, чем мне в этот день.

Но империи меня не интересовали. Можно считать это достижением или, наоборот, шагом назад, но подобных амбиций я лишился.

Выйти за ограду не составило труда. Часовой строил глазки садовнику и не обратил на меня особого внимания; вероятно, увидев на мне одежду из дворца, он принял меня за знатного господина, пришедшего в храм помолиться за друга или родственника.

Улицы Бар-Айбитни, освещенные множеством желтых огней, предстали передо мной такими, какими я увидел их в первый раз: оживленными и богатыми, даже роскошными. Мимо меня проносили носилки под балдахином, шли по своим делам купцы, пробегали девушки в одежде, украшенной блестками, спешили по поручениям рабы-хессеки. Все это походило на странный сон, как будто все напасти — восстание, пожары, мухи, насланные Шайтхуном, и желтая чума — были всего лишь ночным кошмаром, рассеявшимся при появлении зари.

Я был ослеплен. Я слишком долго находился вдали от солнца и от людей. Я повернул к востоку, чтобы оставить в стороне это воскресшее, так быстро залечившее раны чудо и выйти на открытое пространство за старым палисадом,

виноградниками и рощами, туда, куда я спустился с небес на белом коне, туда, где мы с ней, охваченные жарким пламенем любви, едва не просмотрели сигнал, поданный нам пламенем горящих доков.

На дороге, недалеко от границы Пальмового квартала, я повстречал женщину.

Судя по виду, она была рабыней богатого аристократа, скорее даже наложницей, потому что одета была красиво и по моде; за ней шел ее собственный раб, державший зонтик от солнца над ее курчавой головой. К поясу его была привязана дубинка для защиты от слишком назойливых горожан. Она вышла из ворот большого дома, стены которого были украшены изображениями кошек — я потому и заметил девушку, что остановился посмотреть на этих кошек — неизменный символ Уастис. Девушка шла в одном направлении со мной и плакала.

Но, когда она заметила меня, плач ее прекратился. Она поднесла руку ко рту и остановилась, как будто перед ней разверзлась пропасть. Ее раб, увидев это, шагнул вперед, сердито глядя на меня, и сказал, что, пока он рядом, никакая опасность ей не грозит. Но она ответила:

— Нет, Чэм. Все в порядке. Этот господин не причинит мне вреда. — Затем, продолжая слегка всхлипывать, она приблизилась ко мне.

Не помню точно, что я чувствовал в тот момент. Я был уверен, что она узнала меня и ясно было, что она хотела меня о чем-то попросить. И я уже знал о чем.

Она была масрийкой, высокой и стройной. И, выгляди она немного повеселей, она была бы очень похожа на Намет.

— Извините, я, наверное, сошла с ума, — произнесла она. — Не может этого быть, нам ведь сказали, что он мертв, уже тридцать дней как мертв и тайно похоронен по приказу императрицы.

Мне нечего было ответить. Она продолжала:

— Но я его часто видела здесь, в Пальмовом квартале. Он был волшебником и мог вылечить любую болезнь. Возможно ли, мой господин, что Вазкор — это вы?

Сам того не желая, я ответил:

— Ну а если бы я был Вазкором?

Из глаз ее хлынули слезы. Она тоже упала на колени.

— О, господин мой. Мой ребенок. Говорят, что вы больше не занимаетесь целительством, но я заплачу сколько

удотно. Мой хозяин богат и благосклонен ко мне — все, что угодно, мой господин.

Раб, до сих пор стоявший рядом и слушавший наш разговор, подошел к ней и положил руку ей на плечо.

— Не надо, госпожа. Даже если это Вазкор, он все равно ничего не сможет сделать. Ваш ребенок умер прошлой ночью. Вы об этом знаете. Мы все об этом знаем и очень печалимся, и ваш хозяин тоже. Но сделать ничего нельзя.

Но молодая женщина обратила ко мне свое лицо, залитое слезами, сквозь которые глаза ее горели надеждой, и сказала:

— Вазкор мог бы воскресить мое дитя. Он умел воскрешать мертвых. Ах, мой господин, верните жизнь моему ребенку.

Сурового воина не учат плакать в дни сражений, не знает слез и надменный властитель. И все-таки однажды наступает час, когда от легкого удара расколется скала и оттуда хлынет поток воды. Судьба благосклонна к женщинам — они могут смыть все свои земные раны слезами. Они, как чудодейственный бальзам, всегда приносят облегчение.

На меня внезапно нахлынули воспоминания, и я отвернулся от нее, чтобы скрыть свои слезы.

Легче спрятать рану, чем скрыть от женщины, что ты плачешь. Она моментально обо всем догадалась и тут же совершенно переменилась. Она поднялась, обняла меня и прижала к себе, как ребенка, как своего собственного ребенка, которого уже не было и которого я не мог ей вернуть. Сразу все поняв, она больше ни о чем не просила. Ничего не ожидая взамен, она хотела лишь утешить меня, и я в самом деле нашел утешение на этой покрытой листвою улице, рядом с разрисованным домом, в присутствии раба, со скучающим видом ожидавшего, когда мы закончим свои излияния.

Наконец источник иссяк. Ее слезы тоже высохли. Она сказала, что идет на гору к богине, могущественному боже-ству, расточающему покой и утешение, и что я тоже должен пойти, чтобы обрести покой и утешиться. И после того, что произошло между нами, я согласился.

Земля перед старым палисадом была изуродована от-метинами, оставшимися от погребальных костров. Я уже был здесь, но это не сразу пришло мне в голову, потому

что теперь я смотрел на местность при дневном свете и с другой точки зрения. Мой друг провел меня к жертвеннику богини, стоящей над Полем Льва, местом дуэлей. И здесь, на глазах богини, я победил Ссрема, а затем и остальных. Потом, чтобы лучше видеть хессеков, карабкающихся по северной стене, я богохульственно сжег черный мак на алтаре.

Теперь там не было мака, на алтаре лежало несколько золотисто-зеленых колосьев пшеницы и стоял горшок с медом. Ступени поросли вереском, и я подумал, почему их никто не расчистит, разве они не почитают эту богиню? Но, видя мой недоуменный взгляд, моя спутница объяснила, что богиня любит, когда рядом растет что-то живое. И все, что ей приносят в жертву, даже цветы, не срывают специально для нее, а берут то, что все равно уже сорвано.

— По-видимому, она оставила вам четкие указания, — сказал я.

— Ах, нет, она ни о чем не просила. Приносить жертву, какой бы маленькой она ни была, дарить что-то — прежде всего хорошо для нас самих. — Она принесла богине сосуд с коричневым маслом. Она снова заплакала, и слезы ее потекли вместе с маслом, омывая каменный алтарь; по воздуху разнесся приятный запах. Она наклонилась и зашептала молитву. Я вслед за Чэмом отошел в сторону, чтобы дать ей спокойно помолиться. Вскоре она позвала меня; лицо ее изменилось: не то чтобы оно стало веселее, но она немного успокоилась.

Она занималась самообманом, думая, что это спокойствие даровано ей божеством, но какая разница, если бремя ее от этого становилось легче? Но тут девушка, опять словно прочитав мои мысли, произнесла:

— Это не богиня облегчает мои страдания; я сама, помолвившись ей, нахожу в себе новые силы.

Она, вероятно, получила хорошее образование, если рассуждала подобным образом.

— Твоя богиня молодая или старая? — спросил я.

— Она молода, — сказала девушка. — Этот алтарь сложили меньше чем двадцать лет назад. И она на самом деле существует; моя матушка говорила с ней. Вы мне не поверите, но это так. Рассказать?

Видя, что это ее приободрит, я сказал, что буду рад ее выслушать.

— Этот город был в то время невелик. Моя мать жила

тогда на юго-востоке, среди холмов и долин, там, где начинаются южные озера. Однажды перед заходом солнца она работала в поле и вдруг увидела женщину, идущую по дорожке между снопами. Запомните, день уже клонился к закату, свет Масримаса угасал, но от женщины исходило сияние. Свет шел от ее волос и кожи, белой, как алебастр, а лицо ее, как вспоминала моя мать, светилось неземной красотой.

У меня перехватило дыхание.

Она не заметила и, смеясь, продолжала:

— Вы не поверите мне, но послушайте. Тропинка между снопами вела как раз к тому месту, где стояла моя мать. Вскоре белая женщина подошла совсем близко к матери, и та в страхе упала на колени. Она тогда была беременна мной и, может быть, поэтому у нее разыгралось воображение. Женщина повернулась к моей матери и спросила: «Не скажешь ли ты, есть ли за холмом город?» Моя мать с трудом ответила, что есть. Она была уверена, что это — фея, потому что она прекрасно говорила на горно-масрийском наречии, хотя и было видно, что она пришла издалека. Затем женщина произнесла: «У тебя будет ребенок». В голосе ее не было ни угрозы, ни презрения. Моя мать испугалась, что на ее чрево наложили проклятие, но женщина протянула руку и положила ее матери на лоб, и все ее страхи тут же исчезли. Женщина сказала: «Когда у тебя начнутся схватки, думай обо мне, и ты не почувствуешь боли. Роды пройдут быстро и без осложнений, и ребенок родится крепким. Хотя боюсь, — и тут она улыбнулась, — что у тебя родится не мальчик, а девочка, и ты, возможно, об этом пожалеешь». Ошарашенная, моя мать предложила принести ей поесть и попить, но незнакомка сказала, что ей ничего не нужно, и, снова пустившись в путь, вскоре скрылась в темноте.

А теперь о самом чудесном. Когда пришло время, моя мать вспомнила о том, что сказала ей незнакомка. Она произнесла ее имя — говорила ли я о том, что женщина сказала матери свое имя? — и внезапно боль от схваток исчезла, и через час я появилась на свет, я и была той самой девочкой, здоровой, кровь с молоком. Вы, конечно, считаете, что все это — чушь, но боль при родах — не самое приятное, что может быть, и любая женщина наверняка почувствует, когда эта боль уходит под действием волшебства.

Снова обретя дар речи, я спросил:

— А как твоя мать считает — это была богиня или ведьма?

— Возможно, и то и другое. Но в Бар-Айбитни я снова услышала имя незнакомки. Обычно ей поклонялись бедные. Говорят, что она вошла в город отсюда и пошла дальше на северо-запад, может быть, в Симу, по древнему торговому пути.

— В Симу, — повторил я, невольно поглядев в сторону запада.

— Да, — сказала моя спутница. — Поэтому здесь, на западной стороне алтаря, вырезан ее образ, — и она подвела меня к нему.

Раньше я его не замечал. Мне просто в голову не могло прийти нечто подобное; оказывается, то, что я принял за присутствие Уастис в Бар-Айбитни, было лишь памятью о ней, старым воспоминанием; оказывается, пока я прочесывал город и его окрестности в поисках ее следов, ее символ был здесь, на холме, откуда я смотрел в ту ночь, как появились хессеки. Интересно, те, кого я нанял для поисков, просто не заходили сюда, или же им не пришло в голову, что это нежное пасторальное божество и есть та самая возникшая из ада Белая ведьма?

Образ ее, вырезанный на белом камне, был крошечный — величиной с ладонь — и сделан не очень искусной рукой, но приятен для глаза. Стройная женщина в просторном плаще, ее длинные волосы рассыпались по плечам, а руки скрещены на груди. Сначала мне показалось, что лицо ее стерлось от времени, но потом я понял, что так было с самого начала.

— Ее лица здесь нет, — сказал я. — Оно было так безобразно?

— Нет, нет, — ответила девушка, — прекрасно. Может, искусный резчик из города и смог бы воспроизвести ее внешность, но простой фермер решил сделать так. Говорят, она спустилась с небес в серебряной лодке, но это уже другая история.

Я обхватил голову руками. Девушка подошла и погладила меня по волосам. Она сказала, что ей пора идти, что она очень хотела бы мне помочь, если б могла, и извинилась, что приняла меня за Вазкора.

Когда мы прощались, в глазах ее снова была печаль, но рана ее начала понемногу затягиваться, тогда как на мою

словно насыпали соли. Я не спросил, как ее зовут, но мне хотелось узнать имя богини — не Уастис ли ее называют?

Нет, сказала она, ее зовут Карракет. Хотя мать ее произносила это имя немного по-другому, она сейчас точно не помнит, как.

Она пошла домой, а вслед за ней поплелся Чэм, ее воинственный охранник, с дубинкой у пояса и с зонтиком от солнца в руках.

Я тоже понял, куда мне нужно идти, но не двинулся в путь, пока солнце не склонилось к закату и море за стеной не окрасилось в желтовато-медный цвет.

Низко надвинув на голову капюшон, я пошел искать Гайста на поле рядом с Лошадиным базаром. Все шрийские повозки уже разъехались, осталась только одна, запряженная двумя белыми быками, которые, стоя в ночной прохладе, время от времени шевелили розовыми ноздрями. По логике, я никак не мог ожидать, что Гайст ждет меня, и даже предполагать, что он не умер во время чумы, но все-таки я знал, что встречу его там, и он действительно стоял у повозки, закутавшись в красный плащ волшебника. Он тоже чувствовал, где и когда я буду искать его. Я направился к нему, и он поднял руку, приветствуя меня, как будто мы заранее договорились о встрече в этот день и на этом месте. Телепатия дала мне о нем ложное представление, но своими поступками он его исправил. И он тоже был обманут, но все-таки предупредил меня об облаке смерти, тьме и проклятии. Он предложил мне свою помощь.

— Вы поедете с нами? — спросил он меня. Он поглядел на мое лицо, полускрытое капюшоном, и произнес: — Вы все еще выглядите, как мальчик, хотя внутренне вы постарели на десять лет. Мне все рассказали.

— Вы слышали о том, что я умер?

— И об этом тоже. Мне приходилось слышать и более странные вещи. И менее странные.

— У вас в Симе, — спросил я, — есть богиня по имени Карракет?

В темноте горел костер, над которым висели котлы с едой, рядом на траве сидели три женщины и болтали друг с другом.

— У людей Шри только один бог, он — ни мужчина, ни женщина, и это, скорее, даже не бог, а идея. Имя Карракет мне неизвестно.

— Как много разных имен, — сказал я. — Я даже не уверен, что я ее по-прежнему ненавижу. Я устал ее ненавидеть. Сюда меня привела только мимолетная память о ней. То, что я принял за ее злые чары, было лишь обыкновенной злобой женщины, созданной моим волшебством. Гайст, — произнес я, — наверное, я никогда больше не буду волшебником.

Книга вторая

Часть I: В Пустыне

1

Дорога вела на юг, к окраине города. Здесь и там на холмах виднелись жертвенники и небольшие храмы. В воздухе кружила стая серых голубей, и в предзвездной тишине раздавались звуки молитв; но за стеной, среди садов и пальмовых рощ, среди лугов, на склонах черными дырами зияли отметины погребальных костров. Не знаю, сколько людей, бежавших сюда из города в поисках убежища, погибли, но несомненно, найдется какой-нибудь пронырливый честолобивый бюрократ, который подсчитает потери, чтобы оставить будущим поколениям летопись желтой чумы.

Примерно в пяти милях от центра Бар-Айбитни южная дорога разветвляется на несколько более мелких. Повернув на восток, мы вскоре вышли на древний путь, ведущий в Симу, который теперь огибает древнее болото Бит-Хесси, хотя во времена хессекской империи он подходил прямо к воротам города. Путь по суше — опасная вещь. Несколько веков по нему в ту и в другую сторону ходили караваны, пока приход масрийских кораблей не положил начало морским перевозкам. Однако для тех, кто был слишком беден или слишком экономен, путь по суше оставался единственным способом передвижения. Шрий-

ские торговцы называли его Ост (Неизбежный). Хотя кое-кто из них и прибыл в город по морю, чтобы не опоздать на коронацию нового императора, никто таким же образом не отправился обратно, поскольку иначе им пришлось бы отдать всю прибыль за удовольствие помучиться морской болезнью, а может быть, и потерять половину скота во время путешествия.

Ост сначала проходит через глухие леса к западу от горных озер. Здесь в достатке плодов, ягод, съедобных кореньев, а под высокими деревьями можно укрыться от жары. Но через три дня лес кончается, и открывается равнина. По краям это влажные луга, а на пятый день начинается сушь. Тонкие черные струйки ручейков, которые иногда встречаются на равнине, текут с соляных болот, что расположены по направлению к побережью, вода в этих ручейках соленая и непригодна для питья. К началу девятого дня путник входит в Пустыню — так все называют территорию, отделяющую архипелаги Сима и Тинзен от плодородных земель центрального юга.

Пустыня. Пустое место. Это скалистая страна, где чередующиеся плато и холмы принимают разнообразные причудливые очертания. Днем, когда небо, как всегда в конце лета, постоянно изменяется — от лазурно-голубого к свинцово-белому или грозовому, Пустыня высвечена, как слонобая кость. А на заре и на закате пыль, постоянно поднимающаяся с земли, как клубы дыма, превращает и небо, и землю в огромный ковер, сотканный из кроваво-красного, шафранового, пурпурного и коричневого цветов. Огромные пространства и цветное однообразие вытягивают способность мыслить, разум отделяется от тела и уносится в космос. Вот тут возникают миражи и видения.

И разбойники. Однако, шрийцы уже привыкли к этой неприятной мелочи и платят подать всем, кто требует ее по дороге, считая, что это все-таки дешевле, чем платить за корабль. Грабителям, по виду мало чем отличающимся от диких зверей, приятно вежливое и любезное обращение шрийцев, готовых сразу без лишней суеты отдать то, что от них требуют, поэтому грабят их не сильно и вреда не причиняют. Нападают по-настоящему только на богатые купеческие караваны, владельцы которых пожалели денег на путешествие по морю или на достойную охрану. У них отнимают все, до последней заклепки, а мертвых оставляют в пищу крысам, после захода солнца вылезающим из

своих нор. Удивительно, как много таких караванов продолжают упорствовать в своих попытках пересечь эту местность и становятся добычей ее обитателей. Поэтому шрийцы испытывают перед разбойниками некое подобие суеверного ужаса.

Тот факт, что в скалах обитают и люди и животные, свидетельствует о том, что вода здесь все-таки есть. Шрийцы говорят, что если кто-нибудь находит источник, то им пользуются все сообща — и крыса, и змея, и убийца — все сидят рядом и не трогают друг друга. Даже желтый тигр, который иногда проходит по песчаным дюнам, оставляя за собой извилистый след, даже он не убивает свою добычу на водопое. Путешествие по Пустыне длится тридцать-сорок дней — дольше, чем если бы вы повернули на юг перед Сима-Сэминайо (дорогой по дамбе, ведущей в Симу, которая проложена по перешейку и цепи островов). Повернуть на юг перед дамбой — значит углубиться в юго-западный океан, а на это способен лишь сумасшедший, потому что до земель, расположенных за ним, нужно добираться несколько месяцев при неустойчивой погоде, и успех в торговле также сомнителен.

Мне был двадцать один год. В душе я чувствовал себя гораздо старше, возможно, на несколько десятков лет, и, вместе с тем, в какие-то моменты я был еще неопытным зеленым юнцом. В голове у меня была путаница, присущая этому возрасту, но в остальном я был зрелым человеком. Любовь, надежда, страх — все это было уже позади. Внутри меня сидел на привязи лев по имени Сила, и я не должен был спускать его с цепи. Бога, чью слабость могла бы скрыть эта сила, уже не было. Принц-волшебник, стремящийся к власти, тоже исчез. Остался лишь человек, которому почти ничего не нужно было от жизни.

Одним ярким пятном осталось лишь мое ночное видение, которое заставило меня сойти с намеченного пути. Я бы до сего дня оставался в племени и пользовался бы почтением и уважением, если бы меня постоянно не преследовали эти два духа — белый и черный.

Мне нечего было предложить Гайсту и его людям, но они взяли меня с собой. Я, чем мог, старался помочь им. Быки — не лошади, но я быстро научился с ними обращаться. Я сделался заправским погонщиком семейзских быков — впрягал их в повозку, укладывал спать, кормил,

вел на водопой, после чего их животы раздувались, как бурдюки, что потом помогало им выдержать переход по пустыне. Вазкор — погонщик скота, Вазкор, который был дикарем, мечтателем, целителем, предателем-мессией, воскресшим магом. Вазкор, сын Вазкора, Вазкор, рожденный от Белой ведьмы.

Четыре дня пути по южной дороге через лес и обводненную часть равнины пролетели как один большой день, в который несколько раз вклинивались кусочки ночи. Я спал мало, мучаясь бесполезными раздумьями о том, как избавиться от того, от чего я никогда не избавлюсь. Один раз, на минутку задремав, я проснулся, и мне показалось, что я лежу в саркофаге. И я не почувствовал ужаса.

Лежа на земле в слабом мерцании костра, я ждал, когда наступит моя очередь сменить часового, которого уже порядком клонило в сон. Я пытался понять, что со мной произошло: там, в некрополе я не умер, но умерли все мои страхи, стремления и желания. Вскоре подходил дозорный и, дотронувшись до моего плеча, «будил» меня; обычно это были Джеббо или Оссиф, — сводные братья Гайста, владельцы другой повозки. На четвертую ночь в дозоре был сам Гайст — он, в отличие от других, стоял на своем посту неподвижно, но не дремал.

— Я вижу, Вазкору тоже не спится, — сказал он. Уверен, что он замечал это и раньше. — Тогда вставай, поговорим.

Он подбросил в костер поленьев, и они занялись красным пламенем. Под деревьями было холодно и сыро, собирался дождь. Лицо его, как всегда, было закутано так, что были видны только глаза. Джеббо и Оссиф одевались так же, даже когда женщин — всего их было три или четыре — не было поблизости. Я тоже перенял у шрийцев их манеру одеваться. Щедрость Гайста позволила мне облачиться в штаны и тунику такого же цвета кости, как и сама Пустыня. Эта маскировка делала меня похожим на шрийца на тот случай, если нам на пути повстречались бы разбойники. Однако голову и лицо я оставил неприкрытыми — с меня было достаточно эшкорекских масок.

Я спросил Гайста, не хочет ли он отправиться спать. Я даже посмел высказать предположение, что его женщина, Ошра, будет без него скучать. Это была совсем юная девушка; несколько раз очнувшись от задумчивости, я ловил на себе ее взгляд. Я не хотел пользоваться ее благосклон-

ностью, не желая этим обидеть Гайста. Он был значительно старше ее, поэтому, видимо, она и бросала на меня такие взгляды. Каково же было мое удивление, когда он произнес:

— Моя женщина проводит эту ночь с моим братом Осифом, и, уверяю вас, ей вовсе не скучно без меня.

Кажется, я обрадовался тому, что был удивлен и даже слегка разгневан, — значит, во мне еще остались какие-то человеческие эмоции.

— Помнится, ты уже говорил мне, что ваши женщины свободны, — сказал я.

— Не только наши женщины, — отвечал он. — Все — и мужчины, и женщины. Наши отношения основаны на привязанности, но в вопросах секса у нас нет ограничений.

— Когда у тебя родится сын, он будет смотреть на мир глазами владельца соседней повозки?

— Ах, — сказал он, — у нас нет своих и чужих детей. Все они шрийцы. Их вскармливает та женщина, у которой есть молоко, а тот мужчина, который идет рубить дрова, берет ребенка с собой в лес и учит его ремеслу дровосека.

— Кому же вы оставляете повозку и товары после смерти?

— Тому, кто в ней нуждается. Шрийцам. Но почему ты заговорил о смерти, Вазкор? Из всех твоих проблем это, несомненно, самая несущественная.

— Так значит, Гайст верит рассказам масрийцев.

— Я могу все прочесть по твоему лицу, как я это делал до того, как ведьма наложила на тебя проклятие.

— Это была не та ведьма, которую я искал, — ответил я.

— Ты еще найдешь ее.

— Я уже закончил свои поиски, — произнес я. — Месть, преследование — все стало прахом. Нет больше ненависти. Я не помню, что значит ненавидеть. У меня нет причины ее разыскивать.

— Карракет, — сказал он. — Ты спрашивал, не встречалась ли мне богиня с таким именем. Я думал над этим, Вазкор, и я призвал на помощь магию, переданную мне поколением моего отца.

— Я тронут твоим вниманием, Гайст. Но я покончил с поисками. Оставим это.

Он окинул меня внимательным взглядом, затем стал смотреть на огонь.

Я не просил его рассказать мне про Бар-Айбитни, но он стал рассказывать о том, что там произошло, отвечая на вопросы, которые мне и в голову не пришло ему задать. Мое легкое удивление прошло, теперь оно сменилось легким интересом, легким гневом, легким ожесточением — но не более того. Даже тогда, когда он называл знакомые мне имена, даже имя Малмиранет, я не ощущал ничего, кроме приглушенного любопытства, похожего на неясное мерцание огня за покрытым копотью стеклом лампы. Я знал, что он проверяет меня, как врач, осматривая человека со сломанным позвоночником, проверяет, остались ли у него в ногах какие-нибудь рефлексy. И результат этой проверки был так же неудовлетворителен, как и тот, что получает в этом случае врач, поскольку хребет моих чувств был сломан.

Оказывается, как и следовало ожидать, в Бар-Айбитни произошло следующее.

Я был последней жертвой чумы. Из моей смерти быстро состряпали какую-то полуправдоподобную легенду. Через пятнадцать дней после того, как меня тайно похоронили, было объявлено, что Желтое покрывало покинуло город. Шесть дней спустя в город через Южные ворота вошел Баснурмон в сопровождении войска, наскоро составленного из горных разбойников, вчерашних крестьян из его собственных восточных поместий, кучки перебежчиков и оппозиционеров с восточных границ. Пока Сорем и его совет готовились к коронации, Баснурмон не дремал. Он ждал лишь подходящего случая и, узнав об эпидемии чумы, подождал, пока она выкосит десятую часть городского населения, а затем, когда его желтый союзник отступил, не замедлил войти в город.

Бар-Айбитни, оставшийся без руля и без ветрил, не имея даже формального правителя, с распростертыми объятиями принял Баснурмона, который когда-то уже был наследником престола, и через пять дней его сделали императором, используя то, что готовилось для коронации Сорема. Уж лучше такой король, чем никакого. Вскоре поползли слухи о том, что Храгон-Дат умер, потому что Сорем с ним плохо обращался. Право же, надо отдать должное гениальности Баснурмона.

В тот день, когда он вступил на трон, Малмиранет покончила с собой. Она была мудра, и в этот последний момент тоже поступила мудро; из нее, без сомнения, вышла

бы прекрасная королева, но масрийцы не признавали женщин на троне, несмотря на все другие дарованные им права. Сразу же по вступлении в город Баснурмон заточил ее в тюрьму в ее собственном доме. У двери встала охрана, и к ней никого не пускали. Увели даже обеих девушек, которые не захотели покинуть свою госпожу. Кроме того, из ее комнат убрали все, что она могла бы использовать против себя или своих тюремщиков. Голова у новоявленного императора работала неплохо, и он знал, что может прийти ей на ум. Можно только предполагать, какую судьбу он ей готовил. Ходили слухи, что он к ней равнодушен и что не прочь был бы с ней поразвлечься, но, вероятно, в любом случае все кончилось бы смертью, а продлевать свои мучения она не хотела.

В день коронации дисциплина пошатнулась, и охранники устроили пьянку. Малмиранет удалось подкупить этих подонков. Она пожелала, чтобы к ней доставили парикмахера; после того, как увели Насмет и Айсеп, у нее не было никого, кто заботился бы о ее внешности. Охранники решили, что она прихорашивается перед визитом Баснурмона, и были рады помочь ей в обмен на горсть драгоценностей, которые ей каким-то образом удалось сохранить. За эту цену ей прислали какую-то полусумасшедшую старую каргу с улицы в торговой части города; всю жизнь делавшую прически проституткам. Охранники решили, что это удачная шутка, над которой Баснурмон посмеется еще до наступления ночи. Когда отряд возвратился из храма, охранник вошел в комнату и увидел, что старуха-парикмахерша лежит, мертвецки пьяная, в одном углу комнаты, а мертвая Малмиранет — в другом. Она заколола себя посеребрянной булавкой для волос. Эта булавка, даже не серебряная, как мне показалось, была гордостью старухиной коллекции. Как истинная императрица, она завещала передать свое тело жрецам Некрополя, где уже была готова могила для нее, и накладывала на Баснурмона проклятие, если тот ее ослушается. Мало кто, даже самый отъявленный циник, не осмелился бы навлечь на себя посмертное проклятие императрицы. Кроме того, она была королевской крови, прямым потомком Храгона. Не решившись оскорбить ее, он передал ее тело жрецам — тем самым, которые ранее по ее приказу запечатали меня в ее собственный золотой саркофаг, а теперь поместили ее в смежную комнату. Уже через месяц, в бессонную ночь,

на далеком берегу свинцово-синего моря, мне пришло в голову, что не приди жрецы во второй раз, я не пробудился бы ото сна: открыв дверь, они впустили в помещение свежий воздух, который затем проник в мою комнату через тонкую перегородку. Кто знает? В этом сумасшедшем мире одно часто является за счет разрушения другого, но мне не хотелось бы думать, что своей жизнью я обязан ее гибели.

Благодаря Баснурмону Бар-Айбитни поднялся на ноги. В самом деле, город очень быстро залечил все раны, как будто волшебник прикоснулся к нему чудодейственной рукой. Что касается остальных, взбунтовавшимся приверженцам Сорема был предложен выбор между мечом самоубийцы, сохранявшим масрийскую честь, либо публичным позором. Лишь непреклонный Бэйлгар и пятеро его щитоносцев отказались избрать легкую смерть. Баснурмон открыл свое истинное лицо, подвергнув их пыткам за несовершенные преступления, а затем их повесили перед Воротами Крылатой лошади, на западной стороне стены. Денейдс, по слухам, бежал на Тинзен. У него был богатый любовник, который обо всем позаботился. А войско, почуяв, куда дует ветер, приняло присягу Баснурмону.

Насмет взяли под стражу, но она, соблазнив тюремщица, бежала на юг, где, согласно молве, сделалась любовницей бандита, жившего в форте на берегу горного озера, и своими любовными притязаниями довела беднягу до того, что он в отчаянии утопился. Тем временем Айсеп, услышав о смерти Малмиранет, взломала решетку на окне в башне, куда была заключена, и бросилась на мостовую с высоты шести футов. Она умерла не сразу, рассказывают, что некоторые охранники, которым не нравились ее сексуальные вкусы, неплохо провели время. Если это правда, то на воинах их Малинового дворца, без сомнения, лежит ее проклятие.

Итак, вот что случилось с теми людьми, среди которых я жил: которых любил, которые меня любили и с которыми я едва был знаком. Меня всегда восхищали масрийские сплетни, и я давно уже перестал удивляться тому, как быстро и как широко они распространяются. А что касается того, с какой жестокостью передавались все подробности — меня тогда это не задело.

Из людей Гайста никто не умер ни от мух, ни от чумы.

Казалось, их бог помог им, а если не бог, то просто вера в чудо. Постепенно все повозки разъехались. Гайст и его братья остались ждать меня. То, что я появлюсь, он знал, по его словам, так же точно, как человек, у которого болят суставы, знает, что скоро будет дождь. Он верил, что судьба выбрала его на роль моего помощника. Я поблагодарил его за терпение.

В ту ночь, на минуту заснув, я увидел во сне мертвого Сорема в его царской усыпальнице. Я видел его лицо, похожее на высеченный в камне портрет, через отверстие в куполе гробницы.

Даже во сне я думал: *Жизнь моя кончена, и впереди ничего нет.*

Но взошло солнце, и наступил следующий день.

2

На третий день нашего путешествия по Пустыне я увидел первого разбойника.

Он появился с юга, из-за гряды низких холмов, верхом на грязной лохматой лошади, за ним скакали пятеро его спутников. Я отметил про себя, что они — хессекского происхождения, но не из Бит-Хесси, — у них была светлая кожа, а на голове — копна свалывшихся волос. Заросли таких же волос — что нетипично для хессеков, — виднелись у них на всем теле сквозь прорехи в разодранной одежде. У меня создалось впечатление, что их предки когда-то породнились с обитающими здесь волосатыми дикими животными — и вот результат. Все они были в хорошем настроении, их вожак на скаку похлопал меня по плечу и затем обратился к владельцу повозки на шрийском наречии, но чудовищно коверкая слова.

Гайст, Джеббо и Оссиф вышли к ним и протянули разбойнику горшок с едой и кувшин с питьем. Тот был очень доволен, ничего больше не требовал, несколько раз поклонился и пожал Гайсту руку. Белая собака Оссифа залаяла и завиляла хвостом. Подошла дочь женщины Джеббо с только что собранным хворостом.

Вот оно, подумал я, сейчас будут проблемы. Это была четырнадцатилетняя девушка, настоящее дитя дороги, гибкая, с глазами, как у оленя. Вожак слез с коня и направился к ней — они все время ездят верхом и покидают сед-

ло, только чтобы удовлетворить те или иные естественные потребности, — протянул к ней руку и уже готов был привлечь ее к себе, как девушка, улыбаясь, вынула у него из рта зеленую змейку. Я уже знал, что шрийские женщины — искусные фокусники, а маленькая змейка — ручная, но разбойника это повергло в изумление. У него вырвался неловкий смешок, и он отпустил девушку. А когда она положила змею к себе на грудь и позволила ей заползти к себе под одежду, право же, стоило посмотреть на его лицо. Люди Пустыни боятся змей и не знают, что среди них есть и неядовитые. Он приказал одному из своих людей помочь ей принести хворост, затем поклонился, улыбнулся Гайсту, и вскоре все шестеро скрылись из виду.

После этого подобные визиты стали регулярно повторяться.

На восьмой день десять разбойников забрали еще один кувшин с питьем, немного сушеного мяса и бронзовую цепь, чтобы перековать ее на наконечники для копий. Когда они уехали, женщина Джеббо обнаружила, что у нее пропали два браслета. Она ушла, что-то шепча про себя, и в ту ночь за их повозкой горел зеленый костер. На следующий день один из разбойников нагнал нас, вернул браслеты, сказав, что их украл не он, а его товарищ, и попросил снять с него заклинание, от которого его по ночам преследуют кошмары. У женщины Джеббо был очень самодовольный вид, хотя я и не был уверен, что во всем виноваты ее чары, а не предрассудки разбойника.

На девятнадцатый день у одной из повозок отлетело правое переднее колесо. Мы сделали ранний привал у источника. На исходе дня появился еще один отряд разбойников. Они собрали свою небольшую дань, обменяли на пищу заклепки для колеса, помогли поставить его на место, а затем остались поужинать вместе с нами, добавив к трапезе безвкусный клейкий напиток, который они хранили в бурдюке из лошадиной кожи. Это жуткое пойло, настоящее на горных травах и еще какой-то дряни, было, тем не менее, очень крепким. Они щедро поделились им с нами, и вскоре Оссиф и Джеббо напились до беспамятства, а я, сделав пару глотков, почувствовал себя несколько не лучше. Кончилось тем, что разбойники вскарабкались в седла, никак не воспользовавшись нашим состоянием, а я каким-то образом очутился на подстилке из фиговых ветвей, рядом с дочерью женщины Джеббо. О том, что про-

изошло между нами, мы никогда впоследствии не говорили, и я не чувствовал перед ней никаких обязательств. Насколько я помню, она была довольно опытна для своего возраста, но потом нам долго пришлось разыскивать змею, которая ускользнула, пока мы общались. Когда мы ее нашли, девушка покрыла свою любимицу страстными поцелуями, вероятно, чтобы показать мне, какое место я занимаю в ее жизни.

Наши гости спрашивали нас, не собираемся ли мы захватить в лагерь Дарга Сая. Этот негодяй, судя по всему, предводитель здешних разбойников, замыслил устроить охоту на тигра, который нападал на его лошадей. Собственно, шрийцы охотятся не так, как это принято у других народов. С помощью жестов и необычных гортанных звуков они гипнотизируют свою жертву, как это часто делает змея, а затем быстро убивают зачарованное животное. Я сам никогда не видел, как они это делают, поэтому рассказываю то, что я слышал от шрийцев. Они также редко едят мясо, поскольку их вера разрешает им убивать живое существо только в случае крайней необходимости. И все же, не было такого, чтобы кто-нибудь отправился на охоту и вернулся с пустыми руками, а когда я предлагал свою помощь, мне вежливо отказывали.

Утром Гайст сказал мне, что мы ненадолго остановимся в лагере Дарга Сая, но не затем, чтобы убивать тигров, а чтобы воспользоваться кузницей, лучшей в Пустыне. Разбойники очень преуспели в кузнечном ремесле и могут перековать все что угодно на все что угодно — у них в этом огромный опыт. Я уже видел несколько не очень красивых на вид, но надежных ножей, сделанных в этих кузницах.

Я не спросил, что именно Гайст собирается ковать в кузнице Дарга Сая, решив, что это его личное дело.

В жилах Дарга Сая, несомненно, текла масрийская кровь. Он был выше ростом, чем все остальные, темнокож, бритоголов, с густой бородой и косоглаз — один его глаз при разговоре смотрел на собеседника, а другой — занимался своими делами.

Мы пришли в его лагерь под вечер, свернув на скрытую для постороннего глаза, но хорошо знакомую шрийцам дорогу. Там было полно разбойников, почти все они еще сидели верхом на лошадях. Они только что вернулись с охоты, на которую взяли с собой двух лошадей для при-

манки и свору собак, не менее шумных и воинственных, чем их хозяева. И тем не менее, зверя они поймали! Это был старый тигр, который, несомненно, принял загон для лошадей за праздничный стол, накрытый специально для престарелых хищников. Он умер сразу от удара копьем, вонзившимся между его круглыми ушами, теперь собаки разодрали его тело на части, а кое-кто из смельчаков пустил ему кровь; считалось, что кровь тигра укрепляет мышцы и сердце того, кто ее выпьет. Мне пришел на память гибкий силуэт тигра, которого я незадолго до того видел в дюнах, и при виде этого растерзанного и распотрошенного трупаво мне шевельнулась смутная жалость. Казалось, тысячелетия прошли с того дня, когда я четырнадцатилетним мальчишкой стоял перед снежной равниной над телами двух застреленных оленей и, глядя на них, думал о собственной смерти.

Дарг Сай, все еще сидя верхом на лошади, низко поклонился Гайсту, согнувшись при этом чуть ли не пополам, и принял из его рук вино и кошелек с серебром.

— Я очень рад тебя видеть, Гайст. Нам как раз нужны волшебники.

Пока они говорили, гостеприимные разбойники освободили шрийцев от необходимости носить с собой широкие охотничьи ножи. Насколько я успел убедиться, они ими все равно никогда не пользовались, и теперь не возражали против грабежа. Затем последовали многочисленные поклоны и рукопожатия, пошел по кругу тот же вязкий напиток и даже кубок с тигриной кровью (от которого гости вежливо отказались).

— Зачем тебе нужны волшебники, Дарг Сай? — спросил Оссиф.

— Эта дикая тварь сильно потрепала одного беднягу. Зубы у этой старой кошки были отменные; теперь женщины, наверное, уже растащили их на ожерелья. — Дарг Сай рассмеялся: — Ты поможешь ему? Люди из Красного лагеря сказали мне, что тебе нужна моя кузница. Это будет платой, хорошо? За то, что ты его вылечишь!

Гайст ответил, что осмотрит раненого и определит, чем ему можно помочь. Глаза Дарга Сая пристально изучали мое непокрытое лицо, между тем как остальных больше интересовали мои сапоги.

— А это кто? Он не шриец, не хессек и не симейз. На масрийца тоже не похож. Кто же он?

— Он с севера, — сказал Гайст.

— С севера — что значит с севера? — настаивал Дарг. — И потом, язык-то у него есть?

— И язык, и зубы тоже, — ответил Гайст веселым голосом, хотя, вероятно, это было предупреждение. Разбойники нередко бранились и угрожали друг другу; но если это делалось с улыбкой на лице, никто на такие вещи не обращал внимания, но попросить глоток воды с постной физиономией — значило навлечь на себя всеобщий гнев.

— Но я жажду услышать его голос, — сказал Дарг. — Он бесцеремонно ткнул меня пальцем в грудь и с ухмылкой произнес: — Эй, парень, порадуй нас хоть словечком.

Еще год назад подобное обращение вызвало бы во мне взрыв ярости. Но теперь я низко поклонился и, разумеется, с улыбкой на лице произнес:

— Радость, которую я доставляю тебе своими словами, — ничто по сравнению с удовольствием, с которым я слушаю твои.

Глаза его вылезли на лоб от удивления, при этом один смотрел на меня, другой — на мой пояс. Соскочив с лошади, Дарг Сай бросился ко мне, обнял и похлопал по спине, заливаясь раскатами хохота. Дело в том, что я произвольно заговорил на том языке, на котором говорили между собой разбойники, и он принял меня за своего, невзирая на мою одежду и внешность. Он настойчиво предлагал мне выпить вина и тигриной крови и приглашал меня совокупиться с его женщинами и с его сыновьями.

Он подвел меня к палатке с искалеченным разбойником, восторженно рассказывая о том, какой искусный целитель Гайст. Гайст и его братья последовали за нами; рядом шли их женщины и, осторожно посмеиваясь, отбивались от нападков разбойников — то неизвестно откуда доставая змею, то вдруг загораясь белым сиянием.

Жилища в лагере были самые разнообразные — каменные хижины, потрепанные палатки, плетеные хибары. В центре поселения в скале был выбит источник свежей воды, вокруг которого росли сморщенные фруктовые деревья. Там, в пещере, лежал без сознания человек с сильно покусанной правой рукой. У ног его, рыдая, сидел мальчик. Дарг сгреб его в охапку и звучно поцеловал, возвещая громким голосом, что пришли волшебники, и все будет хорошо.

Гайст и Оссиф склонились над больным. На его груди тоже были отметины от когтей хищника, но они опасности не представляли. Рука же была в плачевном состоянии. Врач из города давно бы уже отрезал ее и сделал культю, чтобы предотвратить гангрену.

— Все дело в том, что его лошадь была приманкой, — объяснил Дарг. — Вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает тигр и набрасывается на них. Раз — и он уже откусил ему полруки. Наверное, подумал, что это закуска, старая бес-тия.

Мальчик всхлипнул.

— Боюсь, что ему придется расстаться с рукой, — сказал Гайст.

— С правой рукой! — проревел Дарг. — Только подумайте — это рука, в которой ему держать нож! Вы должны ее спасти. — Он, улынувшись, почесал подбородок. — Спасти — или не видать вам кузницы.

Гайст, выпрямившись, подошел ко мне и заговорил на правильном масрийском языке:

— Я постараюсь ему помочь, но он все равно может умереть. Разбойники из Восточной Пустыни не понимают, что мы фокусники, а не волшебники. Мы не умеем исцелять людей. Среди нас есть только один человек, который сможет это сделать.

— Нет, — сказал я.

— Значит, ты отказываешься использовать свою Силу не только во зло, но и в добро? Значит, жизнь тебя ничему не научила?

— Я поклялся, что никогда больше не буду заниматься волшебством, Гайст. И я сдержу эту клятву.

— Тебе еще жить много лет. Ты подумал, сколько раз тебе еще придется вот так же заставлять себя отказывать людям в помощи?

Раненый зашевелился и слабо застонал от боли. Мальчик подбежал к нему и обхватил его здоровую руку своими.

— Меня это мало трогает, — сказал я Гайсту, как будто он специально организовал это представление, чтобы разжалобить меня.

— Но, Вазкор, — произнес Гайст, — разве тебя когда-нибудь трогало человеческое горе?

Я не ожидал от него такое услышать. Слова его задели меня за живое, разбредили давно зажившие раны.

— Ты не знаешь сострадания, — продолжал он без малейшей тени гнева в голосе, просто констатируя факт. — Все беды человеческие обходят тебя стороной — так как же ты можешь испытывать сострадание? Тебе должно быть понятно, что жалость, которую один человек испытывает, видя муки другого, по сути своей — страх, что и его самого может постичь такая же участь. У нас холодеет сердце и идет мороз по коже, когда мы сталкиваемся с болезнью, ранами, смертью, поскольку мы знаем, что и нас это может коснуться. Но ты, Вазкор, чья плоть не подвержена этим несчастиям, разве ты можешь переживать вместе с нами?

У меня перед глазами снова витал застреленный олень, и я вспомнил, что я тогда чувствовал — жалость, порожденную страхом при виде смерти. И еще мне пришло на память, как я помогал жрецам во время чумы, пытаюсь облегчить страдания других, как будто тем самым я мог отвести болезнь от себя. Да, Гайст был совершенно прав. И тем не менее, без него я не смог бы так отчетливо это осознать.

— Не надо себя упрекать, — продолжал он. — Не требуй от себя большего, чем то, на что ты способен. А способен ты лишь на мимолетные проблески жалости, вызванные ностальгией. Истинное сострадание тебе недоступно. Зато тебе доступно нечто гораздо большее. Спроси у этого человека, что ему больше по душе — чтобы ты его жалел или чтобы вылечил?

Рука Дарга легла мне на плечо.

— Что такое? Вы тут болтаете по-масрийски, а мой солдат воет от боли, как волчица. Ну же, Гайст. Вылечи его!

Я произнес хриплым, как у подростка, голосом:

— Гайст, пускай все уйдут. Раз уж я должен это сделать, я не хочу никаких свидетелей.

Гайст вывел людей из пещеры. Я слышал, что он рассказывает им на ходу сочиненные небылицы о том, что я учился в Золотом Бар-Айбитни у известного доктора или еще что-то в этом роде. Увели и всхлипывающего мальчика, и я остался наедине с корчившимся и стонущим от боли раненым.

Я его вылечил. Я не испытывал ни гордости, ни удивления, ни презрения, ни удовольствия, и моя бесчувственность меня нисколько не волновала. Я просто вылечил его. Я просто сделал свое дело, и мне не нужны были звуки фанфар.

Вскоре он пришел в себя. К тому времени я успел персвязать его руку обрывком ткани, чтобы никто не видел, что рана исчезла.

Глядя на меня горящими глазами, он сказал, что боль прошла и что он может пошевелить пальцами и кистью. Я ответил, что если он в течение семи дней не будет снимать повязку и смотреть на рану, то полностью излечится. Он, вытаращив глаза, принялся убеждать меня, что рана исчезла, что это волшебство. Я очень близко наклонился к нему и пообещал, что если он еще раз, в глаза или за глаза назовет меня волшебником, я найшу на него вурдалака, чтоб тот изгрыз его печень.

Мы расстались в недружелюбном молчании.

Я сидел на камне, немного поодаль от лагеря. Оттуда до меня доносился лай собак и крики людей. Красно-лиловый цвет неба постепенно менялся на фиолетовый, и над Пустыней поднялась серебристая луна. Где-то едва слышно возились крысы. На таких пустынных пространствах каждый звук, как в оболочку, попадает в звенящую пустоту и, каким бы громким он ни был, кажется едва различимым. Крики разбойников, шорохи животных как бы заключены в невидимые пузырьки, символизирующие их недолговечность. Бессмертна только пустыня.

Долго я так сидел. Время от времени я видел, как вспыхивает огонь в кузнице, и думал: «Ну вот, Гайст заполучил свою кузницу». Но, в основном, мысли мои были заняты другим. Я пытался осмыслить свою жизнь. Нельзя сказать, чтобы я обрел покой, скорее, покой показался мне и обдал меня своим холодным дыханием. Когда признаешь свое поражение, тоже становится легче. Я все время старался сдвинуть гору, стоящую у меня на пути и, наконец поняв, что мне это не удастся, прилег, благодарный, отдохнуть в тени у подножия горы.

Прошло, наверное, часов пять. Луна прошла зенит и двинулась на запад.

Я снова взглянул на расплывшиеся по лагерю пятна костров, собираясь уже вернуться туда. Внезапно я увидел перед собой человека, слезающего с черного коня. Я обратил внимание на то, что конь этот гораздо благороднее тех лошадей, на которых обычно ездят разбойники. Человек обернулся. Его выющиеся волосы были подстрижены гораздо короче моих, и одет он был довольно ярко, но, тем

не менее, он все же чем-то походил на меня. Я заметил, что с ним была женщина верхом на муле; он обернулся, чтобы заговорить с ней. Они произносили довольно банальные фразы, но чувствовалось, что между ними существует какая-то связь, обмен энергией. На женщине была черная одежда, похожая на ту, что носят в племени. По плечам не ко времени выпавшим снегом рассыпались белые волосы.

Видение исчезло так же быстро, как и появилось. Оно походило не на кошмар, а просто на сон.

Рядом со мной стоял Гайст. Мягким голосом он произнес:

— Что тебе привиделось?

— Моя мать— ответил я. — Моя мать и с ней еще кто-то, но не мой отец.

— И в тебе больше нет гнева? — спросил он полуутвердительно.

— Нет, гнева я больше не чувствую. Однажды, в приступе отчаяния вспомнив о моем отце, я поклялся убить ее.

Он попросил разрешения присесть рядом.

— Ты никогда не найдешь покоя, пока не достигнешь ее, — продолжал он.

— Нет, нет, я уже обрел покой. Настолько, насколько его вообще возможно обрести.

— Однажды ты проник в мой мозг, чтобы прочесть мысли. Но при этом и я смог прочесть твои. Ты кое-что узнал обо мне, а я — о тебе. Что ты на это скажешь?

— Лели выскребла мой мозг, как кухонный горшок ножом. — Да, за удовольствие надо платить. — И что же ты обо мне знаешь?

— Достаточно, чтобы указать тебе дорогу, — сказал он.

Внутри меня как будто зашевелилась змея. Я пробуждался. Пробуждались мои мечты и видения, сознание и чувства, и звали меня обратно в водоворот жизни, куда мне, вероятно, не очень хотелось возвращаться.

— Гайст, — заговорил я, — я все уже давно взвесил. Если я найду ее, я ее убью. Это точно. Во мне уже нет ненависти, но у него есть причина ненавидеть ее, и я создам его существом, его волей. Ах, Гайст, если бы я знал своего отца!

— Сияющая темнота, — произнес Гайст, — отблеск света на стене: Огненная тень. Вазкор, в тебе слишком много от него и так же много от нее. Ты не должен сходить с этого пути. Ты должен встретить их обоих, чтобы принять ре-

шение. Итак, допустим, ты вознамерился пуститься за ней в погоню, с чего ты начнешь?

— Я должен буду воспользоваться своей Силой, а этого я поклялся больше не делать. Ну, хорошо, чтобы вылечить кого-то — ладно. Но не для этого.

— Итак, сила сосредоточения, — сказал он. — Мы, шрийцы, тоже практикуем такое. Маленькая сила в большой концентрации. Чтобы выследить человека, нужно взять какую-нибудь принадлежавшую ему вещь — из одежды или украшений, желательно то, что он часто носил. Если у тебя ничего такого нет, надо как можно точнее воссоздать что-нибудь похожее. Когда ты о ней думаешь, в твоём мозгу возникает некий образ. Кошка Уастис, белая рысь. Посмотри.

Он отвернул плащ и вытащил серебряную маску, которую я искал в эттукской сокровищнице; маску, которую носила Демиздор; маску, которой так боялась Тафра; маску, которую принес эшкирийский раб. Маску моей матери-ведьмы, Уастис, Карракет. Серебряная морда рыси с черными дырами для глаз, с висящими сзади желтыми подвесками, похожими на лучи солнца на камне, на каждой из которых — цветок из янтаря.

У меня вырвалось громкое проклятие. Кровь хлынула к сердцу и разбудила во мне давно забытые чувства.

Гайст продолжал. Он был спокоен, и спокойствие его передалось мне.

— Серебро — низшей пробы, а цветы сделаны из желтого стекла, но сходство достигнуто максимальное. Слепок сделал Ошрак под моим руководством, а все остальное — мастерство кузнеца Дарга Сая. Он был ювелиром в Бар-Айбитни, пока не убил человека и ему не пришлось бежать сюда.

— Зачем ты сделал это?

— Чтобы помочь тебе.

— Зачем тебе мне помогать?

— Так повелел мне мой бог или, если тебе так больше нравится, я делаю это без видимой причины.

Я взял в руки маску. Я ожидал, что, когда я дотронусь до нее, по мне пройдет такая же дрожь, как тогда, в сокровищнице. Но ничего подобного не произошло. Маска была тяжелее на вес, а драгоценности — легче. Гайст прав, тут необходимо воображение. Глядя в пустые глазницы маски, я не мог представить себе ведьмины глаза, через земли, годы и моря смотрящие на меня.

— Нет, — сказал я. — Я с этим покончил.

— Но *это* с тобой не покончило, — возразил он.

Да, он был прав. Я снова увидел ее, верхом на муле, беловолосую. Да, ни с чем еще не покончено.

Я поднялся с камня, держа маску в руке, и пошел прочь от лагеря, пока крики людей не затихли, а костры не скрылись из виду.

В четверти мили от лагеря я набрел на причудливое сооружение, похожее на храм с колоннами, выдолбленное ветром в скале — тем самым ветром, который теперь, звеня, гулял в пустоте. Под ногами клубилась пыль. За горизонт уходила коричневая луна.

Держа маску в руках, я, как каплями крови, выжатыми из души, наполнил ее своей Силой.

Проснулся я на рассвете. Нескончаемая равнина озарялась утренним светом. Этот час, первый час дня, царство зари, — один из двух самых красивых в пустыне. Второй — это царство заката. Я сидел и смотрел, пока солнце не взойшло, и тайна не исчезла. Тогда я встал и пошел обратно, в лагерь Дарга Сая.

Мне почему-то казалось, что я очень долго спал. Мне не снились сны, не являлись откровения. И все-таки я теперь знал, куда мне надо идти. Идти, чтобы найти ее. Я должен сделать нечто, на что решится только сумасшедший: свернуть перед Сима-Сэминайо, добраться до побережья юго-западного океана, затем, подкупив капитана какого-нибудь корабля, доплыть через океан до этой неведомой земли — которую я никогда не видел, которая казалась мне чем-то, что я в темноте потрогал рукой, одетой в перчатку, — и там найти ее. Птицы, наверное, уже улетели оттуда вслед за солнцем, и там, возможно, уже идет снег. Что ж, подходящее место для женщины с белыми волосами.

И опять она встала у меня перед глазами. Костлявая колдунья с выкрашенным в красный цвет телом, с руками из огня и кошачьей головой. Я сам страха не чувствовал, но она казалось источала страх, окутывая им весь мир. Что это — колдовские чары? Что произойдет, когда я подойду к ней на какой-нибудь улице западного города или в заснеженном саду, освещенном бледным зимним солнцем? Я твой сын, Уастис из Эзланна, которого ты оставила среди дикарей и никогда больше не чаяла встретить. Я

сын Вазкора, твоего мужа, перед тенью которого я поклялся убить тебя, Уастис, и бросить твои бессмертные кости на съедение собакам, и сжечь твою бессмертную плоть, чтобы ты уже больше не воскресла. От тебя не останется ничего, что могло бы воскреснуть, Уастис, — ни зернышка, ни волосинки. Я убью тебя, дочь Сгинувшей Расы, убью настоящей смертью.

Конечно, мои планы о том, как ее убить, несколько изменились. Я решил прибегнуть к помощи огня, который уничтожит ее так, что она уже не сможет возродиться. Под влиянием эшкорекской легенды о том, что она раз или два встала из могилы и, зная по собственному опыту, что такое вполне возможно, я подсознательно изменил свои намерения. И мне открылось еще кое-что.

С тех пор как я понял, что обладаю чудодейственной Силой, я всегда считал, что она досталась мне от отца, который тоже был волшебником. Но отец мой был мертв. И, хотя тело его найти не удалось, оно лежит где-то там, в разрушенной башне. Если бы он был жив, то за эти двадцать лет он как-нибудь дал бы о себе знать; прошли бы какие-нибудь слухи о нем. Нет, он был мертв, и из этого я сделал вывод — это она бессмертна. Она и я. Это ее кровь сделала меня не таким, как все остальные.

В лагере все храпели: и разбойники, и их жены, и собаки. Труп тигра лежал там же, где я видел его накануне, от него уже изрядно пахло. Над ним кружили грифы, не решаясь приступить к трапезе, пока кругом было так много живых людей.

Затем, взглянув на растущую рядом с источником кривую пальму, я увидел, что там сидят Дарг Сай с Гайстом и играют прямо на песке в шашки — изящными фигурками из красного мыльного камня и зеленого нефрита, наверняка у кого-то украденными.

Зрелище это было довольно нелепое. Предводитель разбойников раздумывал, какой ему сделать ход. При этом он, что-то бормоча, тербил усы и стучал шашкой по зубам, как будто это помогало ему найти верное решение.

Внезапно, сделав ход, Дарг Сай выиграл партию. Он крикнул, чтобы ему принесли выпить, и из ближайшей палатки выбежал мальчик, поднося бутылку, накануне привезенную Гайстом. Дарг жестом подозвал меня к себе, обнял и предложил вина. Мы выпили, и Гайст, подняв с лица красное покрывало, тоже выпил. Дарг, толкая меня в

бок, с детским изумлением смотрел на него. На лице Гайста не отражалось ничего. Выпив, он протянул бутылку Даргу.

— Значит, ты, братишка, отправляешься на юг, а потом сядешь на корабль? — обратился ко мне Дарг.

— Дарг тоже умеет читать чужие мысли?

— Нет, это мне Гайст рассказал, — ответил он. — Зачем тебе нужен этот вонючий корабль? Оставайся здесь, у меня, будем вместе на тигров охотиться, а, братишка?

— Он должен найти свою родню, — сказал Гайст.

— А, — произнес Дарг, — родню. Не то, что мы, шрийцы. Мы даже не знаем, кто наш отец.

— Почему ты решил, что я отправлюсь туда? — спросил я Гайста.

— Это не я решил. Ты сам когда-то думал, что тебя отвезет туда корабль.

— Тогда я ошибался.

— Но теперь — нет.

— Теперь — нет, — сказал я.

Мы выпили еще, и мальчик принес нам на блюде холодного мяса и инжира. В ушах его были золотые сережки. Я не мог понять, кем он приходится Даргу — сыном или возлюбленным.

— Если ты собираешься сесть на корабль, тебе нужно добраться до Семзамского порта. Корабли там, — нож, которым Дарг подцепил кусок мяса, вероятно, несколько дней назад перерезал чью-нибудь глотку. — Если ты отправишься в Семзам, я дам тебе трех — нет, четырех моих людей. Тогда у тебя не будет неприятностей в дороге, — улыбнулся он нам, — и неприятностей с семзамцами, а то эти собаки режут младенцев и едят их на ужин.

Я поблагодарил его за щедрость.

Когда через час мы покидали лагерь, сопровождаемые охраной из четырех разбойников, Дарг Сай расплакался и поклялся, что будет молиться за меня своим богам. Никогда, ни до ни после того, я не завоевывал такой искренней и полной привязанности за такое короткое время.

Мое прощание с Гайстом шесть дней спустя было более сдержанным. Я думал, что больше его уже не увижу. Жизнь человеческая коротка, мне никогда не доводилось больше увидеть тех, с кем я прощался. Удивительно — знакомство наше не было ни долгим, ни близким, мы об-

щались как собратья по ремеслу, волшебники, и я был могущественнее его. Я ни разу не видел его лица. И не узнал ничего ни о его прошлом, ни о том, к чему он стремился (если он вообще стремился к чему-нибудь; думаю, он был вполне доволен тем, что он просто *существует*). У меня никогда не было отца, как у большинства нормальных людей, его мне заменяла непонятная легенда, рассказанная мне врагами и незнакомыми. Даже если бы Гайст был моим отцом, шрийские нравы таковы, что в этом нельзя быть уверенным. И все-таки, из тех, кого я знаю, он был мне ближе всех. А может, мне так казалось под наплывом эмоций. Я твердо знал только одно: мне всегда будет не хватать его дружбы, его глубокой мудрости, его спокойной уравновешенности, дарованной ему его богами.

Все четыре шрийские женщины поцеловали меня, а белая собака лизала мне руку. Они дали мне в дорогу еды, а Оссиф протянул мне медный амулет, снятый с повозки. Они почитают эти амулеты за игрушки, так как полагают, что их бог и так о них заботится, но, по слабости человеческой, желают иметь наглядные доказательства этой заботы.

Четверо волосатых разбойников были, судя по всему, очень рады, что им выпало меня сопровождать. Интересно, почему? Может быть, они хотели убить меня или продать в рабство? Чем мне тогда от них защищаться — Силой или ножом, который я выменял в лагере Дарга? Оказалось, что мои опасения беспочвенны — разбойники просто радовались смене обстановки.

Юго-западную дорогу искать не пришлось, так как в начале ее стоит заброшенный жертвенник, когда-то поставленный хессеками своему божеству. У божества этого обломанные крылья и тигриная голова. Рядом валяется покрытый ржавчиной железный колокол без языка. Когда-то за жертвенником присматривал жрец, но он исчез, и святыня поросла быльем.

До побережья было шестнадцать дней пути, если быстро скакать — то чуть меньше.

Мы с Гайстом больше ни словом не обмолвились о том, куда и зачем я ехал. Мною управляла воля богов или воля судьбы — каждый называет это по-своему. В жизни наступает час, когда перестаешь бороться и доверяешь себя своей судьбе.

Не помню, о чем мы говорили, прощаясь. Вероятно, это были обычные банальности — пожелания счастливого

пути и хорошей погоды. Больше ничего в голову не пришло.

Сев верхом на лошадь, я поблагодарил его, не уточняя, за что.

— У тебя есть время. Не торопись, — сказал он.

Я понял, что он хочет сказать, и ответил:

— И все-таки я поклялся ему, и я это сделаю. Не обязательно быть разгневанным, чтобы убивать. Так даже лучше.

Он тихо произнес:

— Я вижу бегущего шакала. Его имя — *Я Помню*.

У меня по спине пробежал холодок. Мне казалось, что я уже на это не способен. Я поднял руку, помахал ему на прощание и, повернув коня, поскакал по хессекской дороге к Семзаму, сопровождаемый четырьмя разбойниками.

3

Семзам тускло светился за дождем. Это место представляло собой лагерь ветхих странствующих кибиток и лабиринт улочек, битком набитых импровизированными постоянными дворами, которые каким-то образом, вопреки всем ударам судьбы, выдержали испытания временем. Около берега захиревшие особняки древних хессеков балансировали на мраморных ходулях, как ужасные старые умирающие птицы. Дождь, начавшийся на побережье три дня назад, кажется, был намерен смыть всю гнусную грязь из порта. Там не было ни стен, ни стражи, это был центр, куда стекались толпы разбойников, бродяг и тинзенских контрабандистов, привозивших товары с запада и внешних островов на юге. В доках каноэ чернокожих из джунглей стояли бок о бок с высокими кораблями рабовладельцев и однопалубными галерами семейзских пиратов.

Трехэтажный хессекский дворец, бывший пятиэтажным до того как рухнули два верхних этажа, был переделан в «Гостиницу Танцующего Тамариска». Здесь, как следы бывшего невероятного блеска хессеков, остались серебряная клетка для сверчков с отбитым кусочком стенки около дверцы, круглые фонарики и великолепный, но потертый порнографический ковер на стене: нарисованные обнаженные мальчики сидели в ряд на низкой галерее, глядя сквозь кружевные веера в ожидании, когда кто-

нибудь из посетителей заинтересуется ими. Между тем дождь через щели потрескавшихся рам зеленого хрустали капал с потолка.

Мои четыре бандита были хорошей охраной. Скромный Дарг не рассказал мне, что Семзам платит ему дань. Как друга и кровного брата повелителя бандитов и в придачу шрийского волшебника, меня накормили и приютили, не спросив с меня денег за ночлег, и пообещали подыскать корабль, куда бы я ни захотел отправиться.

Вскоре мы надели пропитанные маслом акульи шкуры и направились к докам.

Море, покрытое рябью, изумрудно переливалось в золотисто-каштановой дали. На западе, за вершинами скалистых бухточек, на серебряных проволочках своих лучей снижалось солнце. Мой проводник, морщинистый хессекский головорез, у которого не доставало некоторых частей тела, указал пальцем на корабль.

— Там, лоу-йес. «Тигр» или «Южная белая роза», оба торгуют с внешними островами.

— Господин хочет ехать дальше на юг за острова, — резко сказал один из моих бандитов на изобретательном хессекском языке.

Отставной головорез уставился на меня, потирая свой сломанный нос левой рукой, на которой остался только большой палец.

— Лоу-йес желает отправиться на юго-запад, значит, к большой земле, земле с белыми горными вершинами. Господин, это путешествие на много месяцев или больше. Говорят, там золото, драгоценные камни... Только один корабль добрался туда и вернулся назад богатым.

— Какой это корабль? — спросил я его.

— Корабль теперь мертв и команда... — сказал он, сделав жест, означавший «тюрьма» или «веревка», или, другими словами, масрийский суд. — Однако, — добавил он, — Ланко мог бы отважиться на такое путешествие: у него нелады с масрийским законом, и он был бы не прочь отделиться от него океаном. И если вы можете платить...

— Платить? — рявкнул разговорчивый бандит. — Кровный брат Дарга Сая — и платить?

На самом деле я вернулся из могилы, имея при себе кое-какие деньги: не то чтобы я хотел разбогатеть, просто они там были. Когда я пытался расплатиться за кров и еду со шрийцами, то обнаружил, что монеты возвращаются

прямо в кошелек в моем кармане на следующий день, и на следующий день, и все те дни, пока я доверял их щедрости. Однако смогу ли я заплатить пиратскому капитану за многомесячное плавание в неизведанное, это еще бабушка надвое сказала,

— Отведи меня к Ланко, и мы обсудим с ним условия.

Мой проводник сказал, что не хотел бы идти со мной к Ланко, потому что у того мерзкий характер. Его судно находилось за ближайшим мысом, очевидно, скрываясь от масрийских соглядатаев. Под проливным дождем я со своим эскортом отправился, огибая мыс, через белые и черные пески вверх по узкой прибрежной полосе, к месту, по крайней мере, подтвердившему, что штурман корабля Ланко знает свое дело.

В скале была расщелина. Корабль с развернутыми парусами стоял на фоне серебристо-коричневого неба, черный в свете дождя. Казалось, он настороженно дремал, готовый отплыть в любую минуту. Если бы я нуждался в знаке, то вот он. Этот корабль в точности, до последней детали совпадал с тем, видение которого посетило меня на острове Пейюана, и «Вайн-Ярд» не был на него похож. Этот корабль повезет меня к Уастис.

Как и «Иакиф Вайн-Ярд», это было двухмачтовое судно, но только с одним рядом весел. Острый нос был повернут к морю: казалось, корабль немедленно готов сняться с якоря.

На подходе к кораблю нас громко окликнул какой-то человек. Мои бандиты зашумели в ответ. Было такое впечатление, что Ланко отказался от присяги верности кому-либо, кроме себя. Я удержал своих спутников от пересбранки, и мы поднялись на борт. На палубе стояли, дерзко таращась на нас, несколько матросов, по виду симейзцев. Я заметил, что некоторые из эсвак обладали бросающимся в глаза массивным телосложением гребцов, хотя никто из них не был прикован и не выглядел рабом.

Окликнувший нас человек, вернувшись, сказал, что Ланко встретится со мной одним. Мои телохранители поспешно зарычали и зафыркали с яростью профессиональных злодеев. В конце концов, я один спустился в каюту, и дверь за мной закрыли.

Здесь не было ничего от роскоши Чарпона. Простая мебель, деревянный кувшин с какой-то жидкостью. Вид кувшина не вызывал желания пить из него. Сам Ланко

был высоким непростых кровей симейцем с сальным лицом и хитрыми глазками.

Он оглядел меня и произнес:

— Шриец, да? Только что из своей повозки, да? Волшебник?

Я подумал: «Я убил Чарпона за корабль, который мне не понадобился. Это преступление для меня, как кость в горле, потому что оно бессмысленно. И вот новый Чарпон. Я должен завладеть его кораблем, но я не буду убивать его, ни я, ни кто-либо другой, кого я по малодушию пошлю вместо себя».

Я произнес на симейском языке, которому Лайо нечаянно обучил меня:

— Я хочу воспользоваться твоим судном, Ланко. Сколько возьмешь?

— Ха! Ты, парень, кажется, говоришь по-симейски? Ладно, думаю, что нисколько. Я не беру пассажиров.

— Пассажир один, — сказал я.

— Куда, шриец?

— На юго-запад.

— Там нет земли, — сказал он.

— В трех или четырех месяцах плавания там есть земля.

— Ты говоришь о континенте, где на деревьях растут яблоки из золота и где рядом с судном плавают тюлени и впрыгивают прямо на палубу, а зимой девушки, высоко сидя на плавающих в воде ледяных столбах, показывают тебе свои прелести, — он раскупорил кувшин, выпил и заткнул его. — Больше кораблей уплыло туда, чем вернулось назад. Возвращается множество легенд, но не люди.

— Но один корабль разбогател там.

— Разбогател, а масрийцы все отняли.

— Я слышал, — сказал я, — что ты был бы рад отделиться морем от властей Бар-Айбитни.

— Неплохо бы, — сказал он. — Ты неглупый парень.

Он взял нож и собрался поучить меня с его помощью. Я почувствовал, как вся каюта внезапно наполнилась жаром. Меня всегда интересовало, что я стал бы делать в подобной ситуации, теперь я это выяснил: когда нож взметнулся вверх к моему лицу, я развернул его своей Силой, что было быстрее, чем если бы я действовал руками.

Ланко отбросило от меня, и его стул перевернулся. В его бегающих глазах светился скорее расчет, нежели тревога.

— Я же говорил, что ты неглуп, — сказал он, — теперь все, шутки в сторону.

— Я не балаганщик и не твой враг, — сказал я. — Назови свою цену или позволь мне отработать проезд. Если ты не пойдешь на запад, то отвези меня на какой-нибудь остров по пути, где я смог бы найти корабль.

Он подобрал нож с пола и воткнул его в стол, где уже были отметины, сделанные ножом раньше. Упавший стул его не беспокоил.

— А зачем плыть на запад к земле в четырех месяцах пути от Семзама?

— Это мое дело.

Он ухмыльнулся, глядя на нож, а я ни с того ни с сего подумал: «Я мог бы обойтись без всего этого, а просто обязать его оказать мне эту услугу, заставить и избить его, если он меня подведет». А где-то в самой глубине меня звучал голос: «Чарпон, Длинный Глаз, Лайо, Лели, Малмиранет».

— Ведь ты же хотел уплыть куда угодно, чтобы уйти от масрийского закона. Почему бы тебе не подобрать немного золота, если оно тебе попадется? К тому времени, когда ты вернешься назад, они перестанут охотиться за твоим кораблем, а если нет, то тогда ты сможешь купить их с потрохами.

— Тебе надо, чтобы это сработало со мной, не так ли, шриец? — произнес он и посмотрел на меня, ухмыляясь: — Ты можешь грести?

Казалось, удача сама шла мне в руки.

— Я могу грести, но не как раб.

— Среди моих людей нет рабов. С тех пор, как вонючие солдаты стали охотиться за нами, это свободный корабль. Тогда вот мое условие — ты гребешь, а я везу тебя за работу. Когда доберемся до острова, там посмотрим.

— Очень хорошо, — сказал я.

— Очень хорошо, — повторил он за мной. Выдернул нож и указал им на меня. — Что ты еще можешь делать, волшебник? Можешь наколдовать хорошую погоду для нас? Можешь вызвать нам на завтрак рыбу из моря?

Я подумал: «Я мог бы пойти на это: трехмесячная прогулка через лазурный океан, полеты на облаке, когда устану, объятия русалок, когда у меня возникнет желание». Моя Сила казалась нелепой и смешной. Она не выглядела такой раньше.

— Ты нанимаешь меня как гребца, и ничего больше.

На палубе я прочитал название корабля, написанное вдоль фальшборта: «Чайка». Первый раз за долгое время я встретил корабль, имя которого подходит для моря.

За час до восхода солнца, когда «Чайка» выходила из бухты, все еще шел дождь.

Ее паруса были цвета тусклой серо-зеленой открытой осенней воды. Я находился внизу и не видел, ни как берега исчезали за завесой дождя, ни как взошло солнце.

На борту «Вайн-Ярда», корабля Чарпона, бывшего предтечей «Чайки», какую-то часть дня я греб веслом, которое было предвестником этого. Но сейчас не было никаких оков, никаких надсмотрщиков с нетерпеливыми цепями, а только трое мужчин, без сомнения сбежавших с других галер рабов-гребцов, по собственному желанию применявших свои навыки, которым их принудительно научили.

Я вспомнил, как на корабле Чарпона я играл в гребца, выжидая. Моя Сила была козырной картой в рукаве. Тогда я греб, развлекаясь, только ради игры, потому что знал, что в любой момент могу возобновить свою главную роль — роль бога-волшебника. Теперь я греб без надежды на это превращение. Моя Сила была как лев, посаженный на цепь. Я бы освободил ее, чтобы исцелить или защитить себя, это происходило непроизвольно. Я больше не собирался выпускать на свободу мои способности, господствовать над другими просто потому, что это было удобно мне и сохраняло мне монеты и труд. Если я чего-нибудь и боялся еще, то по-моему я боялся, что нарушу это решение.

Тяжелая однообразная работа веслами натерла мне кровавые мозоли. В Бар-Айбитни я разнежился, и это горькое лекарство пойдет мне на пользу.

Мы покидали одну пустыню для другой, ибо море — это тоже пустыня. Кроме того, существуют пустыни души, даже более обширные, чем любое пространство мира с побелевшими костями. Я все еще находился в пустыне и буду оставаться в ней, пока не найду ответы на вопросы моей жизни, если вообще когда-нибудь они будут найдены. Величественный размах миндального ландшафта, свободного от комфорта, был совершенно пуст: колодцы дружбы, привязанности, любви, из которых пила человеческая душа, пересохли. Передо мной через весь простор маячила

цель из белого камня: обиталище колдуньи — пусть даже в конце пустыни или просто на горизонте, с другой пустыней за ним, я не смогу рассмотреть ее, пока не дойду туда.

4

Как я и рассчитывал, мечта о западном золоте завладела Ланко. Вот уже тринадцать дней стояла теплая гнетущая ветреная погода. «Чайка» бежала между внешними островами, заходя в порты в поисках таверн, секса, сделок или грабежа, время от времени улепетывая, как ошпаренный черный кот, перебежавший дорогу перед погрузкой в масрийском порту. Острова были скалистые, торчавшие из глубин океана толстыми ломтями. Холмы внутренней части островов были покрыты лесами, где бегали дикие бараны. Там жили люди старой крови, занимавшиеся преимущественно рыбной ловлей. На возвышенностях догорали большие ритуальные костры, все еще дымящиеся, когда корабль проходил мимо. Это был праздник древних хессеков — Сжигание Лета, — целью которого было умиловать зиму, несущую штормовые ветры, дожди и бурное море. Команда гребцов была разделена на две вахты и менялась через два часа. Ночью корабль шел под парусами. Когда судно заходило в порт, гребцы тоже сходили на берег, чтобы попить или расслабиться так, как им того хотелось. Они делили награбленное добро наравне со всей командой и после тяжелой вахты запивали вином и куисом соленое мясо и сухари. Они были неотъемлемой частью команды, когда их преследовали масрийцы или когда они сами преследовали какое-нибудь судно. Я сделал это открытие, когда однажды ночью нес вахту на «Чайке», ввязавшейся в такую историю. Сначала я подумал, что мы спасаемся от преследователей, пока нелестные крики несчастных в мой адрес не открыли мне глаза. Маленький торговец, сбившийся с курса на пути с Тинзена и стоявший на якоре у какого-то острова, был обнаружен хищным взором Ланко.

Барабанщик бил как сумасшедший, скалясь и подбадривая криками, в то время как мы рвали руки о весла. Вскоре «Чайка» протаранила этого невезучего торговца. Последовал удар шпангоутом, и люди попадали со скамеек, а в следующий момент какой-то бешеный пират карабкался на борт судна, чтобы принять участие в грабеже.

Я выбрался на палубу и увидел, что торговый корабль заваливается на бок. В его правом борту зияла пробоина, верхняя палуба освещалась факелами. Это было не масрийское судно, а галера с Тинзена, черная как смоль, с единственным красно-черным парусом. Железная абордажная лесенка помогла людям Ланко в их опасном деле. Пираты сражались около нее, а затем возвращались с мешками и бочонками. Тинзенцы не дали достойного отпора, они трусливо отступили в свете факелов, молясь своим древним богам и призывая обрушить на судно Ланко самую злую чуму, подобную той, что обрушила на Бар-Айбитни Возлюбленная Масри.

Когда все успокоилось и мы продолжили свое плавание в ночи, оставив позади ярко горящее, стонущее судно торговца, команда «Чайки» веселилась, запивая все это куисом. Пираты показывали друг другу нитки черного жемчуга и фигурки их молочного жадеита. Возник вопрос: зачем теперь идти на запад?

Я прислонился к поручням, наблюдая за всем этим. Я понимал, что этот корабль был для меня средством достижения цели, однако мне не хотелось заставлять Ланко что-нибудь предпринимать по этому поводу. Вопрос разрешил сам Ланко, появившись в грязном вельветовом масрийском кильте и рубашке.

— Мы поплывем на запад, потому что я так решил и потому что этот полутолый шрийский господин, стерший себе руки о наши весла, обещает нам золото. Реки золота, озера золота и драгоценные камни, растущие на кустах. Не так ли? — Он кивнул мне. Я ничего не ответил. Ланко оглядел команду и продолжал: — Неужели мы забыли, что корабль повешенного Джари вернулся оттуда так нагруженный богатством, что чуть не утонул? — Опьяневшие от добычи и куиса псы Ланко затыкали в его и мою честь. Они называли меня благодетелем и заявили, что тинзенская галера была ограблена ими благодаря моей удаче. Ланко, сверля меня маленькими глазками, предложил мне часть добычи. Я отказался. Он сказал:

— Давай, шриец, не путешествуй налегке. Что из того, что в твоих пожитках лежит кошелек с серебром?

Я уже знал, что кто-то копался там, не он, но ему рассказали.

Я все еще ничего не говорил. Он ухмыльнулся моему молчанию и оглядел меня, обнаженного до пояса:

— Никогда не был в битве? — спросил он.
— Я не проиграл ни одной битвы, — сказал я.
Я понял, что он вспомнил, как я отразил его нож.
Улыбаясь, он ушел.

На четвертый день они поймали очень большую рыбу. Ее мясо было сладкое на вкус, мне было наплевать на нее, но люди Ланко, почитая эту рыбу деликатесом, восхищались и говорили, что это тоже большая удача.

Теперь они считали себя не просто пиратами, спасающимися от закона, и не бродягами, пустившимися в очередную авантюру, но отважными искателями приключений, идущими под парусами к неотмеченным на карте землям. Теперь у всех на языке были легенды, мифы и истории, рассказанные людьми Джари, до того как их повесили, об огромных белых акулах, плавающих в западных морях, которые скорее будут играть с людьми, нежели пожирать их. О девушках с рыбьими хвостами, однако не лишённых органов удовольствия. На юго-западе лежат земли, в которых построенные из льда корабли воюют между собой, таранят друг друга под огромными звездами. В северо-западном направлении море теплее, но вершины гор покрыты шапками снега. Однажды в сумерках, когда гребцы из моей вахты грызли и жевали свой ужин, я уловил имя *Карраказ*. Этого было достаточно, чтобы взволновать меня, как и других. Я спросил рассказчика, о ком он говорит.

— О, это своего рода богиня, — ответил рассказчик. — Ей поклоняются на том побережье.

— А как она выглядит?

— О! — он округлил глаза. — Она десяти футов высотой, груди у нее как головы змей, а голова — как голова грифа, — он взорвался грубым хохотом на мой невинный детский интерес к богине. Все, что он почерпнул из рассказов команды Джари, было только имя, больше он не знал ничего.

На пятнадцатый день мы увидели, как последний остров растаял за завесой дождя. Океан впереди был чист, искрась, как осколки зеленого стекла.

Впоследствии меня интересовало, может ли быть, что каким-то образом, даже не желая этого, я влиял на психическое состояние команды. Они так вдохновились и настроились продолжать плавание, что их не пугало даже то,

что оно может длиться год, что надвигается сезон дождей и штормовой погоды. Не пугали их и дикие побасенки, в которых они не находили ничего сверхъестественного с точки зрения простого симейза, хессека и выходца из других городов. Самым неожиданным было это странное, непонятное отношение ко мне. Свежий попутный ветер — значит, я послал. Солнечный день — моя работа. Однажды вперёдсмотрящий заметил к северу от нас торговое судно. Пираты уже было собрались изменить курс корабля, чтобы завладеть этим щедрым подарком, как налетел штормовой ветер, и они потеряли судно из вида. Затем везде слышалось: «Это шрийский волшебник направил нас прочь, потому что на этом корабле не было добычи».

Вскоре случилось неизбежное. Какой-то матрос с гноящейся раной на ноге подошел ко мне, чтобы я вылечил его. Однажды я уже положил конец этим чудесам, а потом возобновил по принуждению Гайста. Он доказал мне, что бремя страданий этих людей неизбежно ляжет на меня, если я откажусь им помочь. Поэтому я вылечил этого матроса, наложив повязку, так же как я проделал это с человеком из лагеря Дарга. Естественно, что этот матрос не послушался: сняв повязку раньше времени, он с удивлением обнаружил, что рана почти зажила. Вскоре после этого ко мне пришли все болящие корабля. Мои дни и ночи были опрокажены гнилыми зубами, ссадинами, экземами и прочими милыми штучками. Моя репутация целителя, к моему удивлению, широко распространилась по всему кораблю. Со стороны вылеченного банально и неразумно считать, что ты делаешь это из любви к нему и из гуманности. Это наивная и глупая вера, не имеющая ничего общего с порывами моего сердца, заставляла меня, на самом дне моей души, чувствовать себя больной и злой дворняжкой в какой-то сточной канаве.

На двадцатый день мы увидели последнюю известную морякам землю. «Чайка» запаслась водой, вином, соленым мясом и сушеными фруктами. Дух приключений и возбуждение продолжали витать над нами. Моими самыми лучшими часами стали те двенадцать, которые я проводил, сидя у окованного железом весла, безумно стремясь во тьму к неизвестной, безликой цели на горизонте моей пустыни.

Плавание к западным берегам займет три масрийских месяца, это четыре или пять месяцев по хессекскому ка-

лендарю, всего где-то семьдесят шесть дней, не считая того времени, что мы пробирались между южными островами.

Открытое море. Некоторые дни были, как две капли воды, похожи один на другой, а другие разнообразила жизнь вокруг нас: прыгающие рыбы, то полосатые, как тигр, то пятнистые, как кошки; птицы, летящие к земле на север. В небе выстраивались шеренги огромных облаков: армия кучевых облаков на марше. На закате они становились похожими на алые галеры с зелеными и серебряными парусами. Иногда черные облака в форме топора предупреждали о надвигающемся шторме. Мы попали в три или четыре шторма, но выстояли. Ни один из них не был таким жутким ураганом, как тот, который я однажды усмирил.

Отдельные дни были отмечены незначительными событиями: некоторые дождем, некоторые ветром, какие-то осенним штилем и спокойствием вязких зеленых водяных лугов под нами. А какие-то стычками и шумными перепбранками. Однажды в полдень к фок-мачте подвесили для наказания двух матросов. Впоследствии их принесли ко мне для лечения с почерневшими губами и слезящимися глазами, чтобы я привел их в чувство для вечерней вахты. Ночи отличались беспорядочной и не всегда добровольной педерастией, что можно было услышать или мельком увидеть в полутьме.

Иногда в лучах восходящего солнца мелькало пятнышко далекой земли. Позже нам попались один или два островка, где мы набрали свежей воды и поймали краба величиной с маленькую собачку. Из этого краба против его намерения приготовили обед для Ланко и его приближенных. Случались всякие происшествия. Какой-нибудь гребец с толстой как у быка шкурой начинал хныкать, потому что ему приснился мальчик, любовник его юной поры, который потом стал проституткой в Бар-Айбитни. Один человек утонул во время шторма: его смыло с носа корабля. Другой исчез после того, как плюнул в глаза помощнику Ланко. Через сорок дней на море часть сухарей покрылась плесенью, и от меня потребовали, чтобы я произнес какое-нибудь заклинание и сделал их пригодными для еды. Оживлять мертвых больше не входило в мои планы, даже мертвую еду: я живо помнил Лели и всякую другую магию, от которой у меня тряслись поджилки. Я

отказался, и на команду это произвело неприятное впечатление, но я предложил отдавать собственные порции два дня из каждых четырех — все равно я ел мало. Но этот благородный жест остудил их гнев. Видя упрямство волшебника, они оставили его в покое.

Каждый день были свои заморочки, однако все дни были похожи один на другой.

Я узнал свое весло, понял его физическую сущность, как можно прийти к физическому пониманию женщины, с которой проспишь сорок или пятьдесят ночей. Это была моя железно-деревянная жена с голубой лопастью, молотящей воду, и стройным крепким телом в моих руках, держащих ее груди и бедра. Шесть часов совокупления, затем шесть часов с другими — требовательная леди. Однако она оставляла мой мозг свободным. Сколько часов скольких дней скольких месяцев! Тени и воспоминания пересекались в моем уме, когда я сидел в той черной, скверно пахнущей дыре, а весло стирало мои ладони до крови, не позволяя образовываться мозолям, которые защитили бы меня, а бледно-розовый свет рассвета увядал до серого и еще раз превращался в розовый на склоне дня. Климат стал более прохладным. Небеса, когда их не закрывали облака, стали чище и бледнее. Ночью светили большие и яркие звезды. С ветром, который дул с запада, приходил запах зимы, похожий на запах старой доброй зимы северных земель. Еще ветер приносил кусачие, сволочные штормы, мокрый снег, холод с густым снегопадом.

На пятьдесят первый день подкрался туман. Корабль плыл в нем, и на всем оседала ледяная тишина. Море под нами было серым, а в глубине — ярко-голубым. Мачты ритмично раскачивались из стороны в сторону. Люди Ланко, проклиная все на свете, натягивали куртки и заворачивались в плащи. Солнце светило как лимонно-металлический диск. Никто не высматривал обнаженных русалок, катающихся на ледяных столбах.

Через это безмолвное одеяло, сквозь которое мы плыли, звук удара весел о воду доносился низким и приглушенным. Южанам было наплевать на туман, но не на особенный, пронизывающий до костей, прозрачный холод. Зимы Симы, Тинзена и Бар-Айбитни не были особенно холодными, а были просто холодными по контрасту с жарким летом. Дули пыльные ветра и шли дожди и град, гремел гром и клубились черные тучи. Но снег никогда не

выпадал на благословенные земли юго-востока, и только на двух или трех горных вершинах архипелага действительно можно было найти снег. Оттуда его приносили в хитро запечатанных, оплетенных кувшинах, очевидно, с единственной целью — охлаждать напитки для господ.

У своего весла я видел сны наяву (о Тафре, о Демиздор, об Эшкореке, о Малмиранет, о серебряной маске), как вдруг услышал ворчание гребцов, согнувшихся на своих местах со вспотевшими от работы лицами.

— Волшебник завел нас сюда, пообещав золота. Пусть он уберет этот пронизывающий до костей собачий туман.

Я взглянул на них, они затихли, но их лица были враждебны: удача изменила мне.

— Ну, — потребовал матрос с другой стороны от меня. Это был уголовник из какого-то южного города, метис без ушей. — Так сделай же это, могущественный волшебник.

— Туман — явление природы и скоро пройдет сам, не надо его бояться.

Метис осклабилсЯ, рисуясь перед своими товарищами, которые, как и все мы, без перерыва сгибались, ворочая тяжелыми веслами.

— По-моему, шрийский волшебник — тоже явление природы и скоро пройдет сам.

Я подумал: «Я мог бы рассеять туман и заткнуть этот шум. Легко, почему бы и нет? Но с этого все и начиналось: почему бы не пройти по воде, почему не пролететь по воздуху, почему бы не воскресить мертвого». И я снова подумал: «Ладно, я вытерплю и это. Бог свидетель, какая это малость».

Они еще некоторое время поспорили и позубоскалили на мой счет.

Я не обращал внимания. Так я изменился.

Пару часов спустя мы выгребли из тумана, держа курс на запад.

На семидесятый день они затосковали по земле. Пайки были урезаны — в основном из-за жадности Ланко и его помощника и недостаточной организованности на борту. Профессиональные воры, они крали и друг у друга. Однажды Ланко применил экстравагантное наказание: матроса, пойманного пьющим ворованный куис, опустили головой в кувшин с куисом и утопили в нем. А затем Ланко предлагал этот кувшин любому желающему выпить. Соб-

ственные запасы Ланко хранились отдельно и никогда не подвергались набегам.

У них была старая коричневая карта, пришпиленная к столу в каюте Ланко женской брошью. На этом обрывке бумаги была обозначена западная земля — неясные расплывчатые формы без заливов и бухт, скорее загадка, чем точная карта. Тем не менее, согласно этой карте, земля вскоре должна была появиться на горизонте. Однако море, сине-зеленое и холодное, было все так же однообразно и пустынно.

Команда корабля напоминала людей, просыпающихся после употребления опиума. Приключенческий дух испарился, и они выглядели, как очнувшиеся лунатики, обнаружившие себя во многих милях от дома. Что они здесь делают, в этой ледяной водной пустыне, пахнущей снегом и чистотой?

Мимо них, как паруса из ржавого стекла, на мили дальше к югу проплывали льдины. Закутавшись во все, что было под рукой, в шкуры и меха, захваченные на ограбленном торговом судне, моряки со страхом указывали на лед. Раньше они рассказывали о нем разные истории, но как-то не ожидали увидеть его наяву. По крайней мере, в историях он был теплее.

Внезапно извлекли на свет статую морского демона древних хессеков — Хессу. Ее установили на носу корабля. Очевидно, в Симе тоже были с ним знакомы. Он сидел верхом на своем льве-рыбе, держа в руке молнии. Медь позеленела, а покрытые эмалью крылья рыбы потеряли блеск. Статую обтерли и начали подносить всякие дары в виде вина и причудливых несъедобных штучек, вытащенных из глубины на палубу. Чаще упоминались туземные божества Симы.

На семьдесят четвертый день, когда я собирался воздать должное моей скудной трапезе, меня никто не пригласил, и даже не надо было спрашивать почему. Их ворчание, возня около меня ночью — однажды я проснулся оттого, что какой-то человек рылся в моих вещах и бросился прочь, когда заметил, что я зашевелился, — все это говорило само за себя. Я отправился туда, где помощник Ланко занимался раздачей пайка: серых сухарей и полосок вяленой солонины. Он мигнул мне, а затем с издевкой произнес:

— А для тебя ничего нет.

Я протянул руку, взял кувшин с вином, разбавленным водой, и отпил от него, затем выбрал заплесневелый сахар и съел. Он не пытался остановить меня, но когда я закончил есть — это не заняло много времени, — он вытащил нож и показал его мне:

— Видишь это, милый мальчик? Ланко говорит, что ты должен голодать, и я тоже так думаю. Если ты снова придешь сюда, я вырежу на тебе такие расчудесные узоры, что ты никогда не устанешь любоваться ими.

Разговор был бесполезным, я повернулся к нему спиной и пошел прочь. Ему это не понравилось, и он метнул в меня нож. Нож несомненно воткнулся бы мне под левую лопатку и попал бы в самое сердце. Он знал свое дело. Ничто не могло меня спасти. За долю секунды осознав, что нож сейчас вонзится в меня, я тут же почувствовал прилив поднимающейся и обтекающей меня энергии. Все это произошло так быстро, будто она лилась по своему собственному желанию. Нож зашипел и отскочил в сторону, словно ударившись о невидимый щит. Группа зевак охнула и отступила назад. Они ждали чего-то подобного и не были удивлены, а только пришли в уныние: им хотелось видеть убитым их несчастье.

Их несчастье не удосужилось даже взглянуть на них. Я вернулся назад, чтобы снова взяться за свое весло, ощутив при этом затихающее покалывание, когда щит возвращался в меня. Казалось, что Сила, которой я почти не пользовался, стала теперь мощнее, чем когда-либо.

Слух об этом происшествии распространился мгновенно.

Какой-то человек приплелся ко мне в помещение, где находились гребцы, умоляя сказать, доберемся ли мы до берега.

Я знал, что мы близко от земли, и не сомневался в этом. В течение двух дней или даже меньше она выступит из опаловой зелени океана.

На следующий день над нами пролетела стая белых чаек с черно-полосатыми грудками и красными глазами. Некоторые из них садились на мачты корабля, кричали и били крыльями, как чайки в моем видении били труп Лайо. Моряки приободрились и пили вино. Один принес мне, в знак примирения, свои обмороженные пальцы для лечения.

На семьдесят шестой день нашего плавания от остро-

вов и на девяносто шестой от Семзама они увидели то, к чему, верили, я приведу их.

5

Земля поднималась из ровного моря цвета платины. Разбитая корка тонкого льда сверкала на поверхности океана в лучах бледного солнца. Было очень холодно. Сама земля была как белоснежная пустыня, произвольно покрытая холмами. Не было ни одной бухточки, ни одного устья реки, которые позволили бы пристать к берегу. Ничего там не двигалось. Всюду возвышались отвесные скалы.

Мне стало ясно, что, кроме всего прочего, мы зашли далеко к югу. Навигационные инструменты Ланко были далеки от совершенства, и хитроумному навигатору, который мог протащить свой корабль сквозь игольное ушко, не хватало ума правильно проложить наш курс.

На юго-западной окраине этого континента зима приходит быстро и бесповоротно, и мы пришли как раз, чтобы встретиться с ней.

Люди собрались у поручней, изо ртов вырывались голубые клубы пара, кислые от страха. Ланко вышел из своей каюты, закутавшись в шкуру красного тинзенского медведя, помощник следовал за ним по пятам. Они направились прямо ко мне.

— Где золото, шриец? А?

Помощник, прищурившись, глянул на меня и сказал:

— Он не чувствует стужи, как нормальный человек. Его грязная магия согревает его.

Это было сказано к тому, что я вышел наверх только в камзоле и брюках, на мне не было подходящей к сезону одежды. Хотя, правда, оказалось, я действительно мог контролировать температуру своего тела произвольно, почти не думая об этом, так же как я отразил нож убийцы. Я воспринимал холод не больше, чем легкое неудобство. Помощник дотронулся до моей руки:

— Да он кипит как котел! — закричал он и отдернул руку.

— Идем, — сказал Ланко. — Он не причинит тебе вреда. Не так ли, мой дорогой? Он хорош на всякие фокусы, но у него кишка тонка подражаться. Знаю, что его знакомство с духами отразило твой нож. Я говорил, что у тебя ничего не получится.

Помощник попытался возразить, но Ланко так глянул на него, что он заткнулся.

Ланко положил руку мне на плечо:

— Ну, а теперь, я спрашиваю, где золото? Не на вершинах же тех снежных скал?

— Ты завел свой корабль слишком далеко на юг, — сказал я ему. Не то чтобы я вообразил, что его действительно можно урезонить этим. — Пусть «Чайка» пройдет на север, держа этот берег по левому борту. Семь или восемь дней работы веслами, даже если не будет попутного ветра, и вы увидите, что погода станет теплее.

— Ты можешь поклясться в этом?

— Я считаю, что так будет, да.

— А откуда ты это знаешь, мой прекрасный мальчик? Так же, как ты знал, что я должен разбогатеть здесь?

Помощник вмешался твердым, но испуганным голосом, пытаясь говорить угрожающе:

— А я скажу, Ланко, что он дьявол, заведший нас сюда, чтобы отомстить. Может, какой-нибудь масрийский волшебник положил на нас проклятие, а этот — его орудие, а, Ланко? — Он засмеялся, пытаясь теперь представить все как шутку, но вместо этого сам выглядел шутком. — Грязный пособник дьявола, влекущий нас в объятия нашей смерти.

Ланко произнес, обращаясь ко мне:

— Наши запасы истощились, волшебник. Не позаботишься ли при помощи магии о нас еще разок, загляни за эти восемь, или девять, или десять, или сто дней плавания вдоль побережья и посмотри, что будет с нами?

— Ланко, — тихо произнес я, — надо просто открыть твои собственные припасы, и можно кормить весь корабль.

Он заулыбался. Улыбались даже его маленькие сверлящие глазки. Он любил меня за то, что я позволял ему презирать меня.

— А ты, — сказал он, — ни разу не попросишь в будущем еды, пока мы не доберемся до земли. Согласен?

— Так как припасов очень мало, то я соглашаюсь.

— О, — сказал он и, поклонившись, взял мою руку и поцеловал ее. — А теперь убирайся вниз, кровавый шрийский ублюдок. Пошел к своему веслу.

Я не чувствовал вины за их судьбу. Они были, в лучшем случае, грабителями, а большинство из них хуже гра-

бителей, и кроме того, я никогда и не предполагал, что они погибнут здесь. Вопреки широко распространившемуся на борту мнению, я не был ни ангелом их смерти, ни их несчастьем. То, что я им сказал, я знал наверняка: к северу зима была менее суровой. Где-то была полузамерзшая в своем устье река, открывавшая путь в глубь суши. Скалы были, как крепостные стены, и нам оставалось только искать дверь.

Однако я все больше осознавал и то, что должно было случиться.

По окончании моей второй вахты я спал на нижней палубе, а в то время на моем месте, повинаясь приказу Ланко спешно покинуть эти холодные места, кто-то работал веслом.

Я проснулся, без страха обнаружив людей, связывающих меня толстыми веревками. Я лежал тихо и позволил им делать то, что они делали. Команде этого корабля я больше не был нужен. Я чувствовал, что мне предстоит испытание. Я был близок к какому-то знанию, которого должен достичь и которое ожидало моего одиночества. Я не боялся и не сердился.

Справившись с веревками, они зашептались. Открыв глаза, я позволил им обнаружить, что уже проснулся. Толкаясь, они отступили назад, ругаясь от страха. Но увидев, что я не сопротивляюсь, подумали, что крепко связали меня, и осмелели. Один пнул меня в бок, другой дернул мою голову вверх за бороду и отпустил так, что у меня из глаз посыпались алмазные искры. Я не стал защищаться Силой, а сказал: «Осторожнее», — и они, топча друг друга, бросились врассыпную.

Затем из люка кто-то крикнул, что идет помощник Ланко. Этот храбрец поднял меня, и вскоре я оказался на палубе под куполом блестящего черного неба.

Вокруг нас негромко шумело море. Поднимался ветер, и большие паруса с готовностью разворачивались навстречу ему. Перед богом Хессу курился фимиам. Я чувствовал его запах с избытком. Ланко нигде поблизости не было видно. Может быть, он спал без задних ног, глотнув вина, несмотря на все ограничения древних обычаев. Итак, я должен стать козлом отпущения. Море сердилось на меня, его раздражало мое присутствие. Оно, в знак своего неудовольствия, сбilo корабль с пути, испортило припасы, спрятало зелень и золото этой земли под тяжелыми

белыми доспехами. Поэтому они отдадут меня на съедение морю, утопят свое несчастье, и удача снова засияет на их небосводе. Даже из моих вещей они ничего не оставят себе, а все бросят вслед за мною: несчастье есть несчастье. Я не смешивал их призрачную веру с протестами, угрозами и ненужными чудесами...

Должен ли я освободиться от своих пут, как от истлевших веревок, должен ли я остановить свое падение, и стоя на море, аккуратно поймать свои вещи, пока мои ноги еще не коснутся воды?

На судно Чарпона я пришел пешком по океану. С галеры Ланко я уйду тем же путем. Смешно, но это так. В конце концов, я не мог плыть. Чтобы успокоить банду разбойников и привести мое возбужденное сознание в состояние покоя, мудрее было идти по воде, чем погрузиться в ледяную жидкость.

Снова, и не удивительно. Никакой гордости, никакой надменности — это ни к чему: я был рад, что мне дано мое искусство. Позади меня закричали. Сколько раз раздавались вслед эти крики, когда проходил волшебник?

В конце концов, это такая малость — быть повелителем людей, и все их повелители таковы, каковы они сами.

Я пошел к берегу.

Вот то место. Возможно, оно уже давно ждет меня. В момент безрассудства и бреда с видениями, что время от времени случалось со мной, я иногда допускал, что оно ждало меня. Для меня философия заменила человеческий ужас, потому что я должен был как-то использовать мой мозг, пока есть такая возможность. Порой я считал, что зимние ледяные просторы юго-западных земель были плодом моего воображения. Или какого-то более обширного и более удивительного воображения, которое думало континентами, мечтало мирами. Конечно, я был лучше снаряжен, чем другие, чтобы лицом к лицу встретить оцепенение ледяной равнины, которая за несколько дней — или меньше — уничтожила бы самого сильного духом человека. Мое тело оставалось таким же невосприимчивым к холоду, как и раньше: кожа была сухая, но не трескалась и не шелушилась; глаза оставались ясными, хотя веки припухли; примерно час после захода солнца, пока было еще светло, временная снежная слепота застилала мое зрение белой дымкой. Даже ледяные ожоги моментально

исчезали с моих рук. Мне было неудобно, но я не чувствовал ни боли, ни подавленности. Никогда прежде мое самосохранение не достигало такой степени. Так ребенок интуитивно учится произносить звуки, владеть своим телом, узнавать символы. Так я, без всякого усилия со стороны моего сознания, учился этим способностям и спонтанно формировал их.

Я решил идти пешком на север, ориентируясь по солнцу и местности. Говоря «идти пешком», я именно это и имел в виду. Я не подпрыгнул в воздух. Левитировать, или летать, как определил бы Тувек в дни своего пребывания в племени, — это, в конце концов, утомительно, по сравнению с естественными средствами передвижения, известными как ноги. Мне даже удалось подняться по прибрежным отвесным скалам без применения магии.

Все это было просто. У меня была цель, было здоровье и тело, которое само себя защищало. Я не сомневался. Мне все было безразлично.

У меня не было пищи.

На всем протяжении моей жизни я мог обходиться малым. Иногда, смотря по обстоятельствам, мне действительно надо было очень мало. Я мог проводить много дней без пищи. Теперь как раз был такой случай. Хочу сказать, что это не уменьшило мою Силу, действительно, я почти не обращал внимание на неудобства. Я был убежден, что вскоре мне встретится знак, обитаемое это место или необитаемое. Итак, я питался снегом, используя его вместо воды.

Прошло шесть дней, потом двадцать. Моей последней едой был кусок сухаря, который я съел на корабле. Как ни странно, но я не чувствовал голода с тех пор: еще раньше я постепенно был приучен к маленьким порциям еды. Внезапно на двадцатый день голод вернулся ко мне, как понурый изголодавшийся пес. Ноша на плечах налилась свинцом, живот прилип к позвоночнику, и черный свет застилал мне глаза. Как дикарь из какого-то доисторического кошмара, я опустился на четвереньки, набивал рот снегом и с жадностью глотал его, ножом отскребая новые куски от замерзшей земли. Но этот импровизированный обед не пошел мне на пользу. Вскоре меня стошнило, и я лежал лицом вниз в разрытом снегу, пока тусклый свет, исходящий из облаков, не сказал мне, что солнце собирается устроиться на ночлег. Я собрал остатки сил, чтобы сделать то же самое.

Некоторое время путь шел в гору, и трудно было понять, что там впереди, потому что мешал слабый снегопад. Один или два раза впереди маячило что-то похожее на горы, может, это были далекие клубы тумана. Однажды мне встретился мрачный лес: ветви сломались под тяжестью снега, и он превратился в лес унылых столбов. Солнце бежало над ним и равномерно пронзало его лучами, как копьями. Когда стемнело, я нашел себе убежище в пещере, в основном, чтобы избежать встречи с дикими зверями, встречи, на которую я так надеялся днем. Я даже развел костер (чтобы отпугнуть животных, иначе он мне тогда был абсолютно не нужен), воспользовавшись масрийской трутницей, но не Силой, и кусочками сухого мха, который я нашел в трещинах скал.

Гонимый голодом, я потащился вверх по склону, перевалил через вершину и спустился в узкую долину. Погода была ясной как никогда. В надвигающейся темноте мне удалось разглядеть местность. Оказалось, что уже какое-то время я поднимаюсь в горы, а я и не знал об этом.

Горная долина была окружена высокими пиками. Казалось, одна группа их курилась, словно среди них был разложен сырой костер. Солнце зашло, долины и горы погрузились в серебристые сумерки.

Я нашел пещеру. У входа в нее от самой седловины вверх до зеленоватого зеркала водоема внизу — вознесся стройный столб бугристого ледяного стекла. Временами с его солнечной стороны лед трескался и около двух часов в день вода стекала вниз на замерзший водоем.

Пещера была мелкой и темной. У стены валялась белая кость. Эта кость для меня была очень важным знаком: раньше пещерой пользовались, она была связующим звеном между человеком и зверем.

Я редко оставался один так долго. Таким одиноким душой и разумом, да, но кто же не оставался? Рядом никого не было. Ни толпы, ни свидетелей, ни женщины, на которую можно было бы лечь, ни мужчины, чтобы подражаться, ни врагов, чтобы перехитрить. Здесь была только тишина. Звуки и формы, которые я видел, были производными от этого ландшафта. Не летали птицы, не выли волки. Когда по горам проползала тень, легкая, как взмах крыла, — это проплывало облако.

Первая ночь. Я наскреб мха и сухих корней, чтобы развести в пещере костер. Отколов кусок от неподвижного во-

допада, я стал сосать эту безвкусную сосульку. Каким-то странным неопределенным образом я почувствовал холод, а мои руки тряслись от голода. Я погрузился в сон, и мне снилось, как в рассказах голодающих людей, жареное мясо, горы хлеба и причудливая стряпня городов. В этих снах я жадно ел, набивая свое брюхо, и никак не мог насытиться. Перед рассветом я со стоном проснулся, дрожа. Голод усилился. Это напоминало мне чуму, и вскоре, когда силы опять покинули меня, я снова погрузился в сон.

Проснулся я около полудня, слишком слабый, чтобы двигаться, за исключением тех случаев, когда мне надо было отползти в угол, чтобы облегчиться. Мой живот был пуст, но, как если бы я ел гнилые фрукты, меня несколько раз пронесло, в животе все бурлило, хотя изнутри я уже был, как выскобленная тыква.

День перешел в ночь.

Я лежал на спине, мой шрийский плащ, сложенный, служил мне изголовьем. Я задумчиво смотрел наружу, минув взглядом почерневший пепел моего костра, на огромные алмазы звезд: некоторые из них были голубоватые, а другие — зеленоватые и розовые. Моя голова была ясна. Я даже не боялся. Я знал, что не умру, хотя меня начинало интересовать, что со мной станет. Может быть, при помощи Силы я смогу притащить себе пищу — выманить какое-нибудь животное из его зимнего логова или привести человека мне на помощь. Однако, попытавшись сконцентрироваться, я осознал, что внутри меня только пустота непригодного для использования мира. Ни шороха жизни. Теперь линия берега тянулась на восток. Передо мной, на севере, был другой выход к морю, но как далеко, сотни миль, дни пути... Мой разум помрачался, когда я думал об этом, и по телу растекалась слабость. Моя... Сила была совсем маленькой и еле теплилась, как искорка пламени. Замерзшие руки одеревенели и побелели. Если так будет продолжаться и дальше, то пальцы отвалятся, но вырастут ли новые? Некоторое время назад я предчувствовал испытание, оно даст мне знание, которого я должен достичь. Было ли все происходящее вот этим испытанием, этим знанием: голодание, ослабление моего физического состояния до рвоты, до положения беспомощного полуобмороженного младенца, лежащего на земле в пещере?

Со временем боль прошла. У меня совсем не осталось сил, их хватило только на то, чтобы доползти до входа в

пещеру и взглянуть на белую долину, на давящую блеклость гор, дымящихся как котел. Возможно, это были вулканы. Я держал в руках найденную кость. Меня уже не интересовало ни мнимое будущее, ни трудности настоящего. Я *думал*. Я постигал непостижимые символы бесконечности, невидимые символы надира.

Ощупывая кость и размышляя над ней, я пришел к пониманию ее истории, ничтожной и призрачной. От этих раздумий я пустился в другие, где сталкивались земля и небо, прекращение существования и вечность, люди и боги. Я обрел покой — покой, которого не знал прежде и который покинет меня в будущем, потому что я не верил, что можно долго пребывать в безмятежности, этом чуждом людской душе состоянии, и в то же время обитать в человеческом мире. Мне казалось, что я проник в глубочайшие тайны моего «я» и всего сущего, возможно, так оно и было на самом деле. Это была цена, которую я платил жизни и живому, потому что когда я снова оживу, я должен буду забыть их. В мифах многих народов пророк идет в пустыню, в безбрежные просторы песка и снега, или поднимается на бесплодную черную гору. И когда он возвращается к людям, его глаза горят вдохновенным огнем, а лицо становится совершенно другим. Он рассказывает людям, что видел Бога. Мне хочется думать, что Бога, если он вообще есть где-нибудь, надо искать только в людях. Самородок золота ищут среди грязи. Мне также хочется думать, что пустыня, на мгновение или на вечность, очистится от грязи. Возможно тогда, вернувшийся пророк скажет бы не я *видел Бога*, но я *видел себя*.

Прошло около пятидесяти дней вместе с тем временем, что я провел в пещере, но я не уверен в том, как никогда не буду уверен до конца в тех тайнах, что я познал там.

Конец ритуала был очень простым.

Казалось, я очнулся от приятного сна без сновидений. Поднималось солнце, и столб водопада стал оттаивать с восточной стороны. Яркие капли понеслись вниз к водоему. Я не чувствовал ни голода, ни жажды, ни темноты, ни слабости. Действительно, я ощущал себя нормальным, сильным и энергичным. Мой ум был ясен, а тело готово для дальнейших действий, которых я потребую от него. Вот это-то и была явная нелепость, и я знал, что это — явная нелепость: мечтательное состояние прошло, я снова

был простым человеком и рассуждал, как человек. Однако попытаться стоило. Я встал, потянулся, и мои полнокровные артерии с пением отозвались во мне. Мне было холодно, но я чувствовал, как каждая частичка моего тела мучилась от неподвижного лежания больным здесь, на обледенелой земле. Минуту спустя я выбежал из пещеры и бегом пересек долину туда и обратно.

Я никогда не был в более хорошей форме. По-моему, я прыгал в снегу как клоун. Я вспомнил Сгинувшую Расу.

Сгинувшая Раса не ела. Я очень легко вспомнил невероятные рассказы Демиздор, вспомнил о Сарвре Лфорт с фруктами из драгоценных камней, о несуществующих отхожих местах... Да, они не ели, не избавлялись от побочных продуктов переваривания пищи — двух жестокостей природы, без которых не может обойтись человек. Вспомнил свой стыд, потому что не был свободен от таких неотъемлемых свойств организма. А теперь? Теперь я был одним из них. Заговорила кровь. Кровь моей матери, ибо она, как белый призрак, была явным потомком того Потерянного народа с белыми волосами и белыми металлическими глазами.

Я медленно вернулся к пещере, опустил на пол и развязал свою котомку. Достав серебряную маску, которую подонки Ланко в ужасе швырнули мне, я долго пристально смотрел в ее пустые глазницы.

Возможно, все началось с нее, вся моя Сила, с ее расы, с их наследственности во мне. Может, во мне вообще ничего не было от отца, кроме физического сходства, нескольких воспоминаний о нем, оставшихся в клетках моего мозга, — короткие вспышки его честолюбия, которое как раз предшествовало моему появлению. Не считая этого, мои способности, по-видимому, перешли ко мне от нее. Даже в тот раз, на скале крепости у Эшкорека, когда я думал, что это его тень и его желание ведут меня, когда я вдруг заговорил на чужом языке, как если бы он был мне родным, даже тогда, вероятно, это было просто проявлением Силы, перешедшим как наследство от нее, Силы, взорвавшейся во мне, потому что это был благоприятный момент и потому что я нуждался в ней.

Казалось, что память о моем отце Вазкоре покинула меня.

Три дня спустя, глубоко вдыхая холодный воздух и не нуждаясь больше ни в какой другой субстанции, чтобы пи-

тать себя, я отправился на север через хребты курящихся гор. Через пять дней, спускаясь с перевала, я заметил, что климат смягчился.

Я подошел к замерзшей реке, на середине которой зияла полынья, достаточно узкая, чтобы сильный человек мог ее перепрыгнуть.

Пройдя от этой реки еще семь дней, я подошел к сосняку, а затем встретил рощу черных дубов, обвитых зеленым плющом. С высокой террасы я увидел, как внизу на северо-западе море вдавалось петлей в сушу. Я направился туда и незадолго до вечера обнаружил на берегу небольшую деревеньку.

Синие тюлени резвились в полумиле от берега в лучах заходящего солнца. Люди — на расстоянии они выглядели обыкновенными людьми — около большого костра чинили сети. Я уловил запах жареной рыбы, который больше не волновал меня. В окнах домов светились желтые лампы.

Мне незачем было идти туда, и я, оставив в стороне это поселение, продолжил свой путь к месту, где, по моему мнению, находилось жилище Уастис. Я хотел получить ответы на свои вопросы и еще, возможно, желал ее смерти. Однако, любовь к живому — это любопытная вещь, и в определенные моменты она, как винные пары, ударяет в сердце и голову.

Вглядываясь в деревеньку на берегу, резвящихся тюленей, западное догорание низкого солнца, я понял, что для того чтобы быть благодарным за свое рождение, мне нужно только одно — существовать.

Часть II: Белая гора

1

Я двигался на север параллельно морю, оставляя его справа от себя. Зима стала мягче, и местность изменилась. Вдалеке я увидел город с крепостными стенами и башнями. Над моей головой пролетали птицы. Я видел лапбища и виноградники. Сейчас все дремало под снегом в ожидании весны, которая раскрасит землю в другие цве-

та. Раза два я обнаруживал, что нахожусь на дороге: мимо проходили люди. Лохматые лошадки влекли кибитки с крышами из натянутых крашенных шкур. Какой-то парень в открытой колеснице бешено пронесся, будто спасаясь от некоей фурии, обругав меня за то, что я якобы оказался у него на пути. Колесница с большими колесами казалась довольно неуклюжей, она была обита бронзовыми бляшками. Возница — молодой мужчина с подрезанной на затылке светло-рыжей шевелюрой, — по-моему, выглядел как представитель племени моуи, но одетый как горожанин Эшкорека, хотя фасон платья в чем-то и отличался: обширный плащ из алой шерсти закреплялся на шее и спускался складками. На правом плече плащ завернулся, и был виден серый мех подкладки. Примерно через день после этой встречи мимо меня проехала в паланкине, задрапированном шкурами белого медведя, какая-то женщина. Сама она была закутана в другие белые меха. Ее волосы также были светлые, но все-таки темнее, чем у моййца. Она приказала своим носильщикам и трем конникам, сопровождавшим ее, остановиться. Один из всадников догнал меня, чтобы вернуть назад, к ней. Она хотела знать, кто я, куда следую и можно ли мне оказать какую-нибудь услугу. По-видимому, куда бы я ни шел, мне придется встречать женщин, подобных этой.

Я сказал, что я чужестранец. Она ответила, что заметила это. Язык, на котором мы говорили, каким-то странным образом напоминал мне городской диалект Эшкорека, хотя довольно существенно отличался. Она рассказала мне, что она — дочь знатного господина, хозяина зсмель, начинающих за следующим холмом. Примерно в миле отсюда дорога сворачивала к его дворцу с розовыми башенками. Она пригласила меня, прервав мое путешествие, погостить у них. Когда я вежливо отказал ей, она рассмеялась. Так как я не назвал свое имя, она стала игриво звать меня Зерван, что на этом языке означало что-то типа «темноволосый незнакомец». Из этого я сделал вывод, что темные волосы здесь были необычным явлением.

В конце концов она коснулась пальчиками в белой перчатке моей руки и сказала:

— Позволь мне самой отгадать. Ты идешь из-за реки в Каиниум увидеть богиню. А! — с триумфом добавила она. — Он бледнеет! Значит, я права.

Не знаю, побледнел я или нет, вероятно, побледнел. Я,

кажется, внезапно нашел то, что так долго искал, и это потрясло меня.

— Каиниум, — произнес я. — А какая там богиня?

Она улыбнулась, напуская на себя какой-то странный, доверительный вид.

— Я точно не знаю, мой дорогой Зерван. Ее зовут Карказ.

Мое сердце сильно забилося в груди. Я сказал:

— Возможно, это та, что я ищу.

— Тогда иди, стремись к своей богине. Тебе надо преодолеть еще около двухсот миль, а затем — перебраться через реку. Но лучше оставайся со мной.

Я сказал ей, что всегда буду помнить ее доброту и то, как любезно она указала мне путь. Она поцеловала меня, и мы распрощались.

Двести миль, река, название Каиниум. Я предвидел несколько дальше этого: морской простор, и из этого моря поднимается белая алебастровая гора, как раз напротив города — россыпи домов на берегу.

Той ночью мне снился сон. Я спал в руинах сторожевой башни, а рядом сине-стальное море плескалось о берег среди плавающих льдин. Мертвую Малмиранет несли к ее гробнице, и ветер ворвался вовнутрь, чтобы разбудить меня во мне. Демиздор раскачивалась на шелковой веревке: ее шея была сломана, как шея птицы. Тафра с уже невидящими глазами умирала у меня на руках... Все это вернулось ко мне.

Затем, перед рассветом: полдень на холодном склоне, внизу — белый снег, сверху — белое небо, сзади — городская стена с пятнами копоти на ней. Между по-зимнему стройными деревьями, похожими на карандаши, едут верхом женщина и двое мужчин. Их черные одежды и стрелы на металлических масках яркими пятнами выделяются на окружающей их белизне. На мужчинах серебряные маски, изображающие птицу Феникс, но отличающиеся от тех, что я видел в Эшкореке. Лицо женщины закрыто изображением кошки, сделанным из теплого желтого золота с зелеными драгоценными камнями около глаз. В заостренных ушах маски покачиваются изумрудные серьги. В белокурые волосы женщины вплетены золотые нити.

Всадники въезжают в деревеньку из жалких лачуг. Это жилища Темных людей, многочисленного порабощенного народа Длинного Глаза. Я видел серо-оливковые грубые

лица, сальные иссиня-черные волосы. Подошла какая-то старуха. Женщина слезла с лошади и вошла со старухой в лачугу.

Это было то, что я мог разглядеть во сне издалека. Теперь что-то потащило меня ближе, в двери. Как сквозь дымку я увидел женские «прелести»: кровь, боль, отвращение. Старуха, похожая на черную жабу, склонилась над своей работой. От того, что она делала, меня выворачивало, но я не мог отвести взгляд.

Богиня Уастис застонала только однажды. Она храбро терпела, пытаясь освободиться от меня в хижине знахарки.

День сменился ночью, ночь — предрассветными сумерками.

Белокурая женщина шевельнулась. Она прошептала: «Все?» Ее голос был очень молодым (трудно представить — тогда она была девушкой), очень молодым, но усталым, изможденным болью.

Черная жаба раболепно согнулась и произнесла:

— Нет.

Уастис спросила:

— И что теперь?

Она уговаривала себя потерпеть, как это делает мужчина, когда ему сообщают, что зонд должен пройти еще глубже, чтобы освободить наконечник копья из его тела.

Старуха-жаба сказала:

— Ничего теперь. Будет ребенок. Его нельзя отделить от тебя.

Уастис вздохнула, и только.

Однако ее отчаянное неприятие, исходящее из ее мозга, раздирало мое сердце, сжигало его. Это отрицание сушило меня. Она вырезала бы свою матку ножом, если бы таким образом могла избавиться от меня.

Я проснулся в поту. На моих щеках чувствовалось что-то соленое, но не пот и не брызги моря. Это были слезы. Однажды научившись, люди быстро привыкают плакать. Я подумал: «Ну, я давно все это знал, — что она меня ненавидит. Хотя я и не знал, что она решилась выковырять меня с помощью костяных инструментов, я мог бы доказать это. Но я живу, я живу, а она — рядом и будет отвечать».

Я впал в состояние подавленности, как будто меня окутали черным плащом.

Я поднялся и отправился на двухсотмильную прогулку к реке и Каиниуму.

В этих местах погода была ближе к весенней: все еще зима, но более мягкая.

Я прошел через несколько городков, в них было что-то от северо-восточного стиля, который запечатлелся в обрывках воспоминаний о моей боевой юности. Белые сводчатые галереи, высокие башни, которые не казались теперь мне такими уж высокими, яркие крыши из разноцветной черепицы. В западных землях и внутренних областях континента существовала некая форма правительства — какой-то принц или кто-нибудь еще в этом роде, сидящий весь день на заднице и приказывающий то и это. Здесь, вдоль побережья, была провинция, раскинувшаяся далеко и довольно дикая. Эти перлы информации я подбирал из сплетен, когда проходил через поселения. Но меня интересовали новости другого рода.

Я много слышал о ней — о богине Карраказ. Чем ближе я подходил к устью реки, тем больше слухов долетало до меня. Каиниум — грязная беспорядочная земля. Законы там соблюдаются меньше, чем на провинциальном побережье. Он стоит там, где все и вся околдованы. Если кто-нибудь и возвращается оттуда, то с козлиными ушами или превращенным в тепловодного тюленя. Причиной всему обиталище богини — белая гора, поднимавшаяся из океана. Временами по воде пролежала дорога, по которой можно было дойти до горы с берега, а временами море покрывало эту дорогу и смывало несчастных путников в пучину. Если человек был болен, он мог рискнуть отправиться в это путешествие. Считалось, что люди с тяжелыми заболеваниями на последней стадии возвращались совершенно здоровыми, вероятно, если до этого у них не выросли козлиные уши или они не превращались в тюленей.

В округе на десять миль от устья реки города уступали свои позиции деревням. Здесь говорили на другом диалекте, и Каиниум тоже назывался по-другому — это слово значило «Потерянные дети». Люди не вникали в смысл этого названия. Старые рыбаки так объяснили мне его происхождение: чтобы умиротворить богиню, обитающую на море, в жертву были принесены младенцы. А я подумал про себя: «Только один, и он здесь».

Выше к устью земля шла на подъем. Древняя дорога,

когда-то мощеная, разбитая и заросшая травой, а теперь вся заваленная снегом, привела меня к месту, где река впадала в море. Заснеженные леса спускались к реке, которая красновато блестела в лучах заходящего солнца. В ширину устье было около трех миль. Только одна единственная маленькая деревушка примостилась внизу, под защитой леса.

Я не собирался идти в эту деревню. Мне незачем было идти туда: ни пища, ни какое-то особое убежище на ночь были не нужны мне, я привык обходиться без этого, к чему меня как раз и приучили в дни моей жизни в племени. Но проходивший мимо человек, гнавший шесть курчавых пегих коз, посчитал, что я направляюсь в деревню, и речисто пригласил меня пойти туда вместе с ним. Выяснилось, что в деревне было что-то вроде импровизированного постоянного двора и его владелец был братом пастуха коз.

2

Этот постоянный двор был бедным заведением, рассчитанным на любителей выпить и редкие случайные корабли, направлявшиеся к городам вверх по реке. Стены были раскрашены в красно-коричневую клетку. С балок свисали бобы и лук-шалот, над очагом коптилась рыба, а под ногами путались собаки.

У меня не было денег, и в конце концов мы сошлись на обмене моего шрийского плаща, грязного, но все еще годного для носки, на хлеб и пиво, которое мне не понадобилось, а следовательно, я и не притронулся к ним, и шаткую кровать наверху.

В таком местечке незнакомое лицо всегда является источником шума. Для этого народа с соломенными шевелюрами особый интерес представлял цвет моих волос. Темноволосые люди приходили из внутренних областей континента. Мне сказали, что у их принца волосы были, как мои, цвета воронова крыла. Им я сказал, что родом из некоего города, где прослышал о дальнем юге. Они ничего не знали о дальнем юге. Мое новое имя, приспособленное к местным условиям, даже в этом диалекте осталось неизменным. Это было имя, которое подарила мне дама в паланкине. Зерван — Темноволосый незнакомец. Мысль, что я вступаю во владение колдуньи, облаченным в имя моего отца, начинала нервировать меня. У меня не было

права красть это имя после всего того, что она украла у отца, а может быть, у меня вообще не было права ни на что, принадлежавшее ему. Я пойду к ней как незнакомец.

Жители деревни были люди приветливые, не тупые, какими часто кажутся чужестранцы, но сообразительные и любопытные. Они поняли, что я собираюсь за реку, но ничего не сказали насчет этого, за исключением одного человека, предложившего отвезти меня в своей рыбацкой лодке до мелководья, но не дальше. Смогу ли я перейти остаток реки вброд? Я поблагодарил его, сказал, что смогу, и поинтересовался, чего он так боялся.

— Что ты не боишься, ясно, — сказал он, — иначе не пошел бы туда.

— Дикая земля, — сказал я. — Город потерянных детей. Остров на море с волшебной дорогой туда. Колдунья — богиня.

— Потерянные дети, — сказал он. — Да.

Тишина нависла над нами. Девушка-служанка, которая весь вечер пододвигала ко мне мою нетрогнутую еду, а затем я отодвигал ее, произнесла:

— Один ребенок был отсюда. Мне было три года. У сестры моей матери родился мальчик. Он был белокурый. Сестра моей матери сказала: «Госпожа отметила его». Она положила младенца в плетеную колыбельку, пошла через реку, пришла в Каиниум и оставила его там. У тети было десять детей, и восемь из них были мальчиками, так что не велика потеря.

— Ты хочешь сказать, — произнес я, — что богиня претендует на белокурых детей как на своих собственных?

— Эта девушка не знает, что болтает, — сказал человек с лодкой.

— Это никому не вредит, — сказала девушка. — Кто будет слушать меня?

Входная дверь позади нее открылась, впуская порыв злого ночного ветра. Тот, кто пришел из ночи, заста вил меня похолодеть.

Он был примерно моего роста, тоже сложенный как воин, хотя слишком изысканный, как любая серебряная статуя в Бар-Айбитни. Он вышел на место, освещенное масляными лампами.

Его юное лицо, надменное, но привлекательное, было чисто выбрито, белоснежная кожа, белокурые волосы до плеч. Его сверкающие одежды были сшиты из редкостно-

го белого шелка. Но больше всего привлекали внимание его глаза, которые сверкали на лице, как два отполированных алмаза.

Служанка закричала, напуганная таким внезапным появлением, совпавшим с ее словами.

Повернувшись как пантера, он тихо сказал ей:

— Не бойся. Я не причиню никому из вас вреда.

Затем он посмотрел прямо на меня.

Что-то задвигалось в глубине его сверхъестественных глаз. Это было подобно тому, как смотреть на белый огонь. От его взгляда нельзя было спрятаться. Колдовские глаза.

Он в совершенстве, как местный, говорил на диалекте этой деревни, чего я не ожидал от него. Теперь он резко обрattился ко мне на диалекте не менее совершенном:

— Sla, et di.

Это был язык городов, на котором я говорил в Эшкореке, но какой-то более древний, в своей первоначальной форме. Он грубо сказал: «Как я установил, ты здесь».

Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять его, ибо я, как и все остальные в комнате, был ошеломлен его появлением, неприятно совпавшим с рассказом девушки.

— Et so, — произнес, наконец, я («Я здесь»).

Деревенские жители, уловив, что от него прямо пахло опасностью, быстро пришли в себя и сориентировались в обстановке. Рыбак с лодкой, сидевший рядом, кивнул мне и вышел. За соседними столиками стали играть в кости и возобновили разговор. Только служанка убежала к своим горшкам и сковородкам, чтобы спрятаться.

Белый человек подошел и сел лицом ко мне. Он был хорошо одет: рубашка из ткани, похожей на бархат. Вся его одежда была белой.

— Ну, — сказал он на знакомом и в то же время незнакомом языке, — ты хорошо владеешь языками, но ты не съел ужин, который эти достойные люди оставили тебе. — Я ничего не сказал, глядя на него. — Давай, — произнес он. — Говорят, это хорошее пиво.

— Если оно такое хорошее, — сказал я, — пей его. Я решаю.

Его лицо, почти слишком красивое, могло бы сойти за женское, но в нем было чересчур много металла. На его белоснежной коже не было ни шрамов, ни пятен, ни каких-либо других недостатков.

— Я не нуждаюсь в пиве и хлебе, — сказал он, обращаясь ко мне. — Я питаюсь пищей богов. Воздухом.

Что-то блеснуло у него над переносицей. Маленький зеленый треугольник, какой-то драгоценный камень невероятным путем инкрустированный под самый верхний слой кожи. Естественно, эта причудливая операция не оставила никаких следов на его быстро заживающем теле.

— Она родила тебя? — медленно спросил я.

Если бы я позволил, мои руки задрожали бы при мысли, что передо мной единокровный брат, один сын, которого она оставила для себя.

— Она? — коротко спросил он. — Кто это она?

— Карраказ.

— Нет, — сказал он. — Она моя Джавховтрикс. Я просто капитан ее гвардии. Меня зовут Мазлек в честь того, кто когда-то охранял ее, пока его жизнь не угасла. Так должен делать и я.

— Но ты не можешь умереть, — сказал я. — Или можешь, Мазлек, капитан гвардии этой суки?

Его глаза распались, распались добела. Затем он улыбнулся. Он был испорченным отродьем, но сильным испорченным отродьем, отродьем с Силой.

— Не оскорбляй ее. Если тебя расстраивает мысль, что я бессмертен, то могу заверить, что это не так. Не совсем так. Не так, как она. Она возвращает прекрасные стада, но в нас нет ее крови. Только в одном человеке она есть.

— Значит, она послала тебя, — сказал я. — Она предвидела мое появление с помощью колдовства и спустила своего пса.

— Чего ты хочешь? — произнес он. — Подражаться со мной?

Он был моложе меня, возможно, на три или четыре года моложе. Когда я был в том возрасте, в котором он учился творить чудеса, я всю мотался в битвах, охотясь и ревя среди палаток. А этот Мазлек выбился в начальство.

— Я не хочу драться с тобой, — сказал я. — А думаю пойти наверх и поспать. Что ты тогда будешь делать?

Он сказал:

— Иди наверх и ложись спать, а потом посмотрим.

Мне было интересно, нападет ли он на меня, когда я повернусь к нему спиной.

Но он намеревался играть в эту игру по моим правилам. Что же касается людей, бывших в помещении, то они

старательно проигнорировали наш иностранный разговор и наше расставание.

Я прошел наверх в темную маленькую комнатку, дверью которой служила кожаная занавеска. На широком подоконнике стояла масляная лампа, освещавшая деревянный топчан с ворохом тряпья на нем (это была кровать) и ночной горшок в углу. Этот ночной горшок позабавил меня. Я поставил его там же, где он стоял, до того как я споткнулся о него при входе. Затем я лег и доверился своим чувствам, которые так волшебным образом действовали на меня, что я погрузился в сон.

Мне следовало предвидеть это. Подкравшись ко мне, как большая белая кошка, он занес нож над моим сердцем. Но до того как я проснулся, прорываясь сквозь океан тьмы и огня, Сила во мне среагировала быстрее моего тела. Я едва осознал это, а Сила, вырвавшаяся из меня, отбросила нож вверх так, что он воткнулся в потолочную балку, а моего противника ударила так, что он отлетел к стене.

Я слез с кровати, подошел и встал над ним. Рискую повторить случай с Лели, я произнес:

— Если ты владеешь Силой, то почему пользуешься ножом?

— Я подумал, что если я воспользуюсь Силой, то это разбудит тебя, — сказал он.

Это не было правдой. Я понял, что он не был настолько магом, как хотел внушить мне.

Сжавшись, он взглянул мне в лицо и довольно спокойно произнес:

— Нет, я не ровня тебе. Убей меня, если хочешь. Я подвел ее.

— Значит, она послала тебя казнить меня?

— Нет. Она не знает, что я пришел сюда. Она разгневется. Ее гнев будет ужасен, но ты не можешь бояться того, что любишь, не так ли, Зерван?

Должно быть, он узнал мое имя внизу. И хотя он не спрашивал, но, конечно, уж непременно заметил, что это была скорее маска, чем имя.

— Ты любишь ее.

— Не в том смысле, как ты подумал, — сказал он. Он дружелюбно рассмеялся, — не в том смысле.

Я вспомнил Пейюана, черного вождя, который был с ней у того, другого моря. Он сказал, что не желал ее, а

только любил. «Это выглядит так, будто она привязывает их, — подумал я, — не посредством фаллоса, — это можно забыть, — но душой и разумом».

— Ты догадался, — произнес я, — что я пришел сюда, чтобы видеть ее.

— Да. И она догадалась тоже.

— Сколько еще бесплодных покушений на мою жизнь ты собираешься предпринять?

Он пожал плечами. Теперь я вспомнил о Сореме. Он обладал Силой, но не в достаточной мере, можно было легко забыть, что он был волшебником. Однако, если бы мне потребовалось доказательство, что Сила может быть отпущена любому человеку, а не только богам, то он был бы этим доказательством. Об этом знала и она, моя мать. Как сказал ее Мазлек, она воспитывала прекрасные стада. Когда он повернулся, свет заиграл на нем. Вся эта белизна выглядела нереальной.

— Я поклянусь тебе в верности, — сказал он. — Согласен, мой господин Зерван?

— Очень хорошо, — сказал я, — но тебе лучше вернуться к своей Джавховтрикс. Расскажи ей, как я близок.

— Она знает об этом. Думаю, мне надо отвести тебя к ней.

— Ты дурак, — сказал я, — если полагаешь, что сможешь справиться со мной.

Он подошел к двери и поклонился мне.

— Завтра, — сказал он, — на восходе солнца, внизу на берегу. Приятных сновидений, Зерван.

Задолго до того как поднялась деревня, или, возможно, пока она намеренно дремала, я встретился с ним на берегу устья реки. На востоке над морем бледно-лиловое сияние обещало рассвет. Все еще было окутано прозрачной дымкой, даже снег, даже белокурые волосы идущего навстречу мне человека. Будто вспомнив, что ему всего семнадцать лет, он вприпрыжку неся по плоским камням, так что они отскакивали в воду. Завидев меня, торжественный и напыщенный, Мазлек показал на рыбацьи лодки и широкую реку:

— Нам ведь нужна лодка, правда, Зерван?

— Я бы предпочел путешествовать в лодке. А где судно, на котором ты приплыл?

— Я? — он вскинул брови.

Теперь он напоминал мне Орека и Зренна. Было ли это его даром — вызывать образы из прошлого? Он говорил, что она даже назвала его в честь какого-то телохранителя, который умер за нее.

Но вот, покончив с пререканиями, он пошел вниз по берегу на лед, затем вступил на воду реки. Он был беззаботен, этот ублюдок, прогуливаясь туда-сюда, будь он проклят.

Вскоре он повернулся и посмотрел мне в лицо. Его ноги балансировали на легкой зыби реки.

— Вот так я пересек ее прошлой ночью, — с упреком сказал он. — Не пытайся притворяться, что не можешь сделать того же.

— Она хорошо тебя обучила, — сказал я.

— Как только нас отнимали от груди, мы шли к ней, — отозвался он. — К Пугающей незнакомке, Ужасу Каиниума, — он прыжком повернулся назад, проворный, как змея, и пустился бежать по воде прочь от меня.

Я озирался вокруг, как дурак, ища моего вчерашнего друга, предлагавшего мне лодку, но, конечно, его не было видно. Прошлым вечером постоянный двор был очень оживленным, а позже ночью, когда я, прислушиваясь, лежал без сна, очень тихим.

Он увеличивал расстояние между нами. У меня не было выбора, приходилось украсть лодку. Но вдруг я почувствовал, снова во мне открылся некий резерв.

Я тоже ступил на воду и пошел за ним.

Я успел пройти около полумили, когда Мазлек оглянулся и заметил меня. Затем он остановился еще раз, балансируя на воде, и я увидел, что он смеется или что-то вроде того: гримаска боли. Семнадцать, а уже волшебник. Я полагаю, что у него была причина радоваться.

На его месте должен бы быть я, идущий за ним по гиацинтовой воде, — способный смеяться, остающийся мальчиком на время всего своего детства, чтобы стать мужчиной, не проходя всех крутов ада. Это должен бы быть я.

Через пару миль он начал размахивать руками. Думаю, что ему часть пути сначала надо было проплыть на лодке: ему не хватало физической силы, полной Силы, чтобы удержаться на поверхности. На его утонченном бледном лбу выступил пот. Его обутые ноги начали хлюпать по воде. Далекий берег, неясный в морозном утреннем тумане,

приближался, но был еще недостаточно близок. Я догнал его. Он споткнулся и ухватился за мое плечо:

— О Зерван. У меня не получается, ты не позволишь мне утонуть? На белой горе есть девушка, она из людей моей Джавхотрикс. Она будет плакать, если я умру, поверь этому.

Я посмотрел на него. Его высокомерие и чрезвычайная гордость в основном были от его юности. Его смех тоже был от юности, и даже теперь он полусмеялся, стыдясь себя. Я понял, что он рисовался передо мной. Я не питал к нему ненависти — не было причины. Итак, она благоволила к нему. Это не было его виной, что она привязала его любовью. Даже мой отец был пленником ее любви.

Эта любовь была любопытным явлением. Я как-то никогда не представлял, что меж ними может быть любовь, по крайней мере, со стороны моего отца не было любви к колдунье, когда он женился как наследник престола своего королевства.

— Обопрись на мое плечо. Это поможет тебе остаться на поверхности.

— Я не знаю. — Дальше он пошел, уже не погружая ноги в воду. Через некоторое время он сказал: — Так часто случается при дневном переходе к Каиниуму.

Поднималось солнце, проливая белый свет на голубое устье и голубой свет на черную, покрытую туманом землю. Мы вышли на берег. За рекой лаяла какая-то собака, в морозном воздухе звуки разносились резко, как ружейные выстрелы. Это был целесообразный шум. Я подумал: «Я оставил позади целесообразный мир людей». Как раз в этот момент я понял, что Мазлек пытается читать мои мысли. Я инстинктивно блокировал его поползновения, повернулся и посмотрел на него. Мне был двадцать один год, но он заставлял меня чувствовать себя на все семьдесят.

— И что, среди воспитанников богини все такие, как ты?

— Все, — сказал он. — Но ты одолеешь нас. Ты лучше.

3

Мы не слишком оживленно беседовали во время этого путешествия. Неровная заснеженная дорога вела вверх. В полдень путь нам преградил замерзший ручей. Мой спутник лег животом на лед, посмотрев вниз, сказал мне, что

видит на глубине голубую рыбу. В другой раз, сунув руку в дупло, он вытащил какого-то спящего маленького грызуна, восхищенно осмотрев его и, не потревожив, положил обратно.

Мы шли от побережья в глубь материка и вскоре после полудня под углом повернули назад. День был ясный, и, выйдя на лесистый берег, я увидел справа от себя серый простор океана, простиравшегося к далекому, зеленому горизонту. Между берегом и горизонтом, примерно в миле впереди нас к северу поднимался из воды островерхий призрачный силуэт.

— Белая гора? — спросил я.

— Белая гора, — сказал он. — Она выглядит ледяной скалой, но весной и летом этот остров, как мозаика цветов. Увидишь.

Я сомневался в этом: я не заглядывал вперед. Где я буду весной и летом, когда дело будет окончено, кризис минует?

Час спустя гора в море не выглядела ближе, но я кое-что начал различать внизу на побережье.

Каиниум.

Не живой город, но мертвый. Он казался старым, как само побережье, а может быть, каким-то непонятным образом и старше. Я едва мог сказать это по снегу, покрывавшему берег: он был слегка желтоватый, как кости и зубы скелетов. Одетые в белое кипарисы обрамляли широкую мощеную дорогу, ведущую вниз к городу. Где-то в миле по магистрали на основаниях в пятьдесят футов высотой раскинулась величественная арка.

Я видел достаточно снов, чтобы понять, что передо мной столица Сгинувшей Расы. Мне даже не нужны были эти знаки, чтобы почувствовать, что это нечто древнее и любопытное. Под снегом город имел таинственный и подавленный вид. Интересно, сколько зла и волшебства надо сотворить, чтобы оставить такое чувство через столько веков? И еще интересно, намеренно ли она выбрала это место?

Мы пошли вниз по дороге, Мазлек и я, осеняемые голубой тенью арки. Море, неутешно плача, терзало ледяные пляжи, чайки не кричали, и не слышно было ни зверя, ни человека.

Затем я увидел над группой деревьев дымок, мирно поднимающийся слева от дороги, почти сразу же показалось какое-то здание.

— Гостиница, — сказал Мазлек, — готова принять каждого, кто нуждается в крыше над головой, но избегает простых людей из глубинки, кто ищет Карраказ, но боится войти в город Потерянной Расы. Но тебя, повелитель, примут с распростертыми объятиями, и ты сможешь вкушать всех благ цивилизации.

— Неужели?

Он улыбнулся.

— Не хитри, повелитель. Не ты ли спас мою жизнь на реке?

По правде говоря, я не верил его чересчур любезному тону, однако мне было больно допустить, что он радовался возможности отодвинуть встречу. Я должен встретить ее до следующего восхода, который будет все равно слишком скоро. Час с горячей водой, бритвой и возможностью подумать — все это было очень неплохо. Я купался в сугробах снега и разбитом стекле луж. Что же касается моей бороды и волос, я выглядел как дикарь, сбежавший с какого-то маскарада. Правда, к ней лучше бы в таком виде не являться. Не из тщеславия — а потому что она бросила меня бороться с дикостью, и я опустилсь бы ниже ее. Я хотел, чтобы она видела: несмотря на все превратности судьбы, волчонок, выросший среди свиней, все равно остается волком, и что я ей ровня.

В гостинице было двое служащих, по-видимому, не боявшихся разорения или ведьмы. Один побрил меня и привел в порядок мои волосы, пока я лежал, отмоякая в зеленом бассейне, наполненном до краев обжигающей водой. Я спросил его, что он здесь делает. Он сказал, что его деревня находится за холмами к западу; что он раньше был прокаженным, но милостью богини с горы вылечился. Затем я спросил, была ли его служба здесь платой за лечение. Не так. Ему нравилось это место, мистическая аура Силы, ощущавшаяся здесь повсюду, стимулировала его. Я спросил его, как выглядит богиня. Оказалось, что никто не видел ее, за исключением, конечно, ее людей, тех, кого она избрала, потому что они были белыми, как и она. Она никогда не покидала остров, и никто не мог пройти туда без ее приглашения. Все, кто встречал ее, видел ее закрытой вуалью, почти невидимой, в каком-то тускло освещенном святилище. Но обычно до этого дело не доходило, потому что у нее были сподвижники (служитель называл их по-особенному — «лекторрас»), которые могли лечить даже очень больных от ее имени.

— Да, — сказал он, — лекторрас время от времени приходили в Каиниум и деревню. Вы не можете не заметить их. Как и ваш провожатый Мазлек, они выделяются белоснежным видом, гордостью и сверхъестественным обаянием. Молодые девушки и юноши, достаточно красивые, чтобы быть богами. За которых, — сказал он, — их вполне можно принять.

Да, да, он видел, как они ходили по воде, летали, превращали простой металл в золото, растворялись в воздухе, обращались в зверей, вызывали в засуху дождь, успокаивали шторма, так что рыбацьи лодки могли выходить в океан далеко от побережья. У них также есть странные учения, например: что земля круглая, а не плоская и является шаром, летящим в пустоте; что солнце — подобный огненный шар, вокруг которого неустанно вращается земля. А луна бегает вокруг земли, как круглая белая мышка, таща за собой приливы.

Этот слугитель, как Длинный Глаз, не боялся каждодневной реальности своих богов.

Вскоре его товарищ принес мне одежду, которая хранилась здесь явно для оборванных путешественников (за мою жизнь кем только я не был, теперь я был — оборванным путешественником). Тем не менее, новая одежда была из хорошей шерсти, несколько, правда, выцветшего темно-синего цвета. Это была доходящая до икр туника с красной каймой, которая не унизила бы меня, если бы я ее надел.

Выходя из купальни, я не искал Мазлека. Он улизнул, как только я дал ему такую возможность. И теперь, воспользовавшись лодкой или той тропой на море, о которой я упоминал раньше, пробирался к Белой горе. Она хотела знать все до мельчайшей подробности: мою внешность, мое настроение, мои возможности. Однако для нее эти сведения не были большой новостью, казалось, она знала все обо всем.

В заключение слугители принесли мне мой бандитский нож, начищенный и отполированный до блеска. Ирония этого символа в какой-то мере позабавила меня. Нож, возвращенный так легко. Это говорило о том, что она совсем не боится меня. Или же она хочет, чтобы я думал, что она не боится.

Итак, я пошел по широкой древней дороге в мертвый город Каиниум. Мои думы были суровы. Я считал себя стойком. Я не мог бы заранее предвидеть каждую мелочь

происходящего теперь, но тем не менее был готов встретить любую невзгodu. К тому же я, вероятно, встречу ее еще до того, как зайдет солнце. Что бы судьба ни выкинула, я должен выполнить задуманное. Пришло время получить ответы на вопросы и сомнения. Книга закрылась.

Улицы были прямы как копы. Мои шаги эхом отражались от стен вдоль колоннад, как будто рядом шагал кто-то другой. В окнах сверкали кусочки хрусталя. В конце концов, этот город производил не такое уж плохое впечатление. Только старость, смерть и жалобные стенания по чему-то навсегда ушедшему.

Я пошел на север. Большая гора-остров показалась между зданиями, все еще призрачная над зеркалом воды.

Солнце уже клонилось к западу, рисуя полосы бледно-красного цвета на белизне улиц, окутывая дымкой силуэты дальних крыш и стен и скрывая их упадок. Там не было огня, и я не мог судить, обитаемы ли эти высоты. Свет исходил из другого квартала, севернее по берегу: зеленоватое дрожание факелов между городом и морем.

Я остановился и какое-то мгновение смотрел на эти огни. Чтобы добраться до них, потребуется не больше трети часа. К тому времени закат убьет этот день. Но огни выглядели, как зловещее приветствие, как маяк, призывающий меня, как факел, освещающий мне путь на празднество.

Как раз в этот момент что-то коснулось моего мозга, легко, как палец касается шеи. Там, в портике обрушившегося особняка кто-то был, невесомый и тихий, как вечер, опустившийся на торговый город. Этот кто-то, выступивший из своего укрытия, чтобы осмотреть дорогу, оказался девушкой в зеленой накидке. Ее волосы были белые и все в завитках, как у придворной дамы, на ее плече сидел совершенно неподвижный белый котенок. Это видение могло заставить растеряться любого. Когда я взглянул в ее лицо, то увидел, что могу его описать, как почти неестественно миловидное, настолько совершенное, что я мог бы с уверенностью сказать, что никогда не встречал лучше. Правду сказал мой парикмахер, лекторрас богини трудно не заметить.

Она не пыталась читать мои мысли. Этот сигнал был просто призывом к общению. Она заговорила.

— Ты Зерван, — сказала она. Мазлек не терял времени даром и успел принести весть о моем появлении сюда (Ко-

тенок зевнул. Его глаза были такие же розовые, как и его узкий язычок. Глаза девушки были белые. Во лбу у нее был такой же зеленый драгоценный камень, как и у Мазлека. Без сомнения, это был один из знаков касты, к которой они все принадлежали, — что-то вроде униформы лекторрас.) — Добро пожаловать в Каиниум, Зерван.

— Благодарю за приглашение.

— Благодарю тебя за твою благодарность, — сказала она, и продолжила, указывая пальцем мимо меня в направлении пляжей. — Вот путь к тому, что ты ищешь.

— А что я ищу?

— Карраказ, по крайней мере, ты часто говорил так.

— Да, говорил. А ты теперь будешь моей провожатой?

— Тебе не нужен провожатый. Иди прямо по этой улице до террасы со ступеньками и спускайся. Старый сад выведет тебя к пляжу. В конце сада, на берегу, горят факелы, как раз напротив горы в море.

Она не попыталась подойти ближе, поэтому я повернулся и последовал в указанном направлении. Все это напоминало атмосферу театра, надуманную и, как я полагаю, управляемую невидимым режиссером. Тем не менее она отлично сочеталась с аурой города и кончиной дня.

Около ста ступенек лестницы странно извивались куда-то вниз между обломками колонн. В одном месте мне встретился высохший мраморный фонтан, изображавший девушку, обвитую огромным змеем, — порнографическое произведение искусства взбадривало кровь, несмотря на ледяной холод, окутывавший их жаркую любовь.

Сад расплескивался от ступенек и террасами спускался к пляжу и морю, которое можно было слышать, но нельзя было видеть, потому что вид на восток теперь закрывали высокие деревья, небо окрашивало снег в красноватый цвет. На юго-востоке в просветах между соснами и кедрами сада поднималось несколько башен. До этого я не обращал на них внимания, но вскоре остановился, чтобы рассмотреть их получше. Несомненно, на них лежала такая же печать не от мира человеческого, с чем я столкнулся в Сарвре Лфортн в Эшкореке.

Вершины двух ближайших башен едва виднелись из-за деревьев. Одна была из черного базальта в форме головы лошади со сверкающим, как зеленый сахар, глазом. К востоку от нее стояла другая: маска льва с гривой из позоло-

ченных бронзовых спиц. Дальше к югу застыла чаша цветущей гигантской орхидеи, из раскрытой чашечки которой поднимались четыре позолоченных тычинки — башенки. Там, где был просвет в соснах, одна башня открывалась полностью. Она была сделана в виде поднимающейся змеи с головой ящерицы с мерцающим глазом-окном. На шее змеи виднелся воротник, который несомненно был балконом. Судя по зеленому сиянию, исходящему от него, балкон, вероятно, был выложен нефритом, огромные пластины которого наслаивались друг на друга, как чешуя. Низкое солнце играло на золоте и драгоценных камнях этих башен, придавая им вид чудовищных игрушек.

Пока я разглядывал башни, из тени деревьев за мной вышли двое белых людей, юноша и девушка. Им было пятнадцать лет, но выглядели они не как обычные подростки. Юноша сказал девушке:

— Это должно быть тот человек по имени Зерван.

Девушка засмеялась и ответила:

— Как он устал! Мы не привидения, Зерван.

Но при их белизне, в лучах заходящего солнца, отбрасывающего на них красные блики, в темноте, окружающей фантастические драгоценные башни вдаль, они выглядели необычнее, чем любое привидение, в которых я никогда не верил.

— Мы осматриваем гробницы, — сказала девушка, — гробницы Потерянной Расы. Не хочешь ли посетить одну из них, мы покажем тебе.

Гробницы? Я верил, что Сгинувшая Раса не умирала. Однако сам мертвый город верил в это: несомненно, было что-то такое, что могло убить их, и, наверняка, в башнях-ящерицах и в башнях-орхидеях лежали белые кости, усыпанные драгоценными камнями, и, возможно, кучи сокровищ на полу. Мне пришло в голову прозаическое объяснение байкам Джари и Ланко о золоте, что росло на деревьях. Без сомнения, в них говорилось об этих самых садах, окружавших гробницы и, возможно, других подобных этим. Но интересно, сколько пиратов осмелилось красть у потерянных людей Каиниума.

— Гробницы для мертвых, — сказал я странным детям передо мной. — Видите ли, я живой.

— Потерянные не умирают, как простые смертные, — сказал юноша. — Каждый живет века, а затем еще больше

веков спит. Иногда они просыпаются, поднимаются из гробниц и возвращаются в жизнь.

— Это она вам так сказала, — произнес я, — Карраказ. Источник мудрости.

Я подумал, как думал каждый раз, когда встречал одно из этих существ: «Может быть это ее семя, полуродня мне, сын или дочь, оттого что она переспала с каким-нибудь самцом-альбиносом, ребенок, которого она сохранила?»

Внезапно, рука об руку, как каббалистическое изображение на стене в доме волшебника, эти двое поднялись вверх и, ухмыляясь мне, поплыли прочь среди деревьев.

У меня по спине побежали мурашки, хотя я мог проделывать то же самое, но сейчас я был свидетелем того, что было: мне показали зеркальное отражение моей Силы.

Я сказал себе, что теперь начинаю понимать ее план, если этот план вообще существовал.

В снегу я нашел светящийся коричневый череп. Я не мог сказать, принадлежал ли он смертному или богу, и это казалось какой-то печальной истиной. Я поднял череп, и снег упал с его глазниц. Я положил его под кипарис, одетый белым снегом, и его черный взгляд смотрел мне вслед.

Эта сказочная работа по сотворению чудес, ненормальная среда обитания были направлены на то, чтобы лишить меня всех человеческих достоинств, всякого гнева или жажды мести, которые у меня оставались.

Солнце утонуло в глубинах Каиниума, когда я несколькими минутами позже вышел на пляж, широкое и белое ледяное пространство между городом и водой. За льдом серебристо-грязный низкий берег сбегал в прибой, и море было как холодный шелк, сверкающий навстречу приближающейся восточной ночи. И на фоне этой ночи, ярко освещенная последними солнечными лучами, возвышалась огромная гора в океане как раз напротив берега.

Примерно в сорока ярдах горели зеленоватые в сумерках факелы. В свете факелов двигалась толпа, люди и животные. И дальше, там, куда почти не достигал свет костров, в темноте виднелись повозки, кареты и другие средства передвижения людей.

Я не знал, что это. Мне оставалось только остановиться и гадать.

Лекторрас, избранные богини, шли к материку, а толпа собравшихся здесь людей смотрела на гору-остров.

Вероятно, это было время лечения, когда эти жуткие последователи Карраказ возлагали свои исцеляющие руки на смертных. Она не приходила. Она никогда не покидала свой остров, как мне говорили, но лекторрас, обученные ею, могли творить чудеса ее Силой, чему я видел много подтверждений.

В конце концов факелы не были сигнальным огнем для меня, а лишь показывали мне, что моя Сила в Каиниуме далека от уникальности. Целитель, волшебник — во всем этом племя богов опережало меня.

Я медленно пошел к огням, ощущая горький привкус того, что случилось.

Люди, женщины и дети теснились вокруг костра и факелов, пели, как я мог разобрать в шуме бурунов, когда шел к ним по пляжу, какую-то местную балладу их деревень. Все это делалось, чтобы провести ночь на заливе, около призрачного чарующего города, пока они ждали появления богов.

Недалеко от основной толпы, около одной из повозок, мальчик кормил лохматую лошадку. Заслышав мои шаги, он похолодел и нервно оглянулся на меня. Но я был темноволосый мужчина, а не белый. Его тревога сменилась обычным любопытством. Наверное, он принял меня за жителя внутренних территорий и, очевидно, больного, иначе зачем бы я был здесь, куда пришли все, жаждущие исцеления. Нечего бояться.

Теперь я мог видеть больных, лежащих на подстилках, некоторые из них не могли двигаться, другие — настороженно, с отчаянием, внимательно смотрели на морс. Когда я дошел до костра, какая-то женщина потеснилась, чтобы дать мне место у огня. Какой-то мужчина, так же как и она, не произнося ни слова, протянул мне кружку горячего пива, которое они подогревали с пряностями и пили, чтобы согреться. Эта молчаливая доброжелательность тронула меня, сострадание людей, собравшихся здесь, гармонировало с особенной целью их прихода.

Я еще не решил, играть ли мне свою роль, или остаться с ними и посмотреть, что будет, или продолжить свой путь, когда их пение прервалось, и двое или трое стали показывать вдоль берега на юг.

Лекторрас появились внезапно, видения, возникшие из малинового полумрака, как стройные, мерцающие белые огни. Они не шли, а скользили, едва касаясь ногами зем-

ли. Было бы лучше, если бы они летели по воздуху. Это было показное скрытое хвастовство жестокой, издевающейся и бесчувственной молодежи. Решительно, Гайст имел право на упрёки. Сочувствие — сестра страха. Этим существам нечего было страшиться, а страх в других был для них просто игрой.

Человеческая толпа не произнесла ни звука. Где-то за скулила одинокая собака, но вскоре затихла.

Лекторрас остановились в паре ярдов от нас как раз там, где в свете факела они казались мраморными. Их было пятеро: девушка и юноша, которых я встретил в саду с гробницами, два других юноши примерно шестнадцати лет и девушка того же возраста. Все были одеты в белые одежды, как и Мазлек, белое на белом. У всех на переносице было зеленое пятнышко. Все были такие красивые, что дух захватывало. Не той красотой, которую можно было спокойно созерцать, если ты не склонен поклоняться им. Я не был склонен.

Мне не нужно было и гадать, что они будут делать дальше, потому что они никого из нас долго не держали в неведении.

— Рессаверн нет, — сказал один из старших юношей.

— Она должна прийти, — сказала старшая девушка. — Смотрите, как их много. — Взглянув на людей, она улыбнулась снисходительно и сказала: — Как они невежественны и грубы. Что проку от их спасения?

— Они должны почитать нас, — заметил юноша помоложе, тот, которого я встретил в саду, — но они только глупо тарашатся. Думают, наверно, что мы цирк, и сейчас будем развлекать их.

— Мне не нужно их почитание, но они должны принести нам подарки, — произнесла старшая девушка. — Они должны принести нам свое золото, если оно есть у них. Или благовония, или хорошую кожу для сбруи, или лошадей. Что-нибудь. Но они же хотят все даром. Не думаю, что мне хочется прикасаться к их дурно пахнущим коричневым телам.

— Я тоже, — сказала младшая девушка. Она обняла своего дружка за талию и промурлыкала: — Я хочу касаться только тебя, Сиронн.

Все это время они, конечно, говорили на городском языке, на той более древней его разновидности, которой пользовался Мазлек. Только я один понимал их жеман-

ную болтовню, толпа просто ждала в смиренном терпении, когда же благородные боги начнут свои чудеса.

Я не был уверен, заметили ли лекторрас меня среди прочих. Вероятно, нет, потому что мое внутреннее молчание закрывало меня от всего, как броня.

Теперь боги впали в уклончивое созерцание.

Люди в ответ неуверенно и жалобно смотрели на них. Вскоре мужчина около меня, ошибочно приняв неподвижность лекторрас за приглашение или просто не вынесший дальнейшей бездеятельности, вышел из толпы и направился прямо к ним. Он тяжело опустился на колени на лед перед ними.

— Повелители, — произнес он, запинаясь.

Лекторрас уставились на него с нескрываемым отвращением.

— Что ему надо? — спросил юноша Сиронн.

— Могущественные, — прошептал мужчина, — я слеп на левый глаз.

Старшая девушка очень тщательно и ясно произнесла на языке деревни:

— Так будь благодарен, что хоть правый глаз еще видит.

Ее спутники, засмеялись смехом слабоумных.

Человек у их ног, очевидно, подумав, что неправильно сказал, объяснил снова:

— Я слеп на один глаз. Я ничего не могу видеть.

— Полагаю, в любом случае, в твоей развалившейся лачуге не на что смотреть, — сказал старший юноша, говоривший до этого.

Девушка помоложе наклонилась к мужчине и мило произнесла:

— Возьми в полночь головешку и выжги глаза всем остальным в твоей деревне, тогда ты сможешь повелевать ими с твоим одним глазом. Они выберут тебя королем.

Человек, стоявший на коленях на ледяном пляже, поднял руки к лицу в сильном замешательстве, но он все еще полагал, что это его собственная ошибка, что он не может объяснить им. Он простер руки к старшей девушке, инстинктивно прося сочувствия, считая ее более зрелой и ответственнее остальных. Его пальцы коснулись ее накидки, и она с негодованием в своих бесцветных глазах развернулась к нему и подняла свою руку. Из ее ладони появился тонкий кинжал света и ударил его в бровь.

Энергия этого удара была слабой, но не по ее воле, подумалось мне, а потому что она еще молода и не вошла в свою полную Силу, к счастью. Иначе, по-моему, она бы убила его за то, что он коснулся ее.

Снова зеркало. Эта спесь. Нессмышленищ, не наученный и не обученный. Но если я что-то и чувствовал, то это был не гнев. Я пробрался через смешанную безмолвную боль толпы и подошел к ним, встав около упавшего на спину мужчины. Я наклонился над ним, коснулся его и исцелил.

Он перекатился на живот, зажимая рукой глаза, затем опять на спину и сел. Ему было от чего прийти в замешательство. Он мог приспособиться к своему исправленному зрению только постепенно. Толпа не понимала, что происходит. Взглянув на лекторрас, я понял, что они-то разобрались во всем происходящем достаточно хорошо.

Их реакция была как у своры диких собак, физически объединившихся в стаю перед опасностью, их глаза сверкали, а рты открылись, чтобы кусаться.

Вскоре одна из собак сердито заворчала, как это всегда бывает.

— Ты, — раздраженно произнес Сиронн, — ты всего лишь человек. Что ты делаешь?

Затем подхватила вся стая.

— Трюк!

— Богиня предупреждала Рессаверн о нем.

— Он не может тягаться с нами.

Слепой, уже не слепой больше, вскочил на ноги у нас за спиной. Из его крика мы поняли, что он полагает, что его глаза исцелила молния этой сучки. И именно она в этот момент послала второй разряд в меня.

Я легко отбил в сторону ее слабую Силу. В воздухе слышался треск: это энергия налетела на другую энергию. Толпа людей позади меня издала свой первый крик.

Я наблюдал, на что были способны лекторрас. Они объединились для коллективной атаки, показав тем самым, что за их нечеловеческими лицами вполне человеческие мозги. Но они были всего лишь дети, злобные, потому что не знали, что такое наказание, а знали, что Земля круглая, а они повелители ее.

Я дал клятву и, чтобы освободиться от нее, поменял настоящее и прошлое местами. Я воспользовался своей Силой для маленького представления, настало самое время для этого.

Я насильно поднял лекторрас, всех пятерых, на несколько футов в воздух, как марионеток, привязанных на веревочках. Так я и держал их с усмешкой превосходства.

Они завизжали в панике, пытаясь освободиться, и обнаружили, что не могут. Они не могли и обезоружить меня. Они пытались это сделать, и их разряды и вспышки энергии, которые они посылали в меня, превратились в очаровательный фейерверк на арене пляжа. Я слышал, как Сиронн, младший из юношей, орал еще ломающимся голосом. Младшая девушка — мне приходилось спать и с более молодыми, чем она, однако, в ее пятнадцать лет верилось с большим трудом — начала плакать, чем вызвала во мне жалость. Старшие дети неистовствовали, намереваясь, в лучшем случае, убить меня, истощая себя яростными выбросами Силы, пока у них не выступил пот, а изящные руки не затряслись. Им никогда не приходилось так бушевать, тем более при людях. В конце концов я позволил им опуститься на снег.

В тот момент, когда я отвернулся, последний разряд ударил мне в спину. Я догадался, что он был послан старшей девушкой, больше остальных преуспевшей в медицине. Не оборачиваясь, я сказал:

— Ладно, милочка. Вы достаточно удивили меня. Но больше не пытайтесь.

После этого наступил мир.

Что до деревенских, то они в ужасе шарахнулись от меня. Я пошатнул их легенды, и их лица были возмущены и неприветливы. Мужчина с исцеленным глазом сидел у костра и вливал в себя пиво, он не обращал на меня внимания, как в масрийском предании, когда празднующим велели не обращать внимания на Смерть, сидящую среди них.

Итак, когда я поднял руку, кое-кто из людей задрожал и закричал, вообразив, что теперь на них обрушится еще больше зла.

Я сказал:

— Если вы останетесь, я исцелю вас.

Какая-то женщина выкрикнула среди рева толпы:

— Ты из них — избранный богиней?

— Нет, мадам, — сказал я, — и над слепым я не насмехаюсь.

— Ну, тогда, — сказала она, — у меня здесь больной мальчик. Можно я принесу его к тебе?

— Принеси его, — сказал я.

Женщине позволили произвести эксперимент для всех. Она принесла ко мне мальчика с болезнью легких. Он кашлял кровью и не мог идти сам. В одно мгновение я вылечил его и после этого, видя, что я говорил не просто так, другие стали подходить ко мне.

Позади, в темной ночи, как раз за факелами неподвижно стояли лекторрас, как пять белых деревьев, вросших корнями в серебристую грязь.

Я подумал, когда болячки и болезни исчезали под моими руками: «И вот я снова здесь, у этих ржавых ворот». Тем не менее, я был рад этому. Думаю, я редко буду стремиться исцелять, но это восхитительное явление, и по правде я, в конце концов, благодарен за это и понимаю, что поднялось во мне из семян чужого безразличия и зубоскальства.

А затем, подняв через какое-то время голову, я обнаружил, что толпа отхлынула и неподалеку ждала, но не исцеления.

Шестая лекторрас, девушка, и одна.

Свою накидку, голубовато-черную, как небо и море ночью, она придерживала рукой, на узком запястье которой виднелся браслет из зеленого полированного камня. Ее волосы были белы, как свет луны, а лицо достаточно красивым, чтобы пронзить насквозь мои чресла, как сладкая музыка во сне.

Я пристально оглядел ее. Она выглядела на год или около того старше, чем другие — лет девятнадцать. Однако ее взгляд был как удар ножа. Она вонзила его в меня, затем в белых детей, державшихся у меня за спиной.

— Рессаверн. — Я услышал, как старший юноша позвал ее, — Рессаверн, тебя здесь не было, и он...

— Я видела, что он сделал и что произошло до того. — Она перевела взгляд на меня. Хотя она была молода, моложе, чем я, тем не менее в ее глазах светился ум. Казалось, если бы она захотела, то могла бы читать меня, как магический кристалл.

— Ты — Зерван, — сказала она.

— Я — Зерван. Она приказала тебе ожидать меня?

— Она? — эта Рессаверн спросила меня так, как спросил Мазлек.

— Ваша богиня Карраказ.

— Она не богиня, а только женщина, обладающая Си-

лой, — сказала девушка. — С твоей Силой тоже надо считаться.

— Да уж надеюсь.

— О, ты можешь надеяться, — сказала девушка.

Она направилась ко мне. Моя кровь забурлила. Глядя на нее, как будто склонившись над бездной света, я подумал: «Из всего племени лекторрас она стоит ближе всех к старой повелительнице. И это близость Силы сияет на ней как фосфор». Когда она шла, свет факелов играл в ее волосах, и я мог видеть сквозь черную накидку линию ее груди, узкую, как у танцовщицы, талию и стройные ноги. Зеленый камешек лекторрас сверкал над переносицей. Она вскинула голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты ищешь Карраказ уже довольно давно, — сказала она.

— И ты, Рессаверн, отведешь меня к ней.

— Будет лучше, если ты пойдешь туда один.

— Она что, угрожает мне, старая карга с горы?

— Нет. Она не желает тебе зла.

— Это мило с ее стороны. Я не могу обещать ей того же.

Ее дыхание несло запах цветов, а рот был цвета зимнего восхода. Ресницы, как темные серебряные лезвия, не порхали при ее прямом взгляде. Эти ужасные глаза молодой ведьмы выливали на меня голую и бескомпромиссную правду. Она не лгала, чтобы покрыть обман. Здесь было все ясно: она не щадила ни себя, ни других и не принимала пощады. На одно мгновение я попытался представить на ее месте точность Демиздор, очарование Малмиранет. Но красота всех красивых женщин, которых я знал, угасла перед ней, как лампада.

Чтобы испытать себя, я опустил руку ей на плечо.

При прикосновении через меня прошел удар электричества, как самой Силы, и, очевидно, через нее тоже, так что на миг бездна ее глаз затуманилась.

И тогда я подумал о себе, что я, дурак, искал родственников среди других. Вот моя родная, родная кровь. Дочь Карраказ. Рессаверн была моей сестрой.

Я пришел сюда в поисках гадюшника, запустил в него руку, а вместо этого обнаружил, что здесь растут цветы, и прохладное вино плещется в кубке, и на темном небоскло-

не восходит солнце. И тогда я подумал: «Это еще одна уловка, чтобы отбить у меня жажду мести. Охотничий пес забывает запах медведя, когда весной вместо этого нападает на след волчицы. Она хочет, чтобы я покатался на ее белой кобылице и забыл обо всем остальном».

Рессаверн. Моя сестра.

Я мог бы вспомнить, например, дочь Пейюана, черно-волосую, синеглазую Хвенит и ее страстное обожание брата как мужчины, и все мое естество засвербило. И теперь у меня был тот же случай: похотливое желание моей сестры, моральная сторона этого, кровосмешение — проклятое и неподходящее слово — все выскользнуло из меня с легкостью дыма. У меня не было довода, чтобы пересилить себя.

Возможно она прочитала эти раздумья в моих глазах, потому что ее собственные затуманились, стали почти непроницаемыми, как будто она прислушивалась к каким-то пугающим ее словам внутри себя.

Карраказ послала ее ко мне, однако не предупредила о таком исходе. Тогда снова получалось, что это было только частью сценария, грезой, заманившей меня в ловушку. Теперь толпа смертных отхлынула к своим повозкам, а лекторрас крадучись приблизились к Рессаверн. Они держались перед ней с явным благоговением. Несомненно, Карраказ сделала ее, первую среди первых, их наставницей и посредницей между ними и богами.

Она отвернулась от меня и сказала им:

— В вас течет кровь Потерянной Расы, и вы стали как они. Прежде в дни исцеления я всегда была с вами. В этот единственный раз вы показали мне, на что вы способны одни.

Разговорчивый старший юноша открыто взглянул на нее, тем самым выдавая свое смущение:

— Ты говорила нам, что Потерянная Раса погибла из-за своей гордости, но у них было право гордиться. Кроме того, Карраказ жива, а она — из их крови. И мы, как ты говоришь, поднялись из их семени, которое они спустили в женские чресла для развлечения века назад. Вот почему она выбрала нас — потому что мы похожи на них. Поэтому они не мертвы, Рессаверн. Посмотри — они здесь.

— Да, — сказала она. Ее лицо было суровым, а голос, хотя и не сердитый, стальным. — Они здесь, в вас. Человеческое проклятие убило их, оно может так же убить и вас.

Подумайте об этом. — Заметив, что младшая девушка опять заплакала, она подошла к ней и, тихонько погладив по голове, сказала: — Это трудно. Я знаю. Это очень трудно.

Вскоре, как простых детей, она отослала лекторрас домой на остров. Начался отлив, оставляя обнаженной старую дорогу, которая начиналась примерно в четверти мили от берега, там, где теперь было море. Эту четверть мили, не надо и говорить, дети бежали по дороге, а деревенские люди собрались на берегу от костра и повозок, чтобы посмотреть, как белые неземные создания пойдут по океану.

На мой счет у людей было несколько точек зрения. Я был необычным фактором и не вписывался в их схему ни обычной реальности, ни сверхъестественной. По их мнению, лучше было проигнорировать меня.

— Ты строго обошлась с ними, — сказал я Рессаверн.

— А ты молодец, — ответила она. — Ты встретился с огнем, который жжет и очищает, и прошел сквозь него. У них же ничего не было: ни огня, ни суровых испытаний, ни критериев.

— Ты тоже лекторрас. Как это получается, Рессаверн, что ты не такая, как другие?

— У меня был свой огонь, — просто ответила она. — Не все из нас могут избежать его.

— И еще, — сказал я, — ты ближе к повелительнице горы, не так ли? Намного ближе.

Она очень пристально посмотрела на меня. По ее лицу мало что можно было сказать; только юность, красота и ошеломляющая ясность.

— Ты истинный сын Вазкора. Правда.

— Правда, — сказал я. После того, что я передумал в долине моих воспоминаний о нем, было странно, что она говорила это мне. Цвет горы увядал: красный превращался в серый.

— Она все тебе рассказала, да? — спросил я. — Как она пыталась убить меня, пока я еще не родился, а когда ей это не удалось, она, убив моего отца, бросила меня расти свиньей среди палаток. Я мог бы стать королем, если бы она не совалась куда не следует. — Но когда я сказал все это, то почувствовал, каким затхлым стало мое вечное, так часто используемое обвинение.

Она улыбаясь, сказала, как если бы знала все это:

— Ты могущественный волшебник и могучий человек,

и мог бы завоевать королевство, если бы захотел, в любой части света, какую ты выберешь. Никто не сделал бы тебя королем, Зерван. Ты сам сделал себя тем, что ты есть. Радуйся этому, ибо это лучше.

— Как я могу судить об этом? — сказал я. — У меня никогда не было возможности сравнить.

— Когда Карраказ родила тебя, у нее не было права первородства, чтобы что-то предложить тебе. Для себя она надеялась меньше, чем на ничто.

— Она кормила тебя этими баснями с тех пор, как ты лежала у нее на коленях, — сказал я, — вот почему ты веришь им.

— Значит, ты ненавидишь ее, — сказала она, и ее огромные глаза раскрылись еще шире, словно для того, чтобы видеть меня яснее.

— Для меня ненависть к ней уже прошла. Она загадка моей жизни, которая должна быть разгадана, только и всего. Так ты теперь отведешь меня к ней? Если понадобится, я найду ее и один. Я проделал слишком долгий путь, чтобы отступить.

— Так оно и есть, — сказала она. — Тогда идем. Ее жилище в часе пути через остров.

Мы пошли по берегу, за костры, к тому месту, где мы могли бы пересечь океан так, чтобы нас не видели. Мы не сговаривались об этом, но меня не удивила схожесть наших мыслей. Я спросил ее, как долго старая дорога продержится над водой, потому что опять начинался прилив. Она сказала мне, что дорога исчезнет до того, как мы достигнем острова. Она не спрашивала, хватит ли у меня Силы проделать полный переход по воде.

Черное небо и море были усеяны драгоценными камнями звезд.

Я сказал ей:

— Я вырос среди людей, которые думают, что звезды это глаза богов, или светильники душ, или души погибших воинов, светящиеся своей славой перед смертью. Теперь мне говорят, что звезды — это только другие миры или пламенные сферы, как Солнце. Это большое разочарование для меня.

Она засмеялась. Приятный смех, как будто яркая рыбка выскочила из затененной глубины безжизненного пруда.

— Откуда ты узнала все это? — спросил я.

— Однажды Карраказ побывала в гостях у людей, которые знали наверняка, что Земля круглая и вращается.

— Не сомневаюсь, что ей представили доказательства, — сказал я.

— Я тоже так думаю.

— Ну, — сказал я, — она набила твою голову отличными историями.

— Подумай, Зерван, — мягко сказала она, — море скользит у тебя под ногами. Мы идем по гребням волн. Ты веришь в это, но не можешь поверить в то, что Земля круглая.

От дальнего берега дул холодный ветер, вырывавшийся из пасти высокого серебряного облака над горой. От ветра ее волосы развевались у нее за спиной, как языки пламени. Клянусь, я никогда не видел ничего более красивого, чем она, ступающая по темному океану, темнее, чем вода, но бледнее, чем звезды, с волосами, как крылья распростертыми по ветру.

— Если ты веришь в это, — сказал я, — то я тоже поверю.

— Ты согласишься в то, — сказала она, — что я рассказала о Карраказ?

— Я, честно, буду верить в то, во что веришь ты. Но что до меня, я должен получить объяснения из ее собственных уст.

После этих моих слов Рессаверн замолчала. Мне хотелось, чтобы она поговорила со мной, потому что мне нелегко было воспринимать ее рядом с собой, если она не говорила своим мелодичным голосом. Она выглядела нереальной, или, что было еще хуже, более реальной, чем все остальное, скорее как легендарные руины города выглядели бы реальнее, если бы я стоял в космосе, до того как были сотворены море, берег и небо. Мне не понравилось воздействие, которое оказывала она на меня. Идя на встречу с хозяйкой этих владений, я не мог позволить себе опуститься на колени перед ее рабыней. Я сказал:

— Рессаверн, расскажи мне хотя бы, как она попала сюда и начала свою воспитательную работу.

И вот, пока мы шли по воде и, спустя некоторое время, вышли на берег, она рассказала мне о Белой горе и моей матери. Злясь на себя, я жадно ловил каждое слово, голодный до новостей, которых ждал двадцать один год.

Однако я сразу же заметил, что тон, которым Рессаверн теперь произносила имя Карраказ, выдавал нежность и

уважение. Казалось, что во время повествования дочь превращается в мать. Рессаверн восхищалась ею и одновременно жалела ее. И вдруг мне стало интересно, к какому сословию волшебников она восходит и не пришел ли я к ней слишком поздно.

Карраказ, потерянная дочь Сгинувшей Расы, каким-то чудом, затянувшимся оцепенением, выжила в смерти, унесшей ее народ. Она прошла через самые разные заблуждения и через все круги ада, чтобы понять, кто она. Это было время борьбы. Она забрела на северные земли, затем пошла на юг и там, где-нибудь около Бар-Айбитни или Симы, она услышала рассказы моряков о западных землях, о руинах, сокровищах и о белокурой расе. Для нее это было слишком большое искушение, чтобы устоять перед ним. Какой-нибудь предшественник Джари отвез ее на запад. Возможно, ее путешествие удалось в большей мере, чем мое.

Она добралась до развалин Каиниума. Ей показалось, что она видела их раньше и узнала в них постройки своих предков. Испытав однажды ужас таких мест, она боялась Потерянных и того, что их кровь течет в ней. Со временем она сбросила этот ужас как старую кожу. Каким-то причудливым образом она даже чувствовала ностальгию, бродя среди остатков величия всего того, что сохранилось от мест ее детства.

В окружающих деревнях постепенно узнавали о ее существовании. Интуитивно к ней стремились за исцелением. Вскоре она встретила брошенного белокурого ребенка. (Я прервал Рессаверн, чтобы спросить, не она ли была этой самой первой, самой старшей лекторрас. Я хотел подловить ее, но она улыбнулась и сказала: «Нет». Какое-то мгновение она выглядела, как игривая девушка, окутывающая свое происхождение тайной, но затем ее лицо опять стало торжественным.) Она сказала, что из своего жизненного опыта я мог бы понять, какос одиночество чувствовала Карраказ — богиня среди смертных. Я тут же повторил в ответ, что у нее уже родился сын и она не была бы одинока. Карраказ сама создала свое одиночество, но, встретив младенца-альбиноса, откровенно атавистическую кровь ее собственной Потерянной Расы, она наверняка догадалась, что ребенок будет похож на нее и его можно научить тому, что умеет она, если в нем дремлет Сила.

Гора-остров была благодатна летом: многочисленные тонкие водопады, поля цветов, дикие пчелы, море вокруг, переливающееся голубым, как сапфир, — все это было как мифический рай, в котором должны жить боги. Независимо от своего желания она не могла избежать обожествления, хотя и презирала его. Из какой-то деревни она взяла няню для детей, потому что вскоре ей принесли второго ребенка, — слух о ее интересе разлетелся по окрестностям. Няня была женщина, любящая детей, добродушная, но бездетная крестьянка. Карраказ выбирала других подобных ей на то время, когда ее воспитанникам требовалось материнское внимание. Сама же она, когда дети подросли, свободные, как дикая природа острова, начала раскрывать в них те магические силы, которые расцветали из крови Потерянной Расы вместе с их белизной.

Карраказ не любила детей. Она почти не общалась с ними и делала это исключительно для того, чтобы к ним не привились никакие догмы или правила общества варваров или цивилизованных людей, чтобы никакая несправедливость не победила их. Она могла читать в их умах и делала это. Они не знали, что такое разочарование. Все, что могло воспрепятствовать психическому наследию, держалось под замком. Любовь к жизни, праздник тела и разума, девственная чистота и бесстрашие рассуждений, это был рог изобилия, из которого она щедро поливала их. Она дала им все то, в чем так небрежно отказала мне. Они должны были бы стать лучше, чем стали.

Однако это храбрость — наблюдать со свободной, совершенной и яркой горы за тем несвободным, несовершенным, скучным и скованным миром. Она не рассчитывала, что так случится, так же как не предполагала, что в них проявится их биология. До этого они были только счастливы, теперь же, видя несовершенство внешнего мира, заметили, что они боги.

Слушая рассказ Рессаверн, я понял, что она смотрит на жизнь глазами своей матери-ведьмы и что разделяет вину Карраказ, ее зловещую печаль и сожаление.

О самой Рессаверн в этой истории не было сказано ни слова. Полагаю, она скрыла от меня, что тоже ребенок этой колдуньи, потому что убеждена, что я тогда отнесусь к ней враждебно. Казалось, она могла бы понять, что я не споткнусь на этом откровении, раз мы были так непохожи по внешности. Я подумал о ее отце, размышляя, была ли

знакома с ним моя сестра и презирала ли она его так же, как какого-нибудь смертного. Она упоминала об очищении огнем, но в этой удобной и безопасной жизни не было места трудностям.

То, что ее назначили руководительницей лекторрас, не требовало доказательств. К этому времени мы достигли берега острова. Длинный шлейф кристаллического льда тянулся из прибрежных скал, купающихся в прозрачной темноте ночи. Серебряные кучевые облака осели на горную вершину. Все выглядело так, будто масрийский художник рисовал какую-то святую гору с вершиной, утопающей в белых облаках. Несомненно, это таинственное место подходило для своей роли.

Я ступил на пляж и спросил Рессаверн:

— Почему Карраказ избегает континента? Почему она так боится покинуть свою цитадель и посылает тебя вместо себя?

— Почему избегает? Да просто из-за ее славы доступной женщины несмотря на все ее усилия развеять эту легенду. Она не думала стать богиней западных земель или воскресить расу богов. Но, как ты видишь, она — богиня и лекторрас — боги. В деревнях, то там, то здесь, начали поклоняться ей и ее белым отпрыскам. Поэтому теперь она извлекла на свет эту легенду и держится в стороне.

Затем она рассказала мне о том, что действительно удивило меня: Карраказ больше не общается непосредственно ни с обитателями берега, ни со своей лекторрас. Только горстка из них, ее первых избранных, еще встречаются с ней лицом к лицу. Моя провожатая и Мазлек были из этих немногих. Что до остальных, никто из них не видел ее и не слышал ее голос уже несколько лет.

— Она намеренно делает из себя загадку, — сказала Рессаверн, — потому что она намеревается освободиться от них, собирается покинуть гору и своих избранных, представив их урокам жизни. А как иначе их можно научить? Как еще она сможет стать свободной? — Ее бездонные глаза задумчиво смотрели на океан. Она произнесла: — То, что было начато, стало глупой выходкой. Теперь она понимает это. Если продолжить, глупая выходка превратится в злую. А если не обращать внимания на злую выходку, то это будет хуже, чем сама злая выходка. Дело, которое начала здесь Карраказ из-за своего одиночества и необдуманной мечты, могло бы возродить тот самый ужас, кото-

рый вселяла ее раса и благодаря которому была уничтожена. Потерянные были злые, подлые ублюдки. В них не было искры, не было души, а только бесконечная возможность Силы. И лекторрас стала тем же самым. За годы молчания и затворничества она не приняла ни одного ребенка-альбиноса, которого приносили к Белой горе. Вскоре она покинет и тех, кто остались. Они должны сами выбрать себе судьбу. Она и так достаточно навредила им своей близостью. Теперь у нее только один выход — оставить их.

— Да, — сказал я. — Это она умно придумала.

Рессаверн повернулась ко мне:

— Это горькие слова, — сказала она, — но ты с достоинством выслушал их. Ты полагаешь, что эти бедные маленькие боги, которых ты поднял в воздух, стрелявшие и плачущие, вырастут такими героями, как ты, или такими же сильными?

— Она внушает мне отвращение, — сказал я, — ее интриги, ее шатания, ее ошибки. Все. Беспорядок и жестокость. Случайное несчастье. В этом она вся.

И тут я увидел ее гнев. Я не предвидел его: ее спокойствие усыпило мою бдительность. И я никогда не мог вообразить, что ярость женщины может так взволновать меня, но она не была как другие.

— Теперь ты не варвар среди палаток, Зерван, — произнесла она. — Не шути с кровавым мечом. Ты слишком много на себя берешь.

Я взял себя в руки. Она была всего лишь девушка, хотя об этом было трудно помнить.

— Ты и она, — сказал я, — вы плывете в одной лодке, и ты ее порождение.

Как я и думал, это охладило ее. Она нахмурилась, огонь в ее глазах снова погас. Затем она, будто пытаясь взять себя в руки, довольно тихо произнесла:

— Мы теряем здесь время.

Она пошла впереди меня к тому месту, где в скале открывался узкий проход.

Все было так, как я и предполагал. Моя прекрасная сестра, не желавшая, чтобы я открыл эту тайну.

Только здесь, на скалистой тропинке, я заметил, что ее ноги босы: два золотых браслета сверкали, когда она ступала на снег.

Пока мы карабкались между скалами, шум прибоя затих до звука бегущего вдаль табуна лошадей. А затем ста-

лю так тихо, что я мог слышать свое и ее дыхание и редкое позвякивание золота ее браслетов, когда они ударялись друг о друга.

5

Внутренняя территория острова представляла собой море черно-белых лесов, в самом центре которых поднималась гора.

Тропинка вела нас к перевалу через скалы, а затем — вниз к внутренней долине, которая казалась спрятанной от берега, моря и континента. Единственными цветами сейчас были снежные цветы и ледяные папоротники, разрисовавшие поверхность замерзших луж. Тем не менее, по форме крон и коре деревьев, несмотря на их зимний наряд, я смог различить боярышник, дику вишню, рододендрон и множество других, которые с оттепелью загорятся белым и фиолетовым, голубым, карминным и пурпурным. И тогда эта тайная долина предастся буйству цветов и оттенков, а ветер будет ворошить ее нежные соцветия. Интересно, какие птицы прилетят сюда и какие рыбы заплещутся в ручьях, и можно будет их есть. И тут я вспомнил, что мне не нужна их смерть и их розовые тела. В любом случае, когда весна вступит в свои права, я буду далеко от Белой горы.

Но Рессаверн. Что она будет делать здесь весной? Без сомнения, ее волосы, как и у любой девушки, украсят цветы, а на обнаженные руки и плечи обрушится зелено-лавандовая канонада солнечного света, прошедшего сквозь это буйное цветение. Может быть, среди трав она откроет свои бедра для какого-нибудь белокурого юноши. А возможно, она будет далеко от этого самца, в несвободном, несовершенном, скучном и скованном мире — со мной.

В полумиле от скалы сквозь кроны деревьев замаячило что-то бледное. Тропинка, петляя, вывела нас к овальному, как монета, озеру, на берегу которого в сиянии замерзшей воды стоял необычный высокий дом — три этажа, расположенные террасами, фасад украшали колонны, а окна витражи — миниатюрный особняк Потерянной Расы прямо из Каиниума, но не в руинах.

— Что это? — спросил я. — Вы все-таки приводите сюда людей, чтобы они трудились для вас?

— Нет, — сказала она. — На острове есть несколько таких небольших дворцов и мраморный город на склонах горы. Они были почти разрушены, но лекторрас восстановили их.

— Не представляю вас, леди, и ваших приятелей-богов в роли каменщиков с мастерками в руках, на лесах и у подъемников.

Между виллой и берегом озера лежали булыжники. Вдруг шесть или семь из них взлетели вверх как вспугнутые голуби и, запрыгав через замерзшую поверхность, со звоном бьющегося стекла шлепнулись на искрящийся лед. Она сказала:

— Сила разума и энергия Силы могут поднять камни, так же они могут поднять мраморные блоки. Правда, люди с континента давали нам советы, по крайней мере, говорили с Карраказ. Но мы не нанимали рабочих и не поуждали рабов. За эту помощь мы платили иногда золотом, которого в изобилии в этом городе, иногда это был скромный обмен: дикий мед, фрукты, молочный сыр от наших коз.

— А теперь я должен представить, что ты доишь козу.

— Да, я дою козу, — сказала она. — И я научилась околдовывать пчел, чтобы они не жалили, когда мне надо взять у них немного меда.

— Местная ведьма-молочница, — я не поверил ее рассказу, по крайней мере, не всему. Белая вилла требовала огромной Силы, чтобы привести ее в порядок только при помощи разума. Такой ментальной мощи в лекторрас не наблюдалось. Эти колонны — я мог бы их поднять, если бы мой мозг использовали в этих играх в каменщиков. Но те не могли, может, за исключением самой Карраказ или этой девушки — ее дочери.

Я сказал:

— Я много путешествовал и мало отдыхал. Можно ли в твоём дворце прервать наше путешествие хотя бы на час?

— Да, — сказала она, улыбаясь. Интересно, заметила ли она, к чему я в действительности клоню, предлагая ей передохнуть, и означает ли это, что она согласна.

Около крыльца росли голые деревья. Двустворчатые двери открывались поворотом железного кольца. Дом был такой, каким должен был быть века назад или гораздо ближе, по капризу Карраказ или лекторрас.

В передней вдоль стен стояли красные колонны. Ко-

лопны в холле были зеленые и тонкие, изогнутые так, чтобы напоминать стебли огромных цветов, сами же алые цветы раскрывались под плоским потолком ясно-голубого цвета летнего неба. Потолок был искусно разрисован облаками и, казалось, что вот-вот они поплывут. Экраны из слоновой кости стояли около красных мраморных стен с единственным огромным окном, расположенном в дальнем конце зала. Его освинцованные витражные стекла — красные, голубые, зеленые, фиолетовые — пропускали фантастический свет.

На галерею второго этажа вела лестница: ее балюстрада из слоновой кости была инкрустирована золотом, а небольшие ступеньки сделаны из белого мрамора. В центре комнаты в вазе из зеленого нефрита росло апельсиновое дерево, густо усеянное цветами и золотистыми фруктами — некая фантазия лекторрас, без сомнения, чтобы прихитрить природу. Апельсиновый запах, наполнявший зал, был ненатурально слабым. Я подумал о системе горячих труб в Эшкореке и понял, что подобная конструкция, должно быть, использовалась и на этой вилле, хотя и не было рабов, чтобы обслуживать ее. (Время от времени я ощущал обширное, хотя и чутко контролируемое использование Силы, чему я в какой-то мере завидовал, все еще чувствуя себя немного неловко. Чтобы показать все эти богатства, Рессаверн зажгла силой своего взгляда свечи в серебряных и золотых подсвечниках. Я все еще приходил в волнение, когда видел, что моими способностями так свободно владеет другой.)

В комнате стояла эбонитовая кушетка в форме львицы и кресла из слоновой кости в форме ее подкрадывающихся детенышей. Вся эта мебель так же, как и пол с подогревом, была покрыта белоснежными мехами и покрывалами.

— Ты, должно быть, часто охотишься, — сказал я.

— Никогда, — произнесла она. — Мы берем шкуры тех зверей, которые умирают естественной смертью, или волнистую шерсть животных. — Она странно взглянула на меня и сказала: — Но ты охотился часто, и тебе этого не понять. А теперь можно предложить тебе немного пищи и вина?

Жилище — должно быть, ее — было готово для приема гостей. Но для кого здесь еда? Может, несмотря на хвастовство Мазлека в гостинице, кто-то из лекторрас все еще нуждается в том, чтобы набивать живот?

— Мне не надо ни вина, ни пищи, леди, — сказал я. — Я питаюсь воздухом, как и полагается, если верить слухам, любому волшебнику.

— Мне тоже так говорили, — произнесла она.

Свечи горели ярко. Я снял сумку со спрятанной в ней маской и опустил ее на стул-львенка. Она пристально смотрела на меня, и ее лицо заострилось от голода одиночества, будто она заметила вдалеке убежище, которого никогда не могла достичь. Я подумал: «Ей девятнадцать, но, возможно, она никогда не знала мужчину, никогда не встречала такого, кого пожелала бы, и никто не осмелился заставить ее».

Хотя и тогда я еще не мог быть уверен, хотела ли она лечь со мной в постель, или это было какое-то древнее желание, или страх в ее сердце. Потому что она, к тому же, выглядела испуганной.

Я подошел к ней ближе и коснулся руками завязки ее черной накидки. Она не остановила меня, но только продолжала смотреть мне прямо в лицо. Что же до меня, то мои глаза были прикованы к этой кружевной завязке, а сам я для безопасности нес всякую чушь.

— Этот великолепный дворец для твоих Потерянных из Каиниума был всего лишь скромным загородным домом. Однажды я видел их подземную дорогу, покрытую драгоценными камнями и металлом, а свод над ней был высок как небо. Они называли эту дорогу Путь червя. А этот дворец они, вероятно, называли бы Голубятня или Хижина. Подходящее жилище для ведьмочки, которая доит коз и собирает фрукты своими белыми ручками. — При этом я взял ее за руку, предвидя, что между нами снова проскользнет электрический разряд, как это было в первый раз. Но теперь он только зажег нас. Только искорки нервов пробежали по моей коже, когда я коснулся ее. — Ну, — сказал я.

Накидка соскользнула. На Рессаверн оказалось голубое платье, голубое как потолок, ее белизна сияла из-под него. Ее тело казалось огнем, пытающимся прожечь эту одежду, чтобы достичь меня.

Но тут она отдернула руку прочь.

— Зерван, — сказала она, — сын Вазкора...

— Не надо имен, — произнес я. — Не надо больше имен, Ресса. Ты вела меня сюда, и я охотно шел за тобой.

— Я не имела в виду... и не думала...

— Так подумай сейчас. Обо мне.

— Карраказ, — сказала она.

— Пусть она подождет. До завтра. Я забыл о ней, как она намеренно забыла обо мне.

— Но... — начала она.

— Тише, — сказал я.

Ее взгляд поплыл, рот, даже сейчас пытающийся говорить, слился с моим, еще до того как смог найти нужные слова, в горячем поцелуе. Ее тело прильнуло ко мне. Плечи освободились от голубой воды платья. Из одежды к моим рукам поднялись груди, каждая с алой звездочкой огня, ставшей осью моих ладоней. Она отвернула голову и тихо попыталась сказать, что так не должно быть. Но ее руки уже ласкали мою спину, и она прильнула ко мне, как будто мир рушился, и остался только я, чтобы спасти ее.

Я прижал ее к себе, и мы упали на гору мехов. Где бы ни соприкасались наши тела, огонь пронизывал нашу плоть. «Это новое ощущение», — подумал я, но эта мысль тут же выгорела из моего черепа. Платье как бы само звало меня освободить от него ее прекрасное тело. Ее ноги были прохладные и гладкие, но внутри их пылал огонь. Серебристый пушок внизу ее живота не был похож на человеческий, как и никакая другая часть ее распростертого тела, лежащего передо мной в свете свечей, как груды белого снега с рубиновым пятном рта, двумя алыми звездами на грудях и розовой пещерой во льду. Она не была девственницей, однако, как у какой-нибудь молодой богини в легендах, ее невинность, казалось, вернулась к ней специально для меня. Но она, похоже, была искушенной.

Голова Рессаверн откинулась назад. Она вручала мне себя с молчаливым диким наслаждением, ничего больше не отрицая.

Ее ненакрашенные ресницы были изящного платинового цвета. Я коснулся ее глаз губами и ощутил солоноватый привкус. Я спросил ее, почему она плачет.

— Потому что этого не должно было случиться между нами.

Многие женщины говорят так, утомительно стеля при этом, но с ней было иначе.

— Это должно было произойти, — сказал я. — Ресса, мы с тобой похожи и нравимся друг другу, ты и я.

— Да, — сказала она.

— А что ты имеешь против? Потому что мы пришли в этот мир через одну и ту же дверь, что мы брат и сестра?

Неважно. У нас разные отцы. Кроме того, это слишком дикий взгляд на жизнь, чтобы помешать маленькому кривосмешению. Или, может, мне надо предположить, что ты воспитывалась среди дикарей? По-моему, тебя обучала Джавитрикс.

Ее слезы высохли. Ее глаза, которые я видел минуту назад ослепленными удовольствием, теперь снова превратились в огромные опаловые диски, непроницаемые, но проникающие повсюду.

— И еще, — сказал я, — кто узнает, после того как мы покинем эту волшебную гору — твою родину?

— Нет, — сказала она. — Покинешь ты, а я остаюсь.

— Ты пойдешь со мной, — сказал я. — Ты же знаешь, что не позволишь мне путешествовать одному.

— Позволю.

— Я испрошу тебя у старой леди, — сказал я, пытаюсь пробиться сквозь эту тень, легшую на ее лицо, как надвигающаяся ночь. — Я встану на колени перед твоей Карказ...

— Нет, — прервала она, и ее сильные, тонкие пальцы впились в мои руки. — Не ходи к ней теперь!

«Она боится, — подумал я. — Она считает, что предала колдунью тем, что легла со мной в постель, и будет наказана. Это уже слишком для нашей милой матушки».

— Пока я рядом, она не причинит тебе вреда, — сказал я.

Глаза Рессарвен вспыхнули. И я увидел, что это был гнев.

— Ты не дурак, — сказала она, — так и не глупи. То, что я говорю тебе, это пророчество, предостережение. Оставь остров и живи своей жизнью где-нибудь вдали. Забудь о том, что сейчас было между нами, и о своих поисках Карказ. — Ее гнев опал, и она мягко произнесла: — А теперь пусти меня.

— Я не закончил с тобой, — сказал я.

— Но я закончила с тобой, Зерван. Да, в этом есть и моя вина, что мы здесь. Я признаю, ты — мой победитель, и я уступаю тебе. Но теперь все. Ты не заставишь меня сопротивляться. Ты не знаешь женщин с этой горы.

Этот спор заставил меня снова возжелать ее. Она не стала особо сопротивляться, а только когда я вошел в нее, застонала. Изгиб, где встречаются ее плечо и горло, источал аромат каких-то незнакомых цветов, сильнее, чем

апельсиновый цвет. На секунду моя голова наполнилась светом, затем тьмой, и последний завершающий удар был похож на удар ножа в мое сердце.

В эту ночь я видел во сне своего отца. Тогда я правильно понял его приход. Это было всего лишь еще одно зазубренное лезвие, подобранное в холодном рассвете, что разбудило меня одного в том месте.

Как же хорошо я помню этот сон, как если бы он был реальностью, воспоминанием, чем, возможно, он и был на самом деле; или он был фрагментом какой-то другой жизни, где среда обитания была иной.

В этом сне я снова был ребенком, может, лет пяти. Он поднял меня к высокому окну, посмотреть на марширующие на улице войска. Была зима, земля покрыта белым снегом, на котором резкими черными пятнами выделялись люди и лошади. Он тоже был черный, черные одежды, черные волосы, смуглая кожа и черные драгоценные камни на ней. Гораздо чаще бросая взгляды на него, чем на его войска внизу, я вдруг с тревогой увидел отчетливый образ, как обычно рисует ребенок, темный столбик с пустым пятном вместо лица. Но затем отец сказал: «Смотри вниз». Я тут же повиновался ему. Мне было пять лет, однако, я знал, меня научили: ему все должны повиноваться. «Ты должен запомнить на всю жизнь, — сказал он, — что ты наследуешь это, стремишься к этому, тренируешь свое тело и ум для этого. Я не хочу, чтобы ты возился со щенком, как какое-нибудь крестьянское отродье в этом возрасте. Ты родился моим сыном, чтобы стать таким, как я. Ты понимаешь меня?» Я ответил, что понимаю. Он поднял на меня глаза, которые были как два потухших угля, и опустил меня с рук. И я понял, что ненавижу и боюсь его и что эти чувства связывают нас — испуг и детское проклятье, которое однажды станет мужским. И тогда я должен буду убить его так же, как он убил мою собаку. Или он убьет меня.

Заметив в дверях маму, я пошел к ней. Ее лицо было закрыто маской из золота и зеленых драгоценных камней. Я никогда не видел ее без маски. Тем не менее, несмотря ни на что, она была моим прибежищем, а я — ее, если такое доступно пониманию пятилетнего ребенка. Свет, льющийся из окна особняка, разбудил меня, а ласка ее рук во сне была похожа на прикосновение Рессаверна.

Утро застало меня идущим через лесистую долину к подножию горы. Вилла, спрятанная среди деревьев, осталась далеко позади. Вспугнутая мной птица с длинной шеей взвилась из воды, поднимая крыльями ветерок. Она пила у кромки разбитого льда, не обращая внимания на весь мир, никакие бедствия или мечты не беспокоили ее.

Рессаверн не оставила ни следов на снегу, ни вообще каких-либо впечатков проворных и красивых обнаженных ног. Она левитировала, чтобы обмануть меня, как обманула меня в тусклом свете свечей и заставила забыть, что она ведьма, а уже потом женщина. Я не был готов к бешеной атаке ее Силы, с которой она очаровала меня. Но ужас заставил ее предать меня, и он же доказал, что она не верила мне, когда ставила мою Силу, по крайней мере, рядом с Силой Карраказ.

Однако ей стоило бы еще поучиться. Мне не нужны были ее следы, я был независим. Я вспомнил о мраморном городе на горном склоне, о котором она случайно обмолвилась. Представив его на мгновение, я понял, что этот город был убежищем колдуний.

Я шел по земле, пробираясь между деревьями. Ничто меня не тревожило: меня можно было увидеть только с высоты птичьего полета, да и то вряд ли. Во мне все еще оставалось достаточно от лесного человека, чтобы подойти к горе, хотя я был убежден, что она наблюдает за мной.

Свою сумку я оставил на вилле открытой, так чтобы была видна маска и чтобы всякому было понятно, что происходит.

Теперь я опять вспомнил свой сон — изображение моего отца, которое никогда не было отчетливым. Однако это было не так уж странно. Ни один мужчина, ни одна женщина, знавшие его и встреченные мной, не сказали о нем доброго слова. Они боялись и ненавидели его. В Эшкореке я сам успел убедиться в этом: страх и ненависть они выплескивали на меня только потому, что я его семья. Так много яда не может попасть кому-либо в уши без того, чтобы не оставить следа. В самом деле, было бы странно, если бы где-то в глубине души я не заинтересовался, был ли

он на самом деле царственным отцом, как я воображал и каким, в конце концов, увидел его во сне. Огорчения, возникающие в результате воспоминаний о нем, больше не тревожили меня. Я перестал считать его кумиром моей жизни. Я поклялся убить ее, однако, эта страсть недолго пылала во мне, чтобы претворить ее в жизнь, и мне совсем не хотелось упрекать мою поникшую месть. Умерли ли эти чувства вместе с моей юностью в Бар-Айбитни, уничтоженные чумой, террором и воскрешением из мертвых? Или просто потому, что я стал думать о своем отце меньше?

И вновь вернулась мысль: не был ли этот сон делом рук ведьмы?

Я сам наколдовал его ложные образы — тень, что поднялась от костра, моего призрачного проводника в эшкорекской крепости, и силу, толкнувшую меня в битву Эттука — все это перегибы моего собственного воображения. И в Бит-Хесси, в кругу зверей, его тень вызвали буйные приступы окружавших меня людей.

Идя по долине, я досконально изучал то, что осталось у меня в памяти, ища Вазкора из Эзланна внутри себя. Но его там больше не было. Его некий ментальный огонь оставался во мне, чтобы обмануть меня однажды, но теперь он тоже потух.

Я вспомнил пещеру и ту ночь, когда выслеживал эшкирских всадников. Тогда мне приснились смертоносная вода и лезвия ножей, и, проснувшись, я сказал: «Я убью ее». Это была его последняя мысль, бесполезная, запутанная, неважная. То, что он оставил мне в наследство, было мечом, который он уже не мог поднять, а я не имел права направить его на него. Кого бы я ни убил или ни пощадил за время моего пребывания на этой земле, это мое дело и ничье больше. Говорят, что плакать у моря — неудачное решение: океан и без того достаточно соленый. Несомненно, у каждого хватает своих проблем, чтобы взваливать себе на плечи еще и чужие. Так послание, или, иными словами, видение моего железного отца привело меня к истине.

В пути мне никто не встретился. Один раз на снегу попались следы лисицы. Там, где среди деревьев начинался безлесый подъем Белой горы, я нашел серебряный женский браслет, висящий на кусте, как насмешка, а может он был просто случайно обронен.

Вверх по этой стороне горы вела тропинка. Я решил следовать по ней, потому что она казалась протоптанной множеством ног и без сомнения ведет прямо к убежищу колдуньи. Около часа я упорно карабкался вверх по гладкому склону, пробираясь между деревьями. Наконец, я понял, что карабкаюсь слишком долго, а ландшафт не меняется.

И здесь не обошлось без волшебства. Я отбросил посторонние мысли и внимательно посмотрел вокруг: я все еще находился у подножия горы. Ярдов через двадцать тропа повела меня по круту, или вверх и вниз, что в принципе одно и то же. Они хотели направить меня по ложному пути, как какого-нибудь крестьянина, и запутали, потому что я был слишком самоуверен и невнимателен. Но больше этого не будет. Сойдя с тропы, я пошел прямо через скалы. Спустя несколько минут я выбрался из лесов и попал на высокогорную равнину. Оглянувшись, я окинул взглядом долину, со всех сторон окруженную острыми скалами, сверкающую бледность моря, серебристые облака, поднимавшиеся над ними, как пар над кипящим котлом.

Я держался настороже. Раз я заметил символ, нарисованный палкой на снегу: это был колдовской знак, предназначенный для помрачения сознания. Я смешал снег с грязью, прежде чем отправиться дальше.

В конце концов я приблизился к стене из синевато-серого камня. Железная дверь в стене была инкрустирована полудрагоценными камнями. Дверь выглядела довольно нелепо, чтобы я принял ее за проход. Еще одна причуда Сгинувшей Расы: дверь из железа, и ни петель, ни засова, ни кольца, ни ручки, чтобы ухватиться.

Этим путем бежала от меня Рессаверн?

Внутренним взором я увидел, как ее белая рука с нефритовым браслетом ложится на кварцевую панель на двери. Когда я поместил свои пальцы туда, дверь заскользила в сторону, в каменную стену.

За этой дверью была другая — из черной сосны, а за ней — горный город богини.

На мгновение мне показали какие-то развалины: упавшие колонны, разбитая черепица, пустые дворы руин. Но я неумолимо отодвинул в сторону эту иллюзию, и мираж расплылся в воздухе как туман, открывая за собой реальность.

В городе была одна центральная улица сорока футов

шириной, прямая как линейка. Она бежала около полумили вверх по склону горы и представляла собой восхитительное зрелище: дорога была вымощена зеленоватыми и черными плитами, расположенными в шахматном порядке. Снег с этой мостовой был счищен, а может, ему просто не позволено было ложиться на нее. Вдали дорога сходилась в точку — идеальное воплощение математической перспективы, — и над этой точкой возвышался дворец, состоящий из ступенек и колонн и множества крыш, поднимавшихся одна над другой. В какой-нибудь масрийской пьесе в момент, когда я увидел это, забили бы в барабаны: здесь была цитадель Карраказ.

На другой стороне улицы с нефритово-черной мостовой поднимались по-королевски роскошные особняки, иной раз наклоняясь под любыми доставляющими удовольствие углами, словно это был макет города, сделанный для забавы королевского ребенка.

И молчаливым город был тоже как макет. Можно было подумать, что он мертв, как Каиниум, но я чувствовал здесь тайное присутствие лекторрас, их любопытство и даже нечто большее — какой-то неясный и непризнанный испуг.

Футах в двух от дороги располагался сухой фонтан — ревущий дракон с открытой пастью. Когда я ступил на мостовую, ледяной намордник дракона треснул, и зеленая вода хлынула в бассейн. В следующую секунду вода приобрела цвет крови. Выходит, они еще не сдались. Я прошел мимо и направился вверх по улице, ни разу больше не взглянув на фонтан, потому что за всем этим чувствовались лекторрас, а этот трюк превращения воды в кровь был очень старым.

Дальше мне попались змеи, ползающие по мостовой, огненное озеро и непроходимая пропасть, зиявшая на мили вниз — все эти иллюзии я перешагивал, не обращая на них внимания, ибо они были неизобретательны. Но когда в высокой башни сорвался орел, чтобы ударить прямо мне в глаза, признаюсь, я наклонил голову. Тогда я произнес, растворяя в воздухе бьющие перья и нацеленный в лицо клюв: «Этот удар ваш, дети мои».

Где-то на середине пути от одного из дворцовых порогов сорвался снежный лев с серым замшелым телом, черной гривой и глазами, горящими так, будто вопреки холоду в нем пылал летний жар. Он был самым настоящим в

этом месте пространства, хотя, возможно, и каким-то более причудливым по замыслу Потерянной Расы, чем естественный обитатель западных земель. После столетия или двух скитания в этом изменчивом климате, он приобрел зимний мех, как лисица или ласка.

Для меня было странным противостоять ему. Любое его нападение будет отскакивать от моих невидимых доспехов. В дни моей юности, проведенной в крарле, я считал льва ценной добычей, и с большим желанием охотился на него. Чтобы доказать ему и себе, кто из нас лучше, я не раз втыкал копье или нож в его голову и носил его шкуру как накидку поверх своей одежды. Теперь потребности, защита, соперничество больше ничего не значили. Я задержал на нем взгляд, любуясь им скорее таким, какой он есть сам по себе, а не чем мог бы стать для меня.

Он хлестал хвостом бока, а ноздри и глаза говорили ему, что я не был ни его врагом, ни легкой добычей. Когда я приблизился, он перегородил мне путь, вытянув переднюю лапу, словно останавливая. Я повернулся и посмотрел ему в глаза, и он убрал лапу, которая выглядела достаточно тяжелой, чтобы размогнуть человеческий череп. Он ушел с дороги и с минуту смотрел мне вслед, затем я оглянулся через плечо, и он исчез.

После того никаких миражей или зверей больше не было. Последний дворец светился передо мной. Круглые столбы были опоясаны бронзовыми обручами, а когда я подошел ближе, то увидел розовые кусты на клумбе перед лестницей. Вся клумба цвела. Темно-красные цветы и темно-зеленые листья и шипы были неподвластны времени, как апельсиновые фрукты и цветы в той комнате, где я отдыхал с Рессаверн.

Рессаверн, та, что бежала от меня, страшась колдуньи и думая, что я слабее Силой и не смогу защититиь ее от гнева какой-то сучки.

Ну, что ж, посмотрим и выясним, мы трое.

Но сначала было трое других. Я не сразу увидел их на ступенях: белое на белом, мрамор, тела, волосы и белые бархатные одежды. Но я уловил внезапный блеск мечей.

Ближайшим был Мазлек, мой проводник до Каиниума, перешедший широкую реку, опираясь на мое плечо. Двое других были молодой человек восемнадцати лет и девушка в мужской тунике, брюках и обуви и, как воин, с мужским мечом наготове. Белый котенок резвился среди роз,

что-то пробуждая в моей памяти. Эту девушку я встретил в старом городе, а котенок сидел у нее на плече. Сейчас она была само спокойствие и уверенно окликнула меня:

— Поворачивай назад, Зерван. Разве лев не был достаточным предупреждением?

Мазлек сошел со ступени на мостовую. Небрежно играя мечом, он произнес:

— Мечи — это только символы. Но мы используем все средства, чтобы заставить тебя уйти. Мы — Динал, Солор и я.

— Конечно, — сказал я, — вы же охрана богини.

— О, — произнес он, — признаюсь, самозваная. Она в нас не нуждается, но это стало своего рода обычаем среди нас еще с тех пор, когда мы были совсем юнцами. Так же как мы переняли от нее моду на нефритовый камешек во лбу, а наши младшие, в свою очередь, скопировали это с нас. А как еще мы могли показать, что почитаем богиню, которая отказывается от почитания? Игра в ее охрану казалась нам хорошей затеей. Мы предлагали себя в качестве оружия, хотя и хлипкого. И мы взяли себе имена трех капитанов Эзланна, однажды служивших ей, более старые варианты их имен, как их звал бы ее народ.

— Был ли один из трех охранников тоже женщиной?

— Конечно, нет. Но Солор, поверь мне на слово, ни в чем не уступит нам. Не надо недооценивать ее.

Я сказал:

— Я мог бы убить вас троих за три секунды.

Он поднял брови:

— Почему так долго?

— У тебя хорошее чувство юмора, — сказал я. — Живи и наслаждайся им. Уйди с моего пути.

Но эта девушка, Солор, опять обратилась ко мне.

— Тогда убей нас. Давай, ну же.

Она была красива. Не такая, как Рессаверн, но все же достаточно красива. Я вспомнил, как вглядывался в это лицо в разрушенном городе и не предполагал, что встречу еще прекраснее.

Я не хотел причинять им вреда, а уж тем более убивать их.

Они знали это.

Мазлек сказал:

— Мы только символы, как и наши мечи, и лев. Короче говоря, Карраказ умоляет тебя уйти отсюда. Оставить ее в покое. И самому успокоиться.

— Умоляет? Что-то новое, я раньше этого не слышал. Карраказ умоляет меня — колдунья, богиня, Джавхотврикс. Может быть, на коленях? Тогда пусть выйдет и опуститься передо мной на колени, чтобы я мог увидеть, как она это делает.

Синяя тучка сама поднялась над горой, накрывая тенью улицу.

Я направился к Мазлеку, его меч сразу же взлетел, и молния сверкнула с его острия. Меч со свистом распорол воздух, пройдя мимо меня, и ударился о мой невидимый щит, о котором теперь мне не надо было заботиться — он мгновенно отвечал за меня сам.

Мазлек отпрыгнул назад, его меч описал яркую металлическую дугу. Больше он не целился в меня, но и не выглядел ни испуганным, ни даже удивленным. Он знал, что он мне не ровня, и от этого их заслон превращался в дурацкую затею.

Я понимал, что меня не достать ни ему, ни другим, но тем не менее он был передо мной. Даже девушка была решительно настроена, судя по ее сжатым губам и гибкости ее запястья. Я собирался не разделяться с ними, только успокоить.

Я послал в Мазлека разряд, развернувший его и опрокинувший на спину. Двое других выбросили электрические лучи, но я отвел их в сторону и уложил своих противников. Котенок выглянул поверх розовых лепестков и зашипел на меня, но девушка Солор совсем не пострадала. Эти трое казались скорее спящими, чем поверженными воинами. Затем я представил ход ее рассуждений, ход рассуждений ведьмы. Она послала их, чтобы испытать, насколько велика моя обида. Я вывел из строя ее охрану, но не убил их, это успокоит ее. Наверно.

Я поднял глаза и увидел Рессаверн, стоящую выше на ступеньках.

На ней также было надето мужское платье, как и на девушке с котенком, но оно было из черной шерсти, и в руках не было меча.

Она встретила меня холодно, словно между нами никогда ничего не было, даже ни единого слова.

— Теперь между тобой и Карраказ только я, — произнесла она.

— Опасная преграда, — сказал я, не приняв ее всерьез. «Она помнит все, — думал я, — и не станет вмешиваться».

— Нет, — сказала она, — я здесь, чтобы помешать тебе, и намерена это сделать. Я более одаренная, чем другие.

— Как же она ценит тебя, эта вонючая кошка, — сказал я, — если высылает тебя против меня.

Это было последнее мгновение, когда она была моей Рессаверн. Затем она вспыхнула, как свеча. Огонь Силы отделился от нее, как стая горящих птиц, и, прорвав мой щит, ударил.

Я не ожидал от нее такой Силы, несмотря на ее хитрость, несмотря на ее внешность, которая могла бы и насторожить меня.

Удар был достаточно сильным, чтобы пошатнуть меня, воздух затрещал от этого разряда. Я понял, что эта леди знает свое дело и может уложить меня, если я не уложу ее первым. Но мне не хотелось возвращать ей удар. Хотя ни она, ни я, потомки Карраказ, не могли умереть, и каждый из нас знал об этом.

Еще раз огонь, шипя, вырвался от нее. Я блокировал его и послал свой собственный разряд, перебежав под его прикрытием вверх по лестнице ближе к ней. Как ее Сила ослабляла мою, так моя должна была ослабить ее. Казалось, что она почувствовала этот удар, я даже не сомневался, и пока она не оправилась, я схватил ее и прижал к себе. Хотя ее психическая сила могла успешно соперничать с моей, физически она была совсем не ровня мне. Я искал ее глаза, в которых то вздымалась, то опадала ее Сила.

— Рессаверн, — сказал я, — вспомни меня. Рессаверн, прекрати биться со мной.

— А ты прекрати биться со мной, — ответила она. Ее голос был холоднейшим, какой я когда-либо слышал, и самым безутешным.

— Ты не можешь убить меня, — сказал я, — а я не могу убить тебя. Даже если бы мы оба захотели этого. А если ты увидишь меня мертвым хотя бы на час, возрадуешься ли ты? Тогда сделай это.

— Ты прав, я не смогла. Но я прошу тебя...

— Я пойду к ней, — сказал я, — и ни угрозы, ни твои мольбы не остановят меня.

Она улыбнулась и сказала, как однажды сказала мне другая женщина:

— Я так мало значу для тебя.

— Ты для меня конец света и сердце моей жизни. Но это началось еще до меня, еще тогда, когда я был в ее чреве.

Она освободилась от меня.

— Тогда, вот там — дверь, — сказала она мне. — Если я не могу помешать тебе, значит, не могу.

Я отвернулся от нее и посмотрел на верх лестницы, где находился украшенный колоннадой портик. Его сопротивление внезапно испарилось, как это иногда случается в трудной битве, когда она уже проиграна. Я больше не думал об этом.

Я не лгал. Я любил ее и решил твердо, что она будет моей, но в этот момент только эта лестница и эта дверь имели для меня значение. Слабый толчок в мой бок напомнил мне, что я не один, и холод зимы вдруг проник в мои внутренности.

— Рессаверн, — сказал я, хотя, помню, и не взглянул на нее: мой взгляд был прикован к двери, — если у тебя есть какие-либо дела, ради которых ты должна позабыть обо мне, то не стесняйся. Надеюсь, ты оставишь меня на некоторое время. И еще, верь в меня.

Она не ответила, и я, не взглянув на нее, пошел вверх по лестнице, стараясь соразмерить шаг с биением сердца. Затем я вошел в портик.

Я плыл сквозь тяжелое море ужаса, но ничто не могло вытолкнуть меня из него.

Зал был очень высокий и мрачный. Я не особо смотрел по сторонам: на его размеры, форму или обстановку. Только один трон из слоновой кости и нефрита был поставлен так, что противостоял каждому, кто, как и я, входил через эту дверь.

Я остановился и посмотрел на трон, и страх пронзил меня до мозга костей, как побитого трех- или четырехлетнего мальчишку, которого притащили к жрецу племени для дальнейшего наказания. Затем все прошло, и во мне осталась только пустая неподвижность и тишина.

Та, что, окутанная вуалью, неподвижно сидела на троне из слоновой кости, непосредственная как земля, как воздух, как мое будущее, была колдунья. Была Карраказ, моя мать.

2

Я не мог разглядеть ее лица.

Я пришел издалека и прошел через многое, но до сих пор еще не смог увидеть Ее.

Я стоял так, приросший к полу, и глазел на то, чего не мог увидеть. Она заговорила со мной.

— Последний долг, Зерван. Не подходи ближе.

— Я тебе ничем не обязан, — сказал я. Затем, собравшись с духом, я произнес: — Ничем, матушка.

Ее голос был как туман. Он плыл скорее в моей голове, чем в комнате, где мой голос звучал, отдаваясь эхом.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила она.

Я рассмеялся, если можно было назвать смехом какой-то глупый шум, который ничего не значил.

— Да, допустим, что я должен кое-чего хотеть, или мне не следовало находиться здесь? Ты встревожена, матушка, что обнаружила меня здесь. Ты вообразила, что надежно оставила сына в северных землях, в той палатке Эттука.

— И однажды ты возжелал убить меня, — сказала она, — но, надеюсь, ты понял, что не можешь сделать этого. Что еще? Между нами нет ни любви, ни родственных чувств, ни притязаний.

Все правда. Я не мог убить ее, не мог отомстить за отца и больше не намерен был пытаться. Какие вопросы я мог бы задать ей, чтобы она с хитростью не уклонилась от ответов? Да и что я мог требовать от нее? Я врос в мою Силу и мог бы добыть себе, как сказала Рессаверн, и богатство и королевство. А что касается Рессаверн, я мог бы попытаться увести ее со мной, а если бы она не хотела, я не стал бы ее неволить. Она не была женщиной, которую я мог просто взять Силой. Она была такая же, как я. Так, чего же, в конце концов, я хочу здесь от этой ведьмы-богини? Однако, я не повернулся, чтобы уйти.

— Я требую, чтобы ты рассказала мне, — сказал я, — что произошло между тобой и моим отцом. Понимаешь, мне хотелось бы выяснить.

— Я охотно покажу тебе, в твоем уме, что произошло между Вазкором и Карраказ. Но ты не поверишь, что все так и было, как я показываю.

— Может быть, и нет. Но ближе к делу. Я буду судить вас, леди. Даже этот обман сумеет открыть мне те события, которые вы пытаетесь утаить от меня.

Я знал, что это означало, что я должен позволить ей проникнуть в мой мозг, но это как раз меньше всего беспокоило меня, да и контакт не казался отвратительным. Пусть войдет и посмотрит, каково жилище, посмотрит на все те хитрые приемы волшебства, которые могли стоять

против нее, увидит, что теперь я настороже и готов сражаться. Пусть увидит, что я прекрасно обхожусь и без нее.

Она вошла туда. Она представила мне свою историю, свою жизнь с Вазкором, которая не была долгой, даже меньше года, но она носила шрам от этой жизни, шрам, оставленный отцом на ее чувствах, такой же, каким он отмечал у других тела.

Несмотря на мою собственную переоценку, увидеть истинное лицо Вазкора было для меня тяжелее, чем я думал. Он не был похож на моего бога или проводника. Полная противоположность мне самому. В нем не было пыла, жажды жизни, только безжалостное стремление обладать, которое не доставляло ему удовольствия в обладании. Он бы стал издеваться над моим образом жизни, он бы искорежил меня во мне, если бы смог. Она не лгала мне. Я понял это в какое-то мгновение, полное ее женской боли, и понял, что грубость и откровенность этой истории доказывают ее подлинность. Да, он был мужчиной, императором, волшебником. Его гений волновал меня и тогда, и сейчас. Хотел бы я через годы вернуться назад к нему, чтобы узнать его. Я жалею его, своего отца, зачавшего меня в хладнокровном сексе, без любви. Я жалею и уважаю его.

Он поднялся из черни, Черный Волк Эзланна, побочный сын девушки из племени Темных людей и какого-то господина из города, и обманом пробрался в благородные ряды Золотых Масок при помощи предательства, жестокости и колдовства. Он, колдун-самоучка, задумал создать империю, достойную себя. Он убирал всех и вся, что стояло на его пути. И когда там появилась Карраказ, он решил сделать из нее богиню и использовать, как ширму, прикрывающую его властолюбие. Это получилось. Он научил ее страданию, цинизму и высокомерию. Она бы служила ему из любви, если бы он попросил об этом, но со временем у нее не осталось к нему никаких чувств, кроме неприязни. Он искорежил ее душу в попытках сокрушить ее личность. Под конец он уничтожил всех близких ей людей, не потому что они могли повлиять на нее, а просто так сложились обстоятельства. Все должно было служить ему. Меня он вложил в нее, как животное поставил в стойло, дабы оно не пустовало, чтобы приковать ее к себе и получить наследника своему королевству. Она была воительницей — он унизил ее до детородной машины; она была любовницей — он показал ей, что она — как одежда,

висящая на стене, и хозяин пользуется ею редко и только тогда, когда сам захочет. Некоторые женщины такие и есть, но не Карраказ. Он зарвался с ней, как и со всем прочим. Вскоре удача изменила ему: империя рухнула, его армии разбежались, и шакалы завывали похоронную песню его могуществу. Затем наступил день, когда ее чаша терпения переполнилась. В отчаянии, она вдруг обнаружила, что может превзойти его. Она убила его Силой, как иногда это можно сделать, как, думаю, сделал бы и я, если бы жил как его сын, если бы он истязал меня морально и физически, как истязал других. В самом деле, я должен был ненавидеть Вазкора самой черной ненавистью, какую когда-либо испытывал. Если бы Карраказ сама подставила шею под такое ярмо — навечно принадлежать ему, — она не могла бы понравиться мне.

Колдовская Сила покинула Карраказ в момент его смерти. Она не думала, что вновь обретет ее. Она родила меня в палатке на Змеиной дороге, счастливая, что освобождается от последних уз, связывающих ее с Вазкором. Но ее радость не была продолжительной. Ее преследователи приближались. Ей не оставалось ничего другого, как отдать ребенка первому встречному, даже если она и хотела сохранить меня. Так я стал ее подарком Тафре, которая была моей матерью (я не мог называть ее по другому) и спасла ее от немилости, притеснения и, возможно, черной работы. Я был магом, который отводил несправедливости Эттука от Тафры в течение девятнадцати лет. Только ес боги знают, была ли в этом какая-то радость для нес, но я хочу надеяться, что была.

Когда я поднял голову, мои глаза горели, а разум смягчился. Я чувствовал себя опустошенным, словно стены крепости моей души рухнули. Ибо истины, которые я так бойко нарисовал себе, оказались намертво припертыми к стене.

— Благодарю, — сказал я, обращаясь к фигуре под вуалью, сидевшей передо мной тихо, как каменная. — Я принял решение, как мне отнестись ко всему этому, как-нибудь в другой раз, по допуская, если ты ввела меня в заблуждение, то только потому, что сама заблуждалась. Между нами пустота, леди. Таков итог.

— Тогда уйди отсюда без злобы. И без ненужной задержки. Уходи.

— Если вы так желаете. Но, леди, неужели вы никогда

не интересовались, что стало со мной? Вы считали меня мертвым или что?

— С некоторых пор я чувствовала твое приближение к этому месту, ты искал меня. Я никогда не думала, что ты достигнешь такой Силы. В тебе есть все, что любая мать могла бы пожелать увидеть в своем сыне: принц среди людей. А что до колдуньи, что может быть лучше, чем сын — искуснейший колдун? Однако слишком поздно для родства.

Ее бесплотный голос меланхолично звучал в моем черепе. Я понял, что за все это время она ни слова не произнесла вслух.

Я громко сказал:

— Но я никогда не видел ваше лицо. Даже в тех психических видениях вашего прошлого, я никогда не видел его.

— Лели показала тебе мое лицо, — сказала она. Значит, она читала мои мысли, хотя я не пытался читать ее. Неважно. Я не чувствовал, чтобы от нее исходила угроза.

— Кошачью морду, маску старой кошки. Не вашу, конечно. Леди, — сказал я. У меня пересохло горло, и я с трудом прошамкал, как старик: — Позвольте мне взглянуть на ваше лицо, и я с миром покину вас.

Она не отвечала. Я ждал. Она все еще не отвечала.

Это не было гневом бога или капризом избалованного ребенка, которому в чем-то отказали. Таково было мое воспитание в племени, которое не позволило мне प्रदेशить в этой сделке.

Она была богиня Карраказ, но в этот момент я опередил ее. Я послал свою Силу, как шквал зимнего ветра, чтобы сдернуть покров с ее тела и лица.

Карраказ сидела неподвижно, как каменная, и неудивительно: она была каменная. Сидящая женщина была создана из бледного полированного мрамора, одетого в женское платье, закамуфлированного и закрепленного на троне из слоновой кости. Все это время я говорил со статуей. То, что обманывало людей с континента, одурачило и меня.

Трудно сказать, что я почувствовал. Я был сердит, но не потерял хладнокровия, потому что источник голоса Карраказ, звучавший у меня в голове (а он не мог быть ничьим другим, кроме как ее), находился где-то рядом. Я не стал предпринимать ничего другого, а набрал полные легкие воздуха и закричал:

— Где она? Пусть она выйдет. Я устал от этих шуток! На эту гору опустится смерть, и она превратится в ад, если

хоть кто-нибудь еще вздумает пошутить со мной. Где колдунья?

— Она здесь, — сказала женщина за моей спиной. Голос из плоти и крови произнес: — Я не хотела возлагать эту тяжесть на тебя, Зерван. Я хотела только понять, что ты есть, подвести тебя, если смогу, к восприятию меня не как мифа или объекта мести, но как живого создания. Я любила тебя с самого начала. Да и как я могла не любить? Ты — образ Вазкора, Вазкора, которого я любила, а еще ты похож на другого мужчину, которого я знала как Дарака... по какой-то странной прихоти природы ты так же похож на него, словно его семя задержалось во мне, чтобы помочь слепить тебя. Более того, в тебе я вижу себя: не в лекторрас-альбиносах из западных земель, но в зрелом волшебнике, мужчине моей расы, возрожденной мною. Не знаю, что будет дальше, но это сама судьба. Ты достаточно жил и вел себя как смертный, и это встревожит тебя и испугает. Я пыталась, я всеми силами пыталась, вспомни, хитрость за хитростью убережь тебя от этого знания. Если бы ты послушался только один-единственный раз! Ты мог бы уйти отсюда без этой тяжелой ноши на плечах.

Мне не нужно было оборачиваться, чтобы узнать этот голос, но я обернулся и нашел ее совсем рядом, так близко, что можно было вновь обнять ее.

— Вначале, чтобы обмануть тебя, я воспользовалась именем моей матери. Младшие лекторрас знают меня только под этим именем, а у людей с континента я вычеркнула свой образ из памяти, чтобы они не грустили обо мне, когда я покину остров. Мазлек, Солор, Динал — они знают меня и знают, кто я, и служили бы тебе, как мне.

Я потянулся к ней, пристально глядя на нее, но пелена все больше застилала мне глаза.

Мне следовало подумать об этом раньше. О том, что самообновляющаяся плоть Потерянной Расы, на которой не оставалось ни пятен, ни шрамов, не имеет ни возраста, ни морщин. О том, что сорок лет или больше не испортят ее кожу и тело, и что она будет всегда выглядеть девятнадцатилетней, как она и выглядела. Я должен был бы прочитать в ее глазах сходство между нами, понять правду по тому, как она отстранялась от меня, по ее рыданиям.

Моя Рессаверн не сестра мне. Эта женщина, которую я любил, с которой я переспал, была Карраказ. Моя мать.

Она в точности предвидела все, что случится. Я слыш-

ком долго находился среди людей, чтобы отречься от их морали. Даже любовь с единоутробной сестрой была бы меньшим грехом, чем это. Нравы, среди которых я вырос, оставили в моем сознании свой отпечаток. Змея укусила себя за хвост.

Мое мужское естество ссохлось. Тогда мне показалось, что никогда снова я не смогу лечь с женщиной без того, чтобы призрак случившегося не напоминал мне о моем позоре. И никогда снова я не смогу идти, как равный, среди мужчин, потому что на моем лбу будет гореть клеймо позора. Возможно, с самого начала я был отмечен этим, потому что мне вдруг вспомнилось, как Чула упрекала меня тем, что я лежал на Тафре, и, возможно, грязный рот Чулы в тот момент пророчествовал.

Значит, мне на роду было написано переспать с этой колдуньей. Это было жестоко. Она не хотела этого, нет, но предвидела, что так случится. В незнании я забрел в ловушку.

Я покинул ее и ее гору. Я ни слова не сказал ей, просто не мог заставить себя. Я позорно бежал с того места, потеряв все свои способности.

Я не пошел по океану к берегу, а поплыл и, чуть не утонув, выполз на берег, отплываясь соленой водой и пытаясь вместе с ней выплюнуть мое отвращение к себе.

В этих лихорадочных действиях я старался похоронить самое ужасное отчаяние, существующее на свете. Многие месяцы я старался похоронить его. Она никогда не была мне матерью и никогда не будет ею. Моя мать была Тафра, а Карраказ — когда-то мой враг, теперь только женщина. Красивая женщина, конец света, сердце жизни, эти фразы произносятся, как пустой звук, но никогда не достигают души, потому что там они не нужны. Тем не менее я ее любил. Эта любовь была горой на моих плечах, клеймом уголовника на моем лбу. Я любил ее, мой грех и мой стыд.

3

Я направился в глубь континента и путешествовал от города к городу по западным землям. Иногда я лечил больного, но редко. Как бог или колдун я не скопил ничего; то, что я делал, я делал из жалости, чтобы облегчить мою вину, как предсказывал мне Гайст. Я мог бы быть

благодарен Гайсту, с которым разговаривал в тех краснокрышых городах. Мне не запомнились никакие знакомства. В одном городе мне повстречалась женщина, бежавшая за мной три мили по дороге. В конце концов, я все еще оставался достаточно сильным мужчиной, несмотря на бремя моего греха.

Больше мне никогда не снился Вазкор. Та темная тень полностью покинула меня. Тень костра, отражение пламени на стене. Как мало я тогда принимал во внимание сам костер!

О ней я никогда не думал. Мой ум был закрыт для нее. Мне осталось только память о той ошибке. Здесь была самая странная часть всего, что произошло, потому что, хотя чувство греха вызывало у меня отвращение, я не мог даже теперь считать ее виновной.

Только природа изредка возвращала ее ко мне. Звук волн, бьющихся о безлюдный, холодный берег, луна, пробивающаяся сквозь пелену облаков, лесная птица, кричащая перед рассветом, весна, которая, в конце концов, разлилась по земле.

Со временем волна весны достигла и материка, где я в терзаниях спрятался от мира. Дикие фруктовые деревья в долине у полуразрушенной хижины, что приютила меня, буйно покрылись белым и зеленым, какими они стали теперь и в долине горы-острова, и я не мог больше продолжать свою медленную смерть, которая звалась жизнью.

Мне нужен был совет, который только она могла дать мне. Она и я, боги знают, сколько еще продлится наше существование на этой земле. Будут сменяться времена года, и империи, и века, а мы останемся неизменными. Она — на своем острове, или куда там забредет, и я, скитающийся по дорогам, не пересекающим ее пути, у которого нет ни народа, ни дома, ни страны, ни родины. Боже милостивый, она только родила меня, но не она вскормила и не у нее на глазах я вырос. Она ничему меня не учила и никогда не знала меня, кроме как любовником, вернувшимся к ней.

Я видел, что в деревнях иногда случается любовь между родителем и его ребенком. Говорят, в результате этого рождаются слабоумные, ибо любая слабость при таком близком родстве усиливается. Но у нее и у меня не было слабости. Если мы размножимся, то Сила сольется с Силой. Мои сыновья также будут и моими братьями, но сы-

новья с Силой, чтобы летать в небесах и бежать через моря. Ее раса начнется снова, и двое поведут ее, двое без предрассудков, прошедших сквозь огонь и понявших свое назначение.

Я никогда даже не мечтал, что мечта о ней утешит меня.

Пять месяцев я пытался убежать от себя, но я не изменился. Стыд прошел и больше не появлялся. Я справился с этим. Жернов на моей шее потерял вес. Кровосмешение между Хвенит и Квефом казалось такой малостью перед лицом смерти, а наша еще меньше перед лицом вечности. Я снова пошел к Белой горе, и увидел ее пик в оксанае с чувством возвращения домой, которого никогда не испытывал прежде. Затем, как ребенок, я подумал, что может быть она ушла, бросив своих лекторрас, с плохой памятью обо мне, отправилась в путешествие в какой-нибудь маске, которую даже моя Сила не сможет разгадать.

При этом я понял наверняка, что не должен потерять ее, потому что земля не земля, если рядом с тобой нет какого-нибудь источника света, а она была моим светом.

Затем, взглянув вверх, я заметил ее на тропинке между скал надо мной, я не мог больше идти против себя.

Мне ничего не надо было объяснять ей. Она все поняла сама. Ее мудрость и спокойствие останавливали все извинения и объяснения. Там, где она стоит, голубое небо, голубая горная вершина за ней, голубое платье на ней, остававшееся обнаженными ее белые девичьи плечи и тонкие сильные руки. Там, где она стоит, находится конец этого хаоса, горизонт пустыни, за которым открывается другая земля.

Никто не будет мне судьей, кроме нее. Никто другой не знает мою жизнь. Наконец, она моя, и теперь она не отрицает меня, потому что я больше не изгнанник судьбы, которая связывает нас. Я вижу ее стоящей передо мной — и это последний драгоценный камень в круге, в который замкнулся наш путь до того, как мы родились.

Поклоняемся мы им или отрицаем их, в конце концов мы все в руках богов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА

Книга первая

<i>Часть I: Крарл</i>		6
<i>Часть II: Воин</i>		39
<i>Часть III: Белая рысь</i>		79

Книга вторая

<i>Часть I: Желтый город</i>		112
<i>Часть II: Охота на волка</i>		164
<i>Часть III: Остров</i>		202

В ПОИСКАХ БЕЛОЙ ВЕДЬМЫ

Книга первая

<i>Часть I: Великий океан</i>		224
<i>Часть II: Чудотворец</i>		248
<i>Часть III: Малиновый дворец</i>		334
<i>Часть IV: Облако</i>		393

Книга вторая

<i>Часть I: В Пустыне</i>		443
<i>Часть II: Белая гора</i>		489
<i>Часть III: Колдунья</i>		531

ТАНИТ ЛИ

ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА В ПОИСКАХ БЕЛОЙ ВЕДЬМЫ

**Вторая и третья книги
трилогии «Белая ведьма»**

Серия «ORION»

**Переводчики А. Берестова, Н. Губина,
Е. Дворецкая, Е. Покровская
Оформление художника К. Швеца
Макет И. Герасимов, А. Ксендилов
Редактор серии Д. Лобанов
Редакторы Т. Зарубина, В. Волкова
Художественный редактор И. Фаррахов
Технический редактор Н. Лакатош
Корректор О. Юдина**

ЛР № 063132 от 17.11.93.

Подписано в печать 26.03.94. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура Таймс.

Печать офсетная. Печ. л. 17,25. Усл. печ. л. 34,5. Уч.-изд. л. 40,2.

Тираж 20 000 экз. Заказ 746.

ТОО «Издательство Библиополис».

198147, С.-Петербург, Бронницкая ул., 15.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор».

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

#1 «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» БЕСТСЕЛЛЕР

«Лучшее чтение для поклонников Толкиена... далеко превосходящее самую популярную фантастику... Трудно вообразить, что можно написать лучше».

«Эпическая фэнтези, в которую можно погрузиться на дни, а не только на часы».

Voice of Youth Advocates

Тэд Уильямс

Серия «Лига Пергамента»

Книга первая: Трон из костей дракона

Книга вторая: Скала Прощания

Книга третья: Дорога ветров

Книга четвертая: К Башне Зеленого ангела

Впервые на русском языке выходят произведения новой суперзвезды в жанре фэнтези. На западе произведения Тэда Уильямса сравнивают с «Властелином Колец» Толкиена.

Критики в восторге от его романов:

«Всячески рекомендуемый нами Тэд Уильямс опирается на многие мифологические системы как на основу своего фантастического эпоса, создавая превосходную эпопею, одобренную захватывающей политической интригой и наличием сильных привлекательных героев».

«Уильямс начал великолепную, полную привлекательных персонажей и легко читаемую сагу».

Publishers Weekly

ТЭД УИЛЬЯМС

«ТРОН ИЗ КОСТЕЙ ДРАКОНА»

Война, разожженная темными силами чародейства, грозит поглотить мирную землю Остен Арда, ибо Престер Джон, Верховный король, победитель ужасного дракона Шуракаи, при смерти. После его смерти будет освобождено, наконец, Древнее Зло, потому что Король Бурь, бессмертный правитель бессмертных ситхи, хочет вернуть себе потерянное царство, заключив договор с человеком королевской крови. И тогда, принужденный страшным заклятием, ненавистью и ревностью, принц вступит в борьбу с принцем, и страна погибнет, захлебнувшись кровью.

Только маленькая, рассеянная группа — Лига Пергамента — сознает опасность, нависшую над Остен Ардом. И Саймону, слуге из замка, который, сам того не подозревая, стал учеником одного из членов Лиги, предстоит возглавить поиски решения загадки, содержащей единственную надежду на спасение — тайны давно утерянных Мечей Власти... Мы увидим Саймона спасающимся и встречающим опасность лицом к лицу, среди врагов, словно вышедших на свет божий из ночных кошмаров.

«Трон из костей дракона» — первая часть долгожданного нового фантастического эпоса непревзойденного Тэда Уильямса.

Вот что говорят критики об этом романе:

«Уильямс рассказывает о мире драконов и волшебных мечей, юных героев и чародеев, о силах зла, прекрасных принцессах, переодеваниях и тайнах. То, что делает Уильямс, неизмеримо лучше большинства вещей, написанных в этом жанре... Великолепная *fantasy*, приближающаяся к „Властелину Колец“ Толкиена».

The Cincinnati Post

Уважаемые господа!

**Вас приветствует
торгово-издательская фирма «Библиополис»
г. Санкт-Петербург.**

**Издательство предлагает литературу повышенного спроса:
фантастику, зарубежный детектив, приключения,
женский роман, детскую литературу.**

**Сегодня Вы можете у нас приобрести оптом партии книг
и заключить договора на покупку книг до конца 1994 года.**

«Библиополис»

предлагает своим клиентам следующие виды услуг:

- Отправка книг контейнерами в любую точку России.
- Отправка автотранспортом фирмы.

**В нашем магазине Вы можете приобрести книги
в розницу.**

Оплата в любой удобной для Вас форме.

Предоставляем скидку при оптовых закупках.

Ваши интересы определяют нашу работу!

**Приглашаем всех к постоянному
и взаимовыгодному сотрудничеству!**

**По вопросам закупок
обращаться в отдел реализации по адресу:**

г. Санкт-Петербург, ул.Бронницкая, д.17

Тел. 110-15-12 (с 9 до 18 ч. кроме субботы и воскресенья)

Адрес магазина фирмы:

Московский проспект, 41. Тел. 292-71-01

ТАНИТ ЛИ

«ВАЗКОР СЫН ВАЗКОРА»

«Большое, красочное, кровавое эпическое полотно меча и магии, с незабываемой героиней — такой же крутой, как Конан-варвар, но более убедительной».

«Танит Ли, которую называли блистательной суперзвездой в научной фантастике, теперь становится также и самой яркой звездой на небосклоне fantasy».

Baryon